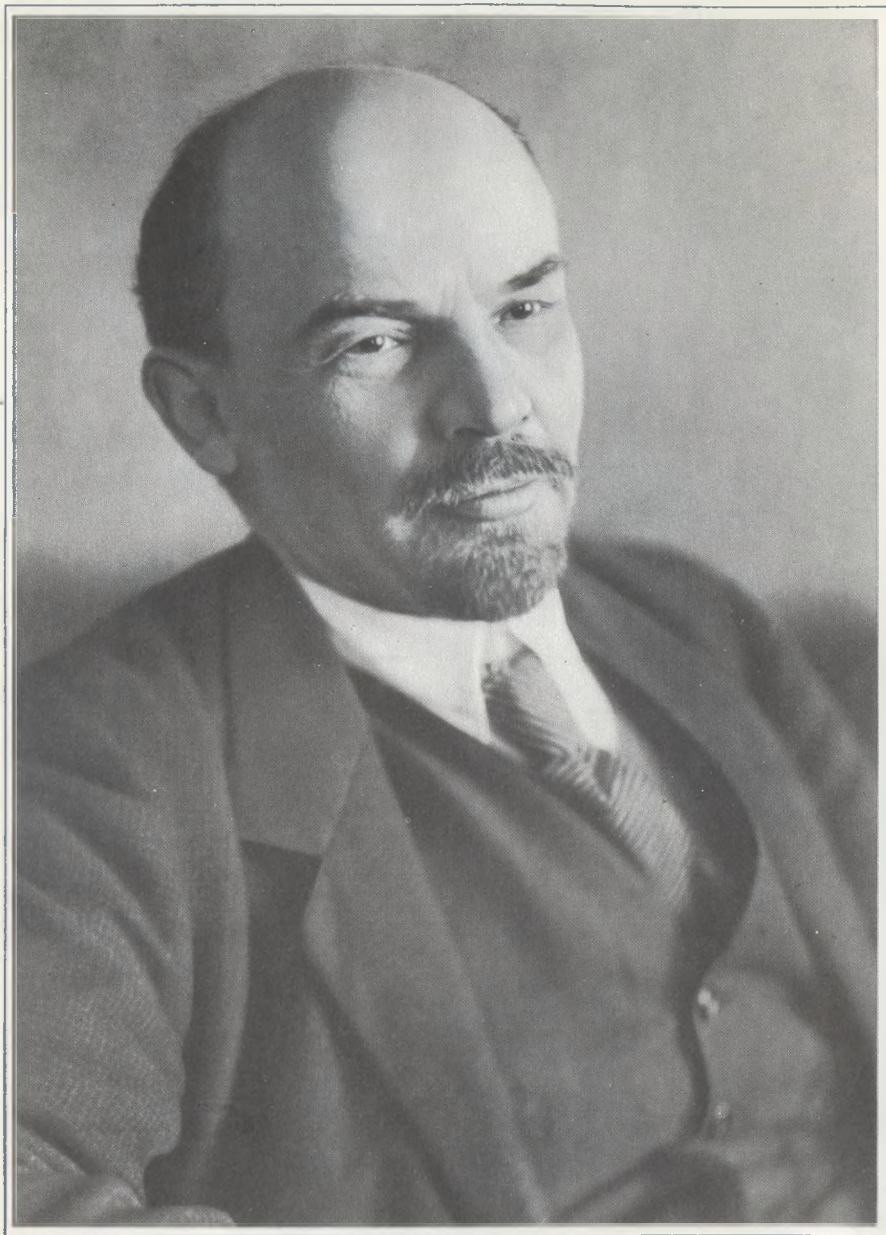

Воспоминания о В.И.ЛЕНИНЕ

ТОМ 3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. Ленин.
Петроград, январь 1918 года.
Фото

Воспоминания о Владимире Ильиче ЛЕНИНЕ

В пяти томах

Издание
второе

том 3

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. Н. ГОЛИКОВ, Г. Д. ОБИЧКИН,

М. Я. ПАНКРАТОВА, Н. В. ТРОПКИН

ПОДГОТОВИТЕЛИ ТРЕТЬЕГО ТОМА:

Г. С. ЖУК, В. С. СЕРГЕЕВА

В77

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т.
/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.
Г. Н. Голиков и др.— 2-е изд. — М.: Политиздат, 1979 —
Т. 3. 1979. 512 с., ил.

В третий том вошли воспоминания современников Владимира Ильича Ленина о его деятельности в период от победы Великой Октябрьской социалистической революции до осени 1920 года. Авторы воспоминаний с большой сердечностью воссоздают незабываемый бес-
смертный образ Ленина.

В $\frac{10103-022}{079(02)-79}$ 83—79 0103020000

13.5
ЗК26.3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третий том вошли воспоминания современников Владимира Ильича Ленина о его деятельности в период от Великой Октябрьской социалистической революции до весны 1920 года.

Участники событий первых лет революции рассказывают о борьбе В. И. Ленина за укрепление диктатуры пролетариата, о его деятельности по защите социалистического Отечества от внутренней и внешней контрреволюции, по восстановлению разрушенного войнами народного хозяйства.

В ходе Великой Октябрьской социалистической революции был сломан старый государственный аппарат — орудие угнетения и порабощения трудящихся. В. Д. Бонч-Бруевич, Н. П. Горбунов, С. Б. Бричкин и другие в своих воспоминаниях рассказывают о неустанной работе Ленина по созданию и совершенствованию нового государственного аппарата, о его неослабном внимании к вопросам управления государством.

В воспоминаниях Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко и других ярко раскрывается роль В. И. Ленина в организации разгрома Керенского и Краснова, предпринявших попытку сразу же после II Всероссийского съезда Советов вырвать власть из рук рабочего класса. В рассказах видных военных деятелей С. С. Каменева, К. Х. Данишевского, М. С. Кедрова В. И. Ленин предстает как глава обороны социалистического Отечества, вдохновитель и организатор победы над интервентами и внутренней контрреволюцией, основоположник советской военной науки. Материалы тома показывают революционный оптимизм Владимира Ильича, его безграничную веру в прочность советского строя, в народные массы, в победу социализма и коммунизма.

В первые годы после Октябрьской революции было положено начало восстановлению народного хозяйства и социалистическому строительству. Мобилизуя все силы на защиту завоеваний революции, партия, В. И. Ленин разрабатывают план преобразования отсталой страны в экономически мощную индустриальную державу. Составной частью этого плана являлась электрификация страны. О том, как много внимания уделял В. И. Ленин строительству первых электростанций, рассказывают известные инженеры и ученые А. В. Виштер, Г. О. Графтио и другие.

В воспоминаниях Н. Нариманова, И. И. Ходоровского нашла отражение деятельность В. И. Ленина по разрешению нацио-

нального вопроса, установлению братского сотрудничества и дружбы между народами Советской России, по интернациональному воспитанию трудящихся.

Большое внимание В. И. Ленин уделял вопросам советской внешней политики, выработке ее основных принципов. В. В. Воровский, Г. В. Чичерин отмечают в своих воспоминаниях, что ни один важный вопрос внешней политики Советского государства не решался без Владимира Ильича. Они характеризуют В. И. Ленина как непревзойденного дипломата. Раскрывая мудрость ленинского руководства внешней политикой, Чичерин подчеркивает, что «его советы... могли служить образцом дипломатического искусства и гибкости».

Во многих воспоминаниях — А. Г. Шлихтера, М. И. Скрышник и других — отражены характерные черты Ленина: его тесная связь с массами, глубокое знание народной жизни, повседневная забота о нуждах и потребностях трудящихся, любовь к людям труда. Авторы пишут о неизменной поддержке Владимиром Ильичем начинаний, направленных на улучшение здравоохранения, жилищного строительства, о великом ленинском гуманизме.

Вызывают большой интерес мемуары А. В. Луначарского, С. Т. Коненкова, И. М. Губкина, И. В. Жолтовского, Н. Ф. Преображенского и других деятелей культуры. Они показывают, какое большое внимание уделял В. И. Ленин идеологической работе партии, развитию науки, созданию советского кино, мультимедийной пропаганде, коммунистическому воспитанию, народному образованию. Ученые делятся воспоминаниями о чутком, заботливом отношении Владимира Ильича к нуждам научных учреждений, о создании необходимых условий для научной работы, о его внимании к новым достижениям науки и техники, отвечающим потребностям социалистического строительства.

Сердечной теплотой наполнены все страницы, посвященные великому вождю и учителю. С большой любовью авторы рассказывают о Владимире Ильиче как человеке огромного душевного обаяния. Подмечая разные стороны его характера, дополняя друг друга, они воссоздают незабываемый бессмертный образ Ленина.

*   *

*

Материалы тома расположены последовательно, в соответствии с основными событиями из жизни и деятельности В. И. Ленина, освещенных в воспоминаниях. Текст сверялся с предшествующими публикациями. Некоторые воспоминания печатаются с сокращениями.

В конце тома помещены краткие биографические сведения об авторах воспоминаний, указатель имен, упоминаемых в тексте, хронологический указатель.

В. И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН

Грозные эпохи исторических переломов рождают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе дорогу и завоевывает право на существование.

Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Подобно какому-то сказочному дереву, пустил он могучие корни глубоко в толщу рабочей массы России, а верхушкой своей упирается в те заоблачные высоты, где нагромождены научные и культурные ценности, собранные человечеством в течение тысячелетий. К ужасу жрецов и хранителей этих ценностей тащит он их непочтительно и бесцеремонно вниз, к питающим его корням массам, а в обмен — к еще большему ужасу этих священнослужителей — бросает в их тихие лазурные высоты дерзкие и властные требования пролетариата.

Не удивительно, что имя его стало символом освобождения рабочего класса — не только России, не только Европы, но всего мира; не удивительно, что миллионы взоров, мыслей, чувств трудящихся земного шара стремятся в тот уголок Кремля, где эти мысли и чувства миллионов таинственно претворяются умом и волею одного человека в боевые лозунги масс, в путеводные звезды мощных движений.

Какая же сила таится в этом одном избраннике и как должны ценить и любить его те, кто признал в нем своего надежного вождя!

Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче — служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам.

У Владимира Ильича большой *теоретический* ум. Главное то, что теория для него никогда не представляла самодовлеющей целостности, как для профессионалов-ученых. Он всегда смотрел на нее, как на способ познания того мира, в котором живет пролетариат, с которым он борется и который стремится перестроить. И в этой тесной связи теоретической мысли с практическими задачами могучего революционного класса и создается та особая острота и меткость мысли Ленина, которая позволяет ему из всякого, с виду самого отвлеченного, положения выковать боевое оружие и поражать им противника. Здесь сказывается та скрытая духовная связь, которая существует между классом и его идеологом и благодаря которой идеолог молодого, восходящего, революционного класса имеет в нем бесконечный источник духовного творчества.

Благодаря этому практическому, глубоко жизненному характеру теоретического мышления Ленина, благодаря этой духовной связи с массой он обладает удивительным даром политического предвидения, то есть способностью намечать линию исторического развития на ближайшее время, определять перспективы движения, заглядывать вперед в «неисповедимые судьбы» будущего. Как сторожевой, стоящий на вышке, он издали замечает приближающиеся события и предупреждает о них своих соратников.

Естественно, что при этом даре исторического предвидения и при глубоком чутье того, чем живет и что думает масса, Владимир Ильич является блестящим политиком-практиком. Он большой мастер схватывать потребности момента в форме какого-нибудь ясного лозунга, бросать в массы простые, понятные задания, которые идут навстречу назревшей сегодняшней нужде. Как опытный кормчий быстрыми, ловкими движениями руля ведет корабль по опасному, усеянному рифами фарватеру, так он этими практическими лозунгами и заданиями руководит стихийным движением масс, зорко наблюдая за тем, как массы отзываются на эти меры и в какой степени отдельные фазы движения соответствуют общим тенденциям и целям. И как только какой-нибудь лозунг не оправдал ожиданий или исполнил свою задачу, кормчий так же быстро и умело делает новый поворот руля, бросает новый лозунг, толкая мысль и волю масс под другим углом. И эти смелые повороты руля бывают иногда так неожиданными, что даже близкие соратники Ленина стоят озадаченные, не зная, следует ли хлопать или протестовать. К счастью для нас, действительность разбивала всякие сомнения.

Можно подумать, что Владимир Ильич — деспот, схвативший в свои руки рулевое колесо и ни с кем не считающийся. Такое мнение было бы в корне ошибочным. Среди баловней судьбы, которым история давала такую громадную власть не только над людьми, но и — что в тысячу раз важнее — над сердцами людей,

не было еще ни одного, который так высоко ставил бы человека в государственной машине. На других людей он смотрит, как на себя: это бывает иногда людям не под силу, ибо он нередко переоценивает их, приписывает им такие же исполинские силы, какими обладает сам, и им горько, что они не могут оправдать его ожиданий. Но он никогда не примет решения, никогда не предпримет шага, пока не убедится, что это не просто его личное мнение, а выражение мнений многих из его соратников. Окружающие его и встречающиеся с ним часто даже не подозревают, как много их коллективных переживаний, их опыта в мыслях и решениях Владимира Ильича. И это умение собирать в себе, как в фокусе вогнутого зеркала, опыт и знания многих и многих и претворять их в своей богатой умственной лаборатории в общие идеи и общие лозунги и составляет его редкую способность.

Но не является ли он в силу этих качеств сухим, тощим политиком, для которого живые люди лишь марионетки или шахматы? И этого нет. Владимир Ильич любит людей, с которыми работает и борется за общие интересы. Он проявляет много нежности и заботливости о них, той мужской нежности, которая избегает сладких слов и внешних знаков. Но и здесь он верен себе: как только человек покидает свой пост, как только он дезертирует из рядов борцов, он не существует больше для Ленина. Борьба за дело пролетариата в рядах Коммунистической партии — вот то основное, что определяет отношение Ленина к человеку, это та «истина», которая для него выше «друга Платона». И здесь мы вплотную подходим к той основной черте личной этики, которая так характерна и так привлекательна в Ленине. У него нет общего и частного, нет общественной жизни и личной жизни. Он и в этом выкован из одной глыбы. В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности. Здесь нет места внутренним противоречиям, трагедиям, компромиссам — всему тому наследию мещанства, которое разбило не одну жизнь интеллигента-революционера. И эта цельность ставит Ленина на ту нравственную высоту, до которой даже клевета врагов бессильна подняться.

Дать характеристику Ленина — это значит писать и писать целые тома, ибо так много можно и хочется сказать об этом столь простом и цельном и в то же время столь разнообразном и сложном человеке. Но сейчас¹ довлеет желание высказать в нескольких строках те чувства преклонения перед величием человека и чувства нежности к товарищу и соратнику, которые испытываем мы все, работавшие и работающие вместе с ним в рядах Коммунистической партии.

Октябрь, 1963, № 1, с. 6—8

¹ Статья написана в апреле 1920 года в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина. *Ред.*

НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

II Всероссийский Съезд Советов — важная веха в истории Советского государства. Этот съезд рабочих и солдатских депутатов с участием представителей крестьянских Советов принял из рук Военно-революционного комитета завоеванную пролетариатом власть, утвердил важнейшие декреты, сформировал первое в мире рабоче-крестьянское правительство.

Я был делегатом съезда от Ржевского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во Ржеве я служил тогда прапорщиком в запасном полку, там вступил в большевистскую партию, участвовал в борьбе за победу Советов в городе. Сейчас живо представляю себе события бурных дней Октября. Помню и ход работы II съезда Советов.

Съезд был созван вопреки желанию эсеров-меньшевистского руководства ВЦИКа, под давлением местных Советов и революционных армейских организаций. Делегаты начали съезжаться в Петроград еще 15—18 октября, так как открытие съезда ожидалось 20 октября. Из 318 провинциальных Советов, представленных на съезде, 241 безоговорочно поддерживал лозунг «Вся власть Советам!». Большевиков среди делегатов было 390 человек из 650¹ прибывших к началу работы съезда. Состав делегатов наглядно продемонстрировал возросшее влияние большевиков в массах, падение доверия народа к соглашательским партиям.

Открылся съезд в 10 часов 45 минут вечера 25 октября. Залитый огнями люстр белый колонный зал Смольного был полон людей: многие толпились в дверях и проходах, некоторые взобрались на выступы колонн, на подоконники.

Толстый лысоватый человек в форме военного врача зазвонил в колокольчик, требуя внимания. Это был меньшевик Дав. Он начал вступительную речь. Говорил крикливо и нудно. Слушая его, думалось, что меньшевики и их неразлучные спутники — правые эсеры затем только и пришли на съезд, чтобы окончательно раскрыть перед восставшими рабочими и крестьянами свое контрреволюционное лицо. С первого же момента они открыто поддерживали контрреволюцию, гнездо которой — Зимний дворец — рабочие, солдаты и моряки брали в этот момент штурмом.

---

¹ К моменту открытия на съезде присутствовало 649 делегатов. *Ред.*

«Я,— говорил Дан,— являюсь членом Президиума Центрального Исполнительного Комитета, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров».

А министры Временного правительства, о которых так пекся Дан, вызывали в это время в Питер войска с фронта для подавления революции. Керенского они послали за казачьими частями, а кадета Кишкина назначили «диктатором», вручив ему всю полноту несуществующей власти.

Накопец Дан объявил заседание съезда открытым и предложил приступить к выборам президиума.

Тов. Аванесов от имени большевиков внес предложение избрать президиум на основе пропорционального представительства всех фракций, присутствующих на съезде. Представителями большевиков в президиуме были Ленин, Луначарский, Ногин, Стучка, Коллонтай и другие. Однако меньшевики и правые эсеры, саботируя работу съезда, отказались выдвинуть своих представителей.

Председательствующий огласил порядок съезда, намеченный еще старым ЦИКом: об организации власти, о войне и мире, об Учредительном собрании.

На трибуне появляется лидер меньшевиков Мартов. Истеричным, хриплым голосом он начал всячески поносить большевиков, называя революционные действия пролетариата «тайным заговором» и предлагая восставшим рабочим и солдатам образумиться, пока еще не поздно. Он призывал делегатов пойти на улицы Петрограда и уговорить восставших разойтись по домам.

Задыхаясь от бешеной злобы, требует слова меньшевик Хараш. Меньшевики и эсеры, заявил этот человек с капитанскими погонами на плечах, считают необходимым отмежеваться от всего, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захвата власти.

Потом взял слово меньшевик офицер Кучин. Он говорил якобы от имени армейских комитетов нескольких армий. Кучин ратовал за мобилизацию сил против революции, угрожал съезду тем, что с фронта придут в Петроград армии и не оставят от города камня на камне. Из всех своих карманов, как семечками, сыпал резолюциями армейских комитетов, полными угроз большевикам.

Зал насторожился. Вдруг все это правда? И тут тишину нарушил громкий голос солдата-фронтовика, торопливо пробиравшегося к трибуне.

— Здесь выступали два офицера,— начал он.— Они говорили не от имени солдат, а излагали мнение кучек, заседавших в армейских и фронтовых комитетах. Армия давно требует пере выборов этих комитетов. Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов.

Выступает еще ряд солдат. Все они гневно протестуют против безответственных выступлений Кучина и Хараша — типичных представителей армейских комитетов, избранных еще в марте — апреле, правильно расценивая этих комитетчиков как агентов Главного штаба, в котором засели контрреволюционеры. Возмущенные их наглостью, солдаты-ораторы говорили: «Они не представляют солдат. Пусть уходят — армия не с ними».

Появляющиеся один за другим на трибуне лидеры меньшевиков и эсеров читают декларации, полные злобы на социалистическую революцию, на большевиков. Но видя, что их не поддерживают, меньшевики, эсеры, бундовцы покинули съезд.

Когда главари соглашательских партий пробрались от стола президиума через весь зал к выходу, вслед им раздавались свист, возгласы «Дезертиры! Предатели! Скатертью дорога!».

В ответ на уход меньшевиков и эсеров съезд принял большевистскую резолюцию, в которой говорилось: «Второй Всероссийский съезд Советов констатирует: уход со съезда делегатов меньшевиков и с.р. представляет собой бесцельную и преступную попытку сорвать полномочное Всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию от натиска контрреволюции». Далее в резолюции подчеркивалось, что уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию. Заканчивалась резолюция словами: «Да здравствует победоносное восстание солдат, рабочих и крестьян!».

После короткого перерыва заседание съезда возобновилось. Из президиума сообщили: пала последняя твердыня контрреволюции — Зимний дворец. Министры Временного правительства во главе с «диктатором» Кишкиным арестованы Красной гвардией.

Одно за другим под горячие аплодисменты делегатов съезд заслушивал сообщения о победах социалистической революции, о переходе все новых и новых частей и кораблей на сторону восставшего народа.

На трибуне А. В. Луначарский. Он огласил написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!»¹. В наступившей тишине слышалось: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончилась. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 11—12. *Ред.*

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано...

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок». Ленинское воззвание заканчивалось призывом к бдительности и стойкости в борьбе с врагом.

Как только умолк голос Луначарского, зал разразился громом аплодисментов. Делегаты ликовали.

Первое заседание II съезда Советов закрылось в 6 часов утра. Мы выходили из Смольного, когда брезжил рассвет. Начинаясь день, первый день новой, свободной жизни.

Второе заседание съезда открылось в 9 часов вечера 26 октября. На этом заседании присутствовал и В. И. Ленин — любимый вождь трудящихся нашей страны, всего мирового пролетариата. Оvation встретили делегаты появление Владимира Ильича в президиуме съезда.

На этом заседании были приняты решения огромной исторической важности. Первым делом съезд принял постановление об отмене смертной казни, введенной на фронте Керенским, и о немедленном освобождении всех арестованных Временным правительством солдат и офицеров — революционеров.

Но вот слово по вопросу о мире предоставляется В. И. Ленину. Трудно описать, что делалось в те минуты в зале заседания съезда. Люди вскочили со своих мест, горячо и долго аплодировали вождю революции, невысокая фигура которого с большим открытым лбом и зоркими умными глазами возвышалась над трибуной.

Смущенный всем этим, Ленин вынул часы из жилетного кармана, показывая, что время дорого. Наконец овации стихли, и Владимир Ильич получил возможность говорить.

— Вопрос о мире, — сказал он, — есть жгучий вопрос, большой вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, немало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство.

И Ленин стал читать написанное им обращение к народам и правительствам всех воюющих стран, известное как Декрет о мире¹. Содержание обращения здесь нет нужды повторять. Хочется сказать о том огромном впечатлении, которое произвело оно на делегатов. Каждое слово Ленина делегаты ловили буквально на лету. Простые, доходчивые слова этого документа отвечали сокровенным чаяниям и надеждам миллионов людей.

Зачитав обращение, Ленин предложил съезду ратифицировать его.

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13—18. *Ред.*

Начались прения. В. И. Ленин внимательно слушал выступавших. Все ораторы одобряли декларацию. При этом некоторые товарищи даже требовали больше того, о чем в ней говорилось. Так, один из делегатов заявил, что он будет голосовать за декларацию, но при одном условии: если из нее будут выброшены слова о том, что мы будем рассматривать всякие условия мира. «Это даст повод, — утверждал он, — думать, что мы слабы. Наше требование о мире без аннексий и контрибуций должно быть ультимативным».

В. И. Ленин в заключительном слове¹ убедительно показал, почему нельзя делать этого. Он говорил, что ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не должны требовать того, что дало бы империалистическим правительствам возможность сказать, что нельзя было вступить с нами в переговоры о мире из-за нашей непримиримости. Мысль Ленина стала ясна всем.

Во время прений кто-то заявил, что не следует в декларации говорить об усталости страны и армии. Владимир Ильич разъяснил и этот вопрос. Нам нечего бояться, подчеркнул он, сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Здесь он сослался на Италию и Германию.

Было 20 минут одиннадцатого, когда президиум поставил декларацию о мире на голосование. Она была принята единогласно. После голосования все делегаты встали и запели «Интернационал». Я никогда не слышал такого вдохновенного пения пролетарского гимна.

Затем съезд перешел к обсуждению декрета о земле.

Аграрный вопрос был в России самым острым и злободневным. Ни в одной другой капиталистической стране крестьянство так не страдало от безземелья, не переживало такого разорения, таких унижений, как в России. Заветной мечтой крестьянина было получить землю.

В. И. Ленин, как никто, всесторонне изучил аграрный вопрос, создал стройную аграрную программу нашей партии.

Доклад на съезде по вопросу о земле Ленин начал словами: «Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно; чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, второй, Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию»².

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 19—22. *Ред.*

² См. там же, с. 23. *Ред.*

При огромном внимании зала Владимир Ильич зачитал Декрет о земле. В основу его был положен общекрестьянский наказ, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Согласно декрету помещичья собственность на землю отменялась немедленно без всякого выкупа. Крестьянство получало более 150 миллионов десятин земель, находившихся до этого в руках помещиков, церквей, монастырей. Крестьяне освобождались от ежегодных арендных платежей помещикам в сумме около 500 миллионов рублей золотом. Все недра земли отныне переходили в собственность народа.

Слушая декрет пункт за пунктом, делегаты, особенно из крестьян, ликовали. Сбылась наконец извечная мечта крестьянина о земле! Я переживал двойную радость: в последнем пункте декрета было учтено мое дополнение, внесенное при обсуждении проекта декрета на большевистской фракции. Речь идет о последней строке декрета: «Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется».

После доклада Ленина выступили несколько ораторов. Большое впечатление произвела на всех речь крестьянина нашего Ржевского уезда К. Г. Жигунова. Он говорил, что привез низкий поклон Владимиру Ильичу Ленину и съезду Советов. От имени своих выборщиков-крестьян Жигунов требовал ареста этих краснобаев авксентьевых и черновых, которые предавали интересы крестьян. Он заявил, что в Исполнительном комитете крестьянского Совета засели не крестьянские представители, а кадеты, которые далеки от интересов народа и место им в тюрьме. В заключение Жигунов еще раз поблагодарил от имени крестьян В. И. Ленина как самого стойкого защитника крестьянской бедноты. Речь моего земляка делегаты съезда покрыли шумными аплодисментами.

Съезд принял декрет об образовании рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров. При единодушном одобрении Председателем Совета Народных Комиссаров был утвержден Владимир Ильич Ленин.

Было раннее утро 27 октября, когда мы, делегаты съезда, покидали Смольный. Каждый из нас получил газеты и листовки с декретами, принятыми съездом. Мы спешили на вокзал, чтобы быстрее попасть домой и, засучив рукава, взяться за укрепление только что родившейся Советской власти.

С тех пор прошло сорок лет. За это время наша Родина стала неузнаваемой, превратилась в могучую социалистическую державу. Приятно и радостно сознавать, что цели, за которые мы боролись в октябрьские дни, теперь осуществлены нашим народом под руководством героической ленинской партии.

И. И. ПОДВОЙСКИЙ

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования и разрозненность в деле руководства операциями сводили на нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности и на плечах наших отступающих войск ворваться в столицу. Командующий, тов. Антонов, утомленный и подавленный, еле давал себе отчет в событиях.

В этот тяжелый момент на сцену выступил тов. Ленин.

26 октября 1917 года мы приступили к сбору и отправке на фронт солдатских и красногвардейских полков. Смольный был буквально превращен в лагерь, где наспех формировались из присланных рабочих части. Тут же обмундировывались и вооружались, правильнее сказать, облачались в шинели, снабжались патронташами, сумками, патронами. Многие из рабочих впервые становились в строй и брали ружье.

С фронта мы получали скудные вести. Было известно, что головной отряд тов. Чудновского не смог выполнить данную ему задачу.

Тов. Антонов отправился на фронт и возвратился подавленный беспорядком и неразберихой. Было собрано несколько наших большевистских офицеров и солдат, и мы принялись обсуждать наше весьма критическое положение. Для врага ничего не стоило при нашей разобщенности и ненадежности командования раздавить нас самыми незначительными силами и средп паники, которая была бы принесена отступавшими отрядами, провозвести в Петербурге контрреволюционный переворот.

Тов. Ленин, с исключительным напряжением следивший за наступлением Керенского и за ходом восстания белогвардейцев, очевидно, самым реальным образом учел наше критическое по-

ложение на позициях. Неожиданно для нас он явился в штаб округа со Сталиным и Троцким. Он вызвал меня, Антонова и Мехоношина и потребовал, чтобы мы сделали ему подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

На мой вопрос, что означает этот приезд — недоверие к нам или что другое, тов. Ленин просто, но твердо ответил:

— Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти.

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас сильная, твердая рабочая власть. Тут я понял, что я — ответственный перед рабочими и крестьянами агент власти, а не просто работник, что я сам, составляя частицу аппарата диктатуры, подчинен власти пролетариата, в каждом шаге своем я несу величайшую ответственность перед общей диктатурой пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров.

Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Тов. Ленин впился в карту. С остротой самого глубокого и внимательного оператора-стратега и полководца он затребовал объяснений, почему этот пункт не охраняется, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не разработана такая-то позиция, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий анализ показал нам, что мы действительно допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовал момент. Мы шли за массами, но ничего не сделали, чтобы быть их вождями и полководцами...

После краткого перерыва и обмена мнениями с товарищами по штабу я направился к тов. Ленину и заявил, что берусь устранить тяжелое положение на фронте и надеюсь, что мне удастся собрать силы красного Петербурга. Часов в двенадцать следующего дня тов. Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий.

Сев на организационного конька, тов. Ленин через каждые пять — десять минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давал непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела. Но тов. Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, перешительно, неэнергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций заводов и информировался у них о состоя-

нии вооружения рабочих, о технических средствах, о том, что можно вообще получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен. Тут появились приказы — путиловцам бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, везти на позиции блиндажи¹. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе 40 готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

Я несколько раз в течение трех — пяти часов сцеплялся с тов. Лениным, протестуя против его «рваческой» работы. Протесты мои как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности создалось два штаба: в кабинете Ленина и моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как тов. Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще тов. Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации «всех и вся» для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы тов. Ленин освободил меня от работы по командованию.

Тов. Ленин вскипел, как никогда:

— Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать.

Только на следующий день оценил я все значение параллельной работы Ленина. Я особенно понял ценность ее после того, как проанализировал результаты созданного им совещания из представителей рабочих организаций, районных Советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей. На этом совещании он приказал быть и мне.

Здесь я понял, в чем заключается сила тов. Ленина: в чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил и средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирались и бросали силы случайно, непланомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий, а отсюда — расплывчатость в построении масс и отсутствие активности, инициативы и решимости.

*О Ленине. Сборник воспоминаний.
Кн. I. Предисл. и ред. Н. Л. Мещерякова. 2-е изд. М., Госиздат,
1925, с. 120—123*

---

¹ Блиндажные бабки. Ред.

ЗА РАБОТОЙ

(НАБЕГ КРАСНОВА)

— ...Ну, как у вас? Что нового?

Я подробно докладываю Ленину о положении на фронте. У Керенского сил немного. Казачья дивизия генерала Краснова. Пехоты незаметно. По слухам, ударники движутся через станцию Дно. С Юго-Западного фронта Керенским снята дивизия пехоты, но задержана в пути. На Северном фронте латыши и сибирияки разогнали соглашательские комитеты, обещают поддержку. Из Финляндии к нам прибыл сводный отряд моряков — тысячи полторы. Отборный народ. Выборжцы обещают отряд с артиллерией. Им удалось удержать на месте кубанскую казачью дивизию. Против Керенского уже действуют рабочая гвардия, моряки, у Пулкова — стрелки, остальные несут караулы, казак-донцы 1, 4 и 14-го полков сидят в казармах под неусыпным наблюдением. Наш правый фланг вполне прочен. Центр закреплен, Керенский угрожает Царскому Селу, Павловску, Пулкову. Угроза серьезна, ибо у нас слабо с артиллерией. У казаков артиллерия превосходна. Действует с ними также сильный бронепоезд. Путиловцы обещали изготовить бронешахматку с зенитными орудиями, да что-то все их нет.

Ленин выражает нетерпение.

— А вы уверены, что выполнят?

— Они делают все, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

— Смотрите!

— Хотите лично убедиться, — предлагаю я, — можно съездить и подтолкнуть заодно.

Легко соглашается.

...Пронизывает до костей эта питерская предзимняя сырость. В открытом автомобиле Ильич почти совсем замерз, когда наконец мы подкатили к Путиловскому заводу. Завод освещен и гудит путряным трудовым гулом. Пробираемся дворами в помещении фабрично-заводского комитета.

Вздохмаченные, вымаранные, усталые, но деловые фигуры. Как-то не удивились нашему появлению. Как-то мало задержались вниманием на личности глубокопочтительного рабочего вождя. «Товарищ Ленин»... И опять в дело с головою. Некогда... Толково разъясняют, что делается и в чем задержка. Да, за пару дней паворочено столько, сколько за две недели раньше не вырабатывали.

...Мы молчим дорогой, возвращаясь в Смольный. Ильич успокоен. Я думаю, думаю об этой силе, массовой, рабочей, солидарной. Свои они дело делают, кровное. Их подгоняет путряная страсть, великое самосознание класса, вставшего на борьбу. С такой силой все выдержим. Да, выдержим! — хочется мне, ликуя, крикнуть.

У Нарвских ворот — заставы красногвардейцев. Всюду их патрули бдительные, неустойчивые. В жалких пальтишках в чертову стужу, но бодрые и уверенные... Что же с такой силой смогут поделаться дикие казаки — последняя ставка Керенского! Но как она еще неуклюжа и грузна — эта силушка! Эти доморощенные батареи, передвигаемые вручную. Этот бронепоезд путиловцев, насквозь пробиваемый пулями, но до краев насыщенный энтузиазмом. И все же сломлена сила казачья мужеством питерских рабочих, матросов-балтийцев, атаковавших на «ура» бронечерепаху Керенского (сколько их полегло под Гатчиной, под Пулковом — родных, безымянных). Казаки разбиты, Краснов в плену, Керенский сбежал. Юнкера разоружены...

Революция победила в Питере. Революция побеждает в России. Революция победит во всем мире!

В. И. ЛЕНИН — ВОЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Свержением Временного правительства, взятием Зимнего дворца и арестом министров правительства Керенского борьба не окончилась. Она лишь вступила в новую фазу.

Не была исключена возможность, что Керенский с помощью контрреволюционной ставки верховного главнокомандующего в Могилеве откроет Северный фронт и пропустит кайзеровские войска на Петроград. Нельзя было также исключить и то, что Керенский попытается поднять юнкеров в Петрограде против Советской власти.

Вооруженное восстание в Москве еще не было завершено, и уличные бои во второй столице носили ожесточенный характер.

Такова была обстановка в первые дни после установления Советской власти.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин не только повседневно контролировал всю военную деятельность петроградского ВРК, но и лично вызывал к себе военных работников на совещания для выработки мероприятий по обороне Петрограда и направлял их на тот или другой участок для защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Приведу несколько фактов деятельности В. И. Ленина, которые хорошо помню, так как лично принимал участие в событиях тех дней.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБОРОНЕ ПЕТРОГРАДА

27 октября вечером в Смольном, в кабинете Владимира Ильича Ленина, состоялось совещание с участием офицеров пехоты, артиллерии и моряков для обсуждения представленного революционным командованием Петроградского военного округа плана обороны Петрограда. Это совещание под председательством В. И. Ленина продолжалось ночью с 27 на 28 октября

в штабе округа. Проект плана обороны столицы с суши не вызывал возражений и был утвержден В. И. Лениным. Не повезло проекту плана обороны Петрограда с моря. Владимир Ильич внимательно прочитал этот проект и спросил у присутствовавших на совещании моряков о дальности полета снарядов из орудий на военных кораблях, защищавших подступы к столице с моря. Моряки сообщили эти данные. Владимир Ильич взял циркуль, произвел измерения по карте и указал морякам, что при предложенной ими расстановке военных кораблей некоторые пункты нашей обороны при нападении неприятеля с моря окажутся недостаточно защищенными артиллерийским огнем. Владимир Ильич показал, куда, по его мнению, следует передвинуть наши военные корабли, чтобы они вместе с береговой артиллерией могли взять под перекрестный артиллерийский огонь неприятельские суда. Моряки были поражены замечаниями Владимира Ильича и признали свою ошибку. Поправки Владимира Ильича были внесены в план морской обороны Петрограда.

Вооруженное восстание московских рабочих и верных революции солдат Московского гарнизона, как известно, протекало в более сложной обстановке, чем в Петрограде. В помощь москвичам Владимир Ильич Ленин предложил отправить из Петрограда большой отряд моряков с артиллерией, пулеметными командами и бронепоездом. Готового бронепоезда не было. Владимир Ильич поручил Путиловскому заводу срочно достроить один из бронепоездов для отправки его в Москву. Этому же заводу ранее было дано задание достроить бронепоезд для отрядов, действовавших на Пулковских высотах под Петроградом против контрреволюционных войск Керенского и Краснова. Путиловцы не выдержали срок, строго установленный Лениным. Владимир Ильич отправился на завод лично, чтобы на месте проверить положение дел и ускорить выпуск бронепоездов. Это было в ночь с 28 на 29 октября.

Завком путиловцев обещал Владимиру Ильичу вместо бронепоезда для пулковских отрядов 29 октября оборудовать полуоткрытые бронеплатформы для артиллерийских орудий и бронеплощадки под артиллерийские снаряды при тяге обычного паровоза. Что же касается бронепоезда для отправки в помощь москвичам, то завком обещал достроить его только через несколько дней. Бронеплатформы и бронеплощадки для артиллерийских орудий и снарядов действительно были готовы вечером 29 октября и утром 30 октября были уже на Пулковских высотах. Так как боевая помощь требовалась москвичам срочно, 29 октября из Петрограда отправили 500 кронштадтских матросов, вооруженных винтовками и пулеметами, но без бронепоезда. Отряд прибыл в Москву вечером 30 октября¹.

¹ См. Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы. М. «Московский рабочий», 1957, с. 441. *Ред.*

Наступление войск Керенского и генерала Краснова на Петроград началось 27 октября. В этот день после боя они заняли Гатчину, а 28 октября — Царское Село. В ночь с 28 на 29 октября юнкера Владимирского и Павловского военных училищ выступили с оружием в руках против Советской власти.

Владимир Ильич Ленин, став Председателем Совета Народных Комиссаров, продолжал руководить Петроградским военпореволюционным комитетом, давал указания штабу о военных операциях. Мятеж был ликвидирован днем 29 октября.

Одной из характернейших черт Владимира Ильича была его большая гуманность, проявлявшаяся, в частности, и в отношении поверженного врага. Дав указание быстро и решительно ликвидировать мятеж юнкеров, Владимир Ильич обратил наше внимание на то, что следует немедленно пресекать возможные попытки самосуда над побежденными мятежниками.

— Если юнкера прекратят сопротивление, — сказал он, — то сохраните им жизнь.

Юнкера-мятежники, сложившие оружие, были арестованы, и никаких эксцессов по отношению к ним не было допущено.

29 октября, вечером, после ликвидации мятежа, я был вызван к В. И. Ленину в Смольный.

Направляясь к приемной В. И. Ленина, я встретил знакомого подпоручика Я. Х. Эглита, большевика, который рассказал мне следующее: для ликвидации наступления на Петроград контрреволюционных войск Керенского и Краснова В. И. Ленин дал указание использовать надежные революционные латышские национальные стрелковые полки, которые были расположены на Северном фронте, для удара по контрреволюционным войскам с тыла. Командование решило использовать два латышских стрелковых полка, для чего 29 октября с одобрения В. И. Ленина Я. Х. Эглит был направлен на Северный фронт в качестве чрезвычайного комиссара этих полков.

Когда я вошел в кабинет В. И. Ленина, там находился Н. И. Подвойский. Владимир Ильич сообщил, что операции против войск Керенского и генерала Краснова на Пулковских высотах и на других подступах к Петрограду замедлились. Я получил задание: срочно выяснить причины этого замедления (в частности, замедления действий Пулковского отряда, который действовал на решающем участке фронта) и сообщить Ленину, какие срочные меры необходимо принять. Владимир Ильич отдал распоряжение Н. И. Подвойскому выдать мне мандат комиссара штаба Пулковского отряда¹.

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 146, оп. 1, ед. хр. 127, л. 114, а также Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 73, л. 181. *М.Т.-А.*

Я выехал немедленно в Пулковский отряд (его составляли моряки, Красная гвардия и полки Петроградского гарнизона) и установил, что там недостаточно пулеметов, орудий и боеприпасов. Мало того, подполковник Муравьев, назначенный командующим войсками Петроградского военного округа, левый эсер, посылал снаряды, не соответствовавшие калибрам артиллерийских орудий. Снабжение продовольствием не было налажено. Действовавшие на Пулковских высотах подразделения почти голодали.

Рано утром следующего дня, то есть 30 октября, на рассвете, я вернулся в Петроград и доложил Владимиру Ильичу, который еще бодрствовал, о том, что обнаружил на Пулковских высотах. Владимир Ильич дал распоряжение срочно направить туда артиллерийские батареи, дополнительные пулеметные команды, обеспечить орудия боеприпасами соответствующих калибров, послать большое количество патронов в обоймах для винтовок. Снабжение отряда продовольствием Владимир Ильич поручил, насколько мне помнится, Д. З. Мануйльскому. При этом Владимир Ильич дал указание помимо сухих продуктов отправить на Пулковские высоты походные кухни, заложив в котлы мясо и другие продукты, с тем чтобы к моменту прибытия их на позиции для бойцов была готова горячая пища.

Все распоряжения Владимира Ильича были выполнены. В результате уже к полудню наши войска на Пулковских высотах были обеспечены в достаточной мере необходимым оружием и боеприпасами, а бойцы накормлены. В два часа дня началась вражеская артиллерийская канонада, а вслед за нею противник перешел в наступление. Наши войска, отбив атаки войск Керенского и Краснова, перешли в контрнаступление и вскоре ликвидировали силы контрреволюции на подступах к Петрограду.

СОЗДАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

9 ноября В. И. Ленин сообщил нам, что генерал Духонин, исполнявший тогда обязанности верховного главнокомандующего, отказался подчиняться Советскому правительству. Мы получили задание взять ставку генерала Духонина в Могилеве. На должность Верховного главнокомандующего был назначен Н. В. Крыленко.

Для взятия ставки Владимир Ильич предложил следующий план: с севера из Петрограда через Оршу должен был выступить отряд под командованием Н. В. Крыленко, а с юга через станцию Жлобин должны были двинуться отряды Западного фронта. Для

организации отрядов Западного фронта и руководства их операциями против ставки Ленин направил меня¹.

Владимир Ильич дал мне указание приложить максимум усилий для нейтрализации гарнизона Могилева, с тем чтобы при взятии ставки было как можно меньше кровопролития. В частности, с этой целью Владимир Ильич посоветовал послать нелегально проверенных солдат-агитаторов в войсковые части могилевского гарнизона с заданием рассказать солдатам о свержении Временного правительства, об образовании рабоче-крестьянского правительства под руководством большевиков, о Декретах о мире, о земле, а также о других мероприятиях Советской власти.

В. И. Ленин заметил тогда же план наших дальнейших действий на фронтах после взятия ставки генерала Духонина. Он предложил П. В. Крыленко начать подготовку демобилизации старой армии, постепенно эвакуировать в глубокий тыл материальную часть: запасы оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия — для будущей Красной Армии. Что же касается организации борьбы с контрреволюционными выступлениями внутри страны, то Владимир Ильич предложил создать Революционный полевой штаб по борьбе с контрреволюцией, подчинив этот штаб народному комиссару по внутренней обороне В. А. Антонову-Овсенко.

По мысли В. И. Ленина Революционный полевой штаб должен был формировать из наиболее сознательных солдат демобилизуемой старой армии добровольческие революционные полки, которые совместно с красногвардейскими отрядами, созданными в промышленных центрах страны, с моряками Балтийского флота, а также с революционными полками старой армии, перешедшими на сторону Советской власти, должны были составить, в частности, на первом этапе существования Советской республики наши основные вооруженные силы в борьбе против контрреволюционных выступлений.

Ленинский план взятия ставки в Могилеве и указания В. И. Ленина, данные в связи с реализацией этого плана, были точно выполнены. Основные части гарнизона Могилева были нейтрализованы. 20 ноября 1917 года наши войска взяли Могилев и ставку бывшего верховного главнокомандующего генерала Духонина.

23 ноября 1917 года во исполнение указания В. И. Ленина был создан Революционный полевой штаб по борьбе с контрреволюцией с местонахождением в Могилеве при ставке в составе М. К. Тер-Арутюнянца (начальник штаба), подполковника В. В. Каменщикова и других. 13 декабря состав Полевого штаба пополнился полковником И. И. Вацетисом (начальник оперативного отдела), Турчаном (начальник административного отдела) и другими.

¹ ЦНА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 146, оп. 1, ед. хр. 127, л. 114. М.Т.-А.

Вскоре после создания Революционного полевого штаба в Могилев прибыл В. А. Антонов-Овсеенко и заявил нам, что он остается главкомом только одного из внутренних фронтов.

Перед нами встал вопрос: кому докладывать о своих действиях? От кого получать директивы? С этими вопросами по приезду в Петроград я обратился к Владимиру Ильичу, а он улыбнулся и ответил:

— По всем этим вопросам обращайтесь непосредственно ко мне.

Таким образом, на этом этапе В. И. Ленин фактически взял на себя верховное командование всеми вооруженными силами Советского государства против внутренней контрреволюции.

С тех пор начальник Революционного полевого штаба еженедельно писал В. И. Ленину обстоятельные доклады о положении на фронтах, о формировании добровольческих полков, о нуждах штаба. Кроме того, о делах, требовавших безотлагательного решения, приходилось докладывать Владимиру Ильичу по прямому проводу; и каждый раз Ленин давал исчерпывающий ответ.

В декабре 1917 года развернулись боевые операции против контрреволюционных мятежей Каледина на Дону, Дутова — на Урале, а 25 декабря — против буржуазной Центральной рады в Киеве. Рада возглавляла контрреволюционные вооруженные выступления против Советской власти на Украине, дезорганизовала Юго-Западный фронт, активно содействовала продвижению контрреволюционных казачьих полков с Юго-Западного фронта на Дон в помощь белогвардейцу генералу Каледину.

15 января 1918 года в одном из очередных докладов В. И. Ленину я поставил вопрос о необходимости увеличить наши силы, действовавшие против Центральной рады, отрядами Красной гвардии и моряков. Владимир Ильич собственноручно написал два предписания — в Морской революционный комитет о немедленном предоставлении в распоряжение начальника Революционного полевого штаба 2000 матросов¹ и в Главный штаб Красной гвардии о срочном направлении в его же распоряжение отряда Красной гвардии в 1000 человек. Кроме того, Владимир Ильич предписал Наркомфину о выдаче миллиона рублей для нужд Полевого штаба².

Через несколько дней отряды матросов и красногвардейцев прибыли в Могилев. Революционный полевой штаб направил отряд кронштадтских моряков в 1200 человек в распоряжение Р. И. Берзина для усиления его войсковой группы, действовавшей против Рады, а отряд ревельских матросов в 800 человек под командой Л. Я. Угрюмова и петроградский красногвардей-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 31. *Ред.*

² См. там же. *Ред.*

ский отряд в 1000 человек послал для пополнения войск, борющихся с польским корпусом Довбор-Мусницкого¹.

В борьбе с польским корпусом был широко использован также испытанный метод политического воздействия на рядовых солдат противника. В. И. Ленин направил в Могилев группу поляков — членов большевистской партии, опытных пропагандистов и агитаторов во главе с И. С. Ушлихтом и небольшую походную типографию с польским шрифтом. Листовки на польском языке, обращенные к рядовым legionерам корпуса, разбрасывались в большом количестве с наших самолетов в районах, где располагались подразделения польского корпуса. Вскоре рядовые legionеры группами стали переходить к нам.

Все эти мероприятия, а также революционный энтузиазм, исключительный героизм красных бойцов, командиров и политработников предопределили наши победы: 8 февраля 1918 года был освобожден Киев, господство буржуазной Центральной рады на Украине кончилось.

ОТМЕНА ОШИБОЧНОГО ПРИКАЗА ТРОЦКОГО

После заключения Брестского мира была создана «Западная завеса» для охраны западных границ. Основу завесы составляли войска, действовавшие до заключения Брестского мира против наступавших германских войск.

В процессе создания «Западной завесы» произошел один эпизод, о котором следует рассказать. Председатель Высшего военного совета республики Троцкий назначил в качестве военных руководителей в войсках «Западной завесы» несколько бывших генералов, которые в дни Февральской революции едва спаслись от расправы солдат на фронте; как рассказывали впоследствии подчиненные им солдаты, эти генералы были не только махровыми монархистами, но, по их определению, «лютыми зверьми» в отношениях с солдатами. Многие из этих солдат служили теперь в войсках «Западной завесы» и, узнав о назначении бывших генералов, возмутились и потребовали их немедленного изгнания из Красной Армии, грозя в противном случае учинить над ними расправу. Р. И. Берзиню, одному из командующих вой-

---

¹ Польский корпус генерала Довбор-Мусницкого был сформирован при Временном правительстве из военнопленных поляков — солдат германской и австро-немецкой армий и поляков, служивших в русской армии. В январе 1918 года начался мятеж польских legionеров. Мятежники захватили Рогачев и Бобруйск. Рабочие и крестьяне Белоруссии поднялись на защиту Советской власти. Многие польские солдаты, против своей воли втянутые в антисоветскую авантюру, начали покидать корпус. Революционные войска нанесли корпусу Довбор-Мусницкого ряд тяжелых поражений. Только бегство на территорию, занятую немцами, спасло корпус от полного разгрома. *Ред.*

сками «Западной завесы», и политработникам стоило больших усилий, чтобы успокоить бойцов. Были созваны митинги, солдатам обещали обо всем доложить В. И. Ленину. Р. И. Берзин срочно выехал с этой целью в Москву.

Р. И. Берзин подробно информировал меня о происшествиях в полках «Западной завесы», и мы пошли в гостиницу «Националь», где в то время жил Ленин. Было под вечер. Я позвонил по телефону сестре В. И. Ленина Марии Ильиничне и просил передать Владимиру Ильичу просьбу принять нас по срочному военному делу. Мария Ильинична сказала, что вечером будет заседание Совнаркома. Владимир Ильич только что лег отдохнуть до заседания. Она обещала передать нашу просьбу, как только он проснется, а пока посоветовала нам зайти к И. В. Сталину, который вскоре принял нас.

Сталин согласился, что этих генералов необходимо удалить из Красной Армии, но прибавил:

— Я ничего не могу сделать, ведь я занимаюсь национальными делами. Всеми военными вопросами занимается сам «Старик»¹.

В эту минуту раздался стук в дверь и вошел Владимир Ильич. Впоследствии Мария Ильинична рассказала мне, что, когда она говорила со мной по телефону, Владимир Ильич еще не успел, сквозь дремоту он услышал разговор и спросил, в чем дело. Мария Ильинична передала ему содержание нашего разговора.

Берзин рассказал Владимиру Ильичу обо всем, что происходило в полках «Западной завесы». Владимир Ильич возмутился и сказал, что такими назначениями Троцкий разложит армию.

— Сегодня вечером заседание Совнаркома, — сказал он. — Я сегодня же заставляю Троцкого дать приказ об увольнении этих бывших генералов из армии и вручить вам завтра заверенные копии этого приказа.

Действительно, на следующее утро мы получили заверенные копии приказа Троцкого об увольнении генералов из армии. Берзин, забрав с собой копии приказа, уехал в полки «Западной завесы» в то же утро. На митингах полков Берзин и политработники рассказали солдатам о распоряжении В. И. Ленина уволить из Красной Армии генералов и прочитали приказ. Солдаты выслушали приказ с большим удовлетворением.

ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ БАКИНСКОЙ КОММУНЕ

Летом 1918 года, начиная с июня месяца, в Баку сложилась очень трудная обстановка: германское командование, пользуясь предательством грузинских меньшевиков и их сепаратизмом, па-

¹ В. И. Ленин. *Ред.*

правило турецкие войска, поддержанные немецкими частями, для захвата Баку и бакинских нефтяных промыслов, чтобы выкачать нефть для Германии. К захвату Баку стремилось и командование английских войск, расположенных в Персии (Иране). В Баку образовался сильный антисоветский блок в лице азербайджанской буржуазно-помещичьей партии «Мусават», правых эсеров и армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн». В такой обстановке Бакинская коммуна, руководимая С. Г. Шаумяном, чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа, нуждалась в военной поддержке из Центральной России. Поэтому С. Г. Шаумян в письмах к В. И. Ленину, давая оценку положения в Баку и вообще в Закавказье, просил о помощи главным образом военного характера. Владимир Ильич дал мне задание организовать максимальную военную помощь Баку.

Руководствуясь ленинскими директивами, я принял все меры, чтобы обеспечить Бакинскую коммуну достаточным количеством артиллерийских орудий, пулеметов, винтовок, броневиков, боеприпасов и обмундирования. Кроме того, из Кронштадта через Мариинскую систему и Волгу в Каспийское море были направлены миноносцы и несколько небольших военных кораблей.

В письме в Комиссариат по морским делам в июле 1918 года я просил кроме миноносца срочно доставить в Каспийское море и на реку Куру в распоряжение военно-морского отдела Бакинского Совнаркома 8—10 судов с моторными двигателями типа катеров «Шиксон» или охранных катеров типа «Стационар». Для ускорения дела В. И. Ленин на моем письме написал записку в Народный комиссариат по морским делам.

«13 июля 1918

Очень прошу принять все меры для ускорения доставки в Каспийское море военных морских судов всех подходящих типов.

Председатель СНК

В. Ульянов (Ленин)»¹.

Для оказания военной помощи Баку приходилось преодолевать много препятствий. Дело в том, что в Главном артиллерийском управлении, Главном инженерном управлении и в других управлениях еще не была налажена работа. Туда были посланы комиссары, но возглавляли эти учреждения старые военные специалисты; многие из них всякими правдами и неправдами тормозили выполнение наших предписаний.

Владимир Ильич требовал, чтобы я ежедневно в определенные часы по телефону докладывал ему о помощи Баку, а в необходимых случаях приезжал к нему и лично докладывал о препятствиях, тормозивших выполнение его указаний.

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 121. *Ред.*

Помню был такой случай: я доложил Владимиру Ильичу, что начальник Главного артиллерийского управления затягивает под разными предлогами срочную отправку в Баку оружия и боеприпасов. Владимир Ильич по телефону потребовал от него объяснений; они не удовлетворили Владимира Ильича, и он сказал:

— Если к завтрашнему дню требуемое оружие не будет отправлено в Баку в распоряжение С. Г. Шаумяна, то я вас пошлю на Лубянку к Ф. Э. Дзержинскому.

Это оказало свое действие: оружие и боеприпасы были отправлены в Баку на следующий день.

В стиль работы Владимира Ильича входил обязательный контроль за исполнением. Ленин всегда находил время, чтобы лично проверить, выполняются ли распоряжения и как именно выполняются...

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы.
М., Госполитиздат, 1963, с. 316—*
324

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

В первый раз я увидел Владимира Ильича 25 октября 1917 года на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В ту пору я, рядовой солдат 176-го пехотного запасного полка, был членом Петроградского Совета, членом президиума солдатской секции и членом Военно-революционного комитета. Историческое выступление Владимира Ильича подробно описано многими авторами воспоминаний. Со своей стороны я хочу лишь добавить, что все мы, участники собрания, выслушав его речь, почувствовали необычайное воодушевление. Бодрость, уверенность, энтузиазм выражали лица всех присутствующих.

27 октября II Всероссийским съездом Советов В. И. Ленин был избран Председателем Совпаркома. Занимая этот высокий пост, Владимир Ильич оставался простым и доступным. Я не раз был свидетелем того, как Владимира Ильича останавливали в коридорах Смольного и осаждали различными вопросами рабочие, солдаты, моряки.

Владимир Ильич не уклонялся от вопросов, старался тут же ответить, а иногда, ввиду важности разговора, брал собеседника под руку, ходил с ним по коридору и давал исчерпывающие разъяснения.

Помню выступление Владимира Ильича по вопросу о печати на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 года.

Левые эсеры ультимативно требовали полной свободы для буржуазной печати, угрожая, если не будет принято их предложение, отозвать своих представителей со всех ответственных постов. Такой ультиматум левых эсеров Владимира Ильича несколько не испугал. «Тов. Карелин уверял нас, что тот путь, на который он становится, ведет к социализму, — сказал Владимир Ильич. — Но идти так к социализму значит идти задом наперед»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 53. *Ред.*

Заодно Ленин отчитал и французского социалиста (фамилию его я не помню), который был приглашен левыми эсерами на заседание ВЦИК и соответственно ими обработан. Перевел его речь левый эсер Гомберг. Французский социалист напоминал о принципах свободы, провозглашенных Французской буржуазной революцией 1789 года¹.

Владимир Ильич отвечал ему по-французски, после чего француз удалился. Видимо, он понял, что вмешиваться в дела пролетарской революции со стороны не годится.

Резолюция большевиков о печати была принята ВЦИК большинством в 34 голоса против 24.

Вспоминаю, как по предложению В. И. Ленина Военно-революционный комитет образовал специальную комиссию по борьбе с винными погромами.

После того как буржуазия увидела, что восстание юнкеров, офицеров и других сторонников Временного правительства большевиками сломлено, она решила пойти на подлую хитрость. Агенты буржуазии сознательно организовали в Питере винные погромы, провокационно распространяя сведения о том, в каких подвалах имеются большие запасы спирта, водки и вина.

На третий или четвертый день после захвата власти Советами в Петрограде, то есть 28 или 29 октября 1917 года, Владимир Ильич предложил Военно-революционному комитету создать под председательством В. Д. Бонч-Бруевича комиссию по борьбе с винными погромами.

Членами комиссии были назначены автор этих воспоминаний и левый эсер Фишман.

Комиссия создала во всех районах города тройки, которые с помощью красногвардейцев приняли меры к ликвидации винных погромов.

Вскоре для усиления комиссии в ее состав были включены командующий Петроградским военным округом К. С. Еремеев и комендант Петропавловской крепости Г. Благоурахов.

Провокация буржуазии была сравнительно быстро ликвидирована.

В. Д. Бонч-Бруевич работал в комиссии с утра до ночи. Когда мы поздно ночью в автомобиле отправлялись по домам, он подводил итоги работы, проделанной за день, и выделял те вопросы, о которых следовало немедленно доложить Владимиру Ильичу.

Наша комиссия проработала до 5 декабря 1917 года и прекратила свою деятельность в связи с организацией ВЧК. Дела комиссии были переданы лично Ф. Э. Дзержинскому.

В конце ноября 1917 года состоялась памятная для меня встреча с Владимиром Ильичем. Однажды В. Д. Бонч-Бруевич

---

¹ Выступление на этом заседании ВЦИК французского социалиста в изданных протоколах ВЦИК не отражено. *Ред.*

попросил меня позаботиться о том, чтобы вечером, от 9 до 10 часов, никого из посторонних в нашей комнате не было.

— Сегодня вечером, — сказал он, — к нам придет мой брат, генерал Михаил Дмитриевич. Он приехал из Могилева с поездом Верховного главнокомандующего, и я хочу представить его Владимиру Ильичу. Я не хочу вести брата в кабинет Владимира Ильича, а попрошу Владимира Ильича зайти к нам и поговорить с ним здесь¹.

В условленное время М. Д. Бонч-Бруевич приехал. Владимир Дмитриевич встретил его и ушел к В. И. Ленину. Вскоре в папу комнату вошел Владимир Ильич. Он подошел к М. Д. Бонч-Бруевичу и стоя вступил с ним в разговор.

Я отошел от своего стола к входной двери и занял положение охраны.

Разумеется, сейчас трудно воспроизвести точно слова Владимира Ильича. Однако я хорошо помню следующее.

— Что вы хотите сказать? — спросил Владимир Ильич. — Я вас слушаю.

— Я, как вы знаете, военный, — сказал Михаил Дмитриевич. — Немцы скоро будут наступать. Родина в опасности. Долг военного повелевает мне предложить свои услуги правительству, которое организует отпор врагу.

Владимир Ильич прервал его:

— У нашей родины кроме внешних врагов есть еще и внутренние. В частности, внутренними врагами являются многие контрреволюционные генералы. Может ли Совет Народных Комиссаров рассчитывать на то, что вы с беззаветной преданностью будете бороться как с внешними врагами, так и с внутренними?

Михаил Дмитриевич прямого ответа не дал. Он начал говорить о том, что в данное время перед военными русскими людьми надо ставить только одну задачу — задачу отпора немцам. Он лично безоговорочно согласен служить войне против немцев, что же касается борьбы с внутренними врагами, то он просит его к этому не принуждать.

После этих слов Владимир Ильич поспешил разговор закончить. Топом, не допускавшим дальнейшей дискуссии, он заявил:

— В борьбе против немцев Советской власти предлагают свои услуги даже французы. В случае нужды мы могли бы согласиться на использование их, не ставя перед ними вопроса о том, будут ли они нам помогать в борьбе с внутренними врагами. Но от русского человека мы обязаны потребовать безоговорочного, честного и беззаветного служения революции, готовности защищать интересы трудящихся на всех фронтах, куда его направит Советское правительство.

---

¹ Об этой встрече пишет в воспоминаниях и М. Д. Бонч-Бруевич (см. настоящий том, с. 173—175). *Ред.*

После этих слов Владимир Ильич покинул нашу комнату.

Затем в комнату вернулся Владимир Дмитриевич, который уже знал содержание беседы и был явно недоволен своим братом.

Этот случай на меня произвел неизгладимое впечатление.

Правильные выводы из этой встречи сделал и генерал М. Д. Бопч-Бруевич. В критический момент, когда немцы возобновили наступление в феврале 1918 года, он вновь прибыл в Смольный к В. И. Ленину с группой военных специалистов. Преодолев свои колебания, он твердо заявил о готовности безоговорочно работать с Советской властью.

Вспоминаю еще одну памятную встречу в начале марта 1918 года. Известно, какое тяжелое продовольственное положение было в Петрограде. Мы решили обсудить этот вопрос на заседании исполкома Петроградского Совета с участием Владимира Ильича.

Как только мы позвонили и сообщили о том, что собрались, Владимир Ильич немедленно прибыл. Он сразу же взял слово:

— Наши силы растут. Октябрьская революция триумфально шествует по городам и селам России, но надеяться на скорое разрешение продовольственного вопроса не приходится.

Совет Народных Комиссаров приступил к созданию материальных фондов, чтобы палатить товарообмен с деревней и получить продовольствие для рабочих городов, однако это потребует немало времени.

Что нужно сделать сейчас, чтобы пережить создавшиеся трудности? Надо установить строжайшую экономию в расходовании продовольственных ресурсов, снять со снабжения все буржуазные, петровые элементы и не выдавать им продовольственных карточек до тех пор, пока они не начнут работать. «Кто не трудится, тот не ест». Еще апостол Павел «писал»: «Петрующийся — да не ест». Если отцы церкви так ставили вопрос, то почему мы, революционеры-марксисты, не можем осуществить этот принцип на пользу революции?

Эти конкретные указания Владимира Ильича помогли нам подорвать материальную базу буржуазных элементов, сломить их сопротивление, возвысить труд и добиться серьезной экономии в расходах продовольствия, которое было так нужно рабочему классу, Красной гвардии, Красной Армии.

НАЧАЛО

Первая попытка наметить контуры Красной Армии была сделана уже через две с половиной недели после Октябрьской революции. 8 декабря в бывшем доме военного министра состоялось первое совещание коллегии с представителями Генерального штаба о конструкции будущей армии, причем была оглашена и подвергалась обстоятельному обсуждению специально заготовленная по этому вопросу записка Главного управления Генерального штаба. Особенно интенсивному обсуждению было подвергнуто предложение о сохранении на службе под знаменами некоторого количества команд, через которые намечалось пропускать все население. Причем во время дебатов предложению этому противопоставилась необходимость для указанной цели не сохранять старые войсковые части, а образовать новые организационные ячейки на местах из местного же элемента, прошедшего необходимую военную подготовку и крепко связанного с населением общностью интересов.

Прошло шесть дней, и 14 декабря на совещании при участии прибывших с фронта делегатов этот проект был отвергнут, а был выдвинут вопрос об образовании совершенно особого вида армии, как бы «социалистической гвардии» из одних лишь рабочих промышленных районов без всякого участия крестьян. Однако через три дня и этот проект был отвергнут. 17 декабря состоялось третье совещание коллегии с представителями Генерального штаба и с делегатами демобилизационной комиссии. Выяснилось, что при всеобщем утомлении военные формирования отрядов, которые должны будут нести службу по окончании демобилизации, могут быть произведены только при условии добровольного поступления людей на военную службу и лишь в случае недостатка добровольцев следует прибегать к мобилизации лиц преимущественно младших возрастов.

Едва это предложение было намечено, как неожиданно наступили события, заставившие внести в него существенные кор-

рективы. 22 декабря, то есть через пять дней после третьего совещания, из Ставки главнокомандующего Н. В. Крыленко сообщили по прямому проводу, что крайнее расстройство транспорта, большой недостаток продовольствия на фронтах и массовый уход солдат в тыл, а также угроза нашим войскам со стороны румын заставляют отвести войска румынского фронта на несколько переходов в тыл, чтобы их как следует устроить и снабдить продовольствием, таким образом прекратив дальнейший самовольный уход солдат, приблизить войска к источникам их снабжения и облегчить этим работу железнодорожного транспорта.

Телеграмма была доложена Владимиру Ильичу. Вопрос был очень серьезный, и Владимир Ильич пожелал выслушать мнение военных специалистов. В 7 часов вечера того же 22 декабря (по ст. стилю) в бывшем доме военного министра в Петрограде (Мойка, 17)¹, где находились служебные помещения коллегии по управлению военными ведомствами, было назначено совещание, на которое был приглашен и я, как управляющий делами Военного министерства и начальник Главного управления Генерального штаба, исполнявший при коллегии обязанности главного консультанта.

Я со своими помощниками прибыл задолго до назначенного часа, но Владимир Ильич все же опередил нас. Мы застали его в нижнем этаже жилой части дома военного министра в небольшой просто убранной комнатке с потрепанным мягким диваном, дешевой мягкой мебелью и овальным столом. Вероятно, в прежнее время это было помещение дежурного адъютанта военного министра.

Владимир Ильич стоял посреди комнаты под подвешенной к потолку лампой и читал какую-то бумагу. При нашем приходе он перестал читать, приветливо пожал каждому руку, внимательно глядя в глаза. Сейчас же после этого он сел на диван, предложил занять места кругом стола, и совещание началось.

После оглашения тов. Подвойским присланной от Крыленко телеграммы Владимир Ильич предложил прежде всего высказаться военным специалистам. Я, а затем и мои помощники изложили ряд соображений, которые если не препятствовали, то все же значительно затрудняли выполнение намеченных тов. Крыленко мер. Соображения эти были: во-первых, затруднительность при описываемых в телеграмме обстоятельствах остановить хлынувшую назад лавину войск, тем более что соответствующей заранее укрепленной линии в тылу подготовлено не было, а во-вторых, невозможность быстро поднять и вывести при отходе в тыл те многомиллионные запасы военных материалов, которые были сосредоточены на фронте и которые в ином случае даром перешли бы в руки противника.

---

¹ — Мойка, 67. *Ред.*

В результате последовавшего затем обмена мнений Владимир Ильич предложил не трогать с места занятого войсками фронта. Но вслед за этим, естественно, возник вопрос, каким же образом придать фронту ту устойчивость, на ослабление которой указывал тов. Крыленко. По этому вопросу решение предложил сам Владимир Ильич: безотлагательно принять меры по упорядочению транспорта, а чтобы поднять дух войск, влить в находившиеся на фронте части свежий элемент. Для этого в самом срочном порядке, по возможности в 8—10 дней, двинуть на фронт имеющиеся в Петроградском и Московском округах красногвардейские отряды и немедленно приступить в тех же округах, но главным образом в Московском, к организации новых частей Красной гвардии, всего до 10 корпусов, или 300 тысяч человек. При этом в качестве инструкторов вновь формируемых частей должны быть вызваны с фронта специальные делегаты по выбору солдатских комитетов, всего 400 пехотных и 100 артиллерийских инструкторов.

Уже на следующий день соответствующие распоряжения были разосланы на места. Но принятые меры все же явились только временными. Уже на Украине и на Дону разгорелась гражданская война, а царская армия неуклонно шла к распаду. Возникла настоятельная необходимость в создании новой вооруженной силы, поэтому в ходе совещания о дальнейшей судьбе фронта явилось совершенно естественным предложенное Владимиром Ильичем решение немедленно приступить к созданию Красной Армии. Было постановлено образовать с этой целью «Всероссийскую коллегию по формированию Красной Армии». Что же касается той основы, на которой должна была создаваться Красная Армия, то Владимир Ильич предложил этот вопрос тщательно обсудить и подготовить проект соответствующего декрета. На этом совещание было закрыто.

Как только оставшиеся еще в России иностранные военные представители услышали о формировании новой армии, они поспешили воспользоваться этим моментом, явились к главнокомандующему Н. В. Крыленко и от имени своих правительств предложили предоставить ему нужные для формирования новой армии денежные средства, лишь бы только эта армия была двинута против германцев. Эти предложения были тов. Крыленко отклонены.

Я мог бы закончить свои воспоминания о моменте фактического зарождения Красной Армии, но мне хочется еще поделиться тем впечатлением, которое произвело на меня описанное мною совещание. И сейчас, почти через 20 лет¹, я представляю себе его картину так ярко, как будто это было все еще вчера. Прежде всего неотразимое впечатление произвела обаятельная

---

¹ Воспоминания написаны в 1936 году. *Ред.*

личность Владимира Ильича, его приветливое, дружеское отношение к окружающим, его быстрое схватывание сущности вопросов, его краткие и меткие замечания. Мне чрезвычайно импонировала именно скромность, простота и в то же время исключительная деловитость всей обстановки. Мне невольно вспомнилась обстановка подобных же узкоминистерских совещаний старого времени. По своей должности инструктора и организатора черногорской армии, на которой я был 12 лет, с 1903 по 1915 год, я много раз вызывался из Цетинье в Петербург для дачи заключений по разного рода военным ходатайствам князя, а затем короля Николая Черногорского. Мне вспоминается ничемная торжественность этих совещаний, когда 4—5 министров располагались в большом, ярко освещенном люстрами помещении, за огромным, покрытым красным столом. В моем воспоминании всплывают участники подобных совещаний — и заливавшийся соловьем Коковцев, и ломавший из себя аристократа Извольский, и самодовольный Сухомлинов, ждавший подсказа, чтобы высказать свои предложения. Каким убогим показалось все это после заседания, проведенного Ильичем!

Как известно, декрет от 15(28) января был лично отредактирован Владимиром Ильичем, и после издания его началось постепенное создание Красной Армии.

КАК ЛЕНИН ПОМОГАЛ ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ

Владимир Ильич много внимания уделял изобретателям. Он всегда находил время для бесед с отдельными изобретателями и детального ознакомления с их изобретениями. Больше того, он часто лично следил за тем, как то или иное изобретение пробивало себе дорогу в жизни, заботился об устранении всяких препятствий на его пути, помогал изобретателям, создавал благоприятную обстановку для работы, окружая их своей личной заботой. Теперь, когда рабочее изобретательство приобрело массовый размах, когда тысячи изобретений, порой чрезвычайно ценных, улучшают наше производство, когда из среды изобретателей выделились выдающиеся люди, поднявшие своими изобретениями производительность труда, когда наша молодежь миллионной массой хлынула в вузы, когда сильной молодежью порослью стала подниматься наша советская техническая интеллигенция, когда лозунг «овладения техникой», охватив десятки миллионов людей, стал гигантской силой, — только теперь во всей полноте можно оценить значение того внимания, которое Владимир Ильич уделял изобретательскому делу.

Владимир Ильич лелеял и любовно хлил ростки будущего. Его взорам открыты были те величайшие перспективы социалистического строительства, свидетелями и участниками которого являемся мы в настоящее время.

Наибольший интерес у него вызывали изобретения, которые могли иметь непосредственное применение на практике и могли так или иначе совершенствоваться, развивать нашу технику и по-новому ее вооружать. Знакомясь с такими изобретениями, он сейчас же предпринимал практические шаги к немедленному их осуществлению, давал поручения, писал свои знаменитые записки, лично следил за их выполнением, настойчиво добиваясь не только проверки изобретения, но и широкого использования его, преодолевая при этом часто косность и рутину.

Ленин подходил к изобретателям не всегда только с точки зрения важности их изобретения. Он проявлял интерес и к

изобретателю-крестьянину, прошедшему громадный путь из Сибири и приносившему в Совнарком сделанный из дерева и шнурочков перпетуум-мобиле, и к физику-самоучке, которому казалось, что он опроверг основные законы Кеплера, и в особенности к рабочим-изобретателям, предлагавшим те или иные практические усовершенствования.

Наши официальные органы, которые ведали тогда делами изобретательства, недооценивали рабочее изобретательство. Они не понимали того большого движения, которое проявлялось тогда еще маленькими, порой незаметными струйками. Комитет по делам изобретений центром тяжести своей работы считал определение новизны изобретения и уделял только формальное внимание вопросам рабочего изобретательства. Все крупнейшие изобретения того времени пробили себе дорогу помимо Комитета по делам изобретений и главным образом благодаря непосредственной помощи Владимира Ильича.

Я прекрасно помню ряд бесед и встреч Владимира Ильича с отдельными изобретателями. Он глубоко вникал в существо отдельных важнейших изобретений. Помню, например, с каким громадным вниманием и интересом отнесся Владимир Ильич к изобретению Владимира Ивановича Бекаури, который демонстрировал два своих изобретения: управление на расстоянии при помощи звуковых сигналов и несгораемый шкаф остроумнейшей конструкции, гарантирующей от взломов. Замечательная простота, с которой была разрешена сложная техническая задача, и изящное выполнение технической идеи буквально очаровывали. Совершенно ясно было, что перед нами крупный изобретатель и исключительно талантливый конструктор. Для В. И. Бекаури была создана подходящая обстановка для работы, и в результате под его руководством выросло большое изобретательно-конструкторское учреждение, которое в настоящее время играет немаловажную роль в нашей технике.

Помню громадное внимание и интерес Владимира Ильича к гидроторфу. Он придавал настолько большое значение этому делу, что взял руководство им в свои руки. Страна испытывала топливный кризис. Во время гражданской войны нам часто грозила опасность оказаться отрезанными от угольных и нефтяных бассейнов. Изобретение гидравлического способа добычи торфа в громадной степени повышает производительность труда, облегчает этот труд, обеспечивает возможность добычи дополнительных ресурсов топлива. Конечно, это было исключительно важным и большим делом. Владимир Ильич входил в его тонкости. Заботился о том, чтобы изобретателям были предоставлены все необходимые технические средства для осуществления их идей, чтобы вокруг изобретения была поставлена надлежащая пропаганда и создана общественная атмосфера сочувствия, требовал, чтобы была создана специальная кинолен-

та для ознакомления рабочих с гидроторфом. Много раз он придирчиво проверял исполнение своих распоряжений и указаний и в конце концов в условиях, когда страна только что начала выходить из разрухи, в условиях, когда с бесконечным трудом приходилось создавать ту или иную деталь для новых машин, условиях, когда мы были еще технически чрезвычайно отсталыми, добился того, что дело гидроторфа пошло и были одержаны первые блестящие победы советской техники, которые привели иностранных специалистов в изумление.

Помню, как при ближайшем участии Владимира Ильича зарождалось у нас радио. К радиовещанию, которое тогда было еще новинкой во всем мире, у Владимира Ильича были также повышенные требования, каким не могла удовлетворить в то время даже и американская техника. Он уже тогда ставил вопрос о радиосвязи столицы СССР со столицами всего мира. Вот, например, записка, в которой он конкретно, практически ставит вопрос о мощных громкоговорителях, о которых тогда еще очень мало знали.

«т. Горбунов!

Я читаю сегодня в газетах, что в Казани испытан (и дал прекрасные результаты) *рупор*, усиливающий телефон и говорящий *голос*.

Проверьте через Острякова. Если верно, надо поставить в Москве и Питере, и, кстати, проверьте всю их работу.

Пусть дадут мне краткий *письменный* отчет:

- 1) календарная программа их работы;
- 2) то же — говорящей телефонной станции на 2000 верст в Москве.

Когда будет готова.

- 3) То же — приемники. *Число* изготавливаемых.

- 4) То же — рупоры.

Привет!

Ленин»¹.

Ленин мечтал о радиосвязи каждого сельсовета с окружным и губернским центрами. Это тогда еще было труднодоступной задачей для нашей техники. Владимир Ильич оказывал поддержку целому ряду изобретателей.

Основное внимание и главное значение в технике Владимир Ильич придавал, конечно, электрификации. Его гениальный лозунг «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация»², воспринятый и оформленный VIII съездом Советов в виде генерального плана электрификации СССР, получает в настоящую эпоху великих социалистических работ свое воплощение. Днепрострой, Чирчикстрой, грандиозные работы Большой Волги и Ангары, десятки первоклассных крупнейших электриче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 159—160. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 30, 159. *Ред.*

ских станций по всему нашему Союзу — вот реальное воплощение этого лозунга. Но электрификацию Владимир Ильич понимает шире. Электрификация — это база, которая обеспечивает наиболее высокое развитие техники...

К лозунгу электрификации Владимир Ильич подходил также через изобретателя. Всем известно его письмо, написанное в дореволюционный период, по поводу предложения английского ученого Рамсея о подземной газификации угля, в котором Владимир Ильич связывает ее с электрификацией и указывает, что техника в период империализма перерастает форму общественных отношений¹.

Ленин широко ставит вопрос об изучении природных богатств и производительных сил страны. Он придает колоссальное значение вопросам химизации. Достаточно вспомнить, сколько внимания он уделял вопросу Карабугаза, который до сих пор не освоен нашим хозяйством.

Не меньшее значение он придавал изобретательству в деле сельского хозяйства. Сколько участия и личного интереса проявлял, например, Владимир Ильич к работе селекционера Мичурина! Он не только изучал достижения Мичурина, он интересовался и работами американских селекционеров. Он настаивал на массовом ввозе в нашу страну улучшенных семян из Америки и ставил вопрос о создании крупного научного учреждения, которое бы занялось вопросами улучшения сельского хозяйства...

В области науки и техники Владимир Ильич лучше, чем кто-либо из людей на земном шаре, видел, какое значение для человечества имеют завоевания творческого гения.

*Изобретатель. 1934. № 1, январь,
с. 8—9*

---

¹ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 23, с. 93—95. Ред.

ПЕРВЫЕ ДНИ СОВНАРКОМОВСКОГО АППАРАТА

Дней через пять после Октябрьской революции в Петрограде Владимир Ильич, ужиная у меня поздно ночью, перед тем как, казалось, пора уже было идти спать, вдруг оживленно заговорил о том, что наступило время приступить к органической работе управления страной, для чего надо немедленно создавать аппарат, прежде всего при центральном правительстве. Было совершенно очевидно, что схема всего управления страной у него давно продумана и, можно сказать, отчеканена, так как на каждый вопрос он немедленно давал ясный и точный ответ.

— Вы беритесь за весь управленческий аппарат,— сказал он мне,— необходимо создать мощный аппарат Управления делами Совета Народных Комиссаров, так как, несомненно, и в первые дни, пожалуй, и долгое время в наше Управление со всех сторон будут стекаться всевозможные дела. Берите все это в свои руки, имейте со мной непосредственное постоянное общение, так как многое, очевидно, придется разрешать немедленно, даже без доклада Совету Народных Комиссаров или сношения с отдельными комиссариатами. Наладить комиссариаты,— прибавил он,— дело нелегкое.

Я согласился взяться за дело и на другой день с утра прежде всего отправился в Смольный, чтобы подыскать помещение для кабинета Владимира Ильича, удобное лично для него — примыкающее к его квартире в Смольном, куда собирались его поселять. Первые недели революции он жил у меня.

В кабинете Владимира Ильича мы предполагали собирать Совет Народных Комиссаров. Рядом с этим кабинетом нужно было иметь большое помещение для Управления делами Совпаркома, где бы расположились секретари, делопроизводители и прочий персонал. Помещение Смольного было неудобно для всех этих учреждений, так как комнаты были огромны, без перегородок. Однако удалось найти две смежных комнаты, одну поменьше, другую большую, где мы и обосновались. Прежде всего оборудовали кабинет Владимира Ильича и позаботились поставить коммутатор для телефонной связи через центральную телефонную станцию Петрограда. Рабочий-телефонист, член на-

шей партии, поставленный к телефонному аппарату, был первым, кого я пригласил для обслуживания Совнаркома.

На Пулковских высотах и вокруг Петрограда шли бои, приходилось все время не только думать о создании правительственного аппарата, но и принимать участие в снабжении армии, отправке оружия, эвакуации раненых. В то же время к нам в Смольный повалили со всех сторон и рабочие, и обыватели, и представители дипломатического корпуса, и всевозможные военные атташе, и иностранцы, случайно в то время проживавшие в Петрограде. Из провинции поступало огромное количество телеграмм, запросов, и на все это надо было немедленно отвечать, а управленческий аппарат совершенно отсутствовал. Волей-неволей приходилось торопиться с его созданием. Я пригласил двух-трех товарищей, для того чтобы помочь хоть как-нибудь разместиться в помещении. Мы стали устанавливать столы, табуретки, скамейки, сделали перегородку, отделившую ту часть залы, где мы работали, устроили две приемные комнаты, у входа в которые поставили двух часовых и столы для регистрации посетителей, приемки почты, пакетов и пр., устроили раздевальню. У дверей кабинета Владимира Ильича была назначена особая смена испытанных и хорошо нам известных красногвардейцев, которым запрещено было кого бы то ни было без разрешения пускать в кабинет Владимира Ильича, кроме лиц по особому списку, который был им объявлен.

Первое время приходилось работать не только дни, но почти все ночи напролет. Просителей приходило так много, что не было возможности их всех принять. С полного согласия Владимира Ильича с первых же дней каждому посетителю, кто бы он ни был, дана была возможность совершенно свободно прийти в правительство для заявления своей нужды. Очень много народу приходило из любопытства, по самым малейшим пустякам, и в первые же дни стало ясно, что таких посетителей необходимо направлять в другие места. В скором времени мы их стали направлять в городскую думу, раз это касалось городских дел, где все дела забирал в свои крепкие руки Михаил Иванович Калинин.

Вокруг Управления делами Совнаркома стали вырастать здесь же, в Смольном, временные управленческие аппараты других комиссариатов. Первый Комиссариат по иностранным делам, на что толкала нас сама жизнь, так как необходимо было организовать прием дипломатических иностранцев из всех посольств, которые к нам почти ежедневно валили валом.

Возникла необходимость организовать Комиссариат финансов. В комиссары финансов был выдвинут тов. Менжинский. Его назначение состоялось поздно вечером. Тов. Менжинский был в то время чрезвычайно переутомлен работой. Для того чтобы немедленно привести в исполнение предписание прави-

тельства, он с одним из товарищей принес большой диван, поставил его около стены тут же, в Управлении делами, и крупно написал на писчем листе бумаги: «Комиссариат финансов». Укрепив эту надпись над диваном, он лег спать на диван, мгновенно заснул, и его спокойное похрапывание разносилось по Управлению делами Совнаркома.

Владимир Ильич вышел из кабинета, и я сказал ему:

— Смотрите! У нас уже организован и второй комиссарнат, и тут же близехонько. Позвольте вас познакомить с ним, — и я подвел Владимира Ильича к дивану, на котором тов. Менжинский блаженно спал.

Владимир Ильич прочел надпись, увидел спящего комиссара, самым добродушным образом расхохотался и заметил, что это очень хорошо, что комиссары начинают с того, что подкрепляются силами.

Так, шаг за шагом, мы создавали советский аппарат, который вскоре заработал довольно четко. В Управлении делами Совнаркома приходилось разрешать всевозможные вопросы, и разрешать быстро, потому что многие из них не терпели ни малейшего отлагательства. Владимир Ильич просил меня обращаться к нему только в самых важнейших случаях, все же остальное, пока не организуются комиссариаты, брать на собственную ответственность, «делать и делать» — как говорил он. Я только настоял на одном, чтобы он разрешил мне докладывать ему в самом сжатом виде решительно обо всем, что за истекший день было сделано в Управлении делами Совнаркома. Важнейшие же бумаги и распоряжения, конечно, я всегда считал для себя обязательным давать на его визу или на прямое утверждение. В некоторых случаях приходилось советоваться с отдельными товарищами, назначенными комиссарами, в первое время еще не приступившими к работе в бывших министерствах, которые они должны были принять, так как быстро обнаружился саботаж старых чиновников.

Наш управленческий аппарат все более укреплялся, хотя число работающих в нем было очень невелико. Через некоторое время удалось для заседаний Совнаркома устроить особый зал и избавить Владимира Ильича от бесконечных посетителей, перенеся многие дела и совещания в зал заседаний Совнаркома.

Так продолжалось дело до отъезда правительства в Москву¹, где аппарат Управления делами менее разбрасывался в своей работе, так как комиссариаты уже наладили свою деятельность.

Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения в трех томах, т. III. Воспоминания о В. И. Ленине. 1917—1924 гг. М., изд-во АН СССР, 1963, с. 79—81

¹ 10—12 марта 1918 г. ЦК РКП(б) и Советское правительство переехали из Петрограда в Москву. Москва стала столицей Советского государства. *Ред.*

КАК СОЗДАВАЛСЯ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ РАБОЧИЙ АППАРАТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Когда пишешь воспоминания, связанные с Владимиром Ильичем, невольно приходится упоминать о себе. Это самое трудное, и это останавливает, так как хочется стусшевать свою личность перед огромной фигурой Ленина, самое упоминание о себе кажется нескромностью и профанацией. Я это особенно сильно чувствую, так как поставлен был Владимиром Ильичем на работу не за какие-либо революционные заслуги, а просто потому, что был из тех, кто пришел в момент восстания в Смольный и хотел работать.

Владимир Ильич меня не знал, член партии я был совсем молодой, вступил в партию в июльские дни 1917 года.

В то время, когда на улицах Петрограда и Москвы происходили еще революционные бои, Владимир Ильич уже со всей энергией организовывал правительство. Был создан Совет Народных Комиссаров и назначены народные комиссары. Организовывались правительственный аппарат и народные комиссариаты. В порядок дня стал вопрос и о создании аппарата Совета Народных Комиссаров. Дело это было поручено В. Д. Бонч-Бруевичу, который был назначен управляющим делами Совета Народных Комиссаров.

Я в это время вместе с несколькими другими товарищами работал в Смольном, стараясь установить какой-нибудь порядок и наладить справочную службу, чтобы рабочие, тысячами приходившие в Смольный, могли в первозданном революционном хаосе, в котором уже выкристаллизовывались органы Советской власти, найти то, что им было нужно.

Неожиданно получаю записку от В. Д. Бонч-Бруевича с просьбой немедленно прийти к нему. Владимир Дмитриевич знал меня в связи с работой по распространению большевистской литературы в питерских рабочих районах, по организации митингов и хранению у меня небольшого запаса оружия в период между Февральской и Октябрьской революциями. Иду к

нему, и он, ничего не объясняя, тащит меня наверх, на третий этаж, в ту маленькую угловую комнатку, где в первые дни работал Владимир Ильич (впоследствии там расположился Народный комиссариат иностранных дел). Я вижу Владимира Ильича, который здоровается со мной и, к моему изумлению, говорит: «Вы будете секретарем Совета Народных Комиссаров». Никаких указаний я тогда от него не получил. Понятия о своей работе, да и вообще о секретарских обязанностях не имел никакого. Где-то конфисковал пишущую машинку, на которой мне довольно долго самому приходилось двумя пальцами выстукивать бумаги, так как машинистку найти было невозможно, где-то отвоевал комнатку и начал «формировать аппарат», который первые дни состоял из меня одного, а потом возрос до трех-четырех человек. Одной из первых пришла ко мне Анна Петровна Кизас. Я ее не знал, но, раз пришла, значит, своя. Начали мы с установления паличия учреждений, возникавших стихийно внутри Смольного. Совет Народных Комиссаров тогда еще не заседал, что дало нам возможность немного подготовиться к работе. В. Д. Бонч-Бруевич прислал ко мне даже начальника канцелярии, якобы знатока американской постановки этого дела по новейшей системе. Этот начальник начал организовывать канцелярию на стульях, так как на весь аппарат Совета Народных Комиссаров приходился всего один стол, но скоро он так запутал даже то небольшое количество дел, какое у нас тогда было, что пришлось отказаться от «американской рационализации».

Первое заседание Совета Народных Комиссаров состоялось ¹ 3 ноября (ст. стиля) 1917 года в той же угловой комнатке, о которой я упоминал выше. Я был вызван на это заседание Владимиром Ильичем.

Не имея представления, как нужно вести протоколы, я попытался записывать содержание доклада, но, конечно, не поспевал, так как стенографией я не владею. Кто присутствовал на заседании, не зафиксировал; председательствовал Ленин. На заседании слушался доклад приехавшего из Москвы тов. Ногина о московских событиях. Ввиду того что эта протокольная запись имеет в настоящее время несомненный исторический интерес, я привожу ее полностью и с орфографической точностью.

Заседание народных комиссаров

Доклад Ногина

Отсутствие определенных рабочих кварталов.

Смешанность и пестрота Москвы.

Телефонная станция в руках контрреволюционеров.

---

¹ — 27 октября (9 ноября) 1917 г.; 3(16) ноября было второе заседание СНК. *Ред.*

Отсутствие пушек у юнкеров спасло положение.

В субботу утром взят Кремль, где был 56-й полк. Озверение юнкеров. Сражение в Кремле. Избиение солдат сдавшегося 56 полка кончилось расстрелом из пулеметов.

Центр контрреволюционеров в Городской думе, охраняемой бронированными автомобилями.

(Запоздание сведений. Так, о сдаче Кремля узнали только вечером.)

(Вчера разрушен Николаевский дворец.)

В воскресенье бомбардировка Москвы. Стрельба происходила беспорядочно. (Истрчено около 1500—2000 снарядов 3-дм.)

(Снарядов недостаточно.) Снарядами ничего не сделаешь.

Можно разрушить всю Москву и ничего не достигнуть.

В руках контрреволюционеров.

Дума? Кремль, Манеж и прилегающие улицы. В центре Александровское училище. Весь интеллигентский центр в руках контрреволюционеров.

Контрреволюционеры укрепились и окопались.

Попытки к соглашению не имели результатов. (Юнкера были против.)

Наше настроение было прекрасно. (Ночь на 1 ноября.) Решение было поскорее окончить дело.

Был составлен определенный план. Бывший до сих пор общий грандиозный бой разменялся на ряд мелких. (Бой на Мясницкой, обстрел Кремля из Замоскворечья.)

С нашей стороны была страшная неорганизованность. Так, неприятельский блиндированный автомобиль подошел к самому штабу (нашему) и подвергнул его обстрелу.

Только после того, как наши солдаты повернули пушки, дали залп по автомобилю и прогнали его.

Противники отстаивают сношения с Брянским вокзалом.

Начались пожары. Пожар надвигался на Совет.

Вчера — обстрел из легких орудий Думы. (Дума стратегического значения не имеет.)

Нами была взята Театральная площадь, гостиница «Континенталь». Наши солдаты, оставленные на площади, перепились.

Настроение населения Москвы страшно озлобленное. Солдатские части неустойчивы и несознательны.

Второе предложение перемирия 31 октября было сорвано с нашей стороны.

Нам страшно важно разбить лагерь противников. Поэтому чрезвычайно важно привлечь на свою сторону Викжель¹. Это

¹ *Викжель* — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза; избран на I Всероссийском Учредительном съезде железнодорожников в Москве в августе 1917 года. В его со-

будет необычайно важно и даст нам и гражданскую и военную победу. В противном случае мы будем уничтожены, после того как мы после продолжительнейшей войны истратили все свои силы. Нас раздавит грядущая действительная корниловщина и калединство.

Тов. Ногин считает необходимым компромисс с Викжелем¹.

Товарищ Ленин возражает против всяких соглашений с Викжелем, который завтра будет свергнут революционным путем с низов. Необходимо подкрепление Москвы творческими, организующими революционными силами из Петрограда, именно матросским элементом. Продовольственный вопрос: с севера мы обеспечены. После взятия Москвы и свержения Викжеля снизу мы будем обеспечены продовольствием с Волги.

Доклад тов. Милютина.

Рассматривает две стороны — военную и политическую.

Предложение Ногина.

Информировать Москву радиотелеграммой о положении дела в Петрограде.

Адрес: Введенский Народный дом, Лефортовский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Ногин сообщает, что в Лихославле, Николаевской железной дороги, между Тверью и Бологим, имеются юнкера, которых ждут в Москве.

Секретарь *Горбунов*.

3 ноября 1917 г., вечер.

Конец заседания я уже вообще не мог записывать, так как говорили вразброд. Речь шла о пессимизме некоторых работников, на которых московские события произвели впечатление разрушения всех культурных ценностей (например, слухи о разрушении «Василия Блаженного»). Помню фразу Владимира Ильича по адресу этих товарищей: «Что же, революция пойдет мимо них».

Между первым и вторым заседаниями Совета Народных Комиссаров прошло 12 дней. Как известно, в эти дни происходила лихорадочная работа по организации вооруженной борьбы с контрреволюцией и шли ожесточенные бои Красной гвардии с контрреволюционными войсками на подступах к Петрограду.

ставе преобладали меньшевики и эсеры. Поэтому после Октябрьской социалистической революции Викжель стал одним из центров антисоветской деятельности. *Ред.*

¹ При чтении этого протокола необходимо иметь в виду, что освещение событий во время октябрьского переворота в Москве дано в нем В. П. Ногиним, который являлся сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров и в знак протеста против решения ЦК РСДРП(б), отвергшего создание такого правительства, вышел из состава ЦК и Совнаркома. *Ред.*

Во главе этой организации стоял Военно-революционный комитет, но фактически руководил делом Владимир Ильич. Эта работа Владимира Ильича превосходно описана в воспоминаниях тов. Н. И. Подвойского¹.

Владимир Ильич, организуя Красную гвардию и оборону Петрограда, использовал каждую, маленькую даже, возможность, каждого человека. Однажды глубокой ночью он вызвал меня к себе и дал такое поручение: «Пойдите сейчас же вместе с тов. Х (фамилию сейчас не припомню) и организуйте ломовой обоз, который мог бы немедленно начать подвозку снарядов из Петропавловской крепости на линию боя». Через союз транспортников мы достали адреса ломовых извозчиков и их хозяев и ночью, разбившись по одному, стали ломиться по всем домам и дворам, мобилизуя извозчиков где уговором, где угрозой. К рассвету нужный обоз был уже у ворот Петропавловской крепости.

В эти дни наш «аппарат» выполнял самые различные задания Владимира Ильича. Например, как-то Владимир Ильич вручил мне декрет за собственноручной подписью (некоторые декреты подписывались Владимиром Ильичем в тот период по соглашению с одним или двумя народными комиссарами, без заседания Совета Народных Комиссаров, так как его невозможно было в эти дни боев созывать) с приказом Госбанку вне всяких правил и формальностей и в изъятие из этих правил выдать на руки секретарю Совета Народных Комиссаров 10 миллионов рублей в распоряжение правительства². Правительственным комиссаром был назначен В. В. Оболенский-Осинский. Передавая этот декрет мне в присутствии тов. Осинского, Владимир Ильич сказал: «Если денег не достанете, не возвращайтесь». Дело в том, что это был период полного саботажа служилой интеллигенции, и впереди всех саботажников были чиновники Государственного банка. Несмотря на декреты правительства и требования отпуска средств, Государственный банк нагло саботировал. Народный комиссар финансов тов. Менжинский никакими мероприятиями, вплоть до ареста директора Государственного банка Шипова, не мог заставить банк отпустить правительству нужные революции средства. Шипова привезли в Смольный и держали там некоторое время под арестом. Ночевал он в одной комнате с тов. Менжинским и мною. Днем эта ком-

¹ См. *Подвойский Н.* Ленин в военно-революционном штабе.— В сб. Памяти Ленина. М., 1924, с. 74—75. *Н. Г.* (См. настоящий том, с. 14—16. *Ред.*)

² Может быть, не десять, а пять миллионов рублей. За цифру сейчас не ручаюсь, так как текст этого декрета утерян. Вероятно, оригинал был предъявлен в банке в качестве аккредитива. *Н. Г.* (Автор имеет в виду, по-видимому, декрет о выдаче аванса в 25 миллионов рублей от 13(26) ноября 1917 года, опубликованный в Известиях 14(27) ноября 1917 года. *Ред.*)

пата превращалась в канцелярию какого-то учреждения (не Наркомфина ли?). Мне пришлось, к моей досаде, в виде особой вежливости (а вежливы и наивны были большевики вначале до того, что не расстреляли даже Краснова и из «вежливости», поверив его честному офицерскому слову, отпустили его на все четыре стороны) уступить ему свою койку и спать на стульях.

Получив задание от Ленина, мы вдвоем с тов. Осинским на автомобиле поехали в Государственный банк. В Государственном банке нас уже ждал Юрий Пятаков, который был назначен директором Государственного банка. Опираясь на низших служащих и курьеров, которые были на нашей стороне, а также угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделявали высшие чины Государственного банка, вроде ложных тревог и т. п., и заставить кассира выдать требуемую сумму. Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками оружия солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров наконец одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили их в кабинет Владимира Ильича. Владимира Ильича не было. В ожидании его я сел на мешки с револьвером в руках: «для охраны». Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Владимир Ильич принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового. Особым декретом Совета Народных Комиссаров был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами. Так было положено начало нашему первому советскому бюджету. Буржуазная печать по этому поводу потом всюду кричала об ограблении большевиками Государственного банка.

Второе заседание Совета Народных Комиссаров произошло только 15 ноября в маленькой комнатухе в другом конце Смольного, в которую Владимир Ильич перебрался уже для постоянной работы, уступив первую комнату для Народного комиссариата иностранных дел. На этом заседании, происходившем в более спокойных условиях, было рассмотрено уже до 20 вопросов. Один из народных комиссаров, кажется тов. Глебов-Авиллов, научил меня вести протокол, так что я справлялся с этой работой в этот раз уже без особых затруднений. В числе рассмотренных вопросов были вынесены решения: о роспуске городской думы в Петрограде; о выпуске декрета с подробной

мотивировкой о конфискации саботируемых заводов и фабрик; о поручении Шляпникову, в согласии с тт. Оболенским¹, Бухариным и другими, составить к 16 ноября проект организации Совета народного хозяйства; о предоставлении солдатам права выбора своих депутатов в Учредительное собрание; о предложении эсерам ультиматума — взять завтра министерство земледелия или предоставить его большевикам и не тормозить работу; о распубликовании проекта положения о страховании на случай безработицы, снабдив его пояснительной запиской, с тем чтобы народные комиссары в двухдневный срок с ним ознакомились, для внесения его в Центральный Исполнительный Комитет. Любопытно отметить, что целый ряд довольно серьезных дел был направлен Владимиром Ильичем на разрешение соответствующим ведомствам в порядке разгрузки, о которой и сейчас нам приходится еще думать. На этом же заседании Совета Народных Комиссаров было решено, что народные комиссары, которые до сего времени работали преимущественно в Смольном, должны перенести свою работу в соответствующие министерства и собираться в Смольном только к вечеру «для совещаний и для осуществления контакта с другими демократическими организациями».

Дальнейшие заседания Совета Народных Комиссаров проходили уже регулярно, почти каждый день, а то и по два раза в день. За первый месяц такой систематической работы было рассмотрено на 25 заседаниях Совета Народных Комиссаров свыше 200 вопросов. В следующем месяце на 20 заседаниях было рассмотрено столько же вопросов. На всех заседаниях, за самыми редкими исключениями, председательствовал Владимир Ильич. Разрешение многих вопросов осложнялось в связи с участием в составе Совета Народных Комиссаров «левых» эсеров, которые противопоставляли линии большевиков свою «принципиальную установку».

Приходится поражаться совершенно исключительной работоспособности Владимира Ильича, который кроме работы в Совете Народных Комиссаров был неизменно загружен сложнейшими политическими и оперативными делами и руководством партией. Однако он находил время и для душевных бесед с отдельными партийцами и приходившими к нему в очень большом числе беспартийными рабочими и ходаками-крестьянами.

Аппарат Совета Народных Комиссаров за это время несколько вырос. В него вошли тт. Агранов, Мария Скрыпник, Кокшарова, несколько рабочих, которые наряду с секретарскими обязанностями выполняли и функции охраны Владимира Ильича. В общем во всем аппарате было не более 10—12 чело-

---

¹ В. В. Оболенский-Осипский. Н. Г.

век. Нагрузка его была неслыханная, так как кроме ежедневных заседаний Совнаркома и Малого Совнаркома, который вскоре был создан, в функции аппарата входило: прием всех посетителей, разговоры от имени Владимира Ильича согласно инструкциям, которые он давал, с отдельными делегациями, телеграфная переписка с местами, которые обращались в центр за директивами. Владимир Ильич оказывал большое доверие нашему аппарату, и поэтому было легко и радостно работать. Так, например, когда я спросил Владимира Ильича, как быть с телеграммами, Ильич ответил: «Посылайте от моего имени и через десятую телеграмму показывайте мне». В другом случае такое доверие Владимир Ильич оказал мне, когда правительство собиралось переезжать в Москву и начиналась эвакуация Петрограда, которому угрожала военная опасность со стороны Германии. На меня была сначала возложена специальная задача проследить за правильной эвакуацией Экспедиции государственных бумаг, с тем чтобы были приняты все меры к обеспечению выхода денежной эмиссии, на которой базировался весь государственный бюджет, а затем я был временно оставлен в качестве представителя Совета Народных Комиссаров в комиссии по эвакуации Петрограда. Владимир Ильич, предвидя возможную необходимость отдания каких-либо экстренно-срочных распоряжений, выдал мне 10 незаполненных бланков Совета Народных Комиссаров за собственноручной подписью на каждом бланке. Эти бланки были уничтожены мною по приезде в Москву. Привожу эту деталь как пример доверия, которое Владимир Ильич оказывал в самых разных формах очень многим рядовым членам партии и многим беспартийным. Это доверие, внимание, с которым Владимир Ильич прислушивался к мнениям товарищей, та повышенная оценка, с которой он подходил к отдельным, даже рядовым, работникам, возлагая на них зачастую очень ответственные задания,— все это создавало у всех соприкасающихся с ним особый энтузиазм в работе...

Ленин в первые месяцы Советской власти. Сборник статей и воспоминаний. М., Партиздат, 1933, с. 103—112

В. И. ЛЕНИН В СОВНАРКОМЕ В 1917 ГОДУ

В ноябрьские дни 1917 года Рождественский районный комитет РСДРП(б) направил меня работать в Смольный, где помещалось правительство первого в мире социалистического государства. Там размещались Центральный и Петербургский комитеты партии большевиков, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционный комитет. Оттуда направлялись по всей стране декреты Советской власти.

Смольный охранялся рабочими-красногвардейцами и кронштадтскими матросами.

У входа в здание, в центре между колоннами, стояли две трехдюймовые пушки, а по бокам пулеметы. Весь Смольный был ярко освещен, днем и ночью в нем не прекращалась работа. По длинным коридорам Смольного почти непрерывным потоком проходили солдаты с фронта, красногвардейцы, рабочие, работницы, матросы.

Первые месяцы работы Совета Народных Комиссаров были периодом становления Советской власти. На улицах Петрограда и Москвы еще продолжались революционные бои, а в Смольном создавались народные комиссариаты, встал вопрос об организации аппарата Совета Народных Комиссаров.

Управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу и секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову было поручено найти подходящее помещение для секретариата Совета Народных Комиссаров и организовать его работу.

Вначале В. И. Ленин работал в угловой комнате на третьем этаже, в правом крыле здания (если стоять лицом к зданию). У двери кабинета (комната № 67 по старой нумерации) стояли дежурные красногвардейцы. 27 октября 1917 года В. И. Ленин написал специальную инструкцию — Обязанности часового при председателе Совета Народных Комиссаров.

«1. Не пропускать никого кроме *Народных комиссаров* (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения от них).

2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передавать председателю и без его разрешения никого не пускать в комнату.

3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

4. Когда в комнате председателя кто-либо есть, — держать дверь всегда закрытой»¹.

В этой угловой комнате происходили встречи Ленина с рабочими, солдатами, делегатами II Всероссийского съезда Советов. Здесь Ленин подписывал первые декреты и распоряжения Советского правительства. Отсюда Ленин руководил организацией вооруженной борьбы с контрреволюцией.

Здесь же происходило 3 ноября 1917 года заседание Совета Народных Комиссаров. На нем слушался доклад В. П. Ногина о боях за Советскую власть в Москве².

В первой половине ноября 1917 года для Управления делами Совета Народных Комиссаров было подготовлено другое помещение, расположенное на третьем этаже в левом крыле Смольного, где Совнарком находился до 10 марта 1918 года.

Кабинетом Владимира Ильича стала небольшая угловая комната с тремя окнами. Одно окно было обращено к главному подъезду Смольного, а два других — к Лафонской площади.

В кабинете стоял письменный стол, за которым работал В. И. Ленин, простое жесткое кресло венского типа, этажерка с 4 полками и несколько венских стульев.

За дощатой перегородкой, не доходившей до потолка и противоположной стены, был оборудован небольшой коммутатор, возле которого находился дежурный, выполнявший одновременно обязанности личной охраны В. И. Ленина. Дежурили красногвардейцы — рабочие Трубочного и Путиловского заводов.

В этом кабинете 15 ноября происходило заседание Совета Народных Комиссаров, на котором рассматривались важнейшие вопросы — об организации Высшего Совета Народного Хозяйства, о конфискации ряда заводов и фабрик. На этом же заседании было решено, что народные комиссары, которые до того времени работали преимущественно в Смольном, перенесут работу в соответствующие министерства и будут собираться в Смольном только к вечеру для совещаний и для контакта с другими организациями.

¹ Ленинский сборник XXXV, с. 7. *Ред.*

² См. настоящий том, с. 45—47. *Ред.*

Дальнейшие заседания Совета Народных Комиссаров происходили регулярно, почти каждый день, а иногда и два раза в день, вначале в большой комнате — секретариате, а с декабря 1917 года — в специальном зале заседаний, Красном зале, расположенном также в левом крыле Смольного.

Рядом с кабинетом В. И. Ленина большую комнату занимал секретариат. Обстановку составляли несколько канцелярских столов, два шкафа, стулья, два столика с пишущими машинками.

В этой комнате работали: управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич, секретарь Совета Н. П. Горбунов и сотрудники М. Н. Скрышник, Е. К. Кокшарова, А. П. Кизас, Ю. П. Сергеева, Л. Я. Озеревская, Б. Я. Беленькая, П. А. Шахунова, Н. Н. Горлова, Г. Р. Федюшин. Секретариат готовил материалы к заседаниям Совета Народных Комиссаров; здесь печатались протоколы и другие материалы по заданию Владимира Ильича, регистрировались входящие и исходящие бумаги, телеграммы, отправлялись письма, решения Совета Народных Комиссаров по всей Советской республике.

У окон секретариата в течение многих дней стояли два пулемета. Около них дежурили солдаты-пулеметчики.

У двери кабинета Владимира Ильича было установлено дежурство сперва рабочих-красногвардейцев, а затем латышских стрелков. Время было тревожное: контрреволюционеры не раз готовили нападение на Смольный.

Была еще одна комната — приемная Совета Народных Комиссаров, куда приходили многочисленные делегации рабочих, крестьян, солдат с фронта. С первых дней установлен был такой порядок, что каждый посетитель, получивший пропуск в Смольный, мог свободно пройти в помещение Совета Народных Комиссаров, чтобы заявить о своей просьбе или жалобе. Это было указание Владимира Ильича.

Приемной Совнаркома была большая проходная комната. Деревянный низкий барьер разделял ее на две неравные части, отделяя большую часть комнаты, куда приходили посетители, от меньшей части, которая и была собственно приемной. Возле барьера, ближе к окну, стоял стол дежурного секретаря по приему. В приемной стояли деревянный диван и несколько стульев. У барьера был установлен красногвардейский пост.

В помещении Управления делами Совнаркома была комната, служившая столовой для сотрудников. В эту столовую заходил и Владимир Ильич, чтобы выпить стакан чая и съесть бутерброд. (Тогда каждому полагалось не более двух бутербродов, причем бутерброды приготавливались на черном хлебе.) Туда же каждый вечер приходили члены Совнаркома, горячо обсуждали за чаем важнейшие события дня; иногда к ним присоеди-

нялся и Владимир Ильич. Первыми сотрудниками в этой столовой были С. И. Симак и А. М. Балтрукевич.

В первые дни после Октябрьской революции Владимир Ильич в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем высказал мысль о том, что необходимо создать сильный аппарат Управления делами Совнаркома, так как в первые дни, да и в дальнейшем, в Управление начнут со всех сторон стекаться разнообразные дела. Но аппарат Управления делами был небольшой: сначала 4—5 человек, а к концу декабря стало 23 сотрудника. Почти никто из сотрудников не имел опыта канцелярской работы.

Секретарь Совета Н. П. Горбунов рассказывал нам, как он в момент восстания пришел в Смольный, чтобы помочь наладить справочную службу в Смольном, и как его вызвал Владимир Ильич и сказал: «Вы будете секретарем Совета Народных Комиссаров». Понятия о своей будущей работе, как говорил Н. П. Горбунов, да и вообще о секретарских обязанностях, он не имел никакого. Где-то конфисковал пишущую машинку, на которой двумя пальцами выстукивал бумаги, так как машинистку тогда найти было невозможно; где-то отвоевал комнату и начал «формировать аппарат».

В. И. Ленин, руководя деятельностью Совета Народных Комиссаров, налаживал и работу его аппарата. Он учил нас, молодых работников, как вести протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров, составлять повестки заседаний, производить записи в журналах, чтобы быстро навести справку, и как отправлять письма.

Утром, выходя из своего кабинета, Владимир Ильич здоровался с нами, подходил к каждому сотруднику и давал указания по его работе; он требовал, чтобы мы работали четко, быстро и хорошо знали свое дело.

Заседания Совета Народных Комиссаров, ставшие после 15 ноября ежедневными, начинались в точно установленные часы: сперва в 6 часов вечера, а затем, когда была организована подготовительная комиссия, или Малый Совнарком, заседания Большого Совнаркома начинались в 8 часов вечера и кончались обычно поздно ночью, а иногда и утром следующего дня.

На заседания Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич приходил за 10—15 минут до начала, садился в кресло, смотрел на часы, и, если в зале к началу заседания не было еще всех членов Совета Народных Комиссаров, был очень недоволен. «Где же Совнарком?» — спрашивал он и делал строгое замечание секретарю за плохую организацию заседания.

Время у Владимира Ильича было точно распределено, поэтому он требовал от членов Совнаркома строжайшей дисциплины. Опоздывание на заседания он рассматривал как недопустимую потерю времени. 29 декабря 1917 года решением Совнаркома был установлен штраф за опоздания на заседание

Совета Народных Комиссаров: при опоздании на полчаса — 5 рублей, более получаса — 10 рублей.

В решении указывалось, что от штрафа освобождаются те народные комиссары, которые заранее представят заявление секретарю Совета с точным указанием причин опоздания или неявки.

На всех заседаниях Совнаркома, за редкими исключениями, председательствовал Владимир Ильич.

В. И. Ленин, внимательно слушая докладчиков и ораторов, обменивался с нарками записками и тут же на заседании разрешал ряд вопросов.

Все выступавшие на заседаниях Совета Народных Комиссаров свободно высказывали свое мнение. Часто возникали горячие споры, особенно много споров было в присутствии левых эсеров, которые с 10 декабря 1917 года входили в состав правительства.

Левые эсеры обязывались в своей деятельности проводить политику Совета Народных Комиссаров. Однако они по многим вопросам заявляли особое мнение на заседаниях, распространяли ложные сведения о работе членов следственно-юридической комиссии при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Владимир Ильич терпеливо их слушал, а в заключительном слове со всей принципиальностью раскрывал подлинное лицо левых эсеров как представителей мелкобуржуазной партии.

Протоколы заседаний Совнаркома велись секретарем Совета Н. П. Горбуновым, а когда его не было, — вторыми секретарями М. Н. Скрыпник или мною.

Владимир Ильич сам формулировал решения и диктовал их секретарю.

Стенографисток и юристов тогда в Управлении делами Совнаркома еще не было, а секретари часто не успевали в точности записывать решение, и на следующий день Владимиру Ильичу приходилось самому редактировать протокол.

Как бы поздно ни кончались заседания, протокол представлялся на подпись В. И. Ленину в 10 часов утра.

Много внимания уделял Владимир Ильич проверке исполнения. Об исполнении решений Владимиру Ильичу докладывал секретарь Совета. К протоколу прилагался листок исполнения, в котором указывалось, что сделано по каждому пункту протокола.

Владимир Ильич был требователен к работникам аппарата и часто проверял, как выполнялись его задания или поручения.

В ту пору народные комиссары не имели еще опыта в решении государственных вопросов; они часто звонили к Владимиру Ильичу, советовались с ним, приезжали к нему в Смольный и всегда получали исчерпывающий совет.

Несмотря на то что заседания Совета Народных Комиссаров происходили ежедневно, нередко приходилось рассматривать в одно заседание 20—27 вопросов, а в повестку включалось по 40 и более вопросов.

Возникла необходимость образовать подготовительную комиссию — «вермишельную» комиссию (как ее называли члены Совнаркома) для предварительного рассмотрения вопросов.

Эта комиссия в составе народных комиссаров труда, военного и продовольствия уже тогда называлась Малым Совнаркомом. Протоколы Малого Совнаркома утверждались в тот же день на заседании Большого Совнаркома.

18 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров утвердил инструкцию, разработанную Лениным, о порядке внесения вопросов в повестку дня Совнаркома. Инструкция обязывала наркомов, вносящих вопросы на рассмотрение Совета Народных Комиссаров, представлять письменное заявление с указанием:

- а) в чем состоит вопрос (краткое содержание),
- б) что именно предлагается Совнаркому (дать деньги, принять такую-то резолюцию),
- в) затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссариатов? Если затрагивает, то следует представить заключение от них.

В дальнейшем Владимир Ильич ссылаясь на эту инструкцию и требовал от народных комиссаров и работников секретариата Совнаркома обязательного выполнения ее.

Положение о рабочем контроле, подписанное Лениным 14 ноября 1917 года, вызвало ожесточенное сопротивление буржуазии. Капиталисты проводили открытый и скрытый саботаж, не выплачивали рабочим заработной платы. Рабочие посылали в Совет Народных Комиссаров телеграммы, письма, приезжали в Смольный к Владимиру Ильичу, просили скорее разрешить вопрос о национализации предприятий.

За отказ подчиниться рабочему контролю Совет Народных Комиссаров специальным декретом провозгласил конфискацию фабрик и заводов с передачей их в собственность государства. 17 ноября 1917 года была объявлена собственностью Российской республики фабрика товарищества Ликинской мануфактуры при поселке Ликино Владимирской губернии со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим имуществом.

В Управление делами Совнаркома 11 декабря 1917 года поступила телеграмма из Ликино: «Рабочие и служащие Ликинской мануфактуры шлют приветствие СНК и благодарность за конфискацию фабрики»¹.

Поступали многочисленные запросы от местных Советов о мерах борьбы с саботажем предпринимателей. В связи с этими

---

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 54, 716, л. 33. Е. К.

запросами Совет Народных Комиссаров разъяснял, что «конфискации предприятия в каждом отдельном случае должно предшествовать специальное обследование положения дел предприятия, особенно с точки зрения финансовой, снабжения топливом и сырьем, а также технического оборудования»¹.

На одном из первых заседаний, в ноябре 1917 года, Совет Народных Комиссаров признал принципиально необходимым повысить оклады низшим служащим и понизить оклады высшим служащим советских учреждений.

5 декабря 1917 года были повышены оклады почтово-телеграфным работникам по всей России. Декретом ВЦИК и СНК от 11 декабря 1917 года было значительно улучшено материальное положение служащих и рабочих на железнодорожном транспорте.

18 ноября на Совнаркоме слушался вопрос об окладах народным комиссарам и было принято постановление, написанное В. И. Лениным. В нем говорилось, что народным комиссарам назначается предельное жалованье в 500 рублей в месяц и выплачивается прибавка в 100 рублей на каждого неработоспособного члена семьи.

Владимир Ильич, так же как и все народные комиссары, получал 500 рублей в месяц. Этот оклад не был предельным для Совнаркома. Так, кассир получал 500 рублей в месяц, второй секретарь СНК — 550, секретарь СНК — 700, управляющий делами — 800². Когда Владимир Ильич узнал, что ему с 1 марта 1918 года повышен оклад, он вызвал к себе секретаря Совета Н. П. Горбунова и управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича и спросил их, на каком основании произведено это повышение. Так как достаточных, на его взгляд, оснований не оказалось, В. И. Ленин объявил строгий выговор Н. П. Горбунову и В. Д. Бонч-Бруевичу за незаконное повышение оклада в нарушение декрета Совета Народных Комиссаров.

В январе 1918 года Народный комиссариат труда внес в Совет Народных Комиссаров запрос: можно ли платить специалистам больше 500 рублей в месяц. В. И. Ленин разъяснил, что установление предельного месячного жалованья наркомам не означает запрещения платить специалистам больше 500 рублей. Однако введение высоких ставок для некоторых буржуазных специалистов Ленин рассматривал как «отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом»³.

С разных концов страны к Владимиру Ильичу приезжали ходоки-крестьяне на собранные «миром» деньги, чтобы пови-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 149. *Е. К.*

² Там же, д. 72. *Е. К.*

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 179. *Ред.*

даться с самым «главным большевиком», как они называли В. И. Ленина, поговорить с ним о своих крестьянских делах. В. И. Ленин припирал крестьян-ходоков, рабочие и солдатские делегации или у себя в кабинете, или в секретариате за небольшим круглым столом.

Крестьяне-ходоки или уполномоченные лица имели при себе указы, выработанные на сельских сходах. В этих указах указывались вопросы, которые нужно было разрешить в Петрограде, у самого Ленина. Вопросы были самые разнообразные. Часто встречались такие:

«Как и на каких основаниях распределять лошадей, коров, инвентарь, конфискованные у помещиков?»

«Куда должны поступать деньги за проданные дрова или зерно, конфискованные у помещиков?»

«Может ли конфискация распространяться на домашнюю обстановку помещиков?»

«Как должен поступать волостной земельный комитет, если уездный земельный комитет противится проведению в жизнь закона о земле?»...¹

Ленин внимательно слушал крестьян, задавал вопросы, а потом давал ходакам указания о том, чтобы волостные земельные комитеты немедленно брали помещичьи земли в свое распоряжение, охраняли бывшее помещичье имущество, которое стало теперь общественным достоянием.

4 ноября на заседании Петроградского Совета В. И. Ленин заявил, что сейчас наблюдается следующее явление: «...крестьяне отказываются верить, что вся власть принадлежит Советам, они еще чего-то ждут от правительства, забывая, что Совет это не частное учреждение, а государственное»².

В связи с этим В. И. Лениным был написан «Ответ на запросы крестьян»³, который вручался крестьянам-ходакам после их беседы с Лениным. Первый экземпляр «Ответа» был дан делегации Сердобска Саратовской губернии, которую В. И. Ленин принимал 5 ноября 1917 года. Крестьяне уходили довольные, радостные и говорили: «Вот это наша, настоящая крестьянская власть!»

Вспоминается такой случай: к Владимиру Ильичу пришли крестьяне сообщить о том, как они у себя на селе переизбрали Совдеп, как изгнали из него кулаков. Группа крестьян сидела за круглым небольшим столом в общей комнате и дружески беседовала с Лениным. Один из них вынул из котомки каравай хлеба и торжественно подал Владимиру Ильичу:

— Хлебом-то вы нуждаетесь здесь, — сказал крестьянин. Владимир Ильич был очень смущен.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989, по земледелию, л. 4. Е. К.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 62—63. Ред.

³ Там же, с. 68—69. Ред.

— У меня и времени не хватит, чтобы все это съесть,— пошутил он.

Крестьяне, приходившие на прием к Владимиру Ильичу, заботливо спрашивали нас: «А как питается Ленин?»

Рабочие делегации от фабрик и заводов, представители солдат-фронтовиков также приходили к Ленину. Окружив Владимира Ильича, они с большим вниманием слушали его, а потом разносили по всей стране ленинский призыв к массам — брать в свои руки строительство новой жизни.

Но в Смольный приходили не только крестьяне, рабочие и солдатские делегации. Приходили в приемную Совнаркома представители буржуазии, интеллигенции, иностранные дипломаты, которым нельзя было тогда вполне доверять, и во время приема этих делегаций сотрудникам аппарата Совнаркома приходилось порою немало волноваться. Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич учил нас, неопытных еще работников, внимательно следить за такими посетителями.

В ту пору в совнаркомовскую канцелярию приходили письма с угрозами по адресу Ленина, и эти письма напоминали о том, что буржуазия продолжает ожесточенную борьбу против рабоче-крестьянского правительства.

Как-то в конце декабря 1917 года пришел в секретариат студент и упорно добивался встречи с Владимиром Ильичем. Работники секретариата предложили студенту написать записку Ленину, а сами наблюдали за ним. Поведение его показалось подозрительным, и М. Н. Скрипник (она была вторым секретарем СНК и секретарем по приему) подала условный знак дежурившему в секретариате матросу. Студента вывели из помещения Смольного. Вскоре мы узнали, что у него был найден револьвер со взведенным курком.

В секретариат Совнаркома поступало много писем и телеграмм из действующей армии от солдат, рабочих и крестьян, от городской и деревенской бедноты. Люди писали о своей тяжелой жизни, о пережитых унижениях, называли Ленина «другом народа», «другом обездоленных», «уважаемым учителем», приветствовали вождя пролетарской революции.

Вот некоторые из этих писем.

Пишет солдат-коммунист из действующей армии 22 ноября 1917 года: «Уважаемый учитель Владимир Ильич! Шлю Вам сердечный привет и от души поздравляю Вас с новыми завоеваниями пролетариата.

Дорогой учитель, глаза революционной армии устремились с надеждой на нашу партию, армия доверяет нам как истинным защитникам интересов трудящегося народа, с чем и поздравляю Вас, уважаемый учитель. Прошу у Вас благосклонного ответа»¹.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 161. Е. К.

А вот письмо Председателю Совета товарищу Ленину от инвалида Ивана Павликова 30 октября 1917 года:

«Шлю Вам сердечный привет от имени инвалидов физиохирургического института за Вашу деятельность, в чем мы будем надеяться в будущем, наша надежда только на Вас»¹.

26 ноября 1917 года на имя Ленина была получена телеграмма от съезда делегатов армии, флота и рабочих Финляндии:

«...областной съезд армии, флота и рабочих Финляндии перед началом своих работ приветствует Советскую власть в лице ЦИКа и Правительства Народных Комиссаров. Солдаты, матросы и рабочие в Финляндии обещают Вам всемерную поддержку в борьбе с буржуазной контрреволюцией. Революция рабочих и крестьян встретит в нашем лице верных друзей и соратников в момент величайшего напряжения классовой борьбы. Буржуазия для подрыва революции прибегает к саботажу всех начинаний Советской власти. Высшее чиновничество и служащие общественных учреждений объявили стачку, которая разрушает народное хозяйство и ухудшает положение армии. Стоя на страже интересов революции, мы предлагаем все свои силы Советской власти для борьбы с саботажем»².

Владимир Ильич очень внимательно относился к письмам трудящихся. Он обязывал работников секретариата докладывать ему о всех телеграммах, письмах и лично проверял исполнение его резолюций по жалобам и письмам.

Владимир Ильич Ленин проявлял величайшую заботу, чуткость, внимание к людям. Когда кто-нибудь из товарищей уставал, плохо себя чувствовал, он посылал его в отпуск и обязывал раньше срока не возвращаться.

Многие сотрудники аппарата Совета Народных Комиссаров обращались к Владимиру Ильичу за помощью по работе и даже по личным вопросам, и он всегда находил возможность и время поговорить с нами и помочь нам в беде или работе.

Многочисленные делегации со всех концов земного шара посещают и теперь Смольный, где работал и жил В. И. Ленин. В книге отзывов посетителей имеются сотни записей на разных языках. Тут можно видеть китайские иероглифы, записи на японском, индонезийском, вьетнамском, арабском и на многих других языках. Все они говорят об одном — о глубоком уважении и любви к Владимиру Ильичу Ленину — основателю первого в мире социалистического государства.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы,
с. 307—315*

---

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 196. Е. К.

² Там же, д. 74, л. 45. Е. К.

У ИЛЬИЧА

Вот наконец и Смольный. Широко открытые решетчатые ворота, ведущие в огромный двор, прилегающий к многоглазому дому обычного казенного образца. Там и сям несколько торопливо спешащих фигур и десяток-полтора грузовых и легковых автомобилей недалеко от подъезда — такова была в это время внешняя картина Смольного. И только две трехдюймовки, стоявшие у самого входа в вестибюль по обеим сторонам главных дверей, говорили о том, чего ожидали, к чему готовились здесь всего каких-нибудь две недели тому назад.

Я не помню, потребовали ли у меня удостоверение личности, так как все мое внимание в этот момент было поглощено наблюдением над всей обстановкой, в которой работал и действовал центральный аппарат Советской власти.

Прежде всего бросалась в глаза относительная налаженность работы советского аппарата, налаженность эта свидетельствовала об уверенности победившего пролетариата в завтрашнем дне.

— Здесь находятся хозяева, здесь все у себя дома — так мог бы я формулировать итог своих первых внешних впечатлений от общей обстановки Смольного.

Проходил ли я мимо красногвардейца-рабочего, стоявшего на посту с винтовкой, встречался ли с кем-нибудь из служащих в коридоре или прислушивался к ответам, которые время от времени давал посетителям выходивший в приемную секретарь Совнаркома (кажется, тов. Горбунов), — на всем лежала печать деловитости и уверенности.

И, наконец, отчетливо осталось в памяти впечатление от первого моего дня в Совнаркоме: необычайная простота двух примыкающих к кабинету Ленина комнат — приемной и общей канцелярии, а также необычайная доступность советского персонала для посетителей.

Что представляла собой, в сущности, эта так называемая «приемная»? Большая, какая-то несуразная проходная комна-

та, перегородженная двумя деревянными диванами на две неравные части. В промежутке между диванами небольшой, простой столик, за которым сидит сотрудница, спрашивающая каждого о цели прихода. После опроса посетитель переходит за линию дивана и попадает в большую часть комнаты, которая и служила собственно приемной. Простой стол с чернильницами, диван и несколько венских стульев — вот и вся обстановка совнаркомовской приемной в те дни.

Сколько радости и удовольствия должна была оставлять эта простота обстановки в душе рабочего, который приходил в Смольный по разным делам к своему, рабочему правительству. Здесь для него было все свое, все близкое и знакомое. В особенности это чувство близости должны были испытывать рабочий и крестьянин, когда они приходили в совнаркомовскую канцелярию, в ту комнату, которая непосредственно вела в служебный кабинет Ленина. Это тоже была большая и наполовину пустая комната. Три простых канцелярских стола, один столик с пишущей машинкой, два шкафа, несколько стульев да простая, наскоро сколоченная вешалка у двери в кабинет Ленина, на которой обыкновенно вешали пальто приходящие к нему посетители, — вот и вся обстановка канцелярии.

В эту комнату был сразу пропущен и я. Через несколько минут я был уже в кабинете у Ленина.

— Ну, вот мы вас давно уже ждем, товарищ Шлихтер, — встретил меня Ленин с тем обычным товарищеским радушием, которое было так свойственно ему не только в личных, но и в деловых отношениях. — Что вы так долго собирались?

Я поспешил рассказать Ленину, как было дело с его письмом¹, и вкратце передать ему о московских настроениях и работе.

Ленин — весь внимание. Правый глаз прищурен, левый сосредоточенно всматривается в меня.

— На ближайшем заседании Совнаркома будет оформлено ваше назначение комиссаром земледелия, — заканчивает наше деловое свидание Ленин. — Но было бы хорошо, если бы вы сейчас же занялись приемом крестьянских делегатов с мест. Нужны конкретные разъяснения и инструктирование мест о практических мероприятиях, связанных с декретом о конфискации земли. С этим нельзя медлить, а делать это некому. Затем немедленно же надо взять министерский аппарат в свои руки и спешно выработать «Положение» о земле. В канцелярии вам передадут все дела и материалы.

Такова была кратко сформулированная Лениным программа работ, намеченных в первую очередь для центрального аппа-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 2, 402 (прим. № 4). Ред.

рата Советской власти по земельному и в связи с этим по крестьянскому вопросу.

Да, действительно, медлить нельзя было. Декрет о земле, принятый в первые же часы Великой пролетарской социалистической революции (8 ноября 1917 года), содержал лишь принципиальные пункты о конфискации земли и передаче ее в трудовое уравнилельное пользование крестьянам. Практическое проведение конфискации и передача земли крестьянам возлагалась на местах на волостные земельные комитеты и уездные Советы крестьянских депутатов. При передаче земли возникало много споров, возникали самые разнообразные вопросы, с которыми крестьянские ходоки приезжали в Петроград, чтобы получить ответ от центральной власти. На эти вопросы нужно было срочно отвечать, нужно было практически руководить земельной реформой и, утоляя вековечные чаяния крестьян, получить землю, крепить союз пролетариата и трудящегося крестьянства. А то, что пролетарская революция может победить только при поддержке крестьянства, для нас, большевиков, было истиной еще с 1905 года. Вот для чего нужны были, и спешно нужны, конкретные разъяснения крестьянским делегатам и овладение министерским аппаратом.

Естественно, что Ленин дал мне лишь общие принципиальные указания, не вдаваясь в детали о способах и средствах осуществления намеченных задач. Найти эти способы, определить революционную целесообразность той или иной практической меры — в этом заключалась ответственная и трудная сторона той работы, которую на меня возлагали.

Потребность в ком-нибудь, специально предназначенном для текущей работы по комиссариату земледелия, была в тот момент так велика, что мне действительно пришлось буквально исполнить предложение Ленина «сейчас же» приступить к исполнению обязанностей.

Одна из служащих канцелярии Совнаркома, временно исполнявшая разнообразные поручения справочного характера по делам комиссариата земледелия, уже поджидала меня у выхода и, узнав о моем назначении, просила меня немедленно принять от нее «дела» и «канцелярию». У меня еще не было квартиры, и вообще я не успел еще как следует оглядеться после бессонной ночи в поезде, но ее порывистое стремление поскорее ввести меня, так сказать, во владение моим новым делом так заразило меня, что я без возражений согласился сразу же приступить к исполнению своих обязанностей.

— Вот ваша канцелярия, — сказала она мне, подведя к одному из шкафов, стоявшему тут же у стены, и раскрывая его. — Вот здесь печатные экземпляры обращения к крестьянам с некоторыми руководящими указаниями; это единственное, что мы имели до сих пор и что мы даем каждому крестьянину, ко-

торый приходит к нам. А здесь,— продолжала она, показывая на другую полку,— лежат письменные и телеграфные запросы с мест и заявления крестьянских делегатов.

— Это все? — спросил я.

— Все.

— Ну, а где же я мог бы работать? Столик бы мне какой-нибудь и один-два стула,— хлопотал я об оборудовании моей канцелярии, не без смущения оглядывая окружающую обстановку.

Мое смущение было не напрасно, ибо просьба оказалась действительно не из легких для Смольного в те дни: всего было в обрез.

— Кабинета для комиссара земледелия здесь нет; придется вам временно работать здесь же, в общей канцелярии. А стол? — задумалась устроительница моего делового пристанища.— Возьмите себе вот этот столик, который предназначен для посетителей Владимира Ильича, и стулья достанем.

Моя канцелярия была вся при мне и со мной, мой «кабинет» был готов.

Впоследствии мне в Петрограде и в других местах моей работы приходилось иметь разнообразные кабинеты. И, право же, я затрудняюсь сказать, работалось ли мне в них когда-нибудь так весело и с таким деловым зудом, как это было в те 7—8 дней, которые я провел за своим наркомземовским столиком в общей канцелярии Совнаркома. И было это не почему иному, как только потому, что вся моя работа в эти дни, в течение служебных часов, протекала почти исключительно в деловом и непосредственном общении с представителями крестьянской массы, с теми «ходаками», которые в Смольном искали разрешения всех своих вопросов и сомнений.

Целыми фалангами изо дня в день проходили они передо мною, столь разнообразные, кажде по-своему, со своими запросами и нуждами, касающимися «своего» села, и в то же время столь похожие один на другого.

— Что же и как оно будет?..

— Как се, землю-то, к примеру, взять?..

— Потому, видишь, товарищ, надо, чтобы для всех безобидно...

Вот основное содержание тех практических вопросов, из-за которых деревня посылала своих ходоков в Петроград, чтобы получить разъяснение их в Совнаркоме вообще и в частности «непременно у самого Ленина». Декрет пролетарской революции о немедленной передаче всей земли трудящемуся крестьянству всколыхнул деревню до самых глубин ее. Деревня судорожно вралась к деловому закреплению земельной реформы.

Перебирая в своей памяти все, что мне довелось видеть и слышать в это время, я не могу не рассказать об одной сценке,

как наиболее показательной и поразившей меня своей непосредственностью. На второй или третий день моего наркомземства в мою приемную явилась делегация, состоявшая из трех хлеборобов Черниговской губернии. Среди них особенно выделялся представительный седобородый старик, настоящий крестьянин, только что, казалось, оторвавшийся от сохи. Он обратился ко мне с расспросами, касающимися индивидуальных конкретных нужд его деревни в земельном вопросе, получил от меня все разъяснения и указания, но, в то время как все другие делегации, получив ответ, обыкновенно сразу же уходили, я замечаю, что мой старик уходит не собирается. Жду, что будет дальше. Немного помявшись и покряхтев, как это обыкновенно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик спрашивает меня:

— Товарищ, как бы повидать Ленина?

— А зачем,— говорю,— он вам нужен?

— Не могу уехать домой, не повидавши товарища Ленина. Я должен его повидать и должен сказать потом своим, что я его видел. С таким наказом послали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: «Непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать».

Желание старика меня весьма заинтересовало. Подобного рода общение самой «земли», самих масс, творящих революцию в глухих углах далекой провинции, с выразителем интересов этой революции, с ее душой и мозгом — с Лениным показалось мне не лишенным тактического значения. Но я чувствовал себя в некотором смущении. Я знал, что когда приду к нему и скажу, что его хочет видеть делегат от Черниговской губернии, то он замашет руками и скажет мне:

— Уж вы, пожалуйста, сами там сделайте, что нужно.

Но Ленина надо было непременно показать крестьянскому делегату, и я этих крестьян к нему свел. И надо было видеть через две-три минуты это буквально — говорю без преувеличения — одухотворенное счастьем лицо седобородого старика, когда он вышел от Ленина.

— Спасибо, товарищ,— благодарил он меня,— теперь я все расскажу дома.

Лицо старика говорило об искреннем и глубоком доверии к Коммунистической партии, впервые и всерьез, по-настоящему осуществившей заветные думы крестьянства о земле.

Два-три дня спустя после начала моих работ по комиссариату я в заседании Совнаркома был официально назначен исполняющим обязанности народного комиссара земледелия. Теперь можно было бы сразу приступить к выполнению второй из задач, порученных мне Лениным, а именно к овладению центральным аппаратом министерства земледелия. Но в этот момент уже началось наше сватанье с левыми эсерами. Невеста была с запросами. Одним из категорических требований левых

эсеров было неременное предоставление поста наркома земледелия. Левые эсеры считали себя единственными выразителями интересов крестьянства,— отсюда и их требования возглавить Наркомзем. Только при этом условии они соглашались войти в состав правительства и разделить с коммунистами ответственность власти. Мы им предоставили этот пост.

1. Жизнь давно уже на деле разоблачила перед крестьянством истинное лицо этих «выразителей». Давно уже выброшены левые эсеры за борт революции и даже само название партии уже быльем зарастает. Но иначе обстояло дело в тот период. Значительные круги крестьянства доверяли тогда левым эсерам и поддерживали их, и, идя на соглашение с левыми эсерами, мы этим делали известную уступку крестьянству, зная, что жизнь поможет крестьянам на практике изжить свои иллюзии. Декрет о социализации земли был уступкой такого же рода. Когда на II съезде Советов кто-то возражал против декрета на том основании, что он эсеровский, Ленин ответил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен... В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос»¹.

*Шлихтер А. Из воспоминаний о
Ленине. М., Партиздат, 1937,
с. 34—41*

---

¹ Мы хорошо подправляли «с другого конца» — об этом ярко говорит расцвет нашего земледелия в колхозной и совхозной форме. А. Ш. См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 27. *Ред.*

КРЕСТЬЯНЕ-ХОДОКИ У ИЛЬИЧА В СМОЛЬНОМ

Я была приглашена на работу в Совнарком по приему делегаций к товарищу Ленину. Это было в первых числах ноября 1917 года (ст. стиля).

Я хочу кратко описать расположение комнат, где в ту пору работал Ленин и секретариат Совнаркома. В боковом крыле Смольного находилась большая комната секретариата. У двух окон в течение многих дней стояли два пулемета. Около них посменно дежурили солдаты-пулеметчики. Одна дверь этой комнаты вела в маленький кабинет Ильича. Около его дверей круглые сутки дежурил латышский стрелок. В ту пору время было тревожное, и мы не раз ждали нападения на Смольный. Другая дверь секретариата вела в соседнюю комнату. Здесь, около деревянных перил, дежурили два красногвардейца. У входных дверей этой комнаты также дежурил латышский стрелок. Чтобы попасть в кабинет Ленина, нужно было миновать три караула. Все же нам, работавшим в секретариате, во время пропусков делегаций к Ленину часто приходилось волноваться.

Кабинет Ленина — маленькая комната — вмещал письменный стол, удобное кресло для работы и несколько стульев. Сначала пол был голый, потом его покрыли ковром: в Смольном было холодно, с полу очень дуло. За дощатой перегородкой стоял телефонный аппарат.

Это было время неудержимого паломничества к Ленину. Каждый день с утра до вечера я заставляла десятки людей, которые приезжали с мест повидать Владимира Ильича. Они часами сидели в приемной Совнаркома, терпеливо ожидая приема. Несмотря на все уговоры, делегаты не хотели возвращаться на места, не повидав Ленина хотя бы издали. Некоторые после приема просили дать им на руки «бумагу» от имени секретаря. В этой «бумаге» они требовали написать, что такой-то действительно был принят Лениным. Чаще всего такие бумажки при-

ходилось выдавать крестьянам-ходакам. Эти документы ходоки-крестьяне бережно, как святыню, клали за пазуху, обернув в чистую тряпочку. Крестьяне-ходаки, повидавшие Ленина и услышавшие от него мудрые советы, считались тогда первыми людьми на селе. Рекой текла сермяжная деревня послушать человека, «который был у Ленина и говорил с ним».

Из самых глухих деревушек Рязанской, Курской и даже Киевской губерний приезжали к Ильичу ходоки-крестьяне. Приезжали на собранные «миром» гроши в столицу, охваченную революционным огнем.

— Пришлось бросить хозяйство, малых детей, так «мир» захотел. Порешили послать уполномоченных к товарищу Ленину, — не раз говорили мне степенно и с достоинством ходоки-крестьяне.

Мне выпало на долю быть свидетельницей того, как счастливы были те из них, которым довелось видеть этого чудесного человека.

Радущие и ласковые, с которой Ильич принимал ходоков-крестьян, вызывали в них простую человеческую заботливость о нем. Когда мне приходилось некоторых из них угощать обедом в Смольном, они заботливо спрашивали, как питается Ленин.

Помню, однажды приехала группа крестьян, которые задолго до революции купили через Крестьянский банк часть помещичьей земли, что довело их нищенский надел до десятины на едока. На таких крестьян село смотрело как на собственников и зарилось на их землю. Это было время, когда закон о социализации земли с его уравнительной едовой нормой еще не был принят. По Декрету о земле земли рядовых крестьян не подлежали переделу. Я поколебалась дать приезжим окончательное разъяснение и повела их к Ленину. Это были середняки-крестьяне, которые потом и кровью окупали годами «отрезки» земли, украденные помещиками в пореформенное время.

После беседы с Лениным они получили на руки отношение к местным губернским властям.

— Теперь знаем, что нам делать! — говорили они, прощаясь со мной.

Через месяц эти крестьяне снова приехали к Ленину. Получилось то, что под влиянием беседы с Лениным они набрались храбрости и по приезду в деревню взялись за перевыборы Совдепа, в котором засели кулаки, прикрывавшие крупных арендаторов.

— Теперь нам только поблагодарить Владимира Ильича, что он научил нас доброму делу, — сказали они с чувством почтения к Ильичу.

Когда я доложила об их приходе Ленину, он сам вышел из кабинета и поздоровался с ними с поразившей меня простотой

и дружелюбием. Один из крестьян, прежде чем поздороваться с Лениным, вынул из котомки большой каравай хлеба и торжественно преподнес его изумленному Ильичу.

— Хлебом-то вы нуждаетесь здесь, — сказал крестьянин.

Широко расставив руки, Ильич взял этот хлеб и со смущенной улыбкой сказал:

— У меня и времени не хватит, чтобы все это съесть.

Каравай хлеба очутился на столе, и вскоре вся группа крестьян во главе с Лениным сидела за круглым столом и дружески беседовала.

Хлеб в те времена действительно был самым ценным даром деревни. Этим стародавним обычаем крестьяне почитили вождя рабочих и крестьян.

— Сход был у нас, — говорили они нам в секретариате, — решили хлебом почитать нашего дорогого защитника.

Светлы и радостны были лица у этих крестьян. В сдержанных, простых словах они выразили искреннюю любовь и глубокое почтение, которое возбудил в них Ильич.

Радужно прощаясь со мной, они выразили пожелание, чтобы каждая волость посылала ходока-крестьянина к Ильичу для личной беседы с ним.

Помню, однажды пришли крестьяне-ходоки из разных губерний. Они хотели захватить свекловичные поля и говорили, что «земля из-под свеклы больно хорошая». Я убеждала их в том, что рабоче-крестьянская власть не может допустить разорения свекловичных полей. В ответ они упрямо толковали:

— Никак нам без этой земли не обойтись, будем сеять на ней пшеницу. Проводите нас к Ленину, он нам все разрешит по справедливости.

Я привела их к Владимиру Ильичу. Он сам открыл дверь и, подавая руку ходокам, пригласил их к себе. Прошло минут пятнадцать. Я вошла в кабинет. Как обычно на приеме, Ильич уютно сидел в кресле в позе отдыхающего человека, опустил руки в карманы брюк. Крестьяне, положив шапки на колени, не торопясь и солидно рассказывали Ильичу о том, что делается у них на селе. По-видимому, разговор был в разгаре. Прищурив один глаз, Ленин пытливо всматривался в лица крестьян. Я услышала отрывки его слов:

— Как же без сахарных заводов мы обойдемся? Ведь сахар мы повезем за границу, торговать будем...

Наконец ходоки вышли. Они положительно были опьянены беседой, общением с «главным большевиком». Так они при разговоре со мной называли главу рабоче-крестьянской власти. Это были люди сдержанные, привыкшие не доверять городу, осторожно относившиеся ко вся и всему. Но на них неотразимо подействовала сила ума и духовное обаяние Владимира Ильича. Эта сила выражала ясную и четкую пролетарскую линию и

его твердое сознание и убеждение в необходимости дружбы рабочих и крестьян. Я видела, как подействовало на крестьян прикосновение к живому источнику мысли гениального человека. Ходоки окружили меня и твердили:

— Поедем на село — расскажем, что видели его. Все он растолковал нам, как есть, справедливо.

Один из ходоков сказал:

— А умный у нас теперь управитель! И в крестьянстве толк понимает.

В ответ на эту оригинальную похвалу я рассказала им, что Ленин наблюдал жизнь крестьян, знает их борьбу за землю и волю, что он всю жизнь учил рабочих и большевистскую партию, как добиться крестьянам земли и воли. На это один из ходоков неожиданно спросил меня:

— Скажите вы нам, что же, он все дела сам решает?

Я ответила, что Владимир Ильич все государственные дела решает с партией, в Центральном Комитете большевиков, что партия так же думает, как и Ленин.

Один из ходоков снова задал вопрос:

— А что же, без него ничего не решают? Он все проверяет и законы сам одобряет?

Видно, они прониклись к нему таким доверием, так полагались на его умелое и мудрое руководство, что им хотелось уехать на село с полной убежденностью, что без Ленина ничего не делается.

Я передала ему эту похвалу. Он, видимо, был удовлетворен и в ответ весело, немного иронически улыбнулся. А улыбка у него была всегда широкая. Думал ли в эту минуту Ильич, что то впечатление, которое он произвел на крестьян, есть маленькое проявление великой связи рабочих и крестьян? Поэтому, может быть, Ильич лишь в крайних случаях отказывался принимать делегации крестьян.

Я подметила, что Ильич был особенно обходителен с крестьянами-ходаками. Как-то особенно гостеприимно с ними здоровался при встрече. Судя по тону его, по простоте его беседы с ними, я заметила, как он мягко, осторожно располагая к себе, незаметно для самих крестьян приближал их крестьянскую мерку понимания вещей к пролетарской.

Иное дело с рабочими. В беседе с делегациями от фабзавкомов Ленин подчеркивал роль рабочего класса как главного ответчика за судьбу молодого пролетарского государства, добиваясь поднятия сознания рабочих до понимания не на словах, а на деле роли диктатуры пролетариата.

ИЗ КНИГИ
«ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ»

...Квартиры у Ленина в Петрограде не было. По возвращении из эмиграции в апреле 1917 года он поселился с Надеждой Константиновной у своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой. С июльских дней — подполье: стог сена в Разливе, Гельсингфорс, Выборг. В начале октября Ильич нелегально вернулся в Петроград, жил на Выборгской стороне в специально подготовленной квартире. Вечером 24 октября он покинул эту квартиру и больше туда не возвращался. Остался в Смольном. Там проходили первые послеоктябрьские дни, нередко и ночи. Если и уходил иногда ночевать, так к знакомым, к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

Недели через две после революции, когда я был уже комендантом Смольного, внизу, в комнате какой-то классной дамы, мы оборудовали жилье для Ленина и Крупской. Это была небольшая комната, разгороженная пополам перегородкой. Вход был через умывальную с множеством кранов, здесь раньше умывались институтки. В комнате — небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев — вот и вся обстановка. За перегородкой простые узкие железные кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего.

Прикомандировал я к «квартире» Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой: жидкий суп, кусок хлеба с мякиной и иногда кашу — что полагалось по пайку всем. Бывало, Ильич и сам шел вечером в столовую за супом. Несколько раз я встречал его с солдатским котелком в руке.

Потом, когда организовалась совнаркомовская столовая, стало немного лучше. В это же время за квартирой Ильича начала присматривать мать одного из старейших питерских большевиков — Александра Васильевича Шотмана, специально

приходившая в Смольный. Она взяла под свое руководство Желтышева, наводила чистоту, следила за питанием Ильича.

Ильич был необычайно скромен и непритязателен. Очень редко он обращался к кому-либо с личными просьбами, а если и просил что-нибудь для себя, то именно просил, а не требовал, неизменно вежливо, деликатно, явно не желая обременять кого-либо своими личными нуждами.

Сижу я как-то у себя в комендатуре, вдруг открывается дверь — на пороге Владимир Ильич, в шубе, шапке, как видно, едет на собрание или на митинг. В руках изящная деревянная шкатулка.

— Товарищ Мальков, у вас найдется пара минут?

Я вскочил.

— Владимир Ильич, да я...

Он замахал рукой.

— Сидите, сидите. Я ведь по личному делу.

Вид у Ильича какой-то необычный, пожалуй, даже чуть-чуть смущенный. Бережно протягивает мне шкатулку.

— Если вам не трудно, откройте эту шкатулочку, никак у меня не получается. Только, пожалуйста, осторожно, поаккуратнее, не испортите. Я очень дорожу ею, тут письма от моей мамы.

«От мамы» — так и сказал!

— Владимир Ильич, я сейчас же сделаю.

— Зачем же сейчас? Что вы! Когда время найдется, тогда и откроете. Сейчас я все равно уезжаю. Только, пожалуйста, сегодня. Пока поберегите ее, а когда вернусь, тогда и отдадите.

Владимир Ильич ушел, а я принялся за шкатулку. Взял ее бережно, осторожно, не только что поцарапать, старался не дышать на нее. Провозился с полчаса, открыл. С какой радостью вернул я ее Ильичу, когда он приехал!

Взял Ильич шкатулку, любовно погладил ее полированную поверхность, глянул на меня вприщур:

— Спасибо, товарищ Мальков, большое спасибо!

Когда достали мы халву, я роздал ее работникам Совнаркома, ВЦИКа, Ревкома. Несколько фунтов выделил для Ильича и сам отнес к нему в комнату.

Проходит несколько часов, стук в дверь.

— Войдите!

Входит Надежда Константиновна и кладет мне на стол сверток с халвой.

— Желтышев сказал, что это вы принесли, товарищ Мальков. Спасибо большое, только нам не надо, спасибо. Хоть тут и немного, только вы поровну между всеми товарищами разделите.

— Надежда Константиновна, помилуйте, да у нас этой халвы сколько угодно, я не только вам, всем дал.

— Ну, тогда иное дело. Только все равно вы ее возьмите, дайте кому-нибудь другому.

— Другому? Но почему? Быть может, Владимир Ильич не любит халвы?

— Да нет, любить-то еще как любит, только, знаете, она ведь дорогая, а у нас сейчас денег нет. Вы уж извините.

— И не просите, Надежда Константиновна. Не возьму. А о деньгах не думайте. Халва бесхозная, так что раздаем мы ее бесплатно.

Еле-еле уговорил Надежду Константиновну взять халву. Такие они были, Ленин и Крупская, большевики...

В 1917 году Ленин ездил и ходил всюду без всякой охраны. Очень меня это беспокоило. Несколько раз пытался я говорить на эту тему с Владимиром Ильичем, он только рукой махал:

— Помилуйте, батенька, только этого не доставало!

Спорить с ним было бесполезно.

Говорили с Владимиром Ильичем об охране и Яков Михайлович и Феликс Эдмундович, но и они ничего не добились. А ведь Владимир Ильич не только постоянно выезжал из Смольного, частенько под вечер он отправлялся пешком вдвоем с Надеждой Константиновной побродить по улицам, отдохнуть от нечеловеческого напряжения. Пешие прогулки, как я заметил, были палубенным отдыхом Владимира Ильича.

В 1917 году Ленина, правда, немногие знали в лицо, портретов его еще не публиковалось, но все же мало ли что могло случиться. Когда Владимир Ильич отправлялся на очередную прогулку, на сердце у меня бывало беспокойно. Не говоря ничего Ильичу, я строго-настрого приказывал часовым не спускать глаз с него и Надежды Константиновны, когда они гуляли невдалеке от Смольного, но делать это так, чтобы не попасться Ильичу на глаза. (Знал: заметит, будет сердиться.) А уж если кто чужой к ним приблизится да покажется подозрительным, тут действовать решительно, оберегая Ильича от возможной опасности.

Делать это было сравнительно легко, потому что вокруг Смольного постоянно выставлялись подвижные посты, которые следили, чтобы не было скопления подозрительной публики...

1(14) января 1918 года Владимир Ильич выступал на многочисленном митинге в Михайловском манеже¹. Вместе с ним на митинге были Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, и швейцарский социалист Фридрих Платтен, сопровождавший Ленина еще при его возвращении из Швейцарии в Россию после Февральской революции.

Едва все трое сели после митинга в машину и машина тронулась, как загремели выстрелы. Платтен, мужчина рослый, здоровый, схватил Владимира Ильича за плечи, пригнул

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 216—217. Ред.

к сиденью и закрыл собственным телом. Шофер дал полный газ, и машина умчалась. Никто из пассажиров, кроме Платтена, не пострадал, да и Платтен отделался легким ранением: пуля царапала ему руку. Но кузов машины был прострелен в нескольких местах.

Произошло это незадолго до открытия Учредительного собрания. Вот тут уж не посчитались с мнением Ильича и организовали надежную охрану, особенно когда Ильич поехал на заседание Учредительного собрания.

Охрана Смольного все эти дни находилась в полной боевой готовности. Посты были усилены, количество постов увеличено, отпуска в город сотрудникам охраны отменены. В день открытия Учредительного собрания Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, позвонил мне по телефону и передал распоряжение Ленина: поставить всю охрану под ружье, выкатить пулеметы, самому неотлучно находиться в Смольном. Так я и не попал на открытие Учредительного собрания. И охрану Ильича в Таврическом дворце, где заседала Учредилка, поручили не нам, а кому-то другому.

Впрочем, даже после покушения Ленина как следует охраняли недолго, считанные дни. Потом он решительно запротестовал и настоял, чтобы охрану убрали. Опять Владимир Ильич ходил и ездил по Петрограду без охраны.

*Мальков П. Записки коменданта
Кремля. М., «Молодая гвардия»,
1967, с. 60—63*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И ПЛАНОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Для нас, работников совета фабрично-заводских комитетов, в период вышибания буржуазии из седла ее собственности (по выражению Владимира Ильича на одной из конференций заводских комитетов) каждое слово Ленина было законом.

С того момента, когда рабочий класс стал у власти, заводские комитеты не могли продолжать свою работу без фактического контроля над производством.

Задумываясь над этим вопросом, совет фабрично-заводских комитетов (тов. Амосов и я) разработал схему организации такого государственного органа, который бы регулировал и управлял всем хозяйством и промышленностью. Продумав организационные формы этого органа, мы решили пойти к Владимиру Ильичу и узнать, как он к этому отнесется.

28 или 29 октября 1917 года Владимир Ильич принял нас в Смольном, во 2-м этаже, в своей рабочей комнате. Усадив нас около маленького круглого столика, он стал расспрашивать о цели посещения. Мы ему подробно изложили наш план, при этом разложили перед ним графическую схему. С большой внимательностью Владимир Ильич расспрашивал нас о мельчайших подробностях нашей схемы, а особое внимание обратил на состав и название проектируемого органа. Мы ему показали набросанный нами перечень представителей от комиссариатов и рабочих организаций, входящих в состав пленума. На его вопрос, как мы назовем этот орган, мы ответили, что думаем назвать его Высшим советом народного хозяйства, после чего он несколько раз повторил это название, заявляя, что оно очень удачно, причем высказал в нескольких словах мысль, что рабочему правительству такой орган нужен, что при нашей задаче обобществления средств производства нам нужен такой орган, через который сами рабочие управляли бы хозяйством.

Ободренные сочувствием Владимира Ильича, мы тогда же стали просить его о том, чтобы наш проект был издан в виде декрета, на что он со смехом заявил: «Не буду же я издавать декретом вот эти ваши разноцветные кружки! Вы напишите на бумаге так, чтобы там были параграфы да пункты,— вот тогда мы и издадим все это декретом». Мы откровенно сознались, что такого декрета написать не умеем, над чем Вла-

димир Ильич искренне смеялся, говоря: «Ну как же быть тогда?» Мы стали просить, чтобы он сам написал декрет, на что Владимир Ильич ответил, что самому ему писать некогда, но он кого-нибудь к нам пришлет, и мы там совместно напишем.

Уходя в этот раз от Владимира Ильича, мы радовались сочувствию, высказанному им нашему проекту, одновременно вдумываясь в высказанную им мысль: рабочему правительству пужен такой орган, через который рабочий класс мог бы управлять своим хозяйством.

Был другой случай посещения Владимира Ильича нами — представителями совета фабрично-заводских комитетов.

В конце января 1918 года, когда злостный саботаж со стороны экономически еще не разбитой буржуазии привел к тому, что петроградские заводы, не имея заказов, приостанавливались один за другим, нам казалось, что, если бы мы централизовали все дела заявок и заказов, нам было бы известно, какие заводы обеспечены заказами и какие не обеспечены. Нам казалось, что если правительство издаст декрет о централизации заказов, то все будет хорошо. Вот поговорить об издании такого декрета мы и пошли к Владимиру Ильичу. Пошло нас несколько человек. Фамилий этих товарищей не помню, но, если они живы, они смогут дополнить то, что будет мной упущено в описании этого посещения.

Принял нас Владимир Ильич в Смольном, по-товарищески усадил, и мы в беседе с ним изложили нашу просьбу, на которую получили ясный и точный ответ. Владимир Ильич заявил, что при нашем хозяйстве и при чрезвычайно распыленном крестьянском потребителе централизовать заказы нельзя. Прежде чем об этом говорить, нам надо приложить все усилия к вовлечению в кооперацию всего населения, а главное — рабочего класса и крестьянства, и только тогда, когда рабочий класс и крестьянство будут перед нами стоять как организованные потребители и когда этот потребитель свяжется с нашей промышленностью, — тогда не надо будет и никакого декрета, ибо мы и без декрета будем знать нашего заказчика. «А теперь, — заключил Владимир Ильич, — следовало бы вам, работникам фабрично-заводских комитетов, как можно больше уделить внимания на организацию отпора нападающим белогвардейцам и проявить наибольшее участие в борьбе с внутренней контрреволюцией и саботажем».

Из высказанной Владимиром Ильичем еще в 1918 году мысли мы видим, как его гений в условиях жесточайшего саботажа и контрреволюции уже предвидел необходимость для нашей промышленности смычки с крестьянством через кооперацию.

УРОКИ ИЛЬИЧА

В работе Владимира Ильича меня поражал тот практицизм, всегда имевший под собой базу теоретических обоснований и отвечающий основным требованиям момента, который проявлялся в подходе Ильича к любому вопросу. Особенно важно то, что и при решении больших вопросов и при разрешении мелких запросов Ильич давал свои указания и добивался решений, выделяя главное, не допуская в то же время затухания и «замазывания» того, что нужно подчеркнуть из деталей.

Характерным для Ильича и поучительным для нас всех было то, что решение вопросов, выработка плана действий и тому подобное вытекали из учета обстановки, сил и взвешивания факторов как содействующих, так и противодействующих намеченному делу. Гений Ильича охватывал и систематизировал не только опыт пройденного, но предвидел перспективы, особенно полно учитывая тенденции широких масс трудящихся. Мне помнятся его инструкционные указания нам — представителям заводских коллективов Петрограда в период проведения выборов в районные и городскую думы в 1917 году. Наряду с определенным общей линией нашей партии он доходил до мелких указаний, особенно остро требовавшихся низовым работникам. Все мы знали, что партия идет к мобилизации пролетарских сил для вооруженного восстания, но указания Ильича в части тактических выступлений заставляли всех этот путь чувствовать в своей повседневной работе и обобщать такие же чувства рабочих и крестьян (бывших тогда в значительном числе в армии).

26 октября 1917 года, когда Ильич еще в пылу боя занимался вопросом захвата экономических органов, он основным вопросом поставил учет сил, способных эту задачу выполнить. На совещании с группой работников профсоюзов и центрального совета фабрично-заводских комитетов (т.т. Глебов, Шмидт, Амосов, я и еще кто-то) в одной из комнат Смольного он прямо спросил: «Чем мы сейчас располагаем (в отношении людского

состава) в ЦСФЗК'ов и *какие* учреждения нужно захватить в первую очередь?». Силы были распределены, двинуты на важнейшие пункты, и этим обеспечено удовлетворение неотложных нужд промышленности.

Первый период после переезда ВСНХ в Москву, когда руководство этим учреждением нарушилось из-за существовавших тогда в партии разногласий по вопросу о Брестском мире, Владимир Ильич принимал довольно близкое участие в работах президиума ВСНХ. Часто заседания происходили в Кремле (в помещении СНК), но бывали и во 2-м Доме Советов... Уже тогда Ильич вел жестокую борьбу с «прожектантами» отдельных товарищей и требовал делового подхода к вопросам, к стоявшим тогда хозяйственным задачам, уже тогда настойчиво требовал фактических цифровых данных и предостерегал некоторых товарищей от увлечения самонадеянностью. Там, где не было ярко выраженного мнения широких масс рабочих и их организаций, тов. Ленин требовал вовлечения их в обсуждение вопроса. В вопросе об организации управления объединением заводов Сормово — Коломна (впоследствии Гомзы¹) было много споров, но участие Ильича помогло их пзжить вовремя.

Когда мне пришлось работать в качестве председателя правления Гомзы (с октября 1917 года по октябрь 1919 года), нередко приходилось добиваться чего-нибудь, лишь доходя до СТО. Работа этого крупнейшего промышленного объединения всегда интересовала тов. Ленина, который неоднократно вызывал к себе как по большим вопросам, так и по мелким (иногда из-за вагона хлеба или овса, где-либо застрявшего в пути и срывающего производство).

Владимир Ильич уже тогда добивался *правильного учета ресурсов и учета производительности труда, как основных предпосылок для правильного ведения дел.*

В дальнейшем он неуклонно возвращался к этому требованию, систематически вбивая в наши головы и головы широких масс трудящихся *роль и значение учета и отчетности в нашей работе.*

Другой момент, который врезался мне в память, это борьба В. И. Ленина за использование специалистов в хозяйственной и других областях.

Основные кадры наших пролетарских сил, вынесших на своих плечах тяжесть работ первого периода после октября, при почти всеобщем саботаже интеллигенции, с трудом шли на привлечение «спецов» и правильное их использование. Тов. Ленин этот вопрос ставил резко и добился перелома в отношении к спецам, с одной стороны, и спецов к Советской власти — с дру-

---

¹ Государственные объединенные машиностроительные заводы (ГОМЗы). *Ред.*

гой. Мне неоднократно приходилось говорить с Владимиром Ильичем на эту тему, так как вопрос использования всех производительных сил его чрезвычайно интересовал, и он использовал всякую возможность, чтобы получить от практических работников нужные ему данные.

Вопросы восстановления хозяйства, и в частности промышленности, настолько захватывали Владимира Ильича, что он находил время и возможность принимать хозяйственников самых разнообразных рангов и профработников не только центральных, но и с мест. При этом он особо интересовался проявлением рабочей инициативы в области улучшения производства и инициативы спецов в части механизации и т. п. Это непосредственное соприкосновение с живыми работниками, а не только ознакомление с бумажными докладами главков Ильич широко использовал в своей руководящей работе в СНК и СТО. Эта доступность неизбежно вела к переутомлению тов. Ленина, но эти общения являлись сильнейшими толчками в работе. После разговора со своим Ильичем, даже после его ругани, чувствовался прилив энергии, рост веры в дело и тяжесть положения как будто облегчалась, хотя он всегда подчеркивал «архитяжелую» обстановку, которую нужно преодолевать. Никогда он не сулил неосуществимого, всегда обещанное выполнял в той степени, какую обеспечивали общие условия момента и тщательная проверка всех расчетов.

Во время посещения мною Владимира Ильича, когда мне пришлось работать на Украине, он особенно интересовался бытом крестьянства, развитием украинской культуры и языка в селе и в городе, среди крестьянства и среди рабочих и вопросами участия местных культурных сил в нашей работе. *Одобрив и целиком поддерживая курс на организацию незаможного селянства, Владимир Ильич особенно подчеркивал необходимость установления теснейшей спайки рабочих и крестьян Украины как страны, являющейся особо лакомой приманкой для мирового империализма, готового в любой момент пойти на захват Украины.*

Владимир Ильич всегда на первый план выдвигал задачу волеия в государственную работу широких масс трудящихся.

Сейчас уроки Ильича должны быть повторены и повторяемы впредь, чтобы во всех областях государственной работы идти уверенными шагами вперед, как мы шли при непосредственном руководстве величайшего вождя пролетариата — нашего дорогого Ильича.

ГЛУБОКОЕ ЗНАНИЕ ЖИЗНИ ТРУДЯЩИХСЯ

С Владимиром Ильичем Лениным я встречался много раз, особенно часто в 1917 году, в дни Чрезвычайного съезда крестьянских депутатов и II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Я был председателем фракции большевиков этих съездов и впоследствии председателем фракции большевиков Крестьянского исполнительного комитета, и мне неоднократно по различным вопросам приходилось обращаться к товарищу Ленину. О выступлениях В. И. Ленина на I крестьянском съезде уже упоминалось в литературе, и я этого касаться не буду. В литературе описано и выступление Владимира Ильича в 1906 году в Петербурге, на митинге в доме графини Паниной; я тогда впервые увидел и услышал нашего учителя, его речь произвела на меня и моих товарищей неизгладимое впечатление.

После Октябрьской революции и захвата нами ставки XII армии в Валке я поехал в Петроград на Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов, который открылся 10 (23) ноября 1917 года. Из участников съезда — членов нашей партии я помню гг. Невского, Харитопова, Врачева, В. Соловьева, В. Гайле (впоследствии секретарь фракции большевиков Крестьянского исполнительного комитета), Инессу Арманд, Иванову (впоследствии председатель Смоленского губисполкома), Сергея Гусева.

Все съезды тогда проходили весьма бурно, в том числе и этот съезд. Каждый пункт повестки дня, каждый вопрос вызывал отчаянные схватки. Благодаря исключительной большевистской спаянности, целеустремленности и напористости мы, делегаты-большевики, не только толкали левых эсеров на определение ими более ясной позиции, но «давили» и на весь съезд. Мы ставили всех делегатов перед прямым вопросом: за то ли съезд, чтобы сами крестьяне непосредственно взяли в свои руки устройство земельных распоряжков, или они вместе с правыми эсерами, перебежавшими в лагерь богачей, за то, чтобы земельные распоряжки устраивали гучковы, львовы, милликовы и тому подобный

контрреволюционный сброд? Правые эсеры этой нашей постановкой вопроса были взбешены, особенно тем, что мы их считали в лагере контрреволюции.

Понятно, что все установки до мельчайших подробностей я получал от Владимира Ильича. Приходилось поражаться его предвидению. Тактику эсеров он часто настолько точно разгадывал, что будто бы читал их мысли.

Однажды на третий день съезда утром я пошел к товарищу Ленину информировать его о работе съезда. В разговоре, между прочим, сказал, что, очевидно, радиотелеграмма о созыве съезда попала на места с запозданием, так как делегаты все время прибывают, а сейчас даже больше, чем в первые два дня. Тов. Ленин, резко повернувшись ко мне, спросил: «Вы говорите, больше?». Я подтвердил. Тогда он, обратившись к только что вошедшему Я. М. Свердлову, сказал: «По-видимому, Авксентьев и Чернов хотят зацепиться за крестьянский съезд». И добавил, что правые эсеры, должно быть, сами послали приглашение на съезд, что «запоздавшие» умышленно запаздывают, что правые эсеры думают захватить крестьянский исполком, а если это им не удастся, то из «опоздавших» составить свой съезд. Свердлов заметил: «Вылетев из седла, на хвосте не удержишься». Ленин стремительно встал со стула и проговорил: «Надо столкнуть их скорее и с хвоста, чтобы не мешали».

Вернувшись на съезд, я выяснил, что действительно многие из опоздавших прибыли на съезд по приглашению Исполнительного комитета крестьянских депутатов (эсеровского), избранного I съездом, то есть по приглашению Авксентьева.

Атмосфера съезда накалялась. Обозначилось и некоторое колебание среди левых эсеров. Тогда на съезде выступил В. И. Ленин. Он, как я запомнил, говорил примерно следующее:

Рабоче-крестьянская революция окончательно победила в Петербурге. С фронта и из деревень ежеминутно поступают сведения о поддержке нового правительства подавляющим большинством солдат и крестьян. Декреты о мире и немедленной передаче земли крестьянам повсюду нашли полное одобрение. Помещики, капиталисты, все богатые и тянущие руку богатых отчаянно сопротивляются революции. Трудящиеся понимают, что богатые против власти народа. Враги народа хотят обмануть трудящихся, уверяя, будто большевистское правительство не есть Советское правительство. Всем известно, что II съезд Советов утвердил состав правительства. Спасение от ужасов войны, от гнета помещиков и капиталистов — в крепком союзе крестьян с фабрично-заводскими рабочими. Судьба страны теперь в ваших руках, вы должны провести в жизнь декрет о земле и создать на местах рабоче-крестьянскую власть. Далее Ленин говорил о перебежке в стан богатей правых эсеров, об обмане ими рабочих и крестьян, о предоставлении мест в правительстве

представителям меньшинства съезда Советов при условии признания ими платформы Советов и высказал сожаление, что левые эсеры отказались на II съезде Советов войти в правительство.

Выступление тов. Ленина на съезде нанесло сокрушительный удар по правым эсерам и окончательно определило позицию левых социалистов-революционеров.

Съезд принял резолюцию в основном в духе выступления товарища Ленина¹. Съезд со знаменами и музыкой пошел в Смольный приветствовать Совнарком.

Новые делегаты, все время прибывавшие в Петроград, выражали недовольство тем, что им не удалось принять участие в работе съезда, а группа правых эсеров настаивала на открытии нового съезда, очевидно, надеясь на захват исполкома. Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов не без острой борьбы превратился во II Всероссийский съезд крестьянских депутатов (открылся 26 ноября (9 декабря) 1917 года).

Правые эсеры стали распространять среди делегатов паскудное антисоветское воззвание ко всем крестьянам, солдатам и рабочим, выпущенное от имени Исполкома крестьянских депутатов. Но им так и не удалось захватить руководство съездом.

И во время II Всероссийского съезда крестьянских депутатов я систематически получал от Владимира Ильича указания, касающиеся работы съезда. С ним часто встречались и совещались по вопросам работы съезда и левые эсеры.

В разговоре со мной тов. Ленин рекомендовал вести усиленную агитацию среди делегатов съезда правых эсеров. Он говорил примерно следующее:

— Вы не смущайтесь. Эти делегаты называют себя социалистами-революционерами, но они не все такие испоганившиеся и прожженные политики, как Авксентьев и Чернов. Это в большинстве обманутые солдаты и крестьяне, не разобравшиеся в политике своих вождей. Пошли же они за их «фирмой» по укоровившемуся мнению, что якобы только социалисты-революционеры за мужика. Им надо терпеливо и настойчиво разъяснять разницу между нашей политикой и политикой Авксентьева, Маслова, Чернова.

Владимир Ильич взял со стола обращение правых эсеров и стал разъяснять, как использовать это обращение против самих правых эсеров.

— Вот видите, они тут говорят: «Ни одного дня отсрочки созыва Учредительного собрания». Надо задать вопрос: почему они раньше так не вопили? После этого укажите: Керенский обещал созвать Учредительное собрание 8 июля — не собрал, обманул, обещал созвать к 17 сентября и опять обманул. Чер-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 96—97. *Ред.*

повы и авксентьевы молчали. Потому молчали, что на словах они за народовластие, а на деле за власть буржуазии. И дальше глядите, что написано в обращении: Временное правительство объявило об окончательной разработке закона о передаче земли в распоряжение земельных комитетов. Тех самых комитетов, которые правительство Керенского арестовывало за захват помещичьих земель! Почему же Чернов, Маслов, Авксентьев тогда молчали? Да потому, что они защищали помещика от крестьянина, а не крестьянина от помещика. А если они сейчас заговорили о земле, то это только потому, что крестьянам надоело: восемь месяцев их кормили обещаниями, их терпение лопнуло, они сами стали брать землю, а правительство Керенского их расстреливало, как бунтовщиков. Вот где правда! Тут в обращении говорится и о мире. Разъясните делегатам, что Чернов и Авксентьев никогда не думали о скором мире. Все помнят их крики: «Война до победного конца». Если теперь они заговорили о мире, то это обман. Они хотят не мира, а выигрыша времени для собирания контрреволюционных сил. Они готовы пригласить немцев, англичан, французов, лишь бы отстоять власть помещиков и капиталистов. Старательно разъясняйте делегатам, что правительство большевиков не на словах, а на деле дало землю крестьянам, издало декрет о мире. Мы провозгласили: «Вся власть Советам!». Теперь от самих крестьян зависит, сумеют ли они отстоять свои права против помещиков и их подручных — черновых, авксентьевых и масловых.

Обо всех указаниях тов. Ленина я сообщал на собраниях фракции большевиков. Но в экстренных случаях, когда фракцию собрать было невозможно, я об указаниях Ленина информировал в кулуарах более активных товарищей.

Мы вели агитацию на собраниях и в кулуарах, но и правые эсеры не спали. Они усиленно обрабатывали своих единомышленников, пуская в ход самую отчаянную демагогию, извращали факты, не считаясь с истиной. В результате подобной разнузданной обработки некоторые провинциальные простаки вылезали с этим примитивным багажом на трибуну съезда. 2 (15) декабря, перед тем как говорить тов. Ленину, выступал как раз такой эсерик. Он повторил все пошлости продажной буржуазной прессы: о plombированном вагоне, о немецких деньгах, о шпионах и т. п. В. И. Ленин стоял в президиуме несколько поодаль от трибуны и смеялся. Эсерик повернулся, очевидно полагая, что он убил Ленина своей пошлостью. А когда он в изумлении увидел, что В. И. Ленин смеется, то воскликнул: «Посмотрите! Посмотрите! Этот человек еще смеется!» Тут грянул смех всего зала. Эсерик растерялся и, желая выйти из неловкого положения, крикнул: «Чего вы смеетесь? Вот Ленин разгонит вас штыками», и затем, проямлив несколько нечленораздельных слов, сошел с трибуны.

Тов. Ленин, заявив, что он выступает от фракции большевиков и считает важным, чтобы мнение партии большевиков было известно съезду крестьянских депутатов, начал свою речь с последнего выкрика эсера. В. И. Ленин сказал: «Когда я пришел сюда, я слышал часть речи последнего оратора, который, обращаясь ко мне, сказал вам, что я хочу разогнать вас штыками»¹.

Речь Ленина в основном сводилась к следующему.

Народ шел за социалистами-революционерами, покуда не увидел, что они не осуществляют его желания. Потом он убедился, что только большевики осуществляют его думы и чаяния, и пошел за большевиками.

Народ сам носитель и устроитель своей судьбы. Советская власть — самая демократическая власть, выше всяких Учредительных собраний.

Большевики уверенно смотрят в будущее, твердо знают, что народ за большевиков, за Советы.

Мы не допустим гибели народной власти, и все потуги врагов социалистической революции напрасны.

Речь тов. Ленина произвела громадное впечатление на участников съезда. Она была ясна, убедительна. Эта речь была образцом того, как можно самые сложные вопросы изложить простыми словами, понятными даже малограмотному, темному человеку. Таким же языком было написано и воззвание к крестьянам по поводу ухода правых эсеров со съезда. К сожалению, эта речь тов. Ленина не была подробно записана.

Правые эсеры ушли со съезда, увлекли за собой часть колебавшихся делегатов, открыли свой съезд, но потом колебавшиеся вернулись обратно. Оставшиеся правые эсеры — ничтожная кучка, человек сорок, — уже не имели большого политического значения.

Я не буду касаться работы Исполкома крестьянских депутатов, а также III съезда крестьянских депутатов, на котором был принят закон о социализации земли, хотя и в это время часто встречался с Владимиром Ильичем. Не буду касаться и последующих встреч с ним. Опишу лишь одну встречу, характеризующую работу товарища Ленина и его подход к решению важных проблем.

В конце декабря 1920 года во время моей работы помощником комиссара Главного управления путей сообщения по водному транспорту я, получив месячный отпуск, поехал в деревню — в Кирилловский уезд Вологодской области. В деревне я застал архитяжелое положение. Империалистическая, а затем гражданская войны нанесли сельскому хозяйству тяжелый урон, что не могло не отразиться на настроениях крестьян. Продразверстка не способствовала подъему сельского хозяйства. Кре-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 139. *Ред.*

стьяне засевали минимум того, что требовалось для прокормления семьи. Поголовье скота тоже резко сократилось. Крестьянские хозяйства не давали товарной продукции и становились почти натуральными. Это создавало тяжелые условия не только для сельского хозяйства, но и для промышленности. По приезде из деревни, в первых числах февраля 1921 года, я написал председателю ВЦИК Калининну письмо о положении в деревне, в котором передавал настроения крестьян и их пожелания. Я предлагал установить такой порядок взимания продуктов с крестьянского хозяйства, при котором крестьянину заранее было бы известно, сколько с него продуктов пойдет государству и сколько он может оставить в своем распоряжении.

Тогдашний секретарь ЦК Крестинский, которому я отнес копию письма, выслушав его содержание, сказал:

— Это нужно немедленно послать товарищу Ленину.— И отдал распоряжение аккуратненько перепечатать письмо (оно должно быть где-нибудь в архивах¹).

Примерно дня через два или три мне позволили и сказали, чтобы я немедленно шел к товарищу Ленину. Он принял меня в своем кабинете и стал подробно расспрашивать, какие типы крестьянских хозяйств существовали в нашей местности, какое положение их было до войны 1914 года, какое положение создалось к осени 1916 года, и особенно подробно, каково оно в настоящее время. Велики ли у крестьян наделы? Сколько в надел входит земли: пахотной, сенокосной, пастбищной, под лесами, неудобные? Какая почва преобладает? Какие культуры выращиваются? Каков урожай?

И когда узнал, что обычный урожай — «сам-пят», «сам-шест», а «сам-сем» считается хорошим урожаем, воскликнул:

— Какое варварское хозяйство! Сколько отнимает труда, а результат ничтожный.— И тут же спросил: — Может ли такое хозяйство обеспечить крестьянина?

Я ответил, что в нашем месте крестьяне не жили одной землей. У нас сравнительно неплохо развито скотоводство. Многие крестьяне имели по две коровы, а некоторые и по три.

В. И. Ленин начал расспрашивать: какой удой молока, куда сбывалось молоко?

Я сказал:

— Скупщик по договору со всей деревней законтрактировал молоко, устраивал маслодельню, куда крестьяне и сдавали молоко. Масло он отправлял в Рыбинск или Петербург, а снятое молоко возвращал крестьянам.

В. И. Ленин заметил:

— Это не хозяйственно. Из снятого молока можно делать сыры. В этом случае молоко использовалось бы более рационально.

¹ Письмо Д. И. Гразкина с надписью, сделанной В. И. Лениным на копверте: «Доклад Гразкина (Главвод) о деревне», хранится в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. *Ред.*

нально.— И тут же спросил: — Сколько скупщик платил за молоко?

— Когда я жил в деревне, я работал в такой маслодельне. Тогда цена была 40 копеек за пуд, а перед войной,— кажется, 50—55 копеек.

Тов. Ленин возмущенно сказал:

— Да это же прямой грабеж! Сколько же скупщик наживал на молоке?

Я ответил, что скупщик наживался не только на молоке. Он держал лавчонку, в которой крестьяне за сданное ему молоко обязаны были брать товары. Такой же порядок существовал и на лесозаготовках.

Тов. Ленин с грустью сказал:

— Сколько около крестьянина было загибаемых рук, разных «колупаевых» и «разуваевых»! Как много крестьянин мог при двух коровах получить дохода от молока в год?

— Рублей 80—100 самое большое. Да на лесозаготовках рублей 50—60.

Владимир Ильич взял карандаш и начал в блокноте подсчитывать. Попутно, как бы уточняя, спрашивал:

— Кроме картошки, овощи не было принято разводить? А из зерновых рожь и меньше овес? — И, подсчитав, спросил: — Как же жили крестьяне? Доходы неправдоподобно малы.

Я сказал:

— Владимир Ильич! Про нашу местность существовала поговорка: «Улома¹ дура, белянки² без крупы».

Владимир Ильич улыбнулся и сказал:

— Да, при урожае «сам-пят» не много круп наделаешь! Наверно, хлеба и на полгода не хватало.— И добавил:

— Ничего-то про крестьянские хозяйства эти аграрные «теоретики» не знали, зато обывательской спеси хоть отбавляй.

Помолчав немного, очевидно раздумывая о чем-то, заметил:

— Пожалуй, нам придется подумать о контрактации сельскохозяйственных продуктов.— И после небольшой паузы добавил: — Но для этого надо иметь достаточное количество промышленных товаров и устойчивые цены.

Потом спросил:

— А сокращение запасов земли в настоящее время вызвано сокращением поголовья скота и лошадей?

— Нет, Владимир Ильич, не только этим. Мне крестьяне нашей деревни и соседних деревень прямо говорили, что нет никакого смысла подымать хозяйство, когда все отбирают.

Тов. Ленин сказал:

---

¹ Улома — местность в Кирилловском уезде. Д. Г.

² Грибы. Д. Г.

— Вы в письме предлагаете заранее установить норму взимания продуктов с крестьянского хозяйства. А куда крестьяне будут девать излишки? Продавать? Значит, нужна торговля?

Я про себя подумал: вот я писал о нормах взимания продуктов, а мне и в голову не пришло, что это вызовет.

Тов. Ленин, подчеркивая что-то в блокноте, как бы про себя проговорил:

— Теперь увеличение сельскохозяйственных продуктов — основное. Старые объемы крестьянского хозяйства при старых формах в дальнейшем не могут удовлетворить потребность страны.

Я в то время не понял смысла этих ленинских слов. Дошли они до моего сознания, когда партия поставила вопрос об индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В этом разговоре с тов. Лениным меня поразили всесторонний его интерес к тому, что происходит в республике и что волнует трудящихся. Эта беседа происходила тогда, когда гениальный ум Ленина уже вынашивал план перехода к новой экономической политике. Прежде чем принять какое-либо важное решение, В. И. Ленин тщательно изучал вопрос не только по официальным материалам, но и по беседам с людьми. Вот поэтому-то Владимир Ильич знал положение в стране и жизнь трудящихся так глубоко, как никто другой в нашей партии.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 141—148

В. И. ЛЕНИН И РАБОЧИЕ-СТРОИТЕЛИ

Победа Октябрьской революции поставила перед профсоюзами новые задачи. Петроградский совет профсоюзов поручил членам Исполнительной комиссии совета (так назывался тогда президиум) — В. В. Шмидту, В. Я. Чубарю, Н. К. Антипову и другим товарищам пойти к В. И. Ленину с просьбой, чтобы он выступил перед профсоюзными работниками.

Владимир Ильич одобрил нашу инициативу. 9 ноября 1917 года в Смольном было созвано расширенное заседание Петроградского совета профсоюзов, на котором выступил Ленин. Записи этого выступления не сохранились, но я хорошо помню, что оно было посвящено задачам профсоюзов в социалистической революции. Речь Владимира Ильича была полна непреклонной решимости укрепить власть Советов и отвергнуть всякие компромиссы с соглашателями.

— Меншевики, — говорил Ленин, — истошным голосом кричат о гибели революции, призывают к ликвидации власти Советов. Они хотят ослабить солидарность рабочих, чтобы облегчить врагам возврат к капитализму. А такие путаники, как Рязанов, объективно им помогают.

Мы впервые познакомились тогда с ленинским планом перехода к социалистическому строительству.

Владимир Ильич отметил огромную роль профсоюзов, которые в дни Октябрьской революции шли за большевистской партией, и поставил перед ними новые задачи: профсоюзы должны обеспечить возвращение рабочих на фабрики и заводы, сохранность оборудования, организовать учет сырья, полуфабрикатов и изделий; предприятия должны начать изготовление предметов, необходимых для народа, — сельскохозяйственных машин, плугов, телег, гвоздей, лопат и т. п.

Ленин призвал рабочих сломить саботаж промышленников, заставить их работать под строгим контролем.

— Привлекайте на свою сторону добросовестных спецов, учитесь у них хозяйствованию, — говорил он.

Это были первые наброски ленинского плана организации социалистической промышленности. Не одного меня взволновало требование на деле осуществить рабочий контроль, а затем и рабочее управление промышленностью. Ленин называл это первыми шагами к социализму.

Я был поражен, насколько глубоко знал Владимир Ильич положение на фабриках и заводах. Он приводил многочисленные примеры из опыта рабочего контроля.

— В текстильной промышленности Петрограда, — говорил Ленин, — господствовали иностранные капиталисты, они саботировали, сокращали рабочих «из-за нехватки сырья», а в то же время сырье погружалось на баржи и отправлялось неизвестно куда. Когда рабочие послали своих людей в Архангельск, то обнаружили там партию хлопка в 2000 кип.

— Накануне Октября на фабриках и заводах атмосфера с каждым днем накалялась; во многих отраслях промышленности забастовки продолжались до Октябрьской революции. Общество фабрикантов и заводчиков выступает и сейчас против рабочих, — говорил Ленин. — Оно существует и делает все для подрыва производства. — В. И. Ленин привел много примеров из практики Путиловского, Трубочного и других заводов и закончил призывом к рабочим самим организовать производство.

Мне приходит на память еще один случай, характеризующий ленинский стиль работы. В декабре 1917 года (точного числа не помню) В. И. Ленин предложил заслушать в Совнаркоме доклад о состоянии промышленности Петрограда. Нам, членам Исполнительной комиссии Петроградского совета профсоюзов, поручено было принять участие в подготовке материалов; материалы эти мы доложили В. И. Ленину. Доклад А. Г. Шляпникова на заседании Совнаркома не удовлетворил Владимира Ильича, и он потребовал от работников промышленности и профсоюзов большего внимания к практическим задачам: изготовлению гвоздей, плугов, мануфактуры. Все это, говорил он, нужно для деревни, которая должна дать нам хлеб. Большое внимание Ленин уделял тогда топливу и электроснабжению предприятий.

В конце 1917 года меня как депутата Петроградского Совета вместе с П. Бушуевым и Г. Хитровым правление Петроградского профсоюза строителей направило к Ленину с вопросами, волновавшими строителей. Владимир Ильич нас принял и горячо отозвался на наши нужды. Мы рассказали ему, что подрядчики бросают работы незавершенными, расхищают материалы и инвентарь, не выплачивают рабочим заработной платы. По этой причине усилилась безработица и начался голод среди строительных рабочих.

Ленин попросил присутствовавшего при разговоре Ф. Э. Дзержинского помочь нам сломить саботаж предпринимателей, про-

следить, чтобы заработная плата рабочим была выплачена. Прощаясь с нами, Владимир Ильич сказал:

— Передайте рабочим, что мы в скором времени начнем обширные строительные работы, постарайтесь сохранить от расхищения материалы и инвентарь, все это потребуется нам в будущем.

Мы рассказали о беседе с Лениным строителям, они были взволнованы и удовлетворены. Обычно в конце строительного сезона рабочих выбрасывали на улицу, а тут глава Советского государства думает об их работе!

Вскоре ленинские идеи начали претворяться в жизнь. В декабре 1917 года по инициативе В. И. Ленина инженеру А. В. Винтеру было поручено строительство Шатурской электростанции¹, а весной 1918 года профсоюз строителей уже послал первых рабочих на стройки Волховской и Свирской гидроэлектростанций. Затем по инициативе Ленина началось сооружение Каширской станции.

Ленинские стройки открыли новую страницу социалистического преобразования страны. Они послужили ядром будущего ленинского плана электрификации.

В начале 1918 года мне как секретарю Петроградского профсоюза строителей пришлось разговаривать с инженером Г. О. Графтио. Это был крупный специалист, профессор ряда технических учебных заведений. Он пришел к большевикам одним из первых, многого еще не поняв в происшедших событиях. Любопытны были его первые слова при нашей встрече:

— Меня вызывал гражданин Ленин и поручил заниматься строительством Волховстроя.

Его рассказ о стройке увлек нас. Профсоюз строителей горячо поддержал строительство Волховской гидроэлектростанции. Рабочие Петрограда и его окрестностей сообщали нам об обнаруженных ими материалах, припрятанных бывшими подрядчиками еще в период Временного правительства и после Октябрьской революции. Теперь эти материалы направлялись на Волховстрой.

В 1918—1922 годах мне довелось не раз присутствовать на заседаниях Совнаркома и Совета Труда и Оборона по вопросам строительства. Я видел, с каким увлечением Ленин относился к стройкам, как умел он заражать своим энтузиазмом рабочих и инженеров. Строительные вопросы, как их тогда называли, всегда решались при личном участии Владимира Ильича. Для нас это была отличная школа хозяйствования!

Помню, как в апреле 1918 года в повестке дня Совнаркома стоял вопрос о Волховстрое. Все с большим вниманием слушали

¹ Строительство Шатурской государственной районной электростанции начато было в 1919 году. Первая очередь ее мощностью в 5000 квт вступила в эксплуатацию в 1920 году. *Ред.*

сообщение Г. О. Графтио, его ясную, четкую речь, точные сведения о сроках выполнения задания и необходимых ресурсах для работ. Представители Наркомфина и ВСНХ выступали на этом заседании с возражениями: мол, мы не можем в такое трудное время удовлетворить огромные потребности строителей.

Ленин, улыбаясь, смотрел на оппонентов Графтио и спокойно задал ему вопрос:

— Можно ли закончить Волховстрой за два-три строительных сезона и что для этого надо?

Противники строительства были поражены. Графтио и другие строители подтвердили, что эта задача выполнима. Ленин заключил обсуждение: Волхов построить за два-три сезона! Если отбросить годы интервенции и гражданской войны, Волховстрой и был закончен в три года¹.

В. И. Ленин встает в нашей памяти как зодчий и строитель. Он вникал не только во все крупнейшие технические проекты, но и в мелкие детали и нужды строек. Мне приходилось слышать, как Ленин высоко оценивал труд строителей. Вспоминаю радостную улыбку Владимира Ильича, когда мы сообщили ему о доставке на Волховстрой первого экскаватора, машины, пуск которой был первым шагом к избавлению строителей от тяжелого ручного труда. Этот экскаватор привезли из Средней Азии и собирали по частям на строительстве.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы,
с. 326—328*

---

¹ Волховская гидроэлектростанция вступила в строй в 1926 году.
Ред.

ПЕРВЫЙ ОКРИК ИЛЬИЧА ПО АДРЕСУ ЛЕВОЭСЕРОВСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, или ВЧК, была сконструирована как организованный аппарат государственной власти лишь 7 декабря 1917 года (по ст. стилю). Первым председателем ВЧК был назначен тов. Дзержинский с коллегией при нем. Организация этого аппарата в смысле пунктуального и незамедлительного закрепления в соответствующих записях его распоряжений и действий была, пожалуй, гораздо труднее, чем организация любого другого советского аппарата, благодаря чрезвычайной спешности возникавших в его ежедневной практике мер по борьбе с контрреволюцией и связанной с этим крайней перегруженности работой отдельных сотрудников, и в особенности следователей.

Контрреволюция весьма деятельно организовывалась уже в этот ранний период пролетарской революции. Случайный арест одного мелкого чиновника Громова¹ и найденные у него записочки и бумаги обнаружили с несомненностью палочность кротовой контрреволюционной работы. Каждый день приходилось мобилизовывать слабые еще тогда силы государственного аппарата для внешних операций, и поэтому совершенно естественно, что *канцелярская* сторона работы ВЧК не могла еще в то время выполняться с соблюдением всех формальностей, какие должны быть присущи всякому государственному аппарату, действующему в рамках налаженной, *нормальной* работы.

Контрреволюционные элементы и обывательщина, падкая на всякие слухи и разговоры, начали создавать и распростра-

¹ Дело Громова со всеми документами было немедленно представлено Ленину для ознакомления. Ленин, бегло ознакомившись с этим делом, поручил мне тщательно разобраться во всех документах, повидаться лично с Громовым, который был заключен в Петропавловскую крепость, и доложить ему свое заключение. Исполняя это поручение, я имел свидание с Громовым и провел в беседе с ним около часу. В мою задачу входило выяснить, не является ли Громов просто жертвой обывательщины, подхватывавшей и распространявшей чьи-то дьявольские клеветнические и гнусные измышления. Громов держал себя благодушным, певчим дурачком и пастойчиво отшучивался, что отобранные у него стихи, им же сочиненные, являются не прокламацией, а просто «юмористической шалостью». Дело Громова было передано ВЧК, и я не помню, чем оно закончилось. А. Ш.

нять вокруг ВЧК клеветнические замысления о том, что арестованные даже не записываются в книгу, что им не предъявляется никакого обвинения, что деньги и вещи, отбираемые у арестованных, хотя и записываются, но расхищаются следователем персоналом и пр.

Контрреволюционное окружение Советской власти, начавшее мобилизовывать свои силы для открытого нападения на революцию, нашло пути для выявления своих пожеланий в самом центре Советской власти в лице левых эсеров, получивших при соглашении с Коммунистической партией четыре или пять (хорошенько сейчас не помню) портфелей в Совнаркоме, в том числе портфель наркома юстиции, каковым был назначен член левоэсеровской партии Штейнберг.

Вот в лице этого-то Штейнберга контрреволюция и нашла своего агента. На одном из заседаний Совнаркома (кажется, во второй половине декабря) наркомюст Штейнберг выступил с заявлением о том, что в ВЧК совершаются по отношению к арестованным злоупотребления уголовного характера, что в его распоряжении имеются факты, вызывающие необходимость немедленного отстранения от работы некоторых следователей с привлечением их к ответственности за хищение, что аресты производятся без соблюдения условий, гарантирующих граждан от произвола агентов ВЧК, и что требуются немедленное изъятие следственных дел из ВЧК и передача их в Наркомюст.

— Так, у вас есть доказательства хищения ценностей и денег? Вы можете представить эти доказательства сейчас? — спрашивает Ильич Штейнберга.

— Да, доказательства есть, — отвечает Штейнберг. — Но в интересах дела я представляю эти доказательства Совнаркому лишь после обревизования следственной части.

— Обвинение серьезное, требующее принятия немедленных мер. Предлагаю, — говорит Ленин, — выделить из состава Совнаркома специальную комиссию с участием Наркомюста для расследования фактов, известных Штейнбергу; представить в распоряжение этой комиссии для просмотра все дела и обязать ее в кратчайший срок доложить о результатах расследования Совнаркому.

Предложение было принято без прений, срок был назначен «календарный» (как всегда делал Ленин, давая кому-нибудь деловые поручения) и весьма непродолжительный. И вот в один прекрасный день (или, вернее, ночь, потому что это было в час-два ночи) в Совнаркоме был заслушан доклад комиссии о результатах расследования.

Не помню, кто из наркомов делал доклад, но участие в докладе принимал и Штейнберг. Оказалось, что наличность отображенных денежных сумм и ценностей соответствует записям инвентарной книги, что опросом арестованных не обнаружено

неправильностей в этих записях и что предъявление конкретных фактов, вызывавших арест определенных лиц, не всегда возможно до окончания следствия, так как иначе органы следственной власти могли бы оказаться в положении фактической невозможности использовать все данные для изобличения арестованного.

Этих данных расследования комиссии не опровергал и Штейнберг, но тем не менее настаивал в качестве генерального прокурора республики на согласовании приказов ВЧК об арестах с Наркомюстом, а также на предоставлении ему права изъятия дел из следственного производства в ВЧК и отмены распоряжения ВЧК в тех случаях, когда он это найдет нужным. Все это мотивировалось интересами «революционной законности».

Я ни разу — ни до, ни после этого — не видел Ленина в такой степени возбужденным, как это было после выслушания требований Штейнберга.

— Так вы что же, после того как ваши материалы о хищениях и воровстве оказались вздором, позволяете себе уверять нас в существовании еще каких-то доказательств?! Вы говорите нам о революционной законности. Да, революционная, да, законность. Но какие мероприятия могут считаться действительно революционными и действительно законными в условиях незаконченной революционной борьбы за диктатуру пролетариата?! Только такие, которые действительно реально, а не на словах могут содействовать окончательному закреплению октябрьской победы пролетариата, облегчить его борьбу с буржуазией. Все эти меры чрезвычайные, ибо и опасности, грозящие пролетариату от контрреволюции, тоже чрезвычайные. И вот в момент, когда контрреволюция вне всякого сомнения начинает протискивать средства и способы организации своих сил, когда нужно своевременно, быстро и решительно принять все меры для предотвращения угрожающей революции опасности, вы предлагаете нам запрашивать у вас и советоваться с вами по поводу необходимых арестов и предоставить вам право извлекать из ведения Чрезвычайной комиссии всякое дело, которое вы найдете нужным рассматривать с соблюдением условий, допустимых в мирное время! Это было бы чудовищным пренебрежением нами революционными средствами для революционной самозащиты. Чрезвычайная комиссия потому и есть чрезвычайная, что она создана для борьбы в чрезвычайное время, время гражданской войны, и на ограничение ее прав мы не пойдем¹.

Эта отповедь Ленина дышала гневом и насмешкой.

*Шлихтер А. Из воспоминаний о
Ленине, с. 59—63*

¹ Я передаю речь Ленина не в текстуальной точности, а лишь придерживаясь основных ее мыслей, насколько они остались в моей памяти. А. III.

ДВЕ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Накануне Февральской революции я служил в железнодорожном батальоне 5-й армии Северного фронта, располагавшемся близ г. Режица Витебской губернии (ныне г. Резекне Латвийской ССР). После февральских событий солдаты избрали меня председателем ротного, затем батальонного комитета, а вскоре я стал председателем Режицкого уездного Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Режица была крупным железнодорожным узлом на подступах к Петрограду. Поэтому в Октябрьские дни 1917 года перед Режицким Советом встала задача — не пропускать контрреволюционные силы, стягивавшиеся Временным правительством к революционному Петрограду. Нам удалось задержать несколько эшелонов с казачьими отрядами и два эшелона с броневыми автомобилями.

В качестве делегата от Режицкого Совета мне довелось участвовать в работе II Всероссийского съезда Советов. На съезде я впервые увидел В. И. Ленина, слушал его доклады о мире и о земле¹. В ночь на 26 октября по решению съезда я был направлен в Гатчину для проведения агитационной работы в казачьих частях, остававшихся верными Временному правительству.

После этого я получил новое назначение — выехать в Витебск в качестве эмиссара Петроградского Военно-революционного комитета.

Выполнив задание, в начале ноября я возвратился в Петроград. В Смольном я встретился с В. Д. Бонч-Бруевичем и Н. П. Горбуновым, которые сообщили В. И. Ленину о приезде представителя Северного фронта. Спустя несколько минут после этого В. И. Ленин принял меня в своем кабинете. Разговор шел о том, как я стал председателем Режицкого Совета, о переходе большинства Совета на сторону большевиков накануне воору-

---

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 13—27. *Ред.*

женного восстания в Петрограде, о проводимой Советом борьбе с меньшевиками и эсерами, о захвате крестьянами помещичьих земель в уезде при содействии Совета, о задержании броневиков и казачьих частей в Режице. В. И. Ленин интересовался настроением в войсках Северного фронта, работой среди солдат. Я рассказал ему о своих выступлениях на солдатских митингах.

Готовясь к встрече с В. И. Лениным, я написал себе памятку-вопросник на четвертушке листа. Во время беседы В. И. Ленин взял из моих рук эту записку и внимательно прочитал ее. Потом второй раз стал читать. На него, по-видимому, произвело впечатление краткое и четкое содержание записки, то, как поставлены в ней вопросы.

— Товарищ Солонко, — сказал он, — в Режице председателем уездного Совета работает юрист. Повезло Режицкому Совету!

И продолжал:

— Освободитесь от этой работы, товарищ Солонко: в председатели уездных Советов мы будем давать юристов не скоро. Ведь и в центре еще не так уж много образованных работников. Не скоро! — закончил он, как бы подчеркивая значение последних слов.

Действительно, тогда было мало людей, имевших подготовку для работы в государственном аппарате, преданных революции. Но все же слова В. И. Ленина меня озадачили. Как он мог узнать, что я юрист? Об этом я ему не говорил. Видимо, он определил это по моей записке. В. И. Ленин быстро набросал на листке бумаги несколько слов, которые я потом перечитал десятки раз и даже снял копию, прежде чем передать листок по назначению. В записке, адресованной Петроградскому Военно-революционному комитету, содержалась просьба В. И. Ленина предоставить мне работу, наиболее соответствующую моей специальности и практическому опыту.

В заключение беседы В. И. Ленин попросил меня зайти в редакцию «Правды» и передать М. И. Ульяновой содержание нашего разговора для опубликования в газете информации о положении на Северном фронте. Это указание В. И. Ленина я выполнил.

Явившись в Петроградский ВРК, я передал записку Владимира Ильича М. И. Лацису. Мне было предложено принять один из департаментов бывшего министерства внутренних дел и организовать на его базе Народный комиссариат социального призрения. От нового назначения я сразу не отказался, но у меня было право выбора. Следовало правильно оценить свои силы. Решаю выбрать такую работу, чтобы справиться с ней наверняка. Выявилась необходимость назначения комиссара в Витебскую губернию. В случае назначения комиссаром я мог бы использовать имевшийся у меня опыт работы председателем уездного Совета.

Об этом я сказал М. И. Лацису и был направлен комиссаром Советского правительства в Витебскую губернию. В этой должности я пробыл до конца 1917 года.

* *
*

Вновь мне посчастливилось встретиться с В. И. Лениным в 1920 году. Злободневными тогда были уже другие вопросы. Поскольку об этой встрече сохранились документальные данные, то воспользуюсь ими для подкрепления памяти.

В то время я был уполномоченным 14-й армии Южного фронта по железнодорожному транспорту и членом комиссии по разгрузке Брянского железнодорожного узла. Зная об огромном внимании В. И. Ленина к вопросам скорейшей ликвидации царившего в стране топливного кризиса, я, приехав в январе 1920 года по делам в Москву, направил на имя В. И. Ленина следующий документ:

«В Совет Рабоче-Крестьянской Обороны. Бывшего члена разгрузочной комиссии в Брянском жел. узле П. Н. Солонко, представителя от 14-й армии¹.

ДОКЛАД

В одном из заседаний по вопросу топливного кризиса на железных дорогах и заводах представители бывших мальцевских заводов заявили, что в районе Брянска по Московско-Киево-Воронежской дороге, на расстоянии 3-х и 4-х верст от полотна обнаружили уголь и другие ископаемые блага земли, как-то: сернистый колчедан и белый песок для фарфоровой посуды, который ранее привозился из-за границы. Площадь, на которой обнаружен уголь, равна приблизительно 40 верстам в квадрате. Добыча угля может равняться при теперешних средствах и производительности труда до 3 500 000 пудов в год, а если производство поставить хорошо и дать достаточное количество рабочих и всех необходимых материалов для копей, то добыча может быть равна более 10 000 000 пудов. Такой клад для исхоладовавшейся Республики оставить так нельзя, и нужно предложить кому следует приступить к разработке новых копей немедленно, тем более что уже там мальцевские заводы ведут незначительную работу по добыванию угля и такового добыто до 3000 пудов.

12 января. 1920 года. г. Москва

П. Н. Солонко».

---

¹ На конверте написано: «Председателю Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики товарищу Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) от П. Н. Солонко». Красными чернилами В. И. Ленин написал на конверте: «От П. Н. Солонко о б у г л е в Мальцевском р а й о н е». Ред.

В. И. Ленин написал на этом докладе следующую резолюцию:

«В Главуголь

На срочный ответ: 1) знают ли про это?
2) что именно известно?
3) есть ли литература об этом угле?
4) что сделано?
5) что делается?

14/1. Ленин»¹.

Конечно, по нынешним масштабам цифры о размерах добычи угля, приведенные мной в докладной записке, невелики. Наша страна шагнула далеко вперед. Но в тех условиях В. И. Ленин внимательно отнесся к моему докладу. 14 января 1920 года Владимир Ильич принял меня в Кремле для обсуждения затронутых в докладе вопросов. Он попросил меня представить ему дополнительные сведения об ископаемых богатствах недр Подмосковья. Известно, что до восстановления Донбасса уголь центральных районов страны играл существенную роль в топливном снабжении Советской республики, а в моей записке речь шла как раз об угольных районах, являвшихся отрогами Подмосковского бассейна.

Забегая вперед, скажу, что, по просьбе Владимира Ильича, в конце января 1920 года я подготовил для него дополнительную объяснительную записку с приложением документальных материалов. В их числе находились описания геологических изысканий, произведенных накануне первой мировой войны, сметы на производство работ. В записке я писал, что запасы каменного угля, железной руды, огнеупорной глины, кварца, колчедана, известняка, фосфорита, имеющиеся в этом месторождении, могут обеспечить предприятия прилегающего к Брянску района сырьем на десятки лет.

Моя беседа с В. И. Лениным не ограничивалась вопросами, затронутыми в докладе. Мы говорили о программе восстановления железнодорожного транспорта. Владимир Ильич попросил меня в отдельной записке изложить свои мысли по этому вопросу, так как я имел отношение к работе железных дорог (в годы русско-японской и первой мировой войн служил в железнодорожных войсках, а в то время, в 1920 году, участвовал в работе по восстановлению железнодорожных мостов на Украине). Много внимания в нашей беседе было уделено вопросам укрепления трудовой дисциплины, борьбе с бюрократизмом. Фактов волокиты я знал много и о наиболее разительных рассказал тут же в беседе. Владимир Ильич очень остро реагировал на недостатки

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 118. Ред.

в работе советского государственного аппарата, давал советы и указания о том, как скорее пскоренить волокиту, это зло, доставшееся нам в наследство от эксплуататорского строя.

*   *
*

Вот те воспоминания, которыми я хотел бы поделиться с читателем. Встречи с В. И. Лениным — самые памятные события в моей жизни.

*Вопросы истории КПСС, 1964, № 4,
с. 88—90*

ВОЖДЬ ОКТЯБРЯ

Когда в грозные дни Октября решался вопрос о составе правительства, Зиновьев и Каменев опять покачнулись вправо. Они выступили против линии ЦК партии, против ленинских установок. Ленин отвечал им и всем тем, кто изменял революционному марксизму, изменял ленинизму в решительный момент:

— Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее.

И рабочий класс целиком поддержал Ленина в его борьбе с оппортунизмом.

В Питере в это время собралась Первая женская конференция. Прибыли делегаты от предприятий Питера, Кронштадта, Колпина, Сестрорецка и других ближайших местностей — всего 600 делегатов. Эти делегатки поняли, к чему их звала партия и Ленин. Они решили поддержать Ленина.

Я была избрана вместе с другими для поездки в Смольный.

Было 12 часов ночи. Темная, осенняя ночь, костры у Смольного, вокруг костров вооруженные пулеметами рабочие-красногвардейцы и матросы. По длинным темным коридорам прошла наша делегация через небольшую дверь, охраняемую красногвардейцами, в маленькую комнату.

Вышел к нам Ленин¹. Все сели за белый деревянный стол. Ленин выглядел очень усталым. Лицо его было бледно, глаза красны от работы и бессонницы. Столько забот свалилось на его плечи. Приходилось строить новое рабочее государство, укреплять диктатуру пролетариата, обороняться направо и налево от многочисленных врагов.

Посмотрел он на делегатов, и глаза его как будто спрашивали с упреком:

— Ну, какую еще новую неприятность вы мне принесли?

Но когда тов. К. Николаева передала приветствие Совету Народных Комиссаров от имени 80 тысяч рабочих, посланных делегатов на эту первую петроградскую конференцию, и обещала их поддержку, лицо Владимира Ильича озарилось

¹ Беседа В. И. Ленина с работницами состоялась 5(18) ноября 1917 г.
Ред.

улыбкой, как будто солнечный луч прорезал тучи. Он весь преобразился и ласково сказал:

— Если работницы обещают нам поддержку в борьбе за власть Советов, то никакой враг нам не страшен. Прочность революции зависит от того, насколько в ней участвует женщина.

Ленин учил рабочий класс, учил большевизму миллионы на опыте их борьбы, убеждал и отдельных товарищей, не жалея на это ни времени, ни сил.

Еще пример из той поры, когда Октябрьская революция победила.

В январе 1918 года мы готовились к созыву Учредительного собрания. В начале революции, критикуя Временное правительство, большевики говорили, что оно обманывает народ, что оно не дает ни земли, ни мира и не созывает Учредительного собрания. Когда власть перешла к Советам и все кардинальные вопросы революции были решены, созыв Учредительного собрания многим казался излишним.

Я работала тогда в Кронштадте. Кронштадт еще перед июлем объявил себя республикой Советов; фактически там была Советская власть, и в Кронштадте, конечно, смеялись — зачем нам нужно Учредительное собрание?

Приехала я к Владимиру Ильичу на квартиру и говорю:

— Некоторые кронштадтцы высказываются против выборов в Учредительное собрание.

Он был очень поражен и стал мне доказывать:

— Мы-то это понимаем, а массы разве поняли? Нет, они этого еще не поняли, в особенности не понимает крестьянство. Мы должны это Учредительное собрание созвать, чтобы показать на примере, на деле крестьянству, что оно так же, как и Временное правительство, не захочет дать ни мира, ни земли, ни воли, которые нужны крестьянству и всему рабочему классу.

Когда приходилось потом обращаться к Владимиру Ильичу по целому ряду вопросов нашей партийной и советской работы, то каждый раз меня поражала та необыкновенная быстрота, с какой он схватывал суть вопроса, буквально в одну секунду, и часто делалось неловко, потому что оказывалось, что, придя к нему с каким-нибудь вопросом, я мало с ним ознакомилась сама, не знала деталей дела.

Подмечать всякую мелочь и уметь схватывать на лету — это была одна из замечательных черт Владимира Ильича.

Когда мы теперь строим социализм, мы не должны забывать, как много внимания мелочам уделял Владимир Ильич, как он наряду с важнейшим «звеном» умел учитывать все обстоятельства, хотя бы и самые незаметные, как умел выделить и остановить внимание на самом главном.

ЛЕНИН И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

После Октябрьской революции нам пришлось сломать весь старый государственный аппарат, в том числе и старую медицинскую бюрократическую машину. Пришлось распустить Ученый медицинский совет, Главное управление Красного Креста, Врачебно-санитарный совет, которые после Октябрьской революции состояли из контрреволюционных элементов, проводивших под прикрытием этих учреждений подрывную работу. Необходимо было создать новые медицинские советские учреждения. Естественно, встал вопрос об объединении медицинских органов, распыленных тогда по различным наркоматам, в единый Наркомат здравоохранения.

По этому вопросу я, Барсуков и другие в ноябре 1917 года несколько раз были у Владимира Ильича. Он нам говорил:

— Не торопитесь с оформлением Наркомздрава. Сначала подготовьте кадры и низовые организации; добейтесь перелома в Пироговском обществе врачей и других врачебных организациях, изолируйте реакционную их часть, обопритесь на революционное меньшинство и на местах создайте медико-санитарные отделы с широким привлечением рабочих и крестьян.

Эти указания Владимира Ильича были выполнены. Уже в середине 1918 года лучшая часть врачей перешла на советские позиции. В июне 1918 года собрался съезд здраводелов, а несколько позже утверждено было положение о Наркомате здравоохранения.

Давая указания о направлении работы, Владимир Ильич всегда предостерегал против бюрократического подхода к делу и требовал внимательного отношения к советской общественности. Когда, например, в 1918 году только еще поднимался вопрос о выделении дела социального страхования из ведения Наркомтруда и передаче в Наркомсобес, Владимир Ильич провел в Совнарком постановление вынести этот вопрос на широкое обсуждение профсоюзов, Всероссийского страхового совета

и Всероссийского страхового съезда. Точно так же, когда слияние Наркомсобеса с Наркомтрудом в конце 1919 года оказалось неудачным, по инициативе Владимира Ильича предreshенный вопрос о разделении этих наркоматов был передан на обсуждение профсоюзов. Дело несколько затягивалось, и, когда я по этому поводу был у Владимира Ильича, он мне сказал:

— Нужно терпение. Вы врач и знаете, что иногда нужно переболеть.

В бытность мою наркомом социального обеспечения в 1918—1921 годах мне приходилось часто встречаться с Владимиром Ильичем. Доставшееся нам в наследие так называемое «государственное призрение» построено было на началах паразитизма и лицемерной филантропии. Владимир Ильич дал указание организовать это дело на началах социального обеспечения трудящихся.

Перед Советской властью встал вопрос о распространении социального обеспечения не только на рабочих, но и на часть крестьянства — на семьи красноармейцев, инвалидов войны и т. д.

Владимир Ильич придавал огромное значение этому виду социального страхования, исходя из своего учения о союзе рабочих и крестьян.

В этом отношении интересно остановиться на споре, который возник между Наркомтрудом и Наркомсобесом. Это было в конце 1919 года — начале 1920 года. По мотивам сокращения советского аппарата Наркомсобес решено было слить с Наркомтрудом в один комиссариат. Мы это сделали с легким сердцем, не предвидя тех противоречий, которые вскоре возникли в недрах вновь образованного наркомата.

Владимир Ильич не раз бывал на комиссии, работавшей по упрощению советского аппарата, и всегда встречал меня добродушно-ироническими замечаниями:

— Заключаете брак? Уживетесь ли? Не придется ли разводиться?

Очевидно, несмотря на явную целесообразность слияния двух наркоматов в целях экономии, у Владимира Ильича оставалось сомнение в долговечности этого «брака».

Дело в том, что слитый Наркомтрудсобес недостаточно обращал внимание на социальное обеспечение крестьян. Все мои протесты в коллегии Наркомтрудсобеса оставались неудовлетворенными, так как наша точка зрения оставалась в меньшинстве. Тогда не оставалось ничего другого, как апеллировать в ЦК партии.

Владимир Ильич сразу безоговорочно стал на нашу точку зрения и радикально разрешил вопрос, предложив «развести», снова разделить слитые комиссариаты.

Владимир Ильич вообще придавал большое значение Наркомату социального обеспечения. Во время его болезни поставлен был и положительно разрешен вопрос о ликвидации Наркомсобеса с передачей его функций соответствующим наркоматам. Возвратившийся после болезни Владимир Ильич решительно высказался за сохранение Наркомсобеса, последний был сохранен.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 344—346

ИЗ ОКТЯБРЬСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Всегда бывает очень страшно припоминать что-нибудь из бесед с Владимиром Ильичем, не для себя лично, а для опубликования. Все-таки не обладаешь такой живой памятью, чтобы каждое слово, которому, может быть, в то время не придавал максимального значения, запечателось в мозгу как врезанная в камень надпись на десятки лет, а между тем ссылаться на то, что сказано великим умом, допуская возможность какого-нибудь искажения, очень жутко.

Однако мне хотелось бы в одиннадцатую годовщину Октября, роясь в воспоминаниях, которые кружатся вокруг этой яркой точки жизни каждого революционера-большевика, отыскать и по возможности уточнить то, что приходилось слышать в те гигантские дни от великого вождя.

Это было в день составления первого Совнаркома. Тов. Каменев, встретив меня в коридорах Смольного, сказал мне с радостной улыбкой, что ЦК партии, подбирая состав правительства, решил доверить мне Народный комиссариат по просвещению. Новость была волнующая, даже пугающая той громадной ответственностью, которая возлагалась на мои плечи.

Значительно позднее я совершенно случайно (все мы были в то время завалены всяческой работой), опять-таки в коридорах Смольного, встретил самого Владимира Ильича. Он с очень серьезным лицом поинтересовался мной и сказал: «Надо мне вам сказать два слова, Анатолий Васильевич. Ну, давать вам всякого рода инструкции по части ваших новых обязанностей я сейчас не имею времени, да и не могу сказать, чтобы у меня была какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просветительском деле. Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям. Я думаю, вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет вам помогать. Она много думала над этими

вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию... Что касается высшей школы, то здесь должен большую помощь оказать Михаил Николаевич Покровский. Но со всеми реформами нужно быть, по-моему, очень осторожным. Дело крайне сложное. Ясно одно: всемерно надо позаботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи.

Большое значение я придаю библиотекам. Вы должны над этим делом поработать сами. Созовите библиотекосоведов. В Америке делается очень много хорошего по этой части. Книга — огромная сила. Тяга к ней в результате революции очень увеличится. Надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя. Придется использовать для этого почти, устроить всякого рода формы передвижек. На всю громаду нашего народа, в котором количество грамотных станет расти, у нас, вероятно, станет не хватать книг, и если не сделать книгу летучей и не увеличить во много раз ее обращение, то у нас будет книжный голод.

Я надеюсь, что в скором времени найду момент, чтобы с вами еще об этом поговорить и чтобы вас спросить о том, какие перед вами определяются планы работы и каких вы можете привлечь людей. Сейчас вы сами знаете какое время, даже для самого важного дела можно найти, да и то с трудом, какой-нибудь десяток минут. Желаю успеха. Первая победа одержана, но если мы не одержим еще вслед за этим целого ряда побед, то худо будет. Борьба, конечно, не окончилась, а только еще находится в самом, самом начале».

Владимир Ильич крепко пожал мне руку и своей уверенной, быстрой походкой пошел в какой-то из многочисленных тогда кабинетов, где роились и строились новые мысли и новая воля только что родившегося пролетарского государства.

*   *
*

Я передал первую мою беседу с Владимиром Ильичем о народном просвещении в форме прямой речи из его уст. Это не значит, повторяю, чтобы в моей памяти все это было отпечатано и что я передаю в точности подлинные слова Владимира Ильича. Нет, к великому моему сожалению, но я старался воссоздать эти слова с предельной для моей памяти точностью.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЛАВНОГО КОМИССАРА ВРАЧЕБНО-САНИТАРНОГО ОТДЕЛА ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

В ночь с 25 на 26 октября, когда создавалось рабоче-крестьянское правительство, Военно-революционный комитет решил организовать Медико-санитарный отдел. В удостоверении, датированном 26 октября 1917 года (№ 1767), на имя М. И. Барсукова, подписанном Н. И. Подвойским, говорилось: «Дано сие от Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов товарищу доктору Михаилу Ивановичу Барсукову в том, что он временно назначен главным комиссаром Медико-санитарного отдела Военно-революционного комитета. Доктору Барсукову предоставлено право немедленно реорганизовать санитарное дело Республики. Всем оказывать ему надлежащее содействие».

Первой медицинской организацией, с представителями которой мне пришлось уже официально разговаривать, был Медико-санитарный отдел Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов первого созыва, которым руководили меньшевики и эсеры. Этот отдел помещался в Смольном. Имея на руках мандат Военно-революционного комитета, я предложил сотрудникам этого отдела работать с нами, на что получил резкий ответ, что «с насильниками у нас нет ничего общего». Саботажники ограничились представлением мне организационной схемы отдела и списка его сотрудников, но отказались передать дела.

Таким образом, Медико-санитарному отделу пришлось рассчитывать только на собственные силы, необходимо было все создавать заново. Только два работника, числившихся по списку в Медико-санитарном отделе ВЦИК, остались работать в Смольном. Это были врач старый большевик А. Н. Винокуров и врач М. Г. Вечеслов. Фактически же в ту историческую ночь, когда я получил назначение, со мной был лишь беспартийный врач Михаил Митрофанович Балонов.

Отказ сотрудников ЦИК первого созыва работать с нами значительно ослаблял позиции Медико-санитарного отдела Во-

ебно-революционного комитета в отношении связи с городскими медицинскими организациями. Однако расчет саботажников на полную изоляцию Смольного от внешнего мира не удался. Медико-санитарный отдел Военно-революционного комитета не остался один. К нему пришел на помощь пролетарский Красный Крест.

Вскоре состоялась моя встреча с В. И. Лениным. Мне необходимо было получить указания.

В. И. Ленин постоянно находился в Смольном, и его сравнительно легко можно было встретить в коридорах Смольного, особенно рано утром.

Нас, современников Ленина, работавших с ним, видевших его в процессе творческой деятельности, всегда поражала ленинская простота в обращении, замечательная скромность, умение подойти к человеку, узнать его нужды, заразить ленинским оптимизмом, верой в собственные силы, в возможность осуществления того, что казалось невероятно трудным и даже недосягаемым.

И вот однажды, вскоре после 24 октября, мне посчастливилось встретить Ленина, проходившего по коридору Смольного. Я подошел к нему и с волнением спросил, можно ли переговорить по ряду вопросов. Ленин ответил утвердительно. Его замечательные слова, его указания навсегда запечатлелись в моей памяти.

Я рассказал В. И. Ленину о помощи раненым, о героизме рабочих-санитаров, которые под пулями юнкеров выполняли свой пролетарский долг. Ленин интересовался малейшими деталями, ибо забота о человеке, об его здоровье была характерной чертой рабочего вождя. Затем наша беседа коснулась того, что же делать дальше, за пределами Петрограда. Я был молод. Мне казалось непонятным, почему на II съезде Советов, когда решался вопрос о создании правительства и в нем Народного комиссариата просвещения, ничего не было сказано о Наркомздраве. Мне казалось так просто немедленно приступить и к организации Народного комиссариата здравоохранения... Ведь стоит лишь вынести соответствующее решение!..

В. И. Ленин внимательно выслушал меня и с замечательным знанием дела обрисовал обстановку и отношение врачебной общественности к единому медицинскому центру. Ленин сказал, что и так враги обвиняют большевиков в большой централизации, и поэтому немедленное создание Наркомздрава враги используют как желание вытащить на свет всеми отвергнутый бюрократический проект Рейна об учреждении Главного управления по делам здравоохранения.

Действительно, такой проект был, дискуссии по нему велись в Государственной думе, но после свержения царизма Рейн изъял проект.

В. И. Ленин указал на то, что требуется провести большую предварительную работу, чтобы добиться желаемого успеха. Нужно, говорил он, чтобы сам народ заговорил о необходимости создания такого высшего медицинского центра. Поэтому не следует спешить с образованием Наркомздрава. Признавая целесообразным иметь в республике Советов высший государственный орган по руководству здравоохранением, В. И. Ленин предлагал сначала организовать на местах медико-санитарные отделы Советов рабочих и солдатских депутатов с широким участием в них рабочих и крестьян, провести среди трудящихся разъяснительную работу о целесообразности государственного центра здравоохранения, а уже затем ставить вопрос о Народном комиссариате здравоохранения.

Вместе с тем Владимир Ильич раскрыл предо мной общественный характер и классовую сущность советского здравоохранения. Ленин с особой силой подчеркнул значение новой советской общественности в лице рабочих и крестьян, которая должна прийти на смену старого цензового земства. Только с помощью широкой самодеятельности самих народных масс, по мнению Ленина, можно будет справиться с задачей строительства советской медицины.

В. И. Ленин указал также на необходимость как в самом Медико-санитарном отделе Военно-революционного комитета, так и вокруг него собрать советски настроенных врачей и, в частности, использовать Общество русских врачей памяти Н. И. Пирогова¹. На это я сказал, что вряд ли подобное можно будет сделать, ибо Пироговское общество крайне враждебно к нам относится.

Помню как сейчас Владимира Ильича, слегка прищурившего левый глаз и пригрозившего мне пальцем. Неправильно думать, сказал Ленин, что всюду и везде сидят только контрреволюционеры. Это неверно. Ваша задача расколоть Пироговское общество и его революционную часть использовать для строительства здравоохранения. Поверьте мне, сказал далее Ленин, как только Советская власть укрепитя, все они будут работать с нами.

Что можно добавить к этим замечательным по глубине мыслям великого вождя, определившим значение и характер здравоохранения в системе советского общества и Советского государства. С предельной четкостью В. И. Ленин начертал программу, на основе которой и стало строиться здравоохранение уже в первые дни Великой Октябрьской социалистической революции.

---

¹ Имеется в виду общество врачей, основанное в 1883 году как «Московско-Петербургское медицинское общество». В 1886 году переименовано в «Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова». *Ред.*

С твердой верой в победу рабочего класса, полные горячей любви к Советской Родине приступили медицинские работники Смольного — А. Н. Винокуров, В. М. Бонч-Бруевич (Величкина), Т. А. Фортунатова и другие — к созидательной работе, несмотря на бешеный вой саботажников, врагов Советской власти.

Нас было мало, их — много, но окрыленные ленинским оптимизмом, мы знали, что фактически мы не одни. У нас была вера в рабочий класс, в партию, в ее Центральный Комитет, во главе которого стоял Владимир Ильич Ленин.

Помню, с каким трудом приходилось нам собирать на совещания в Медико-санитарном отделе представителей медицинских организаций Петрограда. Шли только единицы. Большинство саботировало. На этих совещаниях проводились дискуссии о том, как лучше приступить к реорганизации медико-санитарного дела, как сломить саботаж, начавшийся в профессиональных объединениях и лечебных учреждениях. Я пытался связаться с профсоюзом лекарских помощников, с союзом сестер милосердия, но от них получил категорический отказ от совместной работы. Любопытно, что по какой-то, видимо контрреволюционной, директиве 27 октября все медицинские учреждения Петрограда созывали собрания служащих, на которых выносили однообразные постановления — не подчиняться Военно-революционному комитету и противодействовать назначению комиссаров.

Вскоре Медико-санитарному отделу пришлось столкнуться в Петрограде с большой забастовкой служащих аптек, забастовавших еще при Временном правительстве. Меншевицское руководство стачечного комитета не хотело входить в деловые отношения со Смольным, и только лишь после разъяснительной работы среди самих служащих удалось через голову соглашательского стачечного комитета ликвидировать забастовку и удовлетворить все требования аптечных работников.

Чтобы побороть саботаж в медицинских управлениях бывших министерств, туда были посланы члены врачебных коллегий, которые, ломая сопротивление реакционных служащих, должны были подготовить объединение всего медицинского дела в едином центре.

Когда мы пришли в Управление врачебного инспектора бывшего Министерства внутренних дел, мы не только не застали служащих, но даже перья были вынуты из ручек и чернила вылиты из чернильниц.

Одновременно с образованием врачебных коллегий в Медико-санитарном отделе Военно-революционного комитета шла большая работа по направлению комиссаров в медицинские учреждения.

Опираясь на революционно настроенный младший персонал, комиссары Военно-революционного комитета стремились вы-

вести из санитарной разрухи больницы и отдельные амбулатории.

В ноябре 1917 года состоялась моя встреча с Я. М. Свердловым в его служебном кабинете, находившемся также в Смольном. Я. М. Свердлов в товарищеской обстановке за стаканом кофе подробно расспрашивал меня о задачах Медико-санитарного отдела, о его работе, о людях, работавших в нем. Яков Михайлович интересовался также и прошлым составом отдела при ЦИК первого созыва, тем, где они в настоящее время находятся. Я сообщил ему о саботаже, проводимом повсеместно, сказал, что, однако, уже чувствуется среди отдельных работников желание работать с нами, но что имелось нелегальное Главное военно-санитарное управление, где-то на Невском проспекте. Я. М. Свердлов указал мне на необходимость скорейшей организации медико-санитарных отделов при местных Советах. На одном из наших заседаний Бюро Медико-санитарного отдела было принято решение обратиться с докладной запиской в Народный комиссариат по военным делам о проведении необходимых мероприятий по гражданской и военной медицине.

«Комиссар Военно-революционного комитета, приняв в свое ведение врачебно-санитарный отдел 26 октября 1917 г.,— говорилось в записке,— образовал Исполнительное Бюро, которое постановило довести до сведения Народного комиссариата по военным делам следующее:

...Врачебно-санитарный отдел Военно-революционного комитета есть высший коллегиальный демократический орган Российской Республики, ставящий своей целью реорганизацию врачебно-санитарного дела в России на общей политической платформе Временного революционного правительства...

Дабы медицинская помощь как населению, так и войскам была бы поставлена на должную высоту и не носила бы случайный, чисто частный характер, необходимо немедленно назначить при Главнокомандующем Петроградским военным округом комиссара, который мог бы осуществить ряд следующих мероприятий:

а) приказать лечебным заведениям военного и морского ведомства оказывать медицинскую помощь как амбулаторно, так и госпитально всем чинам Красной Гвардии;

б) приказать выделить кадры врачей, фельдшеров, санитаров и медицинское имущество для обслуживания Красной Гвардии;

в) приказать составить летучие отряды врачебной помощи для распределения их в отправляющиеся на фронт войсковые части — военные и Красной Гвардии...»

В течение ноября 1917 года Медико-санитарный отдел неоднократно обсуждал вопрос о создании Комитета по охране народного здоровья, который временно, до образования Нарком-

здрави, мог бы выполнять обязанности организующего медицинского центра.

Во второй половине ноября мы на этот раз уже втроем — А. Н. Винокуров, И. С. Вегер и пишущий эти строки — были у В. И. Ленина. Владимир Ильич внимательно выслушал наш проект о создании Комитета по охране народного здоровья и решил поставить мой доклад на заседании Совета Народных Комиссаров.

20 ноября на заседании Совета Народных Комиссаров, проходившем под председательством В. И. Ленина, на повестке дня стоял мой доклад о создании особого Комитета по охране народного здоровья. В постановлении было записано: «Признать, что в случае невозможности созвать съезд врачей, возможно создать особый Комитет по охране народного здоровья».

Однажды в конце ноября ко мне в Смольный позвонил А. Н. Винокуров и передал мне директиву В. И. Ленина о необходимости немедленно приступить к реорганизации Главного военно-санитарного управления и что это дело будет возложено на меня совместно с другими товарищами. Вскоре после телефонного разговора состоялось решение Совета Народных Комиссаров РСФСР, подписанное В. И. Лениным 4 декабря 1917 года, о назначении коллегии по заведованию Главным военно-санитарным управлением, куда вошли М. И. Барсуков, А. Н. Винокуров, И. С. Вегер и М. В. Головинский.

Можно сказать, что намеченная В. И. Лениным еще в первые дни Великого Октября обширная программа Военно-революционного комитета по здравоохранению была частично выполнена. В Смольном и вокруг него уже стала накапливаться довольно значительная группа медицинской интеллигенции, демократически настроенная или, как тогда говорили, стоявшая на советской платформе. Во всех народных комиссариатах, имевших ранее медицинские управления, были образованы врачебные коллегии, которые, ломая саботаж, готовили условия для будущего объединения всего медицинского дела в Народном комиссариате здравоохранения.

Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., Госполитиздат. 1957, с. 246—251

КАК ИЛЬИЧ УЧИЛ НАС РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТАКТИКЕ

Из встреч непосредственно после октября с тов. Лениным в мою память особенно врезалась одна.

То было в декабре 1917 года, вскоре после опубликования декрета СНК о рабочем контроле над производством, инициатором и творцом которого, как известно, явился сам тов. Ленин, так же как и от него еще в апреле того же года родился самый лозунг, самая идея рабочего контроля. Опасаясь слишком резкого поворота в сторону захвата предприятий рабочими и истолкования ими декрета о рабочем контроле в сторону слишком сильного вмешательства в производство, совет рабочего контроля выделил специальную комиссию (в которую входили, насколько помнится, тт. Ларин, Лозовский и некоторые другие), которая разработала инструкцию, толковавшую декрет в сторону ограничения прав фабрично-заводских комитетов в области контроля над фабриками и заводами, придававшую рабочему контролю характер контроля *пассивного*, контроля в узком, точном смысле этого слова, без вмешательства в распоряжения администрации. Мы, работники Центрального совета фабрично-заводских комитетов г. Петрограда, составили тогда свой контрпроект инструкции к декрету, толковавшей его в прямо противоположном направлении, как контроль *активный*, контроль с вмешательством в процесс администрирования, контроль, предупреждающий саботаж и преступления владельцев по отношению к рабочим и всей Советской власти.

Постановка наша, по глубочайшему нашему убеждению, была в тогдашних условиях единственно правильной, революционной, прямолинейной. Нас поддерживала в этом вся рабочая масса питерских фабрик и заводов. Инструкцию мы отпечатали своими силами и средствами и разослали не только по Питеру, но и по провинции. Но как придать ей официальный, *законный* характер, когда правомочный орган рабочего контроля — Всероссийский совет рабочего контроля — поддерживал в большин-

стве своем пассивный контроль? Как усилить нам свою инструкцию в глазах рабочих?

Тут мы решили обратиться за содействием к тов. Ленину, зная его подход к делу рабочего контроля. Мы втроем, Амосов, тогдашний председатель Петроградского совета фабрично-заводских комитетов, тов. Иванов (Михайлов) и я, отправились как-то вечером к тов. Ленину. Изложили ему кратко, хотя и нескладно, суть дела. Владимир Ильич внимательно, прищурив по обыкновению глаз, выслушал нас, задал нам несколько дополнительных вопросов и тут же дал нам неожиданный отеческий совет:

— Если вы хотите добиться настоящего жизненного осуществления вашего подхода к рабочему контролю, то не на авторитеты и законы опирайтесь, а действуйте, агитируйте, проводите всеми способами в рабочие массы вашу мысль. Если она революционна и жизненна, то пробьет себе дорогу и опровергнет всякие нежизненные, хотя и «законные», инструкции и толкования рабочего контроля.

Таков был смысл, если не точная формулировка того, что нам ответил Владимир Ильич. Для нас, по крайней мере для меня, тогда это было ново, неожиданно, даже странно. Нам казалось, что вопрос разрешится именно подписью, утверждением, законодательным актом. И вдруг вместо этого подобный совет, да еще в сопровождении добродушной, такой товарищеской насмешки, издевательства в некотором роде: как это вы, дескать, наивны, молоды еще, коли не понимаете, что не декретами и инструкциями определяется жизнь, а, наоборот, последние являются ее отражением и тем, насколько они ее отражают, обусловливается их жизненность, действительность.

Для нас урок Ильича не прошел даром. Сначала после его слов мы оторопели, пытались потом что-то сказать, но ничего серьезного из этого, кажется, не вышло. Но, выйдя от Ильича, мы энергично принялись за дело: инструкция пошла во все стороны, не утвержденная, не подписанная, без рекомендации с чьей-либо стороны, но решительно поддерживаемая всем процессом развития революции в области производственных отношений. Жизнь вскоре показала, насколько Ильич был прав и здесь, как и во всем другом. Он и тогда, и задолго еще до того ясно видел путь, по которому пойдет первая в мире «экспроприация экспроприаторов». Он знал наверняка, что никакие попытки задержать мощную поступь пролетарской революции ни к чему не приведут. Он, пользовавшийся в других областях работы и в других условиях в широчайшей мере «агитацией» декретами, считал не без основания излишним их содействие навешиваемому уже на низах перерождению рабочего контроля в управление производством, слабым отражением чего являлась тогда наша инструкция.

Конечно, во всем этом сказывалась и другая черта Ильича. Это — его осторожность, осмотрительность. Прежде чем декретировать, необходимо присмотреться к явлению, изучить его. Одно дело было выпустить общий декрет, развязывающий руки рабочим низовым ячейкам в области контроля, другое дело было оформлять этот контроль и предрешать уже в самом начале в окончательном порядке вытекавший из него захват предприятий рабочими. Тов. Ленину нужно было уложить стихию в организованное русло, создать соответствующие условия для национализации предприятий, прежде чем решаться на это. Этим и можно объяснить его осторожность и его медлительность, непонятное в то время для многих «соглашательство» с предпринимателями до издания декрета в июне 1918 года о национализации промышленности¹. Эти соображения, несомненно, руководили и его ответом нам, и нежеланием сразу же оформлять нашу инструкцию. Но урок сам по себе этим не умаляется. Ильич лишний раз показал свое искусство революционной тактики на этом маленьком примере.

*Великий строитель. Памяти
В. И. Ленина, М., «Экономическая
жизнь», 1924, с. 77—79*

---

¹ Декрет подписан 28 июня 1918 г. См. Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, с. 498—504. *Ред.*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЕ

Писать о роли Владимира Ильича в хозяйственном строительстве республики означает писать историю хозяйственного строительства. Фактически Владимир Ильич не только интересовался всеми наиболее выдающимися моментами восстановления нашего хозяйства, но он непосредственно вырабатывал, диктовал, предлагал, влиял всеми силами своего могучего мозга.

В первый период строительства Высшего совета народного хозяйства, питерский период, роль Владимира Ильича была необычайно велика. Ежедневно, часто по несколько раз или Осинский (первый председатель ВСНХ), или я как его заместитель бывали в Смольном у Владимира Ильича, советовались и обсуждали совместно все стороны хозяйственной жизни. Владимир Ильич подписывал бесконечное количество декретов о национализации различных заводов, причем он всегда подчеркивал, что национализировать гораздо легче, чем управлять национализированным. Однако поскольку настроение широких рабочих кругов, ярко выражавшееся повсюду на местах, стояло за национализацию, постольку Владимир Ильич считал невозможным задерживать ее темп. Но уже в то время Владимир Ильич резко и решительно ставил вопрос о порядке управления национализированным.

Он впервые выдвинул вопрос о необходимости использовать в широких размерах специалистов. В то время когда по инициативе тов. Антипова впервые обсуждалось создание первого кожевенного главка, Владимир Ильич принял конструкцию управления по третиам: треть — рабочих, представителей профсоюзов, треть — представителей технического персонала и треть — представителей буржуазии.

Часам к одиннадцати вечера мы все съезжались на заседания Совета Народных Комиссаров в Смольный, и здесь под председательством Владимира Ильича, большей частью до 4—5, а иногда и 6 часов утра обсуждались основные вопросы хозяйственной жизни страны. Владимир Ильич неизменно председательствовал на этих собраниях — не формально, а беря на себя инициативу при разрешении всех вопросов. Все резолюции

обычно либо писались, либо диктовались Владимиром Ильичем. Он проявлял глубочайший интерес ко всем практическим деталям дела, не говоря о существе вопроса. Обсуждался ли вопрос о национализации нефтяной промышленности, он неизменно требовал специалистов этого дела (несколько раз вопрос откладывался из-за того, что не был извещен Гуковский, долго работавший в нефтяном деле), стараясь поставить вопрос на практические рельсы, ненавидя всякие философские рассуждения. Когда обсуждался вопрос о национализации Волжского флота, он не только вызывал к себе представителей Центрального комитета профсоюза, он беседовал и с капитанами отдельных пароходов, и с представителями водников из Нижнего Новгорода, и со старыми организаторами (капиталистическими) этого дела.

Владимир Ильич уже весной 1918 года в дискуссии с нами, тогда «левыми коммунистами», резко поставил вопрос о превосходстве государственного капитализма по сравнению с прежним капиталистическим порядком в России и о необходимости сочетать свой «национализаторский пыл» с возможностью «переварить» все национализированные предприятия. Он уже тогда указывал, что мы национализировали больше предприятий, нежели это под силу для деловитого нашего управления ими, и уже тогда слышался его предостерегающий голос о том, как бы не «обожраться», как «обожрется» германский империализм Украины.

Тем не менее история требовала от нас более решительного темпа национализации промышленности.

Гражданская война субсидировалась целым рядом собственников предприятий, опиралась на них. Чистая политика заставляла нас резко пойти по пути национализации, и 28 июня 1918 года по инициативе Владимира Ильича, под его непосредственным руководством Совет Народных Комиссаров принял декрет об общей национализации всех наиболее крупных предприятий России.

Владимир Ильич ни на одну минуту не забывал практической почвы. Он требовал от нас, сидевших тогда в ВСНХ, сведений о том, как проходит фактическая передача предприятий в руки новых правлений, не разваливаем ли мы национализированные предприятия, какова выработка, кто, где и на каком предприятии назначен управляющим и т. д.

Эта черта — каким-то чутьем всегда найти наиболее слабое, уязвимое место в системе, найти то звено, которое является наиболее больным в цепи событий, — являлась характерной для Владимира Ильича. И уж натушно бывало, когда Владимир Ильич, открыв слабые стороны, начнет энергично на тебя наседавать: телефонные звонки днем, ночью, записочки от руки, в которых Владимир Ильич требует к такому-то часу «принять

необходимые меры и о мерах доложить», — все это повышало темп работы настолько, что буквально приходилось кипеть.

Владимир Ильич поставил себе за правило узнавать обо всем происходящем в хозяйственном строительстве не только от руководящей коллегии, верхушки, но он старался выявить все наиболее важное через отдельных рабочих из низов. Он принимал непосредственно и управляющих заводами и просто наиболее талантливых и выдающихся рабочих.

С большой охотой он выслушивал соображения крупнейших специалистов, инженеров-практиков, и надо сказать, что каждый из этих товарищей инженеров с величайшей теплотой и уважением вспоминает до сих пор о своих разговорах с Владимиром Ильичем. Мне не раз приходилось слышать от них, как они все искренне поражались умению Владимира Ильича с полуслова схватывать существо дела и затем простыми словами формулировать большому специалисту существо вопроса. Товарищи часто указывали, как иной профессор или инженер шел разговаривать с Владимиром Ильичем, желая его «научить», и с величайшим изумлением уходил после разговора, весьма многому «научившись» у Владимира Ильича.

Владимир Ильич видел насквозь и умел взять от каждого все, что ему нужно.

Во всех сколько-нибудь крупных хозяйственных кампаниях чувствуется Владимир Ильич. Он первый поставил на практическую почву борьбу с тем бюрократизмом, которым, как шерстью, обрастали наши хозяйственные учреждения. В своих речах на съездах совнархозов он неоднократно бичевал его. Одним из первых он выступил решительно против коллегиальности в управлении предприятиями... В вопросах о взаимоотношениях хозорганов и профсоюзов он взял решительный курс и этим предопределил судьбу вопроса. Когда многие товарищи зарывались и старались из ВСНХ сделать единый хозяйственный комиссариат и для промышленности, и для земледелия, и для продовольствия и торговли, он всегда ироническим, едким словом выбивал оружие из рук зарвавшихся товарищей. Достаточно было Владимиру Ильичу с едким словечком о «всемирном совнархозе» выступить на нашем партийном съезде, чтобы уложить в гроб эту идею. В вопросе организации планового хозяйства место Владимира Ильича самое основное: по его идее создан Госплан, и он же первый ясно формулировал отношение партии к идее электрификации: «век пара — век буржуазии, век электричества — век пролетариата». План проведения в жизнь электрификации России для Владимира Ильича — экономическая программа осуществления социализма.

Владимир Ильич придавал гигантское значение вопросам соревнования. Ему принадлежит идея привлечения иностранного капитала путем концессий. Он не раз и не два своими теле-

фонными звонками торопил меня быстрее и быстрее выпустить книжку о концессиях: «Вы опять копаетесь...» Он поддерживал до самой своей смерти все иностранные группки товарищей, которые переселились к нам в Советскую Россию и образовали артели, внося новые американские и европейские методы и навыки в производство и жизнь.

Я вспоминаю, с каким интересом Владимир Ильич следил за тракторным товариществом в Пермской губернии и радовался каждому успеху, о котором сообщали ему товарищи с места. Он интересовался этим делом настолько, что писал записочки кому нужно об ускорении отпуска нефтетоплива для тракторов, на железные дороги — о переброске тракторов, он посылал нужных людей, которые бы могли перевезти тракторы, и т. д.

Владимир Ильич умел ценить специалистов. За учебу у специалистов он не жалел платы, он понимал, что за науку надо платить. «Умный коммунист не побоялся учиться у капиталиста и у спеца» — слова Владимира Ильича, брошенные им в 1921 году.

И Владимир Ильич решительно проводил эту линию в жизнь. Без всяких левых фраз, просто и скромно, с нечеловеческой энергией он вел и двигал работу. После перехода к нэпу именно Владимир Ильич поставил на новые рельсы Совнархоз, поддерживая идею создания трестов.

Он лично принимал у себя товарищей, которым первым пришла в голову эта мысль (Либерман из Северолеса), и, когда эта мысль на практике получила удачное разрешение, он ухватился за нее и торопил, толкал, двигал вперед это дело, пока вся промышленность не трестировалась.

Владимир Ильич является душой и мозгом всего современного хозяйственного строительства России. Только его энергии и его блестящей изворотливости, умению выйти из любых затруднений обязаны мы тем, что теперь советское хозяйство выходит из чрезвычайно тяжелой полосы, в которой оно находилось в первые годы революции.

Ни один товарищ, которому довелось вместе с Владимиром Ильичем работать в заседаниях в годы хотя бы топливного кризиса, когда мы ежедневно под его председательством после Совета Обороны начиная с 11 часов вечера вновь заседали, никто не забудет того величайшего наслаждения, которое мы получали от неукротимой работы могучего мозга Владимира Ильича.

Работа хозяйства поставлена на нынешние рельсы Владимиром Ильичем. Теперь, когда его с нами нет, наша задача — идти по намеченному им пути наиболее быстро и энергично. Это будет самым лучшим памятником великому хозяйственнику и талантливейшему строителю царства будущего.

ИЛЬИЧ НА СЪЕЗДАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Впервые я увидел Ильича на Чрезвычайном Всероссийском съезде железнодорожных рабочих и мастеровых. Во время выборов на этот съезд я работал кузнецом Московского вагонного участка Курской дороги.

Съезд происходил в Петрограде. Открылся он 12 (25) декабря 1917 года в помещении Института инженеров и техников путей сообщения на Садовой улице. Съезд выразил недоверие Викжеслю и принял резолюцию по текущему моменту (в составлении и редактировании этой резолюции участвовал Ленин), выражающую полное доверие Советскому правительству.

С утра второго дня работы съезда мы слушали доклады с мест. Часам к двум-трем дня получил слово и я. Увлечшись речью, я не замечал ничего вокруг. Вдруг кто-то положил передо мной маленький белый четырехугольник. Я машинально взял его и, закончив фразу, поднес к глазам. Вижу — визитная карточка: «Марк Тимофеевич Елизаров» (он у нас председательствовал на съезде). Недоуменно перевортываю карточку. На обороте три слова, наспех набросанные карандашом:

— Кончай, Ленин ожидает.

Я быстро оборачиваюсь и встречаюсь глазами с Ильичем. Он, улыбаясь, похлопывает меня рукой по плечу и говорит:

— Продолжайте, продолжайте!

Какой там — продолжать! Я гляжу на него во все глаза и никак не могу прийти в себя от волнения. Смутился, не нашел, что ответить Ильичу, и, неловко сойдя с трибуны, сел на то место, сбоку стола президиума, где ожидал окончания моего выступления Ленин.

Оказывается, Владимир Ильич вошел тихо, никем не замеченный, обошел сзади места президиума и скромно присел возле стола, сзади трибуны, укрывшей его от сидящих в зале. Тишина, возникшая в тот момент, когда я читал записку, сменилась бурей рукоплесканий и приветственных возгласов, как только делегаты увидели Ленина.

— Позвольте приветствовать съезд,— начал он,— от имени Совета Народных Комиссаров и надеяться, что железнодорожная организация будет вестись в соответствии с громадным большинством рабочих и крестьян России...

Ильич говорил, что против Октябрьской революции поднялись все силы буржуазии и верхушечных слоев служащих.

— Вы знаете,— продолжал Ленин,— как тяжела для страны железнодорожная разруха, усугубляемая саботажем верхушек чиновничества. Вы знаете, что железнодорожная разруха делает невозможным правильный обмен между городом и деревней, который так необходим для урегулирования продовольственного дела. И чтоб урегулировать железнодорожное сообщение, нам необходима ваша помощь, товарищи...

Говоря, Ильич энергично взмахивал рукой и то отступал несколько шагов назад к столу президиума, то возвращался вновь к трибуне. Опершись на ее край, он приподнимался на носках, слегка покачиваясь; иногда, чтоб усилить сказанное, хлопал ладонью по трибуне.

Выразив уверенность в том, что съезд закрепит власть народных комиссаров созданием такой организации, которая поможет Советской власти в борьбе за мир, за землю, Ленин закончил речь приветствием и пожеланием плодотворной работы¹.

На четвертый или на пятый день съезда вечером в общежитие делегатов пришел один из членов коллегии НКПС. Он обратился к делегатам с просьбой порекомендовать надежных людей для командирования в Сибирь, где застряла масса хлеба и продуктов, не пропускаемых в центр сторонниками Викжеля. Я назвал фамилии двух людей, и мне было предложено немедленно по прямому проводу вызвать их из Москвы в Петроград.

Для характеристики тогдашнего положения небезынтересно отметить такой факт. Когда я пришел в наркомат, на телеграф, то во всем НКПС я нашел только сторожа. Служащие саботировали. С трудом был найден телеграфист. Вызванные товарищи были отправлены в Сибирь, где успешно справились с поручением.

Постепенно стали налаживаться дела наркомата. В президиум съезда начали поступать заявления низших служащих НКПС, желавших возвратиться в наркомат. Съезд выделил специальную комиссию по приему таких лиц обратно на работу.

19 декабря 1917 года (1 января 1918 года), приняв устав и выбрав правление, съезд закрылся. В этот же день открылся II Всероссийский съезд железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих, созданный Викжемем. С нашего чрезвычайного съезда сюда были посланы 78 делегатов (в их числе и я).

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 167—168. *Ред.*

На II Всероссийском съезде 4 января произошел раскол. Левая часть съезда во главе с большевиками покинула его и образовала Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд служащих, мастеровых и рабочих, открывшийся 5(18) января 1918 года.

13(26) января по просьбе делегатов на съезде выступил Ленин с докладом от имени СНК. Напомнив про раскол на II общежелезнодорожном съезде, про трудности, с которыми нам пришлось вести борьбу против верхушечных железнодорожных организаций, Ленин сказал:

— Вы, железнодорожники, сами убедились на опыте в том, что масса трудящегося железнодорожного пролетариата вынесла трудность организации железнодорожного дела на своих плечах¹.

И вновь я видел Ленина — стремительного, оживленного, покоряющего неумолимой логикой сказанного. Он ходил по краю подмостков, на которых помещался президиум, от стола к боковой стене и обратно. За ним следовали, не в силах оторваться, сотни пар глаз. Время от времени Ильич вынимал платок, потирал им руку, прикладывал к высокому крутому лбу.

Он говорил, что объединение трудящихся масс выше всего, что они сумеют создать свою товарищескую дисциплину и сумеют воспользоваться всеми завоеваниями техники, культуры для того, чтобы правильно поставить железнодорожное дело и обмен продуктов города и деревни, чтобы научно-технические знания служили улучшению всего железнодорожного хозяйства, а не для обогащения кучки капиталистов.

Во время доклада Ленина в президиуме накопилось множество записок, которые, как только Ильич закончил речь, были ему вручены. Он взял записки, сейчас же пошел обратно к трибуне и положил их перед собой. Наклонившись несколько над трибуной, он, перебирая записки, сказал:

— Товарищи, записки, которые лежат передо мною, делятся на две группы...

И со словами: — Я отвечу по этим двум группам, — он выпрямился и произнес еще одну волнующую, страстную речь, в конце которой сказал, что социалистическая революция началась и все теперь зависит от дисциплины самих трудящихся масс...

Гудок, 1940, 21 января, с. 3

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 304. Ред.

ЛЕНИН ДУМАЛ О БОЛЬШОМ И НЕ ЗАБЫВАЛ О МАЛОМ

Меня всегда удивляло, как это Владимир Ильич умеет думать о большом и важном и вместе с тем не забывать о текущих мелочах. Как это он, создавая новое, небывалое в мире государство, в то же время не упускает случая учить нас помнить и в мелочах о том, что в государстве, особенно социалистическом, должен быть учет и порядок. Приведу один пример.

Декабрь семнадцатого года. Приближаются рождественские праздники, но о них у нас, в Смольном, никто не думает. В Смольном работа кипит как в котле. Зима еще не установилась. Падает талый снег, и вдоль Невы дует холодный, северный ветер.

Надежда Константиновна старается уговорить Владимира Ильича уехать на несколько дней, на время рождества, за город. Надежда Константиновна говорит, что перерыв в работе Владимиру Ильичу необходим. Он стал плохо спать и явно утомлен.

Доктор, заведующий санаторием «Халила» в Финляндии, на Карельском перешейке, приезжал ко мне в Наркомат госпризнания и сказал, что у него в санатории есть новый домик-особняк, теплый и светлый, который он охотно предоставит в полное распоряжение Ленина. Но Владимир Ильич отмахивается от всех наших уговоров. Хотя мы и говорим, что ведь там кругом чудесный лес и можно сколько угодно ходить на охоту, Владимир Ильич отвечает: «Охота — вещь хорошая, да вот дел у нас непочатый край, развернуться развернулись, а наладить новое государство в два месяца — это и большевики не могут. На это потребуется, по крайней мере, десяток лет».

Надежда Константиновна его перебивает: «Что же, ты так и будешь все эти годы безотлучно сидеть за письменным столом?». «Ну уж там дальше посмотрим», — сказал Владимир Ильич.

Однако прошло несколько дней, и Владимиру Ильичу пришло в голову, что он в эти два или пять дней за городом может

успеть написать целую работу, до которой в Смольном руки не доходят. И эта мысль его так воодушевила, что он утром сказал Надежде Константиновне: «Если в наркомате у Коллонтай в самом деле есть отдельный домик в лесу, где мне никто не будет мешать, то я готов уехать».

24 декабря, утром, я приехала на Финляндский вокзал провожать Владимира Ильича в дом отдыха. Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична только что вошли в вагон. Владимир Ильич уселся возле окна, в самый угол, чтобы быть менее заметным. Рядом с ним села Мария Ильинична, а напротив — Надежда Константиновна. Владимир Ильич считал, что будет безопаснее, если он поедет в простом пассажирском вагоне. В том же купе сядут два красноармейца и верный финский товарищ.

Владимир Ильич был в своем поношенном осеннем пальто, в котором он приехал из-за граицы, и в фетровой шляпе, хотя был уже сильный мороз. Вслед за мной в вагон вошел товарищ, который нес три меховые шубы и меховую шапку с наушниками. «Это вы наденете, — сказала я Владимиру Ильичу, — когда вам придется ехать на санях в открытом поле, где, конечно, будет очень холодно. От станции до санатория очень далеко. Эти шубы, — добавила я, — взяты из склада наркомата». «Это и видно», — сказал Владимир Ильич, отворачивая полу одной из шуб. На ней были нашиты номера склада и инвентаря. «Это вы для того, чтобы мы шубы сохранили и не забыли? Казенное добро учет любит. Так и следует».

Владимир Ильич хотел, чтобы я ехала вместе с ними, но меня задержали срочные текущие дела наркомата, главным образом организация помощи матерям и младенцам. Я обещала приехать позднее.

Владимир Ильич вдруг вспомнил, что у него нет финских денег: «Было бы хорошо, если бы вы могли достать хотя бы 100 финских марок для носильщика на станции или на какие-либо другие надобности в мелочах».

Я побежала к кассе, но у меня с собой было мало денег, и я не набрала даже 100 финских марок.

Владимир Ильич сказал: «Так, значит, домик отдельный и теплый, говорите вы, и в лесу охотиться можно? А есть ли там зайцы?» Я ответила, что за зайцев не ручаюсь, но, наверное, есть белки. «Ну, белок стрелять — это детская забава». Надежда Константиновна добавила: «Лишь бы Владимир Ильич решился ходить по лесу, а не просидел бы все три дня у письменного стола». «Но там и в комнате воздух чище», — перебил Владимир Ильич.

Поезд тронулся. Вся окружающая публика и понятия не имела, что едет Председатель Совета Народных Комиссаров как обыкновенный пассажир II класса.

Через несколько дней Владимир Ильич снова работал в Смольном.

Я же получила записку от Владимира Ильича, написанную его рукой:

«Посылаю Вам с благодарностью и в полной сохранности шубы из инвентаря Вашего наркомата. Они нам очень пригодились. Нас захватила снежная буря. В самом «Халила» было хорошо. Финских марок Вам пока не посылаю, но я приблизительно подсчитал, что составляет это в русских деньгах, то есть 83 рубля, их и прилагаю. Знаю, что у Вас не важно с финансами. Ваш Ленин»¹.

Так типично для Владимира Ильича, что среди всех огромных государственных забот он мог помнить о таких мелочах и быть всегда внимательным товарищем.

Работница, 1946, № 1, с. 6

---

¹ Подлинник записки не разыскан. *Ред.*

ИЗ КРАСНОЙ ТЕТРАДИ ОБ ИЛЬИЧЕ¹

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Я не буду описывать всех случаев, когда приходилось видеть и слышать Владимира Ильича в послеоктябрьский период, так как многие из этих случаев не оставили цельного впечатления и большинство из них подробно описаны другими участниками Октябрьской революции.

Не буду останавливаться также на заседаниях Совнаркома, где всегда председательствовал Владимир Ильич, так как, голодая тогда в самом прямом смысле этого слова, я нередко терял способность что-либо видеть и слышать и думал только о том блаженном моменте, когда подадут, наконец, стакан сладкого чаю и ломтик хлеба с прозрачным кусочком колбасы.

Расскажу один из не совсем приятных для меня эпизодов, имевший место в декабре 1917 года.

Для меня, комиссара по демобилизации старой армии, одна из важнейших задач заключалась в том, чтобы возможно безболезненно эвакуировать солдат демобилизуемых возрастов с фронта на родину и предупредить возможное скопление демобилизованных, потерявших связь с деревней, в больших городах, где они в качестве безработной, деклассированной силы представляли бы большую опасность.

Для организации общественных работ в Техническом управлении Демоба были доработаны имевшиеся старые планы электрификации Волхова, подобрана группа инженеров-строителей, составлена примерная схема и смета работ, которые были опубликованы в «Вестнике Армии и Флота» в конце 1917 года.

Разумеется, и калькуляция и сметы были весьма примитивны и очень мало походили на тот замечательный план, который два года спустя был положен в основание электрификации страны.

¹ Воспоминания М. С. Кедрова «Из Красной тетради об Ильиче» опубликованы полностью в 1927 году в журн. «Пролетарская революция», № 1, с. 36—69. Здесь печатается отрывок из воспоминаний, относящийся к послеоктябрьскому периоду. *Ред.*

Оставалось получить санкцию Владимира Ильича. Созволившись и условившись по телефону, я прихватил на подмогу из нашего финансового управления тов. Косушкина, очень настойчивого и немного надоедливового человека, которого Ильич вовсе не знал. В назначенное время мы вошли в Смольный, в кабинет Ильича...

Не ограничиваясь существом дела, мы пытались изложить и самую технику электрификации...

На самом интересном месте, как мне казалось, Ильич внезапно отрубил...

— Идите в Высший совет народного хозяйства!

— Владимир Ильич!

— Меня это не касается...

— Владимир Ильич! — пробовал я продолжить разговор, — ведь ВСНХ недавно только организовался...

— К товарищу **Рыкову!**..

— Товарищ Ленин! — вмешался Косушкин, — куда вы нас посылаете? ВСНХ — ведь это пустое место.

— Вот ка-ак! — иронически произнес Ильич, прищурив глаз. — Пустое место?! В самом деле?!

— Да, пустое место. А между тем электрификация — дело исключительной важности, — и Косушкин пустился расписывать всю необходимость и прелесть электрификации...

Я заметил, что Ильич начинает терять терпение.

— Да что вы ко мне привязались — инженер я, что ли?

Косушкин пробовал было продолжать в том же роде.

Но я понял, что сделал глупость, взяв с собой Косушкина, который начинал уже пересаливать, и поторопился подобру-поздорову ретироваться...

В тот же вечер Ильич говорил одному из наркомов:

— Передайте Кедрову, чтобы он мне больше не морочил головы такими делами... Мало того, привел с собой какого-то Косушкина. Если он будет так впредь поступать, я не буду его больше пускать к себе.

Тогда мне казалось обидным, что Ильич выругал меня, отнеся так недружелюбно к проекту об электрификации... А сколько неоценимого времени отнималось у Ильича всякими пустяками, мелочными раздорами, ведомственными дрызгами, — это я понял только значительно позже...

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

День Учредительного собрания...

Невский проспект... Сугробы снега... Костры... Пикеты...

Жалкая, почти похоронная, демократическая процессия в несколько сот человек — оплот и защита открывающегося соб-

рания... Маленькая кучка и большие плакаты с поблекшим уже лозунгом: «Вся власть Всенародному Учредительному Собранию!»

Прыгает автомобиль по сугробам. Вот и Шпалерная. Заставы, костры, колючая изгородь, матросы с винтовками наперевес, краткое, внушительное «стой!!».

В Таврическом дворце большое оживление. Члены Учредительного собрания спешат на открытие. Кабинет комиссара по созыву Учредительного собрания переполнен до отказа. Тут и Владимир Ильич и Яков Михайлович Свердлов, Сталин и остальные народные комиссары. Тов. Урицкий своей своеобразной ковыляющей походкой появляется то тут, то там, отдавая последние распоряжения.

Владимир Ильич обращается к некоторым из товарищей: «Пора начинать...» и к другим, находящимся тут же: «Вы не член ЦК, вы тоже нет?! Так выходите!».

Все быстро выходят. Одного из замешкавшихся наркомов Ильич слегка подталкивает к двери: «Милости просим».

Назначенное время открытия Учредительного собрания давно уже прошло.

Давно уже все депутаты заняли места в большом думском зале и, не имея кворума, в виде протеста шумят и галдят, требуя появления большевистских депутатов и членов Совнаркома. А фракционное собрание большевиков никак не может кончиться. Вечно кипящий тов. Рязанов разошелся вовсю и с пеной у рта доказывает колоссальную опасность, связанную с роспуском «хозяина земли русской». Излишне — вопрос бесспоротно решен:

«Советы, а не учредилка; диктатура пролетариата, а не диктатура буржуазии».

Наконец, поздно вечером все депутатские места и «министерские» логи заняты.

Происходит словесная перепалка между невозмутимо спокойным Свердловым и правой частью собрания, истерически требующей, чтобы собрание открыл старейший из депутатов, а не Свердлов, председатель ВЦИКа.

Яков Михайлович остается на трибуне и проводит выборы председателя собрания.

Ильич тотчас по приходе примостился на покатых, покрытых ковром ступеньках, недалеко от трибуны, и в таком положении остается до конца собрания. Депутатам он не виден, так как от них отделяет его дощатая перегородка между рядами. В наиболее интересные моменты, особенно во время речи избранного председателя собрания Чернова, прерываемой почти на каждом слове шутивными хоровыми репликами с большевистских скамей, Ильич неудержимо хохочет. Ильич был враг всякого лицемерия, всяких этикетов и показной чинности.

БРЕСТСКИЙ МИР

Здесь я расскажу о мало известных обстоятельствах, которые предшествовали заключению Брестского мира.

В конце декабря в Петербурге происходил съезд по демобилизации армии.

Неоднократно мы просили Владимира Ильича выступить с докладом на съезде, но он отказывался, ссылаясь на перегруженность работой.

В день закрытия съезда, когда мы снова обратились к Ильичу с той же самой просьбой, он заявил, что никаких докладов делать не будет, но побеседовать с группой делегатов не прочь. Пусть выберут по одному представителю от каждого фронта, армии, флота и т. д., и он согласен поговорить с ними.

Такое собрание состоялось в Комиссариате по военным делам, на Мойке, в доме военного министерства.

Присутствовало 30—40 человек. Каждый делегат по очереди информировал о положении в соответствующей армии.

Ильич сидел у стола и, слушая делегатов, одновременно живо писал что-то на четвертушках бумаги и задавал вопросы. Особенно многочисленны и непрерывны были вопросы воинственно настроенным делегатам.

Способность Ильича одновременно производить несколько работ — слушать, писать, отвечать в то же время на задаваемые ему вопросы, всегда меня поражала. Такого объема внимания я никогда не встречал.

Выслушав часть делегатов, Ильич заметил, что будет, пожалуй, проще, если каждый из присутствующих заполнит небольшую анкету, которую он сейчас прочтет и которую только что написал.

Анкета состояла из нескольких десятков вопросов. Здесь были сконцентрированы все существенные признаки, определяющие боеспособность армии: численность, вооружение, связь, техника, боевые запасы, обмундирование, продовольствие, дисциплина. Помню, был также особый вопрос о состоянии конского состава. Само собой разумеется, и субъективные моменты — настроение солдат, интересы, размеры братания и т. д. — не были упущены.

Когда были заполнены анкеты, получились поразительные выводы. Только единичные анкеты с известными натяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии. Подавляющее большинство анкет кричало о полном развале фронтов, о массовом уходе солдат с фронта, не ожидая приказа о демобилизации. Когда, например, подавались составы поездов для увоза в тыл имущества, солдаты форменным образом штурмовали вагоны для себя, облепляли буфера, крыши, при-

вода часто в негодность весь подвижной состав. Артиллерийские лошади дошли до такого состояния, что не только не могли везти груз, но с трудом стояли на ногах. Соответствующее применение находилось в использовании их только на колбасу, что особенно наблюдалось в районе Северного фронта.

Вопрос становился яснее ясного. Реальной боевой силы у нас нет, фронт открыт, воевать мы не можем, мир необходим во что бы то ни стало, любой, даже самый «похабный».

Через несколько дней часть делегатов, присутствовавших на заседании в Наркомвоене, делала, по указанию Ильича, доклад в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, подготавливая почву для заключения мира.

А еще через несколько дней (приблизительно 20 января ст. стиля¹ 1918 года) в Смольном на заседании ЦК, на котором принимала участие значительная группа видных большевиков, был подвергнут подробной дискуссии вопрос о мире.

Три точки зрения отстаивались тогда:

- 1) Заключить мир хотя бы с аннексиями и контрибуциями.
- 2) Продолжать войну.
- 3) Ни мира не заключать, ни войны не вести.

Тщетно Ильич пытался отстоять свою точку зрения, приводя неопровержимые доводы необходимости немедленного заключения мира, тщетно предупреждал о грозящей опасности самому существованию Советской власти, большинство собрания не разделяло позиции Ильича.

Начались бесконечные и безответственные речи сторонников других точек зрения.

Долго слушал Владимир Ильич все эти разглагольствования, в конце концов не выдержал и демонстративно ушел с собрания. Вернулся только к концу заседания, чтобы сказать свое заключительное слово.

Как известно, большинство собрания высказалось тогда за предложение Троцкого: «Ни мира, ни войны».

Недели две-три спустя я был свидетелем, как Владимир Ильич в частной беседе в Смольном отчитывал группу вояк, настаивавших на продолжении революционной войны.

— Ну что, разве по-вашему вышло? Ничего подобного!.. Воевать сейчас все равно не можем и не будем. Только пришлось заменить прямо и ясно поставленный вопрос о необходимости заключения мира туманной и расплывчатой формулой, являвшейся бессмыслицей... И за эту бессмыслицу уже дорого заплачено, и мирный договор все же подписан, но уже на более тяжелых условиях... Эх, вояки! — закончил Ильич, — если можно было бы воевать при помощи красивых слов и резолюций, то давно весь мир был бы уже вами завоеван.

¹ Совещание ЦК с партийными работниками состоялось 8(21) января 1918 года. *Ред.*

ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Июль 1918 года. Гроза интервенции нависла над Архангельским краем. Мурман уже удушен союзниками, очередь за Архангельском и Вологодой, где с наглой откровенностью готовится при деятельном участии ипостранных миссий переворот. В тылу подняла голову контрреволюция и вспыхивают белокулацкие восстания в Ярославле, Муроме, Владимире. Не сегодня-завтра будет нанесен последний удар на Севере, и замкнется железное кольцо вокруг рабочей республики. А у нас нет реальной силы, которую мы можем противопоставить наглому врагу.

Еду с докладом в Москву. На Северном вокзале встречает меня специально посланный Ильичем товарищ с сообщением, что тов. Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении.

Когда я докладываю, он то и дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо и слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает.

Он уже все обнял, взвесил, решил... В его шуточках нетрудно прочесть и указание на то, что не все сделано, как надо, и совет, и наставление для будущего.

Вошел Троцкий. Он был, сверх обычного, сосредоточен и серьезен; разговор сразу принял официально-деловой характер.

Задав несколько вопросов, сказал:

— Только что получено сообщение из Архангельска, что на Белом море крейсирует английская эскадра и что со дня на день нужно ожидать интервенции. — Он настаивал на немедленном моем выезде обратно в Архангельск.

Я запротестовал. Если интервенция близка, то необходимо располагать немного большей боевой силой, нежели 30 имеющихся в моем распоряжении латышских стрелков.

— Да и хотелось бы также день-два отдохнуть, — добавил я.

При последних словах Владимир Ильич громко рассмеялся.

— А, передышку запросил! — заметил Ильич, и я видел, что он на таковую согласен.

Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через два-три дня выехал на Архангельск.

И находясь в пути на Архангельск и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями.

На одной из станций Владимир Ильич через Бонч-Бруевича по прямому проводу запрашивает о перевороте в Архангельске и дает совет.

«Закрыто ли устье Двины, — говорится в телеграмме, — не является ли необходимым произвести заграждение последней где-нибудь далее, выполнены ли задания взорвать два ледокола в устье Двины при наступлении, возможность наступления по Двине, а также не знаете ли, выведены ли пароходы из Северной Двины и, вообще, осветите положение настоящих минут»¹.

Когда затем мы вошли в белогвардейскую зону и на двое суток связь с Москвой была порвана, Ильич в течение целой ночи сам вызывает к прямому проводу вологодских товарищей — Ветошкина, Элиаву, Саммера и информируется у них о положении дел и выясняет судьбу нашего поезда.

Не удовлетворившись уверениями о спокойствии в Вологде и предвидя возможность переворота, в тот же день командирует туда на случай белогвардейского переворота в качестве информатора европейски одетого молодого человека в бархатном костюме и лично его инструктирует. Его я застал в Вологде неделю спустя: для советской Вологды он являлся белым вороном, привлекавшим к себе общее внимание.

В первую же неделю продвижение англо-французов в глубь страны было приостановлено, и непосредственная угроза занятия Вологды устранилась. Но вновь открывшемуся фронту грозила другая опасность: развалиться от отсутствия продовольствия и боевого снаряжения.

Телеграммы не имели действия. Довольствующие управление саботировали снабжение.

Я снова выехал за помощью к Ильичу, захватив с собой управделами Эйдука.

Рано утром следующего за выездом дня мы были уже в Москве. Немедленно с вокзала явились в Кремль.

Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень гневно.

Но в его гневе чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

— Как можно было оставлять в такое время фронт?.. Теперь все дело развалится.

— Позвольте, Владимир Ильич! Ничего не может случиться.

Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того, что сами уехали, да еще его с собой прихватили, — указывая на Эйдука, немного смягчаясь, говорил Ильич.

— Оставили на фронте одних мальчишек! Хороших дел творят они там...

Я улучил момент и, захлебываясь, одним залпом передал, что в Обозерской организован штаб, что на фронте нам лично сейчас делать нечего, что предполагаем перенести штаб фронта в Вологду и что всего двое суток решили потерять, чтобы при

---

¹ Текст телеграммы не разыскан. *Ред.*

содействии Ильича сломить наблюдающийся саботаж и волонкиту.

— Как это двое суток? — перебил Ильич. — Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Ответил.

— Все-таки не нужно было ехать, могли бы написать обо всем... Что же вам нужно? — уже спокойно спросил Ильич.

Я прочитал по записке длинный список предметов, в которых ощущалась острая нужда.

Разговор происходил стоя в зале Совнаркома, у небольшого стола, находившегося в нескольких шагах от двери кабинета Ильича. Владимир Ильич нагнулся к столу и написал записку приблизительно такого содержания:

Начальнику штаба Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу. Предписываю назначить трех ответственных сотрудников, которых обязать в течение сегодняшнего дня отправить все требуемое Северо-Восточному¹ фронту снаряжение и указать трех бывших генералов, которые будут расстреляны, если указанное задание не будет выполнено².

— Непременно сегодня выезжайте, — передавая записку, заметил Ильич и затем, прощаясь, сказал: — Если что нужно будет, пишите!

В тот же день на заседании Высшего военного совета, когда состоялось назначение меня командующим фронтом и я собирался уходить, тов. Склянский дружески задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете приезжать в Москву без его разрешения.

На лице его играла свойственная ему усмешка.

— Выдумываете! — категорически объявил я.

— Нисколько, дословно передаю распоряжение, — еще раз подтвердил он.

Мне стало обидно. Я считал безусловно необходимым выезд в Москву.

— Не приехал бы, — сказал я раздраженно, — больше вреда причинил бы фронту.

Указание Ильича принял к руководству, но подписки о невыезде не дал.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что в интересах фронта должен был так поступить и что, видимо, не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы выезда.

С дороги отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и исключительное впечатление, произведенное в военных управлениях его запиской, удалось получить только небольшую часть.

¹ М. С. Кедров и А. В. Эйдук руководили Северным фронтом. *Ред.*

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 141. *Ред.*

— Если бы не выехал, — упорствовал я, — фронт не получил бы и этого. Польза приезда налицо, и напрасно Владимир Ильич встретил меня так немилостиво.

Два дня спустя (12/VIII 1918 года) Владимир Ильич ответил телеграммой. В ней он не упоминает больше об этом случае, предоставив мне считать себя правым, и возвращается к первому моему приезду в Москву, описанному выше. Телеграмма, помеченная «секретно», гласит:

«Вологда, Губисполком, Кедрову.

Вред вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине. Теперь вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало. 677. Предсовнаркома *Ленин*»¹.

Защита Котласа во что бы то ни стало, но и тут Владимир Ильич, как всегда, предвидит и худший конец и, зная, что в Котласе сосредоточены громадные запасы взрывчатых веществ, не ограничивается одним приказом, а командует ко мне двух товарищей, Уралова и Ногтева, с собственноручным письмом.

В письме Ильич рекомендует товарищей как преданных и стойких, хотя и незнакомых с подрывным делом, и указывает цель командирования: произвести подготовительные меры к взрыву котласских огнеприпасов и взорвать их в критическую минуту.

Одновременно тов. Ленин отдает приказ тов. Муралову, бывшему тогда командующим войсками Московского округа, «разыскать отправленную из Москвы на Урал батарею тяжелой артиллерии и срочно переотправить ее в распоряжение тов. Кедрова». «Вы отвечаете за это своей головой», — предупреждает Ильич Муралова.

Батарея направлена в Котлас и, возможно, спасла Котлас с его неисчерпаемыми запасами от уничтожения и предприняла в известной мере судьбу всей гражданской войны.

И помощь, которая оказывалась нашему фронту, который тов. Ленин считал «особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу»²... вне сомнения оказывалась и остальным фронтам.

В критическую минуту все спешили к нему как к якорю спасения.

Военачальников и партийных бюрократов раздражали подобные обращения не по команде. Вот телеграмма одного из таких

---

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 147. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 240. *Ред.*

лиц: «Указываю вам на недопустимость обращения к тов. Ленину помимо Главкома и военного Совета». Но Владимир Ильич, как мы видели, сам разрешал обращаться к нему за помощью и не оставлял без внимания ни одного вопроса, даже специально военного.

Я приведу здесь еще одно письмо Ильича, датированное 29 августа — днем кануна ранения. Последний абзац письма является ответом на жалобу вологодских товарищей, которые указывали, что благодаря кедровщине в Вологде вспыхнет восстание, которое им удавалось до сих пор предупреждать. Ильич, как видно из письма, держался другой точки зрения, чем вологжане.

Вот это письмо:

«т. Кедров! Вы мало сообщаете фактического. Присылайте с каждой оказией отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

По какой линии?

Какие пункты ж.-д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно такое-то* (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. д.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.

Привет!

Ленин»¹.

Заканчивая очерк, считаю необходимым подчеркнуть, что если удалось на первых же шагах парализовать наступление превосходного по численности и по технике противника и расстроить его планы, то в этом прежде всего заслуга ЦК нашей партии в лице тов. Ленина. Задача была выполнена потому, что среди общей расхлябанности и растерянности твердая рука великого кормчего вела советский корабль к намеченной цели.

Был момент, когда предательская рука готова была дать торжество белогвардейцам...

Помню день, день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича.

Дрогнул фронт...

Но то был миг... И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва...

Отомстим! Победим!

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 172. Ред.

Ошиблись враги. Ленин будет жить — такова воля пролетариата. Он и раненный оставался тем незримым вождем Красной Армии, который и в донских степях, и в кавказских горах, и в сибирской тайге, и в архангельской тундре вел красные полки вперед, к конечной победе.

И смерть в бессилии отступила перед гением Ильича...

НИ ШАГА БЕЗ ИЛЬИЧА

Кажется, ни одно начинание в центре и даже на местах не обходилось без того, чтобы Владимир Ильич не был посвящен в мельчайшие детали его или не был так или иначе в него втянут. В каждом комиссариате руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался.

Возьмите даже такой комиссариат, как Наркомздрав... Владимир Ильич не обошел вниманием и этот комиссариат и здесь оставил после себя бессмертный памятник.

Наверное, не всем известно, что идея передать все дворцы, роскошные дачи, санатории и пр. комиссариату здравоохранения принадлежала Владимиру Ильичу и лозунг «курорты для трудящихся» впервые был брошен им. Миллионы лет жизни бережены пролетариатом с тех пор, и в этом великая заслуга Ильича.

А вот другой случай.

Осень 1919 года. Гражданская война близится к концу. Деникин отогнан от Москвы, Колчак откатился к Уралу. Победа сменяет победу.

Но проявился новый враг, готовый свести на нет результаты всех побед и задавить вздохнувшую было страну.

Плюгавая вошь, пожирающая больше жертв, чем все фронты вкупе... «Товарищи, все внимание этому вопросу, — говорил Ильич на заседании ВЦИКа. — Вши победят социализм, или социализм должен победить вшей»¹...

Канун Октября. Торжественное заседание Моссовета. Я только что вернулся из Тамбова, куда был командирован после налета Мамонтова.

Увидевший меня на заседании в Большом театре Феликс Эдмундович Дзержинский остановил меня:

— Вот хорошо, что приехали... — радостно сказал он; речь его, торопливая, нервная, увлекающая, всегда волновала и захватывала собеседника.

---

¹ В. И. Ленин выступал с докладом не на заседании ВЦИК, а на VII Всероссийском съезде Советов. См. Полн. собр. соч., т. 39, с. 410. *Ред.*

— Образована специальная комиссия по выработке положения об улучшении санитарного состояния республики... На днях должен выйти соответствующий декрет... Вот познакомьтесь с материалами...— Феликс Эдмундович достал из портфеля несколько листов и передал их мне,— и скажите ваше мнение, а также согласны ли от ВЧК возглавить образуемую комиссию. Необходимо устроить день топлива, чтобы бани работали непрерывно, также день санитарии, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что эта работа по вашему духу.

Я поблагодарил Феликса Эдмундовича, взял материалы для ознакомления, но я был уже согласен. Из переданных мне Феликсом Эдмундовичем материалов наибольший интерес представляло постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 5/XI 1919 года. Хотя о Владимире Ильиче в этом постановлении сказано всего несколько слов, но эти слова воскрешают целую эпоху, когда всякое дело начиналось и венчалось Ильичем.

Вот это постановление:

«Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании от 5/XI с. г. постановил: поручить тов. Дзержинскому делегировать вместо тов. Аванесова, если последний не выздоровеет в самые ближайшие дни, заместителя его в комиссию по выработке проекта декрета по наблюдению и контролю по проведению в жизнь санитарных мероприятий.

Пополнить комиссию тов. Лениным и поручить ей утвердить декрет от имени Совета Обороны.

Заседание комиссии назначить в пятницу. Созыв поручить тт. Склянскому и Бричкиной.

Секретарь Р.-К. Обороны *Бричкина*».

Как эти слова «пополнить комиссию тов. Лениным» в то время просто и естественно звучали. Сплошь и рядом вводились дополнительно в разные комиссии представители от заинтересованных ведомств, почему не ввести и Владимира Ильича. Ведь без него все равно ни одно дело не обойдется...

Образованная несколько дней спустя комиссия первоначально находилась при НКЗдраве, а с января 1920 года при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны.

Борьба с охватившей всю страну тифозной эпидемией велась в ударном порядке, и нередко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях, когда комиссия была вынуждена превышать свои полномочия или когда требовалась поддержка Ильича.

Помню, в Челябинске на эвакуационном пункте вместимостью в 3000 человек оказалось приблизительно 15 тысяч тифозных. Точное число не могло быть установлено, так как все проходы, коридоры, вся площадь полов были завалены больными; чтобы по-

пасть внутрь, пужно было через приставные лестницы влезать в окна. Почти все больные лежали в кишачей паразитами одежде и белье за полным отсутствием смены белья и халатов. Многие срывали с себя одежду, предпочитая оставаться совсем голыми. Выздоровливающие возвращались в части или в свои деревни, унося с собой и заразу. Немногим лучше обстояло дело и в лазаретах и в больницах.

В целях изготовления достаточных комплектов белья комиссия решилась на крайнюю меру — забрать из Губпродкома несколько сот тысяч аршин мануфактуры из забронированных СНК для товарообменных операций. Об этой мере мы поставили в известность Владимира Ильича, но, насколько помню, ответа на наше сообщение не получили. Как впоследствии мне говорили, Владимир Ильич не хотел санкционировать таких наших действий, с другой стороны, не считал возможным их и осудить, если они были приняты действительно ввиду крайней необходимости.

Вспоминаю еще один случай обращения к Ильичу.

Прекратив решительными мерами эвакуацию тифозных из города в город и в глубь страны и установив принцип лечения больных в месте их заболевания, комиссия натолкнулась во всех городах на отсутствие оборудованных госпиталей и, вообще, свободных помещений.

Приходилось забирать помещения государственных учреждений и приспособлять их под бараки, лазареты, распределители.

В Омске было решено использовать громадное здание Омской железной дороги под центральный коллектор-распределитель. Но выселение встретило отчаянное сопротивление не только со стороны руководящего персонала железной дороги, но и со стороны НКПС в лице замнаркомпути В. М. Свердлова, который находился в пути на Омск.

Несмотря даже на постановление Сибревкома (тт. Косарев, Смирнов И. Н., Фрумкин) очистить помещение, управление со дня на день оттягивало передачу.

Тогда снова пришлось обратиться за поддержкой к Владимиру Ильичу. Очень скоро был получен телеграфный ответ от тов. Ленина.

«Раз имеется постановление Сибревкома,— говорилось в телеграмме,— здание ж. д. должно быть освобождено для устройства распределителя»...

Еще один маленький эпизод из того же времени.

В начале 1919 года Главное санитарное управление оказалось в беспомощном положении. Несмотря на издание и переиздание приказа по мобилизации медперсонала, таковой — преимущественно врачи — или вовсе не являлся в призывную комиссию, а признававшийся годным игнорировал предписание

об отправлении на фронт. Тогда же выяснилась и причина этого явления: высшая призывная комиссия, состоявшая сплошь из матерых белогвардейцев, освобождала за скромную мзду от службы в армии весь врачебный персонал. Наглость дошла до того, что на Сухаревском рынке почти открыто продавались чистые бланки этой высшей комиссии за печатями и подлинными подписями всего состава комиссии, удостоверявшие, что врач или лекарский помощник... такой-то признан повсе негодным для военной службы. Фамилию вписать могло любое лицо, уплатившее всего сто рублей за эту своеобразную отпускную грамоту (индულгенцию).

Разрешение этого дела, разумеется, не обошлось без Владимира Ильича. По его предложению переосвидетельствование всего медперсонала было возложено Советом Рабоче-Крестьянской Обороны на недавно образованный Особый отдел ВЧК. Владимир Ильич этим не удовлетворился. Он дал подробную инструкцию Особому отделу, как провести операцию с начала и до конца. Не ограничиваться одним переосвидетельствованием, но проверить и своевременное назначение Главсанупром признанных здоровыми, а также проследить отбытие и прибытие их на фронт. Беспощадно расправляться с дезертирами. О ходе работ регулярно представлять ему отчет.

Первые группы медперсонала доставлялись на вокзалы под специальным контролем, на который возлагалась обязанность посадки отправляемых в вагоны и окарауливания их вплоть до отхода поезда.

Сейчас кажется почти невероятным, что такими драконовыми мерами приходилось первое время обеспечивать Красную Армию необходимым ей медперсоналом.

Подчеркиваю, лишь первое время, так как очень скоро дело наладилось и все пошло нормально, как по маслу.

ПОВСЮДУ ИЛЬИЧ

В конце октября 1918 года Московский железнодорожный узел оказался совершенно забитым составами груженых вагонов, которые ввиду тяжелого состояния гужевого транспорта почти не разгружались, а в целях продления срока для разгрузки многократно переадресовывались грузополучателями с одной товарной станции узла на другую. О степени загрузки можно судить по тому, что вместо нормальных 20—25 тысяч вагонов количество их в узле достигало полусотни тысяч, а подвоз новых грузов грозил прекратиться. Для современной Москвы разгрузить 20 тысяч вагонов, разумеется, не представляет никаких трудностей, но каким большим делом представлялась эта операция в то время, когда лошадей хотя и имелось достаточно,

по не было фуража, когда имелись мощные грузовики, но отсутствовало горючее для их использования.

Время жестокого голода... Отдельная картофелина была способна порождать весьма прискорбные ошибки... Помню объявление одного из наркомов, висевшее на видном месте в I Доме Советов, где, как известно, жили исключительно ответственные работники.

«Прошу товарища, по ошибке взявшего с плиты сковородку с моей картошкой, вернуть ее мне в номер такой-то».

И в это время десятки вагонов, десятки тысяч пудов картошки лежали и гнили в вагонах в окрестностях да и в самой Москве.

Моссоветом была образована Чрезвычайная комиссия по разгрузке железнодорожного узла с диктаторскими полномочиями, и я назначен председателем ее, или, как в шутку меня называли, диктатором по картошке.

Владимир Ильич придавал большое значение этой работе, и еженедельно я бывал с докладом у Ильича и сообщал о ходе разгрузки и принятых мерах. Ввиду катастрофического положения с продовольствием тов. Ленин предписал не приостанавливать работ в воскресные дни и даже в день первой годовщины Октябрьской революции. Помню этот день: продрузы выгружались, возились, складывались, распределялись, как в буднее время. Бесперывно трещали телефонные звонки... Дорожные комиссии сообщали о числе выгруженных вагонов и вновь прибывших. И среди окружающей суеты, беготни, криков то и дело врывались извне ликующие звуки хоров и оркестров проходящих мимо Моссовета рабочих колонн.

Несмотря на колоссальную энергию, проявленную рабочими и служащими органов транспорта, работа первое время подвигалась вперед очень туго, так как многие ведомства игнорировали приказы комиссии о срочной разгрузке вагонов, прибывших в их адрес. Тогда с санкции Владимира Ильича был установлен срок (от 1—3 суток), в течение которого груз подлежал выгрузке. В случае просрочки комиссия имела право распорядиться грузом по ее усмотрению. Первым пострадавшим получателем продрузов оказался Продовольственный совет. Пока он собирался и удосужился наконец послать на вокзалы своих агентов для приема грузов, несколько его вагонов с загнивавшей картошкой были розданы через районные Советы на некоторые предприятия рабочим. Сотни рабочих, их жен, детей являлись с мешками по указанным адресам и вмиг разбирали драгоценный овощ.

Разумеется, подобное «распределение» приходилось не по вкусу продсовету и другим потерпевшим адресатам. Высказывалось возмущение действиями комиссии, произволом и срывом ею всего плана распределения. Жаловались на нее в президиум

Московского Совета и Владимиру Ильичу, не предполагая, что описанные меры приняты с его ведома.

Жалобы жалобами, а десяток внепланово розданных вагонов явился переломным моментом в работе дальнейшей разгрузки. Все ведомства зашевелились, засуетились. Скоро число ежедневно выгружавшихся вагонов начало резко превышать число прибывавших.

В 20-х числах ноября, то есть приблизительно через месяц после образования комиссии, я доложил Владимиру Ильичу, что работа выполнена, подкрепив доклад соответствующими ведомостями и другими документами. Высказал также свое мнение, что в дальнейшем надобности в чрезвычайных полномочиях не требуется.

Чрезвычайная комиссия была реорганизована в Мосразгруз, первоначально носившая другое название; меня сменил в качестве заведующего мой помощник тов. Ш.

Не повезло ему на первых порах. Очень скоро узел снова начал забиваться. Тогда Ильич приказал арестовать тов. Ш. Чтобы не вносить расстройств в работу, напротив того, чтобы упорядочить ее, арест должен был отбываться в Кремле в особой комнате, снабженной телефоном и во внеслужебное время. Срок ареста — восстановление нормальной загрузки узла, что при данных обстоятельствах было скоро достигнуто.

ДВА УДОСТОВЕРЕНИЯ

Два сохранившихся листа бумаги. Два официальных удостоверения почти тождественного содержания.

Документ первый:

«Предъявитель сего тов. Михаил Сергеевич Кедров утвержден Советом Народных Комиссаров 27 марта с. г. [1919 г.] членом Коллегии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*».

Множество раз я держал перед глазами этот документ. Вглядывался в драгоценную подпись, каждую букву ее, каждую черточку... Изучал всякую мелочь удостоверения. И бумага, и чернила, шрифт, печать, подпись начинали говорить и лучше всяких слов повествовали о давно минувшей эпохе, когда голод и холод гуляли по городам и селам, фабрикам и жильям, когда Советская Россия была отрезана и от богатых хлебных районов, и от источников топлива, когда достать лист бумаги и перо представляло величайшие трудности не только для рядового гражданина, но и для Председателя Совнаркома, когда чернила замерзали в чернильнице и перья беспомощно скрипели по бумаге,

когда жизнь бежала вперед гигантскими шагами и некогда было задумываться над такими пустяками.

В самом деле, всмотритесь в этот документ. Тонкая, почти прозрачная бумага. Несмотря на бережное хранение, обтрепанная, расплывающаяся. В левом углу штамп Совнаркома, в котором соблюдены правила дооктябрьского правописания: буквы «ять», «и» с точкой. Слабо печатающая пишущая машинка, лента домашнего изготовления. Приложенная к удостоверению печать Совнаркома напоминает больше печать ротной канцелярии или волсовета. В тексте удостоверения ошибочно напечатано «преступлением» вместо «преступлениями».

Но особенно характерна подпись тов. Ленина. Чернила растекались, перо не писало. Дважды пришлось Владимиру Ильичу писать свою подпись, одну поверх другой.

А вот другой, тождественный документ, но более позднего происхождения, датированный 29 июля 1920 года.

Прошло один год три месяца, и в документе получили отражение все успехи Советской власти за этот небольшой по времени период.

Железное кольцо прорвано. Гражданская война бьется в последней агонии... Сибирский хлеб, азербайджанская нефть щедро текут к сердцу и мозгу победоносной пролетарской республики... Язык пушек сменяет уже утонченный язык дипломатов: «Примите уверения в неизменном к вам уважении»... Красное знамя Страны Советов гордо развевается в самом центре Берлина, являясь путеводной звездой для миллионов германских пролетариев.

Красные купцы с тов. Красиным во главе едут в Англию завязывать первые торговые сношения.

Об изменившемся положении РСФСР говорит и штамп, и шрифт, и бумага, и печать совнаркомовского удостоверения.

А подпись Ильича...

Такого яркого образца автографа Ильича мне редко приходилось встречать.

Столько в нем красоты, непоколебимой твердости, спокойной уверенности.

Так мог подписать только вожь, выведший страну через все тяжкие испытания на широкий и верный путь к социализму.

ЛЕНИН И НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ БАНКОВ

Когда начинаю вспоминать о встречах с Владимиром Ильичем, прихожу к выводу: все мы, сталкивавшиеся с ним непосредственно в работе, были до невозможности некультурными. Мы не только постоянно тревожили и дергали его по всяким мелочам, но, получая от него целый ряд записок, телефонограмм и письменных инструкций, в большинстве случаев уничтожали или забрасывали их. Между тем эти письменные памятки, на вид незначительные, необыкновенно характеризуют Ильича. Тут мы можем проследить не только его гениальный ум, но и его решительность, вместе с тем и осторожность, его стремление подталкивать нас всех к точному, аккуратному исполнению наших задач; тут проявлялась также его чуткость, его доброта.

Во время моего пребывания в Народном (бывшем Государственном) банке мне часто приходилось беседовать с Ильичем о нашей работе и получать от него указания. Многие инструкции получались в письменной форме. Но в большинстве случаев это были не «казенные» бумаги, написанные на машинке с тремя подписями, с помером, регистрировавшиеся в канцелярии, а маленькие записки, лично Ильичем написанные... Где они теперь?.. Писать по памяти об Ильиче трудно. Необходимо быть весьма и весьма осторожным, иначе можно быть неточным...

И по работе Народного банка Ильич интересовался всякими деталями.

Заставить спецов работать для Советского государства, но одновременно дать им возможность работать в сносных условиях, не слишком прижимая их. Припоминаю следующие характерные случаи.

В Петербурге в начале 1918 года я натолкнулся в банке (бывшем Государственном) на какие-то таинственные документы, доказывающие, что перед самым октябрьским переворотом было вывезено из Питера в Стокгольм золото в слитках на 5 миллионов. Официально золото вывез Азовско-Донской банк и депонировал в Шведском государственном банке.

От добросовестных работников бывшего Государственного банка я узнал, что Азовско-Донской банк как представитель концерна русских банков выступал здесь лишь формально, а фактически, по указанию Временного правительства, высылал золото Государственный банк. Мне при этом было объяснено, что золото вывозилось весьма конспиративно. Поезд с золотом из Нижнего Новгорода был направлен в Москву, а в пути маршрут был изменен на Петроград, куда поезд «особого назначения» прибыл ночью и тут же был передан на Финляндский вокзал, откуда тотчас же направлен в Финляндию для дальнейшей отправки в Швецию.

У нас, естественно, зародилось подозрение, что Керенский, предвидя свой последний час, постарался вывезти «на всякий случай» крупную сумму. Необходимо было установить точно, в чем дело, и предотвратить возможность получения этих денег Керенским...

Сведения могли дать только оставшиеся в Питере директора частных банков. При существовавшем тогда враждебном отношении у этих господ к Советскому правительству нельзя было сомневаться, что добровольно они никаких объяснений не дадут.

Арестовывать их как-то не хотелось. Ильич одобрил мое предложение. «Задержать» директоров и, если дадут искреннее разъяснение, немедленно отпустить. Делом этим Ильич поручил мне лично заняться и доложить ему, прежде чем выпустить задержанных.

Тов. Дзержинский дал распоряжение ЧК доставить указанных директоров в Сибирский банк (не в ЧК)... Испуганные обыватели все объяснили. Временное правительство предполагало получить у шведского правительства заем в 30 миллионов шведских крон. В обеспечение займа оно обязалось депонировать в Шведском государственном банке такое же количество золота. Посланные 5 миллионов были первым взносом, но кредита шведы не успели уже дать, так как тут же произошел переворот. Деньги принадлежали казне, русские банки выступали лишь фиктивно. Все документы хранились в Государственном банке. Частные банки не знали даже, как и когда перевозится золото. Они догадывались лишь, что Керенский весьма форсирует перевозку золота в Швецию.

С этими объяснениями я отправился в Смольный, доложил Ильичу полученные сведения и предложил немедленно освободить директоров. Ильич поручил их тут же освободить и успокоить, что их по этому делу больше тревожить не будут, и велел принять меры против получения этих денег Керенским. Так после нескольких часов задержки директора были на автомобилях отправлены обратно домой...

Вскоре после этого я был командирован в Швецию для зондирования почвы, нельзя ли получить нам обратно эти деньги.

Отношение к нам шведского правительства окончательно еще не выяснилось. Оно не решилось нас признать, но оно вместе с тем с нами не порвало и признавало тов. В. В. Воровского нашим полуофициальным представителем. При известном нажиме и помощи Азовско-Донского банка золото это можно было бы получить...

В Швеции тогда находился председатель Азовско-Донского банка Борис Абрамович Каменка. С тов. Воровским мы решили переговорить с ним и предложить подтвердить наше законное требование относительно выдачи нам золотого депозита. Ясно, Каменка держал себя здесь иначе, чем его коллеги в Питере в Сибирском банке. В общем он был довольно сдержанным. Вначале как будто колебался и просил дать ему один день для ответа. За этот день он, очевидно, посоветовался со своими друзьями и дал нам отрицательный ответ: дескать, сам он разрешить этого вопроса не вправе, так как Азовско-Донской банк действовал от имени всего концерна... Золото мы, таким образом, не получили (оно и до сих пор не возвращено). Но мы предприняли необходимые шаги для того, чтобы оно не досталось Керенскому и его братии...

Каменка весьма интересовался положением в России. Ему, по-видимому, тяжело было сидеть вдали без дела. Я ему указывал, что он напрасно уходит от работы, наше правительство даст ему полную возможность работать, поскольку он будет придерживаться нашей банковской и финансовой политики. Каменке тяжело было вести этот разговор: работа тянула, но работать по указаниям большевиков казалось ему не особенно приманивающим.

Я сделал еще один приступ. В этот период должны были начаться дополнительные переговоры с Германией по реализации наших брестских обязательств. Я был назначен в делегацию как «специалист» по банковским делам. Перспектива встретиться за зеленым столом с немецкими тузами-банковиками Мендельсоном, Глазенапом и другими не особенно радовала меня. Я думал, хорошо было бы привлечь в помощь кого-нибудь из старых банковских деятелей. Зная отношение Ильича к спецам, я, хотя и не имел указания, решил предложить Каменке поехать в Берлин на переговоры в качестве эксперта. Наше предложение (я всегда беседовал с ним вместе с тов. Воровским, а вначале принимал участие также тов. Л. Б. Красин) произвело на него ошеломляющее впечатление. Он, однако, сразу не отказал, а лишь дискутировал.

— Помилуйте, я являюсь вашим противником, я вашего правительства не признаю, а вы желаете, чтобы я помог вам вести переговоры.

— Но ведь вы должны считаться с фактом, что власть сейчас в руках большевиков и большевики должны договориться с немцами. Если вы утверждаете, что мы недолго удержимся у власти и отечество избавится от большевистского насилия, то тем более должны нам помочь, чтобы мы меньше ошибок сделали.

— Да это невозможно. Ведь немцы знают, что я являюсь противником Брестского договора, и мое появление на конференции было бы для них непонятно.

— Так вы можете указать, что с нами не согласны, но считаете своим долгом помочь нам, так как этого требуют интересы отечества, о котором вы нам столько рассказывали.

— А что сказали бы мои коллеги-единомышленники?

— Поезжайте тогда частным образом в Берлин, и мы в случае надобности будем с вами советоваться.

— Нет, это уже никак неудобно. Ведь меня там все знают, и сразу будет известно, зачем я приехал. Нет, я не поеду...

— Мы так и запомним. Мы лояльно предлагали вам помочь нам вашими советами, а вы окончательно отказываете. Если нам по неопытности нашей придется немцам больше уплатить, это будет ваша вина...

Как известно, делегация наша не так уж плохо вела переговоры. А Брестский мир рухнул скоро и во всяком случае не под напором господ каменка. Характерно, однако, как эти господа в начале октябрьского переворота были нерешительны и не знали, как им действовать.

Когда я после возвращения в Москву рассказывал Ильичу о наших переговорах с Каменкой, он сердечно смеялся, одобрил наше поведение и прибавил:

— А вы, Ганецкий, зафиксируйте всю эту историю, может, когда-нибудь пригодится.

Помню инцидент с другим спецом.

Я хотел привлечь к нашей банковской работе более крупных спецов. Во-первых, пригодятся, во-вторых, работая у нас, не будут нам пакостить.

Во второй половине 1918 года в Москве осталось их небольшое количество. Как на более крупных и честных, мне указали двоих — Илью Григорьевича Когана и Игнатия Семеновича Познера. Первый ответил: «Завтра дам вам ответ». И. С. Познер заявил: «Если Коган согласится, я тоже приступаю к работе».

На следующий день Коган заявляет мне: «Я хотел было уехать из России, однако я готов остаться с вами вместе работать. Я знаю, что раз я решусь работать, я достаточно известен для того, чтобы пользоваться вашим полным доверием, и в этом смысле у меня никаких сомнений нет. Но я одновременно знаю, что как общественный деятель я гождусь вам в случае надобности в... заложники, и эта опасность меня действительно очень беспокоит».

Я обещал ему, что в тот же день переговорю с Владимиром Ильичем и смогу ему на следующий день представить соответствующие «гарантии». При следующей встрече я сообщил ему, что по поручению Владимира Ильича ему будет выдана за подписью тов. Дзержинского грамота, где будет указано, что всякий обыск и арест его может иметь место только с разрешения Председателя Совета Народных Комиссаров.

Коган остался весьма довольным и решил приступить к работе. Через несколько дней мы уже поехали с ним и с И. С. Познером в Петроград на совещание по балансу частных банков. После двух дней мы с И. С. Познером вернулись, а Коган остался еще для окончания работы...

Но он так и не появился у меня больше... Через 8—10 месяцев в банке И. С. Познер просит, чтобы я принял жену Когана. Сконфуженная, рассказывает о мытарствах своего мужа, которому приходилось постоянно вместе с белыми перекочевывать из города в город. Он, по ее настоянию, уехал из Советской России. Очень жалеет об этом, но теперь вернуться как-то неудобно. Она просила дать ей возможность пробраться к мужу.

И. С. Познер добросовестно работал в Народном банке в качестве товарища управляющего до конца своей жизни, и у всех нас осталась о нем самая лучшая память.

Я не знаю, как вели себя И. Г. Коган и Б. А. Каменка во время интервенции и что они подделывают сейчас. Но не безынтересно было припомнить об их растерянности в начале революции и о той полной возможности работы у нас добросовестно, которая была им предоставлена по указанию Владимира Ильича.

Будучи решительным при проведении всяких необходимых мероприятий, декретов, Владимир Ильич проявлял вместе с тем большую осторожность. Проекты декретов финансового характера, не имеющие политического значения, но быющие по мелким держателям, не нравились Владимиру Ильичу.

Помню, у нас была большая возня с залогами ссудной казны. Залоги не выкупались, ссудные кассы необходимо было ликвидировать, а залогов лежало десятки тысяч. При каждой выдаче необходимо было производить оценку по «современной» стоимости, так как полагалось по декрету выдавать лишь до 10 тысяч рублей.

Здесь, естественно, возможны были всякие ошибки, злоупотребления, а уж выдача в таких случаях всегда затягивалась.

Стоило только Владимиру Ильичу узнать о «маленьких недостатках» нашего механизма, как он делал соответствующие указания.

Вот какая-то просительница обращается к Владимиру Ильичу с просьбой ускорить и облегчить выдачу залога. Вла-

димир Ильич ее сейчас же снабжает следующим собственноручным письмом на официальном бланке председателя Совобороны:

«28/IV 1919

т. Крестинский (или т. Ганецкий),

Подательница имеет просьбу, касающуюся заложенных вещей. Очень прошу *как можно скорее* рассмотреть ее просьбу и разрешить дело без промедления.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

Свои «приказы» Председатель Совета Народных Комиссаров всегда делал в весьма вежливой и корректной форме. Но не из-за их формы всем нам представляло удовольствие быстро исполнять распоряжения Ильича. И в данном случае выдача немедленно была произведена. На сохранившемся у меня письме Владимира Ильича имеется моя пометка: «Исполнено 29. 4. 19. *Ганецкий*».

Когда мы предложили издать декрет, ограничивающий срок приемов заявлений по залогам, не понравился Ильичу наш проект. Очевидно было, что он его хочет оттянуть. У меня сохранилась следующая записка, которую тов. Крестинский (тогда наркомфин) написал Владимиру Ильичу во время заседания Совета Обороны:

«Прочтите. Если согласны, подпишите, я соберу подписи остальных членов Совобороны. *Н. Крестинский*».

Владимир Ильич на обороте отвечает:

«Нельзя сразу реквизировать, и, кроме того, это не проект декрета.

Предлагаю: поручить 2—3 наркомам
либо договориться о мерах
либо внести в СНК проект декрета»².

Кто не помнит, какие отчаянные вопли приходили с мест по поводу недостатка денежных знаков. Ведь никогда нельзя было правильно рассчитать. Сметы, бюджеты почти не существовали, денежные знаки изо дня в день падали в цене, фронт требовал постоянно много денег... Владимир Ильич обо всем этом хорошо знал и понимал, что упреки с мест по поводу неполучения денег не заслужены.

Но лишь только Владимир Ильич получал телеграмму на сию тему, он уже волновался и делал все, чтобы деньги были отправлены.

---

¹ Ленинский сборник XXIV, с. 290. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 43. *Ред.*

Вот опять кто-то прислал телеграмму, и Владимир Ильич внушительно запрашивает на заседании Совнаркома тов. Крестинского.

Тот успокаивает его и шлет записку: «8 апреля 1919 года. Я сейчас позвонил Ганецкому, чтобы он послал *немедленно вне всякой очереди. Н. Крестинский*».

Но и это сообщение не успокаивает Владимира Ильича. Он отсылает записку тов. Крестинскому и прибавляет: «Не забудьте же!».

Вот шлет тов. Раковский из Киева 16 июля 1919 года следующую шифровку:

«Предсовнаркому тов. Ленину.

Настоятельно прошу обещанные деньги. Мы опять переживаем острый кризис. *Раковский*».

Вечером на заседании Совнаркома Владимир Ильич передает мне эту телеграмму с припиской:

«Ганецкому: составьте текст ответа».

Я немедленно передаю Ильичу следующий проект:

«Сегодня высылается 300, из коих 50 предназначены для Калуги. Впредь высылка будет плапомерна».

Но текст этот не нравится Владимиру Ильичу. Он тут же возвращает мне его со следующей запиской:

«Ганецкому: такой текст не годится. Надо составить так: обещано вам столько-то миллионов за такой-то срок. Выслали же мы вам столько-то тогда-то и вышлем еще столько-то тогда-то.

Составьте тотчас такой текст»¹.

И все это делается во время заседаний Совнаркома, где Владимир Ильич председательствует и не упускает ни одного словечка из происходящей кругом дискуссии.

Владимир Ильич сильно интересовался политикой и деятельностью наших банков. Он волновался, что безграмотно проводится национализация частных банков. Его смущала стачка бойкот, а затем саботаж банковских служащих, без помощи которых нельзя правильно вести работу, нельзя иметь правильного учета.

Могут ли ликвидировавшиеся национализированные частные банки производить текущие операции и когда ликвидацию их окончательно закончить? Как составить баланс этих банков и с какого срока составить баланс уже от единого тогда Народного банка? Какова должна быть политика нового, советского банка?

Ильич мечтал о том, чтобы советский банк постепенно превратить в «единый аппарат счетоводства и регулирования со-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 14. *Ред.*

циалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом».

Все эти первостепенной важности вопросы, равно как менее важные, касающиеся техники работы банков, являлись постоянной заботой Владимира Ильича. Он о них не переставал думать, постоянно советовался, давал указания.

Перед переездом правительства из Петрограда в Москву в 1918 году народным комиссаром финансов был намечен Исидор Эммануилович Гуковский. Владимир Ильич сообщил мне об этом, предложил предварительно обсудить вместе с И. Э. Гуковским все банковские вопросы и через несколько дней после переезда Владимира Ильича в Москву обязательно и нам переехать туда, где намечалось обсуждение совместно с Ильичем. После нашего приезда мы раза 3—4 по нескольку часов совещались у Ильича, проживавшего тогда в I Доме Советов. В некоторых совещаниях принимал участие и тов. Спундэ (тогда заместитель управляющего Народного банка). На последнее заседание Ильич принес что-то вроде протокола нашего совещания.

Приводим этот интересный документ, написанный собственноручно Владимиром Ильичем:

«Тезисы банковской политики»

1. Составить отчет полученного в частных банках, включая в отчет ликвидацию всех дел каждого частного банка.

(Единогласно)

По вопросу о том, как составить отчет, следующие мнения:

(а) Прежнему персоналу служащих (с правом Комиссариата государственного банка отвести некоторых из них) каждого частного банка дается ультимативное поручение в кратчайший срок привести в порядок все дела банка и составить баланс в окончательной форме, во-первых, на 14 декабря 1917 г., во-вторых, на последний день операций.

(б) Частные банки, выполняя эту функцию составления отчетов и ликвидации всех дел банков, действуют исключительно как отделения единого Народного банка Российской республики и лишь в целях ликвидации, никаких новых операций не производя.

(Ганецкий и Гуковский
и Ленин)

Особое мнение Спундэ:

Баланс на 14.XII. 1917 составляется особой комиссией по нашему назначению.

Другого баланса составлять не надо.

Производить дальнейшие операции, с 14.XII.1917 г., от имени Народного банка.

Все частные банки, равно как Государственный банк, являются единым Народным банком Российской республики.

2. Всей деятельностью составления отчетов руководит Комиссариат государственного банка.

Приглашается возможно большее число опытных сотрудников, в том числе и бывших служащих Государственного и частных банков.

(Единогласно)

3. Банковая политика, не ограничиваясь национализацией банков, должна постепенно, но неуклонно направляться в сторону превращения банков в единый аппарат счетоводства и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом.

{ Спундз и Ленин за
  Гуковский против
  Ганецкий воздерживается,
  считая практически невыполнимым.

4. Экстренные меры для открытия возможно большего числа отделений Народного банка по всей стране.

Наиболее целесообразное размещение этих отделений внутри городов и по деревням в интересах больших удобств для публики.

Использовать, как отделения Народного банка, существующие отделения бывших частных банков.

(Единогласно)

5. Объявление неприкосновенности вкладов (каковая, что само собою разумеется, отнюдь не умаляет прав государства на взимание налогов).

6. Свободный чековый оборот.

7. Полное сохранение рабочего контроля по отношению к выдаче денег из банков.

8. Нормировка выдач денег на потребительные цели сохраняется.

Вводится ряд облегчений для публики в целях ускорения взносов денег в банки и выдачи денег из банков, а равно упрощения формальностей.

9. Принятие мер к тому, чтобы население держало все деньги, не безусловно необходимые на потребительские цели, в банках. Подготовка закона и практических шагов к принудительному осуществлению этого принципа.

(Публикации не подлежит)

10. Все отделения Народного банка в пределах Федеративной Российской Советской Республики руководствуются точно в своей деятельности инструкциями и директивами централь-

ного управления, не имея права устанавливать каких-либо местных правил и ограничений. Исключения допускаются лишь с согласия центрального управления»¹.

Только горсточка воспоминаний об Ильиче, касающихся одного лишь вопроса. Но как характерны эти записки, эти его тезисы.

Необходимо еще и еще раз вменить всем нам в партийную обязанность пошарить в своих архивах и разыскать письменные ильичевские документы, вспомнить свои встречи и беседы с Ильичем и все это записать.

Мы должны передать истории, новым поколениям характеристику Владимира Ильича с максимальной точностью, со всеми деталями. Воспоминания отдельных товарищей значительно облегчат эту трудную работу.

*Пролетарская революция, 1926,
№ 6, с. 5—15*

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 219—221. *Ред.*

ВСТРЕЧИ

Стоял январь 1918 года. Холодный зимний Петроград был накануне грозных событий. Интервенты стягивали свои силы к колыбели пролетарской революции.

В эти трудные дни глава Советского правительства и руководитель партии Владимир Ильич Ленин строил уже свои первые планы восстановления разрушенного хозяйства страны. Однажды покойный ныне тов. Смидович сообщил мне по поручению Владимира Ильича, что надо срочно заняться сметой волховской гидроустановки.

Я был поражен. И действительно, на первый взгляд казалось рискованным начинать в такое трудное время строительство огромной гидростанции, от которого в мирных условиях отказалась царская Россия.

Я вспомнил в эти минуты прежнюю безрезультатную борьбу за Волхов. Первые проекты этой гидростанции были разработаны мною в 1911 году. Три года я потратил на эту работу. Потом проект был предложен правительству. Но царское правительство оказалось бессильным построить на территории гигантского государства одну гидростанцию...

Произошло то, что всегда бывает в странах капитала. Дешевая гидроэнергия, которая была выгодна стране, грозила принести огромные убытки электрическим компаниям. Они сделали все, чтобы похоронить проект волховской станции. «Общество 1886 года» скупило земли на берегу Волхова. Строительство оказалось невозможным.

Волховстрою суждено было возникнуть лишь после революции по инициативе В. И. Ленина.

Январь 1918 года. П. Г. Смидович сказал мне:

— Владимир Ильич хочет обязательно построить волховскую станцию. Он просит разработать смету в течение нескольких дней...

Я с радостью сел за работу. Были извлечены давно забытые чертежи. Надо было торопиться. Через неделю Владимир Иль-

ич хотел поставить вопрос о Волховстрое на заседании Совнаркома.

Так проблема Волхова была внесена в повестку дня заседания правительства. Ленин сам хотел говорить о первой советской гидростанции.

Но трудные революционные будни были неумолимы. Намеченное заседание Совнаркома не состоялось. Правительство переехало в Москву.

Немного времени прошло, и Ленин снова вспомнил о Волховстрое. Собственно, он никогда и не забывал о нем, и лишь обстоятельства временно заставили Ильича отложить осуществление его замечательной идеи.

В июле 1918 года я был у Владимира Ильича. Разговор, продолжавшийся несколько минут, решил дело. Будем строить волховскую станцию! Это были замечательные минуты. Я впервые увидел тогда гениального пролетарского вождя, видящего далеко впереди себя, бесстрашного и хладнокровного.

Нужно было изумительное ленинское революционное чутье, чтобы в то трудное время начать громадное хозяйственное строительство. Ленин был непреклонен. Он провел решение о постройке волховской станции через Совнарком.

Правительство отпустило первые средства. И стройка началась.

Трудно приходилось первым строителям волховской станции. Не хватало людей, оборудования, денег. Но мы бодро смотрели на будущее, так как знали, что в самую тяжелую минуту всегда найдем помощь и защиту у Владимира Ильича.

Даже в самые тяжелые месяцы для молодой Советской республики, когда гремели орудия белых генералов, когда все лучшее отправлялось на фронты, Ленин не забывал о Волхове.

Когда снабжение Волховстроя ухудшилось настолько, что над нами нависла угроза срыва строительства, я решил обратиться к Владимиру Ильичу. Написал ему письмо и с нетерпением стал ждать ответа. Ленин, как всегда, ответил делом. Не прошло и нескольких дней, как нам было предоставлено все необходимое, а отдельные товарищи, недооценившие в то время значения волховской станции, получили выговор.

Так постепенно при непосредственной помощи Владимира Ильича разворачивалось огромное по тем временам строительство.

Я вспоминаю очередное заседание Совета Труда и Обороны в 1921 году. Председательствует Ленин. Он усаживает меня рядом с собой и пытливо расспрашивает о последних новостях. Как радостно бывало слушать каждое слово, каждое указание Владимира Ильича, с какой жадностью принимался каждый его совет.

На заседании СТО стоял важный вопрос. Волхов требовал первых валютных ассигнований на покупку заграничного оборудования. Нам нужны были турбины. Первые турбины для первой советской гидростанции. Ленин, не задумываясь, внес предложение. Волхов получил шесть с половиной миллионов рублей золотом.

После обсуждения предложений фирм ряда стран мы заказали турбины в Швеции. Мне пришлось выехать в Стокгольм. Когда заказ был оформлен, я неожиданно получил из Москвы сообщение, что надо прервать переговоры и запросить другие фирмы. Мысль о том, что станция останется без оборудования, не давала покоя. Я телеграфировал Ленину. Кажется, первые слова телеграммы начинались так: «Сказка про белого бычка. Теперь, когда все готово, придется начинать сначала...» Я просил Ленина разрешить мне закончить начатое дело и получил это разрешение. Турбины для Волхова были заказаны.

Позже, когда здоровье не позволяло Владимиру Ильичу систематически заниматься делами, он требовал все же, чтобы я периодически писал ему доклады о Волховстрое. Десятки таких докладов передавались Ленину тов. Горбуновым. И если находились чиновники, которые мешали волховскому строительству, Ленин беспощадно одергивал их.

Владимир Ильич не увидел волховскую станцию в эксплуатации. Но она оправдала его надежды...

С ДЕЛЕГАЦИЕЙ СИБИРЯКОВ У ЛЕНИНА

В исторические дни становления Советской власти омские железнодорожники были оплотом большевистской организации города. И в Главных железнодорожных мастерских, и в паровозном депо, и на станции решающее влияние имели большевики.

Время было тогда тяжелое. Внутренняя контрреволюция стремилась сокрушить молодую Советскую республику. Немало врагов было и среди железнодорожной администрации. Они открыто и тайно саботировали, тормозили продвижение продовольственных поездов из Сибири на запад, пытались голодом задушить Советскую власть.

Первый маршрут с сибирской пшеницей был отправлен из Омска петроградским рабочим 5 января 1918 года. Для того чтобы сломить саботаж железнодорожной администрации и проложить путь другим готовившимся к отправке продовольственным поездам, первый маршрут сопровождала вооруженная охрана, состоявшая из 30 красногвардейцев-железнодорожников и 40 солдат с двумя пулеметами. Комендантом поезда был присланный из Петрограда рабочий Путиловского завода Селезнев.

В числе красногвардейцев-железнодорожников был и я — кондуктор Омского резерва, вступивший в большевистскую партию вскоре после свержения самодержавия.

О том, что наш поезд следует с большой вооруженной охраной, железнодорожная администрация на линии знала и открыто задерживать его боялась. Однако прислужники буржуазии все же ухитрились выводить из строя отдельные вагоны. Нам приходилось в таких случаях перегружать вагоны, менять скаты.

Когда мы прибыли на станцию Кунгур, там стояло девять брошенных продовольственных поездов. Больно было видеть, что хлеб, предназначенный голодающим рабочим Петрограда

и Москвы, расхищается, и мы решили везти с собой еще один продовольственный маршрут. Согласовали этот вопрос с начальником станции, и нам дали под состав паровоз. Я принял документы, а сопровождать маршрут вместе со мной поехали трое солдат и командир отряда Красной гвардии Дмитриев. Отправились мы первыми. Если в пути, рассуждали мы, наш состав где-нибудь задержат, то вслед за ним прибудет омский поезд с его вооруженной охраной, которая заставит отправить нас дальше.

И все-таки саботажники нас перехитрили. На станции Вологда маршрут приняли на девятый путь, под самый пакгауз. У меня сразу появилось подозрение, что здесь что-то неладно.

Вместе с Дмитриевым я отправился к дежурному по станции требовать локомотив. Он нам сказал: «Паровоз в ремонте». А в депо заявили, что из ремонта паровоз выйдет не скоро.

Что делать? Ждем, а нашего основного поезда все нет и нет. Пошли мы к начальнику станции.

— А мы,— говорит он,— по распоряжению начальства выслали на разъезд паровоз и кондукторскую бригаду и состав пропустили напроход.

Это было сделано для того, чтобы мы оказались позади омского маршрута.

Узнав, что поезд уже подходит ко второй станции после Вологды, мы потребовали, чтобы его там остановили, и вызвали к телефону коменданта Селезнева.

Вскоре меня с ним соединили. Я рассказал, что нас задержали в Вологде, дальше не хотят отправлять, и попросил, чтобы на выручку к нам прислали пулеметную команду.

Селезнев ответил:

— Хорошо, ожидайте нас.

Содержание этого разговора, видимо, передали начальству, оно перепугалось, и не успели мы дойти до своего вагона, как видим: к нашему составу уже подгоняют паровоз, бежит с сигналами кондукторская бригада, а дежурный по станции торопит главного кондуктора с отправлением.

Догнали мы своих, нас снова пропустили вперед, и так мы ехали до самого Петрограда.

Прибыли наши два хлебных маршрута в столицу в середине января 1918 года.

О том, что сибиряки приехали с хлебом, доложили Владимиру Ильичу, и он пригласил нас к себе, в Смольный.

Владимир Ильич расспросил, как мы доехали, какие в пути были препятствия. Мы рассказали о всех наших злоключениях. Ленин поблагодарил нас за доставленное продовольствие, а затем сказал:

— Я еще хотел узнать у вас, как работает омская партийная организация.

Неловко мне это вспоминать, но был я тогда очень молод, энергия была через край, и, не подумав, я быстро поднял руку и весьма нескромно, бойко заявил:

— Разрешите мне, товарищ Ленин...

Ильич посмотрел на меня и мягко сказал:

— Я тут вижу пожилых людей, может, они больше знают...

Был среди нас старый большевик-подпольщик Вечинский. Он и рассказал Ильичу о работе омской партийной организации.

В это время кто-то подошел к Ленину, наклонился и что-то тихо ему сказал. Тогда Владимир Ильич обратился к нам:

— Извините, товарищи, с удовольствием бы еще побеседовал с вами, но у нас сейчас заседает III съезд Советов...

Тепло попрощавшись с Лениным, мы ушли.

Мне и красногвардейцу Попову удалось побывать на последнем заседании III съезда Советов. Здесь я еще раз увидел и услышал Владимира Ильича. Это было его заключительное слово перед закрытием съезда.

Обратно из Петрограда мы везли в Омск эшелон промышленных товаров — подарок петроградского пролетариата трудящимся Омска.

Помнится мне, что на обратный путь нам выдали немного хлеба петроградской выпечки. Мы, сибиряки, не привыкли к хлебу из овсяной непросеянной муки пополам с соломой. Тогда еще сильнее ощутили мы, как трудно приходится петроградским рабочим, как важно усилить продовольственную помощь Петрограду — колыбели революции. Мы доставили всего два маршрута пшеницы, но этим рейсом проложили путь другим продовольственным поездом из Сибири.

Одновременно с маршрутными поездами мы доставили Владимиру Ильичу сообщение, в котором говорилось, что с 13 декабря 1917 года Омская железная дорога саботирует, не перевозит и не грузит продовольственные грузы на запад, что более тысячи вагонов с продовольствием стоят в ожидании отправки.

Прочитав письмо, Ленин написал записку секретарю:

«Передать Шлихтеру и Невскому с просьбой *архи эне р-гично* помочь этим людям, производящим прекрасное впечатление, ибо только такие отряды (40—60 человек с места) в состоянии спасти от голода.

*Ленин»*¹.

Встречи с Владимиром Ильичем запечатлелись в моей памяти на всю жизнь.

Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников. М., Трансжелдориздат МПС, 1962, с. 87—90

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 28. Ред.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

Осенью 1917 года я находился на Юго-Западном фронте — был членом Исполнительного комитета Особой армии и заместителем председателя ревкома фронта. На фронтовой партийной конференции меня избрали членом Учредительного собрания по списку № 4 — большевиков.

5 (18) января 1918 года за несколько часов до открытия Учредительного собрания мы, члены большевистской фракции, заполнили одну из комнат Таврического дворца. Здесь же среди нас находился и Владимир Ильич Ленин. Он был в прекрасном настроении, — может быть, потому именно, что предвидел ожесточенную схватку с контрреволюционным большинством Учредительного собрания, которое образовалось в результате голосования, проходившего до 25 октября 1917 года, когда исключалась возможность правильного выражения воли народа.

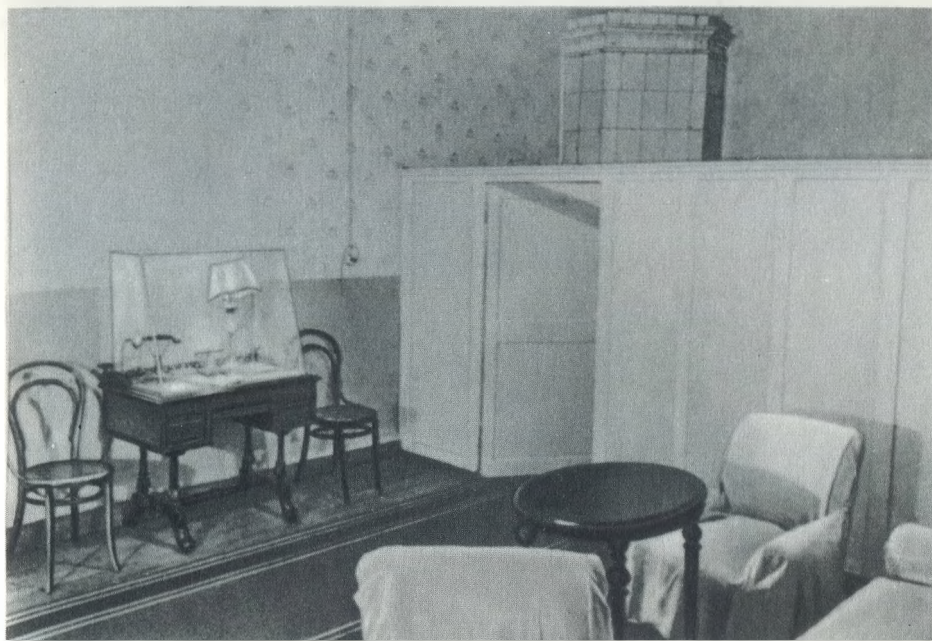
В это время состоялось и первое заседание большевистской фракции, длившееся минут 20—30. На заседании были обсуждены и решены организационные вопросы.

В 4 часа дня открылось первое — и последнее — заседание Учредительного собрания. Атмосфера сразу же накалилась донельзя — борьба между революционной и контрреволюционной частями Учредительного собрания носила страстный, исключительно острый характер.

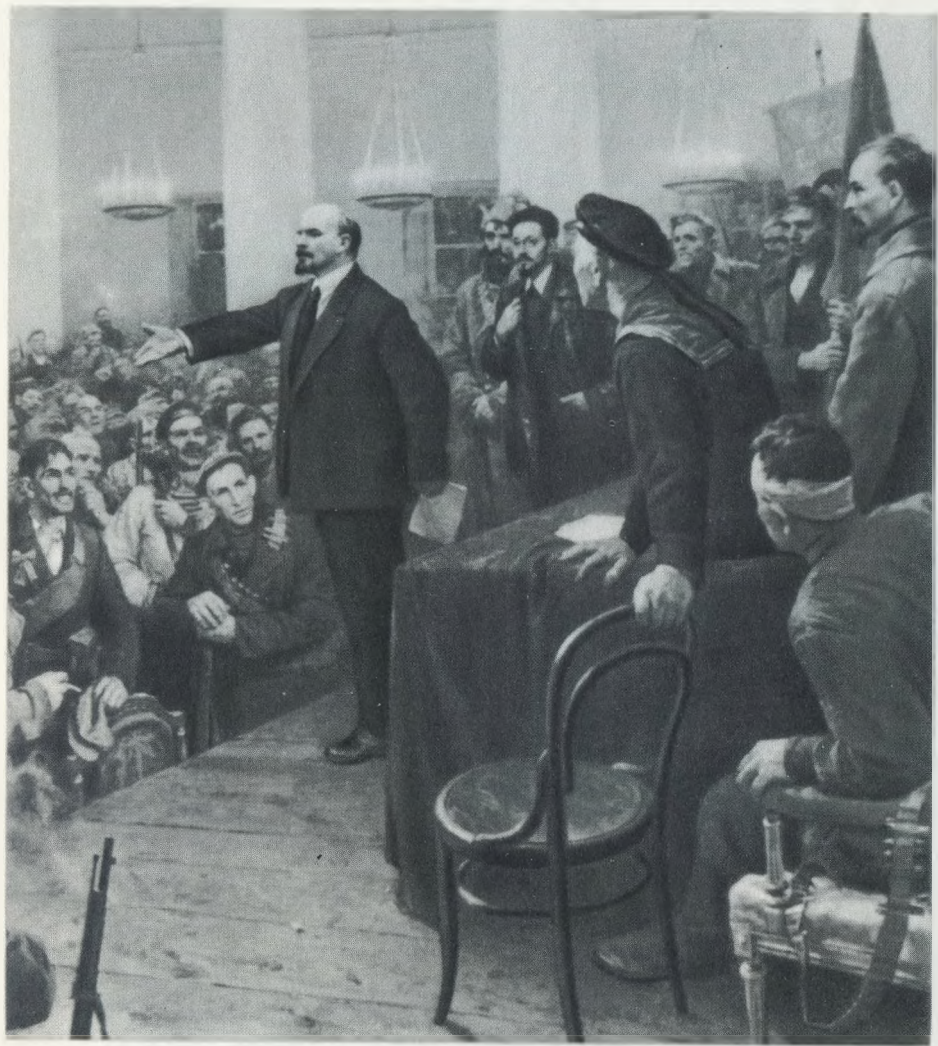
Все началось с того момента, когда представитель большевистской фракции Я. М. Свердлов, отеснив с председательского места правого эсера Швецова, объявил Учредительное собрание открытым, зачитал и от имени ВЦИК предложил принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа:

«...Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 221. Ред.

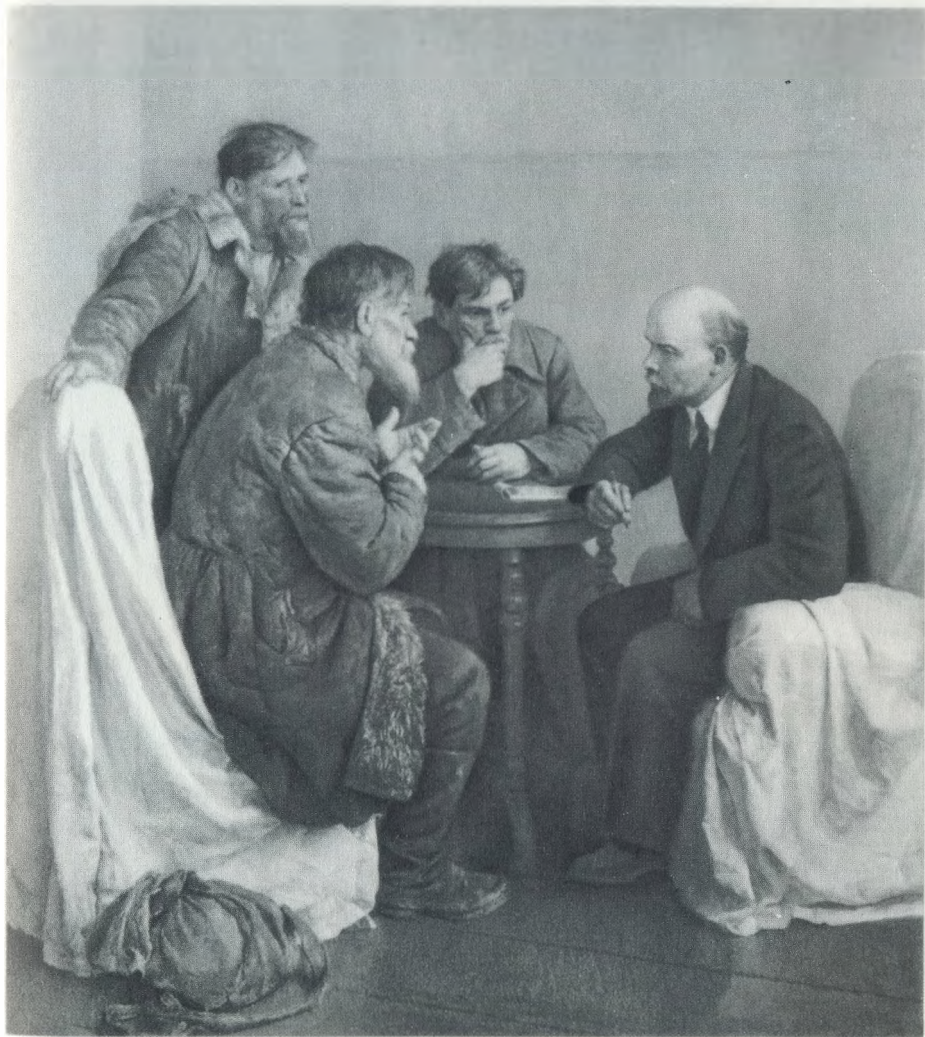

Комната В. И. Ленина в Смольном.
Петроград.
Фото

Выступление В. И. Ленина
на II Всероссийском съезде Советов.
Художник В. Серов

Ходоки у В. И. Ленина.
Художник В. Серов

Кабинет В. И. Ленина
в здании Советского правительства в Кремле,
в котором он работал с марта 1918 по май 1923. Москва.
Фото

Комната В. И. Ленина
в здании Советского правительства в Кремле,
в которой он жил с апреля 1918 по май 1923. Москва.
Фото

В. И. Ленин у прямого провода.
Художник И. Грабарь

В. И. Ленин у книжного шкафа
в своем кабинете в Кремле.
Москва, октябрь 1918 года.
Фото

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ
Советская площ. гортин. Дрезден
комн. 254.
Телеф.: 3-67-09 и 64-20, доб. 83.

27/8 28/8

№
—о—

Пролетары всех стран,
соединитесь!

Товарищу

Ленину

начало 6 1/2 час.

ПУТЕВКА

на митинги 30-го Августа 1918 г.

Тема: "ДВѢ ВЛАСТИ"/Диктатура рабочихъ и
диктатура буржуазіи /

- 1) Зван. Б. Мельков, Бирюков, Гавриковская м., Басманный
- 2) зав. Микеладзе, Щипок, Замосквор. районе
- 3)

Товарищи, не имеющие возможности выполнить данное поручение по уважительной причине, должны заблаговременно известить об этом М. К.

Товарищи обязуются на следующий после митинга день представить в М. К. краткий отчет и все записки, поданные им слушателями.

Путевка Московского комитета РКП(б) В. И. Ленину
с поручением выступить на митингах в Басманном
и Замоскворецком районах
30 августа 1918 года.
Фото

В. И. Ленин во дворе Кремля.
Москва, октябрь 1918 года.
Фото

В. И. Ленин председательствует на заседании
Совета Народных Комиссаров.
Москва, 17 октября 1918 года.
Фото

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов
осматривают временный памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу.
Москва, 7 ноября 1918 года.
Фото

В. И. Ленин, Демьян Бедный и делегат Украины Ф. Панфилов
на VIII съезде РКП(б).
Москва, 18—23 марта 1919 года.
Фото

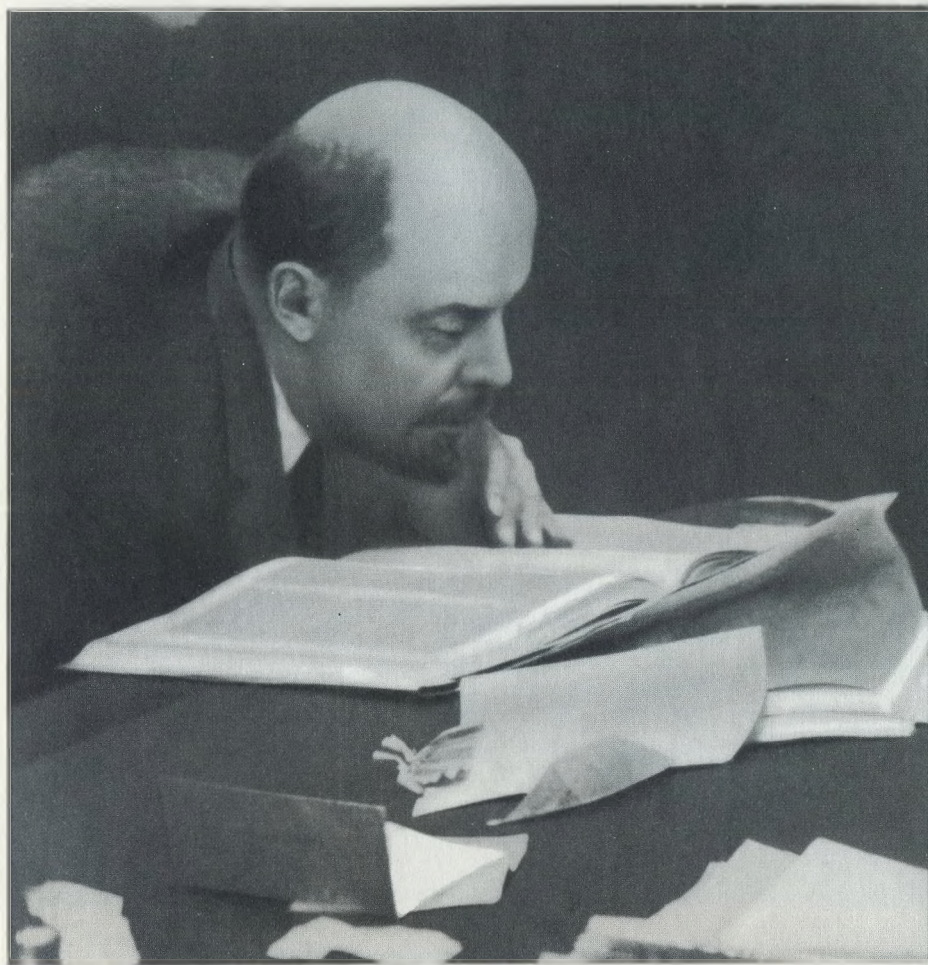

В. И. Ленин. Москва, 1 мая 1919 года.
Кинокaдр

В. И. Ленин с группой командиров
обходит фронт войск Всевобуча
на Красной площади.
Москва, 25 мая 1919 года.
Фото

В. И. Ленин в президиуме IX съезда РКП(б)
в Свердловском зале Кремля.

В. И. Ленин выступает с балкона Моссовета
с приветствием бойцам — коммунистам,
отправляющимся на борьбу с Деникиным.
Москва, 16 октября 1919 года.
Кинокaдр

В. И. Ленин на Всероссийском субботнике во дворе Кремля.
Москва, 1 мая 1920 года.
Фото

Потерпевшие поражение в дни Октября правые эсеры и меньшевики решили теперь поправить свои дела в Учредительном собрании. Располагая формальным большинством голосов, они отвергли предложенную большевиками декларацию и выдвинули лозунг: «Власть принадлежит Учредительному собранию!» Таким образом, сразу же встретились два исключаящих друг друга предложения: быть ли России буржуазной республикой с Учредительным собранием или народной республикой Советов, ставящей своей задачей построение социалистического общества?

Когда правое большинство Учредительного собрания отклонило обсуждение и принятие Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, большевики потребовали объявить перерыв. И сразу же начались заседания фракций. На заседании большевистской фракции выступил В. И. Ленин. Он говорил не более 10 минут, но ведь значительность и сила ленинских выступлений определяются отнюдь не их продолжительностью!

К сожалению, эта очень важная речь Владимира Ильича не была тогда ни застенографирована, ни запротоколирована. Вновь и вновь вспоминая те памятные дни, я еще много лет назад для себя записал ее не дословно, но в общих чертах, записал основные положения этого выступления В. И. Ленина.

Вот как запомнилась мне эта речь.

— Товарищи, — сказал Ленин, — нет ничего неожиданного в том, что контрреволюционное большинство Учредительного собрания отклонило Декларацию ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которой записаны основные завоевания трудящихся. Было бы ошибочным думать, что это большинство уступит в вопросе о власти. Сегодняшняя борьба лишь раз подтвердила это. Большинство также не примирится с тем, что Советская власть посягнула на частную собственность эксплуататоров, землю объявила общенародным достоянием и передала ее трудящимся без выкупа, национализировала банки, установила рабочий контроль над производством как первый шаг к национализации фабрик, заводов, транспорта и т. д. Ведутся переговоры о заключении мира с Германией. Буржуазия, эсеры и меньшевики, пока они не потерпят полного поражения, не откажутся от любых средств борьбы с Советской властью. На вещи надо смотреть прямо и делать безошибочные выводы. Сейчас вопрос стоит так: быть Советской власти или власти Учредительного собрания? Никакие наши убеждения и доказательства не будут приняты правым большинством Учредительного собрания. К тому же оно усиленно поощряется международным капиталом на усиление вооруженной борьбы с Советской властью и снабжается деньгами и оружием.

Далее Ленин отмечал, что соотношение сил в нынешнем составе Учредительного собрания сложилось еще до победы в России социалистической революции. А возьмем такие очевидные и неопровержимые факты: со времени выборов в Учредительное собрание в стране произошли громадные сдвиги — подавляющее большинство рабочих, крестьян и солдат поддерживает власть Советов. Создавшийся кризис надо решать революционным путем, быстрыми и решительными мерами. Учредительное собрание нужно распустить, и распустить сегодня же. Если мы допустим его существование еще на день-два — это будет смерти подобно. Необходимость роспуска Учредительного собрания подавляющее большинство рабочих, крестьян и солдат поймет и одобрит. Они уже познали реальную пользу декретов, принятых II съездом Советов и Совнаркомом, и за них постоят. В противовес этим декретам контрреволюционное большинство Учредительного собрания стремится сегодня же принять по этим вопросам другие, не отвечающие интересам рабочих и крестьян законы. Мы не можем допустить неосторожного шага, чтобы внести смятение в умы рабочего класса. Центральный Комитет партии предлагает фракции принять решение о роспуске Учредительного собрания.

Предложение Центрального Комитета партии большевиков, так убедительно обоснованное В. И. Лениным, было принято.

Владимир Ильич, посоветовавшись с другими членами большевистского ЦК, решил договориться с фракцией левых эсеров, чтобы и она покинула Учредительное собрание. Для этого Ленин направился в смежную с нашей комнату, где находились фракция и ЦК левых эсеров. Вернувшись через несколько минут обратно, он произнес, улыбаясь:

— А немножко поддаются, немножко поддаются...

Здесь же, в нашей комнате, Владимир Ильич написал декларацию большевистской фракции о выходе из Учредительного собрания.

Что же происходило дальше? Меньшевики и правые эсеры (левые эсеры вскоре тоже покинули заседание) так «торопились» принять законы Учредительного собрания о земле и мире, что даже не обсуждали их, а просто выносили общие, ничего не значащие решения о передаче этих законов в комиссию... «для разработки».

А за стенами Таврического дворца учредилловское большинство вело и иную работу. В ту же ночь мне довелось слышать, как командир патрульных отрядов красногвардейцев докладывал Владимиру Ильичу о том, что меньшевики и эсеры днем организовали вооруженную демонстрацию из разных сомнительных лиц. Демонстранты пытались прорваться к Смольному и к Таврическому дворцу, силой захватить их и спровоцировать восстание против Советской власти.

...6 (19) января 1918 года ВЦИК по докладу Владимира Ильича Ленина принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Это было сделано в интересах всего трудового народа, так единодушно и горячо приветствовавшего и утвердившего свою, народную Советскую власть.

Правда, 1956, 22 апреля, с. 4

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

12
12

Это было в середине января 1918 года. С отрядом красногвардейцев я прибыл из Саратова в Петроград. Оставив часовых у вагонов и предоставив отряду располагать временем по своему усмотрению, я отправился в Смольный, к Ленину. Идти было довольно трудно, так как всюду возвышались наметенные ветром сугробы снега. Их никто, по-видимому, не убирал в течение продолжительного времени.

Вот и Смольный. Ворота настежь. Против ворот броневик. В вестибюле красногвардейская охрана. Говорливые, оживленные, спешащие толпы рабочих, красногвардейцев, солдат, как два потока, то вливаются, то вытекают из здания. Вливаюсь в общий поток и я. Попадаю в какую-то комнату, где секретарь обещает мне устроить свидание с тов. Лениным и куда-то уходит. Через несколько минут, вернувшись обратно, он сказал мне, что Владимир Ильич примет меня завтра, в перерыве между заседаниями съезда.

В это время заседал III Всероссийский съезд Советов. Я отправился на съезд в Таврический дворец. Выдачей мандатов заведовали гг. Аванесов и Урицкий. Прочитав выписку о том, что я избран в Учредительное собрание по большевистскому списку, Урицкий нахмурился:

— Как же вы это так... опоздали?

— Меня не пустила партийная организация вследствие сложности обстановки в Саратове. Я бы и теперь не приехал, если бы не нужда в деньгах.

— Полюбуйтесь на наших милых товарищей! — воскликнул Урицкий. — Тут каждого из наших считали, волновались... А они там сложности нашли... Безобразие!

Получив мандат, я прошел в зал заседаний. Зал и кулуары были заполнены депутатами. Я увидел среди них тех, с кем в свое время сидел в участковых тюрьмах и в Таганской тюрьме, находился в ссылке, работал в подполье. В ряде случаев мы,

знавшие друг друга по подпольной работе, впервые называли свои настоящие фамилии и как бы знакомились во второй раз...

Во время речи Мартова в зале началось оживление, словно сильный ветер прошелся по вершинам деревьев таежного леса. Я стал искать причины этого оживления.

— Ленин! — сказал мне сидевший рядом товарищ.

Ильич сторонкой пробирался в президиум. Зал огласился громовым возгласом: «Да здравствует товарищ Ленин, вождь мировой революции!». Ораторов почти перестали слушать. Чувствовалось, что и друзья и враги с напряжением ждали выступления В. И. Ленина.

— Слово принадлежит товарищу Ленину!

Подавляющее большинство съезда встает. Что-то грозное в том восторге, которым люди живой революционной практики приветствуют своего любимого вождя. Дыхание революции пронесется по залу. Крики «Ура-а-а!» несутся со всех сторон.

Ильич безнадежно машет своей потертой, черного каракуля шапкой. Но разве можно сразу прекратить это мощное проявление чувств?! Конечно, нет. Наконец зал успокаивается. Ильич получает возможность говорить. В своей простой и убедительной речи Ленин отбивает атаки меньшевиков и правых эсеров. Он снимает с их выступлений словесную мишуру и показывает их во всей неприглядности. Предательской линии правых эсеров и меньшевиков Ленин противопоставляет четкую позицию большевистской партии; широкими мазками он рисует захватывающую перспективу развития пролетарской революции.

Во время речи В. И. Ленина делегаты съезда незаметно для себя придвигались все ближе и ближе к трибуне, стремясь не пропустить ни одного слова великого вождя. Какая-то необычайная близость связывала всех нас с Ильичем. Казалось, что от него к нам и от нас к нему проходят магнитные токи. Когда меньшевики или правые эсеры поднимали шум, протестуя против речи Ленина, съезд заставлял их умолкать.

В эти дни я был принят В. И. Лениным. Как сейчас помню длинный коридор, в глубине которого приемная Председателя Совета Народных Комиссаров. Около двери ходит красногвардеец, зорко следящий за тем, чтобы без пропуска никто не проник к В. И. Ленину. У меня был пропуск. Вхожу. Небольшая комната, разделенная надвое. Простой стол с набросанными книгами, газетами, рукописями. Недоеденный кусок черного хлеба. Два кресла и два-три венских стула. У стола, кутаясь в пальто, сидел и что-то писал Ильич. В комнате было холодно.

После первых слов приветствия я собирался развернуть перед Лениным картину саратовских событий, чтобы показать необходимость удовлетворить наши просьбы. Но не успел я, как говорится, рта открыть, Ильич спросил меня:

— Ну, как у вас? Как саратовские мужики,— они ведь у вас там злой народ!

Этим вопросом он спутал намеченный мною план беседы. Ленин спрашивал о том, много ли сожжено помещичьих имений, можно ли рассчитывать на поддержку крестьян, дадут ли они хлеба, что делают саратовские большевики для привлечения крестьянства на сторону Советской власти.

Я рассказал Ленину, что за полмесяца до прихода в Саратов из Петрограда декрета «О земле» мы издали свой декрет о передаче земли крестьянам и это сказалось на результатах решений губернского крестьянского съезда. Владимир Ильич от души рассмеялся, радостно потер руки и, откинувшись на спинку стула, лукаво прищурился и сказал:

— Это хорошо. Этим вы несомненно подорвали влияние эсеров.

После ответов на вопросы В. И. Ленина я сообщил ему, что цель моего приезда — получить деньги на военные нужды. Он внимательно выслушал и предложил мне сперва поговорить в Наркомате по военным делам с Н. И. Подвойским.

— Идите к нему, если что не так, приходите ко мне,— сказал он.

На следующий день я был в Наркомате по военным делам (он тогда помещался на Мойке). Я сказал Н. И. Подвойскому, что Саратову угрожает опасность, что в случае захвата белогвардейцами Саратова произойдет объединение контрреволюционных элементов донского, астраханского и урало-оренбургского казачества в единый контрреволюционный фронт, который может двинуться на Москву. Н. И. Подвойский соглашался, что мы правильно учитываем стратегическое положение Саратова, но в ответ на мою просьбу выдать нам три миллиона рублей сказал:

— Вы что-о-о, в уме? Нам самим отпущено на всю страну полтора десятка миллионов. А он — три миллиона! Сказал тоже!

— Так не дадите?

— Не дам, не дам! Вопрос может идти о 200, от силы 300 тысячах рублей.

Тогда я отправился к Ильичу и сообщил ему, что отказ Н. И. Подвойского срывает организацию наших вооруженных сил в центре казацкой «вандеи».

— Не кипятитесь,— успокаивал меня Ильич и тут же набросал своим тонким почерком записку.— Возьмите и скорее идите к Подвойскому. Все обойдется.

В записке содержалось предложение отпустить мне 5 миллионов рублей. Прочитав записку, Н. И. Подвойский пришел в отчаяние, просил Ильича изменить данное им указание. Но ничего не помогло: деньги были нами получены.

Отпуская меня, Ильич дал два указания: прежде всего обратить самое серьезное внимание на крестьян. Организуйте бедноту, крепче свяжитесь с середняком, говорил В. И. Ленин. И второе указание: добывайте хлеб и везите его к нам, в Питер и в Москву, не останавливайтесь ни перед чем.

После захвата частями восставшего чехословацкого корпуса¹ Самары и образования там комитета Учредительного собрания (Комуча) по всему Поволжью начались кулацкие восстания, в которых принимала участие и часть середняков. Тогда я вновь был делегирован к В. И. Ленину.

Владимир Ильич внимательно выслушал меня и спросил:

— Что же вы делаете?

— Решительно подавляем восстания кулаков.

— Так и надо. Не допускайте никаких мятежей. Малейшую вспышку немедленно прикапчивайте. Бросайте все силы на ликвидацию кулацких восстаний. Иначе Советская власть погибнет.

Далее Владимир Ильич спросил, как идет у нас мобилизация в регулярную армию и как к ней относятся крестьяне. Я сообщил, что мобилизация подвигается более или менее успешно, но, конечно, для ее завершения надо еще много и усиленно поработать.

— Работайте, работайте, — сказал Ленин. — Мы только тогда станем твердо на ноги, когда у нас будет дисциплинированная армия.

После V Всероссийского съезда Советов я имел беседу с Владимиром Ильичем по поводу мятежа некоторых частей саратовского гарнизона, поднятого 16 мая 1918 года. Этот мятеж был одним из звеньев общего наступления контрреволюции на Советскую республику. Владимир Ильич в общих чертах был осведомлен о саратовском мятеже. Но его неправильно информировали, будто Саратов временно был захвачен врагами. На самом деле ни тогда, ни позже Саратов не находился в руках контрреволюции. Владимир Ильич узнал, что мятеж в Саратове был ликвидирован собственными силами и так быстро, что отпала необходимость в помощи центра.

Ленин одобрил нашу тактику во время мятежа. Он очень интересовался нашими переговорами с командованием чехословацкого корпуса, организационными и агитационно-пропагандистскими мероприятиями, предпринятыми нами в связи с выступлением чехословаков. Я сообщил, что послал в Ртищево командующему чехословацкими частями телеграмму, в которой вопреки приказу Троцкого о размещении чехословаков в Саратове заявил, что, если хоть один чехословацкий солдат про-

¹ Имеется в виду мятеж чехословацкого корпуса в конце мая 1918 года, организованный американскими, английскими и французскими империалистами. *Ред.*

двинется к Саратову, заговорят наши пушки. Однако пушки у нас тогда были только на складах и не было никого, кто умел бы из них стрелять. Ильич от души посмеялся над этим эпизодом и сказал, что мы поступили правильно, не подчинившись приказу Троцкого о размещении чехословаков.

В то время остро стоял вопрос о работе в деревне. Существовавшие тогда комитеты бедноты играли большую положительную роль, способствовали расслоению деревни, обузданию кулачества и организации крестьянской бедноты, но комбеды допустили некоторые ошибки в отношении середняка, в частности в связи с взиманием чрезвычайного 10-миллиардного палого. В августе 1918 года все губернские совдепы и продкомы получили телеграфное предписание пресечь перегибы в отношении к середнякам, помнить, что комитеты бедноты созданы для борьбы с кулаками-эксплуататорами, но что между кулаками — ничтожным меньшинством деревни — и бедняками, полупролетариями, находится слой средних крестьян, с которыми Советская власть борьбы не ведет.

В конце 1918 года, приехав в Москву, я поделился с Я. М. Свердловым впечатлениями о местной работе и, в частности, коснулся работы комитетов бедноты. Найдя мои наблюдения интересными, Я. М. Свердлов передал наш разговор Владимиру Ильичу, который вызвал меня к себе.

— Значит, середняк зол? — спросил Ильич.

— Да, есть... — ответил я. — Середняк сердит на то, что комбеды путали его с кулаком, на то, что, забрав все у кулаков, ничего не дали середняку.

Владимир Ильич сказал, что комбеды выполнили свою роль и их надо ликвидировать. Если же у крестьянской бедноты есть тяга к объединению, пусть она организуется в хозяйственные товарищества для ведения коллективного земледелия. Нам нужно, опираясь на бедноту, привлечь на свою сторону среднее крестьянство, подчеркивал Ленин.

В первой половине 1919 года я работал членом коллегии Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. Этот комиссариат ведал тогда вопросами организации Советской власти на местах.

В апреле 1919 года на тульских оружейном и патронном заводах и железнодорожном узле произошли забастовки рабочих. Это вызвало беспокойство в Центральном Комитете партии и в Совете Народных Комиссаров. Я был направлен в Тулу для выяснения положения и принятия соответствующих мер.

Обнаружилось, что, пользуясь затруднениями в снабжении города хлебом, эсеры и меньшевики подбили рабочих на забастовки. Чтобы восстановить положение на предприятиях, имевших важное оборонное значение, были произведены аресты среди меньшевиков и эсеров, спровоцировавших забастовки.

ставки. В Тулу прибыли вагоны с продовольствием. Партийная организация города развернула разъяснительную работу среди рабочих. Благодаря принятым мерам забастовки прекратились, и жизнь снова вошла в нормальные берега.

Когда я вернулся из Тулы, меня вызвал Владимир Ильич. Я рассказал ему, как было дело. Он мрачно выслушал и спросил:

— Подолгу рабочие сидели без хлеба?

— По нескольку дней.

— Наша вина,— сказал Владимир Ильич и со всей резкостью обрушился на наши недостатки.

Отдавая себя целиком без остатка делу освобождения трудящихся, делу партии, руководя действиями миллионных масс, Владимир Ильич с необычайным вниманием, с замечательной чуткостью и глубоким интересом относился к каждому трудящемуся человеку. Для него не было, по-видимому, так называемых неинтересных людей. Он в каждом находил ценное. Вокруг Ленина всегда была атмосфера товарищества. Ленин никогда не подчеркивал своего превосходства. В беседе с ним забывалось, что перед тобой человек, занимающий высокий пост Председателя Совета Народных Комиссаров. Мы все видели в Ленине большого человека и мудрого друга, которому можно сказать все, «до дна души», который поймет, научит, даст правильное направление твоей деятельности, вдохнет в тебя творческую энергию.

ЗВЕЗДЫ

Январь 1918 года. Сумерки. Смольный в огнях светится. И за окнами жизнь шумит и кипит по-обычному. На лестнице встречаю матросов с паганами, красногвардейцев, которые взволнованно что-то обсуждают и спешат. На широкой лестнице Смольного, как всегда, накурено и спертый, тяжелый воздух. Пулеметы и ящики с военным снаряжением.

На вечер назначено совещание Совнаркома. Но я нарочно пришла пораньше, чтобы застать Якова Михайловича Свердлова. Пришла я настолько рано, что иду прямо в кабинет Ленина и, уверенная, что там никого нет, не постучавшись, отворяю дверь.

В комнате темно, но я могу различить у окна стоящего человека и по силуэту, вырисовывающемуся на фоне ясного зимнего неба, узнаю, что это Владимир Ильич. Я замираю от неожиданности и неловкости, что ворвалась, не постучав.

Владимир Ильич стоит неподвижно, спиной к двери. Он смотрит в окно, высоко подняв голову, очевидно, глядит на небо. А небо зимнее, светлое и очень звездное. Я боюсь пошевелиться. В комнате тихо-тихо.

Неожиданно голос Владимира Ильича прерывает тишину.

— Звезды,— говорит он.— Какие звезды сегодня! Очевидно, мороз покрепчал.

И вдруг, повернувшись в мою сторону, спрашивает:

— А вы когда-нибудь смотрите на звездное небо?

Мой ответ:

— Когда бываю на океане или в деревне.

— На океане? Ах да, ведь вы были в Америке! А я в ранней юности очень хорошо знал все созвездия, теперь начинаю забывать. Некогда... Вы, собственно, к кому, ко мне?

Я ответила, что к Якову Михайловичу.

— Да, он обещал прийти пораньше.

Я выхожу из кабинета и сталкиваюсь с комиссаром флота Измайловым. По выражению его лица сразу понимаю, что слу-

чилось что-то очень серьезное. От товарищей, столпившихся в соседней комнате, узнаю о том, что матросы устроили самосуд над двумя эсерами¹.

Я поспешила обратно в кабинет Ленина. Никогда я еще не видела Владимира Ильича таким возбужденным и рассерженным. Всегда бледное его лицо побагровело, и в голосе звучали непривычно грозные ноты. Высокий, плечистый матрос, комиссар Балтфлота Измайлов, показался мне вдруг маленьким, растерянным и напуганным.

— Самосуд! — говорил Владимир Ильич. — Мы не потерпим этого. И виновных предадим законному народному суду. Скажите вашему Балтфлоту: то, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости. Можете идти.

И затем, повернувшись ко мне, Владимир Ильич уже другим тоном, но очень внушительно и серьезно добавил:

— Советую вам, товарищ Коллонтай, сейчас же поехать к вашим друзьям — балтфлотовцам и разъяснить им, что Советская власть не терпит анархии. И пусть они бросят свои самостийные штучки. Мы их за это по головке не погладим. Нет. Анархии мы не потерпим!

Можно себе представить, с каким чувством я поехала в Наркомат флота.

Когда я вернулась в Смольный, Владимир Ильич был совершенно спокоен и выдержан, как всегда. Лицо его было бледно, а глаза даже улыбались, когда он, повернувшись ко мне, сказал:

— Вот вам и гляди на звезды!

Смена, 1962, № 8, с. 11

---

¹ Речь идет о расправе группы анархически настроенных матросов над двумя бывшими членами Государственной думы. *Ред.*

ЗНАКОМСТВО С В. И. ЛЕНИНЫМ¹

Пожалуй, никто из наших писателей не дал такой верной и точной картины Петрограда в первые месяцы Великой революции, как Александр Блок в своих незабываемых «Двенадцати».

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Эти строки, открывающие поэму, я вспоминаю каждый раз, когда мысль моя обращается к прошлому и перед взором моим как бы возникают пустынные, с мертвыми, давно не зажигающимися фонарями и черными провалами окон улицы ночного Питера, замеченные февральским снегом мостовые, гигантские сугробы у заколоченных подъездов, непонятные выстрелы, буравящие ночную тишину, и ветер, свирепый февральский ветер, настойчиво бьющийся в смотровое стекло автомобиля, на котором мы поехали в Смольный.

Обезлюдивший Загородный, безмолвный Владимирский, такой же вымерший Невский, черные провалы Суворовского п, наконец, ярко освещенный, бессонный и многолюдный Смольный. По бывшему институтскому скверу не проехать: на снегу около оголенных лип — походные кухни, броневики, патронные двуколки, красногвардейцы в полушубках и потертых рабочих пальтишках, иные в каких-то кацавейках, иные в истертых солдатских шинелишках, кто в чем... Горят костры, дымят факелы, с которыми многие пришли с заводов. Ощущение не то вооруженного табора, не то неистовствующей толпы, идущей на штурм...

---

¹ Печатается отрывок из книги «Вся власть Советам». *Ред.*

Пропуска для нас были уже готовы; вслед за каким-то лихим матросом, вышедшим к нам навстречу, мы торопливо прошли по забитой вооруженной толпой широкой лестнице Смольного. На нас педоуменно озирались — все мы были уже без погон, по и покрой шинелей, и по-особому сшитые защитные фуражки, и генеральская седина, и даже походка обличали людей иного класса и сословия, нежели те, кто с нечищенными трофейными винтовками за спиной и новенькими подсумками, свисавшими с ремня на нескладные полы «семисезонного» пальто, долго еще смотрели нам вслед, так и не решив, кто мы: арестованные саботажники или зачем-то вызванные в Смольный «спецы».

Наш проводник бесцеремонно работал локтями и подкреплял свои и без того красноречивые жесты соленым матросским словцом. В расстегнутом бушлате, с лепточками бескозырки, падавшими на оголенную, несмотря на зимние морозы, широкую грудь, с ручными гранатами, небрежно засунутыми за форменный поясной ремень, он как бы олицетворял ту бесстрашную балтийскую вольницу, которая так много успела уже сделать для революции в течение лета и осени 1917 года.

— Пришли, товарищи генералы, — сказал он, останавливаясь около ничем не примечательной двери, и облегченно вздохнул. И тут только я понял, сколько неумной энергии и настойчивости проявил этот здоровяк, чтобы так быстро протащить нас сквозь людской водоворот, kloкочущий в Смольном. Едва успев приметить на предупредительно распахнутой матросом двери номер комнаты — семьдесят пятый, я переступил порог и увидел радостно поднявшегося брата.

— Тебя и твоих коллег ждут с нетерпением, — поцеловавшись со мной, сказал Владимир Дмитриевич и, не давая никому из нас даже перевести дыхание, стремительно провел нас в небольшую комнату, вся обстановка которой состояла из большого некрашеного стола и жалкой табуретки у входной двери — вероятно для часового. На столе лежала десятиверстная карта, еkläкочавшая Петроград, Финский залив, Нарву, Чудское озеро и местность к югу от этого района, — все это я успел рассмотреть, пока, оставив нас в компании одних, брат вышел через вторую имевшуюся в комнате дверь.

Прошло несколько минут, и дверь эта, только что еще плотно притворенная, распахнулась, и в комнату вошли несколько человек того характерного вида, который в дореволюционные годы был присущ профессиональным революционерам: утомленные лица, небрежная одежда, простота и непринужденность манер...

Первым порывисто вошел плотный, невысокий человек с огромным, увеличенным лысым лбом, очень зоркими живыми глазами и коричнево-рыжеватой бородкой и усами. Скромный,

едва ли не перелицованный, пиджак, галстук в белый горошек, потом сделавшийся известным многим миллионам людей, поношенные башмаки, очень живые руки, пальцы которых так и норовили забраться под проймы жилетки,— все это сразу помогло мне узнать в вошедшем Владимира Ильича Ленина. Таким не раз описывал мне организатора большевистской партии брат, таким я запомнил его по немногим фотографиям, которые хранились у Владимира. Следом за Лениным шли прячущий свои прекрасные глаза за стеклами пенсне, видимо, не расстающийся с потертой кожаной курткой Свердлов, надменный Троцкий, которого я признал по взъерошенной шевелюре и острой, хищной бороде, и неизвестный мне высокий и очень худой партиец в солдатской суконной гимнастерке и таких же неуклюжих шароварах, чем-то смахивавший на Дон-Кихота. Он оказался Подвойским, о котором я уже слышал как о члене коллегии по организации Красной Армии.

Пожав торопливо протянутую мне Лениным руку, я представил ему приехавших со мной генералов.

Владимир Ильич явно торопился, и я волей-неволей провел церемонию представления главе Советского правительства основных сотрудников моего штаба с той стремительностью, которая в этот ночной час отличала все жесты и манеру говорить Ленина. Рискаю показаться нам невежливым, хотя, как позже я убедился, он был на редкость хорошо воспитанным и учтивым человеком, Владимир Ильич быстро подошел к разложенной на столе карте и почти скороговоркой сообщил, адресуясь ко мне и остальным бывшим генералам, что немцы наступают на город Нарву, а кое-какие конные части их появились уже и под Гатчиной.

— Вам с вашими товарищами,— продолжал Ленин,— надо немедленно заняться соображениями о мерах обороны Петрограда. Войск у нас нет. *Никаких*,— подчеркнул он голосом.— Рабочие Петрограда должны заменить вооруженную силу.

— Я не думаю, товарищ Ленин, чтобы на Нарву могли наступать значительные силы германцев,— сказал я.

— Почему вы это решили? — спросил Ленин, вскинув на меня свои острые глаза.

— Достаточно сделать простой расчет,— ответил я.— Большая часть дивизий давно переброшена немцами на западный театр войны. Но и те сравнительно небольшие силы, которыми германское командование располагает в ближайших к столице районах, нельзя было так быстро передвинуть к Нарве и Пскову. Следовательно, немецкое наступление предпринято только с расчетом на отсутствие всякого сопротивления и ведется ничтожными силами.

— Совершенно с вами согласен. Немецкое наступление на

Нарву мы расцениваем точно так же и потому и готовимся дать ему отпор силами одних рабочих,— сказал Ленин и, извинившись, что занят, ушел.

Присутствовавший при разговоре брат мой, Владимир Дмитриевич, провел меня и остальных генералов в комнату «семьдесят шесть» и предложил в ней обосноваться и заняться разработкой нужных оборонительных мероприятий.

— Ты слышишь? — спросил он меня. Из-за двойных, совершенно заиндевелых стекол в комнату врываются не вполне понятные звуки, похожие, впрочем, на одновременный рев многочисленных фабричных гудков.

— Это заводы и фабрики революционного Петрограда объявляют боевую тревогу,— подтвердив мою догадку, продолжал Владимир Дмитриевич.— В течение ночи Центральный Комитет поставит под ружье 50 тысяч рабочих. Остановка — за разработкой оперативных планов и организацией пужных отрядов.

Отлично понимая, как важно выгадать время, я тут же включился в работу, попросив брата связать меня с теми, от кого мы могли бы получить точные сведения о том, что происходит под Гатчиной и Нарвой. Несмотря на неизбежную противоречивость в рассказах очевидцев и сообщениях представителей отступивших воинских частей и местных Советов, очень скоро я и мои товарищи смогли представить себе характер немедкого наступления и примерные силы, которыми оно располагается в интересующих нас районах. Еще немного, и мы уже составили черновые наброски некоторых, еще весьма общих, соображений по обороне Петрограда.

Тем временем в одной из соседних комнат началось чрезвычайное заседание расширенного Президиума Центрального Исполнительного Комитета. Председательствовал Свердлов. Меня и остальных генералов попросили принять участие в этом заседании, и Яков Михайлович, очистив для меня место рядом с собой, предложил мне рассказать собравшимся о тех основных мерах, которые мы, военные специалисты, рекомендуем принять.

Кроме большевистских лидеров на заседании присутствовали и левые эсеры, и я получил сомнительное удовольствие впервые в жизни увидеть пресловутую Марию Спиридонову, «вождя» левых эсеров. Некрасивая, с узким лбом и напоминающими парик гладкими волосами, она производила впечатление озлобленной и мстительной истерички.

Делая свой короткий, но трудный доклад, я сказал, что, по мнению всех нас, штабных работников, надлежит с утра 23 февраля выслать в направлении к Нарве и южнее ее разведывательные группы, человек по двадцать — тридцать каждая. Эти группы должны быть выдвинуты по железной дороге возможно ближе к Нарве и к югу от нее — до соприкосновения с противником. Каждой из групп будет указан участок для сбора све-

дений о действиях и расположении неприятеля. Все разведывательные группы обязаны поддерживать между собой взаимную связь и присылать в Смольный нарочными и по телеграфу срочные донесения.

В поддержку разведывательным группам решено направить отряды человек по 50—100 каждый. Формирование разведывательных групп и поддерживающих отрядов поручалось штабу обороны Петрограда и его окрестностей. Последний подчинялся уже созданному в Смольном Комитету обороны, возглавлявшемуся Лениным.

Всю ночь штаб обороны формировал, вооружал и снабжал по моим нарядам всем необходимым разведывательные группы и поддерживающие отряды. Я с Лукирским заготовлял для тех и других письменные распоряжения; генерал Сулейман инструктировал начальников разведывательных групп, исходя из задачи, поставленной перед каждой из них. Раттэля я отпустил на вокзал для формирования нового поезда взамен того сборного, в котором мы прибыли из Могилева. Было ясно, что оставаться долго в Петрограде не придется; по новому штабу следовало рассчитывать на пребывание там, где в этом явится надобность.

Не выкроив и получаса для сна и отдыха, мы добились того, что в течение ночи и следующего дня на фронт Нарва — Себеж были направлены все намеченные нами разведывательные группы. Формирование же отрядов продолжалось и 24 февраля. Так зародилась «завеса» как форма обороны революционной России от вероломного нападения милитаристской Германии.

23 февраля днем я снова побывал у Ленина. Он принял меня в своем кабинете, скромно обставленной комнате в Смольном, хорошо известной теперь миллионам трудящихся.

Я доложил Владимиру Ильичу, что разведывательные группы уже высылаются, так же как и поддерживающие их отряды. Вероятно, речь моя была полна привычных военных терминов, вроде «срочных донесений», «оперативных сводок», «соприкосновения с противником» или «разведки боем».

— Все это очень хорошо, — похвалил меня Ленин и, неожиданно усмехнувшись и хитро прищурившись, сказал: — А все-таки ваше военное дело часто походит на какое-то жречество.

— Извините, Владимир Ильич, — обиженно возразил я. — Военная наука так же точна, как и всякая другая точная дисциплина. Во всяком случае у нас, в России, мы располагаем отлично разработанной военной теорией. В частности, Владимир Ильич, в области стратегии, — запальчиво продолжал я, — мы имеем такого непревзойденного знатока, как генерал Леер, а в тактике — генерал Драгомиров. И, наконец, Милютин дал нам блестящие образцы того, что касается устройства войск.

— Я не отрицаю значения военной науки, — уже серьезно

сказал Ленин,— но, по правде говоря, я больше занимался экономическими вопросами.

Он спросил у меня, что написал Леер. Я тут же расхвалил трехтомную его «Стратегию», и Владимир Ильич заинтересованно сказал, что обязательно ознакомится с этим трудом.

Он сдержал свое обещание и, как передавал мой брат, попросил кого-то из сотрудников достать для него учебник Леера.

Ленин, как я впоследствии убедился, отлично разбирался в основных военных вопросах, и особенно в характере и обстоятельствах участия России в первой мировой войне. Работать с ним было легко и даже радостно. Владимир Ильич умел, как никто, слушать и делал это так, что я, например, ощущал душевный подъем после каждого своего доклада, независимо от того, принимал Ленин или не принимал мои предложения. Это умение сказывалось прежде всего в сосредоточенном внимании, с которым тебя выслушивал Владимир Ильич, в глубоком понимании вопроса, о котором говорили его реплики, во всей той не передаваемой словами атмосфере простоты, товарищества и уважения к каждому, кто с ним работает, которая была присуща прему у первого Председателя Совета Народных Комиссаров...

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., Воениздат, 1964, с. 247—253

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

БОРЬБА ЗА МИР

Впервые я увидел и услышал Владимира Ильича Ленина в марте 1918 года на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов.

Съезд заседал в Доме Союзов. Колонный зал был до отказа заполнен делегатами в серых шинелях, рабочих ватниках, крестьянских полушубках. На ногах у многих были лапти, а у некоторых, несмотря на весну, разбитые валенки.

В ожидании открытия съезда делегаты знакомились друг с другом, делились впечатлениями, а подчас и горячо, до злой хрипоты спорили между собой. Особенно надрывались те, кто требовал вести «революционную» войну: «Не может быть мира с немецкими империалистами, обманут нас!»

Среди разноголосого шума послышался настойчивый звон колокольчика. Председатель ВЦИК Свердлов, открывавший съезд, с трудом добился тишины.

Выборы президиума и мандатной комиссии сопровождаются горячими дебатами; неистовствуют эсеры и меньшевики, требуют предоставления им мест в президиуме. И только благодаря исключительному умению Якова Михайловича вести огромные собрания снова удалось добиться тишины в зале.

— Слово имеет Ленин.

Владимир Ильич, стоя за небольшим пюпитром, начал свой доклад не броско, а словно беседуя с друзьями.

Сидевшие рядом со мной моряки-черноморцы поглядели на меня, будто спрашивая: «Где же его сила, в чем она?»

Но уже через несколько минут Ленин вышел из-за пюпитра и стремительно заходил по деревянному настилу, заложив пальцы левой руки за борт жилета, а его правая рука была все время в движении — характерным жестом он как бы подчеркивал наиболее важные места быстрой, страстной речи. Слова неслись лавиной. Горячие, вдохновенные, они доходили до сердца, будили волю, рождали веру в свои силы, в победу.

Доклад Ленина был посвящен Брестскому мирному договору, ратифицировать который должен был съезд. Предательство Троцкого дорого обошлось Стране Советов. Новые условия мира, предъявленные германскими империалистами, были значительно тяжелее первоначальных.

3 марта 1918 года по решению ЦК Брест-Литовский мирный договор был подписан. А спустя несколько дней Ленин в статье «Несчастный мир» писал: «Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое... Будущее, несмотря ни на какие испытания, — за нами»¹.

Ленин в своем докладе на съезде Советов дал блестящий анализ текущего момента, доказав необходимость — во имя спасения революции, во имя существования Советского государства — принять этот дьявольский мир.

И в этот грозный момент, в часы смертельной опасности Владимир Ильич был полон веры в победу социалистической революции.

Я и сейчас не могу без волнения и гордости вспоминать, с какой силой, с какой страстью Ленин в конце своего доклада воскликнул:

— Народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть.

Обсуждение доклада было необычайно страстным, волнующим. На трибуну поднимались солдаты, матросы, рабочие, крестьяне. В один голос они говорили: надо немедленно кончать с войной, кругом нищета, голод, Россию нужно накормить, обогреть, отстроить!

Во время перерыва ко мне подошел Свердлов, которого я хорошо знал по нарымской ссылке, и попросил пройти вместе с ним в комнату президиума съезда. Он подвел меня к стоящему у окна Ленину.

— Владимир Ильич, хочу с вами познакомить секретаря Одесского комитета Заславского, опоздавшего на VII съезд партии.

Я почувствовал пожатие теплой ленинской руки. Глядя мне в глаза, Владимир Ильич спросил:

— Почему запоздали?

Я рассказал, что прямое железнодорожное сообщение между Украиной и Российской республикой прервано: к тому времени Украинская центральная рада с помощью немецких штыков повела наступление на Одессу. Пришлось ехать морем до Севастополя, а оттуда поездом добираться до Москвы.

Ленин стал расспрашивать о положении в Одессе, интересовался настроением рабочих и солдат Румынского фронта. Я старался отвечать как можно полнее, но тут кто-то из присутство-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 383. Ред.

вавших в комнате членов президиума вмешался в разговор, весьма недружелюбно обратившись ко мне:

— А вы за что голосовали бы на съезде партии? Одесская организация, мне известно, ведет войну...

— Как, с кем войну? — воскликнул Ленин.

— Да, большевики Одессы возглавляют войну, — сказал я, — отстаивая Советскую власть против гайдамаков и немецких военных частей. А на съезде я бы голосовал за мир.

— Правильно, — сказал Ленин и о чем-то заговорил со Свердловым.

Я хотел уйти, но Яков Михайлович сделал мне знак остаться.

Ко мне подошли Володарский — пламенный агитатор нашей партии — и несколько товарищей из Петрограда. Между нами разгорелся спор о ратификации мирного договора с немцами.

Один из делегатов чуть ли не с пеной у рта пытался мне доказать, что мы не должны утверждать мирный договор с Германией, а обязаны начать «революционную» войну.

— Без немедленной победы социалистической революции на Западе гибель Советской республики неизбежна, — патетически воскликнул он.

Я понял, что это были лишь отголоски ожесточенной борьбы, имевшей место не только что закончившемся в Петрограде VII съезде партии, борьбы за победу ленинской линии, против раскольников и предателей революции, прикрывавшихся «левой» фразой.

Через некоторое время Ленин, куда-то уходивший, вернулся с бумагами и, услышав наш спор, что-то сказал Свердлову.

Яков Михайлович снова подошел ко мне, отвел в сторону:

— Вас окружили петроградцы, среди которых много «левых коммунистов». Петроградский комитет также находится в их руках. ЦК решил созвать в Петрограде внеочередную партийную конференцию и в соответствии с решениями VII съезда партии выбрать новый комитет. ЦК будет рекомендовать вас секретарем Петроградского комитета партии.

...В далеком Яренске и суровом Нарыме я встречался со многими подпольщиками, жившими подолгу в эмиграции, участвовавшими в работе партийных съездов, конференций. Слушая рассказы Свердлова, Голощекина, Куйбышева и других о Владимире Ильиче, о его непримиримости к врагам, о той беспощадной борьбе, которую он вел с меньшевиками, эсерами, я почему-то представлял себе Ленина необычайно суровым.

Как непохож был придуманный мною образ на живого Ленина! Я видел перед собой простого, всем доступного, предупредительного и чуткого человека, человека энергичного, жиз-

перадостного, доброго, человека исключительного обаяния и душевной красоты.

Я был удивлен и спросил Якова Михайловича:

— Что, Ленин всегда такой?

— Какой? — удивился Свердлов.

— Непохожий на все рассказы о нем.

Яков Михайлович засмеялся:

— Попробуйте-ка вы сами его обрисовать!..

В дальнейшем я убеждался всякий раз, что Ленина невозможно описать, изобразить так, чтобы при встрече не увидеть в нем все-таки что-то новое...

НЕ ЖДАТЬ, НЕ БЕЗДЕЙСТВОВАТЬ!

«В одиночку и вразброд не победить голода и безработицы. Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше *железных отрядов* сознательного и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма»¹.

Так писал Владимир Ильич в своем обращении к рабочим-питерцам. Это был май 1918 года. Обстановка в Петрограде была тогда очень напряженной. Заводы и фабрики почти не работали. Народ голодал. Бывали дни, когда населению выдавалось только по восьмушке хлеба в день.

Обращение Владимира Ильича нашло среди питерцев самый горячий отклик. В райкомы и райсоветы шел поток добровольцев, откликнувшихся на ленинский призыв.

Будучи секретарем Петроградского комитета партии, я чувствовал, что это народное движение вызывает известное противодействие со стороны некоторых ответственных партийных работников.

Я решил об этом поговорить с Владимиром Ильичем. Скоро представился такой случай. Вместе с другими петроградцами я приехал в Москву на V съезд Советов. Большевицкая фракция съезда собралась в Кремле². Владимир Ильич пришел задолго до начала заседания. Устроившись за небольшим столиком и разложив перед собой какие-то бумаги, Ленин о чем-то беседовал со Свердловым и Аванесовым. Я подошел к ним. Владимир Ильич встретил меня с присущей ему приветливостью. Я откровенно рассказал, что у нас происходит.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 364. *Ред.*

² Заседание коммунистической фракции V Всероссийского съезда Советов происходило во II Доме Советов (площадь Свердлова, дом 2/4, «Метрополь»). *Ред.*

— По вашему призыву,— говорил я Владимиру Ильичу,— рвутся ехать в продовольственный отряд не только рядовые рабочие, но и руководители различных предприятий, старейшие и самые авторитетные члены партийных организаций.

— Что ж! Очень хорошо,— одобрил Владимир Ильич.

— Но некоторые товарищи,— продолжал я,— считая, что Петроград — это фронт и оголить его нельзя, возражают против отъезда в деревню цвета пролетариата.

— А кто возражает? — быстро спросил Ленин.

— Зиновьев, Лашевич...

Владимир Ильич заговорил горячо:

— А чего они хотят? Заставить «цвет пролетариата» стеречь бездействующие заводы и фабрики? Спокойно глядеть на голодных жен и детей? От кого же питерские рабочие могут ждать помощи, на кого надеяться? Возмутительно такое противодействие! — воскликнул Владимир Ильич и потом, помолчав, добавил. — Это трусость и глупость — не отпускать людей в такое время на такую работу.

Внимательно, боясь упустить хоть одно слово, слушал я ленинские указания:

— Энергично содействуйте созданию продотрядов — это кровное, первоочередное дело. А к руководству поднимайте из масс, из низов новых людей!

Он обратился к рядом сидевшему Свердлову:

— Яков Михайлович, прошу вас, потолкуйте с товарищем Заславским и выясните вместе с ним, сколько в течение этого месяца Петроград сможет дать людей в продотряды.

— Есть, Владимир Ильич, будет сделано! — четко ответил Свердлов.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОПЫТКА СОРВАТЬ МИР

4 июля 1918 года в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов. Заседания были очень бурными. Левые эсеры ожесточенно выступали против Ленина, против «продовольственной диктатуры» Советской власти. Они требовали прекращения борьбы с кулачеством и отказа от посылки в деревню рабочих продовольственных отрядов. Подавляющее большинство делегатов съезда дало решительный отпор этой, по существу, контрреволюционной линии.

6 июля заседание съезда закончилось в два часа дня. А уже через час нам стало известно о мятеже, поднятом левыми эсерами. Началось с того, что их представители Блюмкин и Андреев в провокационных целях убили в особняке, расположенном в Денежном переулке, германского посла графа Мирбаха. По распоряжению левоэсеровского ЦК мятежники захватили зда-

ние почты и телеграфа, арестовали наркомпочтеля Подбельского, председателя Московского Совета Смидовича, члена ВЧК Лациса и других. В захваченный ими Трехсвятительский переулок они стянули артиллерию, готовясь к обстрелу Кремля.

В общежития, где находились делегаты всех фракций, были разосланы самокатчики с распоряжением немедленно явиться всем делегатам в Большой театр на экстренное заседание съезда.

Но заседание не состоялось. Когда собрались делегаты, на сцену поднялся Свердлов.

— Поступило предложение: до заседания провести совещания по фракциям. Большевиков прошу пройти за сцену направо, фракция левых эсеров собирается в фойе второго этажа, а максималистам надо подняться на третий этаж.

Я прошел через сцену и повернул направо. В дверях стояла Софья Николаевна Смидович. Поравнявшись с ней, я услышал, как она сказала:

— Быстро выходи из театра. Фракция собирается на Малой Дмитровке в зале Дворянского собрания.

Совещание фракции открыл Свердлов. Он сказал о том, какие меры предпринимаются для немедленного подавления левозэсеровской авантюры, и предложил делегатам отправиться на предприятия, в рабочие районы разъяснить народу контрреволюционные действия левых эсеров.

После этого Яков Михайлович передал мне поручение Ленина выехать немедленно вместе с Урицким и некоторыми другими товарищами в Петроград: «Надо опередить «левых» эсеров, которые и в Петрограде готовят мятеж».

Для подготовки специального поезда было дано два часа. Железнодорожники уложились в этот срок, и поезд в составе паровоза и одного вагона был отправлен вовремя. Мы мчались, минуя все станции, и только два раза задержались в пути для смены паровоза.

Важное поручение Владимира Ильича было выполнено. Силами петроградских рабочих заговор мятежников был ликвидирован в самом начале, а контрреволюционное выступление в Москве было подавлено за несколько часов.

V съезд продолжал работать до 10 июля. На нем была принята Конституция РСФСР — первая Советская Конституция.

РАЗГОВОР О ЖИЛЬЕ. НА АКТИВЕ БАУМАНСКОГО РАЙОНА

Однажды осенью 1920 года Владимир Ильич приехал в Московский комитет партии, где я руководил тогда организационно-инструкторским отделом. Поговорив с секретарем МК Пятниц-

ким, он решил поехать на партийный актив Бауманского района: там в то время была особенно сильна «рабочая оппозиция».

— Прошу только никого не оповещать о моем приезде, — строго предупредил Владимир Ильич.

На актив мы поехали вместе. По дороге, в машине, Ленин, как обычно, стал спрашивать, что нового на заводах и фабриках Москвы, что говорят в рабочих районах.

Я рассказал Владимиру Ильичу, в какое трудное положение попал несколько дней назад на «Трехгорке». Рабочие там жили еще в старых бараках, построенных фабрикантом Прохоровым. В бараках ютились сотни человек, спали на нарах, расположенных в три яруса. Рабочие настойчиво требовали предоставить им другое жилье, чтобы наконец пачать жить по-человечески.

Владимира Ильича, по-видимому, очень огорчил и взволновал мой рассказ. Задавая мне вопросы, он тут же намечал план немедленных действий.

— Особняки, барские квартиры — все взяты на учет?

Я ответил утвердительно.

— Надо сейчас же проверить, правильно ли они распределены. Поручите рабочим «Трехгорки» самим обследовать все дома в районе. Они это сделают лучше других.

— В центре города больше особняков и хороших квартир, чем на Пресне, — добавил Ленин, — надо и там поискать, хотя это и дальше будет от «Трехгорки», а трамваи работают еще плохо... Но жилье — это самое главное.

Владимир Ильич помолчал и потом, резко повернувшись ко мне, спросил:

— А коммунисты живут в бараках или переехали в квартиры?

Я ответил, что в бараках «Трехгорки» живут и коммунисты, и кандидаты в члены партии.

— А заведующие жилищным отделом райсовета и Моссовета где живут? — продолжал спрашивать Владимир Ильич.

— Этого я не знаю...

— Напрасно! Надо знать. Рабочие-то, наверняка, знают. А вы-то сами, товарищ Заславский, где живете? — спустя минуту спросил Ленин.

— В «Метрополе» занимаю с семьей одну комнату.

Машина везла нас по тусклым, плохо освещенным улицам Москвы, а Владимир Ильич все продолжал говорить на взволновавшую его тему:

— Строить новые дома мы сейчас не можем, но правильно использовать старые — дело возможное. Надо, чтобы Моссовет еще раз проверил, как распределены квартиры, в которых жила буржуазия, как используются дома, где размещались банки и

другие учреждения. Главное — вовлечь самих рабочих в это дело и вместе с ними все проверить и продумать...

Но вот наш автомобиль, свернув в Гавриков переулок, остановился у здания бывшей Хлебной биржи¹. Мы поднялись по лестнице и вошли в плохо освещенный зал. Владимир Ильич осторожно прошел в один из последних рядов и сел, казалось, никем не замеченный невдалеке от прохода. Но уже через несколько минут в зале раздались голоса:

— Ленина в президиум! Ленин!

Владимир Ильич уступил настойчивым просьбам и занял место в президиуме.

Один за другим выступали лидеры «рабочей оппозиции». Демидов, Кутузов, Корзиннов, воспользовавшись присутствием Ленина, демагогически ораторствовали о недостатках в снабжении топливом, сырьем, продовольствием, ратовали за необходимость предоставить профессиональным союзам независимость и свободу.

Собранию, по-видимому, уже надоело слушать одно и то же пытье. Все чаще стали раздаваться голоса:

— Дайте слово Ленину!

— Просим выступить Владимира Ильича!

Ленин сказал председательствующему:

— Я приехал послушать, пусть собрание идет своим чередом, дайте высказаться записавшимся.

Внешне Ленин слушал всех ораторов очень спокойно, он не прерывал их репликами, не делал никаких замечаний. Но вот он взял слово. Стремительно поднявшись из-за стола президиума, он подошел к самому краю паспех сколоченного деревянного настила, и по горячности первых же его слов стало ясно, как возмущен Владимир Ильич:

— О какой независимости и свободе говорили здесь? Независимость профсоюзов от кого? От нашей партии? От Советской власти? Какие другие интересы, отличные от интересов рабочих, организованных в профсоюзы, имеют партия и Советская власть? То, что говорили здесь, отражает не пролетарскую заинтересованность, а мелкобуржуазный апархизм!

Эти слова, произнесенные с большой страстью, вызвали в зале горячие аплодисменты.

Ленин напоминает, что страну постигла засуха, что необходимы удешевленные усилия всего рабочего класса, всех трудящихся, чтобы победить голод, а «рабочая оппозиция» плетется в хвосте отсталых настроений, дезорганизует рабочих.

— Только сознательный революционный рабочий класс России может поднять страну из разлухи, — заключает он.

---

¹ В этом доме сейчас помещается Первомайский районный Дворец пионеров. *Ред.*

Провожаемый аплодисментами, Владимир Ильич снова занимает свое место в президиуме. Ко мне подходят рабочие с приятной Бауманского района — товарищи Бахтин, Смирнов, Фирсов. По их лицам видно: речь Ленина пришлась им очень по душе.

— Хорошо, что к нам приехал Владимир Ильич,— говорит Фирсов,— теперь всем нам ясно, куда тянут Демидов и его братья...

«ВОТ ЭТО ЧЕЛОВЕК!»

Это было в апреле 1920 года. В Кремле работал IX съезд партии. На заключительном заседании 5 апреля председательствующий заявил:

— Приближается пятидесятилетие со дня рождения Владимира Ильича. По просьбе делегатов мы решили сегодняшнее заседание посвятить этой дате.

Начались выступления. Слово получили Ярославский, Кон, Калинин. Товарищи говорили о Ленине как основателе и руководителе Коммунистической партии и Советского государства, подчеркивали замечательные черты его характера: исключительную скромность, обаятельную простоту, сердечную чуткость.

Ленина в это время на съезде не было, он работал в своем кабинете. Но как только Владимиру Ильичу стало известно, что на съезде началось его чествование, он сразу же послал записку в президиум с просьбой немедленно это прекратить. Получив через некоторое время вторую записку от Ленина, президиум счел необходимым довести требование Владимира Ильича до сведения делегатов. Съезд, однако, настойчиво просил предоставить слово всем записавшимся. Об этом сообщили Ленину, но он в третий раз, и не только запиской, но и по телефону, потребовал от председательствовавшего в это время Петровского прекратить хвалебный словесный поток и продолжать обсуждение очередных вопросов съезда. Прения были прекращены. Съезд принял постановление: в ознаменование пятидесятилетия Владимира Ильича издать полное собрание его сочинений массовым тиражом.

Нам, работникам МК, по правде сказать, всем очень хотелось отметить день рождения Ленина. Мы решили провести 23 апреля в зале МК на Большой Дмитровке вечер партийного актива, посвященный этой знаменательной дате. После долгих уговоров Надежда Константиновна обещала нам привести на этот вечер Ленина.

Помню, что торжественное заседание открыл секретарь МК Мясников.

«Изучение деятельности Ленина,— сказал он,— есть абсо-

лотно необходимый элемент подготовки рабочего класса к его победоносной борьбе...

Было несколько очень ярких выступлений; особенно запомнилась речь Максима Горького.

Алексей Максимович говорил о Ленине, страшно волнуясь, медленно, точно с трудом подбирая слова:

— Ленин помнит всегда обо всем и обо всех. В 1907 году, в тяжелые для партии годы, когда на Лондонском съезде решались важнейшие вопросы революции, Владимир Ильич находил время навещать меня в гостинице, где я лежал больной, и заботиться о моем здоровье.

Горький вспомнил, как Ленин, приехав на остров Капри, подружился с местными рыбаками. Итальянского языка он не знал и объяснялся с ними на каком-то странном полулатинском, полуфранцузском диалекте. Но рыбаки его отлично понимали и разговаривали с ним часами. А когда он уехал, с восторгом вспоминали о нем: «Вот это человек! Он все понимает и чист, как ребенок!»

После перерыва в зале появились Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Встретили мы их радостно и аплодировали до тех пор, пока Ленин не поднялся на трибуну. Глаза его улыбались. Все лицо светилось каким-то особым, присущим только Ленину озорным лукавством. С любовью смотрели мы на нашего близкого, дорогого Владимира Ильича, на самого человеческого из всех людей. Он смеющимися глазами обвел всех собравшихся и сказал:

«Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей»¹.

Владимир Ильич передал по рядам карикатуру, зло высмеивающую юбилейные празднества, сказав, что это удивительно хорошая карикатура.

Высмеивая юбилейные славословия, Ленин учил нас, коммунистов, скромности, всячески предостерегал от успокоенности, зазнайства. В течение всей своей жизни Владимир Ильич служил в этом отношении непревзойденным образцом.

И на этом вечере Владимир Ильич остался верен себе. Он вззошел на трибуну только для того, чтобы еще раз напомнить о необходимости активных действий по претворению в жизнь решений IX съезда партии. Это был съезд, нацеливший партию, рабочий класс, всех трудящихся на быстрое восстановление народного хозяйства, определивший ближайшие задачи в области промышленности и транспорта.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 325. Ред.

Владимир Ильич говорил просто, четко:

«Мы должны понять, что решения нашего последнего съезда партии во что бы то ни стало должны быть проведены в жизнь, а это значит, что нам предстоит громадная работа и потребуются приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор.

Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии»¹.

Владимир Ильич сошел с трибуны. Мы поднялись со своих мест и торжественно запели «Интернационал».

Ленин вскоре ушел. А мы долго еще не расходились. Каждому хотелось что-то сказать о нашем бесконечно любимом, дорогом Владимире Ильиче, поделиться своими сокровенными думами об этом удивительном человеке, учителе, вожде. А у меня все не выходило из памяти слова, сказанные о Ленине простыми каприйскими рыбаками:

«Вот это человек!»

В тот вечер из Туркестана прибыло в распоряжение Ленина в честь его пятидесятилетия двадцать вагонов с хлебом. Владимир Ильич отдал свой подарок детям Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска. Часть хлеба Ленин предназначил рабочим-торфяникам.

1 МАЯ 1920 ГОДА

Первое мая 1920 года по решению ЦК было объявлено всероссийским субботником. Напряженным и кипучим был этот весенний день для Владимира Ильича. Даже зная его исключительную работоспособность и неиссякаемую энергию, диву даешься, когда вспоминаешь, где только Ленин не успел побывать в этот Первомай!

Утром Ленин участвует в субботнике в Кремле, затем выступает на закладке памятника Освобожденному труду на пабережной Москвы-реки, а также осматривает в Музее изящных искусств эскизы будущего памятника.

Вечером Владимир Ильич побывал на митингах в Замоскворецком, Бауманском, Благуше-Лефортовском, Краснопресненском районах. На каждом из этих митингов он выступал.

Его живую, ясную речь, посвященную международному пролетарскому празднику, слушали и рабочие «Трехгорки», и трудящиеся, приглашенные на открытие клуба имени Загорского, и табачницы, и слесари железнодорожных мастерских...

На мою долю выпало счастье встречаться с Владимиром Ильичем на протяжении пяти лет, но никогда я его не видел

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 327. *Ред.*

таким радостным, таким праздничным, как в этот Первомай. Он излучал столько душевной теплоты, сердечного обаяния, что все окружающие чувствовали в себе прилив особых сил.

Великие люди часто сохраняют и в зрелые годы много детского в характере. Владимиру Ильичу тоже была свойственна эта счастливая особенность. С детской непосредственностью радовался Ленин и этому весеннему дню, и субботнику, в котором видел начало осуществления своей мечты о свободном труде, и песням, звучавшим на улицах и площадях. Он много смеялся в тот день, заразительно, весело!

После субботника мы собрались на набережной Москвы-реки на митинг, посвященный закладке памятника Освобожденному труду. Часа в три сюда пришел Владимир Ильич.

— С пролетарским праздником Первого мая, товарищи! — поздравил он нас и всем, кто стоял поблизости, сердечно пожал руки. Неподалеку от меня расположились работники с бывшей Даниловской мануфактуры. Они весело переговаривались, видно, затевали что-то. Ах, вот оно что! Петь собрались! Комсомолка Валя Милонова запекает.

Неожиданно для всех Владимир Ильич первым подхватывает эту песню:

Над миром наше знамя реет...

Старый рабочий с Замоскворецкой электростанции Трофимов, улыбаясь в усы, говорит:

— Эх, гармонь бы сейчас!

Ленин, услышав это, заметил:

— Вот кончим войну, Тула будет не винтовки, а гармони да самовары выпускать...

К Ленину подошла молодая работница комсомолка Наташа Смирнова с Остроумовской фабрики.

— Владимир Ильич, — спросила она, — ну хорошо, кончим войну, а вот до коммунизма мы доживем?

Ленин внимательно посмотрел на нее и ответил:

— Да, вы доживете до коммунизма, а ваши дети не смогут даже себе представить, что было время, когда один человек владел домами, фабриками, всеми богатствами, а тысячи рабочих не имели своего угла и даже хлеба вдосталь...

Тесным кольцом окружили рабочие и работницы Владимира Ильича. Беседа не прерывалась ни на минуту. Я спросил Ленина:

— Вы много жили за границей — как празднуют 1 Мая рабочие буржуазных стран?

— Первое мая — ведь это праздник рабочей солидарности, — ответил Владимир Ильич, — праздник борьбы за свободу, праздник раскрепощенного труда. Но социал-предатели стараются превратить этот праздник в мирную манифестацию благополу-

чия, спокойствия, чтобы не пахло классовой борьбой. Возьмут в руки флажки, проденут в петлицы цветы из красной бумаги, запоют песенки — чем не демонстрация!

Глаза Ленина иронически прищуриваются, губы трогает усмешка...

Митинг открыт. На трибуну подымается Владимир Ильич. Могучий взрыв аплодисментов. Ленин поднимает руку — просит тишины. Далеко разносится его голос:

«На этом месте прежде стоял памятник царю, а теперь мы совершаем здесь закладку памятника Освобожденному труду. Капиталисты называли труд свободным, когда крестьяне и рабочие были принуждены продавать им свой труд и в результате были свободны умирать с голоду. Мы называем такой труд наемным рабством. Мы знаем, что нелегко как следует организовать свободный труд и работать в условиях переживаемого тяжелого времени. Сегодняшний субботник является первым шагом на этом пути, но, так идя далее, мы создадим действительно свободный труд»¹.

ГОВОРIT ЛЕНИН

Слушать Ленина было всегда большим наслаждением. Он говорил чрезвычайно просто, понятно, удивительно страстно. Его речи обладали изумительной силой убеждения, и, конечно, даже тщательно застенографированные, они только в небольшой степени могут передать силу ленинского слова.

В начале 20-х годов, в этот очень трудный период жизни нашего Советского государства, Московский комитет партии, где я тогда работал, проводил на заводах и фабриках раз в неделю митинги о текущем моменте. Обычно руководители районных организаций утверждали, что именно у них на предприятиях особые трудности, и просили выступить Владимира Ильича в их районе.

Как правило, Ленин никого не предупреждал, на каком собрании он предполагает выступить. Если митинг проходил в клубе, то Владимир Ильич в ожидании, пока кончит говорить оратор, обычно стоял за занавесом, чтобы не сорвать выступление.

К великому нашему сожалению, подавляющее большинство выступлений Владимира Ильича на митингах и рабочих собраниях не записывалось. Стенографистки на таких выступлениях отсутствовали, опытных газетчиков было тогда мало, а если и находились среди присутствующих желающие записать ленинскую речь, то не всем удавалось справиться с этим. Правильно записать быструю ленинскую речь было нелегко.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 106. *Ред.*

И хотя в газетах не всегда появлялись отчеты, о каждом ленинском выступлении узнавали тысячи людей. Те, кому на долю выпало счастье слышать Ленина, делились со своими товарищами, друзьями, родными — речь вождя передавалась из уст в уста. Быть может, при такой передаче страдала точность, но мысли, идеи Ленина всегда становились достоянием широких масс. Помню, рабочие делились со мной впечатлениями о митинге, где выступал Ленин:

— Из жизни все взято, как не понять!

— По сердцу нам ленинское слово!

— Точно по солнечной стороне ходит — каждое слово нас сквозь светится.

Замечательными были не только речи Ленина, но и его реплики, ответы на вопросы. Отвечал Ленин удивительно метко, двумя-тремя фразами объясняя самое сложное, самое запутанное.

В памяти очень живо сохранилась Московская партийная губернская конференция, созванная в октябре 1921 года, на которой обсуждался доклад Ленина о новой экономической политике¹.

Конференция проходила в Колонном зале Дома Союзов. Неподалеку от меня сидел ответственный работник Московского областного совета профессиональных союзов Семков. Я его хорошо знал еще по Николаеву, куда его выслали в 1908 году из Одессы за организацию забастовки портовых грузчиков.

— Владимир Ильич, — спрашивал он, — что значит торговать? Нас в тюрьме этому не учили.

Ленин молниеносно откликнулся:

— А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность учили нас когда-нибудь и где-нибудь?

Владимир Ильич умел, как никто, делать политические выводы, глубокие обобщения из заданных ему вопросов, которые нам порой казались и не очень значительными. Так, на этой же конференции Владимир Ильич в своем заключительном слове вернулся к Семкову:

«Когда нам говорят: «Нас в тюрьмах торговать не учили», то в этих словах видно именно ошибочное понимание практических задач сегодняшней нашей борьбы и деятельности партии. И это как раз такая ошибка, которая состоит в перенесении приемов, подходящих к «штурму», на период «осады». Тов. Семков обнаружил ошибку, которая есть в рядах партии. Эту ошибку надо сознать и исправить»².

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 191—220. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 216. *Ред.*

В памяти сохранился и такой эпизод. Вскоре после Московской губернской партийной конференции Владимир Ильич выступал с докладом о новой экономической политике на фракции ВЦИК. Он подробно аргументировал, чем вызывается необходимость замены продрозверстки продналогом.

После доклада один из членов ВЦИК, белорус с рыжей бородкой, решительно и громко заявил:

— Владимир Ильич, я эту меру предлагал еще в прошлом году, да меня и слушать не хотели...

— В прошлом году, — тут же ответил Ленин, — за такое предложение надо было расстрелять! Советская страна была в кольце врагов, четырнадцать держав заседали на нее со всех сторон, и такое предложение означало бы срыв снабжения армии и городов, оно было бы на руку только врагам Советской власти...

Каждое выступление Владимира Ильича, каждое заседание, которое он вел, было для нас, партийных работников, подлинным университетом марксизма. Оно учило нас также ленинскому стилю руководства, бережному, заботливому отношению к людям.

Владимир Ильич не выносил разгильдяев, лодырей, презирал подхалимов, ненавидел бюрократов. Однако никто не умел с такой силой, как Ленин, раскрыть в человеке его лучшие качества, вселить веру в творческие силы. Простые люди, услышав обращенное к ним ленинское слово, чувствовали себя как бы вновь рожденными, готовыми на любую борьбу, на любые лишения, любые жертвы во имя утверждения новой жизни на земле.

Ленин всегда с нами. Мы ищем и находим у него ответы на самые трудные и сложные вопросы современности. Его мысли, его деяния не знают границ, они понятны, близки и дороги людям труда на всей нашей планете.

И вся жизнь Ленина навечно останется для человечества источником живого творчества, немеркнущим светом, озаряющим путь к свободе, миру, счастью.

Наша партия, наша славная КПСС, созданная и воспитанная Лениным, твердо идет вперед и ведет под ленинским стягом сотни миллионов людей, вдохновенно борющихся за победу коммунизма.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ
Л. ВОЙТОЛОВСКОГО
«ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ»

Припоминаю случай с В. И. Лениным. Владимир Ильич как-то в 1918 году, беседуя со мной о настроении фронтовиков, полупросительно сказал:

— Выдержат ли?.. Не охоч русский человек воевать.

— Не охоч! — сказал я и сослался на известные русские «плачи завоенные, рекрутские и солдатские», собранные в книге Е. В. Барсова «Причитания Северного края»:

И еще слушай же, родная моя матушка,
И как война когда ведь есть да сочиняется,
И на войну пойдем, солдатушки несчастные,
И мы горячими слезами обливаемся,
И стоворим да мы несчастны таковы слова:
«Уж вы, ружья, уж вы, пушки-то военные,
Па двадцать частей, пушки, разорвитесь-то!»

Надо было видеть, как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова. Взяв ее у меня, долго он ее мне не возвращал. А потом, при встрече, сказал: «Это противовоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть. Старой песне противопоставить новую песню. В привычной своей, народной форме — новое содержание. Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству, — раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно выполняя революционно-народный долг, — прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое, и т. д.».

Вот какую идейную базу имела моя фронтовая агитация...

Бедный Демьян. Собрание сочинений в пяти томах. т. 5. М., Гослитиздат, 1954, с. 286—287

ИЗ ВСТРЕЧ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Очень трудно в 1935 году дать объективную оценку той работе, которую мы вели в области кино и фото в первые годы Советской власти. Трудно потому, что задачи наши были иными, чем теперь, и люди были иными, и требования к ним предъявлялись другие. И все же, перечитывая те документы, которые мне удалось у себя найти, я с удовольствием отмечаю оригинальность тех мыслей, которыми мы руководствовались в нашей деятельности.

Начало советской кинематографии в Москве было положено еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции созданием фотокиноотдела при Московском Совете.

Каково же было в это время состояние русской кинематографии и фотографии? Вследствие империалистической войны 1914—1917 годов ввоз в Россию всякого рода фото- и киноматериалов и аппаратуры почти полностью прекратился, а собственной фото- и кинопромышленности у нас не было, если не считать нескольких кустарных мастерских по производству фотопластинок. Наиболее распространенным типом фотоаппаратов был пленочный аппарат Кодак, а пленка для него производилась только за границей. В годы войны царское правительство реквизировало значительную часть фотоаппаратов. Кроме того, съемки были затруднены, так как лица, появившиеся с фотоаппаратами, нередко принимались за шпионов.

Не лучше обстояло дело и в области кино. Кинотеатры, как правило, пользовались французской проекционной аппаратурой фирмы Патэ и уже с самого начала войны лишены были возможности обновлять свое оборудование. Попытки русских предпринимателей Таубера и Цветкова организовать промышленный выпуск отечественных кинопроекторов не увенчались успехом.

Таким образом, накануне Великой Октябрьской социалистической революции техническая база фотографии и кинематогра-

фии находилась в полном упадке. И этим объясняются особые трудности нашей работы.

Большой интерес к использованию кино и фото проявляли Владимир Ильич Ленин и Яков Михайлович Свердлов. По этим вопросам они неоднократно беседовали со мной, когда я руководил фотокиноотделами Наркомпроса и Высшего совета народного хозяйства.

Владимир Ильич Ленин говорил, что нужно собирать все фото- и киносъемки не только Октябрьской, но и Февральской революций. А надо сказать, что события Февральской революции были засняты работниками Скобелевского комитета на большом количестве фотопленок и фотопластинок. Чтобы собрать все эти материалы, мы потратили много сил и времени, стараясь сосредоточить у себя все в негативах. К сожалению, из несгораемого шкафа, где они хранились, было украдено много снимков, в частности снимков Владимира Ильича. Часть этих негативов, а также один из трех наших киносъемочных аппаратов похитил бежавший за границу оператор Модзелевский.

Для собирания фото- и кинохроники Октябрьской революции мы создали специальный штат. У нас было 25 фотографов и несколько кинооператоров. Сначала они работали по нашим заданиям, а потом, когда они себя зарекомендовали, стали работать и самостоятельно. Интерес к фотографии и кинохронике был очень большой. Командиры частей, отправлявшихся на фронт, требовали, чтобы с ними ехали кинооператоры. И они ехали, снимали фронтовую хронику, а нередко и сами участвовали в вооруженной борьбе. Так, Э. Тиссе, например, был одно время начальником штаба партизанского отряда. Тиссе снимал взятие Челябинска, Оренбурга, Риги, Митавы, Вяндалы, местную хронику. Очень много интересного местного и фронтового материала отсняли операторы Новицкий и Ермолов. Последний ездил с агитационно-инструкторским пароходом «Красная звезда» от Нижнего Новгорода до Перми.

В годы гражданской войны производство хроникально-документальных съемок представляло собой одну из самых важных задач наших киноорганизаций. Особого внимания к съемке и распространению кинохроники требовал от нас Владимир Ильич Ленин. Он трижды напоминал нам об отправке за границу кино- и фотохроники. Это ленинское указание мы выполняли пунктуально.

Другая задача, которая была поставлена перед нами Владимиром Ильичем Лениным, — это организация широкой агитации средствами кино. При осуществлении этой задачи мы натолкнулись на исключительные трудности.

Во-первых, вся система проката была разрушена; во-вторых, новый кинозритель — рабочие, крестьяне, красноармейцы — нуждался в хорошем кинорепертуаре, а почти все старые ленты

были в идейном отношении далеки от запросов масс. В обстановке жесточайших классовых боев, когда меньшевики, эсеры и анархисты почти открыто занимались антисоветской агитацией, мы должны были очень внимательно подходить к содержанию кинокартин, предлагаемых массовому зрителю. Пришлось создать специальный отдел рецензий. Было просмотрено более 100 драм, 150 комедий и многие специальные детские картины. Картины просматривались нами в позитивах, и поэтому предприниматели нередко обманывали нас, чтобы получить разрешение на демонстрацию фильма плохого в идейном отношении. Перед просмотром такого фильма в отделе рецензий предприниматели вырезали соответствующие куски из картины и получали необходимое разрешение, а потом восстанавливали вырезанные места. Некоторые предприниматели прятали хорошие картины в надежде на «лучшие времена» или же отправляли их на юг, где хозяйничали немецкие оккупанты и белогвардейцы.

Отдел рецензий провел большую и полезную работу, но ее, разумеется, нельзя оценивать с точки зрения наших сегодняшних требований. Подход к картинам поневоле был мягким. Спрос рабочей и красноармейской аудитории на кинофильмы был очень велик, и многие слабые картины приходилось разрешать за неимением лучших.

Владимир Ильич говорил нам, что если мы технически себя не вооружим, то не справимся с фото- и киноагитацией. Для решения этой задачи в апреле 1918 г. при Московском кинокомитете был создан Технический отдел. К деятельности этого отдела правительство относилось с большим вниманием и заботой.

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

Мне выпало большое счастье встречаться и беседовать с В. И. Лениным. И каждая такая встреча являлась предметным уроком революционного подхода к делу, уроком на всю жизнь. После декабрьского вооруженного восстания 1905 года В. И. Ленин поставил перед большевиками задачу: подвести итоги первого года революции, изучить опыт вооруженной борьбы. С этой целью в ряде городов проводились партийные совещания. Состоялось такое совещание и в Москве. На нем присутствовал Ленин.

Мы, участники декабрьского вооруженного восстания, собрались в одном из домов на Новинском бульваре¹. Ленин интересовался ходом восстания. Он подробно расспрашивал нас о том, как началась забастовка, дружно ли вышли рабочие на улицу.

Один из нас рассказал, что рабочие некоторых предприятий под влиянием меньшевиков сначала не хотели участвовать в забастовке, но большевики пришли в цехи, провели митинги и увлекли всех рабочих за собой.

— Как же это получилось, что вы солдат не привлекли на свою сторону? — спросил нас Ленин.

Мы рассказали Владимиру Ильичу, что среди солдат Серпуховских и Хамовнических казарм велась агитационная работа: там выступал Иннокентий Дубровинский и другие большевики. Солдаты обещали не стрелять по забастовавшим рабочим.

— И на этом вы успокоились, — сказал Владимир Ильич.

Ленин говорил далее о том, что мы правильно поступили, когда пошли к рабочим, чтобы поднять их на борьбу, и неправильно, когда не привлекли на свою сторону, не сумели мобилизовать на вооруженное восстание солдат, вооруженных людей.

— Никто нам не подсказал, — оправдывались мы.

— Это большая ошибка, — сказал Ленин и затем подробно развил мысль о том, что в революции рабочий класс должен бороться за войско, привлекать военные гарнизоны на свою сто-

¹ Совещание состоялось в первой половине марта 1906 г. в доме по Б. Девятинскому пер. *Ред.*

рону, выступать вместе со всеми трудящимися, в том числе и крестьянами в шинелях — солдатами.

Вторая встреча с Лениным произошла уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции и была связана с вопросами обороны молодого Советского государства.

На VII съезде партии Ленин выдвинул задачу «всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям». Нужно добиться, говорил Ильич, чтобы рабочие и крестьяне каждый день «учились сражаться».

Ленин призывал полностью использовать передышку, полученную в результате Брестского мира, для создания крепкой армии и крепкого тыла.

Фронт требовал новых частей. По указанию Ленина их формировали военкоматы республик. Как военкому Замоскворецкого района города Москвы мне и моим товарищам также предстояло сформировать несколько новых частей.

Однажды во время выполнения этой задачи нас вызвал в Кремль Я. М. Свердлов. Вместе с ним мы пошли к Ильичу.

Владимир Ильич принял нас как обычно дружески, поздоровался, усадил и затем попросил рассказать, как идет организация новых частей Красной Армии.

Мы подробно начали докладывать. Рассказали, что из отрядов Красной гвардии созданы и размещены в казармах регулярные воинские части и подразделения. Формируем новые полки — Варшавский красный, Лодзинский красный, Краковский красный и Добровольческий китайский полк.

Владимир Ильич интересовался, много ли частей и подразделений отправлено на фронт, откуда будем брать оружие и обмундирование для новых полков. Мы сказали, что в районе имеется военно-вещевая фабрика, в которой достаточно запасов. Оружиеотремонтируем на механических заводах. Внимательно выслушав нас, Владимир Ильич сказал:

— А вы, товарищи, не чувствуете, что к формированию новых частей подходите не с государственной, а с местнической точки зрения?

Ленин указал, что мы неправильно расходует государственные запасы (он имел в виду прежде всего запасы на военно-вещевой фабрике), используя их на нужды своего района, что эти нужды можно удовлетворить с помощью мелких предприятий районного значения.

Нужно ли говорить, какое большое значение имели для нас эти беседы, в которых Ленин учил нас по-государственному подходить ко всякому делу, всегда опираться на массы, поддерживая с ними тесную связь.

По совету Владимира Ильича мы обратились непосредственно к рабочим мелких частных предприятий, не имевших обо-

ронного значения. В нашем районе, например, была частная макаронная фабрика. Мы пошли туда, поговорили с рабочими, и они охотно откликнулись на нашу просьбу. Через несколько дней они отремонтировали броневик, предназначенный для частей, уходивших на фронт.

Многому научила меня еще одна беседа с Ильичем. Это было в период перехода от Красной гвардии к регулярной армии. Вызвана она была следующим случаем.

По Окружной железной дороге к Капачиковой даче подошел эшелон с красногвардейцами. Я получил из горвоенкомата распоряжение принять отряд и, как все другие, в связи с переходом к регулярной армии расформировать его по частям. Но отряд был пропитан духом партизанщины и не хотел выполнять приказ. Подойдя к эшелону, мы увидели выставленные против нас пулеметы. Тогда я приказал выкатить орудия. Только после этого отряд выстроился для приема.

Об этом случае я и рассказал Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич сказал, что мы поступили неправильно, что нужно не артиллерией и пулеметами убеждать своих людей, а большевистским, правдивым словом терпеливо разъяснять им, что революция требует новой организации армии, что директивы партии и правительства надо выполнять беспрекословно.

— Мы должны, — говорил он, — всеми силами и средствами защищать революцию. Но, защищая ее, разобраться, где друзья, а где враги. Надо учиться правдиво и ясно разговаривать с народом, убеждать его в нашей правоте.

Организуя формирование Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Владимир Ильич неоднократно говорил о том, что наша армия должна иметь высокую сознательную дисциплину, что военкомы должны показывать пример в дисциплине, насаждать ее твердо и решительно.

Помню, после обследования нашего района поступило распоряжение о передаче части запасов обмундирования и снаряжения в Лефортовский район.

Мы своевременно не выполнили этот приказ и тем самым нарушили воинскую дисциплину. По этому поводу нас вызвали к Владимиру Ильичу.

Ленин говорил о необходимости чрезвычайной исполнительности, без которой нельзя победить врага и поднять обороноспособность нашего государства.

— На первый раз, — сказал он нам, — мы вас простим. Но помните, что защитники революции должны иметь строжайшую дисциплину и сами везде и во всем твердо насаждать ее.

Эти замечания Владимира Ильича я всегда помню, ими руководствуюсь в своей практической работе и сейчас.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

1

Всю свою жизнь я буду помнить о первой встрече с Владимиром Ильичем Лениным. Это произошло в начале 1918 года, вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву.

Тяжело было трудящимся в первые месяцы становления Советской власти: не хватало хлеба, дров, было много безработных. Трудящиеся нашего Благуше-Лефортовского района самоотверженно боролись с трудностями. Но, конечно, не все понимали сложность обстановки. И вот В. И. Ленин дал согласие выступить перед трудящимися района на митинге¹, посвященном протесту против расстрела меньшевистским грузинским правительством рабочего митинга в Тифлисе.

Желающих увидеть и послушать Ильича было так много, что районный комитет партии решил организовать митинг в самом вместительном помещении Москвы — в Алексеевском манеже в Лефортове.

Пригласительные билеты на митинг заранее распределили по заводам, фабрикам, учреждениям, воинским частям. Но даже это огромное помещение — Алексеевский манеж — не могло вместить всех желающих.

7 апреля 1918 года задолго до открытия митинга Алексеевский манеж до отказа заполнили рабочие, кустари, солдатки, служащие. Ни скамеек, ни стульев не было, собравшиеся стояли вплотную друг к другу и с нетерпением ждали появления Ленина. Но вот у входа в манеж публика заволновалась, послышались возгласы:

— Ленин идет!

— Ильич! Ура Ильичу!

Под тысячеголосые приветствия Ленин идет к трибуне. Оvation не стихают, наоборот, усиливаются. Лица присутствующих возбужденные, радостные.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 214—215. *Ред.*

Ленин машет рукой, пытается остановить приветствия и пачать речь, но собравшиеся отвечают ему еще более бурной овацией. Так народ выражал свою преданность партии большевиков, свою безграничную любовь к Ильичу.

...Ленин на трибуне. Хорошо знакомая всем фигура Владимира Ильича, чуть наклонившегося вперед. Скупой, короткий жест руки, быстрая, но спокойная речь...

Он говорит о том, что глубоко волнует всех нас:

«И чтобы дальше успешно идти вперед, нам необходимо сбросить с себя невежество и халатность, а сделать это гораздо труднее, нежели свергнуть идюта Романова или дурачка Керенского».

Когда Ленин пробирался в толпе к трибуне, все мы видели, что он совсем простой, невысокого роста человек. Сейчас он казался нам выше и строже, но все таким же близким, своим. Тысячи взоров были обращены к нему. Он говорил горячо, просто, понятно, убедительно, и слова его проникали в душу каждого, кто его слушал. Я стоял около трибуны, рядом со мной — поимной рабочий. Пальцы его сжались в большие, тяжелые кулаки. Когда Ильич оканчивал фразу, мой сосед как бы про себя повторял:

— Верно! Верно!..

Ленин откровенно рассказал трудящимся о трудностях, которые ожидают страну в первые годы революции, о голоде, белом терроре, дезорганизации в хозяйстве. Он объяснил необходимость суровых мер по отношению к врагам революции, необходимость насилия над эксплуататорами. Разоблачив лицемерие и ханжество меньшевиков и правых эсеров, проливающих крокодильевы слезы по поводу «жестокости» большевиков, Ильич призывал нас учиться на деле, на опыте, вырабатывать товарищескую дисциплину, укреплять Советы, проводя в них коммунистов-большевиков. «Когда же мы победим дезорганизацию и апатию, — сказал Владимир Ильич, — то в непрестанной работе мы достигнем великой победы социализма»¹.

2

Осенью 1919 года я был переброшен из 1-й революционной армии в Казань и назначен заместителем политического комиссара Мусульманских пехотных курсов. Прошло немного времени, и коммунисты — татары Казани избрали меня в организационную комиссию по созыву II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока. В начале ноября я прибыл в Москву и включился в работу. Еще до открытия съез-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 215. *Ред.*

да делегаты попросили Ленина выступить на съезде с докладом¹.

Съезд открылся в помещении гостиницы «Метрополь»² 22 ноября и продолжался до 3 декабря 1919 года. Делегатами съезда были азербайджанские, башкирские, казахские, татарские, узбекские коммунисты и коммунисты других восточных национальностей. А когда стало известно, что на съезде будет выступать Ленин, прибыли еще гости.

Ленин приехал, его встретили приветственными возгласами, восторженной овацией. Он говорил об отношении народов Востока к империализму, о революционном движении среди этих народов.

Слова Ильича были восторженно встречены делегатами съезда. Далее Ленин обрисовал товарищам положение на фронтах гражданской войны, отметив, что наши победы обусловлены крепостью нашего тыла, сплоченностью и самоотверженностью рабочих и крестьян, на каждый удар отвечающих «увеличением сцепления сил и экономической мощи...».

Со всей серьезностью и ответственностью восприняли мы, делегаты съезда, задачи, которые поставил Ленин перед коммунистическими организациями народов Востока: применить общекommунистическую теорию и практику (опираясь на опыт русской революции) в особых, своеобразных условиях, привлечь к борьбе против международного империализма крестьянские массы, вести коммунистическую пропаганду внутри каждой страны на понятном для народа языке, пробудить революционную активность трудящихся масс Востока.

На съезде были заслушаны отчет Центрального бюро, доклад Центральной мусульманской военной коллегии, сообщение о Татаро-Башкирской республике. По некоторым вопросам обнаружилось разногласия. Ленин решил лично разобраться в них. И вот в конце 1919 года, когда я работал секретарем избранного на съезде Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока, меня и ряд других товарищей — коммунистов восточных национальностей вызвали в Кремль к Владимиру Ильичу Ленину. В приемной я встретил тт. Шамигулова, Наримана Нариманова, Бисерова, своего однофамильца, председателя делегации Туркестанской республики Ибрагимов, и других знакомых и незнакомых мне товарищей. Должно было состояться совещание по делам народов Востока.

Нас пригласили в кабинет Владимира Ильича. За столом в кресле сидел Ленин и приветливо улыбался входящим. Кроме него в кабинете были секретари и члены Политбюро ЦК.

По предложению Ильича мы снова обсудили те вопросы, по которым на съезде выявились разногласия. Многие товарищи

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 318—331. *Ред.*

² Съезд заседал в Доме Союзов. *Ред.*

спорили о том, следует ли создавать Татаро-Башкирскую Советскую Социалистическую Республику или две автономные республики: Татарию и Башкирию¹. На съезде большинство делегатов высказалось за объединенную Татаро-Башкирскую республику, но все же многие из нас не были с этим согласны.

В кабинете Ильича создалась дружеская, непринужденная обстановка, и коммунисты, не стесняясь, свободно, откровенно излагали перед присутствующими свои взгляды.

Я тоже выступил на этом совещании. Мне шел тогда только двадцатый год, и я очень волновался сначала, зная, что меня слушает Ленин. Но Владимир Ильич так ободряюще, так тепло улыбался мне, что я вскоре перестал смущаться и вступил в полемику с выступавшим передо мной председателем туркестанской делегации, который в слишком радужных красках обрисовал положение в туркестанской партийной организации. Я говорил о том, что многие коммунисты еще соблюдают религиозные обряды, ходят в мечеть, держат взаперти женщин, что нужно повышать их культурный и политический уровень.

Владимир Ильич, облокотившись на стол, внимательно слушал выступления. Время от времени он писал и посылал записки кому-нибудь из присутствующих. Видимо, во время выступлений и в связи с ними у него возникали вопросы, требующие немедленного ответа, но он не задавал их вслух, не желая прерывать выступавших. Получив ответ, он кивком головы сообщал об этом написавшему.

Когда совещание закончилось, Ленин каждого из нас поблагодарил и с каждым попрощался.

Я до сих пор горжусь тем, что принимал участие в совещании, на котором председательствовал родной Ильич, до сих пор помню его энергичное рукопожатие.

3

19 июля 1920 года в Петрограде, в Таврическом дворце (бывшая Государственная дума), состоялось торжественное открытие Второго конгресса Коминтерна. Я был избран делегатом на этот конгресс и в одном поезде с Лениным и Крупской выехал в Петроград. В дороге всем делегатам был роздан проект тезисов по национальному и колониальному вопросам, написанный

---

¹ Положение Народного комиссариата по делам национальностей о создании Татаро-Башкирской республики, опубликованное 22 марта 1918 года, не осуществилось ввиду начавшейся гражданской войны. Оно было подтверждено II Всероссийским съездом коммунистических организаций народов Востока. Однако в 1920 году в связи с изменившейся обстановкой внутри страны по желанию трудящихся масс Татарии и Башкирии было принято решение о создании отдельных автономных республик Татарии и Башкирии. *Ред.*

В. И. Лениным¹. В этих тезисах был обобщен опыт молодого Советского государства по подлинно марксистскому разрешению национального вопроса и определена позиция коммунистических и рабочих партий, объединенных в Коминтерн, в национальном и колониальном вопросах. Ленинские тезисы были проникнуты духом истинного пролетарского интернационализма.

В записке, предпосланной тезисам и обращенной к делегатам конгресса, Ленин просил нас дать свой отзыв, исправления, дополнения или конкретные предложения. Уже в поезде разгорелись жаркие прения. Мы горячо обсуждали сложность разрешения национального вопроса на Кавказе, говорили об опыте национальной работы в Туркестане и Киргизии.

В день открытия конгресса делегаты собрались в зале заседаний задолго до начала: одни разыскивали знакомых, друзей по революционной работе, другие спешили занять место поближе. Владимир Ильич тоже пришел пораньше. Он внимательно разглядывал сидящих в креслах делегатов. Вот он узнал кого-то, закрыл блокнот, в котором что-то записывал карандашом, и пошел по залу. Делегаты провожали его взглядами, все хотели видеть, к кому он направился. Навстречу ему в конце зала поднялся один из товарищей, седобородый, с высоким лбом, с радостно сияющими из-под густых бровей глазами, — Миха Цхакая. Вот они сошлись, обнялись и поцеловались. Собравшиеся делегаты приветствовали эту встречу долго не смолкавшими аплодисментами.

На конгрессе Ленин выступил по различным вопросам шесть раз. Особенно мне запомнились яркий доклад В. И. Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала, речь о роли Коммунистической партии и доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам. В этом, последнем, докладе Ленин сообщил конгрессу о работе комиссии и остановился на некоторых самых важных и принципиальных вопросах национальной политики коммунистических партий.

По словам Владимира Ильича, основной идеей тезисов комиссии явилась идея различия, разделения народов на угнетающих и угнетенных. «Мы подчеркиваем это различие, — говорил Ленин, — в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии».

4

В последний раз я видел Ленина на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года. Зал Большого театра, ложи, балконы — все было заполнено депутатами и гостями. Я сидел на сцене, в президиуме, близко к трибуне. Вот Владимир Ильич

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 161—168. *Ред.*

поднялся на трибуну. Трудящиеся Москвы давно уже не видели своего любимого вождя. Мы знали, что Ленин болен... и поэтому с особым вниманием вглядывались в его лицо. Ленин начинает речь, и внимание депутатов сосредоточивается на проблемах сегодняшнего дня, на задачах, стоящих перед партией и Советской властью.

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо утопии. Насчет утопии мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протаскили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России царской будет Россия социалистическая»¹ — так закончил свою речь В. И. Ленин.

Никто из нас и не думал даже, что в тот день Ленин выступает в последний раз.

*Дружба народов, 1958, № 4,
с. 186—188*

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309. *Ред.*

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

Это было 29 апреля 1918 года. Заседание ВЦИК в помещении Политехнического музея. На повестке: «Очередные задачи Советской власти». Докладчик — Владимир Ильич Ленин. Большая и хорошо освещенная аудитория быстро заполнялась делегатами. А балкон давно уже был переполнен публикой, среди которой преобладали серые солдатские гимнастерки и черные рабочие куртки. Но и в гимнастерках нетрудно было угадать рабочих, вернувшихся с фронта. Кое-где мелькали шляпки и белоснежные сорочки.

И внизу и на балконе сплошной гул.

Шляпки на балконе озираются и молчат. Гудят гимнастерки и куртки:

— Папаша сегодня!.. Слышь... Папаша!

— Ильич?

— Ну да... а как же!

— Покажет соглашателям!

В проходах между рядами суетливо бегают делегаты. Наклоняются к сиденьям, жестикулируют.

Мой сосед, сибиряк, глядя в президиум, перечисляет мне несколько лиц:

— Вот эта... смуглая, кутается в воротник... Спиридонова... А этот... в расстегнутой тужурке — Свердлов. А тот вон... беленький... юркий...

Сосед не успел окончить фразу: внизу неожиданно раздались аплодисменты, сначала жидко, потом сильнее и сильнее.

Аплодисменты быстро перекинулись к нам на балкон, а через минуту аудитория снизу доверху дрожала от рукоплесканий.

В первый момент я не понял, в чем дело. Видел, что из боковой двери на кафедру быстро вошел человек: небольшого роста, в потертом демисезонном пальто, в приплюснутом картузе, не то с папкой, не то с портфелем в руках.

Аудитория бурно и несмолкаемо гремела аплодисментами. А вошедший, не обращая внимания на эту бурю аплодисментов,

быстро снял с себя и бросил куда-то за стол картуз, пальто, портфель, в то же время шутливо о чем-то юворя со Свердловым.

Мой сосед пояснил:

— Ленину аплодируют, любят его...

Сотни восторженных, искрящихся глаз впились в одну точку в президиуме. Аплодировали долго, ожесточенно.

Я тоже впилился глазами в фигуру Ленина. Я искал на сцене сказочного героя.

А там, около небольшой группы, стоял внешне самый обыкновенный человек со смеющимся лицом, маленький, коренастый, в поношенной пиджачной паре, в белой мягкой манишке, с темным галстучком. Движения головы и рук его были быстрые, часто меняющиеся.

Свердлов подошел к своему столу в центре президиума, позвонил и, громко объявив об открытии заседания, прочел повестку.

Потом сказал:

— Слово предоставляется Председателю Совета Народных Комиссаров — товарищу Ленину.

Опять бурный взрыв аплодисментов.

Владимир Ильич с бумажкой в руках быстро обошел длинный стол президиума и стал сбоку, около кафедры.

Наступила тишина...

Много приходилось мне слышать докладов и многих общепризнанных ораторов. Но тут... все мои понятия о докладах и все представления об ораторских приемах перевернулись. Поражала необычайная простота оборотов речи Ленина, глубина и меткость определений, которые гвоздями входили в сознание слушателя. Эти мысли долго сверлили мозг, — спустя месяцы и годы.

Поражало, что Владимир Ильич как будто не докладывал, а просто интимно беседовал с одними, журил других и бичевал третьих...

Обращала внимание и еще одна особенность речи Владимира Ильича, которой я не замечал ни у одного из известных мне ораторов ни до, ни после товарища Ленина: его речь была отточенной до мельчайших подробностей, несмотря на всю остроту и непосредственность тех чувств, которые вкладывал Владимир Ильич в доклад и подчеркивал интонацией своего голоса.

Этот голос вызывал напряженное деловое внимание аудитории.

Вот ленинский голос зазвучал тревогой и ненавистью к тем, кто разрушал и саботировал великое дело освобождения трудящихся.

И ненависть загоралась огнем во взглядах людей, одетых в серые гимнастерки и черные куртки.

Деловое напряжение слушателей сменялось ощущением

огромной ответственности, которую взваливал на свои плечи пролетариат и его классовая власть.

Конец доклада был насыщен такой уничтожающей пронией к врагам рабочего класса, что тишина аудитории то и дело прерывалась взрывами заразительного смеха.

Казалось, что Ленин стер, уничтожил, похоронил своих противников до их выступлений.

Аудитория откликнулась долгими, оглушительными аплодисментами.

Ленин не только говорит и бросает в аудиторию свои пламенные мысли — нужные, государственные. Нет, он еще впитывает в себя и переводит на свой раскаленный язык то невидимое и неуловимое, что несет к нему напряженным электрическим током от тысячной аудитории, что струится из глаз этой черпосерой громады внизу и на балконе.

Годы и перемежающиеся события стерли в моей памяти многое из того, что говорил Ильич. Но навсегда врезалась в память огненная мысль, пронизывающая доклад:

Советской России придется пережить период гражданской войны и строительства социализма, прежде чем она приступит к коммунистическому переустройству общества.

Ленин знал глубочайшие тайники человеческой души и находил в ней отклик тому, что наболело у него, что веками копилось в измученных, истерзанных сердцах миллионов простых людей.

В его словах, в его голосе звучала неоспоримая большевистская правда.

Но вот затихла буря аплодисментов. Начались прения.

Крикливо и малоубедительно прозвучало выступление эсера Камкова.

Точно осенний шорох листьев прошуршал шипящий голос меньшевика Мартова.

Что-то прокричал седовласый и костлявый анархист Ге, размахивающий руками.

Владимир Ильич сидел около стола на углу, писал на листке бумаги и часто, поднимая одну бровь, смотрел на оппонентов. Иногда он улыбался и крутил головой, как бы говоря: «Ну и горюдит!» И тотчас же склонился к листку бумаги и быстро-быстро записывал.

Когда говорил и размахивал длинными руками седовласый старик анархист, Владимир Ильич несколько раз откидывал назад голову и беззвучно смеялся.

Наконец кончились и речи.

Владимир Ильич снова впереди стола с бумажкой в руках.

Казалось, в этой огромной, переполненной людьми аудитории рассыпаются огненные искры, бороздят аудиторию воспламеняющие молнии.

И опять обращало внимание необычайное умение Ильича строить речь. Слушатель не утомлялся, а громко и добродушно хохотал, когда Ленин жестоко высмеивал левых эсеров и анархистов, а когда Ленин гневно бичевал меньшевиков и правых эсеров, а они отбивались репликами с мест, аудитория отвечала им криками, стуком ног и грозным ревом голосов. Особенно бушевал балкон. Он бушевал, как море в непогоду.

По временам казалось, что вся эта черно-серая громада людей сорвется с балкона, ухнет через барьер на голову своих врагов и разорвет их в клочья.

Но звонок и громкий властный голос тов. Свердлова вовремя останавливают гневно бушующую стихию.

А Владимир Ильич по-прежнему спокойно стоит с бумажкой в руках и как-то по-особому добродушно иронически улыбается. Глаза его весело искрятся, точно говорят: «Не сердитесь, товарищи рабочие! Пусть эсеры пошумят! Нам это не страшно...»

Но вот закончилось и заключительное слово Владимира Ильича.

Охваченный бурей неповторимых переживаний и ощущений от выступления Ильича, медленно спускался я с балкона и шел к выходу.

Помню густую, тесную толпу, выносившую меня в стихийном потоке на улицу. Вокруг меня горели энтузиазмом глаза.

То там, то здесь звучали короткие фразы:

— Не выдал Папаша!..

— Поддержал!..

— Долго не забудут меньшевики и эсеры...

— Еще бы!.. Ильич-то?! Он, брат, покажет!

— С ним все будет наше!..

— Все возьмем! Весь мир завоюем!

Толпа медленно растекалась по тротуарам.

Мне вспомнился еще случай.

На VIII съезде Советов, кажется, в заключительном слове по докладу Совета Народных Комиссаров, Владимир Ильич бичевал международный капитал и, обращаясь к ложам иностранных представителей, ядовито их высмеивал.

Делегаты съезда хохотали и шумно аплодировали Ленину.

Взглянув на дипломатическую и журналистскую ложи, я был поражен.

Обнажив золотые зубы до ушей, иностранцы тоже долго и шумно аплодировали Ленину.

*Березовский Ф. Ленин на трибуне.
Портрет. Матъ. Омск, Омское
книжное изд-во, 1963, с. 5—10*

В 1918-м

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву я получил записку с приглашением прийти к В. И. Ленину. На небольшом плотном листе бумаги, который и поныне хранится мною как драгоценная реликвия, рукой Владимира Ильича был написан адрес бывшей городской думы на площади Революции и час, назначенный мне для беседы. Ильич указал также номер кабинета, по-видимому, для того, чтобы избавить от необходимости долго разыскивать его.

К тому времени в Москве для руководства городским строительством были созданы необходимые органы — законодательный отдел, отделы подземного и наземного строительства. Была организована архитектурная мастерская для разработки плана строительства в Москве.

Владимир Ильич сразу же стал расспрашивать, как подвигается наша работа над этим планом. Я доложил Владимиру Ильичу основную идею плана, с которой он полностью согласился.

В Москве, как известно, господствуют юго-западные ветры. Учитывая это, было предложено развивать новое жилищное строительство в юго-западном направлении, в районе Воробьевых гор¹, Новодевичьего монастыря. Ленин горячо поддержал эту мысль.

Во время беседы Владимир Ильич уделил большое внимание вопросам озеленения города. По его мнению, насаждения должны серьезно учитываться при новой планировке Москвы. Он рекомендовал нам, архитекторам, учесть опыт европейских столиц: Лондона — с зеленым массивом Гайд-парка, Парижа — с его Елисейскими полями, Вены — с ее живописным Рингом. Владимир Ильич заботился о создании для жителей Москвы

---

¹ Теперь Ленинские горы, где сооружено высотное здание Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. *Ред.*

здорового, насыщенного кислородом резервуара воздуха и для этой цели советовал предусмотреть озеленение берегов Москвы-реки.

Большая теплота, чуткое внимание и терпение, с которыми Ленин выслушивал мнение собеседника, живое остроумие делали встречи с ним такими яркими и радостными событиями моей жизни! Он любил садиться совсем рядом со своим собеседником, и самый деловой разговор с ним приобретал характер задушевной беседы.

Слушая Ленина, я отчетливо представлял себе, каким прекрасным городом должна стать будущая Москва. По совету Владимира Ильича была благоустроена Театральная площадь¹, Охотный ряд был освобожден от уродливых лабазов.

При обсуждении проекта городского хозяйства и транспорта, разработанного нами вплоть до метрополитена, Владимир Ильич просил учитывать необходимость устройства глубокого ввода для транзитных поездов.

Одной из работ по осуществлению плана строительства в Москве, одобренного Лениным, явилось сооружение в 1923 году сельскохозяйственной выставки, спроектированной на месте свалки на берегу Москвы-реки, — ныне там находится Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Создание зеленых массивов выставки в этом районе мыслилось как звено в зеленой цепи, которая должна была протянуться от Воробьевых гор до Кремля.

Ленин часто говорил о необходимости при реконструкции столицы сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа. В этой связи он подчеркивал значение культурного наследия, говорил, что нужно использовать достижения науки, техники, искусства.

Говоря о пути развития советской культуры, Ленин во время одной из бесед горячо отстаивал подлинную красоту в искусстве. Надо, сказал он, исходить от прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества.

В то же время он предупреждал об опасности проникновения в наше искусство мещанства. На всю жизнь запомнились мне слова, которые однажды сказал при прощании Владимир Ильич: «Делайте красиво, но только помните, без мещанства!»

Мне довелось неоднократно бывать у Владимира Ильича в Кремле. Его советы, проникнутые заботой о нуждах простых людей, помогли нам, архитекторам, в решении многих и многих проблем.

---

¹ Теперь площадь Свердлова. *Ред.*

Вспоминается такой пример. Москва ощущала в те годы серьезные продовольственные затруднения. К тому же доставка продовольствия в столицу осложнялась из-за транспортных неполадок. Развивая мысль о новой, рациональной планировке города, Ильич предложил создать на берегу Москвы-реки, у Симонова монастыря, второй ярус набережной по примеру одной из набережных Лондона, с тем чтобы овощи, поступающие в Москву водным путем, можно было выгружать в вагоны трамвая и ночью развозить их по рабочим районам.

О глубокой человечности Ленина, об отзывчивости и теплоте его можно судить и по такому случаю. Однажды меня пригласили к Владимиру Ильичу для того, чтобы ознакомиться с книгами по искусству, поступившими из Берлина. По прибытии в Кремль я извинился за то, что не могу в этот день выполнить поручение, так как мне предложено немедленно освободить квартиру.

Ленин стал расспрашивать: на каком основании, чье это распоряжение? Я объяснил. Возмущенный Ленин тотчас же продиктовал своему секретарю текст отношения (оно хранится у меня поныне) с просьбой приостановить выселение. В этом документе, между прочим, сказано: «Если это потребуется, просьба будет поддержана тов. Лениным».

В этих будничных на первый взгляд деталях, в этих штрихах, запомнившихся на всю жизнь,— бесконечно дорогой и любимый образ мудрого, великого Ленина.

ВСТРЕЧИ В 1918 ГОДУ

Восемнадцатый год, как известно, богат исключительно драматическими страницами в истории социалистической революции. Этот год воскрешает в памяти прекрасный образ Ленина как великого борца за мир и гениального мастера научного предвидения.

Из нескольких встреч с Лениным в 1918 году две особенно глубоко взволновали меня и навсегда врезались в память. Первая — беседа за кулисами президиума IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов в Доме Союзов (в середине марта 1918 года) и вторая — встреча в день приема Лениным делегации ЦК КП(б)У в Кремле 16 октября того же года (накануне открытия II съезда КП(б) Украины).

На IV съезде Советов, созванном, как известно, в порядке внеочередности и чрезвычайности специально для ратификации Брестского мира, царило напряженное настроение. По выражению лиц, глубоко запавшим глазам и сжатым губам делегатов чувствовались их тяжелые переживания и сознание громадной исторической ответственности.

Вместе с тем IV съезд Советов демонстрировал несокрушимую силу народа и революции. Многочисленность съезда, участие в нем представителей всех народов России, самые разнообразные одеяния, отражавшие национальные и климатические отличия разных районов необъятной страны, производили яркое, внушительное впечатление.

14 марта бурная дискуссия, в которой участвовал пестрый лагерь противников заключения мирного договора, достигла высшей точки, когда на трибуну поднялся Ленин. Его исторический доклад о ратификации мирного договора¹, а также заключительное слово прерывались то бурными аплодисментами, то резкими враждебными репликами. Ленин быстро и меткими словами давал отпор противникам.

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 92—111. *Ред.*

После прений и заключительного слова Ленина я послала ему записочку с просьбой уделить для беседы по важному вопросу хотя бы несколько минут. На следующий день во время перерыва Ленин с трибуны знаком руки позвал меня, и я очутилась с ним позади президиума, за кулисами.

Я сообщила Ленину, что наша четверка делегатов Екатеринославского Совета голосовала за ратификацию мирного договора, разделяет полностью позицию Ленина по этому вопросу и резко осуждает противников подписания договора. В связи с тем, что Украина наполовину или больше уже оккупирована германской армией и ей угрожает полная оккупация, мы нуждаемся в его совете. Мы подготовляем переход партии на подпольное положение, но нуждаемся в большей ясности ближайшей перспективы именно в условиях оккупации. Ведь по возвращении со съезда мы должны пойти на заводы и сказать рабочим, которые только что вооруженной рукой взяли власть в свои руки и понесли тяжелые жертвы, что на Украине Советская власть вынуждена отступить и временно уйти со сцены. А что же впереди? Что ждет Украину?

Несмотря на полумрак, я увидела, как лицо Ленина померкло. Он ответил не сразу. Я уже начинала раскаиваться в том, что разбередила его раны, лишний раз напомнив ему о том, о чем он и без того ни на минуту не забывал. После паузы Ленин сказал мне как-то особенно проникновенно, тихим голосом:

— Скажите рабочим Екатеринослава, что Брестский мир будет недолговечен. В Германии неизбежна и близка революция, и она сметет Брестский мир.

Помолчав снова несколько секунд, Ленин добавил:

— А в союзе с германским пролетариатом мы будем непобедимы...¹

По возвращении в Екатеринослав я отчитывалась о IV съезде Советов на крупнейших заводах и на первых же собраниях рабочих убедилась в громадной силе ленинского предсказания. Особенно большое действие оказывали дословно переданные слова Ленина; рабочих волновал именно тот факт, что Ленин был совершенно уверен в приближающейся германской революции. Уже в тот период рабочие знали силу ленинского предвидения и полагались на него как на каменную стену.

Связь между судьбой революции в России, близким освобождением Украины и надвигавшейся германской революцией становилась все более очевидной для самых широких масс. Нараставшие в Германии революционные события, за которыми

¹ О нарастании революции в Германии Ленин говорил в своем выступлении на съезде, но как глава Советского правительства, подписавшего Брестский мир, он не мог говорить на съезде о близком разрыве этого договора. С. Г.

пристально следил Ленин, стали для всех предметом еще большего, чем раньше, жгучего интереса.

Между нашей беседой с Лениным в Колонном зале Дома Союзов и встречей на приеме членов ЦК КП(б) Украины прошло 7 месяцев. Эти месяцы 1918 года вошли в историю как время напряженной борьбы Ленина за сохранение и продление мирной передышки.

На глазах изумленного человечества Советская страна, окруженная со всех сторон вооруженными врагами, начала создание социалистического хозяйства, направление которому дал известный доклад Ленина «Очередные задачи Советской власти»¹. Ленин прилагал нечеловеческие усилия, чтобы продлить передышку, не допустить срыва Брестского мира, который он сам называл «брестской петлей».

Брестский мир срывался германскими захватчиками: к маю — июню 1918 года была оккупирована не только Украина, но был захвачен Ростов и районы Кубани. Немецкая армия продолжала продвигаться на восток.

Положение обострялось преступной авантюристической борьбой и провокациями противников Брестского мира внутри страны — от контрреволюционной кадетской партии до «левых коммунистов» включительно.

В дни левозероковского восстания я слышала выступление Ленина на V Всероссийском съезде Советов, с трибуны которого он развивал план дальнейшего социалистического строительства, еще и еще раз страстно призывал к сохранению мира.

15 июля 1918 года нас, членов ВЦИК, известили об экстренном заседании ВЦИК. Заседания ВЦИК чаще всего устраивались тогда в большом зале гостиницы «Метрополь». Перед открытием заседания нам сказали, что Ленин сделает важное сообщение. Нам бросилось в глаза, что Ленин вопреки своей обычной стремительности поднимался на трибуну очень медленно. Казалось, он сильно устал.

С затаенным дыханием члены ВЦИК выслушали его известное заявление по поводу предложения германского правительства ввести в Москву вооруженный батальон под предлогом охраны германского посольства. Это требование было одним из результатов левозероковского восстания и провокационного убийства германского посла Мирбаха в Москве. Преступная авантюра эсеров, как известно, явилась одной из самых серьезных провокационных попыток сорвать Брестский мир.

Ленин, сохраняя полное самообладание, медленно прочитал заявление Советского правительства об отклонении предложения немцев. Громадное впечатление произвели на нас послед-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 241—267. Ред.

ние слова заявления о том, что, если германское правительство все-таки попытается осуществить свое намерение ввести вооруженный батальон в Москву, Советское правительство не останется перед необходимостью вооруженной рукой защищать Страну Советов.

Нам сразу стало ясно, что международное положение изменилось несколько в нашу пользу. Это было связано с двумя моментами: с успешным строительством Красной Армии и с неудачами германской армии на Западном фронте, ускорившими нарастание революционного кризиса в Германии.

Летом усилилась партизанская борьба на Украине, а II съезд ЦК КП(б)У в октябре 1918 года готовился под знаком близкого всеукраинского вооруженного восстания и освобождения Украины. В связи с ранением Ленина 30 августа, о котором мы с ужасом узнали в Орле¹, непосредственные сношения ЦК КП(б)У с Лениным были прерваны на все время его болезни. Когда перед открытием II съезда в Москву съехались члены ЦК КП(б)У, вопрос о свидании с Лениным волновал всех: получить советы Ленина по некоторым спорным вопросам тактики на Украине было совершенно необходимо.

Днем 16 октября членам ЦК КП(б) Украины, к нашей величайшей радости, было сообщено, что Ленин может принять 10—12 человек в тот же вечер. Одному из членов ЦК было поручено пригласить Ленина выступить на II съезде КП(б)У.

Через 2 часа мы отправились в Кремль. Встречавший нас у лифта сотрудник сообщил, что в связи с ремонтом помещения заседание состоится не в кабинете Ленина, а в одной из проходных комнат. Нас ввели в комнату со свежоштукатуренными голыми стенами, без мебели. При нас уже внесли стулья.

Ленин вышел к нам с перекинутой через плечо черной портянкой, на которой лежала большая рука. Мы устремились к нему навстречу. После того как мы поздоровались и Владимир Ильич ответил на наш вопрос о его самочувствии, мы спросили, сколько времени он может уделить беседе с нами. Мы очень хотели, чтобы беседа была обстоятельной, но боялись его утомить.

Прежде чем ответить нам на этот вопрос, Владимир Ильич указал здоровой рукой на стену, где криво висел на гвозде белый плакат с известным американским изречением: «Если вы пришли к занятому человеку, то скорее кончайте свое дело и уходите», и сказал:

— Вот наши враги — американцы написали умную вещь.

После этого Ленин спросил, хватит ли нам для беседы двух

---

¹ В связи с тем, что территория Украины была оккупирована австро-германскими войсками, Пленум ЦК КП(б)У состоялся в Орле. *Ред.*

часов. Мы были радостно удивлены, так как не ожидали, что при его состоянии он сможет провести с нами такую длительную беседу. Мы знали, что прием 16 октября был первым приемом Ленина после болезни, и еще раз убедились в том, какое громадное значение Ленин придавал событиям и задачам коммунистов на Украине.

Запомнилась такая деталь: при входе Ленина в комнату дежурный комендант приказал часовому выйти и встать с другой стороны двери. Перед тем как начать беседу с нами, Владимир Ильич приоткрыл дверь, и мы слышали, как он сказал часовому:

— Возьмите стул и садитесь. Сюда в течение двух часов никто не войдет, вам незачем стоять на ногах два часа.

Беседа началась. Мы попросили Владимира Ильича осветить общее положение и высказаться по поводу ближайших задач на Украине.

Теперь, спустя 40 с лишним лет, я, конечно, не могу полностью надеяться на свою память и не могу ручаться за точность передачи слов Ленина. Но за смысл их я беру на себя полную ответственность¹.

Ленин уделил большое внимание последним событиям на Украине, партизанской борьбе, подчеркнул особую важность тщательной и всесторонней подготовки общего, всеукраинского вооруженного восстания. Он говорил об успешном строительстве Красной Армии и той помощи, которую она окажет восстанию. Он сделал особое ударение на необходимости правильного проведения национальной политики. На вопрос одного товарища, нет ли опасений, что после освобождения съезд Советов Украины может проголосовать за полное отделение Украины от России, Ленин ответил, что при последовательном проведении национальной политики партии ближайший съезд Советов Украины, отражая волю украинского народа, проголосует за теснейший и вечный союз Украины с Россией и никогда не пойдет за петлюровцами, которые в угоду империалистам требуют полного отделения Украины от Советской России.

Ленин уделил значительное внимание развитию германской революции, выразив уверенность в том, что эта революция теперь надвигается не по дням, а по часам, что она неминуема и близка, настоятельно рекомендовал усилить работу в германских оккупационных войсках. Ленин предвидел, что при первом известии о германской революции начнется быстрое разложение германских войск и их революционизирование. Поэтому он выдвигал как одну из важнейших задач подготовки всеукраинского восстания — усиленную работу в оккупационных войсках.

¹ Если не ошибаюсь, кроме меня, нет в живых никого из участников этой встречи. Во время беседы никакой записи не велось, и о ней не сообщалось в печати. С. Г.

Что касается главного вопроса, который стоял перед Коммунистической партией Украины, — вопроса о всеукраинском вооруженном восстании, — Ленин еще раз подчеркнул необходимость самой тщательной и широкой его подготовки, исходя из того, что призыв к этому восстанию должен быть нами дан очень скоро, «может быть, завтра или послезавтра, но еще не сегодня». Предостерегая против революционного нетерпения и выразив полное понимание того, что украинские рабочие и крестьяне рвутся в бой, Ленин призывал к выдержке и воздержанию от преждевременного выступления. Когда разложение оккупационных войск пойдет быстрыми темпами, тогда для нас создастся такой перевес сил, который значительно ускорит победу и уменьшит неизбежные жертвы. Тем более что каждый лишний день повышает боеспособность Красной Армии. В заключение Ленин поблагодарил за приглашение на съезд и выразил сожаление, что не сможет участвовать в его работе.

Сказанное Лениным оказало громадное воздействие на решения II съезда КП(б)У и на дальнейшую работу коммунистов Украины в этот ответственный исторический момент.

Делегаты съезда, среди которых было немало таких, которые, работая подпольно в условиях оккупации, уже много месяцев были оторваны от Москвы, не могли примириться с тем, что они не увидят и не услышат Ленина. Они настаивали на том, чтобы им дали возможность встретиться с ним. Поэтому 22 октября 1918 года на собрание московского актива, где выступал Ленин, были приглашены все участники II съезда КП(б)У. Выступление Ленина на этом собрании¹ было его первым большим публичным выступлением после ранения.

В своей речи Ленин остановился специально на положении Украины и в сжатой, ясной форме выразил свое отношение к ближайшим задачам КП(б)У.

Разразившаяся через три недели революция в Германии и разрыв нами «похабного» Брестского мира были не единственными подтверждениями гениальных прогнозов Ленина. Ноябрьские революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного кризиса в странах Западной Европы с поразительной точностью подтверждали ленинское предвидение.

В первые дни революции в Германии, когда во всех оккупационных войсках были избраны солдатские Советы, Ленин направил украинским партийным работникам указание о немедленном вступлении в контакт с Советами немецких солдат² и настаивал на использовании революционных немецких военных частей для борьбы с казацкой контрреволюцией.

¹ См. Ленин В. И. Доклад на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Полн. собр. соч., т. 37, с. 111—125. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 205—206. *Ред.*

Один из эпизодов гражданской войны на Украине в этот момент был особенно показателен. В конце декабря 1918 года к Временному рабоче-крестьянскому правительству Украины явилась делегация от Совета солдатских депутатов немецких частей в Харькове для переговоров о взаимных услугах. Результатом этого явилось соглашение: австро-германские военные части, стоявшие в Харькове, покинут Украину мирно, не преследуемые Красной Армией, и окажут ей содействие в борьбе против петлюровских и гетманских войск. Это было вскоре осуществлено, причем было выполнено и одно из условий соглашения: ни один германский солдат не взял оружия, оно осталось в руках партизан.

Почти через 40 лет, а именно в день 7 ноября 1957 года, в центральном органе Социалистической единой партии Германии «*Neues Deutschland*» («Новая Германия») об этом эпизоде были опубликованы воспоминания одного из руководителей немецкого харьковского Совета солдатских депутатов¹.

1918 год, особенно богатый событиями, не только ярко иллюстрирует последовательную и упорную борьбу Ленина за мирную передышку, но и гениальность ленинского научного предвидения.

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы;
с. 353—358

---

¹ История этого соглашения подтверждена рядом участников гражданской войны на Украине. С. Г.

ЛЕНИН В СОВНАРКОМЕ

При Ленине в Совнаркоме было дельно и оживленно. Уже при нем утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, *казалось, что самое время сделалось более плотным*, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту. Но вместе с тем не было заметно ни самонадеянности, ни хотя бы напряжения людей, производящих непосильную работу. Больше, чем когда-нибудь при Ленине, казалась эта работа при всей своей ответственности «легкой».

Сам Ленин любил всегда смеяться. Улыбка на его лице появлялась чаще, чем у любого другого. Рансом, наблюдательный англичанин, отметил эту склонность к веселому, беззаботному смеху у величайшего из людей нашего времени и правильно ее понял. *«Это смех силы»*, — говорит Рансом, — и эта сила заключается не только в огромных способностях Ленина, но и в его коммунизме. Он обладает таким совершенным ключом для отмыкания общественных тайн и трудностей, коммунизм дал ему такую уверенность в неизбежности прогноза, что, конечно, никакой другой деятель не может быть так уверен в себе, своих планах, своих проектах».

Так или приблизительно так (за смысл ручаюсь) говорит Рансом.

Работали в Совнаркоме спорно, работали бодро, работали с шутками.

Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей

нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро-быстро текла река докладов, обмена мнений, решений.

Надо было видеть, как слушает Ленин. Я не знаю лица прекраснее, чем лицо Владимира Ильича. На лице его покоилась печать необычайной силы, что-то львиное ложилось на это лицо и на эти глаза, когда, задумчиво смотря на докладчика, он буквально впитывал в себя каждое слово, когда он подвергал быстрому, меткому дополнительному допросу того же докладчика.

Хотя в Совнаркоме было много первоклассных светлых голов, но Ленин обыкновенно быстрее других прорабатывал все вопросы и приходил к законченному решению. Однако в этом не было ни малейшего стремления, так сказать, искусственно проявить свое первенство. Если кто-либо предлагал подходящее решение, Ленин быстро схватывал его целесообразность и говорил: «Ну, диктуйте, это у вас хорошо сказано».

Сердился Ленин, особенно в Совнаркоме, чрезвычайно редко. Но сердился крепко. Выраженный он при этом не выбирал. С его уст слетали всякие слова, вроде: «советские саповники, у которых ум за разум зашел», «ротозейство», «головотяпство» и другие неприятные определения, которые попадают иногда в его бумаги, телеграммах, телефонограммах и т. д.

Но никто никогда не обижался за «проборку» от Ленина. Коммунист или вообще советский человек, «обижаящийся» на Ленина, — это какая-то безвкусица и даже просто невероятная фигура.

Ленина, наоборот, все с каждым часом все больше и больше любили, помогал ли он, хвалил ли, журил ли.

Когда Ленин заболел, Совнарком чувствовал себя осиротевшим. И когда после длительного периода болезни он вновь появился на заседании — событие это было встречено с какой-то тревожной, таившей в себе грусть, радостью.

Ленин был не совсем тот. Он надел большие очки, чтобы предохранить глаза, и это меняло его. Он по-прежнему бодро вел заседание, прекрасно вникал в суть дел, предлагал окончательные резолюции, но в его речи чувствовалась какая-то беспokoившая затрудненность. Наркомы шептались между собой: «Поправился, выздоровел, еще есть следы болезни, но пройдет, наладится», но вместе с тем где-то в глубине сердца таилось мучительное сомнение. И Ленин вновь скрылся с нашего горизонта, и на этот раз уже окончательно.

ЛЕНИН:
«Я НАЗВАЛ БЫ ЭТО
МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДОЙ»¹

11 апреля 1918 года большую группу художников, архитекторов, скульпторов пригласили в Моссовет. Было выдвинуто предложение о создании Московской коллегии по делам изобразительного искусства. Такого рода совещательный орган успешно действовал в Петрограде. Функция коллегии — координация работы художественных учреждений, оказание им помощи. В состав коллегии избрали В. А. Веснина, И. В. Жолтовского, А. В. Щусева, К. А. Коровина, П. В. Кузнецова, А. Н. Златовратского и меня. На первом рабочем заседании 14 апреля коллегия наметила практические меры по осуществлению принятого за два дня до этого декрета Совета Народных Комиссаров «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции».

Этот декрет, а также последующие постановления Совнаркома о памятниках вошли в историю как ленинский план монументальной пропаганды. Бессмертно значение этих документов. Они говорят о первостепенном значении искусства в социалистическом обществе. План монументальной пропаганды сблизил художников с идеями партии большевиков. Реализацией ленинской идеи искусство молодой Советской республики показало всему миру путь возрождения монументального художественного творчества, убитого задолго до Октября 1917 года пошлостью, продажностью буржуазного общества.

Владимир Ильич рассматривал наши творческие способности как активную силу в созидании нового человека, новой жизни. «Вы помните,— говорил он А. В. Луначарскому,— что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным

---

¹ Печатается отрывок из книги «Мой век». Ред.

уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же... Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой... В разных видных местах, на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма, также, может быть, крепко сколоченные формулой, дающие оценку тому или другому великому историческому событию... Пусть это будут какие-нибудь бетонные плиты, а на них надписи возможно более четкие. О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю... Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы. Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры... Особое внимание надо обратить и на открытие таких памятников...

Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленьким праздником, а потом по случаю юбилейных дат можно повторять напоминание о данном великом человеке, всегда, конечно, отчетливо связывая его с нашей революцией и ее задачами»¹.

На мою долю выпало счастье принимать участие в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. Я горд этим. В первой части декрета Совета Народных Комиссаров от 12 апреля 1918 года говорилось, что «...памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц»². Был дан срок — 1 мая. Но из-за ведомственной неразберихи — за исполнение декрета отвечали Народный комиссариат художественно-исторических имуществ, Наркомпрос и Моссовет — за разборку памятников царям взялись только в летние месяцы. Я помню, как рабочие представляли лестницы, приступая к разрушению массивного истукана — памятника Александру II в Кремле. Затем таким же образом развалили и увезли памятник Александру III у храма Христа Спасителя.

Будучи председателем профессионального союза московских скульпторов, я состоял в Художественной коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Мне с товарищами

¹ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., «Советская Россия», 1968, с. 198—199. *Ред.*

² Декреты Советской власти, т. II. М., Политиздат, 1959, с. 95. *Ред.*

скульпторами поручено было подготовить доклад, с которым предстояло выступить на заседании Совнаркома. В результате горячего обсуждения мы выработали целый ряд принципиальных положений, которые составили содержание записки отдела изобразительных искусств Наркомпроса в Совет Народных Комиссаров. Вот что было в записке о проекте организации курсов на памятники выдающимся людям:

«По инициативе Председателя Совнаркома товарища Ленина комиссар народного просвещения сделал в заседании 27 мая предложение Художественной коллегии поставить памятники лицам, выдающимся в области революции и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства.

Памятники должны быть поставлены на бульварах, скверах и т. д., во всех районах г. Москвы с высеченными выписками или изречениями на постаментах или актуражах, чтобы памятники эти явились как бы уличными кафедрами, с которых в массу людей летели бы свежие слова, будирующие умы и создание мысли.

Вся трудность осуществления этой идеи заключалась в том, чтобы скорость воплощения ее не могла пойти за счет художественной стороны, ибо государство, каковым оно сейчас является, не может и не должно являться инициатором дурного вкуса.

Вот почему коллегия положила в основу организации дела совершенно новые начала, доселе у нас, да и во всем мире, может быть, еще ни разу не испробованные, не испытанные.

В основу плана коллегии положено, с одной стороны, привлечение наивозможно более широких и молодых сил скульпторов-художников, с другой стороны, вовлечение широких народных масс в участие в художественном творчестве.

Раньше, при бюрократическом режиме, объявляли такие условия конкурса, что работали на конкурс или по поручению заведомые генерал-художники или те из художников, которые были обеспечены материально и могли, не считаясь с потерей времени, принимать участие в конкурсе.

Результаты таких конкурсов общеизвестны. Сооружения их теперь убираются с площадей. Все молодые художники ютились по чердакам и темным комнатам, загнанные и забытые, не имея никаких гражданских прав. В искусстве все новое, свежее гналось и преследовалось всевозможными путями.

Примеров сколько угодно.

Таково было у нас положение художников, и особенно художников-новаторов.

Выход из этого один: привлечь молодые и свежие силы художников означенной профессии, те именно элементы, которым был всячески прегражден доступ к общественной работе, и дать возможность высказаться свободно ныне в свободной республике.

Отвергая поэтому всякие премии, Художественная коллегия находит целесообразным дать возможность свободно высказаться скульптору-художнику, лишь обеспечив его материально на время работы. Коллегия также считает необходимым при использовании данного конкурса уничтожить обычное жюри и остановиться на всенародном обозрении и суждении о проектах-эскизах уже на предназначенных местах.

Со дня передачи конкурса-заказа на исполнение должно пройти не более трех месяцев, в течение которых скульпторы должны сработать эскизы-проекты в виде ли бюста, фигуры и барельефа, из легкого материала, гипса, цемента и дерева и поставить на соответственные места, после чего всенародное суждение решит, какие проекты-эскизы должны быть приведены в законченное исполнение из твердого материала, бронзы, мрамора и гранита, и поручит тогда скульптору-автору. Работа должна быть закончена приблизительно к концу сентября текущего года.

Московская художественная коллегия полагает, что только при такой организации всего дела возможно наискорейшее и наилучшее выполнение идей тов. Ленина. Полагая вместе с тем, что это бы внесло большое оживление как в нашу мертвую художественную деятельность, так и бросило бы искру в художественное сознание народа, Московская художественная коллегия уверена, что в Совете Народных Комиссаров оно также встретит живое сочувствие и не будет отложено на неопределенное время».

Этот текст, а также предложения Художественной коллегии Наркомпроса составили содержание моего выступления на заседании Совнаркома 17 июля 1918 года. Там я впервые увидел Ленина.

Когда я пришел в Кремль, заседание уже началось. Меня пригласили занять место за длинным столом, накрытым зеленым сукном. С докладом о сооружении в Москве памятников великим людям выступал заместитель наркома просвещения историк М. Н. Покровский, затем председательствующий — Владимир Ильич Ленин — предоставил слово мне. Я поднялся и начал говорить. Владимир Ильич подался вперед, и я сразу же почувствовал, что он слушает меня с большим вниманием. Это помогло мне тогда как-то сразу войти в русло деловой обстановки заседания. Говорил я недолго, а в заключение зачитал список революционных и общественных деятелей, которым предполагалось воздвигнуть памятники.

Началось обсуждение. Народные комиссары дополняли список. Были названы имена Спартака, Робеспьера, Жореса, Гарибальди... Эти имена тут же были внесены в список.

Владимир Ильич спросил меня, какие меры необходимо принять, чтобы незамедлительно приступить к делу.

Я ответил, что, учитывая короткие сроки, намеченные Совнаркомом, надо установить постаменты и фигуры до наступления морозов. Скульпторы должны представить проекты памятников в гипсе, в натуральную величину. Я подчеркнул, что особенно важны первые проекты, которые будут приняты как показательные.

Владимир Ильич тут же спросил меня о примерной стоимости каждого монумента.

— Примерно восемь тысяч рублей, как в Петроградской коммуны. Там стоимость каждого памятника определена в 7 тысяч 910 рублей,— ответил я.

Владимир Ильич, внимательно выслушав мой ответ, подчеркнул, что именно такая сумма должна быть выделена каждому скульптору вне зависимости от его имени, а потом спросил меня, устроит ли нас, если все суммы будут выделены в трехдневный срок.

Я ответил:

— Вполне.

«Запишите в протокол: в трехдневный срок»,— сказал Владимир Ильич и обычную фразу «вопрос исчерпан» произнес как-то особенно приветливо, сопроводив ее одобрительной улыбкой.

Мне показалось, что мое участие в заседании длилось одно мгновение. Я раскланялся и вышел. В приемной остановился и перебрал в памяти только что происшедшее в моем присутствии.

Ленин. С этого часа он для меня дорогой и близкий человек. Как строго и деятельно вел он заседание! Насколько естествен и впечатляющ каждый его жест, каждое движение! Весь он озарен глубоким внутренним сиянием. Огромный, поистине сократовский лоб окаймлен слегка выющимися волосами. И волосы, и блеск глаз — золотистые.

Трудно передать сейчас, как понравился мне Ильич. Какой заряд сил влила в меня его бодрость!

Помню, как прямо к заседанию Совнаркома я поехал к ожидавшим меня в одной из комнат ИЗО Наркомпроса московским скульпторам. С волнением говорил я о том, какая ответственная и небывалая по своим масштабам задача возложена на нас теперь. Все присутствовавшие были чрезвычайно обрадованы, вдохновлены. Хотелось, не мешкая, приступить к работе.

15 августа, когда окончательно вывели и согласовали список предполагаемых памятников, состоялось общее собрание скульпторов, и весь небывало грандиозный заказ на основе принципа свободного внутреннего распределения был разобран немногочисленным, но, как оказалось, дружным коллективом московских скульпторов. Тогдашний руководитель Отдела изобразительных искусств Д. П. Штеренберг, живописец-формалист, незадолго перед революцией переехавший из Парижа в

Москву, человек безусловно далек от действительного понимания русского искусства, открыто выражал свое неверие в начатое дело: «Скульптурное мастерство стоит в России чрезвычайно низко: мастеров, которые могли поставить хорошие скульптурные памятники, у нас оказались единицы». О точности такого рода суждения в народе говорят: «Попал пальцем в небо». Скульпторы в России в ту пору поднимались превосходные, и ближайшие годы показали, на что они способны. Шервуд, Голубкина, Синайский, Мухина, Андреев, Меркуров, Шадр, Домогацкий — эти имена говорят сами за себя...

Документы того далекого, справедливым будет сказать, исторического времени сохранили память об энтузиазме молодых скульпторов. Вот итог распределения: Блапки — Якулов; Бебель — Пациорковский; Лассаль — Иткинд; Жорес — Страж; Спартак — Страховский; Тиберий Гракх — Бодильцов; Брут — Сергеев; Бабеф — Богословский; Дантон — Андреев; Марат — Имханицкий; Робеспьер — Сандомирская; Гарибальди — Пилляти; Степан Разин — Коненков; Бакунин — Королев; Пестель — Хаджи-Дувай; Рылеев — Мануйлова; Герцен — Ястребцов; Болотников — Кольцов; Халтурин — Алешин; Желябов — Сеницына; Перовская — Рахманов; Каракозов — Близниченко; Каляев — Лавров; Свеаборжцы — Захаров; Плеханов — Голиневич-Шишкина; Роберт Оуэн — Юрьевич; Шевченко — Волнухин; Кольцов — Сырейщиков; Радищев — Оленин; Некрасов — Соколов; Салтыков-Щедрин — Златовратский; Михайловский — Басенко; Глеб Успенский — Курбатов; Тютчев — Попенцев; Новиков — Мухина; Сковорода — Грандиевская; Байрон — Домогацкий; Гейне — Мотовилов; Руссо — Мануйлов; Гюго — Менделевич; Вольтер — Кудиков; Золя — Габович; Ибсен — Бабичев; Рублев — Ватагин; Александр Иванов — Щепанович; Суриков — Бромиский, Кипренский — Руссецкий; Врубель — Гюрджян; Верхарн — Меркуров; Козловский — Фомин; Казаков — Попова; Сезанн — Ленский; Мусоргский — Рюнджюнский; Римский-Корсаков — Радугина; Скрябин — Терновая; Бетховен — Смирнов; Шопен — Брейер; Мочалов — Жураковский; Комиссаржевская — Орановский.

В Москве развернулась небывалая в истории скульптуры деятельность по сооружению памятников. В годы «военного коммунизма», когда на молодую Страну Советов со всех сторон наседали враги, в Москве удалось открыть двадцать пять памятников, сорок семь памятников были подготовлены к постановке, и только чрезвычайные обстоятельства военного времени не позволили довести дело до конца.

Как можно видеть из приведенного выше списка, все признанные мастера, а также и молодые скульпторы включились в работу по реализации плана монументальной пропаганды. В этой подвижнической деятельности — сроки были крайне жесткие,

условия работы тяжелейшие — мы росли и мужали, всем сердцем, сознанием своим впитывая в себя музыку революции.

1 марта 1918 года Александр Блок записывает в дневнике: «Революция — это: я — не один, а мы».

* *
*

Сооружение памятников приобретало большой размах только благодаря стремлению всех членов Московского профессионального союза скульпторов. В трудной и увлекательной работе нам сопутствовала атмосфера товарищества. Мы, скульпторы, в своем кругу пылко обсуждали творческие и организационные вопросы. В работе выездного жюри и на общих собраниях неизменно присутствовал Николай Дмитриевич Виноградов, которому В. И. Ленин поручил практическое руководство программой монументальной пропаганды. На каждом шагу благодаря посредничеству Н. Д. Виноградова мы опирались на помощь Ленина. Владимир Ильич вникал во все наши беды и затруднения, предлагал места для постановки памятника. Владимир Ильич не давал покоя Луначарскому, не раз упрекал Московский Совет в медлительности, требовал привлекать к ответственности всех тех, кто саботировал нашу работу.

Глубоко знаменательно, что Владимир Ильич Ленин задачи пропаганды возложил и на монументальную скульптуру. Этот вид искусства по своей природе обращен и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. Ничто не имеет такой неисчерпаемой, массовой аудитории, как памятник на площади города.

Владимиру Ильичу принадлежит инициатива создания мемориала в память павших героев Октябрьской революции. В постановлении Совнаркома от 17 июля 1918 года записано: «Обратить особое внимание Народного комиссариата по просвещению на желательность постановки памятников павшим героям Октябрьской революции и, в частности в Москве, сооружения, кроме памятников, барельефа на Кремлевской стене, в месте их погребения»¹.

В августе Моссовет предложил шести скульпторам и архитекторам принять участие в конкурсе. Среди этих шести был и я. В середине сентября жюри рассмотрело проекты. Четыре из них — скульпторов Бабичева, Гюрджяна, Мезенцева и художника Нивинского — были отвергнуты. Мой проект и проект архитектора Дубиневского при голосовании получили равное число голосов. После открытого обсуждения комиссия избрала мой проект, дав такую мотивировку своего решения: «Примущество произведения Коненкова, по мнению экспертов, выражается в том, что, как цветное, оно побеждает тот серый полумрак, ко-

¹ Декреты Советской власти, т. III. М., Политиздат, 1964, с. 48. *Ред.*

торый царит в этом месте. Помимо этого, по своему внешнему виду доска будет вполне гармонировать со всей площадью, где находится многоцветный собор Василия Блаженного, золото куполов и крашеная черепица башен.

По своему художественному построению произведение это вполне гармонично: все части уравновешены, линии просты и легко воспринимаемы глазом, отношение глубины рельефа к широким плоскостям его правильное, не развлекающее глаз и обеспечивающее ясность восприятия темы «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

Темой взяты не временные моменты борьбы, а конечные идеалы, изображая победу мира над войной, причем мощь фигуры указывает на силу того, кто несет этот мир».

Этот отзыв о моем проекте 21 сентября 1918 года напечатала «Правда».

Помню, «Правду» принес в мастерскую дядя Григорий. А в мастерской — пыль и гром. Я вместе со своими помощниками, старыми друзьями Иваном Ивановичем Бедняковым, форматорами Савинским и Королевым, расчищал место для будущего монументального барельефа размером 7 × 8 аршин. Приходилось забывать о сне и отдыхе: работу, на которую в обычных условиях было бы мало года, надо было совершить за месяц. Предстояло разрешить и многие технические трудности. Чтобы этакая махина не развалилась при монтаже, решили «разрезать» ее на 49 кусков и каждый кусок прикрепить специальным болтом к соответствующей металлической пласке, вделанной в Кремлевскую стену.

Тут же, в тесной мастерской, отливались и окрашивались цементные куски мемориальной доски. Приходилось разрешать и довольно сложные скульптурно-живописные задачи: я все время помнил, что доска должна смотреться «живописным пятном на затемненном фоне Кремлевской стены». Вся мастерская заставлена чанами с глиной и мешками цемента; теснота, спешка. И все же самое трудное позади.

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать» — как это проникновенно сказано Блоком. Но как средствами пластики достойно продолжить взволнованный монолог гениального поэта?

Я стремился подняться над частностями, обыденностью. Задача требовала образа мирового звучания.

Ключ к решению найден был, конечно же, не в заоблачных высях, а на земле. Я вспомнил виденный мною в барском доме моей тетки Марии Федоровны Шупинской гобелен «Америка».

Женщина из племени Орла. Гордая дочь племени североамериканских индейцев с венцом из орлиных перьев на голове дала толчок фантазии. Тонкие шелка гобелена, вышитого кре-

постными девушками, подсказали — барельеф на Кремлевской стене будет цветным. (Впоследствии, живя в Америке, я узнал, что орел у североамериканских индейцев — символ Солнца. Сам того не зная, я воспользовался мировой символикой.)

Никогда я не работал с таким увлечением. Один набросок следовал за другим. Зрелище освобожденного Кремля, заря над Москвой, гобелен, вышитый еще во времена крепостного права, — эти видения возбуждали фантазию, в бесчисленных карандашных рисунках слагались в патетический образ. Во время работы над реальной доской он уточнялся, вбирая в себя все новые краски жизни, возбуждая в нас революционное чувство.

В октябрьские дни 1918 года, когда Советская республика готовилась отметить первую годовщину своей жизни, на улицах звучали революционные песни, и мне так хотелось, чтобы на древней Кремлевской стене зазвучал гимн в честь грядущей победы и вечного мира.

Во время установки мы дневали и ночевали у Кремлевской стены. Во время работы ночью стояла охрана и горел костер. Проходившие спрашивали: «Что тут происходит?» А одна старушка поинтересовалась:

- Кому это, батюшка, икону ставят?
- Революции, — ответил я ей.
- Такую святую я слышу в первый раз.
- Ну что ж, запомни!

Наконец все готово.

Торжественный красный занавес скрыл широкими складками доску, которую должен был открыть Владимир Ильич. Возле доски возвышался помост, а чуть в стороне — высокая, со многими ступенями трибуна.

С утра 7 ноября 1918 года Красная площадь начала заполняться делегациями заводов и фабрик, красноармейских частей. День ясный, холодный.

Было известно, что Владимир Ильич прибудет на Красную площадь вместе с колонной делегатов VI съезда Советов. Выглядывая долгожданную колонну, я несколько растерялся, когда увидел Ленина, идущего к Сенатской башне. На нем было пальто с черным каракулевым воротником и черная каракулевая шапка-ушанка. Он поздоровался со всеми присутствующими, со мной, как со старым знакомым, сказав: «Помню, помню нашу беседу в Совнаркоме».

Началась короткая церемония открытия.

К стене была приставлена небольшая лесенка-подставка, на которую должен был взойти Владимир Ильич, чтобы разрезать ленточку, соединявшую полотнища занавеса. Ленточка была запечатана.

Я держал в руке специально сделанную мной ко дню открытия живописную шкатулку, в которой лежали ножницы и вы-

ношенная мною деревянная печатка. На ней значилось: «МСРКД» (Московский Совет рабочего-крестьянских депутатов).

Владимир Ильич обратил внимание на шкатулку и на печатку:

— А ведь это надо сохранить. Ведь будут же у нас свои музеи, — взял и стал внимательно рассматривать печатку, а потом передал шкатулку с печаткой одному из товарищей, стоявшему рядом.

— Передайте в Моссовет. Это надо сохранить, — сказал Владимир Ильич.

Я передал пожницы Владимиру Ильичу. Он разрезал красную ленту. Когда раскрылся занавес, заиграл военный духовой оркестр и хор Пролеткульта исполнил кантату, написанную специально ко дню открытия. Автором музыки был композитор Иван Шведов, слова написали поэты Есенин, Клычков и Герасимов.

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.
Новые в мире зачатъя,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.
Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

Под звуки кантаты все собравшиеся у Кремлевской стены в молчании внимательно рассматривали мемориальную доску.

Крылатая фантастическая фигура Гения олицетворяет собой Победу. В одной ее руке — темно-красное знамя на древке с Советским гербом; в другой — зеленая пальмовая ветвь. У ног фигуры — поломанные сабли и ружья, воткнутые в землю. Они перевиты траурной лентой. А за плечами надмогильного стража восходит солнце, в золотых лучах которого написано:

ОКТЯБРЬСКАЯ 1917 РЕВОЛЮЦИЯ

На мемориальной доске, внизу, начертаны слова:

ПАВШИМ В БОРЬБЕ ЗА МИР И БРАТСТВО НАРОДОВ

Эти слова были девизом моей работы, и мне радостно сознавать, что они были одобрены и утверждены В. И. Лениным.

Только замолкли оркестр и хор, как Владимир Ильич поднялся на трибуну и произнес свою теперь широко известную речь, посвященную борцам Октябрьской революции,

«На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу...

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы», — говорил Владимир Ильич¹, и его с величайшим вниманием слушали все собравшиеся на Красной площади.

Десять лет спустя Владимир Маяковский в октябрьской поэме «Хорошо!» отдал дань святому для каждого советского человека месту — братской могиле красногвардейцев, погибших при штурме Кремля:

И лунным
                                пламенем
  озарена мне
площадь
                        в сиянье,
  в яви
  в денной...
Стена —
                        и женщина
  со знаменем
склонилась
                        над темп,
  кто лег под стеной².

Мемориальная доска принадлежит истории. Она напоминает о личном участии В. И. Ленина в становлении советского монументального искусства и революционных традиций.

Мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов» находилась на Сенатской башне Кремля до 1948 года, когда из-за повреждения была снята. В 1963 году в канун своего девяностолетия я отреставрировал памятную доску, и она после этого экспонировалась на юбилейных выставках в Москве и Ленинграде. Сейчас мемориальная доска включена в экспозицию Русского музея, а для Кремлевской стены изготавливается из вечных материалов дубликат.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 171, 172. *Ред.*

² Маяковский В. Хорошо! М., Художественная литература, 1963, с. 154. *Ред.*

В дни празднования первой годовщины Октября в Москве один за другим открывались памятники. И за мной «числился» памятник Степану Разину. Может быть, кто-то со стороны мог так сказать: «числится за Коненковым», а для меня это был не подряд, пусть и почетнейшего свойства, а настоятельная необходимость представить на суд людской своего Разина.

Степан Разин реял в моем сознании несколько лет. Мужественный «Бурлак» — сильный, строгий мужик с трубкой во рту, вырубленный в пятнадцатом году, поманил меня на вольный волжский простор, и я услышал скрип уключин разинских челнов и не день, не два, а долгие месяцы вынашивал в себе образ грозного атамана, силился представить себе лик его, сдвинутые брови на высоком челе, веселую отчаянность в орлином взгляде, презрительную усмешку на губах.

Я пошел в Совет казачьих депутатов. Председателем там был Макаров — дельный парень, уважаемый среди казаков человек. Объяснил ему, в чем моя просьба: так мол, и так, нужны мне твои донцы-молодцы, чтобы было с кого снимать обличье Разина и его ближайших друзей.

— А кто его ближайшие-то друзья? — хитровато сощурившись, спросил Макаров.

— Про то тебе и казакам лучше знать... — пошел я ему навстречу.

— Верно. То память наша — донских казаков. А были в его челне, как про то деды сказывали, Ефимыч Рулевой, Митрич Борода, есаул Васька Ус, Петруха Губанов, татарин Ахмет Иванович...

— Товарищ председатель Макаров, а как же ты княжну-царевну не вспомнил? — подал голос бородастый рослый воин. — Тут-то Степан Тимофеевич и показал свой характер. Ради святого товарищества навек расстался с красавицей.

Макаров откомандировал в мое распоряжение полное отделение — десять казаков: и молодых, и почти безусых, и бородастых ветеранов. Между нами шел долгий упрямый спор. Молодые говорили:

— Зачем Разина — революционного героя в компании с бабой изображать?

На это им бородастые витязи Октябрьской революции повторяли свой тезис:

— Степан Тимофеевич сказал: «Ничего не пожалею ради дружбы казацкой, ради товарищества», так и поступил, а раздор-то был из-за бабы, этой самой персидской княжны.

Так в композиции «Степан Разин с ватагой» волею красных казаков-ветеранов оказалась персидская княжна.

И Степан Тимофеевич, и его ближайшие сподвижники были вырублены из сосновых кряжей, а княжна отлита из цемента. Что ни говори, как не опевай ее, горемычной, судьбу, пусть временно, пусть случайно, но она была в челне.

Казаки — народ могучий, вольный, а тут, в Москве, силу девать некуда. Бывало, топчутся, гогочут. Тесновата для их широких натур моя мастерская. Ищут они какой-никакой забавы. Был среди них ладный здоровяк, Мишухой его звали. Тот подогрется чаркой и пристаёт все с одним вопросом к строгому и поровистому дяде Григорию.

— Григорий, а Григорий, позволь мне с Сергеем Тимофеевичем подраться.

— Попробуй, попробуй, — угрожающе гудел Карасев. И было в этом его «уговоре» нескрываемое ехидство. Дескать, коль свяжешься, так многих ребер не досчитаешься. Дядя Григорий не раз был свидетелем богатырских турниров среди моих друзей. В ту пору я мог согнуть подкову, в пальцах смять масивный царский пятак.

Мишка, вняв предупреждению, брал в руки венский стул и ловко бил его об пол, да так, что стул подпрыгивал выше его кудлатой головы.

— Артист... артист... — скептически произносил Карасев. — Только шел бы ты свои фокусы показывать в цирк, а еще лучше — в свою казарму.

Лютую, голодную зиму 1918/19 года я прожил так, что не заметил, как нагрелась дружная весна. «Разин с ватагой» готов был двинуться навстречу людям.

Намечали на некоторое время установить скульптурную композицию на Красной площади для всенародного осмотра, а потом поместить в музей. Разин со своим окружением настолько увлек меня, что я шаг за шагом уходил от монументальности к психологической многоплановости. В результате вышло то, что должно было выйти, — скульптурная композиция, рассчитанная на круговой обзор в музейном зале. И масштаб, и материал (дерево), и характер моделировки — все для восприятия в интерьере. Но впервые москвичи увидели «Разина с ватагой» на лобном месте Красной площади в ясный теплый день 1 мая 1919 года. Я предполагал в будущем вновь вернуться к этой замечательной теме народного эпоса. Выполненную же в 1919 году группу можно было рассматривать как эскиз будущего памятника. Тогда же важно было напомнить массам о выдающихся народных борцах. Как и ожидали, открытие памятника Степану Разину вылилось в большое событие.

Красная площадь была переполнена. Море голов и знамен. Чудесный весенний первомайский день.

На открытие памятника прибыли представители революционного казачьего комитета. В этом была своеобразная пере-

кличка веков. Красные кавалеристы с пиками красовались на чистокровных кончаках, как былинные герои — наследники славы Разина. И все это происходило там, где два с половиной века назад на черной плахе, установленной против лобного места, стрельцы четвертовали народного героя.

Никогда не забыть мне, как шел Владимир Ильич к лобному месту. Он был без пальто, в своем обычном костюме. Ликующая толпа, словно по мановению волшебной палочки, расступилась перед ним, образуя широкий коридор через всю площадь.

Владимир Ильич шел быстрой, деловой походкой. Вот приблизился к нам. Народ, собравшийся на митинг, аплодисментами и восторженными криками приветствовал вождя революции. Владимир Ильич дослушал оратора (выступал представитель оренбургского казачества) и взошел на лобное место. Он оперся рукой на деревянный барьер трибуны, а потом, приковав внимание многотысячного митинга характерным энергичным жестом — выброшенной вперед, вверх рукой, начал речь о Степане Разине.

Речь была короткой, но произнес ее Владимир Ильич с огромным подъемом¹.

Когда спустя много лет я решился взяться за скульптурный образ Ленина, он как живой стоял передо мной именно таким, каким я его видел на лобном месте во время произнесения речи о Степане Разине. Я изобразил Ленина говорящим.

Митинг по тогдашней прекрасной традиции закончился пением «Интернационала»...

*   *

*

В начале 1920 года был объявлен конкурс на памятник «Освобожденному труду». 1 мая того же года у храма Христа Спасителя в Москве на месте спесенного памятника царю Александру III состоялась закладка памятника.

Набережная Москвы-реки была заполнена народом. Речь на митинге, посвященном закладке памятника «Освобожденному труду», произнес В. И. Ленин. В этой речи Владимир Ильич поставил перед искусством большую творческую задачу — прославить свободный труд.

По окончании митинга А. В. Луначарский предложил Владимиру Ильичу отправиться в Музей изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), где были выставлены проекты монумента «Освобожденный труд».

Мне посчастливилось идти рядом с Лениным. Запомнилось, что кепку он нес в руке. По дороге говорили о субботнике, который состоялся в тот праздничный день утром.

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 326. *Ред.*

В музее Владимир Ильич обошел выставку проектов. Ни один из них полностью не удовлетворил его. Некоторые из проектов футуристического плана вызвали в Ленине протест, другие он рассматривал сочувственно. Архитектор Вячеслав Константинович Олторжевский рассказывал впоследствии, что мой рисунок (макет я не успел приготовить) понравился Владимиру Ильичу. Это была устремленная ввысь, как бы летящая, фигура женщины. Руки ее были распростерты, как крылья. Символизируя освобождение, с плеч спадали декоративные драпировки.

На выставке в Музее изящных искусств, очевидно вследствие влияния руководящей роли Штеренберга, ощущалось засилье формалистов. Это удручало Ленина. И он не без иронии в адрес Луначарского, терпимо относившегося к формалистическим «искажениям», закончил разговор широко известной теперь фразой:

«Пусть в этом разбирается Анатолий Васильевич!»

Почему-то эту ленинскую фразу чаще всего трактуют так, что, дескать, Владимир Ильич отстранился от спора, считая себя некомпетентным в вопросах искусства. На самом деле это тогда прозвучало как сделанное в иронической форме замечание в адрес Наркомата просвещения, отвечавшего за подготовку конкурса.

ОН ОКРЫЛЯЛ НАС

С Владимиром Ильичем Лениным у меня было несколько встреч и бесед по вопросам моей тогдашней служебной деятельности. Одна из них состоялась сразу же после переезда правительства из Петрограда в Москву и касалась облегчения топливного кризиса в Москве. Было это в марте 1918 года, когда я посетил В. И. Ленина в его рабочем кабинете в Кремле.

Он сидел в обычной своей позе за письменным столом и чрезвычайно внимательно и вдумчиво выслушал мое сообщение.

Речь шла об организации крупнейшего по тогдашнему замыслу торфяного хозяйства на Шатурских массивах, о постройке в будущем на базе использования этого местного топлива крупной районной электрической станции. До осуществления этих сооружений я предлагал для самых жизненных и необходимых столичных учреждений возить торф с Шатурских разработок в Москву по железной дороге.

Сердце страны, столица государства — Москва — не снабжалась в достаточном количестве ни донецким топливом, ни нефтью, а вскоре каменноугольные и нефтяные районы и вовсе были отрезаны.

Ленин сразу оценил реальность задачи, сущность которой я ему изложил, и здесь же, в кабинете, он принял твердое решение.

В области нового, советского промышленного строительства решение о строительстве опытной Шатурской электростанции может считаться одним из первых, принятых Советской властью.

По этому же делу, но уже по вопросам его развития, я бывал у Владимира Ильича еще несколько раз.

Однажды мне пришлось обратиться за его содействием по вопросу демонтажа двух бездействовавших котлов с трамвайной станции, которые предполагалось установить на опытной

Шатурской станции для радикального разрешения вопроса правильного сжигания торфа.

И этот — опять-таки совершенно специфический и весьма технический — вопрос Владимиром Ильичем был сразу оценен, и, быть может, этой поддержке и этой вере, которую Ильич умел вселять в своих собеседников, мы обязаны были тем огромным успехам в сжигании торфа, подобного которому до того не встречали в этой специальной области техники.

Усилившиеся топливные затруднения, отразившиеся даже на снабжении Москвы дровами, привели к тому, что работы по организации Шатурских торфоразработок чрезвычайно форсировались и мы были в состоянии хотя бы изредка доставлять по железной дороге торфяные составы для обеспечения топливом больницы, хлебопекарен и т. п.

В конце того же 1918 года я возглавлял вновь созданный орган по электростроительству и развитию электроснабжения в стране. Я имел тогда несколько бесед с Лениным, как личных, так и во время дебатов на заседаниях Совнаркома и Совета Рабочей и Крестьянской Обороны.

Вскоре возникли два новых и чрезвычайно активных учреждения. Для разработки государственного плана электрификации России была создана специальная комиссия (ГОЭЛРО). Почти одновременно инженеру Р. Э. Классону, которого лично знал В. И. Ленин еще с 90-х годов по Петербургу, была предоставлена широкая возможность осуществить новые методы добычи торфа, так называемый гидроторф. В. И. Ленин уговорился с Классоном, чтобы тот ему сообщал, что нужно для успеха этой работы. Путем распоряжений, часто при помощи телефонных звонков Ленин всячески помогал Классону.

В последний раз я встретился с В. И. Лениным во время его последнего председательствования в Совнаркоме. Встреча вышла совершенно случайная в коридоре Совнаркома, куда он вышел во время перерыва.

Мы были совершенно одни, и он сказал мне всего несколько фраз. Но и эти последние фразы свидетельствовали все о той же заботе Ильича о хозяйственном возрождении страны. Он говорил со мной о шатурских работах, которые были в самом разгаре и были закончены через несколько месяцев после его смерти.

Шатурской электростанции при ее открытии было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. В это дело — одно из первых крупных советских строителей — Ленин вложил много забот. Он окрылял нас, строителей и работников станции, духом творчества и любви к труду.

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА И ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Нет ни одной отрасли народного или государственного хозяйства и управления, где бы в той или другой степени не был выявлен огромной мощности организаторский талант Владимира Ильича. И государственная статистика обязана своим существованием этому великому строителю Советского государства.

Статистика для Владимира Ильича была не только необходимым органом управления и хозяйствования, но она для него в его научно-теоретических и научно-публицистических работах являлась главным и основным орудием исследования. Его классическая работа «Развитие капитализма в России» основана на статистическом материале земских и неземских статистических изданий. В этой блестящей по языку, глубокой по теоретическому анализу и богатству фактического (статистического) материала работе дан образец того, как надо уметь читать толстые томы статистических изданий и как извлекать из колонок мало говорящих для неспециалистов цифр блестящие аргументы для доказательства глубоких идей. Для нас, статистиков, эта книга останется образцом научного использования статистических материалов, а также памятником того, как бесстрастные цифры приобретают способность ярко-пламенно говорить о великих идеях и великой классовой борьбе.

Вторая его работа, посвященная кустарной промышленности Пермской губернии, является мастерским образцом анализа статистического материала.

Мне не раз приходилось беседовать с Владимиром Ильичем по статистическим делам, и всегда я чувствовал, что в лице великого вождя революции, организатора огромного пролетарского государства передо мной находится глубокий знаток и выдающийся аналитик статистических материалов, и таково изумительное богатство натуры, что, будучи практиком в статистике, он понимал до тонкости, именно до тонкости, даже мелочи и особенности организации статистических работ.

Для разработки программы исследования промышленности и программы разработки переписи сельского хозяйства 1917 го-

да ВСНХ созвал весной 1918 года съезд статистиков, на котором мною был представлен проект организации государственной статистики. Рассмотренный и обсужденный съездом, этот проект был затем представлен в Совет Народных Комиссаров.

По поводу организации государственной статистики (о рассмотрении представленного в Совет Народных Комиссаров проекта) я имел продолжительный разговор с Владимиром Ильичем. Я шел к нему с глубокой уверенностью, что горячее желание всех статистиков — организовать государственную статистику — найдет самое живейшее сочувствие в его лице. Государственная статистика создавалась в условиях жесточайшего саботажа со стороны чиновнической интеллигенции. Этот саботаж среди наших земских статистиков не имел места. Мы в прежнее время всегда были на положении гонимого элемента, причем земские статистики пользовались особым «вниманием» царского правительства. К чиновничеству земских статистиков трудно было причислить. Вполне естественно, что земские статистики первые как корпорация поставили вопрос о такой системе государственной статистики, которая давала бы Советской республике основные данные для планового строительства, и свои проекты организации статистики в республике принесли с глубокой верой на рассмотрение Владимира Ильича.

Проект государственной статистики был детально разработан: он предусмотрел схему органов как центральных, так и местных. Но необходимо было получить со стороны Владимира Ильича принципиальные указания по ряду вопросов.

Когда я явился к Владимиру Ильичу, он был уже в курсе вопроса. Внимательно выслушал Владимир Ильич мой доклад, задал мне ряд вопросов, касающихся организации государственной статистики, о работах земско-статистических бюро и подтвердил правильность системы, по которой земские и городские статистические бюро, а в Сибири и Туркестане переселенческие статистические бюро, построенные по типу земских, являются основанием государственной статистики, ее местными органами. При этом он указал, что уже по его работам хорошо известно, что земские статистические бюро являются лучшими из тех, что есть в прошлом статистики. Тут же он вспомнил о некоторых земских статистиках — Каблукове, Кислякове и других, которых лично знал или работы которых ценил. Интересовался он также вопросом о том, в какой мере правительственная статистика принимала участие в статистике советских республик. Но мое замечание, что работники правительственной статистики принимают минимальное участие в работах, вызвало с его стороны замечание, что того и надо было ожидать.

Затем Владимир Ильич с определенной ясностью, которая так ему была свойственна, подтвердил правильность, рациональность и своевременность организации единой центральной ста-

истики и необходимость ликвидации центрального статистического комитета как общего статистического органа и передачи им материалов и инструментов будущему аппарату государственной статистики. Он также нашел правильным и то положение, при котором при комиссариатах должна быть только такая статистика, которая обслуживала бы их технические нужды, статистика служебно-прикладная, и что задача изучения отдельных отраслей народного хозяйства — дело государственной статистики, которой и должно принадлежать право общего руководства всеми статистическими работами в республике, согласование и утверждение статистических программ текущих работ отдельных ведомств. Владимир Ильич настойчиво указывал, что государственная статистика должна идти в направлении методического изучения народного хозяйства в целом.

Вопрос о том, где должна состоять государственная статистика, то есть какое место она должна занимать в государственном управлении, разрешил Владимир Ильич в том смысле, что по целям, которые должны быть поставлены государственной статистике, она должна иметь место не при каком-либо комиссариате, а при Совете Народных Комиссаров как высшем государственном органе.

Затем Владимир Ильич указал, что из его работ он убедился, что статистика, так же как и другие научные дисциплины, ставит проблемы и разрешает их в интересах определенных классов, и что он надеется видеть в лице государственной статистики учреждение, работающее в интересах пролетариата и революции.

Таким образом, Владимир Ильич одобрил общий принципиальный вопрос организации государственной статистики, дал точные указания, в каком направлении должен разрешаться вопрос о конституции государственной статистики, и одобрил программу работ, намеченных планом.

Благодаря же Владимиру Ильичу этот проект и был утвержден СНК 25 июля 1918 года. Тогда же и последовало постановление о моем назначении на должность управляющего Центральным статистическим управлением. С этого момента началась моя работа с Владимиром Ильичем. За время своей работы я получал очень часто от него задания по экстренному использованию как тех статистических материалов, которые поступали в Центральное статистическое управление, а также задания, связанные с производством новых статистических операций.

В тяжелом материальном положении находилась республика, и много она не могла уделять государственной статистике. И только с помощью Владимира Ильича мы получили помещение. Только с помощью его нам удалось защитить это помещение от тех, кто хотел использовать его для клуба или даже для постановки отдельных спектаклей.

Но всегда Владимир Ильич приходил ЦСУ на помощь. Распоряжения по телефону Владимира Ильича, иногда его записка производили магическое действие, и государственная статистика могла продолжать работать спокойно.

А перепись 1920 года? Разве возможно было ее произвести без личного воздействия и помощи Владимира Ильича?

Не было бумаги — Владимир Ильич делал распоряжение, и фабрики, работающие для газет, занимались производством бумаги для переписи, а для газет бумага закупалась в Финляндии. Но фабрики, на которые было возложено производство бумаги для переписи, не могли производить работу за отсутствием продовольствия для рабочих, дров для отопления, сукна для машин и... кирпичей. И вот по предложению Владимира Ильича Совнарком создает комиссию под моим председательством, которой дается право требовать от всех учреждений всего того, что необходимо для работ фабрик, а учреждения обязаны были без замедлений выполнять требования комиссии. Только с помощью Владимира Ильича я мог отвоевать у А. В. Луначарского учителей для производства переписи. Не было денег — Владимир Ильич давал их. Да, перепись 1920 года всецело ему обязана своим осуществлением. А другие работы? Разве в то время, при отсутствии ресурсов у государства, они могли бы производиться без помощи Владимира Ильича?

Бросая взгляд назад и восстанавливая те взаимоотношения, которые установились между Владимиром Ильичем и государственной статистикой, для меня отчетливо выявляется то положение, что в лице Владимира Ильича государственная статистика потеряла вдохновителя, учителя, да, учителя, ибо Владимир Ильич обладал методом, методом максимального использования статистических цифр, методом, позволяющим ему делать обобщения над таким статистическим материалом, который в руках других ничего, или почти ничего, не говорил.

Да, это был учитель и творец метода. И совершенно правильно поступило ЦСУ, когда решило почтить память Владимира Ильича созданием при ЦСУ Статистического института имени Владимира Ильича для изучения народного и государственного хозяйства, где будут производиться исследования под углом и с помощью того метода, который завещал нам этот величайший экономист и глубокий аналитик статистических материалов.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН¹

Первое время после переезда правительства в Москву Владимир Ильич жил в I Доме Советов («Националь») и каждый день ходил в Кремль пешком, без всякой охраны. Вообще вплоть до злощастного покушения Каплан Ильич всюду ходил и ездил один, категорически возражая против того, чтобы его сопровождала охрана. Только после покушения Ильич вынужден был подчиниться настояниям товарищей и дать согласие на организацию охраны, да и то нередко уходил или уезжал без сопровождения.

Недели через две после приезда в Москву, в конце марта 1918 года, Владимир Ильич переселился из I Дома Советов в Кремль. Некоторое время спустя в Кремль переехали Свердлов, Аванесов, Демьян Бедный и ряд других товарищей.

Сначала Владимир Ильич поселился в совсем крохотной двухкомнатной квартирке в Кавалерском корпусе, затем переехал в здание Судебных установлений, в то же помещениис, где был и Совнарком. Здесь квартира была тоже небольшая, всего четыре маленькие комнаты. Особыми удобствами она не отличалась, раньше здесь находилась не то квартира какого-то чиновника, не то подсобное помещение, толком не знаю, подбирали-то ее еще до моего приезда в Москву. Захламлена она была основательно. Зато находилась квартира в непосредственной близости от служебного кабинета Ильича — в одном и том же коридоре, и в этом было ее огромное достоинство.

Как только я вступил в свои права коменданта Кремля, Бонч-Бруевич привлек меня к работе по устройству постоянной квартиры Владимиру Ильичу, и я принял непосредственное участие в приведении помещения в жилое состояние.

Работы в квартире были проведены самые незначительные: побелили стены, даже не заклеив их обоями, поставили мебель.

¹ Печатается отрывок из книги «Записки коменданта Кремля». *Ред.*

Мебель мы подбирали вместе с Бончем, только самую необходимую. Знали, что никаких излишеств Ильич не допустит. Установили две простые металлические кровати: Ильичу и Надежде Константиновне, два письменных стола и один обеденный, совсем небольшой, примерно 1,5 на 2 метра. В столовой у стенки я поставил скромную деревянную этажерку, установил в прихожей несколько книжных шкафов, поставил полдюжины стульев — вот и вся мебель квартиры Председателя Совнаркома.

Как ни скромна была обстановка, Владимира Ильича она вполне устраивала. Непритязательность Ильича, его исключительная личная скромность и нетребовательность известны всем и каждому. Причем в этой скромности не было ничего показного, парочитого.

И в личной жизни и в отношениях с окружающими Ленин был предельно скромен, тактичен, порою даже застенчив. Однако при всей своей скромности и простоте Владимир Ильич всегда оставался Лениным.

Никогда и ни с кем Владимир Ильич не допускал и подобия панибратства. Бессчетное количество раз я видел Ленина беседующим с людьми, десятки раз мне самому приходилось говорить с Ильичем, говорить и с глазу на глаз и в присутствии других. С любым человеком, будь то нарком или рядовой рабочий, ученый, писатель или крестьянин, Ленин был очень внимателен, говорил ровно, без тени превосходства. Но весь его облик, все манеры, непоколебимая уверенность в своей правоте покоряли собеседника, кто бы он ни был. И каждый чувствовал, беседуя с Ильичем, что как Ленин ни прост, а человек он не простой, не обычный.

Ильич умел, когда надо, быть властным и суровым. Он мог, как мало кто другой, одернуть и поставить на место любого. Из всех людей, которых я знал, вряд ли кто другой мог так спокойно, не повышая голоса, одной-двумя фразами, скупым жестом осадить кого угодно, подчинить своей стальной, несокрушимой воле.

Нетребовательность Ильича в быту была потрясающей. В квартире у него было холодно: отопление-то дровяное, а дров не хватало. С дровами в Кремле было вообще туго. И ни разу ни Владимир Ильич, ни Надежда Константиновна ни слова не сказали, не пожаловались, что мерзнут, не предъявляли никаких претензий. Мне же было псевдомек, пока как-то не посетовала на холод Саша, работница в семье Ильича. Посетовала и тут же оговорилась:

— Только, ради бога, не выдавайте, Павел Дмитриевич, что я вам жаловалась. Узнает Владимир Ильич или Надежда Константиновна, попадет мне!

Та же история была и с продуктами. Питался Ильич плохо,

нередко оставался без сахара, чая, без крупы, уже не говоря о мясе, масле. Обеды он получал из той же кремлевской столовой, но обеды-то были никудышные. Жидкий суп, пшенная каша, одно время была солонина, красная кетовая икра — и все. И ведь это только обед, а надо еще завтракать, ужинать...

У меня всегда был некоторый резерв продуктов для неотложных нужд: кто заболит, внезапно придет, срочно уезжает, мало ли что бывало. Нередко я получал коротенькие записки от Аванесова, от других руководителей ВЦИК, а то и от Якова Михайловича выдать 20 фунтов хлеба делегации питерских рабочих; отпустить четверть фунта сахара заболевшему члену ВЦИК... Пусть мало, но продукты были. И ни разу ни Ленин, никто из его близких не обратились ко мне за продуктами. Больше того, несколько раз я пытался сам занести что-нибудь из провизии на квартиру Ильича, и всегда дело кончалось отказом.

Только когда у Владимира Ильича началось желудочное заболевание и Саша рискнула попросить у меня манной крупы, созрело у нас решение пойти на хитрость. Мы договорились с Сашей, что она будет по утрам ходить ко мне и брать необходимое для Ильича, не говоря ничего ни ему, ни Надежде Константиновне. Хитрость наша, однако, могла быть легко разоблачена, и я решил вовлечь в заговор Марию Ильиничну. После длительных уговоров она дала согласие звонить, если что будет нужно, и действительно звонила, но раз-два в месяц, не чаще.

А сколько раз, бывало, Ленину привозили или присылали любовно собранные продуктовые посылки! Слали товарищи, везли делегаты сел и деревень. И никогда Ильич ничего не оставлял себе, все передавал в школы и детские дома ребятам.

Вот, например, после взятия нашими войсками Ростова приехал в Москву Семен Михайлович Буденный, привез много подарков. Приходит ко мне в комендатуру и спрашивает, как передать гостинцы, присланные бойцами Первой конной Ильичу. Я отвечаю, что нет ничего проще. Приносите, мол, сюда, я передам.

Семен Михайлович рассердился:

— Благодарствую за совет, только такая помощь мне не нужна, передать-то я и сам уж как-нибудь передам.

Не знаю как, но в тот же день Семен Михайлович передал Ильичу все, что намеревался. А побывав у Ильича, не преминул вновь заглянуть в комендатуру:

— Без вашей помощи обошлись, товарищ комендант. Все как есть Ильичу вручил. Так-то!

Вручил так вручил, тем лучше, только на следующее утро звонит Владимир Ильич: зайдите, мол, ко мне. На квартиру.

Я пошел.

— Вчера у меня товарищ Буденный был. Замечательный товарищ! Вот он тут продукты привез, вы их возьмите, пожалуйста, и передайте в детский дом, ребятишкам. Непременно ребятишкам.

Так все и отдал, ничего себе не оставил.

А как одевался Владимир Ильич! Боюсь, что у него был всего один костюм. Очень чистый, опрятный, всегда аккуратно выглаженный (Владимир Ильич вообще не терпел никакой неопрятности, распушенности), но уже изрядно поношенный и, что ни говори, всего один. От силы два, не больше.

Собрались как-то Яков Михайлович с Феликсом Эдмундовичем и решили: надо Ильичу сшить новый костюм. Вызвали меня, велели достать материал, привести портного. Только, говорят, Ильичу пока ни слова. Узнает заранее — откажется. Надо его врасплах захватить.

Достал я материал, разыскал портного. Звоню Якову Михайловичу — готово.

— Ладно, — отвечает Яков Михайлович, — ждите команды.

Сижу в комендатуре, волнуясь. Портной возьме меня. Он и не знает, на кого ему шить придется. Проходит минут сорок — пятьдесят, звонит Яков Михайлович:

— Мы с Феликсом Эдмундовичем идем сейчас к Ильичу. Берите своего портного и минут через десять заходите туда же. Тут я сказал портному, что костюм-то Ленину.

— Ленину? — переспросил портной. — Самому Ленину? — Он вскочил со стула, руки трясутся. — Вы... вы шутите?!

— Нет, — говорю, — не шучу. Пошли!

Через несколько минут мы с портным входили в квартиру Ильича. Владимир Ильич, Яков Михайлович и Феликс Эдмундович о чем-то оживленно разговаривали в столовой. Яков Михайлович и Феликс Эдмундович сидели возле стола, а Владимир Ильич расхаживал взад и вперед по комнате, заложив большие пальцы в вырезы жилета и задорно посмеиваясь.

Увидев нас, Владимир Ильич остановился, с недоумением глянул на меня, на портного, повернулся к Свердлову и Дзержинскому. Те продолжали сидеть с невозмутимым видом. Яков Михайлович барабанил пальцами по столу, поглядывая в окно, а Феликс Эдмундович не спеша повернулся, протянул руку, взял со стоявшей у него за спиной этажерки первую попавшуюся книгу и принялся сосредоточенно ее перелистывать. Портной, часто дыша мне в затылок, переминался с ноги на ногу.

— В чем дело, товарищ Мальков? — первым прервал молчание Ильич. — Я как будто вас не вызывал. А за спиной кто это у вас прячется?

Не зная, с чего начать, я нерешительно шагнул вперед, чуть не силой втаскивая за собой вконец растерявшегося портного. На выручку пришел Яков Михайлович:

— По-видимому, товарищ Мальков привел портного, чтобы снять мерку. Такое у меня создается впечатление.

— Какую мерку, с кого? Что за ерунда? — Ильич начал сердиться.

— С вас, Владимир Ильич, с вас! — вступил в разговор Феликс Эдмундович.

— Позвольте, — перебил его Ильич, — позвольте! Да у вас, я вижу, целый заговор?

— Это уж как вам будет угодно, — невозмутимо продолжал Дзержинский. — Заговор? Ну, как известно, моя специальность скорее раскрывать заговоры...

Все расхохотались. Владимир Ильич с комическим вздохом развел руками:

— Ничего не поделаешь. Ваша взяла.

Он шагнул к портному, протянул ему руку:

— Здравствуйте, товарищ! Вы извините, что вас побеспокоили, я ведь и сам бы мог к вам приехать...

Феликс Эдмундович и Яков Михайлович переглянулись: как же, так бы и поехал! Между тем портной быстро снял мерку. Спустя несколько дней костюм был готов.

Так же скромно, можно сказать бедновато, одевалась и Надежда Константиновна. Платья на ней всегда были чистые, аккуратные, но из недорогой простой материи, изрядно попошенные.

Однажды сотрудники Наркомпроса, не помню уж сейчас, по какому поводу — то ли в день рождения Надежды Константиновны, то ли в Международный женский день, — решили сделать ей подарок. Собрали деньги, купили материал и сшили платье. Но когда Надежде Константиновне принесли и стали вручать подарок, она растерялась.

— Зачем вы это сделали? Мне ничего не надо. У меня все есть, все необходимое...

Как-то звонит мне Владимир Ильич:

— Товарищ Мальков, у меня накопилось много новых книг, надо бы их разобрать. Кстати, сегодня обещали поставить еще один книжный шкаф. Нельзя ли прислать кого-нибудь?

— Почему нельзя? Можно. Сегодня же пришлю.

А про себя думаю: «Никого не пошлю, сам пойду и разберу».

Часа в четыре, когда ни Владимира Ильича, ни Надежды Константиновны, ни Марии Ильиничны дома обычно не бывало, пошел и принялся разбирать книги.

Сажу на корточках, подбираю книги по алфавиту, прежде чем в шкаф поставить, вдруг у меня за спиной тихо открылась дверь. Кто-то вошел, постоял с минуту (я и не заметил), смущенно кашлянул. Оборачиваюсь — Владимир Ильич.

— Я вам не помешаю?

Я вскочил.

— Извините, Владимир Ильич. Не слышал, как вы вошли. Я сейчас уйду, потом кончу.

— Что вы, что вы! — замахал он руками. — Это вы извините, что я помешал. Мне тут одна книжица понадобилась. Я ее возьму и пойду, а вы не беспокойтесь, продолжайте работать. Большое вам спасибо за помощь.

Взял нужную книгу и ушел.

В другой раз позвонила Мария Ильинична и попросила послать кого-нибудь помочь переставить мебель в квартире: им с Надеждой Константиновной вдвоем трудно. Я, конечно, опять сам пошел. Увидели они меня, смутились. Зачем, говорят, вы себя затрудняете, мы уж как-нибудь сами. Затрудняю? Да я не мебель — горы для Владимира Ильича готов был ворочать, и силы бы хватило!..

*Мальков П. Записки коменданта
Кремля, с. 130—136*

С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

На ревальском ледоколе «Волынец» уходил из Эстонии последний отряд революционных моряков и красногвардейцев. Держим путь в Гельсингфорс. Здесь в феврале 1918 года я получил распоряжение немедленно выезжать в Петроград. Короткие сборы, прощание с товарищами и — в путь. Но на следующий день маршрут уточняется: Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет направляет меня в Москву. Я буду работать в Чрезвычайной комиссии по организации переезда Советского правительства из Петрограда в Москву. Председателем этой комиссии назначен старый большевик — архитектор Павел Петрович Малиновский. Владимир Ильич Ленин лично следил за нашей работой, часто давал советы комиссии.

О гениальном вожде рабочего класса я много слышал в 1912 — 1913 годах, будучи в эмиграции в Англии: после ленских событий мне пришлось покинуть Россию. Позднее, в период первой империалистической войны, я узнал на фронте, как Владимир Ильич боролся с «оборонцами». Но впервые видеть Ленина, слушать его неповторимое выступление мне пришлось на Чрезвычайном IV съезде Советов в марте 1918 года, когда обсуждался вопрос о ратификации Брестского мирного договора.

Помню, как сейчас, провокационные вопросы меньшевиков, их злобные реплики. Они мешали деловому обсуждению. Вначале Владимир Ильич терпеливо отвечал на их вопросы и реплики, но те не хотели уgomониться. Тогда Ленин под бурное одобрение большевиков процитировал меньшевикам известное изречение о том, что один дурак в состоянии задать столько вопросов, что десять умных людей на них не ответят.

Затаив дыхание, слушали мы Владимира Ильича, старались не проронить ни единого слова. Как просто, доходчиво говорил он о самых сложных вопросах! И каждый делегат съезда, каждый сидящий в зале большевик всем сердцем воспринял выступление Владимира Ильича, готов был отдать свою жизнь, все силы за дело трудящихся.

В первые недели работы в Кремле я боялся, что по своей неопытности не справлюсь с многочисленными заданиями. Больше всего пугало, что тов. Ленин сделает мне замечание, упрекнет в том, что я не знаю дела. Но я ошибался. Ильич был беспощаден только к тем, кто предавал рабочий класс, мешал пролетариату в его исторической борьбе с эксплуататорами. К рабочим, даже в случае ошибки, он относился как терпеливый учитель и отец. Это я испытал на себе, когда оказался впервые на большой административно-хозяйственной работе в Кремле.

В своих воспоминаниях хочется коснуться заданий В. И. Ленина по охране памятников старины, искусства, художественно-исторических и прочих ценностей России, реставрации Московского Кремля, ленинской заботы о людях труда. Воспоминания охватывают период с апреля 1918 по июнь 1919 года и относятся к фактам, известным мне по работе в Кремле в качестве комиссара управления народными дворцами, члена коллегии Наркомата художественно-исторических имуществ и председателя комиссии по реставрации Московского Кремля.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ, ИСКУССТВА

С первых дней Советской власти Владимир Ильич уделял исключительное внимание сохранности исторических и культурных ценностей. Учитывая близость военной зоны, Ленин уже в ноябре 1917 года распорядился приступить к проверке и эвакуации этих ценностей из Петрограда и пригородных дворцов в Москву. Там они хранились в кремлевских зданиях, Оружейной палате. Надо ли говорить, что все это было сохранено для будущих поколений благодаря заботам Владимира Ильича!

По указанию Ленина был организован самостоятельный Народный комиссариат художественно-исторических имуществ. Ему подчинили бывшие дворцовые и удельные ведомства, музеи, государственные театры, отдел охраны памятников старины и т. д. Создание такого комиссариата в то тяжелое время было проявлением большой заботы о сохранении исторических ценностей. Партия большевиков располагала для этого замечательными кадрами. Наркомат возглавил тов. Малиновский, а в комиссиях работали тт. Смидович, профессор Фриче, художник Орановский, архитектор Виноградов и другие.

Владимир Ильич интересовался, правильно ли организована охрана, надежна ли она, как отапливаются помещения, где хранятся исторические ценности. Ленин не согласился с мнением некоторых ответственных работников, пытавшихся доказать, что весь персонал младших служащих бывшего дворцового ведомства нужно распустить и оставить лишь одну военную охрану.

Владимир Ильич настоял на том, что прежняя гражданская охрана из проверенных младших служащих должна быть сохранена наряду с надежной военной охраной.

На всех наиболее ответственных пунктах были организованы посты военной и гражданской охраны. В Оружейную палату, где хранились исторические ценности и реликвии искусства (известная шапка Мономаха, шапка и скипетр царя Михаила Романова, коллекция оружия разных веков и просто ценности из золота и драгоценных камней), доступ был еще сложнее. В это помещение, где ученым хранителем был оставлен профессор Трутовский, вход разрешался только в присутствии ответственных дежурных, назначаемых комендантом Кремля тов. Мальковым, комиссаром управления народными дворцами и профессором Трутовским. Исключений не делали ни для кого.

Нельзя при этом не вспомнить и об исключительной роли тов. Ольминского. Его знают как верного соратника Ильича, литератора и преданнейшего большевика, но как организатор охраны исторических и художественных ценностей он мало кому известен. Между тем его роль администратора и прекрасного организатора в этом важном деле была немалая.

Изю дня в день тов. Ольминский следил за тем, чтобы правильно охраняли ценности, он даже ночью проверял, чтобы в помещениях была нужная температура, иначе дорогие картины и фрески могли испортиться.

Назначение М. С. Ольминского комиссаром кремлевских дворцов было сделано по указанию Владимира Ильича, причем это связано с обстоятельствами, не совсем приятными для меня.

Как-то в холодное время при обходе кремлевских дворцов и других сооружений Кремля я высказал Владимиру Ильичу мысль о том, что, на мой взгляд, можно снизить на несколько градусов температуру воздуха в тех помещениях, где хранятся картины, ибо с топливом трудновато. Выслушав меня, тов. Ленин с беспокойством спросил:

— Неужели вы это уже практиковали?

Не догадываясь, в чем дело, я ответил, что пока продолжаем топить по-прежнему, но, если топлива не хватит, придется снизить температуру в помещениях, где не живут люди. Я полагал, что картинам вреда не будет от небольшого снижения температуры в помещениях.

Владимир Ильич объяснил мне несуразность такого предложения и категорически запретил снижать температуру воздуха в помещениях, где хранились ценные картины и фрески. Он знал, что такое «хозяйственное» предложение могло возникнуть у меня только из-за неопытности. В отношении дров Ильич велел обратиться к Якову Михайловичу Свердлову. По мандату ВЦИК дрова в Кремль были доставлены. Чтобы предотвратить

«рациональные предложения» такого порядка, был рекомендован тов. Ольминский как опытный в этих делах человек.

Расширяя коммунистическое ядро в Кремле, способное организовать охрану исторических ценностей, народный комиссар Малиновский со своими помощниками продолжал работу по выявлению и учету новых художественных ценностей на территории РСФСР, не захваченной оккупантами и белогвардейцами. Во дворцах Московской области — Архангельском, в Кускове, Покровско-Стрешневе и других — была организована охрана памятников искусства и старины. Для этого привлекались в отдельных случаях даже бывшие управляющие, которые, видимо, ожидая возвращения своих хозяев, проявляли заботу о ценностях. Их работа ставилась под особый контроль местных Советов.

Для выездов вне пределов Москвы тов. Ленин давал нам свою автомашину. Таким образом нам удалось объехать и организовать охрану Архангельского дворца, замечательного памятника культуры XVIII—XIX веков, панорамы Бородинского боя 1812 года и т. д.

*Курортная газета. Ялта, 1960,
26 марта, с. 2*

НУЖЕН ХЛЕБ

В раннее апрельское утро 1918 года я вышел из квартиры, чтобы немного пройтись перед работой. Но сразу же на кремлевском дворе встретился с Я. М. Свердловым.

— Есть важное поручение, — сказал он. — Ночью правительство обсудило продовольственный вопрос. Назревает катастрофа. Не так страшна ощетинившаяся контрреволюция, как голод. Владимир Ильич предложил разослать во все губернии чрезвычайных уполномоченных. Надежда на Юг слабая, хоть и оттуда ждем хлеб. Нужна помощь скорая — из окрестных губерний. На твою долю выпала Тула. Ты там знаешь народ, мужика тульского знаешь. А в Туле беспокойно. Враги революции поднимают в деревнях восстания, убивают наших людей — лишь бы не дать хлеб. Тактика у врага ясная — уморить революционную Россию голодом.

— Когда выезжать?

— Через день, ну два — не позже. Сегодня будет совещание у Ильича. Готовься в дорогу. Возьмешь с собой отряды ВЦИК; с ними и решаю задачу. Помни — Москве и Питеру нужен хлеб.

Вскоре меня вызвал к себе нарком продовольствия А. Д. Цюрупа, чтобы заранее уладить все вопросы и не отнимать у Владимира Ильича лишнего времени на обсуждение организационных дел.

И вот я у Цюрупы. Нас трое — А. Д. Цюрупа, О. Ю. Шмидт и я. Цюрупа разворачивает карту Тульской губернии, указывает, в какое село выделить продотряд, намечает маршруты вывоза хлеба. Шмидт передает мне записку с приблизительными подсчетами запасов хлеба по селам, помещичьим имениям.

Днем состоялось короткое совещание у В. И. Ленина. Докладывал Цюрупа:

— В Москве хлеба на полтора дня. Больше запасов нет. То, что идет к нам, не спасет. Нужен хлеб.

— Кажется, все ясно? — спросил Ильич. — Ну, торопитесь. Хорошо, если бы сегодня вы выехали. И сразу же ждем хлеба. Советую брать хлеб не только руками продотрядов. Организуйте

местную бедноту: бедняк пойдет за вами. Берите хлеб у кулака, а середняка просите, чтобы продавал. Едут ли с вами агитаторы?

— Едут, Владимир Ильич.

— Как вооружены отряды?

— Хорошо.

— Люди надежные?

— Проверенные революцией.

— Это важно. И все же смотрите, чтобы не обижали крестьян. За каждый случай мародерства — суд и расстрел! Представители рабочего класса обязаны показать крестьянину свою силу и дисциплинированность. Даже продрозверстка должна вызывать симпатию к Советской власти. Мужик душою тянется к нам, ведь он получил землю, знает цену словам партии. И постоянно помните — деревня неоднородна.

На следующее утро наши эшелоны двинулись в Тулу. В штабном вагоне командир соединенных отрядов Константин Аргир развернул карту и объяснил дислокацию отрядов. Каждый командир знал, в каком селе будет его отряд. Задача ясна: с вокзала сразу по деревням — Москва и Питер ждут хлеба!

Руководитель тульских большевиков Григорий Каминский подробно рассказал мне о положении в губернии, расспросил, где и как расквартированы наши отряды. Я доложил, что большая часть отряда уже на юге губернии, что наша цель — не только взять хлеб, но и быть всегда готовыми принять бой и с кулачем и с белыми...

Во всех уездах напряженно работали отряды ВЦИК. День и ночь по проселкам разъезжали патрули, сопровождали обозы. Из-за хлеба часто завязывались бои с бандами. В селе Спасском, как рассказывали крестьяне, появились отец и сын Александровы — помещики. Они уговаривали крестьян не вывозить хлеб. По ночам младший Александров, офицер, вместе со своими друзьями нападал на обозы.

* *

*

Дела с хлебом были плохи, особенно в Новосильском уезде. Вместе с тульским большевиком Александром Иосифовичем Каулем я поехал в родные свои места. По дороге рассказал Каулю об Иване Петровиче Петрове, который возглавлял продовольственный отряд в Новосиле.

Вскоре встретились и с самим Петровым. Но что с ним случилось? Здоровый, крепкий моряк был бледен, на лбу прорезались морщины, под глазами появились синяки.

— Что с тобой?

— Худо мне, товарищи. Очень худо. Не дают хлеба. Понимаете, не дают. Я вот подготовил приказ.

Приказ гласил: «Я, чрезвычайный комиссар Новосильского уезда балтийский матрос Иван Петров, сим объявляю: кто не выполнит продразверстку, у того будет конфискована вся ху-доба, недвижимое имущество, отобраана выданная революцией земля, а главы семьи... мною будут преданы трибуналу на предмет расстрела».

Кауль прочел, передал мне:

— Выдающееся литературное произведение матроса — не политика. Обязательно перепишу этот приказ себе в блокнот.

Но всегда спокойный, уравновешенный Петров вдруг стал ругаться, кричать, угрожать мне и Каулю, обвинять нас, что мы заодно с кулаками, а, по его понятиям, тут — все кулаки.

— Не политик? А кто революцию делал?..

— Вот что, Ваня, — пытались мы успокоить его, — ты бы нас покормил с дороги. Проголодались...

— А чем? Я три дня куска хлеба не видел. Весь отряд голодает. Ясно? В первый день нас покормили, напоили, а потом говорят: «Живите, весь отряд берем на иждивение, пейте, ешьте. Ну, а для вывоза — хлеба нет».

— Что же, все так настроены?

— Почему все? Те, у кого хлеб есть. Я прямо говорю — сильно пустили здесь корни эсеры.

Поговорив, мы решили вызвать крестьянина, который предлагал Ивану Петрову взять отряд на содержание. Он пришел, высокий, с окладистой бородой, длинноволосый.

— Это по какому такому случаю зовете?

— Посоветоваться, — спокойно ответил Кауль. — Вы человек местный, вас в селе уважают.

— Кто его уважает? — вырвалось у Петрова. — Первая сволочь, мерзость в мировом масштабе, можно сказать, ну, словом, кулак. Я с него хотел начать. Первого расстрелял бы...

— Наш чрезвычайный комиссар уезда товарищ Петров предлагает вас расстрелять. Как вы к этому относитесь? Время военное. Говорят, что у вас много хлеба и вы отказываетесь выполнять продразверстку. У вас хлеб есть?

— Сами голодаем...

— Сколько сеяли?

— Да что сеяли... Все продано. Ныне на хлеб спрос.

— А чем вы собирались кормить отряд в сто человек?

— За одним столом: что мы — то и они.

— Ясно. Сколько все же вы сеяли?

— Тридцать десятин. Но хлеба нет, был, да продан.

— Кому продавали?

— Да нашему купцу.

— Фамилия его, адрес?

Я послал шофера Березкина за купцом.

Купчик словоохотлив:

— Это же смех. Мои амбары пусты. Проверьте — вот ключи. Я хотел купить, но никто и зерна не продал.

— А скажите, пожалуйста, много в селе хлеба?

— Полно. Вот мои подсчеты, кто сколько может продать хлеба.

— Значит, можно безболезненно продать больше тысячи пудов? А разверстка всего сто пудов? — удивился Александр Иосифович. — Ну, что же, хлеб нужно забрать. А старика судить.

— Вывезу хлеб, только малость сбавьте, — сказал старик.

Вечером созвали бедноту на собрание, начали беседу.

Первым поднялся человек с огромной плешиной на голове. Продырявленный зипун подпоясан веревкой, на ногах лапти.

— Что же это вы в такую пору в зипуне? — спросил его Кауль.

— Я летом-то тепло сохраняю, а зимой, глядишь, оно меня согревает. Я на Тепелева — помещика работал всю жизнь и, кроме зипуна, ничего не заработал.

— А как теперь будешь жить?

— Пойду по миру. Всю Россию обойду...

— А если землю тебе дать?

— Мне? А чем се пахать буду? Блоху в плуг не впрячь.

— И лошадей дадим.

Уговорили бедняка ехать в тепелевскую усадьбу. Выделили ему лошадей, дали зерна, одели по-человечески... Многие бедняки поняли в тот день, что такое Советская власть.

И вот уже начали двигаться к станции повозки, груженные зерном. Петров ожил, преобразился, не понадобился его грозный приказ. На следующий день в наши отряды было подано шестьдесят пять заявлений. Пошел хлеб в Москву...

Через некоторое время я снова приехал в Москву и побывал у Владимира Ильича.

Ленин больше всего любил слушать, что делается на местах. Во время беседы то и дело задавал вопросы, направляя разговор, отбирая самое важное, существенное. И как радовался Ильич, когда узнавал о фактах активности рядовых труженников, о их героизме и смелости. Долго расспрашивал он о настроении крестьян — хотел знать все подробности.

Рассказывая, я, между прочим, упомянул, что новосильские рабочие паровой мельницы предлагали молотить зерно и муку отправлять в Москву. Ленин одобрил это предложение, которому мы почему-то не придали значения. Я попытался объяснить: дескать, торопились с отправкой, а паровых мельниц и в Москве много, да пустуют.

— Не оправдывайтесь, — прервал меня Владимир Ильич, — ко всякому делу мы должны подходить как политики, как партийцы. А вы здесь допустили ошибку.

— Исправим, Владимир Ильич. Будем молотить.

— Вот видите: «Будем молоты!» И только? Да в этом ли только дело? А певдомек вам, батенька, что вы обрезали крылья этим рабочим, не увидели в их предложении политической активности? Ведь они-то хотели проявить заботу о москвичах и питерцах. А вы что? Видите только в этом одно — «будем молоты!» Нет, уж вы, пожалуйста, объясните новосильцам, что виноваты, что обидели их, унизили инициативу людей. Вот тогда они поймут, что вы настоящий партиец.

Далее он подчеркнул, что мы политические деятели и пи-когда не должны забывать об этом. Хлеб, безусловно, решает сейчас судьбу революции. И все-таки агент по заготовке хлеба, что бы он ни делал, должен стараться вызвать политическую активность народа, приобщать его к политической культуре, к управлению делами государственными. Когда строится новое, социалистическое государство, мелочей не может быть.

Вот так всегда с Владимиром Ильичем. Он видел каждый факт по-новому, удивительно остро и тонко и всегда советовал, как сделать.

Вошел А. Д. Цюрупа. Ильич поднялся, пошел к нему навстречу.

— А вы знаете, я начинаю сомневаться, Александр Дмитриевич, что вы говорите правду. Я не верю, что вы здоровы. Вид у вас очень плохой. Как, по-вашему, товарищ Панюшкин?

Действительно, Цюрупа выглядел очень плохо: бледное лицо, усталые глаза, вялая походка.

— А нет ли у вас температуры?

— Здоров я, Владимир Ильич.

— Ну, давайте поговорим, а потом и натравлю на вас врачей. Они уже жаловались, что вы не лечитесь.

Начали разбираться в продовольственных делах. Цифры Цюрупы и мои сходятся. Но Цюрупа недоволен: мало хлеба. Он волнуется — требует удвоить вывоз хлеба. Вдруг он резко побледнел. Лицо покрылось потом, пошатнулся. Я еле успел поддержать, до дивана почти донес.

— Недоедает парком продовольствия... — попытался улыбнуться Цюрупа.

Владимир Ильич подал ему стакан воды, присел на край дивана, взял руку.

— Лежите, лежите, голубчик... Если не трудно, можете принимать участие в нашей беседе. А лучше отдохните.

Как известно, вскоре последовало строгое решение В. И. Ленина: «За неосторожное отношение к казенному имуществу (2 припадка) объявляется А. Д. Цюрупе

1-е предостережение и предписывается немедленно ехать домой...

Ленин»¹.

¹ Ленинский сборник XXI, с. 280—281. Ред.

С хлебного фронта меня снова перебросили на военный. С отрядом ВЦИК мы прошли боевой путь от Свияжска до Уфы. После освобождения Уфы наши отряды были вновь переброшены в Тулу на переформирование. Зимой 1919 года меня свалил тиф, и я оказался в Москве на больничной койке. Еле поправился, вновь выехал в Тулу, где пополнялись наши отряды.

Не успели мы полностью укомплектоваться, как получили приказ — срочно перебазироваться в Питер. В Питере мы несли охрану города и продолжали формирование. Трудно было с одеждой, с артиллерией. Подготовка к отправке на фронт затягивалась. По поручению Ленина нам несколько раз звонили, чтобы мы торопились, но Троцкий мешал.

Владимир Ильич Ленин был недоволен. Мы не успели к сроку выступить на фронт под Вятку. Он прислал телеграмму:

«12. IV. 1919 г.

Петроград
Позерну, для Панюшкина

Ваше промедление с погрузкой и отправкой становится непонятным. Поймите, что малейшее промедление преступно. Никакое недоснабжение не оправдывает. Выезжайте и вывозите вашу воинскую часть во что бы то ни стало немедленно.

Предсовнаркома *Ленин*»¹.

В тот же день началась погрузка. Вскоре мы вступили в тяжелые бои. Наши отряды влились в действующие части Красной Армии...

В. И. Ленин был внимательным, чутким, отзывчивым, добрым, но очень требовательным.

Ленин всегда учил, что интересы революции превыше всего и невозможного для коммунистов не существует. Мы знали ленинскую требовательность и напрягали все силы, чтобы как можно лучше выполнить любое его задание. А при встречах Ленин неизменно интересовался личным, советовал, обязательно спрашивал, в чем нужда. Как-то, подписывая мне удостоверение на длительную поездку в Самару, Владимир Ильич вызвал к себе мою жену, работавшую у него в секретариате, и сказал:

— Что же вы на работе? Муж выезжает, кто его будет провожать в дорогу?

Он был великим и в мелочах.

Однажды мне довелось наблюдать (в ту пору я уже был на хозяйственной работе), как Владимир Ильич присутствовал при испытании автоплуга. Надо было видеть тогда Ленина! Заводской рабочий вел плуг, а Ленин ходил возле плуга по борозде, наклонив голову, наблюдал работу, расспрашивал, сове-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 279. *Ред.*

товал. Он был в торжественно-праздничном настроении. И это передавалось всем.

С тех пор прошло много времени. Мы вновь и вновь вспоминаем Ленина. Мы полны гордости за наше государство, им основанное. Если бы мог посмотреть Ильич сегодня на нашу страну! Какую радость он испытал бы! Многое сделано, о чем мечтал наш Ленин. Многое нам еще предстоит сделать. И все это сбудется. Тому порукой наш народ — народ, который первым завоевал на земле свободу под руководством великой партии Ленина, народ, которому принадлежит будущее.

*Советский моряк, 1960, № 5,
с. 3—5*

ПУТИЛОВСКИЙ РАБОЧИЙ НА ПРИЕМЕ У ИЛЬИЧА

Шел 1918 год. Голод в Петрограде давал себя чувствовать.

В те дни я работал на Путиловском заводе разметчиком в котельном цехе. С согласия заводского комитета мы выбрали на цеховом собрании комиссию по закупке продуктов и, получив наряды, поехали в Ростов-Ярославский за овощами.

Одновременно другие цехи посылали за продовольствием своих собственных представителей. Эти разрозненные поездки были мало эффективными, и в результате в апреле 1918 года была образована единая общезаводская закупочная комиссия, председателем которой избрали меня. Нам были выделены гурбернии для заготовки овощей, даны наряды.

Поездка по местам открыла мне настоящие причины голода. Хлеб в стране был, но сопротивление кулачества, саботаж со стороны эсеров, засевших в некоторых губпродкомах, срывали нормальное снабжение им промышленных центров. Нужно было нашей борьбе с голодом придать более организованный характер. С этой целью в начале мая 1918 года путиловцы послали меня в Москву для доклада В. И. Ленину о продовольственном положении.

По прибытии в столицу я сразу же был принят Владимиром Ильичем в его служебном кабинете и информировал его о голоде в Питере, о состоянии завода, о настроении рабочих. Ильич останавливал меня, прося пошире осветить то или иное событие. Я рассказал о причинах, которые, на мой взгляд, порождают хлебные затруднения в стране.

В ходе беседы Владимир Ильич вынул из письменного стола только что принятый Советом Народных Комиссаров декрет о предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией. Прочитав этот документ, Ленин подписал его и вручил мне, чтобы я ознакомил с ним путиловцев.

Владимир Ильич просил передать трудящимся Петрограда, что рабоче-крестьянское правительство предпринимает решительные меры по налаживанию продовольственного дела в стране.

Ленин при мне написал письмо народному комиссару продовольствия с просьбой создать продовольственные отряды из петроградских рабочих. Ильич указывал далее, что податель этого письма Андрей Васильевич Иванов, рабочий Путиловского завода, был у него по продовольственным делам и что он, Ленин, сообщил ему о мероприятиях правительства по борьбе с голодом. «...Если *лучшие* питерские рабочие,— писал Владимир Ильич,— не создадут *по отбору* надежной рабочей армии в 20 000 человек для дисциплинированного и беспощадного *военного* похода на деревенскую буржуазию и на взяточников, то голод и гибель революции неизбежны»¹.

Ленин просил наркома дать мне, подателю его письма, документ о предоставлении продовольственным отрядам широких полномочий, с тем чтобы я мог прочитать его петроградским рабочим.

Наша беседа подходила к концу. Мне необходимо было поспать на следующий день на завод, поэтому я попросил Владимира Ильича оказать содействие в отъезде в Петроград. Позволив при мне комеданту Николаевского вокзала, Ленин сказал ему:

— У меня здесь находится товарищ с Путиловского завода. Ему пужно завтра быть на заводе. Прошу вас устроить ему одно место в скором поезде.

Сев в поезд, я долго думал о встрече с Лениным, старался воспроизвести в памяти его советы и указания, светлый и обаятельный образ вождя. Меня удивила простота Ильича и то огромное внимание, которое он мне уделил как представителю питерского рабочего класса. Разговаривая с Владимиром Ильичем, я не испытывал никакого смущения или стеснения.

На заводских собраниях я подробно информировал рабочих о беседе с Лениным и тех задачах, которые он поставил перед петроградским пролетариатом. На заводе началось формирование продовольственных отрядов, которые уже в начале июля 1918 года выехали на места заготовки продуктов.

Вскоре после моего возвращения из Москвы в «Правде» было опубликовано письмо В. И. Ленина к питерским рабочим «О голоде». Оно начиналось так:

«Товарищи! У меня был на днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 72. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 357. *Ред.*

Эта часть ленинского письма была подвергнута сомнению буржуазными интеллигентами и даже отдельными органами эсеровской печати. Проходя как-то по Садовой, я увидел в эсеровской газете статью, в которой слова «рабочий у Ленина» были взяты в кавычки, а в тексте прямо указывалось, что факт посещения Ленина рабочим Путиловского завода «выдуман самим Лениным», так как он, мол, не привел фамилии рабочего.

Клевета грязного буржуазного листка меня очень возмутила. Придя домой, я написал обстоятельное письмо в редакцию этой газеты, сообщил, что именно я был у Ленина, имел с ним продолжительную беседу. Но, как и следовало ожидать, ответа из редакции не последовало.

*Ленинградская правда, 1956,
21 апреля, с. 2*

В ГОСТЯХ У ДРУЗЕЙ

В семье старого большевика Владимира Александровича Обуха долго хранилась как драгоценная реликвия подаренная Лениным книга «Государство и революция»¹.

Подарок сделан при таких обстоятельствах. Вскоре после переезда из Петрограда в Москву Ленин навещил своих старых московских друзей. Побывал Владимир Ильич и у доктора Обуха, который лечил его и семью Ульяновых.

В один из погожих майских дней — это было воскресенье — у дома, где жил доктор Обух и его друзья Лихачевы, Василий Матвеевич и Раиса Савельевна, остановился автомобиль. Выглянув случайно в окно, Лихачев увидел выходящего из машины В. И. Ленина. Приезд Владимира Ильича был радостной неожиданностью. Все бросились к дверям.

По лестнице поднимались В. И. Ленин и Мария Ильинична.

Смущение хозяев сразу же рассеяли необычайная простота и приветливость Владимира Ильича.

Кабинет доктора Обуха, в котором принимали дорогих гостей, был до революции явочной квартирой для большевиков².

Мария Ильинична вспомнила, что в этой квартире проводились нелегальные собрания Большевицкого центра. Владимир Александрович уточнил:

— Не только в этой квартире, но именно в этой комнате. Здесь произошла встреча подпольщиков 27 февраля 1917 года, здесь же состоялось совещание партийного актива в связи с подготовкой к вооруженному восстанию.

В. А. Обух рассказывал о февральских событиях семнадцатого года, о старых московских большевиках, о молодежи, прикнувшей к борьбе.

¹ В настоящее время книга хранится в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ред.

² В. А. Обух жил в доме № 11/1 на углу Мертвого переулка (ныне переулок Николая Островского) и Б. Левинского (ныне ул. Щукина), в квартире № 10. Авт.

Потом стали вспоминать о годах пребывания Лихачевых в США в эмиграции.

— Ну что ж, рассказывайте,— обратился Владимир Ильич к Василию Матвеевичу,— как там жилось нашим товарищам?

— Жилось нелегко, Владимир Ильич. Приходилось заниматься тяжелым физическим трудом. Но это еще не самое худшее. Терпели дискриминацию как иностранцы, безработицу... Часто и я оставался без работы, становился «тремном».

— А что такое «тремп»? — спросила Мария Ильинична.

Владимир Ильич объяснил, что это слово означает «бродяга». Многие безработные в Америке часто бывают вынуждены в поисках работы вести бродячий образ жизни.

— В еще более тяжелом положении находятся эмигранты-крестьяне, выходцы с Украины, Белоруссии и других мест,— продолжал Лихачев.— Их радужные надежды на американский «рай» жестоко разбиваются жизнью. Разобщенные, неорганизованные, они совершенно беспомощны. Мы, большевики, вели среди них большую агитационно-пропагандистскую работу.

— Вот видите,— резюмировал Владимир Ильич,— люди поехали в Америку искать лучшей жизни, а что они получили? В лучшем случае — стали дешевой рабочей силой для американских капиталистов.

Василий Матвеевич рассказал много забавных эпизодов из своей бродячей жизни. Ленин тоже сыпал шутками, и все от души смеялись.

Владимир Ильич стал расспрашивать В. А. Обуха, как обстоит дело с больницами, как ведут себя врачи. Он знал, что Обух и Лихачев как члены бюро районных дум вынесли тяжесть борьбы с саботажем противников Советской власти. Обух вынужден был констатировать, что саботаж врачей хотя и сломлен, однако среди них есть еще и враждебно к нам настроенные люди.

Владимир Ильич слушал Обуха с большим вниманием, задавал ему вопросы. Говоря о перспективах развития лечебного дела в нашей стране, подчеркнул, что охрана здоровья населения — одна из первоочередных задач Советской власти и что в этом деле необходимо участие широких масс рабочих.

Перед отъездом В. И. Ленин оставил на память Владимиру Александровичу Обуху и его сыновьям Андрею и Николаю свою книгу «Государство и революция», каждому по экземпляру. Когда молодые Обухи вернулись домой с прогулки, отец вручил им подарки от Владимира Ильича Ленина.

Радостные и потрясенные, они сличили текст автографов на обеих книгах¹ — текст был одинаковый:

---

¹ До настоящего времени сохранился один экземпляр книги. Авт.

*«Молодому другу тов. Обуху
от автора 19.V.1918».*

Братья не расставались с подарками — да и как было сторваться от этих коротеньких, но таких теплых, душевных надписей?

Поселение Владимира Ильича было для всех нас огромным, радостным событием и воспоминанием, оставшимся на всю жизнь.

И не раз еще об этой встрече напоминала машина Ленина, которая время от времени — но уже без пассажиров — подходила и останавливалась против нашего дома. Это происходило всякий раз, когда в семье Ленина кто-нибудь заболел. На второй этаж поднимался за доктором Обухом Степан Казимирович Гиль, шофер Ленина. Появлению Гиля всегда предшествовал телефонный звонок, и мы узнавали голос Марии Ильиничны: в таких случаях обычно звонила она.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы,
с. 399—401*

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Во время восстания левых эсеров в Москве 6 июля 1918 года ночью Данишевский сообщил, что Ленин вызывает меня в Кремль доложить ему о положении в городе. Проезжая в сопровождении Данишевского в закрытом автомобиле мимо здания Военного комиссариата по Лесному переулку, 1, я велел остановиться, так как по дороге узнал, что по приказу Подвойского курсанты переводятся в другое место. Действительно, курсантов там уже не было, но куда их перевели — узнать не удалось. В это же время к храму Спасителя стали подходить некоторые части 1-го латышского стрелкового полка. Как видно, в Кремле нас ждали, потому что всюду были готовы пропуска, нигде нас не задержали, и автомобиль подъехал прямо к зданию Совета Народных Комиссаров. В Кремле было темно и пусто. Нас провели в зал заседаний Совета Народных Комиссаров и попросили обождать. Данишевский пошел к Ленину, который был у себя на квартире.

Довольно большое помещение, в котором я оказался впервые, освещала из какого-то угла единственная электрическая лампочка, окна были завешаны. Обстановка напоминала прифронтовую.

Войдя в первую дверь, я шагов через пять остановился. Несколько минут спустя противоположная дверь открылась, и из нее вышел Ленин. Быстрым шагом он подошел ко мне и вполголоса спросил: «Выдержим ли мы до утра, товарищ?»

Задавая этот вопрос, Ленин смотрел мне прямо в глаза.

Я понял, что от меня ждут категорического ответа и что другого разговора здесь быть не может. Но к ответу на такой вопрос Ленина я не был готов. Почему необходимо было выдерживать до утра? Разве наше положение и впрямь так опасно? Может быть, комиссары, которые находились у меня, многое от меня скрыли? Под настойчивым взглядом Ильича я сформулировал свой ответ, заключавшийся в следующем.

Положение еще не выяснено, условия, в которых мы находимся, осложнились, наступление в 4 часа утра 7 июля начать нельзя, так как нет возможности подтянуть войска. Поэтому я просил дать мне часа два времени, в течение которых я мог бы объехать город, собрать нужные сведения и к двум часам дать определенный ответ на его вопрос. Это удовлетворило Ленина, и, сказав: «Я буду вас ждать», он вышел так же быстро, как вошел.

В моей памяти глубоко запечатлелась внешность Ленина, быть может, потому, что в таких условиях мы встретились в первый раз. Ленин был в своем обычном костюме, который состоял из темно-коричневого пиджака, такого же жилета и брюк; ботинки и накрахмаленная манишка подчеркивали его европейский вид.

К двум часам ночи 7 июля наше положение уже заметно упрочилось. Возле храма Спасителя уже находился 1-й латышский стрелковый полк с артиллерией и Образцовый полк. На Страстную площадь прибыли 2-й латышский стрелковый полк и курсанты артиллерийского училища с четырьмя орудиями. Во всяком случае в нашем распоряжении были четыре группировки войск: у храма Спасителя, в Кремле, на Страстной площади и на Арбатской площади.

Мы уже вышли из того положения, в котором находились 6 июля после начала восстания левых эсеров. Сведения о действиях последних были очень скудны и противоречивы, никто не мог дать мало-мальски исчерпывающих сведений о распределении их сил. Были определенные сведения о том, что их штаб и «правительство» находятся в доме Морозова. Все же одна примечательная вещь произошла — вожаки левых эсеров упустили момент для решительных действий и уже не могли рассчитывать на победу над большевиками без больших жертв, так как мы были готовы к контрудару.

Вообще, к двум часам у меня создалось впечатление, что мы победим, если с утра перейдем в решительное наступление всеми силами, которые удастся собрать за ночь.

Вторая встреча с Лениным состоялась, как было условлено, 7 июля в два часа ночи. Со мною был Подвойский. Встреча произошла там же, где и предыдущая. Я ждал, стоя у того же кресла, возле которого стоял в первый раз. Ленин вышел из той же двери и так же быстро подошел ко мне. Я сделал несколько шагов ему навстречу и отрапортовал: «Не позднее двенадцати часов дня 7 июля мы будем в Москве полными победителями».

Ленин обеими руками схватил мою руку, очень крепко пожал и произнес: «Благодарю, товарищ, вы меня очень обрадовали». Он пригласил меня сесть, сам сел рядом и попросил рассказать, что происходит в городе и каково состояние вражеских и наших войск. Я передал все, что мне было известно о левых эсерах и о

настроении Московского гарнизона, рассказал и о наших войсках. Ленин задал несколько вопросов, касавшихся настроения латышских стрелков, особенно интересовался, не ведется ли среди стрелков эсеровская агитация. На все вопросы я давал определенные ответы, которыми, по-видимому, Ленин остался вполне доволен. Я рассказал ему также и о намеченном плане действий.

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что у Ленина вопросов больше нет, я встал и попросил разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою сердечную благодарность и вышел вместе со мною в комнату секретариата, где мы простились. В секретариате еще продолжалась работа.

О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, Госиздат, 1959, с. 141-147

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И НАРКОМЗДРАВ

Надо, чтобы каждый, кто знал ту или другую черту характера Владимира Ильича, поделился своими сведениями и таким образом помог восстановить его многогранный образ. Из таких лоскутков воспоминаний составителю потом целостное представление о великом человеке.

Нам, деятелям здравоохранения, надо вспомнить отношение Владимира Ильича к нашей работе. Это — наша обязанность.

Самое возникновение нашего комиссариата обязано Владимиру Ильичу. Напомним, что при создании Наркомздрава сама эта идея встречала местами холодное, а местами и враждебное отношение. На историческом заседании Совнаркома, когда обсуждался этот вопрос, с самыми резкими выпадами против меня выступали и партийные (д-р Вечеслов и д-р Вегер), и беспартийные (д-р Цветаев) товарищи. Каких страшных и едких слов не было здесь сказано! И то, что я создаю бюрократическую утопию, что я заболел рейновской отрыжкой¹ и т. д.

Хозяйственники были против: Троцкий сказал, что он «не верит» в начинание. Позиция паша была трудная. И только твердая, ясная поддержка Владимира Ильича спасла положение: огромным большинством Наркомздрав был создан; все поправки, против которых высказывались мы, были по предложению Владимира Ильича отвергнуты.

Так был создан новый наркомат. Надо было «собрать медицины». Уперлись страховики со своими больничными кассами. И здесь Владимир Ильич нас поддержал.

Вопрос был поставлен в ЦК партии, и после пятиминутных речей моих и моих противников Владимир Ильич предложил без дальнейших прений утвердить объединение больничных касс в Наркомздраве; через несколько дней появился за подписью

¹ Рейн — министр царского правительства, внесший в Государственную думу проект организации министерства здравоохранения, конечно, на бюрократических началах. *Н. С.*

Владимира Ильича соответствующий декрет Совета Народных Комиссаров.

Организация создана; угрожают эпидемии.

Народный комиссариат здравоохранения составляет проект декрета о борьбе с сыпным тифом, и вместе с А. Н. Сысиным мы проводим его в пол часа в Совнаркоме при энергичной поддержке Владимира Ильича. Он постоянно беседует со мной и о ходе эпидемии, бросает гениальные идеи о формах привлечения населения к участию в эпидемической борьбе (рабочие комиссии на фабриках и заводах — его идея). Мало того, он ставит вопрос о борьбе с сыпняком как громадной важности политическую проблему и на съезде Советов¹ провозглашает знаменитый лозунг: *«Или выи победят социализм, или социализм победит выи!»*

Освобождается от белогвардейцев Крым. Владимир Ильич горячо приветствует идею создания в Крыму всероссийской здравницы, и при его поддержке проходит декрет, которым предусматривается широкое развитие курортного дела в Крыму в таких размерах, которых мы до сих пор еще не достигли. Он постоянно интересовался курортным делом, радовался успехам, бранил за неудачи.

Все принципиальные вопросы в нашей деятельности, все основные законопроекты Наркомздрав предварительно докладывал Владимиру Ильичу и согласовывал с ним, и основные принципы советской медицины всегда находили в нем лучшую поддержку. В нашем деле он учил нас, что нужно защищать единство медико-санитарной организации, бороться за план против хаоса и беспорядка.

Семашко Н. О В. И. Ленине.
Сборник статей и воспоминаний.
М., Партиздат, 1933, с. 22—23

---

¹ Имеется в виду доклад В. И. Ленина на VII съезде Советов 5 декабря 1919 года (см. Полн. собр. соч., т. 39, с. 410). *Ред.*

НА РОДИНУ

9 апреля. Ясный весенний день. Громадный цюрихский вокзал, обычно шумный и наполненный оживленной толпой туристов и курортников, тих и почти пуст. Война сделала невозможным приезд в Швейцарию англичан, американцев, немцев и французов. Только немногочисленные швейцарцы деловито спешат к поездам, отходящим в разных направлениях.

У идущего к немецкой границе поезда стоит небольшая группа скромно одетых людей. Это политэмигранты и швейцарские рабочие, пришедшие проводить Владимира Ильича. Среди рабочих преобладает молодежь. Это члены кружка, группирующегося вокруг журнала «Фрайе югенд», с которыми Владимир Ильич вел занятия. Впоследствии они составили основное звено Швейцарской коммунистической партии.

Этот исторический момент внешне прошел незамеченным. Только провожающие чувствовали значение отъезда Владимира Ильича на родину после почти 15 лет эмигрантской жизни (впервые он приехал за границу в 1900 году, совсем молодым).

Сейчас Владимир Ильич пытался скрыть овладевшее им внутреннее волнение под веселой шуткой и непринужденной беседой с провожающими. Но мысли его уже далеко от Цюриха. Частое поглядывание на часы говорит о том, с каким нетерпением ждет он момента отъезда. Наконец раздался последний свисток паровоза, и поезд медленно покинул вокзал под дружное «ура» провожающих.

Оставшиеся долго еще вспоминали об уехавших. Невольно в голову приходила мысль: не подведут ли немцы, не нарушат ли заключенного договора, не примет ли Временное правительство решительных мер, чтобы помешать приезду Владимира Ильича в Россию?

Но вот пришла телеграмма: группа эмигрантов благополучно прибыла в Стокгольм. Прошло еще несколько дней — и вот оно, долгожданное сообщение: Ленин прибыл в Петроград!

Во второй половине декабря, закончив работу по репатриации политических эмигрантов из Швейцарии, я с четвертым эмигрантским поездом выехал в Петроград.

С волнением я шел в Смольный к Владимиру Ильичу. Каков он теперь? Как он встретит меня?

В Смольном все кипело. Сотни людей двигались во всех направлениях. С трудом нашел я комнату, в которой обосновался Владимир Ильич, откуда руководил он государственной машиной молодой Советской республики.

Обстановка в комнате была такая же скромная, как на квартире Владимира Ильича в Кракове и в Швейцарии. Владимир Ильич радушно со мной поздоровался. Он был в том же пиджаке, что и в Швейцарии. Внешне он почти не изменился, только сильно похудел и, видимо, был переутомлен. С интересом расспрашивал о подробностях нашего путешествия, о Швейцарии, интересовался, в чем нуждаются приехавшие со мной эмигранты, как они устроились. Как всегда, Владимир Ильич уделял внимание каждой мелочи, касающейся товарищей, словно и не лежали у него теперь на плечах огромные, не терпящие отлагательства задачи всероссийского масштаба. Та же простота, та же сердечность.

Это был прежний Владимир Ильич, которого совершенно не изменили ни власть, ни торжество его многолетних мечтаний и труда.

Владимир Ильич перешел к моим личным делам. Он спросил, какую работу я хотел бы взять. Я был в затруднении: все вокруг было мне ново, я не успел еще оглядеться. Владимир Ильич начал говорить о разрухе в области здравоохранения, вызванной бойкотом со стороны буржуазной медицинской интеллигенции. Ленин говорил, что нужно напрячь все силы, чтобы преодолеть этот бессмысленный бойкот, чреватый тяжкими последствиями для тысяч больных, нуждающихся в медицинской помощи.

— Вам следует принять участие в организации центрального органа здравоохранения, — сказал Владимир Ильич. — Хорошо бы вам поработать в недавно созданном центральном органе здравоохранения, который мы на днях собираемся оформить, — в Совете врачебных коллегий.

Сказав это, Владимир Ильич вызвал по телефону товарища, ведавшего медицинской работой в Петрограде. Познакомив меня с ним, он дружески со мной распрощался.

В ближайшие дни я связался с Верой Михайловной Бонч-Бруевич и с другими членами Совета врачебных коллегий.

В начале 1918 года был опубликован подписанный Владимиром Ильичем декрет Совета Народных Комиссаров о созда-

нии Совета врачебных коллегий — высшего медицинского органа рабоче-крестьянского правительства. В марте Совет врачебных коллегий переехал в Москву и занялся организацией на местах медико-санитарных отделов Советов рабочих и крестьянских депутатов. После первого Всероссийского съезда медико-санитарных отделов в Совет Народных Комиссаров был внесен проект декрета о Наркомздраве. 11 июля Владимир Ильич подписал декрет об организации Народного комиссариата здравоохранения.

В этот период внимание Владимира Ильича привлекло чрезвычайно тяжелое положение русских военнопленных в Германии и Австрии. Решено было сделать попытку организовать помощь русским военнопленным из нейтральных стран под флагом Красного Креста. Эта задача была поручена мне. В качестве уполномоченного советским Красным Крестом при Международном комитете Красного Креста я должен был ехать в Швейцарию.

Кроме организации помощи военнопленным мне было поручено добиться официального признания советского Красного Креста.

Следует сказать, что Владимир Ильич еще в 1915 году интересовался положением русских военнопленных в Германии. По его инициативе в Берне, где он тогда жил, большевистской группой была организована комиссия помощи пленным, а в 1917 году опубликовано написанное Владимиром Ильичем воззвание «Товарищам, томящимся в плену»¹.

Вопросом Женевских конвенций он также интересовался. Предвидя возможность вооруженной борьбы молодой Советской республики против внутренней контрреволюции и империалистической интервенции, он считал нужным гарантировать войнам Красной Армии права и преимущества, вытекающие из Женевских конвенций.

В декретах от 3 мая и 7 августа 1918 года Владимир Ильич подчеркнул, что реорганизованное общество российского Красного Креста действует на основании Женевских конвенций 1864 и 1907 годов и что эти конвенции признаются и будут соблюдаться Советским правительством.

Перед отъездом я пришел к Владимиру Ильичу попрощаться и получить последние инструкции. Я увидел Ленина в Кремле, в помещении Совнаркома; условия работы были здесь спокойнее, чем в Смольном. Владимир Ильич был так же прост в обращении и вникал во все мелочи. Я мимоходом упомянул об одном обстоятельстве, которое меня смущало: Наркомфин намеревался выдать ассигнованную на закупку продовольствия для военно-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 60—66. *Ред.*

пленных сумм в «керенках», что затруднило бы обмен их на иностранную валюту.

— Подождите,— сказал Владимир Ильич,— сейчас выясню.

Он вызвал по телефону Наркомфин и изложил мои опасения, высказав одновременно предположение, что, может быть, было бы лучше снабдить Багоцкого царскими рублями, к которым за границей привыкли. Ленину, очевидно, возражали. В конце концов он повесил трубку и сказал мне:

— Наркомфин не может выпускать за границу значительных сумм в царских рублях, это может вызвать падение курса. Уверяют, что «керенки» вам без труда разменяют на иностранную валюту, хоть и по несколько более низкому курсу. А если у вас будут какие-либо затруднения, то наше посольство в Берне вам поможет. Я дам указания.

Пора было прощаться. Разговор перешел на семейные темы. Владимир Ильич пожаловался на Надежду Константиновну: она работает без меры и, очевидно, скрывает упадок сил.

— Вижу, что нездорова, но моих советов не слушает и к врачам обращаться не хочет. Может быть, вы с нею поговорите? Хорошо было бы, если бы вы убедили ее поехать вместе с вами на несколько месяцев в Швейцарию. Только не говорите ей, что я вас об этом просил,— закончил он со своей обычной теплой улыбкой.

То были последние слова, которые я слышал от этого простого великого человека.

Багоцкий С. О встречах с В. И. Лениным в Польше и Швейцарии. М., Госполитиздат, 1958, с. 52—55

МОИ ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

Нас было много, а он один. У каждого из нас было свое маленькое дело, а у него — необъятно огромное. Претендовать на то, чтобы часто попадать в поле его зрения и быть предметом его внимания вне сферы партийных или служебных отношений, было бы нелепо и смешно. Поэтому очень немногие из нас, даже из числа его старых, более или менее близких товарищей, могут похвалиться неисчерпаемым богатством своих воспоминаний о частых встречах с Ильичем, в особенности за последние годы его жизни; у немногих счастливых есть что порассказать об этих встречах, о тех беседах, которые они вели с Ильичем, и о том поучительном, что они вынесли из общения с ним.

Пишущему эти строки часто приходилось быть, так сказать, вблизи Ильича в далекие годы ссылки и эмиграции. Но за последнее время, после приезда Ильича из-за границы в 1917 году, мне редко выпадало на долю счастье видеть Ильича и беседовать с ним. Тем дорожке для меня те минуты, когда это случалось, и да не посетует читатель на мою претензию привлечь его внимание к тому немногому, что я мог бы ему порассказать о моих последних встречах с Ильичем. Меня только подбодряет в этом моем намерении та мысль, что каждая маленькая подробность, каждый маленький штрих, характеризующий индивидуальность нашего Ильича с той или иной стороны, представляет собой интерес для всякого, в ком его имя вызывает чувство огромной симпатии и уважения.

Из последних моих встреч с Ильичем особенно яркое впечатление на меня произвели следующие эпизоды...

Попал я в Петроград в конце ноября с величайшим трудом, чуть ли, кажется, не с последним поездом перед вторжением в Могилевскую губернию польских легионов. Ближайшая моя цель по приезде — повидаться с Ильичем. Иду в Смольный. Сейчас же соображаю, что делаю глупость. Все мне говорят, да

это и без того было понятно, что Ильич безумно занят, что без надобности отнимать у него дорогие минуты его времени прямо-таки грешно. Ну что ж, я и сам знаю, как это нехорошо, но Ильич пообещал мне подарить 10—15 минут свидания, и я ни за что не откажусь от этого подарка судьбы.

Когда мы встретились, что-то бесконечно теплое волною хлынуло к моему сердцу. Расцеловались и стали быстро перекидываться репликами. Нужно было что-то многое-многое сказать ему, поведать о своих надуманных в тиши мыслях в связи с тем грандиозным, что совершалось вокруг, получить от него ряд прямых ответов на проклятые вопросы — одним словом, выложить перед ним все свое нутро и взять от него максимум того интересного, значительного, поучительного и интимно-откровенного, в чем так нуждалась душа. Но выходило совсем не то. В мозгу копошилась беспокойная мысль о том, что 10—15 минут быстро протекут, как один миг, и ничего-то ты в течение этих минут не скажешь, ни одной веской, интересной мысли не развернешь в кратком, торопливом, бессистемном разговоре, никакой существенной пользы для ума и сердца из этого свидания не извлечешь. И вот язык выкраивает какие-то незначительные фразы со справками о здоровье, о самочувствии и т. п., и только глаза не теряют даром времени и стараются прочесть на дорогом лице таинственную повесть о пережитых волнениях, о бессонных ночах, о чувстве великой ответственности перед историей за «дерзкий вызов небу» и об испытанных революционных восторгах.

И действительно, это бледно-желтое лицо, чрезвычайно похудевшее, но отсвечивающее яркими отблесками внутренних переживаний Ильича за все эти чудно-прекрасные, сумасшедшие дни, необычайно интересно. Оно, это лицо, целая поэма. Глаза, обычно смеющиеся, лукавые ильичевские глаза, на этот раз горят, как у лихорадочного больного. Они смотрят куда-то вдаль. Чувствуется, что предмет их внимания не здесь, не в этой комнате, а где-то там, далеко за пределами данного места и времени. Быть может, они, эти пытливые глаза, уже различают контуры завтрашнего дня? Быть может, перед умственным взором обладателя этих глаз сквозь дымку настоящего, через голову случайного собеседника, с которым он непринужденно перекидывается фразками, но которого, вероятно, почти не видит, встают картины грядущих столкновений двух миров на земле, кровавые бои двух смертельных врагов в расколовшемся надвое человечестве? Кто знает?

— А что, Ильич, — спрашиваю шутливо, — не сыграть ли нам как-нибудь в шахматшки, а? Помните старые-то времена?

Боже мой, какой веселый, раскатистый хохот удалось мне исторгнуть своей фразой из груди Ильича! Его глаза перестали

смотреть вдаль и привычно залукавились, оглядывая того чудака, который так «вовремя» вспомнил о шахматах.

— Нет, — сказал наконец серьезно Ильич, немного успокоившись от охватившего его смеха. — Теперь уж не до шахмат. Играть больше, вероятно, не придется.

Ильич предвидел уже, что отныне каждый атом его времени, каждый кусочек его сил, каждая частичка его «я» должны целиком, без остатка, пойти на продолжение того великого дела, начало которому положено Красным Октябрем.

А то вот другой момент.

Лето 1918 года. Я по уши погрузился в наркомпросовскую работу. Успел уже выписать семью из Могилевщины, и мы, как и все добрые советские граждане, храбро воюем с несвоевременными претензиями наших избалованных желудков, очень неохотно приемлющих постные котлеты из картофельной шелухи и крикливо требующих чего-нибудь посытнее и покуснее.

Но вот однажды мы ждем к себе Надежду Константиновну в гости. Она пришла вместе с Верой Михайловной Величкиной, а вскоре, вслед за ними, неожиданно появился и сам Ильич, которого потянуло посмотреть на какие-то новые произведения моего «юмористического» карандаша.

По случаю посещения дорогих гостей я дал задание нашему домашнему хозяйственному ведомству во что бы то ни стало раздобыть белой муки и нужное количество конины (единственный сорт доступного в те времена мяса), чтобы на обед поставить миску с аппетитно дымящимисяпельменами.

Но увы, ни Ильич, ни Надежда Константиновна и не притропились к нашему «роскошному» угощению. Наличие белой муки свидетельствовало о том, что здесь дело, по-видимому, не обошлось без сделки с каким-нибудь мешочником — а это по тому времени было очень предосудительной вещью, — и, по всей вероятности, оба моих главных гостя решили не изменять своим скромным привычкам, приуроченным к эпохе жестокой борьбы с мешочничеством. Помните, эти злосчастные пельмени после ильичевской «демонстрации» стали застревать и в моем горле, но вовсе не потому, что мой желудок раздружился с этим яством и перестал обнаруживать к нему свое великое благоволение.

Но зато Ильич с удовольствием «угостил» себя моими карикатурами. На одной из них фигурировал он сам в качестве юпитера-громовержца, учиняющего суд над «преступником» — главой нашего ведомства (по поводу какого-то очередного удушения в наркомпросовской политике). Виновному угрожает экзекуция. Его держат за руки исполнители приговора, но он («современный Лаокоон») увертывается, как угорь. Тут, однако, подвертывается под руки экзекутора любопытствующая

фигура замнаркома, на которого накидывают мешок и учиняют над ним то самое, чему должен был подвергнуться его принципал, ехидно улыбающийся уже из-за двери. По обнаружении судебной ошибки юпитер удивленно констатирует: «Гм... Федот, да не тот»...

Карикатура имела целью отобразить действительный факт нередкого ускользания от ответственности перед Совнаркомом ловкого и увертливого Анатолия Васильевича¹, причем отдуваться за грехи Наркомпроса в таких случаях приходилось менее подвижному Михаилу Николаевичу².

Вообще замнаркома имел причины быть педовольным своим «промежуточным» положением: не то он хозяин Наркомпроса (во время очень частых отлучек наркома в Питер), не то «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он», когда нарком снова восседал на своем министерском стуле. Об этом именно и свидетельствовала вторая карикатура под заглавием «Современные Илья и Елисей». Нарком — Илья — с радостно устремленной бородкой вперед возносится в своей колеснице к скрывающемуся в облаках городу, который нетрудно узнать по Петропавловскому шпицу, а замнаркома — Елисей — провожает его со сжатыми кулаками и с проклятьями на устах, жалуясь небу на то, что библейский Елисей имел по крайней мере то утешение, что вознесенный на небо Илья уж больше никогда не вернется на землю, а он, современный Елисей, должен с большой гримасой неудовольствия всегда поджидать возвращения своего Ильи восвояси.

Ильич с удовольствием хохотал над этими и прочими карикатурами. В особенности он покатывался со смеху над сценой, изображавшей заседание нашей наркомпросовской коллегии, где В. М. Познер, с сознанием собственного достоинства и с полным пониманием своей «регентской» роли в Наркомпросе, ораторствует, Лепешинский с благоговением смотрит ему в рот, Михаил Николаевич сидит сычом и злится, а старик Штернберг (теперь уже покойный, был когда-то профессором астрономии) развалился в удобном кресле и сладко похрапывает.

Все карикатуры благополучно переходили из рук Ильича в руки Веры Михайловны, которая тоже не без удовольствия пробегала их своими глазами. Вдруг одна из карикатур после просмотра Ильичем была отложена им в сторону и не пошла в очередном порядке из рук в руки. Вера Михайловна всполошилась и с некоторой истеричностью стала требовать, чтобы карикатура была непременно показана ей. Но Ильич совершенно категорически заявил:

---

¹ А. В. Луначарский. *Ред.*

² М. Н. Покровский. *Ред.*

— Нельзя!

— Почему нельзя? — раскипятилась Вера Михайловна. — Если мне нельзя видеть, то, значит, Пантелеймон Николаевич нарисовал что-нибудь неприличное, чего нельзя показать.

Ильич вступился за меня.

— Что вы! Пантелеймон Николаевич не может нарисовать неприличного...

— В таком случае я решительно не понимаю, почему же мне...

— Нельзя, — еще раз отчеканил Ильич и конспиративно сунул карикатуру в руки моей дочери.

Милый, дорогой Ильич! Сколько в нем было такта и деликатности! Он хорошо знал болезненную обидчивость Веры Михайловны и решил поэтому лучше навлечь на себя все ее женское негодование своим отказом на ее требование, чем передать в ее руки глупенькую карикатуру, где ее отдел (школьно-санитарный) был изображен в виде тучной фараоновой коровы (с головой самой Веры Михайловны), поедаемой с хвоста тощей коровой, очень похожей на В. М. Познера. Карикатура отзывалась на злободневную тогда в Наркомпросе войну отдела единой школы со школьно-санитарным отделом, причем Вера Михайловна всем жаловалась на то, что негодный Познер хочет слопать ее отдел.

Осенью 1918 года, почуяв накопление «диалектических противоречий» у нас в наркомпросовской коллегии и почувствовав себя «лишним» человеком в этой семье (об этом я судил на основании некоторых симптомов начинавшегося недружелюбного отношения ко мне со стороны Михаила Николаевича Покровского), я не стал ожидать естественного разрешения этих противоречий и с благословения Ильича уехал в провинцию производить «опыт культурной работы в деревне» с несколькими товарищами, решившими тоже попионерствовать вместе со мною в данном направлении.

Не буду здесь повествовать о наших достижениях и неудачах в производстве этого опыта (я имел уже случай подробно рассказать обо всем этом на страницах московского ежемесячника «Социалистическое строительство» № 3 за 1919 г., в статье «Что делать?»), скажу только, что, приехав в январе 1919 года в Москву, я поспешил закатиться к Ильичу, чтобы первым делом поделиться с ним результатами своих наблюдений над деревней. Ильич не обнаруживал нетерпения крайне занятого человека, с тоской ожидающего конца нанесенного ему визита, и я с величайшим удовольствием воспользовался этим обстоятельством, чтобы «лепортом отлепортовать» ему, чему я был свидетелем в деревне, что успел узнать о деревенских настроениях и что представляет собою современный (в 1919 году) мужик...

Вот о чем мне пришлось рассказать Ильичу еще в начале 1919 года:

«В нашем селе пользуется большой популярностью, и не только среди кулацких элементов, но и в группах подлинной бедноты, лозунг образовывать «поселковые хозяйства»... Сущность этой «поселковой системы» заключается в следующем. Все хозяйства данной деревни делятся на естественно сложившиеся, по принципу свободного содружества, хозяйственные группы — богатые хозяйства попеременно с бедняками — и расселяются в пределах данной земельной сельской территории применительно к ее конфигурации и ее особенностям (с точки зрения наилучшего использования ее отрезков, островков, выступов и т. д.). В каждом поселке происходит безобидный раздел земли, пропорционально количеству душ в семье, но с непременным условием уничтожения чересполосицы. Беднейшая часть поселка имеет право рассчитывать на помощь богатых дворов, так что лошадь богатого домохозяина Петра будет к услугам малолошадного или безлошадного Ивана, когда этому последнему понадобится вспахать свое поле. И все это не на началах отработок или кабалы, а просто «по-соседски», по-хорошему, безвозмездно. А чтобы не оставалось никаких сомнений в высокой доброкачественности этого «поселкового» проекта, защитники его спешат успокоить вас: «А что касается налога, пасчет, то ись того, сколько с нас будет полагаться в пользу большевиков, то об этом у нас спору не будет: потребуют десятую часть — дадим, попросят пятую — и за этим не стоим». А беднота, внимая этим сладким и пренебрежительным государственной мудрости речам, одобряя в этом настроении все — и справедливые начала раздела земли, и уничтожение чересполосицы, и целесообразное решение вопроса об отрезках, и необычайное великодушие Петра по отношению к Ивану, сладострастно пришептывает: «Вот это так, вот это нам в самый раз»¹.

Итак, с уверенностью можно сказать, что от внимательного взора Владимира Ильича не ускользнули намечавшиеся тенденции в деревне к поглощению бедноты кулацкими элементами применительно к новой, послеоктябрьской обстановке еще в первые же годы нашего советского бытия. Вероятно, десятки и сотни таких маленьких и случайных «вестников» о том новом, что появляется на поверхности взбаламученного мужицкого моря (в некотором роде ильичевских голубей, выпущенных из московского ковчега), были внимательно выслушаны Ильичем, тщательно выспрошены и с успехом выполнили свою «голубиную» роль. По крайней мере я очень хорошо помню, как Ильич

---

¹ Цитирую из упомянутой статьи «Что делать?» в «Социалистическом строительстве». Как раз это самое я и рассказывал Ильичу. П. Л.

заинтересовался моим рассказом о настроениях в деревне, причем его усталое лицо ожило, и он рядом направляющих вопросов заставил меня выложить перед ним все то, что ему хотелось узнать.

Когда же я перешел к «выводам» и стал философствовать на тему о том, какой политики нам следовало бы придерживаться в крестьянском вопросе и как плановым образом направить крестьянское хозяйство по социалистическому руслу, Ильич снова замкнулся в себе, и получилась очень односторонняя беседа: я говорил, а он только слушал и молчал. Помню, что я стал чувствовать по этому поводу большую пеловкость и, наконец не вытерпев, воскликнул:

— Что же вы, Ильич, ничего не скажете? Ведь есть же у вас свое мнение на этот счет?

— Нет,— коротко и смиренно ответил Ильич. Причем я не настолько был лишен чувства смешного, чтобы не оценить юмористического смысла и значения этого маленького, но убийственного «нет».

Я поспешил «свернуться» и скоро распрощался с Ильичем. Хочется рассказать еще об одной маленькой подробности при этом свидании. Когда я стал рассказывать о своих деревенских впечатлениях, Ильич, между прочим, поинтересовался узнать, какое у меня в провинции общественное и должностное амплуа.

Я смутился. Еще не так давно я был членом коллегии Наркомпроса, а потом стал «ником». Сказать, что там, в деревне, заведуя, мол, организованной мной трудовой школой и состоя председателем деревенской и волостной комячейки? Стыдно было об этом и упоминать. И вот я стал лепетать (вероятно, не без краски смущения на лице), что в деревне я — никто, но (я очень быстро поторопился перейти в своем лепете к этому смягчающему мою вину «но»)... но тем не менее я пользуюсь в губернии некоторым влиянием и уважением, и когда наезжаю в свой уездный городишко или в губернский центр (Гомель), то все товарищи-коммунисты очень охотно прислушиваются к моему голосу и принимают к сведению и руководству мои товарищеские советы.

Ильич в тот раз ничем не реагировал на мой оправдательный лепет. Когда же дня через два я по приглашению Надежды Константиновны затесался на какое-то собрание внешкольных работников, причем по настойчивой ее просьбе туда явился и Ильич, чтобы подбодрить ее человечков своим вниманием к ним и своей речью, хотя бы и самой коротенькой, я, к своему удивлению, вдруг уловил в одном месте речи Ильича знакомую-презнакомую мне нотку. Смысл сказанного Ильичем сводился к тому, что в Советской России не должно быть чванного чиновничества. Можно совершенно не быть крупным должностным

лицом и все-таки энергично выявлять свою творческую инициативу и свою энергию на живом общественном деле, завоевывая себе симпатии и уважение со стороны окружающих работников, которые, быть может, тем охотнее воспримут все поучительное, что может дать им неглупый и честный советский или партийный работник, чем менее он будет стремиться производить на них во что бы то ни стало впечатление «высокопоставленностью» своего положения.

Мое сердце радостно забилося. Я не мог отделаться от впечатления, что эта мораль Ильича находится в тесной связи с моим недавним рассказом ему о «нулевом» удельном весе моего общественного положения. Мне даже хотелось думать (каждый ведь имеет право на некоторую долю приятных для него иллюзий!), что Ильичу захотелось вдруг, мимоходом, подбодрить меня на этот счет, ибо вряд ли мимо его пронизательных глаз могли укрыться мое давешнее смущение и моя растерянность. Ведь он всегда был олицетворением доброты и деликатности, которые хорошо известны всем, кто сколько-нибудь знал его.

И мне бы хотелось рассказать много-много случаев проявления этой деликатности лично по отношению ко мне или к членам моей семьи, но я очень боюсь, что это означало бы отвлекать внимание читателя в сторону ознакомления с личными обстоятельствами жизни пишущего эти строки и вообще таких случайных персонажей, которые сами по себе никому абсолютно не интересны. Единственное исключение, которое я позволил бы себе сейчас сделать в нарушение этого совершенно правильного соображения, должно быть оправдано тем обстоятельством, что в том примере доброты Ильича, который я собираюсь здесь привести, фигурирует одно письмо его, очень характерное для иллюстрации доброты и мягкости его натуры.

Как-то был один период в нашей семейной жизни (1921 год), когда здоровье моей дочери, которую Ильич и Надежда Константиновна знали с давнего времени (когда она была еще ребенком), сильно пошатнулось. Можно было предполагать острую форму туберкулеза. На сердце было тяжело. Одолевали горькие думы. Была цель пробраться всем нам на Кавказ и пожить там летние месяцы в условиях благодатного теплого климата, но пугала мысль о трудности этого дела, о нехватке средств и т. п.

Знавший наше положение Михаил Степанович Ольминский решился конспиративно от нас поговорить о наших затруднительных обстоятельствах с Ильичем. Затем из его рассказа мы узнали, что, как только он заикнулся Ильичу о наших трудностях, Ильич тотчас же схватил листочек бумаги, набросал на нем несколько строк и попросил Михаила Степановича передать эту записку нам. Вот подлинный текст записки Ильича.

На бланке (Российская Федеративная Советская Республика. Председатель Совета Народных Комиссаров. Москва, Кремль. С отметкою Ильичем даты: 5. V. 1921 г.) написано:

«Тов. Фрумкину,
Ростов Н/Д
и тов. Орджоникидзе,
Тифлис или Баку
или их заместителям

Очень прошу вас помочь устроить на лечение Ольгу Пантелеймоновну Лепешинскую, больную туберкулезом. А равно позаботиться о лучшем устройстве ее родителей, Пантелеймона Николаевича и Ольги Борисовны Лепешинских, старых большевиков, которые сами постесняются обратиться за помощью. А поддержать их и помочь им следует.

Прошу черкнуть мне, что удалось сделать для помощи им.

С ком. пр. *Ленин*»¹.

Хороший, славный Ильич! Как он бесконечно внимателен и деликатен к своим «старым большевикам». Он принимает в расчет, что Фрумкин может оказаться в нетях, и поэтому он вспоминает о тов. Орджоникидзе, а на всякий случай адресуется и к их заместителям. Он предусматривает и то обстоятельство, что его протеже постесняются обратиться за помощью, поэтому он предлагает своим адресатам самим проявить инициативу в деле оказания помощи старым товарищам. Наконец, чтобы меньше было шансов на то, что это дело ускользнет как-нибудь из поля зрения бесконечно занятых Фрумкина и Орджоникидзе, он требует «черкнуть» ему, что сделано по части исполнения его задания, и таким образом исключает возможность недостаточно внимательного отношения с их стороны к его просьбе.

Тут, в этих немногих строках, сказался весь Ильич с его отеческой заботливостью о старых товарищах, с его ясной конкретизацией того, что нужно делать, с его практицизмом и его предусмотрительностью всех крошечных обстоятельств интересующего его дела. Мне не пришлось на этот раз воспользоваться всеми возможностями, которые могли бы быть результатом вышеприведенного письма, но самый факт заботливости со стороны Ильича обо мне и о членах моей семьи останется одним из самых дорогих наших семейных воспоминаний.

Вспоминается мне еще ряд встреч моих с Ильичем, но я чувствую надобность сокращать свой рассказ. Скажу только, что если бывало возникала потребность получить от него «благо-

---

¹ Подлинник письма не разыскан. Фотокопия хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 26278. *Ред.*

словение» на какое-нибудь дело, совет или директиву, он никогда не отговаривался в таких случаях неимением времени для беседы с нуждающимся в его правственной поддержке товарищем. Помню, например, как перед отъездом в Ташкент, где собирался «попаркомпросветствовать», я попросил у Ильича свидания. И как я был бесконечно благодарен ему за все его указания и советы! Главным лейтмотивом его напутственного слова мне был лозунг: «Ни тени шовинизма! Ни одного атома русификаторских замашек!» И я, как мне кажется, не погрешил против этого завета, ибо предостерегающий голос Ильича держал мою политическую совесть в состоянии постоянной настороженности за время моей культурно-просветительной работы в одной из самых угнетенных окраин бывшей Российской империи.

Последняя моя встреча с Ильичем имела место в Горках, когда он лежал на смертном одре — величавый и спокойный. Но об этом мне не хочется много говорить. Тяжело.

Лепешинский П. Вокруг Ильича.
Харьков, «Пролетарий», 1926,
с. 198—211

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Наш завод тогда еще назывался «Главные вагонные мастерские Московско-Курской железной дороги»¹. Работало на нем человек восемьсот. Да и можно ли сказать, что работали тогда, в 1918 году? Многие только то и делали, что изготовляли зажигалки, сковородки и прочие предметы домашнего обихода. Потом возили свои изделия в деревню и меняли там на хлеб.

Производство было расстроено. Коммунисты — их было у нас тогда мало — старались наладить настоящую работу, но им мешали эсеры и меньшевики. Они занимались демагогией, пытались натравить рабочих на молодую Советскую власть. У нас в мастерских было особенно шумно по пятницам — в эти дни в клубе происходили митинги. Тут эти гады распускались во всю. Кричали до хрипоты и все об одном: и то плохо, и это плохо. Это было в теплый июльский вечер.

В такое время и приехал к нам Владимир Ильич. В клубе и в палисаднике, что возле него, перед очередным митингом шли горячие споры с меньшевиками и эсерами. Никто и не заметил человека небольшого роста, в поношенном темном костюме и в кепке, который уселся на скамейке и стал читать газету. Правда, он не только читал, но и внимательно слушал, что вокруг говорят рабочие и как меньшевики ведут свою подлую агитацию.

И вдруг, когда начался митинг, объявили, что выступает Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин. Рабочие вскочили, увидели Ленина, который проходил на сцену, стали аплодировать. А меньшевики и эсеры сразу умолкли. Словно псы, поджали хвосты.

Потом в зале стало совсем тихо. Мы жадно слушали Ленина, самого Ленина! Великий вождь пролетариата говорил просто и ясно. Он объяснил, в каком тяжелом положении нахо-

---

¹ Теперь завод им. В. Е. Войтовича в Москве. *Ред.*

дится наша республика. Сказал, что от царизма нам досталось скудное наследство, что нас окружают враги, а меньшевики, эсеры, кулачье своей контрреволюционной работой мешают наладить хозяйство страны.

За живое задел нас Ильич, когда сказал, что мы, рабочие вагонных мастерских, делаем зажигалки вместо того, чтобы ремонтировать вагоны, необходимые государству для перевозки хлеба. Крепко говорил Владимир Ильич о дисциплине, о борьбе с лентяями, с лодырями.

Меньшевики пытались прерывать Ильича, задавали ехидные вопросы, что-то кричали. Ленин спокойно сказал им, что горлом они не возьмут, надо выступить и доказать. Но что могли они возразить против ясных слов Ленина? Притихли.

Владимир Ильич говорил, что мы победим разруху. Надо только, чтобы все рабочие крепили железную пролетарскую дисциплину. Это поможет, сказал он, восстановить промышленность и транспорт. Тогда в стране будет всего вдоволь.

Ленин указал нам, как улучшить работу в мастерских: посоветовал отремонтировать вагоны, организовать маршрутные поезда с отрядами железнодорожников и отправить их за хлебом в урожайные губернии.

Ильич говорил почти полтора часа. В зале становилось все теснее. Многие рабочие, узнав, что выступает Ленин, прибежали в клуб. Скоро народу собралось так много, что яблоку негде было упасть. Когда Ленин кончил говорить, рабочие долго и дружно аплодировали вождю.

Ленинские слова глубоко запали в душу рабочим. Уж никто больше не верил сплетням меньшевиков и эсеров. Коммунисты и передовые рабочие усердно взялись за ремонт вагонов. Наказ Ленина о маршрутных поездах был выполнен.

* *

*

В январе 1924 года я со своими братьями, Петром и Василием, ходил прощаться с родным Ильичем. В трескучий мороз у Дома Союзов мы несколько часов стояли в очереди, чтобы в последний раз увидеть любимого вождя. В эти траурные дни мы, три брата Гороховых, подали заявление о приеме нас в ленинскую партию, чтобы бороться за дело, которому Ленин отдал всю свою жизнь.

ПИСЬМО ЗА ОКЕАН

...Весть о Великой Октябрьской социалистической революции, о том, что в Петрограде пролетариат захватил власть в свои руки, застала меня в Соединенных Штатах Америки. Много лет я был политическим эмигрантом, спасаясь на чужой земле от «столыпинского галстука» — виселицы, которая мне грозила за активное участие в революционных событиях 1905 года.

Услышав о революции, я решил немедленно вернуться на Родину. Но сделать это было не просто. Американские власти сумели разобраться в существое происходившего в России и чинили всякие препоны на пути эмигрантов, стремившихся домой. Хитроумным путем, под чужой фамилией, мне удалось наконец наняться судовым кочегаром на корабль, шедший в Европу.

Когда мы пришли в Норвегию, я ночью бежал с корабля. Местные социал-демократы оказали мне большую помощь и помогли перебраться в Стокгольм, где советским полпредом был Вацлав Вацлавович Воровский.

Здесь, в Стокгольме, после длительной беседы с Вацлавом Вацлавовичем и была решена судьба ленинского поручения. Помню, что, получив предложение вернуться в США, я был просто ошарашен. Ведь я так стремился домой, на Родину, которую не видел двенадцать лет!

Но важность поручения заставила меня забыть обо всем. В номере одной из стокгольмских гостиниц я впервые прочел ленинское письмо¹ — несколько машинописных страничек. Первая же фраза письма заставила меня невольно вздрогнуть. «Товарищи! — писал Владимир Ильич. — Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет про-

---

¹ Речь идет о «Письме к американским рабочим» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48—64). *Ред.*

ведший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам»¹.

Как мог знать Ленин, что именно мне придется взять письмо? Минуту я терялся в догадках, а потом сообразил, в чем дело: речь в первой фразе шла не обо мне, а о моем товарище по эмиграции Кирилле Бородине, который сумел доставить письмо из Москвы в Стокгольм.

Я снова углубился в письмо. Это был один из самых замечательных документов, с которыми мне приходилось встречаться. Ленин говорил о богатейшей из капиталистических стран на языке, который не знает дипломатических экивоков. Он с гневом разоблачал буржуазию, награбившую на войне миллиарды долларов, побивающую рекорд по утонченности лицемерия, оправдывающую свой грабительский поход против России стремлением «защитить» ее от немцев.

Убедительность и прямота ленинских суждений захватывали с первой страницы. Машинописные строки дышали неумолимой, железной логикой, непоколебимой уверенностью в непобедимости революции. Россия, писал Ленин, была первой страной, которая сломала цепь империалистической войны. Русские революционеры принесли тяжчайшие жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но сломали ее. Конец письма, помнится, я взволнованно читал почти вслух:

«Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подойдут другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, они *многочисленнее*, чем наши, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма... Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической, большевистской, тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция»².

Ниже этих слов косо бежала подпись: «Н. Ленин».

Я хорошо знал об обстановке и настроениях в Америке. Публикация ленинского письма в американской печати могла не только взорвать машину буржуазной пропаганды, распространявшей ложь и клевету, но и круто повернуть общественное мнение на сторону Советской России. В ленинских строчках была заключена величайшая правда, а правда не могла не дойти до сердца народа.

Не буду подробно рассказывать о том, как именно мне удалось доставить письмо Ленина в Америку. Рейс был трудным, довольно долгим и временами действительно опасным. Он

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48. *Ред.*

² Там же, с. 64. *Ред.*

потребовал всего моего опыта подпольщика и конспиратора. На первом же этапе я был вынужден уничтожить дипломатический паспорт, выданный мне в Стокгольме. Приходилось менять фамилии, скрываться от слежки, выдавать себя за моряка-американца, случайно отставшего от своего корабля.

Всеми правдами и неправдами мне удалось устроиться на лайнер «Хеллг Олаф», отплывавший из Копенгагена в Нью-Йорк. На этом корабле я нашел себе помощника — молодого датчанина матроса Йенсена, который очень сочувственно относился к русской революции. Помощник был необходим: я опасался, что суровые нью-йоркские таможенники отнесутся к «мистеру Слетову» куда менее либерально, чем американский консул в Копенгагене.

Так оно и вышло. Таможенные чиновники признали мои документы «недействительными» и решили отправить меня назад, в Европу. Оставался последний путь — побег с корабля. Поздно вечером я вышел на палубу. Во всю ширь в морозной мгле горели огни Нью-Йорка. Часовые стояли на мостике у трапа. Йенсен, замерший в тени надстроек, кивком головы дал мне понять, что все готово. Я дождался, пока часовой на мостике повернулся ко мне спиной, быстро преодолел расстояние до поручней, перемахнул через них и, схватившись за канат, исчез за бортом.

Побег прошел успешно, несмотря на то что охрана задержала меня на выходе из порта: мне удалось откупиться несколькими долларами в форме «залога». Добравшись до первой аптеки, я позволил человеку, на которого рассчитывал больше всего, — товарищу Джону Риду.

Джон Рид сыграл одну из главных ролей в публикации ленинского послания американскому народу. Именно этому замечательному американцу, журналисту принадлежал план, который был успешно претворен в жизнь. Вначале письмо Ленина было опубликовано в органах рабочей и прогрессивной печати «The Class Struggle», «Новый мир», «The Liberator», «The Weekly People». Буржуазная печать была вынуждена начать полемику. Комментируя письмо, она не могла уйти от того, чтобы его не цитировать. Таким образом послание Ленина оказалось в центре общественного мнения.

Чтобы показать роль, которую сыграло письмо в советско-американских отношениях, в истории рабочего движения в Америке, сошлось на статью Уильяма З. Фостера «Октябрьская революция и американский народ», опубликованную много лет спустя после описываемых здесь событий, в октябре 1957 года.

Почетный председатель Коммунистической партии США писал: «Когда Октябрьская революция нанесла смертельный удар капитализму и империализму в России, ее встретили с большим воодушевлением. Но даже в социалистической партии

лишь немногие были знакомы с деятельностью Ленина, вождя революции, и еще меньше людей знало и понимало программу его партии... Несмотря на отчаянные попытки оклеветать и уничтожить русскую революцию, сочувствие к ней охватило широкие народные массы. Великую вдохновляющую роль сыграло ленинское «Письмо к американским рабочим».

В Нью-Йорке возникла «Лига друзей России», которая требовала отзыва американских войск. Активисты «Лиги» рассказывали американцам правду о преобразованиях в Советской республике. Докеры Сياتла отказались грузить вооружение для контрреволюционного генерала Колчака, действовавшего в Сибири. В поддержку Советской России забастовали портовики Балтимора.

В начале 1919 года моя миссия была окончена, я отправился в обратный путь. О том, насколько это было сложно, скажет такой факт: первый же рейс в Европу доставил меня... в Южную Америку. Вернувшись в США, я добрался до Скандинавии, оттуда попал в Германию. Осенью 1919 года, назвавшись представителем крупной американской фирмы «Мак-Кормик», я перешел линию фронта и попал в расположение частей Красной Армии.

Я ходил по Москве, ощущал под ногами камень ее мостовых и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Через неделю мне сказали, что меня примет Ленин. Я волновался, много размышлял над тем, что рассказать Владимиру Ильичу. Но он перепутал все мои планы и заставил рассказывать о всей поездке от начала до конца. Он очень интересовался Америкой и задал мне десятки вопросов о политической обстановке в стране, о «Лиге по признанию Советской России», о Джоне Риде, о технической помощи России, о тейлоризме...

Затем, когда наш разговор закончился, я присутствовал на встрече Владимира Ильича с американским инженером, специалистом по научной организации производства, в качестве переводчика. Собственно, перевод не понадобился: Владимир Ильич говорил по-английски уверенно, не задумываясь, безукоризненно четко строя фразу. Мне довелось подсказать в разговоре лишь перевод нескольких специальных технических терминов.

Когда мы с американцем покинули ленинский кабинет, я увидел, что он находится в совершенном изумлении. Инженер сначала молча качал головой, а потом заметил:

— В Европе, а может быть, и во всем мире нет другого такого государственного деятеля, столь уверенно действующего во имя блага людей...

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

В бытность мою в 1918 и 1919 годах в составе «бюро» ВСНХ мне довольно часто приходилось сталкиваться с Владимиром Ильичем, который в эту пору очень интересовался вопросами, связанными с промышленностью прямо или косвенно.

Об интересе Владимира Ильича к привлечению к работе известного крупного дельца — инженера Мещерского и о его личном участии в заседаниях по этому поводу рассказано было уже, если не ошибаюсь, тов. Лариным, и я, не желая повторяться, не буду касаться этого вопроса.

В одной из бесед, происходивших, кажется, в Кремле, в помещении Совнаркома, Владимир Ильич выразил мысль, что следовало бы образовать у нас специальный институт, посвященный изучению и практическому проведению в жизнь начал научной организации труда. Владимир Ильич назвал его институтом по тейлоризму, что встретило возражения, так как тейлоризм у многих был в подозрении в отношении потовыжимательства, но Владимир Ильич, помнится, с досадой возразил, что *теперь*, когда власть в руках не у буржуазии, а у самих рабочих, мы должны совершенно иначе подходить к вопросам труда, не ограничиваясь голым отрицанием тейлоризма, а поставивши себе целью при помощи научных изысканий и практических опытов отбросить от тейлоризма его буржуазную сторону, тщательно выделивши все то, что может *облегчить* рабочему его работу, перекладывая на машину тяжелый физический труд и оставляя за рабочим лишь *регулирование работы машины*, поднимая в то же время общую производительность фабрично-заводской установки в целом. Несколько позже, при деятельном участии Владимира Ильича, Центральный институт труда в лице тов. Гастева получил довольно крупную сумму в золоте на покупку за границей оборудования для Центрального института труда. Впоследствии сумма, ассигнованная на это, была довольно чувствительно сокращена

финансовыми органами РСФСР, по все же это был, вероятно, первый во всем мире Институт по научной организации труда, получивший на свое оборудование государственные средства (в размере, кажется, тридцати тысяч рублей золотом)...

Большую заботливость проявлял Владимир Ильич по отношению к изобретателям, предлагавшим существенные улучшения в военном деле или в улучшении того или иного производства. Как одному из немногих партийных инженеров в ВСНХ, мне часто приходилось быть посредником между ним и различными изобретателями. Настойчивость Владимира Ильича бывала при этом поистине трогательна. Будучи чрезвычайно загружен бесчисленными делами в самых различных областях партийной и советской жизни, Владимир Ильич часто при встрече обращался ко мне с громадным интересом относительно отзыва о том или другом интересовавшем его изобретении и часто настаивал на принятии экстренных мер для ускорения отзыва или для возможно скорого осуществления изобретения, или постановки фабрично-заводской его проверки. По мере своих сил я всегда старался сделать все от меня зависящее, чтобы исполнить все его желания, но иногда мне приходилось его огорчать дурным отзывом об изобретении, его интересовавшем, что он встречал всегда с большим разочарованием и сожалением. Очень нетерпимым он становился, если изобретатель проявлял слишком собственнические инстинкты, не желая открывать государству даже за плату секрета своего изобретения. В этих случаях он был способен даже на репрессии против изобретателя или решал бросить его на произвол судьбы без всякой помощи со стороны государства...

Нет почти вопроса в нашей партийной или советской жизни, которым не интересовался бы всеобъемлющий ум Владимира Ильича Ленина. Было бы чрезвычайно желательно, чтоб прекрасный по замыслу молодой Институт В. И. Ленина систематизировал все вопросы, по отношению к которым В. И. Ленин проявлял наиболее активный интерес. Такая работа была бы лучшим исполнением заветов великого нашего вождя и учителя и дала бы, несомненно, чрезвычайно важные практические результаты для нашего молодого пролетарского государства.

ВСТРЕЧИ С ВОЖДЕМ

Передо мной мандат, выданный 3 августа 1918 года и гласящий: «Тов. Виноградов является ответственным лицом, а потому все, кто может быть полезен в его работах и в состоянии их выполнить, обязаны исполнять его просьбы, связанные со снятием памятников царей и их слуг, а также и по вопросам, связанным с постановкой памятников революционному народу и его героям.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

Весной 1918 года я вернулся с фронта в Москву и был принят в Наркомат государственных имуществ республики, которым руководил тогда П. П. Малиновский. Этот наркомат, просуществовавший недолго, ведал дворцами, бывшими императорскими театрами и училищами, ценнейшими памятниками России, в том числе и Кремлем. Здесь он, кстати, и помещался. Мне, молодому тогда архитектору, поручались всякого рода строительные и инспекторские работы, связанные с сохранением архитектурных ценностей.

12 апреля 1918 года вышел декрет, подписанный В. И. Лениным, в котором, между прочим, говорилось: «Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 Мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс».

Как-то раз в мае нарком захворал и попросил меня присутствовать на заседании Совнаркома вместо него. Я, разумеется, с восторгом согласился: какой случай близко увидеть Ленина!

И я увидел в этот вечер Владимира Ильича. Заседание происходило в большой комнате, по соседству с кабинетом Ленина. Народу было много, повестка дня была сложная, но лица присутствующих выражали бодрость, жизнерадостность. Ленин вел заседание свободно, легко. Запомнился такой эпизод. Поднял-

ся представитель Наркомздрава. Владимир Ильич обратился к нему:

— Сколько вам нужно для доклада?

— Часа полтора, Владимир Ильич.

— Уложите в пятнадцать минут, и мы будем вас слушать.

— Пятнадцать минут!.. Речь идет о создании медицинского института, Владимир Ильич!

— Все равно. Ни минуты больше. Начинайте.

За минуту до истечения срока Ильич постучал по циферблату своих часов, напоминая докладчику о времени. Когда тот закончил и сел, Владимир Ильич в нескольких словах изложил суть его доклада и спросил:

— Так я вас понял?

Последовал утвердительный ответ. Присутствовавшие рассмеялись. Оказалось, что полуторачасовой доклад можно было изложить в нескольких словах.

Однажды П. П. Малиновский вызвал меня и сказал, что отныне я буду ответственным лицом за проведение в жизнь декрета о снятии и постановке памятников. И добавил: Владимир Ильич хочет со мной познакомиться и поговорить. Я отправился на заседание Совнаркома, полагая, что мне удастся уложить минуту и побеседовать с Лениным. Но заседание затянулось, и только около часа ночи я подошел к Владимиру Ильичу.

— Очень рад познакомиться, товарищ,— сказал Ленин и пожал мне руку,— но уже поздно, сегодня нам потолковать не удастся. Приходите завтра в десять утра. Обязательно приходите!

В назначенный час я был у Владимира Ильича и по его просьбе подробно рассказал, как выполняется декрет и кто мешает его выполнению. С интересом он выслушал мой рассказ о том, что рабочие завода бывшего Гужона (ныне «Серп и молот») по собственной инициативе сняли памятник Скобелеву против здания Моссовета.

— Требуйте обязательного выполнения декрета,— сказал мне Владимир Ильич,— и о всех случаях саботажа или уклонения докладывайте мне. Нажимайте на Луначарского, пусть помогает вам. Регулярно, два раза в неделю, приходите и рассказывайте, как продвигается дело и кто мешает вам. Желаю вам успеха!

С тех пор моей обязанностью стало регулярно докладывать Владимиру Ильичу о снятии и постановке памятников в Москве.

Ярко проявилось заботливое отношение В. И. Ленина и к литературным памятникам. В конце марта 1918 года вдова Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна обратилась с ходатайством к правительству о выдаче ей пенсии на поддержание дома-усадьбы «Ясная Поляна». Владимир Ильич не

только подписал постановление об удовлетворении этого ходатайства, было принято дополнение — указать местному Совету на необходимость всячески охранять имение великого писателя.

3 июня 1918 года В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома о национализации Третьяковской галереи, а 19 декабря — постановление о национализации художественных собраний А. Морозова, И. Остроухова и В. Морозова.

До сих пор живо помню, как заботился Владимир Ильич о восстановлении кремлевских курантов, поврежденных артиллерийским снарядом.

В конце апреля 1918 года Малиновский предложил мне созвать московских часовщиков и узнать у них, могут ли они взяться за восстановление часов и переделать музыку курантов. В Кремль были приглашены представители фирмы «Павел Буре» и других фирм. Осмотрев повреждения, они согласились восстановить часы и переделать музыку курантов, запросив за эти работы двести сорок тысяч рублей. Такая огромная сумма была назначена ими с явной целью сорвать восстановление кремлевских курантов.

Об этом было доложено Владимиру Ильичу. Сумма была настолько велика, что вопрос о реставрации кремлевских часов на Спасской башне был временно отложен.

Но мысль о восстановлении курантов не оставляла Ленина, и он снова вернулся к этому вопросу в июле того же года. Во время одного из моих докладов Владимир Ильич спросил у меня:

— Как бы нам все-таки починить часы на Спасской башне и заставить куранты исполнять «Интернационал»?

Тут же было принято решение.

Вскоре работы начались. Трудились над курантами слесарь-механик Кремля Н. Беренс и художник М. Черемных¹.

Горячая, искренняя забота Владимира Ильича Ленина о культурных ценностях нашей Родины незабываема!

Советская культура, 1959, 22 апреля, с. 2

---

¹ Реставрация курантов закончена в сентябре 1918 г. *Ред.*

ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ (1915—1918 годы) ¹

Снова встретились только уже летом 1918 года, после оккупации Украины, когда я вернулась из Липецка (Тамбовской губернии), где пролежала больная два месяца.

Владимир Ильич позвонил по телефону и, заботливо осведомившись о состоянии здоровья и где и как я сейчас устроилась, предложил:

— Если вас не затруднит, то приезжайте сейчас в Кремль. У меня полчаса свободного времени. Потолкуем...— При этом осведомился, имеется ли у меня пропуск в Кремль и средства передвижения.

Пропустили без секунды задержки — Владимир Ильич позаботился и об этом.

Придвинув мне стакан чаю и осведомившись, не будет ли тяжело говорить, Владимир Ильич начал расспрашивать о всем пережитом за год на Украине, об отдельных товарищах, об отношении крестьянства к Советской власти, о создавшемся положении в связи с немецкой оккупацией и отдельными короткими замечаниями и отдельными репликами высказывал свое отношение и давал оценку тому или иному явлению или действию. Постепенно разговор перешел к обсуждению нашей дальнейшей работы на Украине, и Владимир Ильич подробно остановился на расспросах о планах и перспективах, намечаемых и обсуждаемых в партийных рядах.

По вопросам Владимира Ильича и полному отсутствию реплик с его стороны я видела, что самый большой вопрос для нас, украинских партработников,— вопрос о нашей тактике — и для него еще не ясен. Это заставило меня с наибольшей полнотой

---

¹ Воспоминания Е. Б. Бош «Встречи и беседы с Владимиром Ильичем (1915—1918 годы)» опубликованы полностью в 1924 году в журнале «Пролетарская революция», № 3, с. 155—173. Здесь печатается отрывок из воспоминаний, относящийся к послеоктябрьскому периоду. *Ред.*

и объективностью давать сведения и с сугубой осторожностью высказывать свои соображения.

Владимир Ильич слушал внимательно. И, не переставая спрашивать, так ставил вопросы, что значительно облегчал мне мою задачу, нередко переспрашивая и не спуская испытывающего взгляда, добивался более полного и точного ответа.

В результате информации на заданный мной вопрос: «Что думаете вы, Владимир Ильич?» — он развел руками, провел несколько раз своим характерным жестом рукой по голове, коротко ответил:

— Нужно подумать... Мне трудно здесь решать... Подумаем. Потолкуем... А вы сейчас свои соображения сформулируйте и пришлите...

Покончив с украинскими делами, Владимир Ильич заметно оживился, вспоминая пройденный год в России, октябрьские дни в Петрограде, поведение некоторых товарищей, меткими замечаниями оценивал работу каждого. В нескольких коротких словах охарактеризовав наше внутреннее и внешнее положение, подробно остановился на деятельности Совета Народных Комиссаров и тех трудностях, что мешают скорейшей организации планомерной работы.

Слушая и разговаривая с тов. Лениным, забывала, что перед тобой великий вождь, к слову которого прислушивается не только многомиллионное население России, но и народы всего земного шара, и видела только близкого товарища, безгранично большого человека, который сам не сознает своей великой силы...

На мои сообщения о положении на местах и работе Советов и парторганизаций, что мне удалось наблюдать, возвращаясь с Украины и живя в Тамбовской губернии, Владимир Ильич с болью бросил:

— Головоутипают. Людей нет... Что можно предпринять, по-вашему?..

Говорю, что думала об этом и пришла к выводу, что необходимо перебросить из Петрограда и Москвы часть советских работников — рабочих, которые уже проработали несколько месяцев под руководством сильных товарищей и имеют хоть какое-нибудь представление о советском строительстве.

— Вы думаете, они согласятся поехать?

Отвечаю утвердительно, прибавив, «если вы предпишете». Последние слова вызвали досадливое движение: видно было, что это говорю не я первая. И, точно отмахиваясь от надоедливого жужжания, Владимир Ильич не то спросил, не то ответил со сдержанной досадой:

— Как это я могу предписать?..

И, моментально оживляясь, обратился ко мне уже без тени досады:

— Поезжайте-ка сейчас в Питер, расскажите рабочим, что делается на местах, и убедите их поехать на работу в провинцию.

В первое мгновение я даже опешила. Но, взглянув повнимательнее в его лицо, увидела, что говорил Владимир Ильич совершенно искренне и как бы даже радуясь найденному выходу...

До Всероссийского съезда Советов я осталась в Москве — с Украины ушла. После левозеровского восстания уехала на работу в провинцию. На этой работе мне пришлось не только чаще встречаться и беседовать с Владимиром Ильичем, но и обращаться к нему за поддержкой и содействием. И тут наряду с безграничным чувством глубочайшего уважения и доверия к Владимиру Ильичу росла и крепла вера: пока Ильич есть, все трудности преодолеем и мы выйдем победителями...

В скором времени после эсеровского восстания в Москве меня вызвал Я. М. Свердлов, чтобы поговорить насчет поездки в Пензу. Во время нашего разговора в кабинет вошел Владимир Ильич. Таким я его еще не видала... Крайне утомленный, подавленный вид Владимира Ильича производил удручающее впечатление. Поздоровавшись как-то механически и узнав, о чем идет речь, обратился ко мне:

— Если возможно, поезжайте, там необходима твердая рука. Но дело трудное: в пятнадцать верстах фронт, губерния охвачена кулацкими восстаниями...

И, извинившись, что должен помешать нам, так как спешит, заговорил со Свердловым о другом.

Но, закончив разговор, снова обратился ко мне и заговорил о том, какое тяжелое положение создается сейчас в стране, как трудна будет борьба с эсерами... Высказывал опасения, что Петроград и Москва могут остаться без хлеба, если эсерам удастся поднять кулачество. Говорил Владимир Ильич отрывочными фразами, без обычного огонька, точно делился тяжелыми, мучительными думами...

При прощании на слова Я. М. Свердлова: «Убедите Евгению Богдановну ехать в Пензу» — устало ответил:

— Что убеждать?... Если не может, нужно подыскать твердого человека...

Вид Владимира Ильича и предыдущие беседы с ним смели всякие колебания, и я поспешила заявить, что хоть сейчас готова ехать, тем более что на этой работе я уже имею украинский опыт.

Владимир Ильич снова присел и, информируя о положении в губернии, указывал, на что он считает необходимым обратить особое внимание... просил сообщить, чем можно помочь из Москвы, и чтоб со всеми нуждами обращались в Совнарком «и требуйте от нас, *настаивайте* на срочном выполнении», и, кончая, несколько раз повторил:

— Обязательно сейчас же телеграфируйте мне, в каком положении найдете губернию...

Прощаясь, Владимир Ильич еще раз напомнил, чтобы я не забыла прислать телеграмму и требования, и прибавил:

— Обещаю быть аккуратным в исполнении и сделать даже невозможное, если этого потребует успех работы.

И Владимир Ильич сдержал свое обещание.

Пензенская губерния в тот период являлась одной из важнейших губерний по снабжению хлебом и продовольствием Москвы и Петрограда. В Пензе находилась наша экспедиция заготовления государственных бумаг, в пятнадцати верстах от города — чехословацкий фронт, и эсеры, начавшие вооруженную борьбу против Совета Народных Комиссаров, перебросили сюда свои значительные силы, которые разбросали в полосу фронта и по волостям с целью поднять крестьянство. В этой работе эсерам усиленно помогали попы и офицеры старой армии; последние сумели, скрывая свое прошлое, устроиться на службе в земельном и продовольственном отделах местного Совета, в качестве разъездных инструкторов по реализации урожая. Партийных (коммунистов) и советских работников в губернии было очень немного, нарторганизации на местах только оформлялись, все наши вооруженные силы из губернии перебросили на фронт, и условия для контрреволюционной работы были весьма благоприятные.

Эсеры прежде всего забросали села и деревни своими воззваниями, в которых сообщали гнуснейшие провокационные сведения...

На мое сообщение о положении в губернии Владимир Ильич срочно ответил телеграммой от 9 августа 1918 года.

«Пенза

Губисполком

Копия Евгений Богдановне Бош

Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома Ленин»¹.

10 августа сообщаю Владимиру Ильичу о начавшемся кулацком восстании, охватившем пять богатейших волостей. В ночь на 11 августа по аппарату получаем следующие директивы:

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 143—144. *Ред.*

«При подавлении восстания пяти волостей, приложить все усилия и принять все меры, в целях изъятия из рук держателей всех до чиста излишков хлеба, осуществляя это одновременно с подавлением восстания. Для этого по каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или сыпные пункты, и сдать властям все до чиста излишки хлеба в волости.

Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение положенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется Предгубисполкомом и Губпродкомиссаром на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожая прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за Вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам сим даются соответствующие полномочия.

Осуществление меры сопроводить обращением к населению листком, в котором разъяснить значение ее и указать, что ответственность заложников налагается на кулаков, мироедов, богатеев, исконных врагов бедноты. О получении сего телеграфировать и регулярно сообщать о ходе операции не реже чем через день.

Предсовнаркома *В. Ульянов (Ленин)*
Наркомпрод *А. Цорупа*
Наркомвоен *Э. Склянский*¹.

Так как руководящие пензенские товарищи были против решительных мер в борьбе с кулачеством, но не возражали по существу полученных директив, а создавали всячески препятствия и затруднения в проведении их, то мне пришлось ответить Владимиру Ильичу коротко: «Будет исполнено». И в ответ получила следующую телеграмму от 12 августа:

«Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков.

Предсовнаркома *Ленин*².

Тут уж мне пришлось сообщить Владимиру Ильичу, в чем встречаются затруднения.

И через несколько дней нарочный привез мне письмо от тов. Ленина, в котором Владимир Ильич, обращаясь ко всем

¹ См. Ленинский сборник XVIII, с. 203. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 148. *Ред.*

пензенским коммунистам, доказывал необходимость «беспощадного подавления» кулацкого восстания пяти волостей, указывал, что это необходимо в интересах «всей революции», «ибо теперь ведь «последний решительный бой» с кулачеством», советовал найти людей «потверже» и просил телеграфировать «о получении и исполнении». Письмо носило характер товарищеского совета и было подписано только «Ваш Ленин».

А еще через несколько дней прибыли из Петрограда пятьдесят коммунистов, рабочих, с первого дня октябрьского переворота работавших в различных советских учреждениях, вслед за ними тридцать пять парторботников, часть — московских районных работников, часть — прибывших из провинции в распоряжение ЦК партии.

После этого легко удалось не только ликвидировать восстание в пяти волостях, совершенно не применяя вооруженной силы, но и предупредить возможность новых восстаний.

После двух недель пребывания в Пензе, пользуясь спокойствием в губернии, я приехала в Москву с рядом неотложных дел в отдельные комиссариаты, которые не только плохо обслуживали губернию, но не считали даже нужным отвечать на срочные запросы. И, бесполезно промыкавшись два дня и не получив ни единого положительного ответа, решила идти к В. И. Ленину за поддержкой.

Владимир Ильич сейчас же принял, не заставив ожидать и трех минут (в комиссариате же мне приходилось тратить от одного часа до двух на ожидания приема у наркома), и встретил укоризненным покачиванием головы — зачем приехала. Почему не прислала ему копии телеграмм, отправленных в комиссариаты?

Объясняя, что не считала возможным затруднять его мелочами.

Владимир Ильич вспыхнул:

— Не считаете возможным!.. Хотите новых восстаний и без хлеба оставить рабочих... В вашем распоряжении прямой провод, телеграф, живые люди, которых вы можете в любое время прислать ко мне со всеми требованиями... Сейчас же, немедленно поезжайте обратно и копии всех требований направляйте мне... — И, сразу смягчившись, убеждающим тоном и с пескываемым беспокойством добавил: — Лучше не приезжайте. Теперь не следует и на час оставлять губернию.

Все имевшиеся у меня дела были решены в течение каких-нибудь десяти — пятнадцати минут. Владимир Ильич слушал, задавал вопросы, высказывал свое мнение, спрашивал мое и тут же немедленно, по каждому решенному вопросу, давал распоряжения секретарю, звонил по телефону, писал записки и давал мне указания, как действовать в комиссариатах... Все это делалось без малейшей суеты, с предвидением всех возможных

случайностей, с учетом имевшихся возможностей и громадным желанием облегчить работу на местах.

В тех вопросах, где требовалось основное изменение принятых ранее постановлений, Владимир Ильич находил выход путем применения временных мер, обеспечивающих возможность работы до решения вопроса...

Ушла я от Владимира Ильича вполне удовлетворенная, с немалым количеством записок: «Принять срочно», «Изыскать возможности, а пока выдать требуемую сумму» и пр. и пр. — с приливом новой энергии и бодрости. Все затруднения в работе теперь казались пустяками, легко преодолимыми...

С Владимиром Ильичем, как ни с кем, было легко и просто работать. В 1918 году приходилось со всякими мелочами, вплоть до высылки грузовика для перевозки хлеба на вокзал, обращаться к Владимиру Ильичу, и не было случая в моей практике, чтобы он оставил без внимания запросы с мест и не ответил бы. Формализм, бюрократические приемы в работе не только чужды были Владимиру Ильичу, но и глубоко возмущали его.

Требую безусловного проведения в жизнь директив и постановлений, он не только не протестовал против обхода «буквы закона», если этого требовали условия, но глубоко возмущался, если из-за формальных соображений отказывались делать то, что очевидно было необходимо.

Помню наш разговор по поводу отказа комиссара Западного военного округа выдать без разрешения своего начальства имевшиеся у него на складе винтовки для вооружения мобилизованных профсоюзами рабочих, ссылаясь на букву закона. Владимир Ильич даже усомнился в верности этого сообщения. Но когда я ему подробно изложила все переговоры с комиссаром, вплоть до предложения вызвать немедленно к аппарату его начальника, Владимир Ильич с горечью бросил: «Исполнительный чиновник» — и тут же написал записку начальнику штаба республики, что он просит, «если возможно», дать срочное распоряжение о выдаче винтовок.

Но Владимир Ильич требовал обращаться к нему не только в случаях нужды, но и для точной информации о ходе работы и подробных сообщений обо всем, что делалось на местах. И если кто этого не делал, то от Владимира Ильича получал такую взбучку, что чувствовал себя высеченным школьником.

Не забыть мне выговора, полученного от Владимира Ильича за то, что сейчас же не сообщила о ряде недоразумений, вызываемых приказами и предписаниями руководящего работника реввоенсовета фронта, направленными парткомитету и губисполкому, и произведенным им арестом председателя губисполкома, предгубчека и военкома за то, что по его требованию в двадцать четыре часа не было освобождено помещение губчека для реввоенсовета фронта.

Мои возражения, что в своем докладе я указывала на трения, существующие между военными организациями и местными партийными и советскими органами, но не касалась действий отдельных работников, так как в конце концов все возникающие недоразумения улаживались на месте, Владимира Ильича не смягчили.

— «Недоразумения»!.. «Улаживали»! Вместо того, чтобы раз навсегда пресечь... А подумали ли вы о том, что о нас будут говорить массы?!

Считая выговор незаслуженным, я указала Владимиру Ильичу, что товарищ — ответственный работник, назначенный ЦК партии, и что, собственно, нужно было осторожней давать назначения.

Владимир Ильич не сдавался:

— «Назначенный ЦК партии»... «Назначенный ЦК партии»!.. Откуда ЦК партии может знать, как проводится его директивы, если вы, находясь на местах, не считаете нужным сообщать... Если не считали удобным писать, то почему не приехали раньше?!

Отвечая Владимиру Ильичу, я указала, что, на мой взгляд, дело не столько в лицах, сколько в нарождающемся новом методе работы, который проводится пока ощупью (эта беседа происходила в январе 1919 года), что я с этим сталкивалась уже и в других местах, где партработники-военные разговаривают с местными партийными и советскими организациями не путем убеждения, а военными приказами, и что, по-моему, это неизбежно вытекает из существа военной работы. И для меня весь вопрос заключался в том, необходим ли этот метод работы, и если да, то я бы считала, что центр должен дать соответствующие указания военным и партийным работникам. А пока острота конфликта зависит от большего или меньшего такта и политической зрелости военного партработника. Сильный товарищ проведет любой приказ так, что парткомитет и исполком примут его как свое решение, а послабей и с меньшим тактом, да еще не умеющий выступать, вынужден действовать сухими, короткими приказами и предписаниями.

Владимир Ильич внимательно слушал и, перейдя на обычный дружеский тон, требовал примеров, подтверждающих мои соображения, и подробно остановился на расспросах, как реагируют массы на приказы наших военных органов.

Я заметила, что намечающийся новый метод работы, особенно если будет проводиться нетактично, грозит отрывом от масс и что на этой почве может развиваться не только недовольство масс своими руководящими организациями, но и серьезные трения между членами партии, что, по-моему, образует прорыв между верхами и низами. Владимир Ильич ответил после некоторого раздумья:

— Да, тут нужно подумать...

По тону Владимира Ильича и по последовавшему предложению: «Не взяли бы вы на себя организацию контроля и инструктирование организаций на местах?» — видно было, что последнее замечание затронуло тревожившие Владимира Ильича опасения и что он ищет выхода.

Владимир Ильич, относясь с живейшим интересом ко всему, что делалось на местах, всегда чутко прислушивался к соображениям, высказываемым товарищами, и ни одно из сделанных замечаний не проходило мимо его внимания.

Беседуя с Владимиром Ильичем, говорила до конца о всех назревших вопросах и недочетах в нашей партийной и советской жизни и твердо знала, что он не только выслушает, но поймет, подумает и найдет необходимое решение...

*Пролетарская революция, 1924,
№ 3, с. 164—173*

НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

На трибуне Владимира Ильича я видел в первый раз на Всероссийском съезде по просвещению. Съезд происходил в Москве с 26 августа по 4 сентября 1918 года, в здании бывших женских курсов на Девичьем поле¹.

Круглый зал освещен сверху. За колоннами коридоры; двери из них ведут в канцелярию, в служебные помещения, а широкая лестница — наверх, на второй и третий этажи, в аудитории. Только из одной, самой большой, аудитории двери выходят непосредственно в круглый зал. Они двойные. И поэтому шум из зала не доносится туда.

Сегодня в аудитории народу особенно много. Хоры переполнены. Люди толпятся в проходах. Еще вчера разнесся слух, что сегодня будет выступать Ленин. Но его все нет. Идут прения. Каждый слушает и ждет. Как только открывается дверь, в зале шорох. Все оборачиваются: не он ли? Но его нет. Прения закончились. Делегаты внесли предложение сделать перерыв на обед. Один из членов президиума возражает:

— Владимир Ильич уже выехал из Кремля. Через несколько минут будет здесь.

Работа съезда продолжалась. Только еще больше возросло напряжение ожидания.

Ленин вошел тихо и незаметно. И не сразу увидели его делегаты съезда, не сразу узнали об этом в президиуме. Только когда расступились люди, стоявшие около правой двери, и Владимир Ильич подошел к столу, раздались неуверенные аплодисменты: не все знали его в лицо. «Ленин?» — «Да, Ленин». Он поздоровался с сидящими за столом. И теперь из зала рвались рукошлесаши.

— Вот он какой,— сказала сидевшая рядом со мной сельская учительница,— совсем, совсем простой.— Она говорила

---

¹ Теперь здесь помещается Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. *В. Ш.*

вслух, и никого это не удивило, никто не остановил ее. Каждый понимал: она в первый раз видела Ленина.

Ленин сел, что-то, улыбаясь, сказал Луначарскому и, пока тот выступал, внимательно рассматривал аудиторию. Затем встал и, приветственно кивая головой, подошел к столу.

— А кто это с ним? — спросила меня учительница.

— Мария Ильинична.

— Сестра?

— Да.

Зал стих не сразу. Слышался взволнованный шепот: не все могли быстро овладеть собой. Ленин говорил:

— Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие. Что такое был саботаж, объявленный наиболее образованными представителями старой буржуазной культуры? Саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми «низшими». Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс¹.

Это были простые слова, но они вносили ясность, поражали своей правдой, пригвождали саботажников к позорному столбу.

— Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем.

Владимир Ильич кончил речь так, как кончают разговор дома, в узком кругу товарищей: без пафоса, без ораторских призывов, без восклицаний:

— Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит².

— Просто и верно, — сказала моя соседка учительница.

— Просто и верно, — говорили многие приехавшие с мест народные учителя. И им казалось, что они всегда думали именно так, как сейчас говорил Ленин. Овацией ответили они ему.

*Шульгин В. Памятные встречи.
М., Госполитиздат, 1937, с. 9—11*

---

¹ См. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 37, с. 77. *Ред.*

² См. там же, с. 78. *Ред.*

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Это было в то время, когда контрреволюция высоко подняла голову в своем наступлении на Советскую власть и ее вождей.

Чехословаки наступали на Волгу. За Волгой открылась эсеровская учредилка, англичане и другие империалисты заняли Архангельск, белогвардейцы подняли восстание в Ярославле, эсеры убили Урицкого и Володарского и готовили покушения на других наших вождей.

Советская власть и Коммунистическая партия переживали великое напряжение сил. Ее величайший вождь Владимир Ильич лично участвовал в митингах на фабриках и заводах, разъясняя рабочим все предательство эсеров, меньшевиков и других врагов рабочего класса и крестьянства.

На одном из таких митингов, на заводе бывшем Михельсона¹, теперь имени Владимира Ильича, и совершено было покушение на жизнь вождя мирового пролетариата эсеркой Каплан².

Владимир Ильич был ранен несколькими пулями, из них двумя очень опасно. Я в это время был в Совете Народных Комиссаров в Кремле, ожидая открытия заседания. Владимир Ильич обычно аккуратно, без опоздания, являлся на заседания Совнаркома, и мы были удивлены, почему его так долго нет.

Вдруг меня вызывают из зала заседания в квартиру Владимира Ильича (квартира находилась рядом с залом заседания Совнаркома) для оказания ему медицинской помощи (я врач).

Когда я пришел в спальню Владимира Ильича, я нашел его раздевающимся у кровати. Он имел столько сил и выдержки,

¹ Митинг происходил 30 августа 1918 года. *Ред.*

² Ф. Е. Каплан за покушение 30 августа 1918 года на жизнь В. И. Ленина постановлением ВЧК приговорена к высшей мере наказания — расстрелу. Сообщение об исполнении приговора опубликовано в газете «Известия ВЦИК» 4 сентября 1918 года, с. 5. *Ред.*

что сам поднялся на третий этаж, дошел до кровати и стал сам раздеваться.

Он был бледен, как полотно. Я немедленно уложил его в постель, снял с него куртку, жилет и рубашку и, оказав ему первую помощь (наложил асептическую повязку, дал возбуждающих капель и др.), немедленно велел вызвать наркомздрава тов. Семашко и заведующего Мосздравотделом Обуха.

В то время подошла, насколько помню, ныне покойная Вера Михайловна Бонч-Бруевич (тоже врач). Ввиду того что положение Владимира Ильича было очень тяжелое, пульса у него почти не было, были сильные боли, мы немедленно, не ожидая консилиума, сделали подкожное всprysкивание морфия и затем для поднятия пульса подкожное всprysкивание камфары. Все это подняло силы Владимира Ильича.

Вскоре явились Семашко и Обух, а за ними и специалисты (хирург Минц и терапевт Туманов), которые осмотрели ранение и установили диагноз.

Одна пуля раздробила Владимиру Ильичу плечевую кость, произведя перелом кости. Другая пуля вошла сзади со стороны лопатки, пробила легкое, вызвав сильное кровотечение в плевру и засела спереди шеи под кожей.

Особенно опасно было второе ранение. Пуля прошла мимо самых жизненных центров: шейной артерии, шейной вены, нервов, поддерживающих деятельность сердца. Ранение одного из этих органов грозило неминуемой смертью, и каким-то чудом-случаем пуля не задела их. Здесь же проходит пищевод, и было опасение, не ранен ли он, что также грозило большой опасностью для жизни нашего вождя...

Несколько дней Владимир Ильич был между жизнью и смертью. Но вскоре он стал быстро поправляться и уже через несколько недель опять приступил к своим делам, несмотря на все протесты друзей, товарищей и врачей.

В течение этих нескольких недель я мог наблюдать, какой силой воли, какой выдержкой, каким самообладанием и скромностью обладал Владимир Ильич. За все время он не издал ни стоана, ни жалобы.

Как только ему стало немножко лучше, он уже шутил с докторами, и лишь только силы немного позволили ему, он уже сам стал обслуживать себя... Как трудно было удержать его лишний день в кровати, а затем от занятий в кабинете и Совнарком. Никакие уговоры на него не действовали. Он рвался к работе. Нам приходилось прибегать к различным хитростям, чтобы освободить его от занятий в Совнарком. Так, мы либо снимали вопросы за неподготовленностью с повестки, либо потихоньку уходили с заседания друг за другом, пока не срывали кворума, и Владимир Ильич должен был закрывать заседание, грозя оставшимся пальцем.

Вождь пролетариата был спасен и еще более пяти лет работал на своем посту. Гениальной стратегией и тактикой он провел корабль пролетарской революции через все подводные камни. Эсеровщина и меньшевизм были сокрушены, интервенция империалистов и белогвардейцев отражена, и Советская власть стала маяком для трудящихся других стран и угнетенных народов.

*Красная газета, 1924, 30 августа,
с. 2*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

Раннее утро. Меня подняли с постели, сказав, что пужно ехать в Кремль на консультацию к Председателю Совста Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину, которого ранили вечером и которому стало теперь хуже. Ехал с каким-то напряженным чувством той громадной ответственности, которую на тебя возлагают этим участием в консультации у Ленина, того Ленина, который возглавляет всю нашу революцию, направляет и углубляет ее. Сложное это было чувство; за давностью времени¹ кое-что уже стерлось, но, кроме этой напряженности, очевидно, здесь была и доля любопытства — поглядеть поближе на вождя народа, может быть, некоторое чувство робости...

Небольшая комната, еще полумрак. Обычная картина, которую видишь всегда, когда беда с больным случилась внезапно, вдруг: растерянные, обеспокоенные лица родных и близких — около самого больного, подальше стоят и тихо шепчутся тоже взволнованные люди, но, очевидно, уж не столь близкие к больному. Группой с одной стороны около постели раненого врачи: В. М. Минц, Б. С. Вейсброд, В. А. Обух, Н. А. Семашко — все знакомые. Минц и Обух идут ко мне навстречу, немного отводят в сторону и шепотом коротко начинают рассказывать о происшествии и о положении раненого; сообщают, что перебито левое плечо одной пулей, что другая пуля пробила верхушку левого легкого, пробила шею слева направо и засела около правого грудино-ключичного сочленения. Рассказывали, что Владимир Ильич, после ранения привезенный домой на автомобиле, сам поднялся на третий этаж и здесь уже в передней упал на стул. За эти несколько часов после ранения произошло ухудшение как в смысле пульса, так и дыхания, слабость нарастающая. Рассказав это, предложили осмотреть больного.

---

¹ Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

Сильный, крепкий, плотного сложения мужчина; бросалась в глаза резкая бледность, цианотичность губ, очень поверхностное дыхание. Беру Владимира Ильича за правую руку, хочу пощупать пульс, Владимир Ильич слабо жмет мою руку, очевидно здороваясь, и говорит довольно отчетливым голосом: «Да, ничего, они зря беспокоятся». Я ему на это: «Молчите, молчите, не надо говорить». Ищу пульс и, к своему ужасу, не нахожу его, порой он попадает, как нитевидный. А Владимир Ильич опять что-то говорит, я настоятельно прошу его молчать, на что он улыбается и как-то неопределенно машет рукой. Слушаю сердце, которое сдвинуто резко вправо, — тоны отчетливые, но слабые. Делаю скоро легкое выстукивание груди, — вся левая половина груди дает тупой звук. Очевидно, громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое и сместило так далеко сердце вправо. Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с серединой. Это исследование, хотя и самое осторожное, безусловно очень болезненное, вызывает у Владимира Ильича только легкое поморщивание, ни малейшего крика или намека на стоны.

О результатах своего осмотра быстро сообщаю В. А. Обуху, который стоит здесь рядом со мной, нагнувшись над раненым. В. А. Обух, соглашаясь со всеми находимыми мною данными объективного исследования, все время шепотом говорил: «Да, да», и мы оба настойчиво просим Владимира Ильича не шевелиться и не разговаривать. Владимир Ильич в ответ на наши слова молчит, но улыбается. Идем в другую комнату на консультацию, по дороге в коридорчике меня останавливает Надежда Константиновна и двое из незнакомых мне — кто, не помню — и тихо спрашивают: «Ну, что?» Я мог ответить только: «Тяжелое ранение, очень тяжелое, но он сильный».

На консультации мне, как вновь прибывшему врачу, пришлось говорить первому. Я отметил, что здесь шок пульса от быстрого смещения сердца вправо кровоизлиянием в плевру из пробитой верхушки левого легкого и центр нашего внимания, конечно, не сломанная рука, а этот так называемый гемоторакс. Приходилось учитывать и своеобразный, счастливый ход пули, которая, пройдя шею слева направо, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых. Военный опыт после годов войны у нас, хирургов, был очень большой, и было ясно, что если только больной справится с шоком, то непосредственная опасность миновала, но оставалась другая опасность, это опасность инфекции, которая всегда могла быть внесена в организм пульей. Эту опасность предотвратить мы уже не могли, мы могли

ее только предполагать и бояться ее, так как она была бы грозной: страшно было и за плевральную полость, и за пулевой канал на шее, который пронизал, очевидно, в нескольких местах шейную клетчатку, да еще такую клетчатку, как заглоточную.

Все эти тревоги и опасения были высказаны мною, равно как и другими врачами. Соответственные мероприятия были выработаны очень легко: абсолютный покой, все внимание на сердечную деятельность, руку временно приходилось забыть, для нее только легкая контентивная повязка, чтобы трущиеся при невольном движении отломки костей не доставляли раненому ненужных страданий. Я с удовольствием согласился и поддерживал предложение В. А. Обуха пригласить вечером на новую консультацию доктора Николая Николаевича Мамонова, большого терапевта, талантливого и удивительного мастера в подходе к больному. Такой врач нам, хирургам, был нужен, чтобы детальнее следить за изменениями в плевре и в легком. Вопрос о том, нужно или нет вынимать засевшие пули, без малейших колебаний был сразу решен отрицательно.

После консультации длинное и долгое обсуждение официального бюллетеня о состоянии здоровья Владимира Ильича. Приходилось тщательно и очень внимательно обдумывать каждое слово, каждую запятую: ведь нужно было опубликовать перед народом и миром горькую правду, исход был неизвестен, но это нужно было сказать так, чтобы надежда осталась.

После этого опять пошли к Владимиру Ильичу. Около него сидела Надежда Константиновна. Владимир Ильич лежал спокойно, снова наша настойчивая просьба не шевелиться, не разговаривать. На это — улыбка и слова: «Ничего, ничего, хорошо; со всяким революционером это может случиться». А пульса все нет и нет. Вечером снова консультация, и так каждый день, утром и вечером, пока дело не паладилось, то есть 4—5 недель.

Пульс восстановился только через двое суток, то есть стал таковым, что его можно было назвать удовлетворительным. Через четыре дня общее состояние настолько улучшилось, что позволительно было подумать о том, чтобы приняться за правильное лечение перебитой руки.

Опасность инфекции как будто миновала, и могучая натура Владимира Ильича стала быстро справляться с громадным кровоизлиянием в плевру. Выпот быстро всасывался, сердце возвращалось к нормальному положению, дышать больному становилось все легче и легче, а нам, врачам, становилось все труднее и труднее: дело в том, что как только Владимир Ильич стал чувствовать себя лучше, как только у него поокреп голос, заставить его быть спокойным, заставить его не шевелиться, не разговаривать, заставить его поверить нам, что опасность еще

не миновала, представлялось совершенно невозможным: он хотел и работать, и быть в курсе всех дел. На наши приставапия — всегда улыбка, всегда очень милая, но совершенно откровенная, то есть «я вам верю, верю, что вы говорите по совести, по...». Вот это-то «но» и заставляло нас быть благодарными переломанной руке. Рука была повешена на вытяжение и тем самым волей-неволей приковывала Владимира Ильича к постели. Сращение руки шло прекрасно, и недели через три появилась уже настолько хорошая спайка, что удерживать Владимира Ильича в постели не представлялось нужным, так как вытягивающий груз можно было хорошо приспособить и при вертикальном положении больного.

Владимир Ильич нас, врачей, меня в частности, всегда встречал очень радушно и приветливо, хотя неоднократно высказывал свое неудовольствие, очень искренне и горячо, что нас заставляют навещать его 2 раза в день, отрывая от других больных. Я ему на это всегда отвечал: «Владимир Ильич, ведь вы тоже больной и больной серьезный со всех сторон». Раз он мне на это «со всех сторон» и ответил довольно сердито: «А разве от «этих сторон» болезнь течет иначе? Все ведь это товарищи пристают». Я ему на это: «Обязательно, Владимир Ильич, иначе все равно как у врачей: до седьмого колена болезни текут всегда как-то шиворот-навыворот». Владимир Ильич рассмеялся и, сказав: «Вас не переспоришь», со смехом стал снимать сорочку, чтобы проделать скучную процедуру выстукивания и выслушивания легкого.

Выражаясь нашим врачебным языком, можно сказать, что случай протек изумительно гладко: выпот в плевру рассосался бесследно, легкое расправилось совершенно. Я не помню, чтобы тогда мы отмечали что-либо особенное в смысле склероза, склероз был соответственный возрасту. Спайка руки шла прекрасно, были только небольшие боли по тракту лучевого нерва, небольшие, очевидно, зависящие от ушиба этого нерва одним из отломков сломанной кости. На руку был сделан протезным заводом легкий, съемный кожаный протез с шипками, съемный, чтобы можно было сделать массаж, и Владимир Ильич по настоянию всех врачей уехал на несколько недель в деревню. Уехать было необходимо, так как здесь, в Кремле, Владимир Ильич все-таки занимался, а отдохнуть и набраться сил после тяжелейшего ранения было пужно. В конце сентября Владимир Ильич приехал показаться нам, лечащим врачам, то есть В. М. Минцу, Н. Н. Мамонову и мне. Владимир Ильич выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца — полная норма, рука срослась прекрасно, так что протез свободно можно было бросить; жалоба только одна: неприятные, порой болевые ощущения в большом и указательном пальцах больной руки — результат указанного выше ушиба лучевого

перва. На этой консультации было решено, что доктору Мамонову делать больше нечего, а мы, хирурги, увидимся еще раз недели через полторы-две. Владимир Ильич во время этой консультации долго беседовал с нами, расспрашивал меня про нашу больницу, беспокоился тем, что у нас уже затруднения с отоплением корпусов, что-то записал себе на бумажке, при этом долго смеялся тому, что нигде у себя в комнате не мог найти какой-либо бумажки, говоря: «Вот что значит быть председателем». На мой вопрос: беспокоят ли его пули, из которых одна на шее прощупывалась очень легко и отчетливо, он ответил отрицательно и при этом, смеясь, сказал: «А вынимать мы с вами их будем в 1920 году, когда с Вильсоном справимся».

На последней консультации, когда мы распрощались с Владимиром Ильичем, произошел один маленький эпизод, который хорошо выявляет удивительную деликатность и чуткость Владимира Ильича. От ЦК ко мне несколько раз обращались с вопросом о гонораре за лечение Владимира Ильича. Говорил об этом и В. А. Обух, которого я очень просил, чтобы этот вопрос о деньгах не поднимался.

Я эти разговоры передал, конечно, коллегам Минцу и Мамонову; нам казалось совершенно невозможным представлять какой-то счет Владимиру Ильичу, выздоровление которого мы буквально сами переболели.

Владимир Ильич решил этот вопрос сам деликатно и великодушно. На последней консультации были только я и В. М. Минц. Осмотрели, побеседовали немного, попросили его некоторое время массировать руку, указывали ему на необходимость беречься и позаботиться о том, чтобы в квартире было потеплее. Здесь Владимир Ильич нас насмешил и сам посмеялся: «Вы говорите — потеплее, велел себе электрическую печку поставить — поставили, а оказывается это против декрета; вот как быть? — придется все-таки оставить... по предписанию врачей». Хотим проститься (я не помню, кто с нами здесь еще был, — кажется, Мария Ильинична), Владимир Ильич встает как-то немного смущенный и говорит: «на минутку», зовет в спальню. Протягивает одной рукой конверт В. М. Минцу, а другой — мне. И, буквально конфузясь, говорит: «Это — за лечение, я глубоко вам благодарен, вы так много на меня тратили времени». Мы с Минцем оба смешались на несколько секунд и держались за конверты, которые оставались в руках у Владимира Ильича. Выйдя из этого замешательства, я наконец сказал: «Владимир Ильич, может быть, можно без этого, поверьте, мы рады, что вы выздоровели, искренне рады и благодарны за то, что вы выздоровели». Минц, тоже волнуясь, сказал что-то в этом роде. Владимир Ильич немного прищурился, на меня поглядел как-то пристально, бросил конверты, кажется, на по-

стель, подошел почти вплотную, крепко-крепко пожал руку, взял меня рукой за плечо и, волнуясь очень заметно, произнес: «Бросим это... спасибо, еще раз благодарю». Сказал он это так хорошо и искренне, что мне тоже хорошо стало. Он проводил нас до двери, еще раз пожал мне не руку, а плечо и сказал: «Если что-либо нужно будет — скажите». Приехав домой, я сейчас же позвонил В. А. Обуху о том, что у меня гора с плеч свалилась, рассказал ему всю сценку и сказал, что теперь вопрос о гонораре, мне кажется, ликвидирован окончательно. Больше никакого разговора ни с кем о гонораре не было.

Нам, работникам Солдатенковской больницы¹, которая стоит за две версты от заставы², зима 1918/19 года была очень трудна — и холодно, и голодно. Рядом с больницей расположен был так называемый Петровский огород. Получить этот огород для нужд коллектива служащих было крайне желательно, так как он был бы большим подспорьем, особенно в смысле снабжения картофелем. Начались хлопоты, то есть бесконечное хождение наших представителей по различным учреждениям, но все без толку.

Наконец я совместно с представителями нашей больницы и соседней Октябрьской написал прошение Владимиру Ильичу, которое и передал ему через Надежду Константиновну доктор Ф. А. Гетье (лечивший в это время Надежду Константиновну и часто бывавший у Лениных). Владимир Ильич не только быстро помог нам получить этот огород в наше общее пользование, но и потом не забывал про него все годы, звонил ко мне по телефону, спрашивал, как идут дела, не нужно ли чего еще, и много раз присылал самокатчиков с коротенькими записочками, вроде такой: «Тов. Розанов, как дела на огороде, что нужно?» или так: «Тов. Розанов: будет ли урожай, сколько придется на каждого? Привет». Мы все, солдатенковские, были ему бесконечно благодарны за эту заботу. Приходилось только удивляться, как он среди груды работы умудрялся не забывать такой песчинки, как наш огород...

Вечером 20 апреля 1922 года мне позвонил Н. А. Семашко и сказал, что он просит меня завтра поехать к Владимиру Ильичу: приезжает профессор Борхардт из Берлина для консультации, так как нужно удалить пули у Владимира Ильича. Я ужасно удивился этому и спросил: «Почему?» Николай Александрович рассказал мне, что Владимир Ильич в последнее время стал страдать головными болями, была консультация с профессором Клемперером (крупный германский профессор, терапевт). Клемперер высказал предположение, и, очевидно, довольно определенно, что эти боли зависят от оставшихся в

¹ Теперь больница им. С. П. Боткина. *Ред.*

² Застава находилась у нынешнего Белорусского вокзала. *Ред.*

организме Владимира Ильича пули, якобы вызывающих своим свинцом отравление. Мысль эта мне, как хирургу, переживавшему тысячи раненых, показалась прямо странной, что я и сказал Николаю Александровичу. Николай Александрович со мной согласился, но все-таки на консультацию пужно было ехать.

Консультация была интересная. Я заехал за Борхардтом, и мы вместе с ним поехали в Кремль. С нами поехала еще женщина-врач, фамилии не помню, на которую была возложена обязанность быть переводчицей. Нас провели прямо в кабинет Владимира Ильича, который сейчас же вышел к нам, под здоровался, переводчице сказал, что она нам не пужна: «сами сговоримся», и пригласил нас к себе на квартиру. Здесь кратко, но очень обстоятельно он рассказал нам о своих головных болях и о консультации с Клемперером. Когда Владимир Ильич сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, так как они своим свинцом вызывают отравление, вызывают головные боли, Борхардт сначала сделал удивленные глаза, и у него вырвалось *unnöglich* (невозможно), но потом, как бы спохватившись, вероятно, для того, чтобы не уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении.

Я определенно сказал, что эти пули абсолютно не повинны в головных болях, что это невозможно, так как пули обросли плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает. Пуля, лежащая на шее, над правым грудино-ключичным сочленением, прощупывалась легко, удаление ее представлялось делом не трудным, и против удаления ее я не возражал, но категорически восстал против удаления пули из области левого плеча: пуля эта лежала глубоко, поиски ее были бы затруднительны; она, так же как и первая, совершенно не беспокоила Владимира Ильича, и эта операция доставила бы совершенно ненужную боль. Владимир Ильич согласился с этим и сказал: «Ну, одну-то давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось».

Сговорились на другой день проверить положение пули по Рентгену в Институте академика Лазарева. При рентгеноскопии пули были видны прекрасно, они немного сместились сравнительно с тем, что мы видели на рентгенограммах после ранения. Сделали рентгеновские снимки в различных направлениях. После этого Владимир Ильич пошел с П. П. Лазаревым осматривать Физический институт, но осмотр этот не удался, так как Владимир Ильич, дойдя до комнаты, где у П. П. Лазарева были собраны материалы по Курской аномалии, заставил П. П. Лазарева познакомить его с этими материалами самым подробным образом. Владимир Ильич слушал очень внимательно, о многом переспрашивал, видно, что он углубился в во-

прос. Уезжая, Владимир Ильич сказал, чтобы П. П. Лазарев продолжал держать его в курсе дела. Об операции было условлено делать ее у меня завтра, 23 апреля, и что Владимир Ильич приедет в 12 часов. Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но профессор Борхардт просил разрешения приехать в 10 с половиной часов. Я, конечно, не возражал, думая, что он хочет поподробнее посмотреть нашу больницу.

Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк: несколько кровоостанавливающих зажимов, пинцет, зонд, ножницы да скальпель — вот и все, а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки, и, так как до приезда Владимира Ильича оставалось еще полтора часа, предложил ему познакомиться с хирургическим корпусом. Он, видно, волновался и сказал, что хочет начать готовиться к операции. После этого Борхардт стал говорить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему на это ответил, что оперировать должен он, а я с удовольствием ему поассистировую. Борхардт еще несколько раз повторял это свое предложение, что он будет помогать при операции. Так я и до сих пор не знаю, зачем он это говорил, — думаю, из галантности. О самой операции Владимир Ильич потом как-то на перевязке сказал мне и доктору Очкину: «Я думал, что вся эта процедура будет гораздо скорее; я бы сдавил так — да и разрезал, пуля и выскочила бы; а то это все для парада было». Пришлось нелепо рассмеяться и почти согласиться с ним.

Владимир Ильич приехал точно в 12 часов, с ним тов. Бельский и еще кто-то из охраны. Приехал и Н. А. Семашко. В операционную вошел, конечно, только Николай Александрович, который спросил меня: «Кто же будет оперировать?» Я ему ответил: «Немец, конечно, для чего же он приехал?» Николай Александрович согласился с этим. Операция прошла вполне благополучно. Владимир Ильич, видно, совершенно не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки. Я не возражал против этого, конечно, так как стационарное наблюдение всегда гораздо покойнее. Но куда мне было положить такого пациента, как Владимир Ильич? Отделение было переполнено, но — кем? Я знал, чем каждый из них болен, но совершенно не представлял себе, что может быть на уме у моих больных.

Посоветовавшись с главным доктором В. И. Соколовым, мы решили положить Владимира Ильича в 44-ю палату, на женское отделение; палата была отдельная, изолятор; лежавшую там больную легко можно было перевести в общую палату. Владимир Ильич сначала очень запротестовал и не хотел оставаться в больнице «из-за пустяков». Пришлось уговаривать, указывать, что после кокаина может появиться и тошнота, и рвота, может быть головная боль и нам удобнее будет его наблюдать. Владимир Ильич долго не соглашался на наши уговоры, последней каплей, кажется, были мои слова: «Я даже для вас, Владимир Ильич, палату на женском отделении приготовил». Владимир Ильич рассмеялся, сказал: «Ну вас» — и остался.

Это неожиданное помещение в больницу, конечно, наделало много хлопот не нам, больничным, а главным образом охране и беспокоило Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, которые и звонили ко мне и потом приехали. Мария Ильинична беспокоилась, накормят ли Владимира Ильича. Я успокоил ее, сказав, что позаботимся со всех сторон, и покормим, и напоим.

Владимир Ильич, как всякий больной, поступающий в больницу, был проведен по всем бумагам, была написана история болезни, которую заполнил В. И. Соколов, главный доктор. Владимир Ильич беспрекословно подчинился больничным порядкам, очень любезно принял доктора Соколова, отвечал на все его вопросы, дал себя выслушать и выстучать. Из этой истории болезни позволю отметить только последние строчки: «Со стороны нервной системы — общая перевозность, иногда плохой сон, головные боли. Специалистами констатирована неврастения на почве переутомления».

Часов в семь вечера мой сынишка сильно порезал себе ногу, пришлось пойти с ним в корпус и наложить на рану швы и повязку. Я зашел к Владимиру Ильичу, рассказал ему об этом случае, и потом он каждый день спрашивал у меня, как нога моего сына, пока у него не зажило. Эта внимательность к другим — одна из черточек характера Владимира Ильича. Владимир Ильич чувствовал себя прекрасно, на вопрос мой, не нужно ли чего, ответил, показывая на тов. Беленького, который стоял в дверях: «Скажите ему, чтобы они не очень волновались и больных бы не стесняли». Часов в одиннадцать вечера, когда я зашел вновь в корпус, Владимир Ильич уже спал.

На другой день утром приехал Борхардт, сделали перевязку, и в первом часу Владимир Ильич уехал домой. С Борхардтом вместе сделали еще одну перевязку, он уехал, и рану повели уже я с моим помощником доктором А. Д. Очкиным, с нами всегда ездила операционная фельдшерица К. М. Грешнева. Заживление ранки, которое велось на тампоне, длилось недели две с половиной, ранка заживала совершенно гладко; не-

сколько дней из-за этой ранки Владимир Ильич пробыл в Кремле и потом приезжал на перевязки из Горок. Каждый раз Владимир Ильич пенял на то, что нам приходится из-за этих перевязок много терять времени, и все хотел ездить на перевязки в больницу. Приходилось уверять, что мы это делаем с полной готовностью и что для нас будет гораздо спокойнее перевязывать его здесь, а не в больнице. Несколько раз Владимир Ильич оставлял нас пить чай, радушно угощал, беседуя на самые различные темы. Рана уже зажила, была под корочкой; чтобы снять совсем повязку, нужно было посмотреть через день, через два, — так и договорились.

Через два дня меня вызывают часа в три с конференции в больницу к телефону. У телефона Владимир Ильич. «Вы что делаете?» — спрашивает он. «Сйду на заседании, потом пойду домой». — «А скоро ли?» — «Минут через пятнадцать — двадцать». — «Хорошо, минут через двадцать я к вам приеду». Я хотел было запротестовать, но он положил трубку.

Действительно, минут через двадцать Владимир Ильич приехал и прошел прямо ко мне в кабинет. Я стал было ему говорить, зачем он беспокоился, ведь я бы к нему приехал. «Я, Владимир Николаевич, сейчас ровно ничего не делал, а вы работали; нечего об этом толковать». Снял я коллодийную повязку и сказал, что можно оставаться без повязки. «Ну вот и хорошо, а то вся эта ерунда мне очень надоела». Потом Владимир Ильич стал спрашивать меня, как бы ему поблагодарить мою фельдшерицу и не нужно ли чего доктору Очкину. Я сказал, что фельдшерица моя очень издергалась нервами, у нее есть девочка-воспитанница, которая перенесла только что какую-то детскую инфекцию, и было бы очень хорошо им поехать в Крым, в санаторий. Владимир Ильич записал себе это в книжку и сказал, что он об этом скажет Семашко. Про доктора Очкина я ничего не мог сказать, сказал только, что у него жена хворает. Я стал спрашивать Владимира Ильича, как он вообще себя чувствует. Владимир Ильич ответил, что в общем ничего, только вот головные боли по временам, иногда сон невыносимый, настроение плохое. Я стал убеждать Владимира Ильича, что ему необходимо хорошенько поотдохнуть, бросить на время всякие дела, пожить просто растительной жизнью. А он на это мне в ответ: «Вам, товарищ Розанов, самому-то надо отдохнуть, вид у вас тоже скверный, поезжайте за границу, я вам это устрою». Я поблагодарил его, по сказал, что в Германию ехать — не отдохнешь, так как невольно побежишь по клиникам да по больницам, если ехать отдыхать, то разве только на Рижское взморье. «Ну и поезжайте» (Владимир Ильич, действительно, дал возможность мне отдохнуть в Риге, а моя фельдшерица съездила в Крым). Я сказал спасибо Владимиру Ильичу и опять к нему с уговорами. Владимир Ильич

тепло поблагодарил меня за лечение и сказал, что он о себе «все-таки» думает и старается отдыхать, что за этим особенно смотрит Мария Ильинична; сказал, что его беспокоит больше не свое здоровье, а здоровье Надежды Константиновны, которая, кажется, стала мало слушаться Федора Александровича (доктера Гетье), и просил сказать Гетье, чтобы он с ней был понастойчивее, а то она всегда говорит, что «ей хорошо». А я в ответ: «Так же, как вы». Он засмеялся и, пожимая руку, проговорил: «Работать, работать нужно».

Расстался Владимир Ильич со мной в полном благополучии и поехал в Горки, а недели через три, 25 мая 1922 года, утром часов в десять, звонит ко мне по телефону Мария Ильинична и с тревогой в голосе просит поскорее к ним приехать, говоря, что «Володе что-то плохо, какие-то боли в животе, рвота». Скоро подали автомобиль, заехали в Кремль, а оттуда уже на двух машинах отправились в Горки, забрав из аптеки все необходимое: и для инъекций, и различные медикаменты. Поехали Н. А. Семашко, брат Владимира Ильича Дмитрий Ильич, доктор Л. Г. Левин, тов. Бельский и еще кто-то.

Владимир Ильич в это время жил в маленьком домике наверху; большой дом еще отделялся. Раньше нас из Химок приехал уже Ф. А. Гетье и осмотрел Владимира Ильича; сначала, по словам окружающих, можно было подумать, что заболевание просто гастрическое, хотели связать его с рыбой, якобы не совсем свежей, которую Владимир Ильич съел накануне, хотя все другие ели, но ни с кем ничего не случилось. Ночью Владимир Ильич спал плохо, долго сидел в саду, гулял. Ф. А. Гетье передал, что у Владимира Ильича рвота уже кончилась, болит голова, но скверно то, что у него имеются явления пареза¹ правых конечностей и некоторые беспорядки со стороны органа речи. Было назначено соответствующее лечение, главным образом покой. Решено было вызвать на консультацию невропатолога, насколько помню, профессора В. В. Крамера. И так в этот день грозный призрак тяжелой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. Все это, конечно, поняли; близкие почувствовали, а мы, врачи, осознали. Одно дело — разобраться в точной диагностике, поставить топическую диагностику, определить природу, причину страдания, другое дело — сразу схватить, что дело грозное и вряд ли одолжимое, — это всегда тяжело врачу. Я не невропатолог, но опытен в мозговой хирургии большой; невольно мысль заработала в определенном, хирургическом направлении, все-таки порой наиболее верном при терапии некоторых мозговых страданий. Но какие диагностики я ни прикидывал, хирургии не было места для вмешательства... Болезнь

---

¹ Неполный паралич, ослабление функций. *Ред.*

могла длиться недели, дни, годы, по грядущее рисовалось далеко не радостное. Конечно, могло быть что-либо наследственное или перенесенное незаметно, но это было маловероятно.

10 марта 1923 года вечером ко мне позвонил В. А. Обух и сказал, что меня просят принять участие в постоянных дежурствах у Владимира Ильича, которому плохо; на другой день мне о том же позвонил тов. Сталин и сказал, что он и его товарищи, зная, что Владимир Ильич ко мне относится очень хорошо, просят, чтобы я уделял этому дежурству возможно больше времени.

Я увидел Владимира Ильича 11-го числа и нашел его в очень тяжелом состоянии: высокая температура, полный паралич правых конечностей, афазия. Несмотря на затемненное сознание, Владимир Ильич узнал меня, он не только несколько раз пожал мне руку своей здоровой рукой, но, видно, довольный моим приходом, стал гладить мою руку. Начался длительный, трудный уход за тяжелым больным.

Тяжесть ухода усиливалась тем, что Владимир Ильич не говорил. Весь лексикон его был только несколько слов. Иногда совершенно неожиданно высказывали слова: «Ллойд Джордж», «конференция», «невозможность» и некоторые другие. Этим своим обиходным словам Владимир Ильич старался дать тот или другой смысл, помогая жестами, интонацией. Жестикуляция порой бывала очень энергичная, настойчивая, но понимали Владимира Ильича далеко не всегда, и это доставляло ему не только большие огорчения, но и вызывало порой, особенно в первые 3—4 месяца, припадки возбуждения. Владимир Ильич гнал от себя тогда всех врачей, сестер и санитаров. В такие периоды психика Владимира Ильича была, конечно, резко затемнена, и эти периоды были бесконечно тяжелыми и для Надежды Константиновны, и для Марии Ильиничны, и для всех нас. Вся забота о внешнем уходе лежала на Марии Ильиничне, и, когда она спадала, никому не известно. Кроме Надежды Константиновны, Марии Ильиничны, дежурящих врачей и ухаживающего персонала, к которому должен быть причислен и Петр Петрович Покали, к Владимиру Ильичу никого не допускали. Владимир Ильич, видимо, постоянно тяготился консультациями и всегда после них был далеко не в духе, особенно когда консультанты были иностранцы. Из иностранцев Владимир Ильич хорошо принимал профессора Ферстера, который, надо отдать справедливость, сам относился всегда к Владимиру Ильичу с большой сердечностью. Но с осени Владимир Ильич и Ферстера перестал принимать, сильно раздражаясь, если даже случайно увидит его, так что профессору Ферстеру в конце концов пришлось принимать участие в лечении, руководствуясь только сведениями от окружающих Владимира Ильича лиц.

Свежий воздух, уход, хорошее питание делали свое дело, и Владимир Ильич постепенно поправлялся, полнел. Явилась возможность учиться речи. Гуляли, пользовались каждым днем, когда можно было поехать в сад, в парк. Сознание полное. Владимир Ильич усмехался на шутки. Искали грибы, что Владимир Ильич делал с большим удовольствием, много смеялся над моим неумением искать грибы, подтрунивал надо мной, когда я проходил мимо грибов, которые он сам видел далеко издали.

Дело шло хорошо, уроки речи давали некоторые определенные результаты, нога крепла, и настолько, что можно было надеть легкий, фиксирующий стопу аппарат. Владимир Ильич, чувствуя себя окрепшим, все больше стеснялся услуг ухаживающих, сводя их до минимума. Он настоятельно захотел обедать и ужинать со всеми, иногда протестовал против диетного стола и всегда протестовал против всяких лекарств, охотно принимая только хинин, причем всегда смеялся, когда мы говорили ему, как это он так спокойно проглатывает такую горечь, даже не морщась.

Дело, повторяю, шло настолько хорошо, что я со спокойной совестью уехал на август месяц в отпуск. В середине августа от Марии Ильиничны получил письмо, тоже совершенно успокоительное, где она писала, что дежурства врачей уже не нужны, что идут усиленные занятия по упражнению в речи, от которых Владимира Ильича приходилось даже удерживать. В сентябре пришлось прекратить и дежурство сестер милосердия, которых Владимир Ильич, видимо, просто стал стесняться.

Упражнения в речи, а потом и в письме легли всецело на Надежду Константиновну, которая с громадным терпением и любовью вся отдалась этому делу, и это учение происходило всегда в полном уединении. Врачи, специально приглашенные для этого, не пользовались вниманием Владимира Ильича; он потом просто не допускал их до себя, приходя в сильное раздражение, так что они руководили этими занятиями, давая специальные указания Надежде Константиновне. Все как будто шло хорошо, так что против всякой врачебной логики у меня невольно закрадывалась обывательская мысль: а вдруг все наладится, и Владимир Ильич хоть и не в полном объеме, а станет все-таки работником.

Вернувшись из отпуска, я несколько раз навещал Владимира Ильича, приезжал с доктором Н. Н. Пригоровым и сапожником-ортопедистом, чтобы наладить ему ортопедическую обувь, сначала обычную, а потом и для зимы. Владимир Ильич всегда приветливо встречал нас, охотно давал примерять обувь, учился со мной ходить, ходил даже почти без помощи, с палкой. Ужинная с нами, угощал нас и сидел подолгу, участвуя в

разговоре своим немногословным запасом слов, который в конце концов мы в значительной степени научились понимать. Во все эти посещения при мне он всегда был весел.

И вдруг смерть, всегда неожиданная, как ни жди ее. Тяжелое, даже для врачей, вскрытие. Колоссальный склероз мозговых сосудов, и *только склероз*. Приходилось дивиться не тому, что мысль у него работала в таком измененном склерозом мозгу, а тому, что он так долго мог жить с таким мозгом.

*О Ленине. Воспоминания. Кн. III.
Предисл. и ред. Н. Л. Мещерякова. М.—Л., Госиздат, 1925,
с. 121—136*

ИЗ КНИГИ
«ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ,
1917—1924 гг.»

Для первого выхода Владимира Ильича в Совнарком после болезни было решено всеми товарищами, чтобы заседание продолжалось не более получаса. И это надо было сделать так, чтобы Владимир Ильич не заметил искусственного сокращения повестки. Заседание Совнаркома¹ было на этот раз перенесено с восьми часов вечера на шесть. Минута в минуту Владимир Ильич вошел в зал заседаний и, как всегда, прошел торопливой и темного теперь замедленной походкой к своему председательскому месту. Все народные комиссары, их заместители и другие товарищи, имевшие право на вход в Совнарком, были в сборе и находились на своих местах. Тихий трепет пронесся по залу; все затаили дыхание и благоговейно взирали на того, кто был только недавно на краю смерти.

Владимир Ильич тихим, слабым голосом огласил повестку. Первым попросил слово Рыков и сделал заявление, что ВСНХ просит снять с повестки его доклад и перенести через два заседания, когда все сведения будут собраны и цифры будут стоять на всех нужных и присутствующих местах.

Владимир Ильич укоризненно покачал головой и поставил на голосование.

Совнарком охотно отложил доклад ВСНХ. Но второму вопросу не явился докладчик, и наконец приступили к разбору третьего вопроса, продолжавшемуся не более десяти минут; потом заслушали что-то еще и очень искусно свели дело к полному исчерпанию повестки, и через 25 минут это историческое, первое, после того как Владимир Ильич вернулся к жизни, заседание было окончено. Владимира Ильича обступили товарищи. Он, как всегда, обстоятельно и хорошо поговорил со всеми и тихонько ушел к себе.

¹ Первое заседание Совнаркома после ранения В. И. Ленина под его председательством состоялось 17 сентября 1918 года. *Ред.*

С каждым днем ему становилось лучше, и он все более и более палегал на дела. Через неделю Совпарком заработал по-старому, и Владимир Ильич, похаживая у председательского стола, после того как рука была совершенно снята с перевязки, делал сию незначительную гимнастику, стремясь достать левой рукой за спиной правую лопатку, и делал это постоянно, точно и регулярно...

* *

*

На другой день в кабинете Владимира Ильича произошло событие, крайне характерное для Владимира Ильича. Часов в десять он пришел в кабинет и сейчас же принялся за просмотр газет. Не более как через полчаса ко мне раздался тревожный его звонок, повторенный несколько раз. Предполагая, что что-нибудь случилось дурное, я со всех ног бросился в кабинет.

Вхожу, вижу: Владимир Ильич сильно побледнел, встречает меня взволнованным взглядом и с упреком говорит мне:

— Это что такое? Как же вы могли допустить?.. Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика... Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров... Так, чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье... Ведь это ужасно!.. И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится. Я такой же, как и все... Печат меня прекрасные доктора. Чего же больше!.. Массы не пользуются таким вниманием, таким уходом, лечением, мы еще не успели дать им все... А тут стали меня так выделять... Ведь это же ужасно.

Я не мог вставить ни одного слова в эту взволновавшую речь, и, боясь, что Владимир Ильич сильно повредит себе таким волнением, я тихонько, как только он остановился, стал говорить ему о том, что любовь масс именно к нему беспредельна... что Управление делами и я лично осаждены бесконечными телефонными запросами, письмами, телеграммами, депутациями от фабрик, заводов, союзов: все хотят знать о его здоровье, и вот это всеобщее, всесоюзное желание рабочих, крестьян, красноармейцев, матросов, постановивших выслать с боевых кораблей воинские наряды для личной его охраны, — все это и отражается, как на фотографической пластинке, в газетах, в статьях, письмах, постановлениях, решениях фабрично-заводских коллективов.

— Все это в высшей степени трогательно... Я не знал, что я причинил столько волнений и беспокойства повсюду... Но надо это сейчас же прекратить, ничего не обижая. Это не нуж-

но, это вредно... Это против наших убеждений и взглядов на отдельную личность... Знаете что: вызовите Ольминского, Лепешинского и сами приходите все ко мне. Я буду просить вас втроем объездить сейчас же все редакции всех больших и маленьких газет и журналов. И передать то, что я вам скажу: чтобы они умненько, с завтрашнего дня, прекратили бы все это и заняли страницы газет более нужными и более интересными материалами... Пожалуйста, сделайте это поскорее.

И Владимир Ильич опять взялся за газеты.

Я тотчас же пошел выполнять желание Владимира Ильича, вызвал автомобиль, зная, что ехать надо немедленно.

Через десять минут и Ольминский, и Лепешинский были у меня в Управлении делами. Я вкратце рассказал им, в чем дело и, главное, остановил их внимание на том, что все это Владимир Ильич принимает близко к сердцу, очень волнуется, а это ему крайне вредно.

Мы условились во всем, конечно, согласиться с Владимиром Ильичем и немедленно выполнить все его желания.

Я пошел к Владимиру Ильичу и сообщил ему, что товарищи прибыли.

— Давайте их сюда, — заторопился Владимир Ильич. Он встал при их входе и радостно здоровался с ними, его давнишними и близкими друзьями.

— Вот он вам все расскажет, пожалуйста, поезжайте поскорее и прекратите сейчас же это безобразие... В какие-то герои меня произвели, гением называют, просто черт знает что такое!

Ольминский, как всегда отменно вежливый и воспитанный, сказал Владимиру Ильичу, что субъективно он рад всему случившемуся...

— Почему?

— Благодаря всему этому я могу видеть вас здоровым, жизнерадостным, возмущающимся. А объективно это действительно пикуда не годится... Газеты вызывают к какому-то коллективному чуду... Как у Горького в «Исповеди».

Мы знали, что Ильич не одобрял этот неожиданный припадок Алексея Максимовича...

— А патриарх Тихон, — шутил Лепешинский, — пожалуй, чего доброго, причислит вас к лику святых. Вот уж доходный будет святой. Мне так и хочется вспомнить Женеvu и нарисовать все это...

— Вот это правильно, — воскликнул Владимир Ильич... — Пантелеймон Николаевич, разутешьте... Нарисуйте, как всегда, хорошую карикатуру на тему «ерой» и толпа, к тому же и народников вспомните с Михайловским во главе...

И Владимир Ильич повеселел, смеялся и тут же приговаривая: «Поезжайте, поезжайте!.. Шутки в сторону: вопрос-то серьез-

езный; надо сейчас же прекратить это возвеличивание личности...»

И мы отправились по всем редакциям, начиная с «Правды» и «Известий», передавая всем отрицательное, негодующее мнение Владимира Ильича по этому вопросу, и предложили редакциям все спустить на тормозах. На все письма немедленно отвечать, что Владимир Ильич здоров, занимается в Совнарком, а в газетах давать краткие информации об этом.

Несколько часов потратили мы на это дело и вернулись в Совнарком. Владимир Ильич был у себя дома. Тотчас же принял нас и очень серьезно выслушал о решениях редакций.

— А за газетами все-таки посматривайте и давайте всем, особенно фабрично-заводским, пужные указания...

На другой же день газеты были все в другом тоне, и Владимир Ильич более не поднимал этого вопроса...

Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения в трех томах, т. III. Воспоминания о В. И. Ленине. 1917—1924 гг. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 293—298

ПОСЕЩЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА

В 1918 году я работал в Сергачском уезде Нижегородской губернии.

Уезд чисто крестьянский, один из хлебодороднейших в Нижегородской губернии. Сильна была власть кулачества, крепкую организацию имела партия с.-р. (эсеров). Нам пришлось преодолевать невероятнейшие трудности по уничтожению засилья кулачества, по созданию организаций бедноты и партийной коммунистической организации. К тому же Сергач являлся центром не только своего уезда, но и прилегающих местностей других уездов: Арзамасского, Княгининского, Васильсурского (Нижегородской губернии), Курмышского и Ардатовского (Симбирской губернии). Кулаки нашего уезда связывались с кулаками соседних уездов, и это увеличивало наши трудности, так как зачастую эсеровский центр действовал из соседних уездов или, разбитый у нас, скрывался в ближайшие селения соседнего уезда. Вот почему нам часто приходилось подавлять кулацкие восстания не только в своем уезде, но и переходить границы соседних уездов, подавляя кулацкие и белогвардейские восстания там (Васильсурский уезд — воскресенское и андреевское восстание; в Курмыше и Басурманах; в Ардатовском уезде — восстание Невского).

В конце концов к сентябрю 1918 года мы в основном уничтожили кулацкие гнезда, создали комитеты бедноты, крепкие при них боевые дружины, наладили партийную организацию и провели даже уездную конференцию нашей партии (первые из всех уездов нашей губернии).

Но, конечно, борьба с кулачеством продолжалась. Усугублялась она еще тем, что чехословацкие войска подходили к Алатырю (100 верст от нас); с другой стороны, Сергач лежит на железной дороге Арзамас — Шихраны — Казань, то есть на той железной дороге, которая была у нас тогда единственной для связи с фронтом под Казанью. Штаб Восточного фронта поме-

пался в Арзамасе. К перерыву сообщений по этой железной дороге были направлены усилия белогвардейцев. Особенно нужно было охранять железнодорожные мосты через Суру (группа ВЧК Лациса находилась одно время в Пильне, на границе нашего уезда с Курмышским, который тогда входил в Симбирскую губернию). Нам же пужно было разорять кулацкие и белогвардейские гнезда вокруг этой железной дороги.

15 сентября 1918 года созывалась партийная конференция Московской центрально-промышленной области (это была последняя областная конференция, после нее Московского областного комитета не стало, а на конференции было избрано лишь бюро).

Уездной конференцией нашей организации делегатом на эту областную партконференцию был избран я.

И вот в связи с моей поездкой в Москву мне было поручено сделать доклад о положении в уезде председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.

На областной партконференции Яков Михайлович делал доклад по организационному вопросу. Голос его гулко разносился по залу:

— Когда ЦК находился в Петрограде, там был ликвидирован областной комитет. Теперь ЦК находится в Москве, существование Московского областного комитета излишне.

— Нам нужно создать опорные пункты в каждой деревне.

В конце заседания я подошел к Якову Михайловичу:

— Я командирован из уезда, чтобы сделать вам доклад. Когда можно прийти к вам?

— Да когда угодно, — ответил Яков Михайлович, — я сижу с 10 часов утра до часу ночи, приходите лучше от 10 до 12 утра, я буду ждать.

Яков Михайлович смотрел приветливо сквозь стекла пенсне и улыбался.

Делегаты партконференции окружили нас, слышали ответ Якова Михайловича о времени его занятий, начали шутить, смеяться: «Что, достается, Яков Михайлович?»

Свердлов отшучивался:

— Приходится, ничего не поделаешь.

На другой день я отправился в Президиум ВЦИК, в комнату 37 здания 6. Судебных установлений.

Приемная была забита посетителями. Медленно проходил по комнате высокий Аванесов, в пенсне, с блокнотом в руках. По пути выслушивая заявления посетителей, останавливался, что-то записывал и медленно шел дальше.

Меня почти немедленно провели в кабинет Якова Михайловича.

Яков Михайлович сидел за небольшим письменным столом, по углам комнаты сидели машинистки. Яков Михайлович им

что-то диктовал и передавал для размножения бумаги. Прошла через кабинет тов. Новгородцева, также с пачкой бумаг в руке.

Мой доклад длился около часа. Яков Михайлович очень им интересовался, что-то все записывал в небольшую книжечку. Сказал:

— Сейчас мы вырабатываем инструкцию о превращении комитетов бедноты в Советы. Комитеты бедноты свое дело сделали, а основная форма у нас — Советы. Вот вам теперь на местах придется проводить эту работу.

Мы начали обсуждать, как построить Советы через комитеты бедноты. Комитеты бедноты своей деятельностью вытеснили Советы, которые потеряли тогда свое значение. Надо было Советы укрепить, но через использование комитетов бедноты (впоследствии такой закон был издан).

Коснулись во время разговора снабжения беднейшего крестьянства хлебом и товарами. Я передал Якову Михайловичу докладную записку председателя нашего уездного Совета тов. Родионова, который излагал, как это устроить.

— Хорошо, я эту записку прочту, — сказал Яков Михайлович.

(Он ее прочитал, она ему понравилась. Когда потом, в начале 1919 года или в конце 1918 года, Яков Михайлович был в Нижнем, в губкоме, он говорил обо мне и Родионове, дав хорошую характеристику. Об этом мне передавал тов. Сергушев, бывший тогда секретарем Нижегородского губкома. Но это — между прочим.)

Доклад мой кончился, Яков Михайлович задумался. Я решил:

— Яков Михайлович, а нельзя мне увидеть товарища Ленина?

— Вот об этом я как раз и думал. Владимир Ильич очень любит такие доклады, непосредственный голос с мест. Вот все мы что-нибудь можем упустить, а Владимир Ильич использует все как нужно. Особый дар у него на это. Нам что-нибудь покажется мелочью, а Владимир Ильич и ухватится как раз за эту мелочь. Да вот только может ли он принять, лишь вчера приступил к работе. Мы его сейчас спросим.

Яков Михайлович позвонил по телефону.

— Владимир Ильич? Приехал товарищ из самой гущи деревенской работы. Рассказывает очень много важного. Можете принять?

Потом мне:

— Пойдемте, зовет.

Мы пошли по внутренним переходам. Яков Михайлович отпирал ключом попадавшиеся двери.

Перед кабинетом Владимира Ильича сидел красноармеец. Мы вошли в кабинет. Я не видел до того Владимира Ильича. Представлял его по портретам того времени: монгольский тип, с остро напряженными глазами. А тут ходит по кабинету среднего роста человек, крепкий, пропорциональный. Лицо симпатичное, благодушное. Глаза смотрят спокойно, и никакого напряжения во взгляде, как изображалось на портретах. Одет в костюм синевато-черного цвета, не первой свежести. Право, простой человек.

Все это мелькнуло у меня мгновенно. И все-таки я волновался.

Рукопожатие Владимира Ильича — крепкое, спокойное, рука — мягко-упругая, теплая. Левая рука забинтована, согнута в повязке.

Владимир Ильич пригласил нас сесть. Я сел. Яков Михайлович ушел, пригласив меня потом зайти к нему.

Владимир Ильич продолжал ходить по кабинету...

— Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич? — начал я.

— Теперь ничего. Скоро повязку с руки снимут. Только вот пуля внутри сидит, но врачи говорят, что со временем вынут.

Дальше я хотел сказать, какое впечатление на нас произвело покушение на Владимира Ильича, какие чувства мы к нему испытываем, но он осторожно отвел меня от этой темы, начав прямо расспрашивать, что делается в деревне.

Я понял, что Владимир Ильич не хочет выслушивать излияния чувств к нему. Приступил к деловому докладу. Владимир Ильич, ходя по кабинету, задавал мне вопросы: «Как организуется деревенская беднота? Как борется с кулачеством? Не проникают ли кулаки в комбеды? На основании чего мы устанавливаем разделение крестьян на кулаков, середняков и бедняков?»

Я изложил подробно всю нашу борьбу с кулачеством, привел факты, как задолго еще до издания декрета (11 июня 1918 года) об организации комитетов бедноты стихийно возникли бедняцкие организации и давали себе название «комитеты бедноты», как кулаки убивали участников этих комитетов «всем сходом», «обществом». Привел такой случай: после убийства в селе Большом Андросове «обществом» организатора комитета бедноты тов. Краснова уездная следственная комиссия повела следствие и дело об убийстве тов. Краснова прекратила, организаторов же комитета бедноты постановила привлечь к ответственности за образование «незаконной организации погромного разбойничьего характера». Мы, конечно, разогнали эту следственную комиссию, а все дело передали уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Владимиру Ильичу очень понравилось, что комитеты бедноты создавались самими бедняками еще до издания декрета от 11 июня 1918 года.

Профикают кулаки в комбеды? Да. Мы издали в уезде положение, что товары будут отпускаться только через комитеты бедноты. Это положение, кроме толчка к организации комбедов, породило ту ненормальность, что комитеты бедноты начали организовываться только для отвода глаз, формально, избирались на сходах, и в них входили те же кулаки, прикинувшиеся «беднотой». Но мы были готовы на борьбу с таким явлением, мы его предвидели. При помощи существующих действительных комитетов бедноты мы наводили справки о каждом члене вновь возникшего комитета бедноты. Если комитет бедноты оказывался неправильным, мы его распускали и организовывали другой таким путем, что начинали с единиц, группы сознательных бедняков и распространяли вербовку далее. Мы производили раскол в селении, группы противопоставляли одна другой и утверждали комитет, возникший из группы бедняков. При таком способе организации получались крепкие комбеды, которые, выковавшись в борьбе с кулачеством и выступив открыто против него, уже не сходили с этого пути. Ведь сколько решимости надо было иметь бедняку, чтобы открыто стать на борьбу с кулачеством. В тогдашних условиях, под угрозой расправы кулачества, это было действительно революционное действие. И в комитеты бедноты шли крепкие, стойкие, революционные бедняки.

Как мы определяем кулаков? Мы, уездные работники, сами крестьян того или другого селения не знаем, конечно, подробно. И тут мы пользуемся работниками партийных ячеек и комитетов бедноты. В деревне каждый знает друг друга до толкосты. А работники ячеек и комбедов — все местные люди. Вот через них мы и выявляем кулаков, тех крестьян, которые создавали свое хозяйство: через закабаление других крестьян. Торговцев, ростовщиков, мироедов, напимателей работников все знают в деревне. Вот через местных комбедовцев и партийцев мы этих лиц и выявляем.

— Не попадает ли от вас середнякам? — спросил Владимир Ильич.

Я признался, что иногда попадает, когда они замешиваются в восстание. Я начал рассказывать, где и какие были восстания.

Владимир Ильич подошел к карте, висевшей на передней стене, и начал отмечать пункты восстаний, расширявая подробно причины каждого восстания и способы его подавления.

Выслушав ответы, Владимир Ильич сказал:

— Тяжела борьба с кулаками, а надо довести ее до конца. К весне обязательно закончить. Зимой нас беспокоить особенно

не будут, а с веспы капиталисты и белогвардейцы двинутся со всех сторон. Они нас в кольцо возьмут, вот так.

И Владимир Ильич на карте начал показывать линии предполагаемого окружения Советской России. И знаменательно, что эти линии почти совпали с теми путями, по которым белогвардейские полчища действительно двинулись весной 1919 года.

— Белое море откроется, — продолжал Владимир Ильич. — Белогвардейцы наплывут. Если кулаков к весне не уничтожим, у нас в тылу они такую бучу поднимут! Кончайте к весне с кулаками.

— Мы придавим их окончательно, Владимир Ильич, — ответил я.

Владимир Ильич отошел от карты и снова зашагал по кабинету. Я уже давно оправился от первоначального волнения. Любознательно смотрел на двигавшуюся передо мной фигуру вождя. Так хорошо быть в комнате с Лениным, смотреть на него, говорить с ним, да так просто, как с близким, дорогим человеком. За все время в комнату никто не входил, не раздавалось и телефонного звонка. Видимо, оберегали Ильича, только что второй день вышедшего на занятия. Сколько времени я был у Ленина? Долго. Не меньше двух часов.

— Надо, чтобы ваш доклад был напечатан. Идите в «Правду» и там расскажите все, я сейчас дам вам записку.

Владимир Ильич сел к столу, пододвинул к себе бланк «Российская Федеративная Советская Республика — Председатель Совета Народных Комиссаров», положил забинтованную руку на стол, взял другой ручку и приготовился писать. В этот момент взгляд его изменился; спокойный до этого, взор его получил ту напряженность, что изображалась на портретах того времени.

Перо быстро забегало по бумаге.

— Как ваше имя и отчество?

Я сказал. Владимир Ильич не расслышал отчества, я увидел, что он писал «Николаевич» вместо «Иванович», но разве это имеет значение? Потому я ничего и не сказал Владимиру Ильичу по этому вопросу.

— Вот, — подал мне Владимир Ильич исписанный лист бумаги размером в пол-листа писчей.

Разгонистым почерком с сокращениями слов, с подчеркиванием отдельных слов, с вбранием в скобки, по старой орфографии, на одной странице было написано:

«В редакцию «Правды»

18. IX. 1918 г.

Податель тов. Михаил Николаевич *Санаев*, председатель Сергачского уездного комитета партии (и член исполкома), рассказывает очень интересный материал о классовой борьбе в деревне и комитетах бедноты.

Крайне важно, чтобы именно такой *фактический* материал с мест появился в газете (а то чересчур много «общих» рассуждений). Очень прошу записать со слов товарища и напечатать.

С товарищеским приветом *Ленин*¹.

Я попрощался с Владимиром Ильичем, пожелав ему скорейшего выздоровления.

С запиской я отправился в редакцию «Правды». Там кончились занятия, сотрудники уходили. Из редакции в это время не было никого, мне предложили зайти вечером. Но вышло так, что вечером я не смог, на другой день был у Я. М. Свердлова и Н. К. Крупской, когда же опять зашел в редакцию, снова никого не застал. Ждать больше не мог, так как не было хлеба. Кормили меня рязанцы, а они уже уехали. Поэтому я поспешил на поезд домой. А записка Ильича так и осталась у меня.

23 марта 1929 г., г. Симферополь.

*Вопросы истории КПСС, 1967,
№ 10, с. 131—134*

---

¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 181. Ред.*

У КОЛЫБЕЛИ КОМСОМОЛА

Первые массовые организации рабочей молодежи в России возникли в 1917 году. Большевицкая партия пристально следила с первых же шагов за возникшим пролетарским юношеским движением, помогая молодежи занять правильную политическую позицию, строить свою организацию как самостоятельную, классовую революционную организацию.

В мае — июне 1917 года в «Правде» печатается ряд статей Н. К. Крупской и других деятелей партии о задачах союзов молодежи, печатается проект устава союза. Партия посылает своих виднейших представителей для политического просвещения молодежи и для помощи в строительстве ее организации. Главное, указывал Ленин, состоит в том, чтобы в своей организации рабочая молодежь научилась сознавать себя частью великого революционного класса, призванного преобразовать мир, и практически приобщалась бы к борьбе за осуществление социалистических идеалов.

Исключительное значение для четкого политического оформления и строительства союзов рабочей молодежи имел VI съезд партии, проходивший в Петрограде в августе 1917 года. Нацеливая партию и рабочий класс на подготовку и проведение вооруженного восстания за власть Советов, VI съезд партии в специальной резолюции подчеркнул то значение, которое партия придает участию рабочей молодежи в борьбе за диктатуру пролетариата, и четко определил характер и направление союзов молодежи, их задачи.

В дни Октябрьской революции союзы рабочей молодежи целыми организациями вливались в красногвардейские отряды. Рабочая молодежь беззаветно сражалась за власть Советов на самых опасных участках, проявляя чудеса героизма, самоотверженности и несокрушимой юношеской отваги.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции союзы молодежи являлись активными и надежными

помощниками Коммунистической партии в строительстве новых органов государственной власти пролетариата, в осуществлении контроля над производством, в проведении ленинского декрета о земле, в пропаганде и утверждении в жизнь идей Октября и в вооруженной защите Советской власти.

В начале гражданской войны пролетарская молодежь еще не была объединена в масштабе всей страны. Между тем потребность во всероссийском объединении союзов молодежи назрела. По совету ЦК партии петроградская, московская и уральская организации союзов рабочей молодежи в июле 1918 года выделили Организационное бюро для подготовки съезда Всероссийского съезда рабочей и крестьянской молодежи.

Вечером 29 октября 1918 года состоялось открытие съезда. Какой восторг охватил делегатов и многочисленных гостей, когда в торжественной тишине прозвучали слова: «Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи объявляется открытым!»

Приступили к выборам президиума. Встал юноша. Взволнованным голосом он крикнул: «Предлагаю избрать почетным председателем съезда Владимира Ильича Ленина!..» Буря оваций, приветственные возгласы в честь вождя, мощное пение «Интернационала» были ему ответом.

* * *

*

Занятый гигантской работой по руководству Советским государством, Владимир Ильич не мог прийти на съезд. Но он внимательно следил за его работой. По приглашению В. И. Ленина делегация I съезда комсомола, в лице его президиума, пришла к нему в Кремль, чтобы рассказать о работе съезда и получить совет и указания любимого вождя. Автору этой статьи выпало на долю великое счастье быть в составе делегации, посетившей Владимира Ильича.

В хмурый ноябрьский день, когда мы направились в Кремль, в хозяйственной части общежития несли все запасы продовольствия и делегатам не выдали обычной голодной нормы ржаных сухарей. Попив горячего кипяточку с «таком», мы отправились в путь. Должна признаться: несмотря на то что мы были пропитаны самыми чистыми и возвышенными чувствами в ожидании предстоящей встречи с В. И. Лениным, мы все же сильно хотели есть. Не совладав с человеческой слабостью, мы совершили финансовый анализ карманов и, сложив все свои богатства, на углу Лубянки (теперь площадь Дзержинского) купили у торговли почти целую буханку хлеба.

Бережно уминая хлеб, мы шли, горячо обсуждая все, о чем обязательно надо будет рассказать Владимиру Ильичу. Ре-

пили, что говорить от имени делегации будет один, иначе упустим сказать главное.

Увлечшись разговорами, мы не заметили, как подошли к Кремлю. Через несколько минут мы уже были в приемной у Владимира Ильича. Но Ленин был занят. Время вождя было строго рассчитано, а мы опоздали, и он принял кого-то другого. Надо было ждать. Пристыженные тов. Фотисевой (которая работала секретарем Ленина) за опоздание, мы отошли в уголок и, сгрудившись тесной кучкой, шепотом делали последние наставления своему «уполномоченному».

Неожиданно открылась дверь кабинета, и Ленин, кого-то выпуская, улыбаясь, глянул в нашу сторону: «А, молодежь пришла», — и пригласил нас зайти¹. Приветливо и ласково он с каждым поздоровался и удобно рассадил нас вокруг стола.

И вот мы с Лениным. Перед нами с виду обыкновенный, простой человек и такой близкий, родной. И в то же время гигант — вождь революции, глава Советского государства, учитель трудящихся всего мира. И тут надо признаться, что все мы растерялись, позабыли все хорошие слова, которые хотели ему сказать. В груди бушевала радость, а выразить свои чувства мы не могли. Несмело наш «уполномоченный» одернул куртку и дрогнувшим голосом, заикаясь, произнес: «Дорогой, многоуважаемый товарищ Ленин!.. — Пауза. Чувствуя наши пропизывающие взгляды, он откашлялся и снова начал: — Дорогой, многоуважаемый Владимир Ильич...» — и безнадежно, окончательно смолк.

Ленин понял наше состояние, шутками и вопросами помог нам прийти в себя и незаметно вовлек в непринужденную, оживленную беседу о целях и задачах рождавшейся всероссийской юношеской коммунистической организации, о роли трудящейся молодежи в борьбе за упрочение Советской власти, за новый, социалистический строй, создававшийся в нашей стране. Ленин интересовался, все ли губернии представлены на съезде, много ли представителей крестьянской молодежи, в чем выражается конкретная деятельность существующих союзов, знакомы ли мы с союзами и борьбой пролетарской молодежи зарубежных стран. Когда Ленин спросил, много ли девушек среди делегатов съезда, Саша Безыменский вскочил и отпортовал: «Так точно, 9 штук...»

Все засмеялись, а громче и заразительнее всех смеялся Ленин. Когда наступила тишина, я поправила Безыменского: «Не штук, а человек...» Ленин мягко улыбнулся и серьезно сказал: «И еще какие люди — женщины! Чем шире мы приобщим рабочих и крестьянок к борьбе пролетариата, тем

¹ Встреча состоялась 4 ноября 1918 года после закрытия съезда.
Ред.

быстрее и надежнее будет победа нового строя». Ленин посоветовал нам специально подумать о вовлечении в союз женской трудящейся молодежи.

Беседа подходила к концу. Вдруг ожил наш «уполномоченный» и попытался произнести торжественную речь. Но Ленин перебил его, спросив рабочего-уральца Сорвина, учится ли рабочая молодежь стрелять и вообще военному делу. «Уполномоченный» выждал и опять начал говорить: «Союз принял коммунистическое название... мы...»

Ленин испытующе посмотрел на нас и сказал: «Дело не в названии, товарищи. Суть дела,— подчеркнул он,— состоит в том, чтобы члены Коммунистического союза молодежи своей жизнью и работой оправдывали свое название. Вы видите, какая идет жестокая борьба, сколько страданий и крови она стоит. Против Советской власти, против трудящихся ополчились не только русские белогвардейцы и мировая буржуазия. Нас мучает голод, хозяйственная разруха. Тяжелым наследством прошлого является неграмотность и бескультурье. Все это враги, и всех их надо одолеть. В Советской власти, в социалистическом обществе, которое мы обязательно построим,— ваше будущее,— закончил Ленин.— Задача коммунистической молодежи — быть в первых рядах борцов за новую жизнь».

Прощаясь с нами, Владимир Ильич дал нам несколько номеров журнала «Интернационал молодежи» и посоветовал побыстрее связаться с самим Интернационалом молодежи. Вспомнив что-то, Ленин вдруг спросил: «А как у вас обстоят финансовые дела?» Мы скромно ответили: денег пока нет. Владимир Ильич присел и написал записку председателю ВЦИК Якову Михайловичу Свердлову с предложением выдать будущему ЦК комсомола 10 тысяч рублей для организации работы.

Вошла тов. Фотиева и что-то тихо сказала В. И. Ленину. Он утвердительно кивнул головой и попросил: «Скажите ему, что через пять минут я его приму...» Мы поняли, что пора уходить, и встали. Ленин тоже встал, внимательно осмотрел нас и, улыбнувшись одними уголками глаз, просто и задушевно спросил: «А кушать, ребятки, хотите?» Мы хором ответили: «Нет!» Но наши лица говорили другое. Ленин написал еще одну записку Якову Михайловичу Свердлову: «Накормить обедом 11 (одиннадцать) членов президиума первого Всероссийского съезда союза молодежи».

Эта задушевность Ленина, его трогательная забота о людях взволновала нас несказанно. Окрыленные, радостные, мы шли от Ленина, чтобы передать через съезд всей рабоче-крестьянской молодежи страны программное ленинское напутствие на самоотверженный труд и подвиги во имя победы коммунизма.

В 1919. год комсомол вступал уже как руководящая, представительная организация всей рабочей и крестьянской моло-

дежи; этой организации партия, Ленин доверили идейное воспитание пролетарской смены и привлекли ее к участию в государственном разрешении нужд молодежи в области труда и образования.

Восьмой съезд партии, состоявшийся в марте 1919 года, в специальной резолюции «О работе среди молодежи» подчеркнул значение комсомола как резерва партии. Съезд призвал партию оказывать самую деятельную идейную и материальную поддержку Российскому Коммунистическому Союзу Молодежи.

Мы знаем, как сверхчеловечески был загружен Ленин, но он находил время, чтобы вникнуть в конкретные нужды жизни комсомола, дать совет, подсказать путь решения тех или иных вопросов.

В апреле 1919 года состоялся I Всероссийский съезд коммунистов-учащихся. Между комсомолом и коммунистами-учащимися не было достаточного контакта. Многие местные комсомольские организации вопросами строительства новой трудовой школы не занимались, полагая, что это дело интеллигенции. Владимир Ильич помог выправить это положение. Он выступил на съезде коммунистов-учащихся с приветствием и указал на огромное значение участия самой коммунистической молодежи в строительстве новой, советской школы. После съезда учащиеся-коммунисты организованно вошли в комсомол.

Октябрь 1919 года был наиболее критическим в ходе гражданской войны. С юга к Москве подходила белогвардейская армия Деникина, с севера на Петроград устремилась банда генерала Юденича. Когти врага готовы были вцепиться в самое сердце революции, чтобы остановить его бегство. В тяжелое, грозное время гражданской войны, в октябре 1919 года, в Москве собрался II Всероссийский съезд комсомола. Делегаты съезда внесли предложение объявить мобилизацию всех комсомольцев на фронт. Центральный Комитет партии поправляет съезд и предлагает мобилизовать, не только 80—100 процентов комсомольцев в прифронтовых районах и 30 процентов — повсеместно. Ленин присылает письменное приветствие съезду. Он желает успеха молодежи в работе и строительстве новой жизни и выражает твердую уверенность в победе. Силы молодежи нужны не только на фронте, но и в тылу, на фабрике, в деревне.

* * *

*

...Незабываемый, исторический для жизни комсомола 1920 год. III съезд комсомола. Большой зал в доме № 6 на Малой Дмитровке в Москве (теперь Театр имени Ленинского комсомола) набит до отказа. В нем представлен цвет пролетарского юношества страны — отважные воины и самоотверженные строители, творцы новой жизни, мечтатели и герои.

Возраст делегатов — от 17 до 20 лет. В анкетной графе «образование» преобладает краткая запись: «низшее», но есть и такие ответы: «умею читать», «не учился в школе», «грамотный».

Ждем Ленина. А пока поем, спорим... И вдруг в зал ворвался радостный клич — Ленин! Владимир Ильич как-то неожиданно появился на сцене в кепи и осеннем пальто, и его даже не узнали сразу. Ленин! Вот он стоит улыбающийся, совсем близко, рядом с тобой, и сердце переполнено счастьем. Несколько минут не смолкает волнующая овация. Но Ленин показывает на часы и просит нас унять свои чувства. Водворяется тишина.

Ленин приближается к краю сцены, внимательно вглядывается в напярженные лица и пегромко говорит: «Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще».

Стало еще тише, а Ленин, как бы беседуя с нами и со всей молодежью страны, продолжал:

— И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи и союзов коммунистической молодежи, их можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться¹.

Скажу правдиво — не все мы сразу поняли глубокий смысл ленинских слов... Многие делегаты приехали на съезд прямо с фронта, другие — с заводов, фабрик, третьи — из деревни. Все вместе мы дрались с врагами, работали, агитировали, ежедневно вершили уйму дел, самоотверженно вкладывая все свои силы и чувства в строительство нового мира. Этим, казалось, и исчерпываются наши задачи. И вдруг — учиться!

Ленин видел наше удивление. В простых и понятных словах, иногда возвращаясь к сказанному, подчеркивая содержащиеся глубочайших теоретических положений примерами из наших же будней, из борьбы трудящихся, он объяснял, что такое коммунизм и почему коммунистическое общество можно строить, только опираясь на науку, на знания, накопленные человечеством.

— Но это общество могут строить только рабочие, крестьяне, — говорил он. — Старшее поколение завоевало Советскую власть. Этим уже обеспечены условия для строительства и победы коммунизма. А строить коммунистическое общество и жить в нем будет то поколение, которому сейчас 15—20 лет.

В сердце и мозг глубоко проникали ленинские слова: учиться коммунизму; упорно и настойчиво учиться математике и химии, истории и строительной технике, и эти знания сочетать

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 298. *Ред.*

с производительным трудом на предприятии, применять их в земледелии, быть образованными людьми и тружениками — отдавать все силы во имя победы коммунизма.

Мы слушали Ленина, и коммунизм из мечты, из далекого, туманного будущего становился осязательным, живым делом, которое мы можем строить, создавать.

*   *   *

*

Много лет прошло с тех пор, а в памяти — живой образ Ленина, величайшего человека, который всю силу своего гения отдал народу. Читая и перечитывая произведения Ленина, не только получаешь новые силы и знания, но и проникаешься к нему чувством глубочайшей благодарности за то великое богатство, которое он нам оставил.

Воспоминания о Владимир Ильиче Ленине, ч. 2, с. 434—440

«МАЛЕНЬКАЯ КАРТИНКА
ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ БОЛЬШИХ ВОПРОСОВ»¹

Ленин был живым руководителем живого революционного дела. Он постоянно находился в гуще народной жизни, пристально следил за особенностями классовой борьбы и советского строительства, примечал характерные моменты в творческой активности и инициативе масс, освещал полезный опыт мест для привлечения к нему внимания всей страны. Он искал и находил живые ростки нового, что рождал творческий гений освобожденного народа, и даже в обычном, казалось бы, будничном деле умел находить значительное и даже великое. Наглядным примером этих замечательных качеств является отношение Владимира Ильича и к уездной жизни в глухом уголке бывшей Тверской губернии.

Октябрьская революция пришла в Весегонск только в январе 1918 года. Неимоверно трудны были первые шаги рабоче-крестьянской власти при вопиющей нужде народа, жестоком кризисе в насущном хлебе, без гроша в советской казне. Однако недаром борьбой за новую жизнь руководила героическая партия Ленина. Душой ее здесь был бывший рабочий и солдат Григорий Терентьевич Степанов — человек большого ума, непреклонной воли и подлинной большевистской смелости. Весегонская партийная организация уверенно вела основную крестьянскую массу по новому пути.

Яростно старались враги революции, кулаки, скрывая и разбазаривая запасы хлеба, задушить голодом деревенскую бедноту — опору Советской власти в крестьянском уезде. Они подняли вооруженное восстание, стараясь потопить в крови первые завоевания революции и восстановить буржуазный строй. Злостной клеветой на партию и рабочий класс они старались

---

¹ Так озаглавил В. И. Ленин свою статью по поводу книжки А. И. Тодорского «Год — с виптовкой и плугом», выпущенной в 1918 году. *Ред.*

подорвать союз рабочих и крестьян и опорочить большевистское руководство. Они ставили ставку и на неопытность первых комиссаров на местах, предрекая провал всех революционных начинаний. В сложных условиях ожесточенной классовой борьбы, в обстановке, когда рушились вековые устои стародавней жизни, молодым партийно-советским руководителям приходилось с боем отбивать кулацкое наступление и под огнем врага начинать социалистическое строительство. В один из таких напряженных дней лета 1918 года неожиданно пришло требование Тверского губернского комитета партии представить к празднику Октября отчет о работе за первый год Советской власти.

Уездный комитет партии поручил составление отчета мне, тогда редактору газеты «Известия Весьегонского Совета», а Г. Т. Степанов разъяснил, что именно в редакции можно точно и правдиво воспроизвести местную историю, поскольку газета является пропагандистом нового опыта и крепко связана с народом. Эта работа скоро захватила нас. Четко вырисовывалась картина героической борьбы и первых побед социализма. За первые месяцы новой исторической эры в «медвежьем углу» свершились разительные перемены. Рабочие и крестьяне разгромили векового классового врага. Деревенская беднота была вызволена из кабалы и впервые воспрянула духом. Развертывалось и хозяйственное строительство. Были оборудованы: электростанция, лесопильный и хромовый заводы, типография, телефонная станция, сельскохозяйственные мастерские. Строилась железная дорога, до которой от уездного города было 75 верст. По всему уезду велась культурно-просветительная работа, введено было обязательное обучение, открыто семь новых училищ, организованы десятки школ для неграмотных.

Отчет губкому строился не как голая цифровая информация, а как живой доклад самому народу — хозяину новой жизни. Раскрывались два основных направления местной работы: с винтовкой и плугом. Так возникло название «Год — с винтовкой и плугом»; к 7 ноября 1918 года появилась на свет наша книжка. Она рассказывала о борьбе и работе Советской власти, происходивших на глазах всего народа. Книжку отпечатали в своей новой типографии в количестве тысяча экземпляров и разослали во все селения уезда.

Одна книжка попала в Москву в крестьянскую газету «Беднота», а оттуда — на письменный стол Владимира Ильича Ленина.

Ленин прочитал ее в конце 1918 года, нашел время и возможность прокомментировать эту скромную книжку, извлек крупницы местного опыта и показал ростки нового всей стране. Под свежим впечатлением В. И. Ленин тогда же написал известную статью «Маленькая картинка для выяснения больших

вопросов»¹. Внимание его особенно привлекла глава «Лесопильный и хромовый заводы». В ней рассказывалось, как весьегонские большевики сумели «заставить подняться купеческие руки и взяться за работу, но уже не ради личных их выгод, а ради пользы рабоче-крестьянской России». В исполком были призваны молодые, энергичные и особенно дельные промышленники и под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества привлечены к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов. «Оборудование двух советских заводов,— писали мы,— «несоветскими» руками служит хорошим примером в том, как падо бороться с классом, нам враждебным». Завершалась эта глава словами, которые Ленин на своем экземпляре книжки выделил, отчеркнул на полях три черты и отметил крупно — «NB»:

«Это — еще полдела, если мы ударим эксплуататоров по рукам, обезвредим их или «доконаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать, и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть». Ленин назвал это рассуждение превосходным и глубоко правильным. В своей статье в связи с весьегонским примером он сформулировал знаменитый тезис о построении коммунизма из человеческого материала, созданного капитализмом.

«Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов, созданных капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей»².

Прошло три года после написания этой статьи, и в январе 1922 года Владимир Ильич, работая над планом статьи «Заметки публициста», выделяет отдельным пунктом: «Весьегонский образец» — и записывает в план следующий вопрос: «...чьиими руками создавать коммунизм?». А строкою ниже: «Цитата из Тодорского...»³.

В марте 1922 года Ленин работает над планом очередной

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 407—411. *Ред.*

² Там же, с. 409. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 504. *Ред.*

речи и снова вспоминает Весьегонск: «Тодорский, стр. 62, подчеркнуть. Уже в X. 1918!»

27 марта 1922 года В. И. Ленин выступил на XI партийном съезде с политическим отчетом ЦК РКП(б). Развертывая перед коммунистическим авангардом вопросы политики партии на ответственном этапе социалистического строительства, Ленин обратился к проявлению революционного творчества масс, к использованию практического опыта рядовых работников, к росткам нового, социалистического строя. Он назвал весьегонское рассуждение о том, что мало буржуазно победить, а надо ее заставить на нас работать, замечательным.

«Замечательные слова, показывающие, что даже в городе Весьегонске, даже в 1918 году, было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией... Даже в 1918 году, когда это было сказано весьегонским товарищем, это было полдела, а теперь — это даже меньше, чем четверть дела. Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас, а не так, чтобы ответственные коммунисты стояли во главе, имели чины, аплыли по течению с буржуазией. Вот в этом — вся суть.

Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море»¹.

Почему Ленин так благожелательно отнесся к нашей книге? Он ответил на этот вопрос следующим пожеланием:

«Надо пошире распространить эту книгу и выразить пожелание, чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта. Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых цепным фактическим содержанием из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни»². Ленин считал, что из весьегонской книжки «надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами»³.

Проявив живой интерес к весьегонской жизни, Владимир Ильич выразил сердечное внимание и заботливое отношение и к самим весьегонцам. Он дважды радушно принял наших ходяков, удовлетворил их просьбы, а через них передал привет местным работникам.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 97—98. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 407—408. *Ред.*

³ Там же, с. 407. *Ред.*

Первым ходоком был весьегонский крестьянин-коммунист Филипп Федорович Образцов, которого В. И. Ленин принял 3 января 1919 года. Сельских коммунистов беспокоил тогда вопрос о порядке взимания чрезвычайного налога, задевавшего в отдельных случаях хозяйственные интересы и малосостоятельной части крестьянства, факты злоупотреблений своей властью некоторых должностных лиц, непорядки с провозом багажа по железной дороге. Была и конкретная просьба к центру о восстановлении недавно сгоревшего общественного здания — Народного дома в селении Васютине. Владимир Ильич внимательно выслушал Ф. Ф. Образцова, дал разъяснения на все высказанные им сомнения, а также написал письмо в Весьегонский уисполком и в Тверской губисполком о том, чтобы они помогли лесом, финансовой ссудой и библиотекой Васютинскому комитету РКП(б) в восстановлении Народного дома. Подробности посещения Ф. Ф. Образцовым В. И. Ленина были напечатаны тогда же в «Известиях Весьегонского Совета» в обширной статье «В гостях у товарища Ленина». Статья заканчивалась следующим обращением нашего ходока к крестьянству:

«Радужный прием, деловая обстановка, товарищеский разговор и дружеское рукопожатие Владимира Ильича всегда останутся в моей памяти.

Товарищи крестьяне Весьегонского уезда! Верьте мне, собственными глазами видевшему, что там, наверху, управляют общим нашим делом не чиновники и бюрократы, а простые наши товарищи, которые по праву именуются Рабоче-Крестьянским Правительством. Будем слушать их голос. Они работают для нас и наших детей. Поможем им в трудной работе всем, чем можем. Тогда скорее увидим золотое время для нас.

Товарищи! Я надеюсь, что вместе со всеми вами я громко говорю: Да здравствует вождь пролетариата и защитник бедноты, наш друг и брат, Владимир Ильич Ленин!!!»¹.

Сбылись слова Филиппа Федоровича о ленинской работе «для нас и наших детей» в его же собственной семье. Дочь его, Александра Филипповна, простая крестьянская девушка, окончила педагогический техникум и сейчас работает заведующей библиотекой в своем родном Васютине. Сын ее, внук Ф. Ф. Образцова, окончил десятилетку. Муж ее, Иван Иванович Рыбаков, был первым секретарем Кудеверского райкома КПСС. В Великую Отечественную войну, будучи в партизанском отряде в тылу оккупантов, он героически погиб, сражаясь за счастье всего человечества.

---

¹ Известия Весьегонского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1919, 18 января. *Ред.*

Вторым ходокот от нашего уезда был весьегонский беспартийный учитель, ныне здравствующий активный общественник Александр Александрович Виноградов. В. И. Ленин принял его 27 февраля 1920 года. Он был послан в Москву уездным учительским съездом по вопросам материально-бытового положения работников культуры. После беседы А. А. Виноградова в Весьегонск из Москвы пришла партия мануфактуры для нашей интеллигенции, а за счет местных ресурсов учителям был повышен продовольственный паек и увеличена норма керосина, недостаток которого особенно отражался в педагогической работе учителя и в школе и дома.

Таков был Владимир Ильич Ленин — вождь, учитель, человек.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы,
с. 438—443*

РУКОЮ ИЛЬИЧА

Более сорока лет хранил я эту коротенькую, бесконечно дорогую мне записку, написанную рукою Ленина. Куда бы я ни переезжал, эта записка, помещенная в застекленную рамку, всегда висела в моей комнате рядом с портретом Владимира Ильича. Недавно я передал этот документ в Государственный музей Татарской АССР, как ни тяжело мне было расставаться с запиской, хотя я все время сознавал, что ее надо передать и хранилище ленинских рукописей.

...Никогда не изгладится в моей памяти встреча с Ильичем. После победы Великого Октября меня назначили помощником заведующего кадрами только что созданного Наркомата продовольствия. Летом 1918 года на работу в Казань был направлен член коллегии Наркомпрода Д. П. Малютин. В Казанской губернии тогда были допущены большие нарушения в продовольственной политике. Малютин приехал в Казань вместе с группой сотрудников Наркомпрода. Мне он также предложил ехать туда, потому что я был родом из Казани.

Трудное было время. В хлебной Казанской губернии голодали рабочие. Старый член партии Дмитрий Петрович Малютин и другие товарищи прилагали все усилия, чтобы навести порядок в продовольственном деле.

Девятого ноября вызывает меня Малютин и говорит:

— Завтра поедешь в Москву. Отвезешь Владимиру Ильичу Ленину доклад о продовольственном положении в губернии. Будь готов ответить на все вопросы Ленина, которые он задаст о продовольственном положении. Отвечай кратко, по существу.

Всю ночь я работал, выписывал и старался запомнить различные данные, цифры...

Наконец я в Москве, на Казанском вокзале. Два месяца назад сдал здесь в багаж свои вещи, но в Казань они так и не приехали. Пытаюсь получить их обратно, обомел все вокзальное начальство — не выдали. Видимо, засунули куда-нибудь, а те-

перь никто не хочет поискать. Так я ничего не добился. Ладно, думаю, сейчас некогда. Перед отъездом еще раз попытаюсь.

Пришел в Наркомпрод, оттуда в Кремль.

В приемной за столом — молодая женщина, как узнал потом, Л. А. Фотиева. Объяснил ей, что приехал из Казани с пакетом к Ленину.

— Присядьте, пожалуйста. Сейчас скажу Владимиру Ильичу.

Ушла. А я жду, в голове все перепуталось. Вдруг дверь распахнулась. Стремительно вышел Ленин.

— Вы из Казани? Здравствуйте, товарищ!

Ильич крепко пожал мне руку.

— Проходите, пожалуйста.

Пропустил меня вперед, попросил сесть к столу.

Вдруг исчезли и моя робость и волнение. Может быть, их разогнала ленинская улыбка или так подействовало товарищеское пожатие руки!

Ленин вскрыл пакет, вынул бумаги. Вначале бегло просмотрел их. Затем стал читать обстоятельно, делая пометки на полях. То и дело отрываясь от чтения, задавал вопросы:

— Как относятся к Советской власти рабочие в губернии?

— Каково настроенне крестьян?

— Какая помощь оказана бедноте?

— Сколько продуктов получают по карточкам рабочие?

Если я начинал издали, Ленин новым вопросом направлял меня на ясный ответ.

Не меньше получаса длится беседа. И вдруг еще один вопрос:

— А вы где родились?

— В Казани, Владимир Ильич.

— Я так и подумал. Мы с вами почти земляки.

И Ильич стал расспрашивать, как я живу, какие у меня трудности. Рассказывая о себе, я как-то невзначай обмолвился, что, уезжая с женой в Казань, вещи сдал в багаж, а он застрял на Казанском вокзале.

Ильич улыбнулся:

— Мы это сейчас поправим.

И тут же на бланке написал:

«Ст. Москва. Станция Московско-Казанской ж. д.

Прошу принять к перевозке вещи, принадлежащие подателю; служащему Казанского губпродкома, Александру Васильевичу Ивапову.

Предс. СНК В. Ульянов (Ленин)».

На другой день прихожу на Казанский вокзал, показываю записку. Меня просят пройти в комнату дежурного чекиста. Задают вопросы. Поял: заподозрили — не подделана ли запись

ка. Ведь только три дня назад я спорил на вокзале, разыскивая вещи. А тут вдруг являюсь с запиской Ленина.

Но вскоре чекист извинился. Он связался с приемной Ленина и убедился, что документ действительно написан Владимиром Ильичем. Вот эту записку я и сберег как драгоценную реликвию.

*Ленинские страницы. Документы.
Воспоминания. Очерки. М., изд-во
«Известия», 1960, с. 44—47*

ГОВОРIT ИЛЬИЧ

Снег шел густой, мокрый, медленно падали крупные хлопья, покрывая нашу одежду, лошадей. Дороги впереди почти не видно. Лишь на третьи сутки добрались мы до станции.

В поезде тесно, душно. Много ехало людей в Москву.

Поезд подолгу задерживался на остановках, особенно по ночам. Прибыли в Москву на шестые сутки. Одетые в солдатские шинели, мы с мешками хлеба темной снежной ночью с Казанского вокзала направились в III Дом Советов на Садово-Кудринскую. Там было общежитие для делегатов.

На следующий день в гостинице «Метрополь» нам выдали делегатские билеты. Во второй половине дня 6 ноября 1918 года в Большом театре открытие VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов.

Решив занять места поближе к сцене, мы пришли задолго до открытия съезда, но оказалось, что многие пришли еще раньше. Мы забрались на четвертый ярус. И то хорошо. Сцена видна. Пока она закрыта огромным тяжелым занавесом.

Гул в зале, в ложах и на всех ярусах. Мы с интересом осматриваем и золоченые барьеры ярусов, окаймленные малиновым бархатом, и сетки перед барьерами, и высокий расписной потолок, откуда спускается гигантская люстра; плакаты, лозунги, написанные саженными буквами на красных полотнищах.

Чем ближе открытие съезда, тем все больше и больше народу в зале. Чувствуешь себя песчинкой в этом огромном море людей. Сюда съехались делегаты со всей Советской России: рабочие, крестьяне, интеллигенция, красноармейцы. Здесь молодежь, старики, женщины. Нам предстоит решать судьбу молодой Советской Родины, находящейся в окружении врагов.

Раздался первый продолжительный звонок, затем второй, и парод еще гуще повалил в зал, заполняя все ярусы. Невольно я подумал: видел ли когда-нибудь этот блистающий золотом, в малиновой оправе зал столько такого народа?

— Смотри, — говорил мой товарищ, — царская ложа. Они оттуда спектакли разглядывали. Удобно было. Против сцены.

Раздался третий звонок. Вдруг наступила тишина. Взоры всех устремились туда, к огромному занавесу.

И, словно под влиянием могучей силы устремленных взоров, тяжелый занавес медленно распался и поплыл в стороны. И две волны его скрылись, и казалось, так и плыли они дальше, уже не видимые нами.

И нам представилась сияюще убранная сцена в цветах и зелени, а позади стола президиума, кресел и стульев свисали гигантские пушковые флаги и тяжелые с золотыми кистями знамена.

Какой-то момент сцена была пуста. Одновременно с двух сторон под гул голосов, под гром аплодисментов сцену начали заполнять люди. Человек в сверкающем пенсне, с черными крупными глазами, со строгим лицом по-хозяйски осмотрел зал, высоко поднял колокольчик и резко позвонил.

Зал медленно стал стихать. И когда заглухли все звуки и шепот, человек в пенсне, опершись обеими руками о стол, начал говорить. Удивительно было — откуда брался у этого толстого на вид человека четкий, звучный, слышимый всей многотысячной массе голос. Было в этом голосе нечто металлическое и столь сильное, что слышалось не только полностью каждое слово, но и каждая буква в отдельности.

— Свердлов, Свердлов! — раздалось сзади нас.

Так вот каков он, Яков Михайлович Свердлов. Вот каков он, председатель нашего ВЦИКа!

Объявив VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов открытым, Свердлов говорит:

— Теперь мы можем сказать с полной уверенностью, что по всему лицу земли России Советская власть стоит твердо и незыблемо.

Мы жадно смотрели на сцену, рассматривали каждого, кто был в президиуме: мы искали Ленина, но его не было.

Свердлов говорил недолго. Вот он, оторвав руки от стола, ярко блеснув стеклами пенсне, высоко поднял голову и сказал четко и раздельно:

— Позвольте, товарищи, еще раз объявить VI съезд открытым.

Почтив память погибших в борьбе за социалистическую революцию, приняв регламент и порядок дня, съезд приступает к работе. Яков Михайлович, быстро оглянувшись, громко объявил:

— Слово предоставляется... Владимиру Ильичу... Ленину!

Напряженная секунда тишины... И вдруг весь зал, все ярусы от пола и до потолка, все ложи огласились таким грохотом, что казалось, рухнул и потолок, и стены театра.

Я не уловил, откуда вышел Ленин, ибо этот бурный взрыв радости наполнил зал не только голосами, восклицаниями, слившимися в один могучий громоподобный раскат, но казалось, что зал наполнился ливнем. В глазах моих стоял туман.

И вот я вижу его. Вижу, как он торопливо перебирает бумажки, и кажется, что никак не может найти пужную, что он весь занят поисками... Нет, он ждет. Ждет, когда смолкнет ликование... А оно только началось.

Зал могуче потрясают голоса солдат-фронтовиков, голоса рабочих, людей земли, женские голоса. Все встали. И сквозь непрерывный гул то в одном, то в другом конце раздаются восклицания:

— Товарищу Ленину-у-у — ура-ра-а! — И снова и снова грохот рукоплесканий.

Экстаз охватил не только людей, но, казалось, и эти гигантские стены Большого театра, которые никогда не видели такого. Чувствовалось, как дрожит все твоё тело, каждый твой мускул, каждый нерв. И нет сил преодолеть священный порыв.

Видимо, конца не будет этому водопаду оваций, но Ленин уже стоит у края стола. Чуть улыбаясь, нетерпеливо поглядывает то в одну, то в другую сторону. Наконец высоко поднимает руку, держа в ней часы, и указывает на них. Но и это не помогает. Тогда он обращается к Свердлову, кивает на зал и, вероятно, просит помощи. Слегка улыбувшись, Свердлов берет колокольчик, требовательно звонит. Наступает тишина. И в этой тишине, нарушаемой лишь шумным дыханием, раздается тихое, первое слово Ленина:

— Товарищи!

Переждав, он шагнул немного вперед и, вскинув голову, посмотрев куда-то ввысь, на самый дальний ярус, начал свою речь¹.

Чтобы не упустить ни одного его слова, я, как и многие, торопливо начал записывать.

Нет, не успеть. Пока записываю, не сумею как следует слушать, а главное — видеть его.

И, отложив тетрадь в сторону, я слушал, стараясь вникнуть в каждое слово. Но чувство радости, что я вижу Ленина, мешало сосредоточиться. Я всматривался в него, следил за каждым его шагом: как он ходит по сцене, как быстры и порывисты его движения, как смотрит в зал, как подчеркивает свои слова, улыбаясь или прищуривая левый глаз...

Вот, заложив большой палец правой руки за жилетку и слегка выпятив грудь, он повернулся к залу вполоборота и, глянув опять на самые верхние ярусы, говорит как бы туда:

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 137—152. Ред.

— ...Мы пришли к тому, что в деревне выделились пролетарские и полупролетарские элементы, выделились те, которые особенно трудятся, те, которых эксплуатируют, поднялись на строительство новой жизни; наиболее угнетенная часть деревни вступила в борьбу до конца с буржуазией, в том числе со своей деревенской кулацкой буржуазией.

Эти слова нам особенно понятны! Ленин говорит о решающей схватке бедноты с богачами, о битве за хлеб, который кулаки попрытали в ямы, не желая дать его стране. Потом Ленин говорит о силе рабочего класса, который от контроля над промышленностью перешел уже к управлению ею. Он с негодованием клеймит саботаж буржуазной интеллигенции.

— Эти люди,— указывает Ленин,— ставили задачей использовать науку для того, чтобы бросать камни под колеса, мешать рабочим, наименее подготовленным к этому делу, которые брались за дело управления, и мы можем сказать, что основная помеха сломлена. Это было необычайно трудно. Саботаж всех тяготеющих к буржуазии элементов сломлен. Несмотря на громадные препятствия, рабочим удалось сделать этот основной шаг, который подвел фундамент социализму.

С особой теплотой и гордостью говорит Ленин о создании Красной Армии, которой всего девять месяцев. Требовалось отдохнуть усталой от четырехлетней войны массе, требовалось еще внушить ей, что начинается новая война.

— Мы открыто сказали рабочей массе всю правду. Мы разоблачили тайные империалистические договоры той политики, которая служит величайшим орудием обмана, которая...

Повысив голос и указывая рукою вдаль, как бы прорезая пространство и далекие моря, Ленин продолжает:

— ...теперь в Америке, самой передовой демократической республике буржуазного империализма, обманывает массы как никогда, водит за нос массы.

Ильич говорит о Брестском договоре, о тяжело обрушившейся на нас лавине германских полчищ, о том переломе, когда в массах пробилось ясное сознание, что они идут на битву действительно за свое дело, за социалистическую республику.

Как бы перелистывая великие страницы первого года Октябрьской революции, Ленин восклицает:

— Мы говорим: мы растем, Советская республика растет! Дело пролетарской революции растет скорее, чем приближаются силы империалистов. Мы полны надежды и уверенности, что мы защищаем интересы не только русской социалистической революции, но мы ведем войну, защищая всемирную социалистическую революцию.

Гигантский зал снова взрывается рукоплесканиями. Ленин проходит к столу, наливает в стакан воды и медленно пьет.

Последний пункт — международное положение. И Ленин поясняет, как буржуазия сначала считала нашу революцию курьезом, потом социалистическим экспериментом, а когда создалась Красная Армия, империалисты увидели, что Советская республика — очаг всемирной социалистической революции. И капиталисты Англии и Франции решили объединиться со своим врагом Вильгельмом против Советской республики.

— Товарищи, — устремляет Ленин свой быстрый взгляд в зал, — чтобы показать вам, как сгущаются тучи против нашей Советской республики и какие опасности нам грозят, позвольте прочесть вам полный текст ноты, которую сообщило нам через свое консульство германское правительство...

Торопливо шагает Ильич к столу, берет пачку листов и снова проходит на край сцены. Он начинает читать ноту германского правительства. И по мере чтения ее в зале все громче слышатся негодующие восклицания, нарастает напряжение, и вот-вот готово оно взорваться проклятиями.

В длинной, злой ноте правительство Вильгельма обвиняет наше посольство в том, что оно ведет в Берлине революционную пропаганду. Германское правительство грозит порвать с нами дипломатические сношения.

Не глядя, бросает Ленин листки на стол. Несколько из них падают на пол. Кто-то их поднимает. Ленин теперь говорит с насмешливой улыбкой, с сарказмом:

— Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом.

В зале раздается грозный гул и хохот.

— Это только смешно, — подтверждает Ленин. — Если германское правительство собирается объявить разрыв дипломатических сношений, то мы скажем, что это мы знали, что оно всеми силами стремится к союзу с англо-французскими империалистами.

Я вижу в президиуме Сталина и Дзержинского. Они тихо шепчутся и улыбаются. Смотрю на Ленина. Он быстро проводит ладонью по голове, затем закладывает большой палец за жилетку. И по тому, как он повысил голос, то и дело поднимаемая на носках, чувствовалось, что речь его подходит к концу. Какая могучая притягательная сила в его голосе, в его крепкой фигуре, в родном облике. Вновь тысячную массу охватил боевой порыв, готовность прямо отсюда ринуться в смертельную схватку с врагом. Чувствовалось, что каждый здесь всем своим существом дал торжественную клятву быть верным до конца великому и святому делу молодой Советской России.

А Ленин, вскинув руку ввысь, продолжал:

— Они полны дикой ненависти, и поэтому мы говорим себе: будь, что будет, а каждый рабочий и крестьянин России испол-

пит свой долг и пойдет умирать, если это требуется в интересах защиты революции.

Зал, и все ярусы, и все, что есть, вновь затряслось от гула рукоплесканий.

Резко шагнув вперед, как бы наступая, Ильич воскликнул:

— Мы говорим: будь, что будет, но какие бы бедствия ни навлекали еще империалисты, они этим себя не спасут.

Вновь грохот аплодисментов потряс этот золотой, весь украшенный флагами и знаменами, огромный театр. И, словно бросая пламенные слова в мировое пространство, Ленин вынес решительный, всеокрушающий приговор старому миру:

— Империализм погибнет, а международная социалистическая революция, несмотря ни на что, победит!

Остро рассек воздух рукой и отступил в глубь сцены. И все в зале поднялись, и сквозь аплодисменты с ближайших и дальних рядов, с нижних и верхних ярусов понеслись возгласы:

— Да здравствует мировая революция!

— Красной Армии — ура!

И где-то наверху сначала тихо, затем все громче и слышнее зашлепало... И вот уже по всему залу стройно разлилось море голосов.

Это люди всех национальностей, собравшиеся сюда со всех концов России, пели великий гимн великой партии коммунистов.

И Ленин пел вместе со всеми...

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

С первых же дней после Октябрьской революции Владимир Ильич пристально наблюдал за состоянием продовольственного положения страны, в особенности в столицах и других пролетарских центрах. Уже в ноябре 1917 года при встрече со мной, еще до моего назначения народным комиссаром, он ставил вопрос о том, чтобы рабочим отпускался полный продовольственный паек, а прочим классам населения, особенно не трудящимся, паек уменьшался и доводился в случае необходимости до нуля. Первая мысль — о классовом пайке.

Второй раз я имел длительную беседу с Владимиром Ильичем о продовольственных делах уже после назначения меня народным комиссаром в январе¹ 1918 года. Владимир Ильич в это время, видимо, не имел еще твердого и определенного взгляда на характер будущей продовольственной политики. Но и тогда уже его мысль упорно работала над вопросом о хлебной монополии, как единственно возможном и правильном разрешении продовольственного вопроса в сложившихся условиях.

В январе 1918 года на заседании чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту мне был передан проект декрета «о заготовках хлеба», написанный рукой Владимира Ильича. В этом проекте Владимир Ильич решительно стал на точку зрения строжайшей хлебной монополии. К сожалению, я не сохранил копии названного проекта, характернейшего для той эпохи документа...

С этого момента Владимир Ильич твердо, решительно и неуклонно проводил хлебную монополию и ту продовольственную политику, которая осуществлялась в течение 1918, 1919 и 1920 годов. Можно категорически утверждать, что именно он, Владимир Ильич, установил продовольственную политику, проводившуюся в течение первых трех лет существования Совет-

¹ А. Д. Цюрупа назначен наркомом продовольствия в феврале. *Ред.*

ской власти, что благодаря именно его безоговорочной решительности, его политическому и нередко организационному руководству было сделано то, что было сделано, и что в труднейшую эпоху, переживавшуюся Советской властью, продовольственный вопрос разрешался так, как он разрешался. Без его активного и непосредственного участия в разрешении стоявших в порядке дня острейших и сложнейших продовольственных задач проблема снабжения страны не получила бы разрешения и, может быть, трудящиеся не вынесли бы обрушившихся на них продовольственных испытаний. Мы, продовольственники, были лишь исполнителями, облекавшими указания Ленина в форму практических мероприятий.

В особенно трудные моменты Владимир Ильич со свойственными ему гибкостью, тонкостью и пониманием допускал иногда некоторые временные частичные отступления от общепринятой линии; но делал он это только в случаях последней крайности, когда изнывающие от голода рабочие приходили в отчаяние, и не потому, что думал, что эти отступления могут облегчить продовольственное положение страны, а для того, чтобы на примерах и на фактах показать сомневающимся рабочим и сомневающимся партийным работникам, что всякая иная продовольственная политика может привести рабоче-крестьянское государство к губительным последствиям.

Случай, очень характерный в этом отношении:

В 1919 году однажды при моем свидании с В. И. Лениным он горячо говорил о том, что из-за ошибок, допущенных продовольственниками, противники продовольственной политики и колеблющиеся группы сделали прорыв на продовольственном фронте и что теперь, к сожалению, прорыв этот можно ликвидировать только путем уступок, однако таких, которые в общем и целом не изменили бы взятого курса в продовольственном деле. Всем памятно бурнопламенное выступление Владимира Ильича тогда во фракции ВЦИК по вопросу о продовольственной политике. В этот именно момент он удержал партию от такого поворота в продовольственной политике, после которого, как это впоследствии стало ясно для всех, неминуема была бы катастрофа.

Но если Владимир Ильич со свойственной ему способностью предвидения настойчиво проводил в эпоху «военного коммунизма» продовольственную политику того времени, то с такой же дальновидностью он предусмотрел в 1921 году необходимость отказа от последней в связи с изменившимися экономическими и политическими условиями. Я говорю о так называемой новой экономической политике.

Так же решительно и последовательно, как и раньше, Владимир Ильич проводил новую экономическую политику в области продовольствия, строжайше следя за тем, чтобы старые

тенденции в области продовольственной политики ни в коей мере не проявлялись, чтобы инерция, свойственная каждому аппарату и каждому работнику, и в том числе, конечно, и работникам Наркомпрода, была исключена из продовольственной практики. Он высоко ценил работу продовольственников, по боялся, чтобы беспредельно преданные интересам своего дела, с величайшей трудностью налаживавшегося в течение долгих лет, они, принесшие в жертву революции много тысяч жизней (о чем, может быть, не все хорошо и доподлинно знают), не сбивались на старую дорогу, с которой страна сошла.

Владимир Ильич внимательно следил за работой продовольственного аппарата в новых условиях, постоянно контролировал ее и строжайше преследовал всякие отклонения в сторону прежней продовольственной политики.

Так относился Владимир Ильич к продовольственному делу до того периода, когда страна получила наконец облегчение в продовольственном отношении и когда продовольственный вопрос стал второстепенным.

Все продовольственные работники, ныне¹ разбросанные по всему лицу Союза Социалистических Республик, работающие во всех ведомствах и на всех поприщах, работающие в области хозяйственной жизни страны и в области партийной жизни, все они должны знать, что именно Владимир Ильич был творцом и создателем продовольственной политики. Все они должны знать и помнить, что именно он на своих могучих плечах вынес эту колоссальную работу. Только благодаря ему усилия продовольственников, усилия многих тысяч партийных работников и многих десятков тысяч беспартийных рабочих увенчались успехом.

Пусть помнят это все. Пусть помнят также все, что искусству управлять, умению строить необходимые государственные учреждения и быть точными в своей работе Владимир Ильич учил нас на продовольственной работе. Наиболее ценный организационный и практический опыт, который мы имеем сейчас, мы имеем благодаря деятельности на двух фронтах — военном и продовольственном, находившихся под непосредственным руководством великого вождя трудящихся.

Экономическая жизнь. 1924, 25 января, с. 2

---

¹ Воспоминания написаны в январе 1924 года. *Ред.*

О ДНЯХ ДАВНО ПРОШЕДШИХ, НО НЕЗАБЫВАЕМЫХ

Некоторым моим товарищам по комсомольской организации в 1918 году, как делегатам I Всероссийского съезда союзов рабочих и крестьянской молодежи, выпало большое счастье — побывать на приеме у В. И. Ленина, когда он беседовал с ними о задачах комсомола.

Товарищи делились с нами своими впечатлениями, а мы их расспрашивали о Владимире Ильиче, тая в душе надежду и самым встретиться с Лениным.

Вскоре эта заветная мечта осуществилась.

Рассказывая об этом, невольно вспоминаешь суровые дни конца 1918 и начала 1919 года.

Тогда стояла студеная зима. Всеобщая разруха сказывалась во всем от большого до малого: в остановившихся заводских станках, в застывших паровозах на железных дорогах, в отсутствии самых необходимых предметов потребления: даже кусок мыла и коробка спичек были тогда редкостью.

Территория Советской России в те времена сводилась лишь к нескольким центральным губерниям вокруг Москвы. Стиснутая фронтами гражданской войны, наша страна находилась на положении осажденного лагеря.

То было трудное время, но рабочие и крестьяне Советской России были готовы перенести любые трудности и лишения, чтобы отстоять свою республику.

Это непреклонное стремление трудящихся Советской России укрепляло сознание того, что идеи Великой Октябрьской социалистической революции сразу нашли отклик в сердцах простых людей всего мира.

Во многих странах начались тогда выступления рабочего класса и стали возникать коммунистические партии.

В марте 1919 года в Москве собрался I конгресс Коммунистического Интернационала; его заседания происходили в Большом театре.

И вот однажды мы получили для папшей районной комсомольской организации несколько гостевых билетов на одно из заседаний конгресса.

Вспоминаю, что с Пятвицкой улицы, где в доме № 64 тогда находились райкомы партии и комсомола, мы добрались пешком до Большого театра. В те годы трамвай был единственным средством городского транспорта, но в тот вечер его пустые вагоны неподвижно замерли на рельсах посреди московских улиц, так как из-за очередной нехватки топлива на электростанции был выключен ток.

Пустынно и тихо было в полутемных коридорах Большого театра. Когда мы вошли, заседание конгресса уже началось. Пробираясь к своим местам на балконе 2-го яруса, замечаем, что люстры и канделябры в зрительном зале светят не в полный пакал — значит, и здесь ощущается недостаток электроэнергии.

Заяв свои места и немного освоившись, обращаем взгляды вниз, в глубину зала и затем на сцену... и вот оно, неожиданное исполнение заветной мечты: мы видим и слышим самого Ленина!

Владимир Ильич стоял на авансцене, близко от рамп. Произнося речь, он держал в руке газету небольшого формата. Вся его плотная, коренастая фигура была подвижной, его жесты были энергичны, а слегка грассирующий голос был проникнут убежденностью, и железная логика его речи быстро овладевала сознанием.

Речь Ленина была посвящена разоблачению буржуазной демократии, предательской роли партии меньшевиков и лидеров II Интернационала. Затем, делая ссылки на газету, которую он держал в руке, Владимир Ильич говорил:

— Вот послушайте, товарищи, что пишет «Avanti».

Он говорил о том, что итальянские рабочие препятствуют погрузке и отправке пароходов с вооружением и боеприпасами, предназначенными для русских белогвардейцев и интервентов.

Далее он говорил о том, что русские рабочие и крестьяне в своей борьбе не одиноки, что с ними вместе рабочий класс всего мира, при этом он подчеркивал великое значение международной пролетарской солидарности.

Свою речь Владимир Ильич закончил утверждением о неизбежной победе русских рабочих и крестьян, несмотря на разруху, голод и блокаду.

Затем выступали многие делегаты конгресса. Из этих речей на китайском, английском, немецком и других языках выкристаллизовывалась мысль, что мы не одиноки в своей титанической борьбе с силами реакции и что с нами сердца трудящихся всего мира.

В тот мартовский холодный вечер мы возвращались по темным улицам к себе в Замоскворечье, переполненные впечатле-

ниями от всего услышанного, и в особенности от речи В. И. Ленина.

Радостно было па душе, и не страшили нас тогдашние невзгоды; могучее слово Ленина вдохнуло уверенность в победе над врагами. С каким волнением рассказывали мы об этой речи своим родным и товарищам по замоскворецкой комсомольской организации!

В справедливости слов Ленина о силе международной пролетарской солидарности я убедился воочию в августе 1920 года, когда на моих глазах большая группа, свыше ста человек, немецких рабочих-спартаковцев (коммунистов), перейдя поблизости от города Ломжи германо-польскую границу, приняла на себя бой с белопольскими уланами и дала возможность нашему малочисленному красноармейскому отряду оторваться от противника и присоединиться к своим войскам.

В том же 1919 году, во время первомайской демонстрации трудящихся на Красной площади, я имел счастье вторично видеть и слышать В. И. Ленина.

С лицом, обращенным в сторону Кремля, Владимир Ильич стоял на возвышенном месте (не помню сейчас, что это было — специальная трибуна или грузовик) и произносил речь. Ее смысл сводился к тому, что многие из присутствующих на площади, которым еще немного лет, увидят коммунистическое общество; далее он говорил о том, что социалистическое общество теперь не утопия, а наши дети станут его усердными строителями и молодежь завоеует свое счастье.

Для нас, замоскворецких комсомольцев, через несколько дней уходивших на фронт, выступление великого вождя трудящихся было не только приветственным словом на первомайском празднике, но и отеческим напутствием перед боями с врагом.

Сам Ленин сказал, за что нам надо воевать — за коммунизм, за светлое будущее нашего народа.

Ни в темный мартовский вечер, ни в солнечный майский день столь памятного мне 1919 года я не мог и мечтать о том, что спустя три года на мою долю выпадет величайшая честь — стоять часовым у кремлевской квартиры В. И. Ленина и охранять покой и жизнь этого величайшего из всех людей.

Наш Ильич. Сборник воспоминаний старых большевиков Замоскворечья о встречах с В. И. Лениным. М. «Московский рабочий», 1960, с. 49—52

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Суровые годы гражданской войны... Республика была скована огненным кольцом. Самые захолустные уголки страны напоминали тогда растревоженный муравейник. В первые годы Советской власти напряженной была и жизнь большинства деревень Удмуртии.

Наша Арзамасцевская волость, как и многие другие районы Удмуртии, с августа по ноябрь 1918 года находилась под властью белых. С разгромом ижевского мятежа угроза вторжения белых в наши места не миновала: с востока надвигались контрреволюционные полчища Колчака.

Приближение фронта к границам уезда усилило напряженность в деревне. В этих условиях значительно возросла роль и ответственность комитетов деревенской бедноты.

Находясь в первых рядах революционной армии борцов, мы делали все возможное, все зависящее от нас. Недостаток опыта и знаний мы стремились восполнить коллективным решением всех вопросов, добросовестной работой каждого. Решающую роль в этом деле играли волостные и уездные съезды Советов и комбедов. На съездах шел порой шумный, по-мужицки откровенный разговор о делах и жизни деревни, в основе которого лежали интересы защиты великого дела революции.

Съезды были своеобразными университетами, школой коллективных творческих усилий в решении больших, трудных вопросов, выдвинутых жизнью. Таким был и II Сарапульский уездный съезд комитетов деревенской бедноты.

Съезд принял постановление: организовать по селам и деревням для рабочих Москвы и Петрограда сбор 80 тысяч пудов хлеба. 40 тысяч пудов, предназначенных для Москвы, было решено послать на имя нашего вождя и друга — В. И. Ленина.

Для сопровождения эшелонов с хлебом съезд избрал делегацию из представителей волостей. В ее состав был включен и я как представитель Арзамасцевской волости. Поездка в Москву,

к В. И. Ленину, для меня была неожиданной. Ведь я был рядовым работником, беспартийным и притом малограмотным. Оказанная мне великая честь окрылила меня. Подумать только — направлен делегатом к В. И. Ленину!

Вместе с активом волости энергично включился я в работу по выполнению обязательства, принятого съездом. Крестьяне — бедняки и середняки — горячо откликнулись на призыв съезда. Они все в основном выражали готовность поделиться последним куском хлеба.

Такое настроение широких масс деревни, особенно середняцкой ее части, создавала сама жизнь. Крестьяне на себе испытали, сами видели, к чему ведет хозяйничанье контрреволюции в нашем крае. После всего пережитого под властью белых повысилось сознание и политическая активность крестьянских масс.

Как и следовало ожидать, во всех волостях сбор хлеба прошел успешно.

Вот хлеб собран, готов к отправке по назначению. Наш эшелон отбыл со станции Сарапул 17 февраля 1919 года.

Ехать пришлось очень долго. То и дело стояли в тупиках, уступая дорогу воинским эшелонам, идущим на восток. Все мы думали, как бы поскорее доставить хлеб в Москву и доложить Ленину о том, что слово свое беднота сдержала. Всем нам хотелось скорее увидеть родного Ильича, услышать его голос, передать ему сердечный привет и благодарность от трудового крестьянства.

Наконец после двадцатидневного пути, 11 марта, прибыли мы в Москву. Благополучно сдали коменданту станции и представителю Народного комиссариата по продовольствию доставленный нами эшелон. После этого всей делегацией направились в Кремль, к Ленину.

В Кремль шли пешком. Шли занятые думой о встрече с Владимиром Ильичем. Пришли в комендатуру, предъявили свои документы и очень скоро, без всякой задержки, получили пропуск в приемную В. И. Ленина. Это нас удивило, но мы объяснили такую быстроту тем, что о нашем приезде в Кремле, видимо, уже знали.

В приемной встретила нас приветливая девушка-секретарь. Она сказала, что Владимир Ильич занят, и попросила пройти в соседнюю комнату и там подождать. Комната, в которую мы вошли, была просторной, с простой обстановкой. Не успели осмотреться, вошел Владимир Ильич. Он уважительно с каждым из нас поздоровался за руку и попросил садиться. Ленин заметил, видимо, наше смущение и с улыбкой спросил, долго ли мы ехали и когда прибыли в Москву. Он заинтересовался также, каков был нынче урожай, каково настроение крестьян.

Простота, доступность, приветливость Ленина как рукой

сияли наше смущение. Перед нами сидел близкий, родной человек, и каждому из нас хотелось высказать ему все, что было на душе.

Мы рассказали Ленину все от чистого сердца: и о том, как было задумано преподнести подарок Москве и Петрограду, и как собирали хлеб, и как живет деревня, и в чем нуждается крестьянство. Владимир Ильич внимательно слушал. Иногда он делал какие-то пометки карандашом в блокноте, задавал много вопросов. В конце беседы он поинтересовался, долго ли мы намерены пробыть в Москве. Один из нас сказал, что хотелось бы нам поближе познакомиться с жизнью рабочих. Эта просьба оказалась по душе Ленину. Улыбаясь, Владимир Ильич быстро написал записку в Моссовет и передал нам.

Прощаясь с нами, Ленин просил передать его привет трудовому крестьянству, а от имени правительства и рабочих — поблагодарить за подарок.

Беседа с Лениным, длившаяся около часа, осталась памятной на всю жизнь!

Уходя из Кремля, каждый из нас уносил в своем сердце частицу ленинского тепла. После беседы с Владимиром Ильичем мы еще больше осознали, что дело Ленина — наше рабоче-крестьянское дело, дело всех трудящихся во имя счастья и мира на земле.

Воспоминания В. П. Краснопорова печатаются по книге: Кошчев Н. А. Подарок В. И. Ленину. Ижевск, изд-во «Удмуртия», 1964, с. 35—38

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

Это было весной 1919 года. Питер умирал от голода. Мы получали по фунту овса на неделю. Этот овес рубили в мясорубках, прибавляли картофельной шелухи, кофейной гущи, горсть отрубей и пекли лепешки: горькие, колкие, не просунешь в горло. Жмыхи — это было богатое кушанье. По два-три дня приходилось ничего не есть. По неделе ничего не выдавали, даже не было и овса. И в это время мы «грабили» Питер. Все, что было живое, здоровое, посылали на фронт. Но, конечно, и в самом Питере от этого становилось не легче. Лучшая часть работников уходила на фронт, передовые рабочие отправлялись в Сибирь, на Украину, на Дон, с семьями и со всем своим скарбом. Питер опустошался, и в Питере начинались забастовки. Меньшевики и эсеры тогда пользовались случаем, притворялись защитниками рабочих и затирали бузу. На что Путиловский завод, и тот не выдержал, забастовал. И вот в такой «веселый» момент приезжает к нам Ленин¹.

Помню Дворец Урицкого. Собрались мы, представители заводских и красноармейских организаций, — три-четыре тысячи человек. Зал был набит до отказа. Я стоял у самой трибуны внизу, так, что Ленин был аршина на два выше моей головы, и я отчетливо видел его, видел плотно сложенного человека, в костюме темного цвета...

Когда он появился на трибуне, мы все захлопали в ладоши; а он, не обращая внимания, деловито и быстро разделся, пальто положил на спинку стула, сел, оперся руками на колени, внимательно, как-то озабоченно смотрел на нас, на рабочих, рабочих и красноармейцев. Мне казалось тогда, что ему хочется увидеть и понять, что мы чувствуем, что переживаем, что осталось в нас революционного, кроме этих хлопущек по его ад-

¹ 12 и 13 марта 1919 г. В. И. Ленин был в Петрограде (см. Полн. собр. соч., т. 38, с. 1—38). *Ред.*

ресу. И когда зал успокоился, когда председатель объявил, что слово предоставляется тов. Ленину, он так же быстро встал и, словно приступая к работе, прошел на трибуну. Зал снова разразился аплодисментами, и он не протестовал против них. Он как будто доволен был этим. По его быстрым взглядам можно было понять, что ему хочется не самому начинать, а побольше, поглубже почувствовать нас. Ведь давно он не был среди петроградских рабочих. Знал он, что мы голодаем, и те три — пять минут аплодисментов нужны ему были для того, чтобы охватить эту массу целиком, определить ее настоящее настроение, а не аплодисментное, а по этой лучшей части петроградских рабочих составить себе мнение о всем Петрограде. А ведь никто так, должно быть, не любил петроградских рабочих, как он. По Питеру он определял настроение всего рабочего класса, по Питеру он судил о подъеме и усталости масс. Питер для него был барометр, по которому он определял движение революционной атмосферы. И это был великолепный барометр. Если, скажем, в Питере рабочие устали, то где же еще будут бодрь?

И помню, когда он начал говорить, когда зазвучал в зале его сдержанно-страстный глуховатый голос, когда на наши головы полетели немножко картавые, как неотесанные камни, слова, — эти слова не были митинговой агитацией — красивого в них ничего не было, не было и зажигающего пафоса. Была только страшная неприкрытая правда. Помню, начал он свою речь с того, что «страна переживает неслыханный голод». Он не говорил, что вы, мол, питерцы, переживаете голод, он не жалел нас. Он как будто говорил не нам, питерцам, которые пришли сюда с желудками, в которых вместо хлеба — вода. Он говорил — «страна переживает голод». И это казавшееся на первый раз обидное для нас, питерцев, сразу же толкало на мысль:

— А разве только мы голодаем?

И помню, когда он нарисовал нам голод страны, когда без всякой утайки рассказал, что у нас ничего нет, что правительство вынуждено было приостановить пассажирское движение, чтобы освободить паровозы для подвозки хлеба, что нам грозит ужасная голодная катастрофа, мне тогда становилось страшно. Слова эти звучали дико, нагоняли жуть. Казалось, так мог говорить только какой-нибудь меньшевик или эсер, и в крайнем случае об этом можно было говорить только в тесном партийном, надежном кругу. А он, не скрывая, не утаивая нашего отчаянного положения, говорил с ужасающей прямоотой, и помню, по коже драл мороз от таких слов, как, например: «Если мы не сумеем отвоевать хлеб у белогвардейцев, мы погибнем». Но он тут же спрашивал у собрания:

— Кто виноват в этом голоде?

И отвечал:

— Помещики и капиталисты всех стран, которым ненавистна наша Советская страна, которые нас хотят задушить во что бы то ни стало. Наша революция, таким образом, подвергается самым серьезным испытаниям на деле в борьбе, в огне. И если ты угнетен (помню, это слово Ленин сказал как-то по-особенному, так что сердце всколыхнулось), если ты угнетен и думаешь о том, чтобы скинуть власть угнетателя, если ты решился довести дело до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск угнетателей всего мира. И если ты готов этому натиску дать отпор, если готов пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер, а если ты не сумеешь пойти на новые жертвы, если ты не сумеешь выдержать, тебя раздавят и скажут: «Революция рабочему ничего не дала». Вот как историей поставлен вопрос.

И Ленин продолжал:

— Но есть ведь такие мерзавцы, которые после года советской работы, после того, как Советская власть отдала крестьянам все, что она имела, есть мерзавцы, которые все же кричат: «Крестьяне, вас грабит Советская власть».

Это в то время, как рабочие надрываются в городах и нигде нет такого мучительного голода, как в городах, тогда как крестьяне взяли все помещичьи земли и взяли себе хлеб, в то время как крестьяне в массе — мы это знаем — впервые работали на себя, а не на барина, на купца, — в это время находятся люди, переодетые в меньшевистские и эсеровские шутовские наряды, и смеют твердить: «Вас грабят». Это агенты капитализма, и никак иначе, как с агентами капитализма, с ними мы обращаться не будем и не должны.

Помню, кто-то в это время выкрикнул:

— А где свобода?

Ленин встрепенулся, как от удара, и со всей силой обрушился на крикуна:

— «Свобода» — хорошее слово, на каждом шагу «свобода». Свобода торговать, продавать, продаваться. И находятся меньшевики и эсеры, жулики, которые это прекрасное слово «свобода» склоняют и спрягают в каждой газете, в каждой речи; но все это сплошь обманщики, прислужники капитализма, которые тащат народ назад.

Как сейчас помню, стоит он надо мной, крепко схватившись руками за край трибуны, говорит быстро, без передышки, страстно. Лысая голова его полукругом охвачена волосами, белый высокий лоб, скуластое, упругое, разгоряченное лицо и глубокие лучистые глаза.

Я видел, как у многих рабочих так же горели глаза, горели желанием раздавить этих жуликов, которые мешают нам победить врага и вырваться из этого кошмарного сегодня, чтобы

начать жить в новой жизни, которая вот тут, совсем близко, перед нами, только надо еще раз сделать усилие, чтобы ее схватить.

А он, как будто зная наше настроение, говорил:

— Мы послали на Украину наши лучшие советские силы. И уже получили сообщение: «Запасы хлеба громадные, но всего сразу вывезти нельзя, нет аппарата». Немцы разорили Украину. Там полный хаос. Вопль несется от посланных товарищей, что нет людей, что некому строить Советскую власть, что нет никакого аппарата, нет такого пролетарского центра, как Питер или Москва. А украинские пролетарские центры в руках неприятеля. Киев — не пролетарский центр. Донецкий бассейн, измученный голодом, не освобожден от казаков. Мы говорим поэтому от лица украинских товарищей питерским рабочим: «Дайте еще, напрягите еще ваши усилия!» Мы можем теперь и мы должны помочь украинским товарищам, потому что им приходится строить аппарат Советской власти на месте, опустошенном страданиями так, как нигде не терпели и не страдали. И мы говорим себе: «При всех трудностях, при всех невероятных условиях мы все-таки рассчитываем на сознательность честных рабочих, и они будут за нас, они придут к нам, и они нам помогут».

Дворец Урицкого превратился после этого в бурлящий котел, готовый лопнуть от напряжения человеческой воли, подъема, решимости. Это был результат ленинской правды. Пафос его — правда и ясность, и эта ясность словно открывает перед тобой запертые врагом двери, и ты видишь там другую жизнь, более счастливую, более радостную, и не можешь не броситься в эту дверь, в эту жизнь с сознанием: пусть хотя бы ты и погиб, но другие через тебя прорвутся, раздавят врага и завоюют эту жизнь.

И когда он кончил говорить, когда вся речь его от начала и до конца свелась, в сущности, к двум словам — «победить или умереть», — рабочие; питерские рабочие, голодные, с овсом и кофейной гущей в желудках, старые, худые от голода рабочие, с бледными, опухшими лицами, — эти рабочие, за несколько часов перед тем, может быть, ругавшие Советскую власть и, быть может, некоторые из них самого Ленина, эти рабочие выходили теперь из Дворца Урицкого, крепче подтягивали ремнями животы и с песнями шли по улице, с песнями решили выдержать, палец еще на себя, решили победить или умереть.

Литературная газета, 1931, 24 января, с. 1

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Тяжелый 1919 год. К сердцу молодой Советской республики — Москве со всех сторон рвутся вражеские полчища интервентов и белогвардейцев. Советская власть в Баку пала. Астрахань окружена белобандитами.

Обороной Астрахани руководит верный ленинец С. М. Киров. Мы, группа большевиков, эвакуировавшись из Баку, принимаем участие в обороне Астрахани. Напрягаем все усилия. Киров ходит нахмурившийся: пустить бы в дело самолеты, да нет горючего.

Вдруг прошел слух, что бакинские рабочие доставили морем транспорт бензина. Радости не было конца. С. М. Киров распорядился немедленно пригласить к нему прибывших из Баку товарищей.

Разузнав подробно о положении в Баку, о нуждах бакинских рабочих, С. М. Киров распорядился послать в Москву представителя с письмом к В. И. Ленину. Выбор пал на меня.

Вызвав меня, С. М. Киров сказал, что нужно во что бы то ни стало доставить В. И. Ленину письмо с просьбой бакинцев и словесно изложить подробности о положении в Баку. Вручая пакет, С. М. Киров попросил отвезти лично Владимиру Ильичу подарок: две банки паюсной икры и сливочное масло. Предварительно он взял с меня слово нигде и никому не говорить об этом подарке. На прощание С. М. Киров сказал: «Будьте осторожны. Дороги опасные».

По прибытии в Москву я связался с находившимися там бакинскими большевиками и сообщил им о цели моего приезда. Некоторые из бакинцев предлагали послать к Ильичу не меня, а другого человека. Против этого возражала Вера Павловна Нанейшвили. Но наш спор разрешил сам Ленин. Когда ему позвонили по телефону, что имеется нарочный из Баку, он распорядился послать к нему именно прибывшего.

В гостиницу «Националь», где я остановился, явился посланец Ленина и попросил следовать за ним, в Кремль.

Трудно выразить те чувства, которые переживал я по пути в Кремль...

И вот я в Кремле, у двери, за которой работает гениальный мыслитель и великий вождь революции. Меня охватило какое-то оцепенение... Но вдруг дверь открылась, и я увидел поднявшегося навстречу с протянутыми вперед руками Владимира Ильича. Энергичный и улыбающийся, он сказал: «Здравствуйте, товарищ!» Пожал руку, усадил на стул.

Первым вопросом его был: «Вы, товарищ, кушали что-либо сегодня?» Я ответил, что кушал. «Может быть, стакан чаю?» — предложил Ильич. Я поблагодарил его за внимание и вручил пакет.

Пока Ленин читал письмо, я невольно следил за выражением его лица: глаза то суживаются, то расширяются, появилась улыбка, наконец он засмеялся и сказал: «Хорошо».

— Расскажите, пожалуйста, где вы работали до революции? — попросил Ильич.

— Я бакинский рабочий-нефтяник.

— С какого года работаете на промыслах?

— С 1900 года.

— Откуда родом?

— Из Саратовской губернии, Камышинского уезда, селения Бурлук.

— Значит, из крестьян?

— Да.

— Знаете ли товарищей, погибших в степях за Каспием?

— Хорошо знаю. Они наши учителя.

— Жаль-жаль, но что поделаешь? Революция требует жертв.

Затем Владимир Ильич спросил:

— Что слышно о бакинских рабочих, как они чувствуют себя, как у них дела идут?

— Бакинские рабочие и не прекращали своей революционной борьбы. Они требуют всю накопившуюся в Баку нефть отправить нуждающейся Советской России, — ответил я.

— Это хорошо. Это даже прекрасно. Море и расстояние не действуют на них — значит они с нами! Передайте бакинским рабочим, пусть не унывают. Мы поможем им установить Советскую власть.

Ильич берет телефонную трубку и горячо говорит, что нужно во что бы то ни стало оказать помощь бакинским рабочим.

— До свидания, товарищ, — обратился ко мне Ильич.

Я поднялся.

— Владимир Ильич, у меня кое-что привезено для вас.

Ильич насторожился.

— Слушаю вас,— сказал он.

— Я привез икры и сливочного масла.

— Так вот почему вы говорили, что сыты,— засмеялся он.—
Давайте, давайте.

Здесь же Ильич приказал все продукты немедленно отправить в детский сад.

Вспомнив наказ С. М. Кирова, я растерялся. Ленин, заметив мое смущение, сказал:

— Не беспокойтесь. Я выдам расписку, что все скушал я. Благодарю.

Крепко пожав руку, он объяснил мне, где получить просимое в письме.

Эта встреча с дорогим Ильичем навсегда запечатлелась в моей памяти как самое выдающееся событие в моей жизни.

ПИСЬМО ЛЕНИНА

Октябрь 1919 г.

Погода скверная. Льют непрерывные дожди. Работа по оборудованию укрепленного района идет полным ходом. Боевые действия несколько затихли. Армия Деникина остановила свое движение.

На северо-западе образовался новый фронт. На Петроград наступают Юденич. Новые белогвардейские армии появились на территории сопредельных лимитрофов. Белые под самым Питером, верстах в 12—15. Этот новый фронт вызвал тягостное впечатление. Казалось, что тиски сжимаются все больше и больше и вот-вот раздавят.

Наш местный «Коммунар» продолжает в оптимистических тонах сообщать сведения о положении на фронтах, о приостановке движения Деникина, о нашей усиливающейся с каждым днем готовности. «Приближается перелом,— писала газета.— Рабочие, будьте начеку. Ни одного потерянного часа. Красная кузница должна обеспечить фронт оружием и патронами». Кузница работает вовсю. Ни тяжелый голод, ни наступившие затруднения с топливом не могут сломить настроения рабочих. Идут массовые записи добровольцев — рабочих оружейных и патронных заводов.

— Заводы — это тот же фронт,— говорили мы.— Новая выковка стоит одного убитого белогвардейца. Будь у стака и выковывай оружие для победы Красной Армии.

В Туле военное положение. После девяти часов вечера без пропуска нельзя показываться на улице. И пока доберешься от штаба обороны домой, неоднократно подвергаешься окрику рабочих патрулей. Их мозолистые руки тщательно проверяют пропуска.

Вернулся часов в семь из штаба на квартиру обедать. Не успел съесть тарелки супа, как позвонил телефон.

Подошел.

— Оськина к телефону,— говорит телефонистка.— Слушайте, не отходите. С вами будет говорить Москва, Ленин.

Я не разобрал.

— Москва. С вами будет говорить Ленин,— повторила телефонистка.

— Слушаю.

— Алло!.. Кто у телефона? Алло! — доносилось в трубку.

— У телефона губвоенком Оськин,— закричал я.

— Товарищ Оськин?

— Да, да.

— Говорит Ленин.

Я затаил дыхание.

— Вы знаете, что положение под Петроградом скверно? Нужна экстренная помощь войсками. Что есть в Туле?

Я растерялся, не будучи в состоянии назвать сразу наиболее надежные части.

— Ну, есть полк, бригада, отряд вполне надежный и крепкий, который можно сейчас же бросить под Петроград?

Я вспомнил о бийской бригаде, прибывшей к нам с Восточного фронта несколько недель тому назад.

— Есть бригада 21-й дивизии,— кричу в телефон.— Но ведь Тула тоже под угрозой.

— Ничего. Дайте распоряжение сейчас же эту бригаду отправить под Петроград. Туле пока опасность не угрожает. Важно спасти Петроград. Если встанет опасность для Тулы, то мы успеем помочь. Немедленно шлите.

— Слушаюсь,— единственное, что я мог произнести в ответ.

Сейчас же об этом разговоре позвонил Межлауку и Артамонову. Сообщил и в губком. Оказывается, что в губкоме об этом уже знали, так как Ленин после разговора со мной позвонил о том же Каминскому.

Отдали распоряжение бригаде немедленно отправиться на станцию для погрузки, а коменданту станции собрать весь имеющийся подвижной состав, остановить всякое другое движение и спешно оборудовать эшелоны.

К утру бригада уже в пути.

Характерная подробность: мы отправили бригаду по словесному распоряжению Владимира Ильича, не имея приказа от наших непосредственных военных начальников. Лишь к концу следующего дня, то есть когда бригада подходила к Москве, мы получили телеграфное распоряжение полевого штаба об отправке бригады в распоряжение командующего 7-й армией.

В Туле остались специальные войска, большой авиационный отряд, прибывший в Тулу после ликвидации рейда Мамонтова, и мои новые сырые формирования...

Недоразумения с Военным советом у ревкома не могут ликвидироваться даже после введения в состав меня и Каминского. Межлаук продолжает линию, взятую ранее Петерсом. Камин-

ский представлял из себя защитника местных интересов в Военном совете, я же, поглощенный всецело вопросами формирования, имею очень слабое влияние на работу Военного совета. Моя военная психика заставляет меня думать о необходимости централизованного управления и руководства военным делом. Я часто становлюсь на точку зрения Межлаука о невмешательстве местных организаций в военные дела. Однако в отдельных случаях, когда происходили вмешательства со стороны Военного совета в местные дела, я должен был солидаризироваться с Каминским.

Соотношение сил в Военном совете было таково: на одной стороне Межлаук и комендант Артамонов, на другой — Каминский и не всегда поддерживающий его я. Это обстоятельство, очевидно, вынудило Межлаука поставить вопрос в центре об усилении Военного совета еще одним товарищем из центра. Ставил ли он этот вопрос — наверное мы не знали, но к этому выводу я пришел потому, что вскоре Военный совет пополнился командированным из Москвы тов. Эйдуком, членом коллегии ВЧК.

Эйдук прибыл с намерением взять в свои руки руководство работой разведывательных органов и особого отдела губчека. Он подчинил себе отдел внутренней охраны с Алексеевым во главе и всю свою работу проводил исключительно с чекистскими организациями. В отличие от Петерса, он совсем не бывал в частях и на сооружаемых позициях.

Наши разногласия дошли до Владимира Ильича в более раздутom виде, чем было в действительности, от тов. Орлова, комиссара военных заводов. Это вызвало со стороны Ильича специальное письмо к Военному совету:

«Российская
Федеративная
Социалистическая
Советская Республика
Совет
Рабочей и Крестьянской
Обороны
Москва, Кремль
20 октября 1919 г.

В Тулу
Товарищам: Каминскому,
Оськину, Межлауку

Товарищи! Значение Тулы сейчас исключительно важно, — да и вообще, даже пезависимо от близости неприятеля, значение Тулы для Республики огромно.

Поэтому *все* силы надо напрячь на *дружную* работу, сосредоточивая *все* на военной и военно-снабжениеческой работе.

Крайне жалею о тревиях ваших и Зеликмана с Петерсом (он работник крупный и преданнейший) и думаю, что виноват тут Зеликман, ибо, если была заметна негладкость, надо было сразу уладить (и не трудно это было сделать), не доводя до

конфликта. Малейшую *негладкость* впредь падо улаживать, доводя до центра, *вовремя*, не допуская разрастаться конфликту.

Работа в Туле должна быть повышена изо всех сил и переведена *всецело* на *военное положение*. Декрет о сокращении гражданского управления будет издан на днях¹, его падо не только соблюсти, но применить архидобросовестно и усердно. В Туле *массы* далеко не наши. Отсюда — обязательно *сугубая* интенсивность работы среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работниц.

Если не хватает сил, пишите — поможем из Москвы.

За обороной следить, не спуская глаз: делаются ли блокаузы? не ослабевает ли работа? есть ли материалы? рабочие? учатся ли красноармейцы? снабжение их в порядке? Все эти и подобные вопросы должны быть *розданы* на специальное *наблюдение* дельных людей и партийно преданных товарищей. Вы отвечаете всецело за *успех* этой работы, за перадение (если вовремя не обжалуете и не обратитесь в центр). Формирование войска имеет *исключительное* значение.

Если возьмем Орел², работу не ослаблять, а *вдесятеро* усилить, ибо без этого мы не победим, а остановка паступления для нас смерть.

Прочтите это письмо *всем* ответственным работникам и членам партии и *регулярно, очень кратко*, извещайте меня о *фактически* делаемом.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)»³.

Письмо привез помощник Орлова тов. Крайнев, вернувшийся из Москвы и бывший вместе с Орловым у Ильича. Подлинник письма я сохранил у себя, сняв с него несколько копий, послал их губкому, губисполкому, Межлауку и Каминскому.

В связи с письмом Владимира Ильича собралось экстренное заседание губкома, на которое пригласили и членов Военного совета. Тут же присутствовали председатели уездных партийных комитетов. Заседание носило бурный характер...

— Что от нас требует Ильич? — говорил Каминский. — Сосредоточить внимание организации на военной работе. Это мы делали и в еще бошьей степени должны делать и дальше. Он говорит о необходимости усиления работы заводов. В этом отношении у нас сделано еще не очень много. Ильич совершенно прав, что тульские массы далеко не все с нами. В вопросе снабжения армии Ильич совершенно определенно указывает на не-

¹ Декрет опубликован в Известиях ВЦИК 28 декабря 1919 года. *Ред.*

² 20 октября 1919 года г. Орел был освобожден. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 65—66. *Ред.*

обходимость выбрать специальных товарищей для наблюдения за этим делом. Нам надо прекратить совершенно бесполезную полемику и спор о том, кто прав и кто виноват в обострении отношений. Нам надо углубить все стороны нашей работы. Обеспечить полное выполнение стоящих перед нами задач. Белогвардейцы в каких-нибудь 150 верстах от Тулы. Если мы здесь будем заниматься препирательством, кто прав, кто виноват (кивок в сторону Зеликмана) и упускать из поля зрения основные вопросы, то дело будет архискверно. Со своей стороны я обещаю выполнять функции члена Военного совета. Я перенесу свою работу исключительно в укрепленный район.

*Оськин Дм. Записки военкома. М.,
изд-во «Федерация», 1931, с. 235—
238, 241—244, 245—246*

ОБРАЗОВАНИЕ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И В. И. ЛЕНИН

Я очутился в Казани в самом конце 1919 года, чуть ли не в день встречи нового, 1920 года. Я был послан туда Центральным Комитетом партии для партийной и советской работы. Уже с первых дней меня поразили крайне обостренные отношения, существовавшие между руководящей группой русских товарищей и руководящими элементами коммунистов-татар. Русские товарищи считали татарских коммунистов «националистами», в свою очередь татарские товарищи рассматривали русских коммунистов (не массу, а руководящее ядро) как «великодержавников», «националистов», которые своей политикой задерживают культурно-политическое развитие татарских трудящихся масс.

Русская группа в защиту своей линии обычно приводила так называемые «деловые» соображения: у татар-де нет достаточно подготовленных работников к занятию наиболее ответственных мест, и передача им этих мест означала бы если не полный развал, то значительное ослабление советской и всякой иной работы. В итоге получилось, что в губернском партийном комитете (в его президиуме) из семи членов был один татарин, в составе губисполкома из 25 членов (кажется, не ошибаюсь) было всего два-три татарина. Это бросалось в глаза и искало своего объяснения. Объяснение находили все в той же неподготовленности к ответственной работе коммунистов-татар.

Не скажу, чтобы я занял сколько-нибудь определенную позицию в этом, по сути дела, глубокой важности политическом споре. Точнее было бы сказать, что я, по-видимому, не уяснил себе тогда всего смысла этого спора, как не уяснил его себе никто из казанских товарищей русской группы. И я свою задачу видел в том, чтобы по мере сил сглаживать острые углы и искать способы мирного и спокойного разрешения каждого дня возникавших конфликтов — в рамках «существующего строя», если можно так выразиться. Мне казалось тогда, что надо оживить деятельность татарской секции при губкоме,

увеличить количество татар в губисполкоме и губкоме и т. п. Дальше этого ни я, ни другие товарищи не шли.

Были попытки объяснить конфликты между русскими коммунистами и татарами еще и тем, что в руководящей группе татар-коммунистов наибольшим влиянием пользовались и численно преобладали коммунисты с резко выраженным националистическим уклоном. Доля правды в этом была. Сами татары-коммунисты распадались на две группировки: одна из них, тогда преобладавшая в Казани, была действительно настроена националистически и в действиях русских коммунистов готова была видеть сознательное намерение властвовать и затирать татар. Эта группировка имела своим руководителем Султан-Галиева (хотя Саид-Галиев и Султан-Галиев жили тогда в Москве, они тем не менее были действительными руководителями идейных течений среди татар-коммунистов).

Другая группировка, численно более слабая и пользовавшаяся тогда меньшим влиянием среди татар-коммунистов, настроена была более интернационалистски и более примиренчески и искренне искала пути для совместной и согласованной работы с русскими. Эту группировку возглавлял тов. Саид-Галиев.

Когда я теперь стараюсь восстановить в памяти всю картину этого недавнего прошлого, то я прихожу к выводу, что все названные выше причины — это явления побочного и производного порядка и не в них суть всего вопроса. Суть же в том, что уже тогда принципы ленинской национальной политики настолько властно требовали своего проведения в жизнь, что никакие полуорганизационные полумеры не могли устранить этого основного факта. Мы этого тогда не понимали, как не понимала этого и значительная часть партии.

Татарская республика стучалась в двери, надо было сделать какой-то крутой и резкий поворот, а мы в лучшем случае ограничивались полумерами и пустячками, а в худшем — хихикали и посмеивались насчет чудачества наших товарищей-татар.

— Ну где же им в самом деле управиться с республикой, ведь они к этому совсем не подготовлены! Пустая эта затея.

Этим определялась идеология русских коммунистов в Казани в таком важном вопросе, как практическое приложение основных принципов нашей национальной политики.

Не только никаких подготовительных шагов к организации Татарской республики мы не предпринимали, но мы даже не пытались по-настоящему этот вопрос обсудить — настолько нам казалось бесспорным, что образование Татарской республики — ненужная, вредная и несбыточная идея. А между тем из Москвы стали доходить слухи, что в Наркомнаце... вопрос о создании Татарской республики обсуждается и чуть ли не

близится к положительному разрешению. Слухи эти усилились в конце марта и в начале апреля.

Когда мы в апреле прибыли в Москву на IX партийный съезд, наша казанская делегация решила вопрос выяснить окончательно, а для этого надо было побеседовать с В. И. Лениным. В первом торжественном заседании съезда¹, в Большом театре, я написал Владимиру Ильичу, сидевшему в президиуме, такую записку: «Владимир Ильич! Казанская делегация, чрезвычайно заинтересованная в вопросе о Татарской республике, желала бы сообщить Вам по этому поводу соображения казанской организации. Не откажите сообщить, когда в перерыве между заседаниями съезда Вы могли бы нас приять».

Владимир Ильич ответил тут же на обороте моей записки: «Новидаться необходимо: дайте Ваши телефоны моим телефонисткам (3-й этаж, коммутатор) и завтра условимся».

В назначенный час в кабинете Владимира Ильича (в Совпаркоме) собрались кроме самого Владимира Ильича я и товарищ Гордеев (бывший тогда секретарем Казанского губкома). По другому, уфимскому делу, по отчасти связанному с нашим, присутствовал тов. Эльцин (тогда — председатель Уфимского губисполкома).

Мы, представители Казанского губкома, высказывались на этом совещании против образования Татарской республики. Наши аргументы были: 1) среди татар нет достаточно выдержанных и подготовленных коммунистов, которым можно было бы передать управление республикой, и 2) образование республики при таких условиях поведет к распаду советского аппарата и к хозяйственному ослаблению района: во всяком случае, продразверстка не сможет быть так успешно выполнена, как она выполнялась до образования Татарской республики, а Казанская губерния дает по разверстке в среднем 10 миллионов пудов хлеба...

Владимир Ильич нам дал понять, что нельзя наши узкоутилитарные, местные и, в конце концов, преходящие интересы ставить над интересами партии в целом, нельзя из-за наших нескольких миллионов пудов хлеба (даже если бы мы их потеряли) отталкивать от нас много миллионов нерусского крестьянства. Обращаясь к продовольственному вопросу, Владимир Ильич довольно определенно высказался в том смысле, что было бы целесообразно установить ряд льгот при взимании продразверстки для крестьян-татар. На наши указания, что нельзя давать льгот крестьянам-татарам, не давая их и русским крестьянам, Владимир Ильич ответил, что он видит эти затруднения, но надо найти подходящую форму и все-таки эти

---

¹ IX съезд РКП(б) открылся 29 марта 1920 года. *Ред.*

льготы надо, чтобы татарское крестьянство почувствовало реально (пусть и в недостаточной степени) образование Татарской республики. Владимир Ильич понимал, что трудности при образовании республики будут. Поэтому он предлагал нам впредь до того, как будет декретирована Татарская республика, начать продельывать опыты чисто татарского самоуправления в небольших масштабах: в отдельных волостях и селах, в отдельных городских районах и даже в отдельных кварталах.

Совещание продолжалось не менее 1,5 часа. Ушли мы с впечатлением, что вопрос о создании автономной Татарской республики считается для Владимира Ильича окончательно решенным и дело только в сроке. Условлено было, что мы еще раз встретимся с Владимиром Ильичем, когда вопрос станет уже практически.

Когда мы вернулись в Казань и рассказали товарищам о нашей беседе с Владимиром Ильичем, наши товарищи (зачем это скрывать?) были огорчены и считали такое решение «ошибкой». Разумеется, ничего «великодержавного» и злостного в таком отношении к делу создания Татарской республики со стороны руководящей группы русских коммунистов не было, просто люди не могли подняться над интересами Казани и Казанской губернии. Казань и Казанская губерния затмили собою всю РСФСР.

Обстоятельства, по-видимому, так изменились, что надо было ускорить создание Татарской республики. По крайней мере через 2—3 недели после нашего возвращения из Москвы был опубликован декрет об образовании Татарской республики¹, а еще через неделю телеграммой секретаря ЦК РКП тов. Крестинского я был вызван в Москву для совещания по вопросу о практическом проведении этого декрета.

На этот раз у нас не было такого частного совещания с Владимиром Ильичем, как в апреле. Вопрос был поставлен на заседании Политбюро². Председательствовал Владимир Ильич. На заседание был приглашен, если не ошибаюсь, и тов. Саид-Галиев. Решено было образовать Революционный комитет Татреспублики, в руках которого должна была сосредоточиться вся власть до созыва съезда Советов и избрания Совпаркома. Намечен был состав ревкома из семи лиц: четырех татар и трех от пролетарской части населения. Этими тремя были утверждены без особых прений Ходоровский, Бочков А. И. (бывший до того зампредгубисполкома в Казани) и Гольдберг Б. И. (командовавший тогда Запасной армией в Казани). Четверка из татар очень долго обсуждалась. Владимир Ильич

¹ См. Правда, 1920, 29 мая, с. 2. *Ред.*

² Заседание Политбюро ЦК РКП(б) состоялось 8 июня 1920 года. *Ред.*

весьма тщательно расспрашивал про каждую кандидатуру: ее прошлое, ее отношение к гражданской войне, ее влияние и популярность среди населения. Владимир Ильич подчеркивал, что татарская часть ревкома должна быть такой, чтобы не вызвать кривотолков среди нетатарского населения республики (а такого населения насчитывалось до 50 процентов), и, главное, не развязывать языков действительно великодержавным, а то и просто шовинистическим элементам, каких не мало среди нерусского населения Татареспублики и какие иногда встречаются, к нашей беде, и среди коммунистов.

В конце концов был утвержден такой состав революционного комитета Татарской республики: председателем Саид-Галиев, зампред — Ходоровский и члены: Мухтаров, Казаков, Бочков, Гольдберг и Фирдевс.

Одновременно Политбюро ЦК приняло постановление о сохранении Казанского городского исполкома для всестороннего обслуживания потребностей и нужд казанского, и прежде всего рабочего, населения.

Теперь все сомнения и разговоры должны были закончиться. Надо было строить Татарскую республику. И мы приступили к этому делу со всей энергией.

25 июня назначено было днем передачи власти от Казанского губисполкома Ревкому Татареспублики. Этот день, считающийся теперь днем праздника Татарской республики, был ознаменован нами большим торжеством, на которое от имени правительства РСФСР прибыл замнаркомвнутдел тов. Владимирский М. Ф.

В первые же дни мы произвели замену русских работников татарами по целому ряду ответственных мест. Так, земотдел был поручен Валидову, народное образование — тов. Султанову, внутренние дела — тов. Измайлову, здравоохранение — тов. Мухтарову, управделами ревкома был назначен тов. Усманов. Значительные изменения были произведены и в низовом аппарате, в уездах (кантонах).

Июль и первая половина августа пошли на подготовку первого съезда Советов Татарской республики, который состоялся, если память мне не изменяет, в конце августа¹...

На этом съезде избран был Совнарком с тов. Саид-Галиевым во главе и ЦИК с тов. Мансуровым в качестве председателя.

Примерно 10 сентября я переехал из Казани в Тулу, и на этом мои воспоминания, связанные с образованием Татареспублики, обрываются.

Ленин и Татария. Сборник документов, материалов и воспоминаний. Казань, Таткнигоиздат, 1964, с. 272—277

¹ I Учредительный съезд Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов ТАССР открылся 25 сентября 1920 года. *Ред.*

ЛЕНИН И ВОСТОК

Мне хотелось бы из общего вопроса о значении деятельности и личности тов. Ленина выделить один вопрос, который должен интересовать всех, кто слышал о товарище Ленине, но кто не в состоянии разобраться в той сложной работе, которую представляет вся деятельность нашего учителя.

Вопрос этот касается Востока.

В первые же дни октябрьского переворота товарищ Ленин подписал обращение к народам Востока¹, где говорилось о том, что все народности отныне свободны, могут жить свободно и свободно самоопределяться. Это прежде всего касалось тех народностей, которые жили в пределах бывшей царской России. Что касается соседних государств, которые тем или иным способом находились в сфере влияния России вследствие колониальной политики последней, то в этом воззвании говорилось, что отныне разрываются те тайные и не тайные договоры, в силу которых некоторые из этих маленьких государств лишены были самостоятельности. И тут же подчеркивалось: Константинополь должен остаться турецким городом. Это первое воззвание, как молния, ударило по голове тех, которые свыклись было со своим положением и которые давно решили, что так, вероятно, угодно судьбе. Они очнулись от спячки, узнали Ленина, но осознали ли они, что обещание товарища Ленина исполнено? Вот в этом еще плохо разбирается масса, которую неблагоприятные правители соседних государств информировали иначе.

В разрешении восточного вопроса товарищ Ленин шел двумя путями: 1) педагогическим путем и 2) путем непосредственных сношений с соседними государствами. В первом случае он прежде всего ясно, отчетливо поставил вопрос о тех

¹ Обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 года опубликовано в «Правде» 22 ноября (5 декабря) 1917 года. *Ред.*

малых народностях, которые давно забыли о своем существовании как отдельная народность, имеющая свой язык, свою культуру и свою литературу. Он полагал, что до тех пор, пока внутри себя мы не разрешим национального вопроса, мы не можем рассчитывать на известный перелом в психологии соседних народностей.

И разрешает: дать автономию всем большим и малым народностям в пределах бывшей Российской империи. Но если эти народности пожелают выделиться в отдельное союзное или независимое государство, то разрешить и это. В результате — автономные республики и автономные области и те самостоятельные республики, которые потом вошли в союз с Российской Федерацией.

Среди этих автономных и независимых республик В. И. Ленин особенное внимание обращал на Туркестан и Азербайджан. Он говорил, что эти республики есть преддверие к Востоку, что все, что делается у них, будет эхом отдаваться в соседних государствах и угнетенные в этих странах будут знать и чувствовать все то, что составляет нашу сущность.

Не делать тех ошибок, которые сделаны внутри России, осторожно подходить к местному быту, к религиозным верованиям местного населения — это было обычное предупреждение В. И. Ленина в беседе с местными работниками.

Он удивительно вдумчиво, чутко и с необыкновенным вниманием относился к окраинным вопросам. И он умел передавать это свое отношение собеседнику, который уходил от него в глубоком раздумье, может ли он выполнить все, что говорил ему великий учитель.

Я несколько раз имел беседу с товарищем Лениным об окраинных вопросах и каждый раз все более и более убеждался, что он горит желанием создать на окраинах образцовую школу не только для подготовки будущих работников для Востока, но и для непосредственного воздействия на умы и сердца многомиллионной трудящейся массы Востока.

Возрождение новой, революционной Турции¹ не есть ли результат этого воздействия? В сущности, что представляла из себя Турция после войны? Европейская Турция со столицей Константинополем находилась в полном подчинении армии Антанты. Часть турецкой армии отступала в беспорядке в глубину Малой Азии. Воинственного духа в армии совсем не было; вдобавок занятие Смирны греками с целью окончательно разбить живую силу Турции на Малоазиатском полуострове, то есть совсем стереть с карты Турцию, еще больше деморализовало без того деморализованную армию.

В этот критический момент в жизни турецкого народа все

---

¹ Здесь речь идет о буржуазной революции 1919 года в Турции. *Ред.*

шире и шире распространяются среди турецкой массы слова вышеупомянутого обращения к народам Востока: Константинополь должен остаться турецким городом, мы объявляем все народы свободными и разрываем все договоры царского правительства. Турецкая масса знала историческое завещание русских царей о Константинополе, она слышала об этом из уст Милюкова, который истерически повторял это накануне своего провала и банкротства его правительства. Вдруг она, эта масса, слышит от главы правительства новой России: Константинополь должен остаться турецким городом. Она не только слышит эти слова, но и чувствует, что все симпатии главы этого правительства на стороне новой, революционной Турции. Она и решает: тыл свободен, нет больше врагов со стороны новой России, Константинополь должен быть нашим!

И вот под влиянием этого лозунга физически и морально уставшая турецкая масса, вчера только спасавшая свою жизнь и бросавшая по дороге отступления свои винтовки, воспламеняется, вновь берется за винтовки, чтобы совершить историческое дело и поставить хитрую, алчную, беспардонную, безжалостную и бессовестную европейскую дипломатию перед совершившимся грозным фактом: старая Турция умерла под грязными сапогами жандармерии великих европейских держав, но зато родилась новая, революционная Турция, сказавшая свое последнее слово: мы будем жить своей жизнью и с отвращением отвергаем всякую опеку над нами. Беспристрастный историк новой, революционной Турции, без сомнения, даст соответственную оценку перелому психологии турецкой массы в самый критический момент ее жизни, когда стоял вопрос о жизни и смерти целого народа. В этой оценке главное и самое существенное место будет занимать результат отношения нашего величайшего вождя к турецкому вопросу, и тогда эта масса не будет ограничиваться одним официальным выражением соболезнования Высоким собранием, а будет реагировать иначе.

А что случилось в Персии после Октябрьской революции? Ведь до революции она была разделена между царской Россией и Англией. Северная часть ее была в сфере влияния России, а южная — в сфере влияния Англии. Согласно воззванию товарища Ленина русские части покинули персидскую территорию. Это произвело громадное впечатление на персидскую массу, и она явно стала выражать свое недовольство по поводу того, что Англия продолжает распоряжаться в южной части Персии. Наконец Англия не выдержала глухого напора персидской массы и ушла. Таким образом, Персия предоставлена была самой себе.

Оценила ли персидская дипломатия это? Нет. С целью защиты интересов группы алчных купцов, потерпевших на тер-

ритории союзной республики Азербайджана, она держала себя по отношению к нам в переговорах о торговых сношениях так, как будто забыла вчерашнее свое обезличенное положение, когда, в сущности, не было Персии как единого и самостоятельного целого. Персидская масса чутьем знает, что обращение товарища Ленина к народам Востока прежде всего оказало свое воздействие на положение их страны. Она пока молчит, хмурится, но настанет час, когда эта масса открыто с энтузиазмом воскликнет: иду по твоим заветам, великий вождь человечества!

Еще несколько слов об Афганистане.

Политика двух великих держав, царской России и Англии, по отношению к Афганистану была такая же, как и к Персии. Разница была только в том, что Афганистан весь был под протекторатом Англии и Россия лишена была возможности здесь действовать так свободно, как в Персии. Эмир афганский, узнав о воззвании товарища Ленина, первый выразил желание послать своего первого посла в Советскую страну, с которой тогда Англия при посредстве русских генералов воевала.

Что означало такое намерение эмира? Оно означало, что с этого момента афганское правительство начинает говорить с Англией другим языком, вполне надеясь на то, что наши симпатии на стороне Афганистана. Наконец, афганский посол, прибыв в красную Москву, побеседовав с товарищем Лениным, дает своему правительству знать, что слова главы Советского правительства в обращении к народам Востока не висят в воздухе и что Ленин готов на все, чтобы только Афганистан освободить от колониальной политики Англии¹.

Это дает возможность афганскому правительству вести в массе пропаганду против английской политики, все время указывая на наше воззвание и отношение к афганскому вопросу. Насколько велико было значение этой пропаганды, видно было из следующего. Афганский посол прибыл в Москву с одним влиятельным муллой Афганистана. В беседе со мной этот мулла очень просил меня показать ему Владимира Ильича Ленина. Я спросил, что, собственно, его интересует. Он ответил: «Его проповедь, его отношение к угнетенным ярко его выделяют из среды современных политиков и вождей всего мира. В нем я вижу пророка».

Итак, без преувеличения можно сказать: Турция, Персия и Афганистан сделали громадный исторический шаг в деле освобождения себя от назойливой опеки колониальной политики

---

¹ Текст беседы В. И. Ленина с афганским чрезвычайным послом Мухаммедом Вали-ханом, состоявшейся 14 октября 1919 года, в 7 час. вечера, см. Полн. собр. соч., т. 39, с. 227. *Ред.*

Европы исключительно благодаря русской революции во главе с Лениным. Но освобождена ли трудящаяся масса каждой из этих стран от политики своих угнетателей?

Вот вопрос, который должен интересовать оставшихся учеников Ленина. Мы отвечаем на этот вопрос: нет, потому что вся глубина души этого величайшего в мире человека не известна еще этой массе.

Это должны делать мы, коммунисты, если в нас горит хоть частица того огня, который так пламенно горел в нашем величайшем учителе и который толкал его совершить величайший подвиг в мире — окончательно освободить все человечество от рабства.

*Ленин и Восток. Сборник статей.
2-е изд., доп. М., Науч. ассоциация
востоковедения СССР, 1925,
с. 22—26*

ОН УЧИЛ ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ

Все, кому выпало счастье лично знать Лепина, не могут не чувствовать волнения, когда берутся за перо, чтобы описать свои встречи с Владимиром Ильичем, воссоздать его необыкновенный образ...

Познакомилась я с Лениным летом 1919 года, когда приехала лечиться в Москву из Астрахани, где была председателем губкома партии. Друзья устроили мне встречу с Надеждой Константиновной Крупской, предупредив ее, что я тяжело переживаю гибель бакинских комиссаров, в числе которых был и мой муж — Яков Зевин. Я сразу увидела, что передо мной необыкновенно чуткий товарищ, который не только без слов понимает твоё состояние, но и готов тебе помочь. Надежда Константиновна предложила мне работать во внешкольном отделе Наркомпроса, и вскоре я была утверждена ее второй заместительницей.

Первая моя встреча с Владимиром Ильичем произошла неожиданно. В то время в Москве почти не было городского транспорта. Я жила в гостинице «Националь», называвшейся тогда I Домом Советов. Отсюда каждое утро я ходила на Пречистенку (теперь улица Кропоткина), где помещался внешкольный отдел. После работы за Надеждой Константиновной приезжала машина; она забирала и нас троих — Кржижановскую, Мещерякову и меня — и завозила домой.

Однажды, когда мы заканчивали дневную работу, вошла одна из сотрудниц отдела и сказала:

— Надежда Константиновна, за вами приехал Владимир Ильич, он ждет вас в машине.

Я, очень смущенная, ушла к себе в комнату. Кржижановская и Мещерякова были близко знакомы с Владимиром Ильичем, меня же он не знал. «Может, и места в машине не хватит», — подумала я и рендила, что, когда машина уйдет, пойду пешком. Но мои размышления были прерваны приходом той же

сотрудницы. Она сообщила, что все уже в машине и ждут меня. Подойдя к машине, я увидела, что мне оставлено место против Владимира Ильича. Надежда Константиновна сказала:

— Вот, знакомься, Володя, это Надежда Николаевна, которую ты знаешь по моим рассказам.

— Давайте познакомимся,— улыбаясь и крепко пожимая мне руку, ответил Владимир Ильич.

В машине шел оживленный разговор о том, каков средний возраст старшего поколения членов партии. Я помалкивала. Владимир Ильич, очевидно желая вовлечь в разговор и меня, спросил:

— А сколько вам лет, Надежда Николаевна?

— Тридцать семь.

— Да, вы еще молодое поколение... по сравнению с нами; вы будете свидетелем многих событий, которых мы не увидим...

Вскоре я стала бывать в кремлевской квартире Ульяновых. Надежда Константиновна иногда прямо с работы завозила меня к себе, и я проводила у них несколько часов. Мы проходили с ней в столовую, где был уже накрыт стол, скоро появлялись Владимир Ильич и Мария Ильинична. За обедом всегда шел оживленный разговор, каждый рассказывал о каких-нибудь интересных событиях дня — о встречах с людьми, о полученных письмах...

После обеда все расходились по своим комнатам. Мы с Надеждой Константиновной оставались в ее комнате, беседовали о работе, а иногда и о личной жизни. Надежда Константиновна расспрашивала меня о моих детях: здоровы ли, не нуждаются ли в чем-нибудь? Я отвечала, что дети здоровы и ни в чем не нуждаются, но, должно быть, этому не очень верили. Ведь в Москве тогда был голод, все жили на скудном пайке. И вот время от времени ко мне являлся шофер Гиль с мешочком муки или со свертком масла и сахара и говорил:

— Это Владимир Ильич и Надежда Константиновна прислали для ваших детей.

Иногда за обедом возникали очень интересные для меня разговоры, и я поражалась, как Владимир Ильич, занятый большими государственными делами, может так живо интересоваться, казалось бы, и не очень важными вопросами, как умеет он показать их большое и важное значение. Особенно запомнились мне беседы о борьбе с неграмотностью. Когда Деникин под напором Красной Армии стал откатываться к югу, мы командировали наших инструкторов в Тамбовскую, Воронежскую, Орловскую, Тульскую и другие губернии. Вернувшись, они рассказывали, что в деревнях остались старики, женщины и дети, мужчины на фронте. Взрослое население деревни, почти сплошь неграмотное, хочет учиться.

— Хотим сами газеты читать, хотим знать, что Ленин пишет о нашей крестьянской жизни, хотим знать постановления Советской власти, — говорили старики.

Учителя согласны учить их, но нет ни букварей, ни бумаги, ни карандашей, ни перьев. В некоторых деревнях вырезают буквы из газет, старых книг, составляют азбуку и учатся по ней читать. А как научиться писать? В одной деревне, в старой лавчонке, нашли оберточную бумагу для карамели. Но чем же писать? Заостряют лучину, разводят сажу водой и пишут. Обратились наши инструкторы в уездный отдел народного образования, а там им говорят, что книг и бумаги и на детские школы не хватает. Задумались мы: с какого конца приступить к работе?

— Поедьте ко мне, будем вместе думать, — сказала Надежда Константиновна. За обедом мы не удержались и рассказали обо всем Владимиру Ильичу.

— Это же очень хорошо, — говорит Владимир Ильич, — значит, культурная революция в деревне приближается. Ну и как же вы, руководители внешкольного образования, думаете разрешить вставшие перед вами задачи? Как старые партийные работники, вы должны знать, какую большую роль играет организация дела. У нас не только в деревнях, но и в городе много неграмотных, особенно рабочих. Но в городе есть сильная организация, которая может это дело двинуть, — профсоюзы, у них есть культотделы, есть материальные средства: мы передали им клубы, народные дома. Пусть в городах они занимаются культурной работой, и в том числе ликвидацией неграмотности, а вы помогайте им методикой. Но главное внимание сосредоточьте на деревне. Очень важно иметь опорный пункт культурной работы в деревне. Что говорят ваши инструкторы — где собираются крестьяне, чтобы учиться грамоте?

— Иногда в школе, иногда в избах, по очереди, так же как раньше собирались на посиделки.

— Это хорошо, что по избам собираются, значит, деревня сочувствует обучению грамоте, — продолжал Владимир Ильич. — Но необходимо постоянное место, культурный центр своего рода, такая изба-читальня, куда можно выписать крестьянскую газету, посылать брошюры, плакаты, куда бы крестьянин мог в свободное от работы время прийти почитать или послушать газету, книжку, побеседовать. Правда, мы сейчас бедны и не можем построить сеть изб-читален, но почти в каждой деревне есть одна-две брошенные избы, хозяева которых давно ушли в город. Надо через сельсовет получить такую избу, крестьяне охотно ее отремонтируют, приведут в порядок. Надо найти в деревне добровольца, который согласился бы заведовать такой избой-читальней; им может быть учитель, инвалид-красноармеец, грамотный парнишка или девушка...

После обеда мы с Надеждой Константиновной засели за дело: выработывали маршруты поездок инструкторов, писали для них памятку. Скоро стали появляться сведения, где сколько изб-читален организовано, как налаживается работа; началась переписка с избачами. Владимир Ильич проявлял большой интерес к культурной работе в деревне, и мы сообщали ему наши радости и горести. Подошла зима, появились тревожные письма от избачей: приходится закрывать избы-читальни, их нечем освещать; керосин в деревни не завозят, крестьяне в своих избах жгут лучину, а с лучиной не развернешь культурную работу. Мы рассказали о нашем горе Владимиру Ильичу.

— Да, с керосином у нас трудновато,— сказал он.

Для через три Надежда Константиновна сообщила, что Владимир Ильич собирает хозяйственников, которые имеют отношение к запасам керосина. А еще через несколько дней она привезла выписку из постановления Малого Совнаркома — отпустить на каждую избу-читальню по тридцать фунтов керосина в месяц.

...Я попыталась рассказать, как ясно видел Ленин будущий расцвет культуры. Эти беседы с Владимиром Ильичем были для меня большой школой; за малыми делами я училась видеть большое будущее.

*Ленин — товарищ, человек. 2-е
изд., доп. М.: Госполитиздат, 1963,
с. 300—305*

УДАРНАЯ СТРОЙКА

Конец 1919, начало 1920 года... После разгрома Колчака и Деникина Страна Советов получила временную передышку. Хотя предстояла еще борьба за изгнание интервентов с Дальнего Востока, Закавказья, Крыма, хотя не исключена еще была вероятность новой интервенции, но все же партия и правительство получили возможность уделять больше внимания восстановлению разрушенного войной хозяйства.

Очистив от белых районов Прикаспья и устье реки Урал, Красная Армия овладела действующими Эмбинскими промыслами, где находилось 15 миллионов пудов добытой нефти. В ту пору связь с Баку и Грозным была прервана и Эмба являлась единственным районом добычи ценного жидкого топлива, необходимого для хозяйства и армии Советской республики.

Товарищ Ленин был очень занят мыслью об эмбинской нефти, о скорейшем использовании этого источника. 24 декабря 1919 года Совет Труда и Оборона постановил построить Алгай-Эмбинскую железную дорогу (Алгай — сокращенное название Александра-Гая) и нефтепровод, а также перешить на широкую колею участок Красный Кут — Александров-Гай. Строительство было признано срочной оперативной задачей.

Ленин отправлял в адрес реввоенсоветов Туркестанского, Юго-Восточного и Южного фронтов конкретные распоряжения об охране всех сооружений и запасов нефти, о выделении рабочей силы для строительства и многие другие указания. Командующему Туркфронтом М. В. Фрунзе Ленин предложил развить революционную энергию для максимального ускорения постройки дороги и вывоза нефти. Свой ответ Ленину Фрунзе заканчивал так: «Армия свой революционный долг выполнит».

В феврале 1920 года строители получили телеграфное указание Ленина сообщать непосредственно ему о ходе работ каждые две недели. Это распоряжение действовало все время и выполнялось неукоснительно. Помимо того, были всякие экст-

ренные сообщения и запросы. Наркомату по военным делам было дано задание направить в Саратов два железнодорожных дивизиона для участия в строительстве. Одно из распоряжений Владимира Ильича обязывало Наркомпуть обеспечить с 1 марта непрерывную укладку пути, для чего принять самые энергичные меры к разборке, отправке, доставке рельсов, скреплений и т. п. Ежедневно наркомат должен был сообщать лично Ленину о количестве материалов, снятых, отправленных и доставленных в Красный Кут.

Ленин указывал, что, принимая во внимание исключительное значение для республики успешного окончания работ по устройству линии Красный Кут — Алтай — Эмба, должны быть совершенно исключены взаимные междуведомственные распри, трения и волокита. Все действия, тормозящие успешность работ, будут рассматриваться как измена республике.

В действиях, установках, указаниях Владимира Ильича Лещина неизменно проявлялись его глубокий ум, практическая хватка, настойчивость и революционная целеустремленность.

После предварительных ленинских указаний о начале строительства магистрали Совет Труда и Оборона 21 апреля 1920 года вынес постановление об организации 2-й революционной армии труда (Поволжской) на базе «трудового использования сил и средств Заволжского военного округа и Туркестанского фронта». Я был назначен председателем Реввоенсовета этой трудовой армии.

Главной задачей трудовой армии было срочное строительство железной дороги и нефтепровода Алтай — Эмба. Одновременно перед нами был поставлен ряд важных задач по восстановлению народного хозяйства. Среди них: улучшение деятельности Рязано-Уральской дороги; заготовка и вывоз продовольствия и фуража; заготовка дров и подвоз их к железнодорожным станциям и рекам; проведение сельскохозяйственных работ; мобилизация рабочей силы и т. д.

Все продовольственное обеспечение строителей лежало на снабженческих органах трудовой армии. По указанию Ленина воинские части и трудовые формирования на строительстве получали фронтową паек.

Выполнение всех перечисленных задач было тесно связано с осуществлением главного ленинского задания по сооружению железной дороги и нефтепровода Алтай — Эмба. Это был яркий пример хозяйственно-восстановительных работ раннего периода (1919—1920 годы).

Строительство началось высокими по тем временам темпами. К середине июня путь на участке Красный Кут — Александров-Гай протяжением 250 верст был перешит на широкую колею. Дневная производительность в среднем равнялась

8,5 версты — вдвое больше того, что намечалось. Земляные работы и укладка пути за Александровом-Гаем были развернуты одновременно на пяти участках.

25 июня Ленин по телеграфу предложил трудовой армии принять решительные меры к быстрейшему окончанию работ по постройке железнодорожной линии Алтай — Эмба и нефтепровода.

Однако к этому времени некоторая передышка на фронтах окончилась. Основные воинские части трудовой армии пришлось перебросить на Западный фронт. Потребность строительства в рабочей силе исчислялась в 17—20 тысяч человек. Фактически же в работах принимало участие до 12 тысяч красноармейцев и вольнонаемных. Трудовые мобилизации не могли восполнить убыль рабочей силы, и темпы строительства неизбежно замедлялись.

Помимо сооружения Алтай-Эмбинской магистрали Поволжская трудовая армия по заданию Владимира Ильича уделяла особое внимание увеличению провозной способности Рязано-Уральской дороги, так как от этого во многом зависел успешный ход основного строительства. Положение же на дороге было очень тяжелым: две трети ее паровозного парка были командированы на другие магистрали, не хватало топлива, локомотивы и вагоны были изношены, ухудшалась трудовая дисциплина. Особенно плохо производился ремонт пути и подвижного состава.

Командование трудовой армии приняло ряд конкретных мер по восстановлению железнодорожного транспорта и повышению производительности труда его работников. На наиболее важные дистанции пути были направлены трудармейцы в помощь путецам. Особо тяжелое положение с ремонтом пути сложилось под Астраханью, где в районе дельты путь был размыт на протяжении 40 верст. И здесь нами была оказана помощь железнодорожникам. Наиболее срочные ремонтные работы — по ликвидации размыва пути, по восстановлению разрушенных мостов — выполнялись силами войсковых частей.

По решению правительства квалифицированные рабочие транспорта возвращались на предприятия. Кроме того, для нужд дороги на местах были проведены трудовые мобилизации. Движение поездов на Рязано-Уральской дороге начало улучшаться.

К июлю 1920 года положение на Западном фронте осложнилось и в распоряжении Поволжской трудовой армии почти не осталось крупных воинских частей, и вскоре, 7 июля 1920 года, Совет Труда и Обороны принял постановление о ликвидации трудовой армии. Строительство Алтай-Эмбинской дороги передавалось на ходу Заволжскому военному округу и местным органам.

Во второй половине июля 1920 года мне как руководителю 2-й трудовой армии довелось делать на заседании Совета Труда и Оборона в присутствии В. И. Ленина заключительный доклад о проделанной работе и состоянии строительства.

Инициатива товарища Ленина и его постоянная готовность поддержать предложения, идущие с мест, намного облегчали работу. А сколько других строек, сколько фронтов, сколько всяких неотложных дел требовали внимания Владимира Ильича!

Как живой стоит перед советскими людьми образ Ленина, основателя нашей партии и социалистического государства. Радостно сознавать, что мы идем по пути, намеченному величайшим прозорливцем, вождем освободительной борьбы рабочего класса.

Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников, с. 175—

МАЛОЕ О ВЕЛИКОМ

В мае 1919 года меня вызвали к секретарю МК партии и предложили срочно направиться в Совет Народных Комиссаров.

Я созвонилась с секретариатом Совнаркома, и мне назначили, с точностью до одной минуты, время, когда я буду принята Владимиром Ильичем. Меня поразила такая исключительная точность. Московские организации, надо честно признаться, не могли этим похвастаться. Позднее, когда я уже свыклась с методами работы в аппарате СНК, для меня эта точность стала законом.

Вот я в кабинете В. И. Ленина. За большим письменным столом сидит Владимир Ильич. Он смотрит на меня пронизательным, но доброжелательным, подбадривающим взглядом слегка прищуренных глаз.

Я вижу перед собой человека среднего роста, плотного телосложения, с бледно-смугловатым оттенком лица, с огромным лбом и небольшими, глубоко сидящими темно-кариими глазами. Улыбка, излучаемая всем его существом, простота в обращении заставили забыть о смущении.

После нескольких вопросов Владимир Ильич предложил мне приступить к делу.

В течение 1919—1920 годов я была одним из секретарей Совнаркома и Совета Труда и Оборона¹. Никогда не забыть этих лет работы под непосредственным руководством Ленина.

---

¹ С. Б. Бричкина заведовала канцелярией Совнаркома, но временно, в связи с отпуском Л. А. Фотиевой, замещала ее как секретаря СНК и личного секретаря В. И. Ленина. *Ред.*

ЛЕНИНСКОЕ ВНИМАНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Только люди, близко соприкасавшиеся с В. И. Лениным, могли ощутить со всей глубиной его необычайную чуткость, которая проявлялась в повседневных мелочах. Как внимательно подходил Ленин к каждому человеку! Для него не было ответственного и рядового работника. Он проявлял заботу как о рядовых сотрудниках Совнаркома, так и о видных деятелях Советского государства, возглавлявших тот или иной наркомат. Такое же чуткое отношение встречал со стороны В. И. Ленина каждый трудящийся.

От зоркого глаза Владимира Ильича ничто не ускользало. Как часто среди делового разговора он обращался ко мне со словами, в которых звучала тревога: «А знаете, такая-то сотрудница выглядит очень плохо. Ее необходимо подлечить и подкормить. Вы, пожалуйста, позаботьтесь об этом».

Усталость работников всегда замечалась им, и вслед за этим, как правило, следовало постановление, вынесенное по инициативе Владимира Ильича: «Предоставить такому-то месячный отпуск». Товарищ, получивший неожиданно такое постановление, бывал обычно ошеломлен, возражал против отпуска, ссылаясь на необходимость решить ряд важных вопросов, но ничто не помогало. Владимир Ильич был неумолим и требовал выполнения решения. Сам же Владимир Ильич даже намеком никогда не давал понять, что личными просьбами у него отнимают время и силы, необходимые для многообразной, сложной и ответственной деятельности.

Однажды В. И. Ленин вызвал меня в кабинет и в присутствии Надежды Константиновны сообщил, что на фронте погиб один боевой товарищ, старый подпольщик. После него остались дети, которых необходимо устроить в один из детских домов. Владимир Ильич поручил мне организовать это дело, предлагая, если понадобится, лично позвонить тому, от кого зависит решение этого вопроса. Я должна была не только устроить детей, но и контролировать, в хороших ли условиях они находятся.

У меня долго хранилась записка Владимира Ильича, в которой он просил позаботиться о члене ИККИ А. Гильбо:

«[3 ноября 1921]

т. Бричкина! Нельзя-ли устроить *Гильбо* обедать в *Люксе*?

Он болел. Похудел. Работает усиленно над романом. «Карту делегата», говорит он. Это близко от него (Люкс). Он-де ничего теперь не имеет, ни копейки не получает.

Его телефон: 3.89.83.

Очень обяжете, если черкнете два слова.

Привет! *Ленин*»¹.

---

¹ Ленинский сборник XXIII, с. 325. *Ред.*

Узнав, в каких условиях живет Цецилия Самойловна Бобровская, он писал: «...Она живет сейчас в совершенно невозможных условиях, и доктора велят ее немедленно перевести в один из Домов Советов.

Сообщите в мой секретариат об исполнении.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Р. С. Я знаю Бобровскую с эпохи до 1905 года и знаю, что она способна бедствовать и молчать чрезмерно. Поэтому ей надо помочь быстро»¹.

Товарищи сообщили Владимиру Ильичу, что председатель Комиссии использования Л. Н. Крицман по состоянию здоровья вынужден работать большей частью дома. Ленин написал письмо во ВЦИК, чтобы Крицману были созданы условия для работы и поддержки его здоровья:

«23 апреля 1921 г.

Члену Президиума Госплана (Государственной Общеплановой Комиссии)

тов. Крицману

1) прошу дать вторую комнату в б. Метрополе, рядом с занимаемой им, ввиду того, что для занятий и приема ему необходима особая комната, сверх занимаемой его семьей;

2) прошу организовать получение тов. Крицманом продовольственных продуктов из какого-либо подмосковного, близкого к городу, советского хозяйства, вследствие безусловного запрещения врачей употреблять больному тов[арищу] Крицману продукты из складов.

Пр. СНК *В. Ульянов (Ленин)*»².

Но Владимир Ильич умел и наказывать людей, если они грубо нарушали дисциплину или нерадиво обращались с вверенным им государственным имуществом.

Мне приходилось не раз видеть Владимира Ильича недовольным неполадками в работе какого-нибудь сотрудника.

Один раз я увидела, как может быть возмущен и беспощаден человек, для которого партийное решение святая святых. Я увидела непреодолимую силу гнева, способного снести все, что стоит на пути и мешает в достижении намеченной цели.

Это было, насколько я припоминаю, во время IV Всероссийского съезда профессиональных союзов³. Политбюро ЦК избрало комиссию для руководства большевистской фракцией

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 42. *Ред.*

² Ленинский сборник XX, с. 355. *Ред.*

³ IV Всероссийский съезд профессиональных союзов состоялся в Москве 17—25 мая 1921 года. *Ред.*

съезда. М. Томскому, который вошел в комиссию, предложили провести через фракцию съезда постановление Политбюро, но Томский на фракции провалил порученное ему партийное дело¹.

Узнав об этом, В. И. Ленин созвал экстренный пленум ЦК партии, на котором поставил вопрос об антипартийном поведении Томского. Никогда я не видела таким Владимира Ильича. Лицо его стало темным, как грозовая туча; глаза буквально метали молнии. Всею фигурой он подался вперед; казалось, вот-вот он своим гневом испепелит нарушителя партийной дисциплины. Гнев Владимира Ильича был подобен морскому шквалу. Ленин резко бросил в лицо Томскому обвинение в антипартийном поведении. Он заявил, что за обман партии Томский заслуживает самой высокой кары. Партия доверила ему большое партийное дело, а он, член ЦК, вместо того чтобы честно выполнить поручение, как поступил бы любой преданный, дисциплинированный член партии, схитрил, обманул партию. Я была свидетельницей того, с какой беспощадностью Ленин относился к тем, кто обманывал доверие партии. В. И. Ленин потребовал вывода Томского из ЦК и исключения из партии.

...Владимир Ильич хорошо помнил и заботился о каждом человеке, который мог быть полезен для партии и рабочего класса. В 1921 году он получил от Я. И. Вишняка сведения о своем старом товарище И. Х. Лалаянце и написал Вишняку:

«...Мне крайне жаль, что он (И. Х. Лалаянц.— С. Б.) оказался вне рядов РКП.

Если можно, просил бы Вас написать мне подробнее о том, почему он стоит вне партии, когда вышел из нее, как жил при Колчаке в Сибири и прочее»².

В октябре В. И. Ленин писал:

«...Я знал Лалаянца с 1890-х годов как марксиста и потом большевика. Несомненно, преданный революционер, коего надо использовать, несмотря на политические разногласия»³.

---

¹ Комиссия ЦК, созданная для руководства работой IV Всероссийского съезда профсоюзов, выработала проект резолюции о деятельности ВЦСПС и поручила члену этой комиссии М. Томскому внести его на заседание коммунистической фракции съезда. На заседании фракции, где обсуждался доклад ВЦСПС, была принята антипартийная резолюция Д. Рязанова в духе независимости профсоюзов от партии. М. Томский не выступил против этой резолюции и не довел до сведения фракции проект резолюции, выработанный комиссией ЦК партии 18 мая 1921 года. Вопрос о положении на съезде профсоюзов обсуждался на пленуме ЦК, который решил вывести Томского из комиссии ЦК, признав необходимым освободить его от работы в ВЦСПС. В. И. Ленин выступил на заседании фракции с критикой антипартийного характера резолюции Рязанова. В результате обсуждения этого вопроса фракция отвергла резолюцию Рязанова и приняла резолюцию ЦК. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 177. *Ред.*

³ Там же, с. 286. *Ред.*

Ленин очень ценил беспартийных работников, помогавших партии, когда она была в подполье. Вспоминается такой случай. Крупный специалист по паровозостроению Ю. В. Ломоносов, один из начальников Московско-Казанской железной дороги, принадлежавшей в годы царизма фон Мекку, нередко устраивал на работу большевиков, например И. Г. Правдина и других, несмотря на некоторый риск для себя. Ленин знал об этом. Когда в 1921 году на заседании Политбюро был поставлен вопрос о закупке паровозов за рубежом, Владимир Ильич предложил сделать главой комиссии по приобретению паровозов Ю. В. Ломоносова, как специалиста с мировым именем, давно известного партии. Против этой кандидатуры высказалось большинство членов Политбюро, но В. И. Ленин сумел переубедить их, и Ю. В. Ломоносов возглавил комиссию.

Известно, с каким большим вниманием относился Владимир Ильич к старым революционерам-подпольщикам. 22 июня 1920 года Ленин писал по поводу народовольца Тыркова:

«Предлагаю обеспечить гражданина *Тыркова*, одного из последних могикан геройской группы народовольцев, участника мартовского процесса об убийстве Александра II,— ныне гражданин Тырков в весьма преклонных годах —

двумя-тремя десятинами земли из бывшего его имения и 2 коровами для его семьи.

Распоряжение провести спешно народному комиссару земледелия т. Середе

и народному комиссару продовольствия т. Цюрупе (или его заместителю) по соглашению, *по телеграфу*, с местным губисполкомом.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)

Прошу наркомов подписаться: согласны или нет?

Напомнить мне, чтобы было сообщение об исполнении от НКЗем»¹.

ЛЕНИНСКАЯ ШКОЛА РАБОТЫ В АППАРАТЕ СОВНАРКОМА

Лучшим методом борьбы с волокитой Ленин считал правильную постановку проверки исполнения. Он не один раз возвращался к вопросу о наиболее простой и действенной системе проверки исполнения постановлений СНК и СТО в секретариате Совнаркома.

Для облегчения контроля исполнения в различных звеньях аппарата Совнаркома фиксировалось точное время сдачи мате-

---

¹ Последняя фраза написана В. И. Лениным в верхней части документа (см. Полн. собр. соч., т. 51, с. 220). *Ред.*

риала в регистратуру, которая, в свою очередь, регистрировала время сдачи его в экспедицию для рассылки. Учреждение, получившее материалы, отмечало время получения их из Совнаркома.

Помню, как однажды В. И. Ленин вызвал к себе секретаря М. И. Гляссер и поручил ей в дополнение к уже существующей системе проверки разграфить конторскую книгу, озаглавить каждую графу, чтобы по любому постановлению СНК и СТО можно было проверить: как, когда и кем оно выполнено. Нередки были случаи, когда Владимир Ильич по этой книге сам проверял, как секретариат контролирует исполнение решений, нет ли где волокиты.

В августе 1919 года секретариат пожаловался Владимиру Ильичу, что член коллегии Наркомпрода А. И. Свидаерский протестует против запросов секретариата об исполнении им некоторых постановлений СТО и СНК.

В. И. Ленин немедленно поставил этот вопрос на повестку очередного заседания СТО, которое приняло следующее постановление: каждое ведомство на запрос секретариата об исполнении постановления Совета Труда и Оборона и Совнаркома обязано давать не только ответ на таковой, но, в случае необходимости, по возможности представлять и доказательства.

Вопрос о тяжелом продовольственном положении Петрограда и Москвы неоднократно рассматривался в СНК. Было время, когда выдавали по $\frac{1}{4}$ фунта хлеба на два дня. Наркомпроду поручили срочно организовать посылку в Москву маршрутных поездов с хлебом. Наркомпрод не выполнил задания, маршруты в назначенный срок не прибыли. Нарком продовольствия объяснил это обстоятельство тем, что не мог получить прямой провод с Нижним Новгородом, откуда должны были переправить маршруты в Москву. Тогда по предложению Владимира Ильича Совнарком немедленно вынес постановление, в котором наркому было указано на нерадивость, незаконную ссылку на неполучение прямого провода и необжалование этого факта Председателю СНК. Но этим дело не ограничилось. Совнарком потребовал от Комиссариата почт и телеграфа письменное объяснение по поводу задержки телеграммы Наркомпрода. Одновременно наркомату предложили внести на рассмотрение СНК проект постановления о необходимых мерах для обеспечения Наркомпрода срочной телеграфной связью с местами. Так учил В. И. Ленин своих соратников четкой, оперативной работе.

В. И. Ленин и от себя и от окружающих, в том числе от членов правительства, требовал во всем точности, дисциплины. Случалось, что наркомы и их заместители, задержавшись на работе, несмотря на предупреждения секретариата СНК, приходили на заседания с опозданием. Владимир Ильич дал указание секретариату: в повестке отмечать время начала заседания

Совнаркома или СТО, причем наркомы и их заместители должны были расписываться, что они оповещены об этом.

Время прихода на заседания членов правительства и других лиц точно фиксировалось секретарем. Однако и это не давало результата. Тогда было вынесено постановление, что списки опаздывающих членов правительства будут представлены на ближайшую сессию ЦИК.

Для разработки мер воздействия по отношению к членам всех комитетов, комиссий и совещаний, неаккуратно посещавшим заседания, СНК избрал комиссию под председательством В. А. Аванесова. Комиссия предложила, в частности, отстранять от работы и запрещать занимать ответственные должности лицам, опоздавшим на заседания без уважительных причин свыше трех раз подряд.

Большое внимание уделял Владимир Ильич системе работы не только в аппарате Совнаркома, но и в отдельных наркоматах.

В Народном комиссариате иностранных дел работа шла не только днем, но и ночью, и наиболее интенсивно именно в ночные часы, когда жизнь в других наркоматах замирала. Такой порядок установил нарком Г. В. Чичерин. Несколько раз Владимир Ильич пытался доказать Чичерину пагубность такой системы работы, но он упорствовал. Тогда в Наркоминдел был послан новый управляющий делами П. П. Горбунов, которому Ленин строго-настрого приказал перевести режим рабочего времени наркомата на общепринятые дневные часы, а для того чтобы Г. В. Чичерин не мешал реформе, его отправили в отпуск.

Очень не любил Владимир Ильич зазнайства и за малейшее проявление чванства призывал к порядку любого работника, независимо от занимаемого им поста.

В протоколе Совета Обороны от 8 августа 1919 года был объявлен выговор членам Реввоенсовета Восточного фронта за телеграмму, посланную в ответ на запрос Всероссийской эвакуационной комиссии. В этой телеграмме не было ответа по существу запроса; реввоенсовет реагировал только на официальный стиль запроса: «Предлагаем в официальной переписке с Реввоенсоветом Востфронта бросить начальственно вызывающий тон, так как мы ни в какой мере вам не подчинены. Предупреждаем, что впредь все такие телеграммы будут оставаться без ответа. № 2768/ц»¹.

В. И. Ленин считал, что в партии должна существовать одна дисциплина для всех ее членов, независимо от занимаемого ими положения. Председатель Архангельского губисполкома как-то назвал одно распоряжение центральной Советской власти «нелепым». Ленин послал председателю губисполкома телеграмму

---

¹ «Протоколы С О», 1919 года, 8 августа, № 63. С. Б.

такого содержания: «Я объявляю Вам официально выговор за это и заявляю, что если Вы не возьмете обратно столь недопустимого выражения, то я подниму вопрос о предании Вас суду, ибо если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя»¹.

Однажды я была свидетельницей такого случая. Очередное заседание Политбюро ЦК партии происходило, как всегда, в кабинете В. И. Ленина. Я пришла пораньше, чтобы приготовить все необходимое. Первым на заседание пришел Ф. Э. Дзержинский. Владимир Ильич обратился к нему и поручил установить, кто разболтал подробности того, как происходило обсуждение вопросов на предыдущем заседании. Должна сказать, что взволновалась я до чрезвычайности. Первой моей мыслью было, что подозрение может пасть на меня. Ведь я — единственный человек, присутствовавший на заседаниях Политбюро ЦК, не будучи его членом. Позже я узнала, что разболтал о секретном заседании Политбюро Л. Каменев. Он рассказал о нем своей жене, от нее это пошло дальше.

В тяжелые 1919—1920 годы к Владимиру Ильичу шли непрерывным потоком делегации рабочих, крестьян, ходоки, люди различных званий и профессий. Они приходили с жалобами и запросами, со своими страданиями и обидами. Они шли к человеку, который один, по их мнению, мог вывести их из затруднений, сомнений на правильную дорогу...

В моей памяти до сих пор сохранился случай приема одной крестьянской делегации. Крестьяне очень волновались, примет ли их Владимир Ильич. Когда я пришла, чтобы проводить их в кабинет Владимира Ильича, на лицах крестьян появилось выражение необычайной напряженности. Перед дверью кабинета они приостановились, пригладили обеими руками волосы, одернули на себе одежду и робко, затаив дыхание, переступили заветный порог. Навстречу им поднялся Владимир Ильич, простой, обаятельный, понятный и человечный, пожал всем крепко руки, усадил вокруг себя, и робости их как не бывало. Началась оживленная беседа.

Владимир Ильич не просто слушал, а впитывал в себя каждое слово собеседника. По нескольким словам он ясно представлял себе настроение рабочего, крестьянина, сразу нащупывал основное звено, слабые и сильные стороны и тотчас намечал план действий.

Беседа кончалась, и люди, входившие в кабинет В. И. Ленина боязливо и робко, выходили оттуда с просветленными лицами. Казалось, что там, за дверьми скромной комнаты, они оставили все свои сомнения, страдания, написали «живой воды» и снова готовы к борьбе со всеми трудностями.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 62—63. *Ред.*

Владимир Ильич получал большое количество писем, и ни одно из них не оставалось без ответа. Жалобы шли к нему отовсюду, от всех слоев населения. Владимир Ильич предписывал немедленно докладывать ему о всех жалобах, поступающих в Управление делами Совнаркома. Письменные жалобы докладывались в течение 24 часов, устные — в течение 48 часов.

Какую богатейшую школу проходили мы, работавшие в аппарате Совнаркома, руководимом Владимиром Ильичем!

Однажды крестьянин В. Юшин из села Ошта, Олонецкой губернии, отец красноармейца, прислал В. И. Ленину телеграмму с жалобой на то, что у него местные власти в порядке разверстки отняли корову. Копию телеграммы я направила в Наркомпрод А. Д. Цюрупе и на том успокоилась. Просматривая телеграмму и установив, что по ней сделано, Владимир Ильич написал на ней следующую резолюцию:

«Бричкиной: нельзя так. Мало послать Цюрупе. Надо проверить и *з а п и с а т ь*, какой ответ *когда п о с л а н*»¹.

После такого замечания я не повторяла сделанной мной ошибки.

Владимир Ильич учил сотрудников Совнаркома уделять максимум внимания личным жалобам трудящихся, требуя, чтобы в этом деле не допускались волокита и бюрократизм.

Вспоминается мне следующий случай. Два крестьянина (один из Ярославской, другой из Московской губернии) обратились к Председателю СНК с жалобами на незаконную реквизицию у них лошадей. Управление делами СНК направило жалобы в особую комиссию, ведавшую этими вопросами. Сотрудник комиссии Романов, получив эти жалобы, написал на конверте: «Работы и так много и пустяками заниматься некогда».

Об этом факте бюрократической, бездушной отписки стало известно Ленину. Владимир Ильич отдал распоряжение о привлечении этого «чиновника» к уголовной ответственности.

КАК ЖИЛ И РАБОТАЛ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Владимир Ильич обладал исключительной работоспособностью. Людей, близко соприкасавшихся с Лениным, поражало это его свойство, а также способность одновременно заниматься несколькими делами. Перед ним всегда лежала книга, которую он читал в свободный промежуток времени, как бы мал он ни был. Иногда во время заседания Совнаркома или СТО кто-нибудь из выступавших останавливался, предполагая, что углубившийся в чтение Владимир Ильич не слышит его выступления. Но Ленин спокойно предлагал оратору продолжать, повторяя последние сказанные им слова.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 108. Ред.

Нередко к концу заседаний Совнаркома, СТО или Политбюро ЦК, затягивавшихся до поздней ночи, лицо Владимира Ильича от усталости делалось серым. А засиживаться приходилось очень часто, особенно если учесть серьезную политическую обстановку тех дней.

Мы не могли постичь, как хватало сил и времени у Владимира Ильича уделять столько внимания большим и малым делам.

Настойчиво, часами он лично запрашивал по телефону, где находится маршрут с хлебом для голодающих Москвы, Петрограда или маршруты с углем, предназначенным для наших заводов.

У Владимира Ильича не было референтов, которые подготавливали бы ему материалы для выступлений, статей и т. д. Всю черновую подготовительную работу он проделывал сам, запрашивая по телефону учреждения или отдельных лиц о необходимых ему сведениях, делал выписки из книг, журналов и газет.

Часто Владимир Ильич, посылая кому-нибудь из членов правительства или ЦК партии тот или иной документ секретного и срочного характера, лично вкладывал его в конверт, заклеивал и подписывал фамилию и адрес, после чего передавал для отправки. В таких случаях он сам следил за тем, когда пакет отправлен из секретариата и когда получен адресатом.

Руководящие товарищи, работавшие за границей, считали своим долгом посылать Владимиру Ильичу книги, вышедшие на любом языке, если они представляли ценность.

В. И. Ленин очень беспокоился, что его обширная библиотека была в беспорядке, трудно было в ней разыскать необходимую книгу или журнал. Он попросил меня найти ему хорошего библиотекаря. Я принялась за розыски. Мне рекомендовали как компетентного и вдумчивого работника Ш. М. Манучарьянц. Сообщила о ней В. И. Ленину, он вызвал ее, познакомился и предложил приступить к работе. Установление порядка в личной библиотеке В. И. Ленина значительно облегчило ему подбор материалов.

Единственной «роскошью», которую позволял себе В. И. Ленин, был послеобеденный краткий отдых. Весь секретариат старался эти часы свято соблюдать, не беспокоить Владимира Ильича. Во все остальное время дня и ночи мы, получив какие-либо серьезные сообщения, по личному распоряжению Владимира Ильича немедленно уведомляли его об этом.

Помещение Совнаркома находилось на третьем этаже, лестница была крутая, а лифт то и дело портился. Владимир Ильич беспокоился, что товарищам с больным сердцем приходилось подниматься по этой лестнице. Чтобы предупредить частую порчу лифта, он предложил дать распоряжение по секретариату

не поднимать в лифте больше трех человек, причем первым же подписался под этим распоряжением.

В своих взаимоотношениях с членами ЦК партии, наркомками, работниками аппарата В. И. Ленин был одинаково равен, всем говорил «вы».

Одевался Владимир Ильич, так же как и его семья, более чем скромно. При всем своем старании, я никак не могу припомнить, видела ли я за время моей работы в СНК на В. И. Ленине новый костюм или пальто. Нет человека в нашей стране, который бы не знал фотографии Ленина в зимнем пальто с каракулевым воротником и в каракулевой шапке-ушанке; они были несменяемы. К вещам Ленин относился очень бережно и аккуратно.

Исключительная скромность домашнего быта семьи Владимира Ильича поражала всех, кто бывал у них. Я редко заходила на квартиру Ленина, которая соединялась длинным коридором с кабинетом Владимира Ильича и секретариатом Совнаркома. Обычно, если нужно было отнести к нему на квартиру какие-либо документы, я звонила и отдавала их тому, кто открывал дверь. Когда я в первый раз переступила порог квартиры, комната, в которую я вошла, была столовой. Помню лишь крошечные размеры этой комнаты, квадратный стол, занимавший почти всю площадь. Рядом со столовой находилась вторая комната, дверь в которую была открыта. Единственное, что мне врезалось в память, был рояль. Казалось, что, кроме рояля, там ничего и не было. Меня это не удивило, так как я знала, что Владимир Ильич очень любил музыку.

Семья Владимира Ильича Ленина состояла из Надежды Константиновны Крупской и Марии Ильиничны Ульяновой. Надежда Константиновна была заместителем наркома просвещения А. В. Луначарского, заведовала Главполитпросветом, Мария Ильинична была ответственным секретарем «Правды». Обслуживала семью домработница А. М. Сысоева. Всеми бытовыми вопросами ведала Мария Ильинична. Зная, насколько загружена по работе Мария Ильинична, а также свойственную семье Ульяновых скромность, я не удивилась словам домработницы о том, что у семьи Владимира Ильича зачастую не было к столу самых необходимых продуктов.

Нам, сотрудникам Ленина, так хотелось сделать для него что-нибудь приятное. Но мы знали только, какой стиль работы ему нравится, и в этом отношении старались делать все возможное, а вот чем порадовать его лично, этого мы не знали.

Помню один такой факт. Владимир Ильич привык работать в кресле с соломенным плетеным сиденьем и спинкой. Старое кресло, которым он пользовался, окончательно пришло в негодность, вся солома изорвалась, сидеть на нем было неудобно. Мы долго искали по всем складам Москвы такое кресло, пытались

пайти мастера, который мог бы заново переплести солому. Наконец поиски увенчались успехом. Трудно описать нашу радость, когда на хозяйственных складах Моссовета мы нашли желанное кресло и водрузили его в кабинет Владимира Ильича.

На личные свои дела у В. И. Ленина оставалось исключительно мало времени. Надежда Константиновна Крупская в 1919 и 1920 годах тяжело болела базедовой болезнью. Мы все, знавшие и любившие ее, беспокоились за ее жизнь. В один из вечеров был назначен консилиум видных врачей-специалистов. В это время шло заседание Совнаркома. Происходило оно в помещении Малого Совнаркома. Владимир Ильич сказал домашним, чтобы его вызвали, когда врачи будут в сборе. В середине заседания Ленин, извинившись, передал председательствование одному из наркомов и ушел, предупредив, что вернется через 10—15 минут. В его отсутствие Л. Б. Красин предложил закрыть заседание под предлогом нездоровья одних и усталости других участников. В. И. Ленин вернулся точно, как предупреждал, оставив на квартире еще не ушедших врачей. Л. Б. Красин внес предложение закрыть заседание, но Владимир Ильич и слушать его не захотел. Заседание продолжалось как обычно.

В. И. Ленин терпеть не мог фотографироваться и позировать. Хороших фотографий его было в то время мало. В июле 1920 года из Петрограда приехал фотограф, чтобы сделать портрет Владимира Ильича. Фотограф просил меня организовать встречу с В. И. Лениным. Когда я передала его просьбу Владимиру Ильичу, он замахал руками и отказался даже разговаривать. Фотограф, однако, продолжал настойчиво добиваться своей цели, чему я очень сочувствовала, хорошо зная, что каждая новая фотография В. И. Ленина — большая историческая ценность. Решила выбрать удобный момент и добиться согласия Владимира Ильича. 20 июля 1920 года я пропустила фотографа в Кремль, поместила его в одной из комнат второго этажа, через которую В. И. Ленин должен был пройти в Свердловский (Круглый) зал на заседание. Посоветовала фотографу быть в «боевой» готовности, а сама принялась «обрабатывать» Владимира Ильича, уверяя его, что он потеряет не больше 5 минут. Согласие Владимира Ильича было наконец получено, и мы обогатились еще одним снимком Ленина.

На этом портрете у Ленина сосредоточенное выражение лица, взгляд обращен вдаль, как будто он пристально всматривается в будущее. Невольно вспоминаешь сказанные им на IX съезде партии слова: «Для истории Советской власти время еще не настало... а интересуется нас настоящее и будущее»¹. Так

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 239. *Ред.*

и кажется, глядя на эту фотографию, что Ленин ~~читает~~ раскрытую перед ним книгу будущего великой Советской страны.

Простота и скромность Ленина проявлялись на каждом шагу и в крупном и в мелочах.

Вспоминается мне, как Ленин, работая над брошюрой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», просил Г. В. Чичерина помочь ему. «Я бы просил Вас и Файнберга (а если Вы заняты, то товарища по Вашему указанию, знающего прекрасно английское социалистическое движение) просмотреть мою брошюрку или *главку об Англии* и дать мне совет, нет ли у меня ошибок или нетактичностей. Практические исправления, если не затруднит, очень просил бы отдельно карандашиком записать.

Ваш Ленин»¹.

В этой записке — и скромность, свойственная Ленину, и глубокая научная добросовестность, и самокритичность.

* *
*

Ленин — это не только гениальный ум, но и огромное человеческое сердце, впитавшее в себя страдания угнетенной части человечества. До самых глубин своего существа верил он в неисчерпаемые силы пролетариата, в его окончательную победу. В нем гармонически сочетался гений и благородный человек.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы,
с. 468—480*

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 186—189. Ред.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

27 февраля 1920 года я был на приеме у Владимира Ильича Ленина, беседовал с ним о нуждах сельских учителей. Эту незабываемую встречу я представляю и сейчас, через много лет, отчетливо, зримо, до мельчайших подробностей.

Было это так.

Начался суровый 1920 год. В Весъегонском уезде, как и во всей России, утверждалась новая жизнь. Упорная классовая борьба, проходившая тогда, потребовала от учителей бескорыстного служения народу. Мы активно помогали молодой Советской власти ликвидировать неграмотность, создавали в деревнях библиотеки, избы-читальни, детские внешкольные клубы. Вдохновенным живым словом мы будили народные массы, стараясь поскорее вырвать их из вековой темноты.

В середине января 1920 года в Весъегонске проходил 2-й уездный съезд работников просвещения и социалистической культуры. Я был тогда председателем исполкома Весъегонского учительского союза. В течение трех дней на съезде обсуждались злободневные вопросы работы и жизни учительства. Рассказывая о культурно-просветительной работе в деревне и городе, многие делегаты жаловались на крайне тяжелое экономическое положение учителей: не хватало хлеба, обуви, мануфактуры. Керосина мы получали лишь по два фунта на целый год. Иногда даже лекции и читательские конференции, а также занятия по ликбезу приходилось проводить при лучине.

Мы видели, что и хлеб, и некоторые другие товары есть на месте. Десятки тысяч пудов зерна и большое количество кожи, например, вывозились за пределы уезда. Местные власти плохо заботились о нуждах интеллигенции, и съезд решил командировать делегата для ходатайства перед центральными органами об улучшении бытового положения учителей.

Ходоком съезд избрал меня. Бережно спрятав наказ своих товарищей, я тронулся в дальний путь и через три дня был в холодной, заснеженной Москве.

20 февраля я направился в Кремль. Во дворец со своим мандатом я прошел свободно. В большом зале, во втором этаже, проходила конференция работников по внешкольному образо-

вашю¹. Я уже бывал однажды на такой конференции и вошел в зал как свой. В перерыв встретил Н. К. Крупскую, с которой был знаком. Надежда Константиновна внимательно выслушала меня.

— Вам надо поговорить с Владимиром Ильичем,— сказала она.

— Как раз это и есть цель моей поездки,— отвечал я,— по я слышал, что он сейчас очень занят.

Молодая Советская республика, как я узнал, находилась накануне войны с белополяками².

— Я все-таки пойду узнаю, когда Владимир Ильич сможет принять вас,— настойчиво проговорила Надежда Константиновна и отправилась в другую часть дворца. Через пять минут она возвратилась и сообщила, что Владимир Ильич примет меня сегодня же, как только закончится у него совещание. Она пригласила меня остаться пока на конференции и принять участие в ее работе.

На повестке дня, помню, стоял вопрос о библиотечном деле. Обсуждали, какими мерами лучше приблизить книгу к рабочему и крестьянину и предотвратить надвигающийся книжный голод. Многие ораторы высказывались за реквизицию частных библиотек. Работая в то время по внешкольному образованию в Весегонском уезде, я хорошо знал нужды сельских библиотек. Я уже «втянулся» в обсуждение библиотечной проблемы и даже записался для выступления в прениях, но скоро в зал вошла Л. А. Фотиева, секретарь Совета Народных Комиссаров, и сообщила Н. К. Крупской, что Владимир Ильич освободился и может принять делегата от весегонского учительства.

Вместе с тов. Фотиевой я пошел через многочисленные комнаты дворца. Москва тогда переживала топливный кризис. Во дворце было холодно. Служащие были одеты в теплое. Всюду за столами кипела работа, и нас как будто не замечали.

Перед кабинетом В. И. Ленина расположен большой светлый зал, весь заставленный столами. Все работники, сидевшие за ними, занимались своим делом. Я на минуту остановился, чтобы достать нужные документы, и посмотрел на часы: было два часа дня.

Затем меня пригласили войти в кабинет. Я прошел в высокие, выбеленные до блеска двери. Владимир Ильич вышел из-за рабочего стола и с приветливой улыбкой сделал несколько шагов по направлению ко мне. Подав руку, он предложил садиться.

---

¹ По-видимому, речь идет о III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования, работа которого проходила в Кремле, в здании Совета Народных Комиссаров с 23 по 27 февраля 1920 года. В. И. Ленин выступил с речью на этом совещании 25 февраля. *Ред.*

² Буржуазно-помещичья Польша напала на Советскую Украину 25 апреля 1920 года. *Ред.*

Меня сразу поразила простота этого человека. Ни тени смущения не испытывал я и в дальнейшем за все время беседы с ним, и, чем дальше шел разговор, тем более хотелось говорить, говорить свободно и откровенно.

Я изложил суть дела. Выслушав, Ильич задал мне вопрос:

— А как ваши учителя относятся сейчас к Советской власти?

— Смею уверить вас, товарищ Ленин,— сказал я,— что в массе своей учительство никогда не было против Советской власти. Мы честно служим народу.

В то же время я рассказал о непорядках, которые были в уезде. Неоднократным кивком головы и словами: «Да, да... верно...» — Владимир Ильич подбодрял меня.

— Многие интеллигенты еще не пришли к нам,— задумчиво проговорил он.— Теперь, когда Колчак разгромлен, мы можем вплотную взяться за мирную работу. От негодных коммунистов обязательно будем освобождаться.

Потом он спросил:

— Учителя теперь получают декреты?

— Да, получают,— отвечал я,— и в настоящий момент у учителя, работающего в деревне, в декретах большая потребность: крестьянин доверчиво и охотно идет к учителю за тем или иным советом или разъяснением. Отдел народного образования совместно с Восьегонским уисполкомом, имея это в виду, приступил к распространению декретов в печатном виде по всем школам уезда. Учителя являются непосредственными проводниками их в жизнь. Сознание крестьянина понемногу проясняется, и жизнь входит в свои берега. Но беда в том, что вследствие тех или иных обстоятельств распоряжения центра и декреты не всегда на местах выполняются.

— Скажите, книжечка Тодорского¹ ведь это о Восьегонском уезде написана? — спросил Ильич.

— Да, о Восьегонском,— ответил я.

— Хорошая книжечка,— оживленно заговорил Владимир Ильич.— Я читал ее, и мне особенно понравилось, как Восьегонский уисполком, отобрав мельницу у какого-то мельника, поставил его же и управлять этой мельницей. Это совершенно правильный метод. Работа Восьегонского исполкома заслуживает внимания. Я слышал, что большинство членов его — бывшие петроградские рабочие. Правда это?

— Да, правда. Правда и то, что недоразумений в нашем уезде в дни революции было сравнительно меньше, чем в других местах. Подобраны члены уисполкома хорошо. Влияние на них оказал более развитый и образованный коммунист товарищ Тодорский.

---

¹ «Год — с винтовкой и плугом». Издание Восьегонского уисполкома. 1918 год. *Ред.*

— А где теперь Тодорский? — поинтересовался Ильич.

— В действующей армии, — ответил я.

— Передайте ему привет от меня, — попросил Ленин.

Владимир Ильич очень интересовался ходом работ по постройке железной дороги Овинищи — Суда. Он вынул из бокового кармана записную книжку с железнодорожной картой, и на столе мы вместе стали рассматривать по ней направление через знакомые мне, родные места.

Узнав в разговоре, что я родом из крестьян Весъегонского уезда, был рабочим на Невском судостроительном, а также механическом заводах в Петрограде, что благодаря упорному труду окончил несколько высших учебных заведений, Ленин выразил сожаление, что я оставил ученые занятия. Он подробно остановился на необходимости для рабочих и крестьян создания школ и тут же спросил, имеются ли в уезде случаи превращения церквей под школы и как на это смотрит население и учительство.

На все вопросы я дал точные и правдивые ответы. Особенно подробно пришлось рассказать о жизни учителей, их работе, лишениях и взаимоотношениях с местными организациями.

Выслушав все, Владимир Ильич тут же стал писать письмо в Наркомпрод. Он предложил мне лично передать его членам коллегии и, позвав тов. Фотиеву в кабинет, попросил ее телефонировать, когда меня могут принять в Наркомпроде. Через несколько минут тов. Фотиева доложила, что я должен прибыть в наркомат через полчаса.

Когда Ленин писал, склонившись над столом, ничто не мешало спокойно наблюдать за ним. Владимир Ильич сидел ко мне в профиль. Лицо дышало энергией и несокрушимой силой воли. Величайший коммунист, глава правительства огромного государства, Ленин одновременно был прост и так, казалось, обыкновенен в своем поношенном сером клетчатом костюме с голубым галстуком. Я не отличил бы его в другом месте от мастера или инженера на заводе. До мельчайших подробностей мне хотелось запомнить черты этого человека, о котором так много тогда говорили и ныне говорит весь мир.

Письмо было написано. Владимир Ильич передал его мне и велел поставить порядковый номер в канцелярии.

Я поднялся со стула, намереваясь распрощаться, но Владимир Ильич остановил меня и очень тепло сказал:

— Наше учительство всегда смело может рассчитывать на поддержку Советской власти. Двери для учителя к нам всегда открыты. Передайте им об этом вместе с моим приветом.

При этом он крепко пожал мне руку и проводил к дверям.

Я вышел из кабинета и достал часы — было без четверти три. Беседа, стало быть, продолжалась 45 минут. Мне она по-

казалась куда короче: так легко, свободно чувствовалось в присутствии Ленина.

В канцелярии я спросил очередной номер и поставил его на ленинском письме. Желая сохранить содержание разговора с Лениным, я тут же сел к столу и наскоро записал в блокнот. В это время дверь из кабинета отворилась и Владимир Ильич, выйдя в зал, обратился снова ко мне, наказав, чтобы я не медлил, а шел в наркомат и постарался бы увидеть кого-нибудь из членов коллегии. Оказывается, пока я сидел в приемной, Владимир Ильич связался с Наркомпродом по телефону и разрешил мой вопрос. На мою долю оставались только небольшие формальности.

Тов. Халатов, член коллегии Наркомпрода, любезно возвратил мне на память письмо В. И. Ленина. Вот оно:

«Российская Федеративная Советская Республика.
Председатель Совета Народных Комиссаров.
Москва, Кремль, 27.2.1920 г.
№ 02772

Членам коллегии компрода

Товарищ Виноградов, председатель исполкома Восьегонского учительского союза, предъявил прилагаемое ходатайство¹.

Суть дела — *предписать* Восьегонскому упродкому выдать учителям (около 500 в уезде) повышенный паек хлеба и картофеля плюс обувь или кожа.

И то и другое из местных запасов: *есть в уезде* излишки.

Прошу *сегодня же* навести необходимые справки (товарищ завтра должен уехать) и ответить мне по телефону (вечером в Совете Обороны *решим*).

*Ленин*².

Печать

После моего возвращения в Восьегонск из Москвы пришла посылка — больше десяти тысяч метров разных тканей для наших учителей — сукно, шелк, ситец и даже немного бархата. Из местных ресурсов повысили нам паек и, что очень важно, резко увеличили выдачу керосина. Трудно передать тот энтузиазм конференции учителей, на которой я выступил с отчетом о поездке и передал слова Владимира Ильича: «Учительство всегда может рассчитывать на поддержку Советской власти, двери для учителя к нам всегда открыты».

Ленин в нашем сердце. Рассказы тверских ходоков. Калининское книжное изд-во, 1958, с. 88—94

¹ Имеется в виду «Наказ делегату от Восьегонского уездного съезда работников по просвещению и социалистической культуре тов. Виноградову», в котором говорилось о тяжелом материальном положении школьных работников. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 147—148. *Ред.*

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ, ЯНВАРЬ 1920-го...

В конце 1919 года к многочисленным военным фронтам прибавился еще один фронт — сыпнотифозный. В своем докладе на VII съезде Советов Ленин говорил о том, что на молодую республику надвигается новый враг — вошь, сыпной тиф, «который косит наши войска». И Владимир Ильич призвал все внимание уделить борьбе с этим грозным врагом. *«Или вши побеждают социализм, или социализм победит вшей!»*¹ — сказал Ленин, подчеркивая этой фразой всю опасность распространения эпидемии в стране, обессиленной от войны и ее страшных спутников — разрухи, голода, холода.

Постановлением правительства было решено оборудовать на крупных железнодорожных станциях, в первую очередь на московских вокзалах, пропускные пункты, где должны проходить санитарную обработку войска, перебрасываемые с фронта на фронт, а также пассажиры дальних поездов.

Совет Народных Комиссаров создал специальный комитет по сооружению пропускных санитарных пунктов на вокзалах Москвы — «Компросооруж» под председательством управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича.

Я работал тогда в одном из военных госпиталей. В начале 1920 года меня назначили заведующим самым большим санпропускником в Москве — на Казанском вокзале.

В конце января, когда сооружение санпропускника уже подходило к концу, к нам неожиданно приехал Ленин². Его сопровождали наркомздрав Н. А. Семашко, В. Д. Бонч-Бруевич, профессор В. А. Обух и А. Н. Сысин.

Меня и прораба представили Владимиру Ильичу.

— Когда приступите к работе? — спросил В. И. Ленин.

— Через пять дней, — ответил я.

— Это хорошо, — сказал Владимир Ильич. — Поясните, как будет организован процесс санитарной обработки. Вот, скажем,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 410. Ред.

² В. И. Ленин посетил санпропускник в мае 1921 года (см. Полн. собр. соч., т. 52, с. 44). Ред.

прибыл воинский эшелон. Его подали на ветку к пропускнику. А дальше?

Я рассказал, что первым делом медицинский персонал осмотрит вагоны, снимет больных и отправит в госпиталь. Затем красноармейцы проследуют в раздевалку, вложат одежду в сетки и сдадут на дезинфекцию, а сами пройдут в душевую. После мытья они в другом помещении получают обратно свои вещи и чистое белье.

— Позвольте,— перебил меня Ленин,— а если у меня с собой документы, деньги, куда прикажете их девать?

Тогда я показал небольшие, наглухо закрывавшиеся жестяные коробки, которые пассажир может взять с собой в душевую.

Владимир Ильич продолжал интересоваться подробностями процесса дезинфекции одежды и белья, эффективностью установленного оборудования.

Я сообщил, что сможем пропускать в сутки до десяти тысяч человек и что пробные испытания аппаратуры показали хорошие результаты.

— Боюсь, что товарищ Баранов несколько в розовых красках осветил эффективность оборудования,— сказал Н. А. Семашко.— Помню, что во время империалистической войны аппараты «Гелиос» плохо показали себя.

Ленин вопросительно посмотрел на меня. Я был тогда молодым человеком и стеснялся возражать наркому. Но Владимир Ильич ждал от меня ответа. Тогда я стал горячо защищать изготовленную нами аппаратуру, несравненно более совершенную, чем «Гелиос».

Владимир Ильич, глядя на калориферы, что-то вспомнил.

— Это из-за неправильного их расчета задержалось начало работы пропускника? — спросил он.

Я утвердительно кивнул головой. Меня крайне удивило, откуда Ленин знает о нашей ошибке.

— Ну что ж, будем надеяться на успех,— сказал Владимир Ильич, пожал мне руку и направился к автомашине.

Когда он уехал, я понял, какое большое значение придает руководитель Советского государства борьбе с эпидемией сыпного тифа.

Перегруженный важнейшими государственными делами, он нашел время посетить санпропускник на Казанском вокзале.

Успех нашей работы во многом зависел от железнодорожников. Стационарного котла у нас не было, и пар в аппаратуру поступал из паровозного котла. Расход пара был очень велик, и руководители депо распорядились, чтобы зимой санпропускник обслуживали два локомотива. В то время это стоило больших усилий, так как топлива не хватало даже для движения поездов.

...И вот на нашу ветку прибыл первый эшелон. По моей просьбе Центральная химико-бактериологическая лаборатория Наркомздрава проверила результаты дезинфекции. Оказалось, что погибли не только паразиты, но и помещенные в камеры стойкие культуры микробов.

Через два дня Бонч-Бруевич рассказал мне, что Владимир Ильич был очень доволен, прочитав акт лаборатории. Радостно потирая руки, он сказал, что и на сыпнотифозном фронте неизбежно будет перелом, так как мы уже перешли в наступление.

Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников, с. 183—
185

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

В феврале 1920 года положение на Кавказском фронте приобрело серьезный характер. Деникинские войска перешли в контрнаступление, стремясь овладеть Ростовом и Новочеркасском. По указанию В. И. Ленина на Кавказский фронт спешно перебрасывались подкрепления.

В то время я работал на крупном железнодорожном узле Белгород, отправлявшем поезда на два южных направления — Харьков и Купянск. Положение на узле было очень тяжелое. Уголь из недавно освобожденного от белых Донбасса еще не поступал, и паровозы отапливались дровами, а их зачастую не хватало, так как лесозаготовки и подвоз дров к станциям в эту суровую зиму осуществлялись с перебоями.

В одну из февральских ночей, когда я дежурил в комиссарнате Белгородского узла, раздался телефонный звонок. Телефонистка предупредила меня, что вызывает Москва. Через минуту слышу:

— Говорят из Совета Труда и Оборона. Кто у телефона?

— Дежурный по комиссариату железнодорожного узла, комиссар участка Марков, — отвечаю я.

— Здравствуйте, товарищ Марков, с вами говорит Ленин. Как продвигаются воинские эшелоны на юг? Какое положение на станции с топливом для паровозов?

Сдерживая волнение от неожиданного разговора с Лениным, докладываю:

— За истекший день не было задержек с отправкой воинских эшелонов на юг. А с топливом у нас тяжелое положение, Владимир Ильич. К 12 часам ночи на складе было всего шесть с половиной кубометров дров. Этого хватит на экипировку только двух паровозов. Есть еще у нас около вагона угля, но мы храним его для кузнечных работ по ремонту локомотивов. К утру ждем пятнадцать вагонов дров из Нежина.

— А как идет заготовка дров и вывозка к станциям? — снова слышу я ленинский голос.

— Заготовка идет в районах Щебекина, Прохоровки, Гостищева. А вот с вывозкой дров плохо у нас дело, подвод нет.

— Товарищ Марков! Передайте секретарю укома партии и председателю ревкома, чтобы немедленно были мобилизованы подводы для подвозки дров к станциям. Ваш узел сейчас играет очень важную роль в подвозе подкреплений на Кавказский фронт. Ни в коем случае нельзя допустить остановки движения поездов на юг, ни в коем случае! На заготовку и погрузку дров нужно бросить все силы. Лес рубите поближе к железной дороге. Заведите строгий учет дров и экономно расходуйте их. У меня все. До свидания.

Я ответил:

— До свидания, Владимир Ильич! Ваше указание понято, все сделаем для его выполнения.

Этот телефонный звонок запомнился мне на всю жизнь. Как близко принимал Ленин к сердцу все, от чего зависела победа над врагом, над голодом, над разрухой! Как верил он в творческие силы масс, в их готовность пойти на любые жертвы для победы социалистической революции!

В ПОДАРОК ИЛЬИЧУ

Год с небольшим хозяйничали колчаковцы в Челябинске, но какие страшные следы оставили они после себя. Отступая под натиском Красной Армии, эти «спасители России» нанесли огромный ущерб железным дорогам. На второй версте от станции бесформенной грудой валялись «мертвые» паровозы, остовы сожженных вагонов. Колчаковцы рассчитывали надолго вывести из строя Челябинский железнодорожный узел.

Но враг просчитался. На востоке от станции еще гремела канонада, а военно-революционный комитет уже взялся за восстановление железнодорожного узла. В цехи паровозного и вагонного депо пришли рабочие. Но чтобы производить ремонт, требовались материалы, детали, оборудование, инструмент, а всего этого не было. Тогда паровозники депо высказались за то, чтобы на первых порах собирать из двух негодных локомотивов один годный. Городская партийная организация поддержала усилия железнодорожников. Из предприятий города для паровозного депо выделили два станка. Рабочие принесли из дому собственные инструменты, и в цехах депо закипела работа.

Постепенно один за другим стали подыматься с «кладбища» паровозы. Все больше поездов начало проходить через Челябинск, но обстановка, положение в стране требовали от железнодорожников новых героических усилий.

В. И. Ленин, обеспокоенный состоянием транспорта, выступая на конференции железнодорожников Московского узла 5 февраля 1920 года, сказал, что «сейчас железнодорожный транспорт висит на волоске». Он указал, что «необходимы героические усилия рабочих масс, чтобы поддержать транспорт и облегчить борьбу с голодом и холодом»¹.

Железнодорожники Урала приняли близко к сердцу ленинские слова, призывавшие к решительному наступлению на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 111—112. *Ред.*

транспортную разруху. К этому времени на предприятиях и узлах широкое распространение получили коммунистические субботники.

Большой трудовой праздник состоялся у рабочих Челябинского депо 4 апреля 1920 года. У сверкающего свежей краской паровоза собрались на митинг железнодорожники. Я работал тогда слесарем депо, и по моему предложению этот по тем временам мощный локомотив был поднят с «паровозного кладбища» и отремонтирован во внеурочное время. Более ста рабочих под руководством партийной ячейки трудились над его восстановлением.

И вот паровоз «ожил», загудело пламя в топке. Локомотив вышел из депо. Железнодорожники называли его «Коммунар».

«Вперед без страха и сомнения, «Коммунар»!» — призывала надпись на паровозе. Рабочий-художник изобразил герб Советской республики, нарисовал на тендере картину, любовно написал революционные лозунги.

В связи с тем что приближалось пятидесятилетие Владимира Ильича Ленина, челябинские железнодорожники решили отправить возрожденный их руками локомотив в подарок дорогому Ильичу.

В местной газете «Советская правда» сообщалось: «Общее собрание служащих, мастеровых и рабочих станции Челябинск, на котором присутствовало свыше двух тысяч человек, постановило: принимая во внимание острый недостаток Центра в перевозках, мы, рабочие станции Челябинск, желая оказать помощь нашим товарищам, шлем в ознаменование пятидесятилетия великого и дорогого вождя пролетариата тов. Ленина созданный своим коммунистическим упорным трудом паровоз «Коммунар»».

В. И. Ленину была послана приветственная телеграмма.

Железнодорожники Южного Урала знали, что в Петрограде и Москве рабочие получают очень маленький паек хлеба. И вот паровозники Златоуста проявили замечательную инициативу, хотя им самим жилось несытно. Получив 200 пудов хлеба за сверхурочный ремонт нескольких паровозов, они решили отправить заработанный хлеб населению Москвы и Петрограда. Их примеру последовали другие предприятия. И когда, сопровождая паровоз «Коммунар», в Москву отправилась делегация железнодорожников Челябинска, она повезла с собой целый маршрут хлеба — подарок от трудящихся города и деревни. Я был членом этой делегации. В начале мая 1920 года маршрутный поезд отправился в дальний путь.

Медленно продвигались поезда в то время: станции были забиты эшелонами, а главное — не хватало топлива. Нашей делегации пришлось преодолеть немало препятствий. В Уфе, например, нам сообщили, что нет угля. Тогда комиссар поезда,

взяв с собой двух делегатов, пошел на топливный склад, где удалось наскрести немного угля. Когда во время различных затруднений делегаты рассказывали железнодорожникам, что они везут подарок Ленину, рядовые работники станций делали все от них зависящее, чтобы быстрее отправить поезд.

Членам делегации челябинских железнодорожников пришлось не только спорить с начальниками станций, самим таскать в тендер ведрами уголь и воду, но днем и ночью бдительно охранять хлебный состав.

Благодаря усилиям делегации и паровозной бригады поезд шел по тем временам довольно быстро.

Через четверо суток маршрут из Челябинска прибыл на Казанский вокзал столицы. Видимо, Владимиру Ильичу сообщили о прибытии нашего маршрута, потому что на другой день нас пригласили в Кремль. От рабочих депо поехало двое — я и слесарь Гундарев.

Принял нас управляющий делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич. После беседы он созвонился с Лениным, и мы пошли к нему. Владимир Ильич поблагодарил за подарок — паровоз и привезенный для трудящихся хлеб. Затем Ленин спросил, как долго мы добирались до Москвы.

— Четверо суток, — ответили мы.

— Только четверо суток? — переспросил Владимир Ильич, и в его вопросе послышались нотки удивления и глубокой заинтересованности. Он тотчас же повернулся к присутствовавшему на приеме Бонч-Бруевичу:

— Владимир Дмитриевич, вы слышите? С Урала до Москвы можно, оказывается, привести маршрут за четверо суток. А меня наши товарищи из Наркомпути убеждают, что на это требуется не менее десяти-одиннадцати дней. Запишите, Владимир Дмитриевич: поставить на коллегии вопрос о скоростном продвижении маршрутов с хлебом. Надо, чтобы все поезда с хлебом продвигались возможно быстрее...

— Расскажите, как вам удалось так быстро доехать, — снова обратился к нам Ленин.

— Всяко приходилось, Владимир Ильич, — ответили мы и рассказали о своих дорожных приключениях.

Внимательно выслушав и еще раз поблагодарив делегацию за подарок, Ленин извинился, что, к сожалению, не может продолжать беседу, так как ему нужно ехать на митинг.

Уходя, он попросил Бонч-Бруевича позаботиться об уральцах. Наша делегация пробыла в Москве два дня. Перед отъездом нам вручили скромные подарки и письмо управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича, адресованное «товарищам Муратову и Гундареву, прибывшим с поездом хлеба из Челябинска». В письме удостоверялось, что «поезд с хлебом с громадным паровозом «Коммунар» прибыл в Москву своевременно в полной

исправности». Далее говорилось о горячей благодарности, которую В. И. Ленин передал через нас всем товарищам сибирякам за присланный хлеб.

Вернувшись домой, мы рассказали, как нас принимал Владимир Ильич. Это сообщение вызвало новую волну трудового энтузиазма среди железнодорожников. К середине 1920 года половина разрушенного локомотивного парка депо уже была поставлена на колеса.

Из нашей по тем временам быстрой поездки Владимир Ильич сделал вывод о возможности ускорить доставку жизненно необходимых грузов. Как мы узнали, вскоре Советом Народных Комиссаров были приняты практические меры по более быстрому продвижению поездов с хлебом и топливом.

Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников, с. 197—

ИЗ БРОШЮРЫ
«ДОВЕРИЕ НАРОДА — ВЫСШАЯ НАГРАДА»

Известие о Великой Октябрьской социалистической революции застигло меня в Соединенных Штатах Северной Америки, куда я летом 1917 года был делегирован Временным правительством для изучения нефтяных месторождений.

В г. Биллингсе я прочитал в газетах телеграммы об Октябрьском вооруженном восстании. Газеты вышли с аршинными заголовками: «Большевики у власти! Временное правительство низложено!» Американцы терялись в догадках, что же произошло в Петрограде. Газеты только сбивали читателя с толку, называя большевиков не иначе как «экстремистами».

Вскоре я попал в Оклахома-сити, где происходил съезд геологов всех штатов Северной Америки. Узнав о присутствии на съезде русского, американцы пришли ко мне и сказали:

— Расскажите, что происходит у вас в России?

Меня самого волновали вести, приходившие из-за океана. Так как газеты не договаривали и ввали, приходилось самому дорисовывать картину событий на далекой родине. Февральская революция, говорил я себе, свергла царизм. Но что изменилось? К власти поперли Колупаевы и Разуваевы, Гучковы и Рябушинские. Большевики свергли и изгоняют теперь буржуазию.

Надо было решать: с кем быть? Мысли — неясные и туманные — налетали одна на другую. Просьба американцев застигла меня врасплох. Но я согласился выступить. Речь я начал на плохом английском языке и закончил на русском. Во время речи ответы на мучившие меня вопросы пришли сами собой, и все стало на свое место, все стало ясно.

— Взоры всего мира, — говорил я, — обращены сейчас в сторону моей родины. Люди спрашивают себя: что произошло, что происходит в России? Что за зарево видно на горизонте? Коллеги! Вас хотят уверить, что это — зарево огромного разрушающего пожара, в котором гибнет культура. Неверно! Взгляните в

сторону революционной России, и вы увидите на горизонте не зарево пожара, а зарю восходящего солнца, свободы и счастья. Над Россией взошло солнце новой жизни, солнце нового мира. Труженики отныне сами будут управлять своей судьбой, своим трудом и жизнью.

Волнение и энтузиазм, с которым я говорил, передались и аудитории. Переводчик перевел речь с не меньшим жаром.

Съезд устроил колоссальную овацию,— это была овация, обращенная к Октябрьской революции.

Мне уже не сиделось в Америке. Хотелось поскорее домой, в Россию. Но в Америке было еще много дела.

В нашей делегации начались распри. Член делегации Фосс, наживший в России круглый капиталец и переведший его за границу, обвинял меня и инженера Сняtkова в большевизме. С Фоссом мы разругались. Он остался в Америке. В вашингтонском посольстве Временного правительства нам со Сняtkовым не хотели давать наших материалов, но у нас предусмотрительно были заготовлены копии, и мы уехали в Россию.

В Стокгольме бежавшие из Петрограда белоэмигрантские барыньки пугали нас всяческими страхами, визгливо советовали не ехать в «страну анархии», закатывая глаза, предсказывали нашу гибель. Вся эта чертовщина мало действовала на нас.

Весною 1918 года, обогнув Европу, мы на тралере прибыли в советский Мурманск. Пролетарская революция была на подъеме, дел у молодой власти — масса, и все же у представителей Мурманского Совета нашлось время встретить приехавших ученых, помочь им достать теплушку для привезенной из Америки геологической библиотеки и архива, а самих ученых усадить в купе международного вагона. Я никогда не забуду волнения, которое я испытал, ступив на родную землю, волнения, возросшего при виде ласкового и заботливого приема, оказанного нам...

В Петрограде меня ожидало распоряжение Высшего совета народного хозяйства выехать в Москву. В комнате № 434 II Дома Советов («Метрополь»), куда меня поселили, впоследствии образовался советский Геологический комитет в противовес старому Геолкому, не признававшему Советской власти (не забудьте: то было время саботажа старой интеллигенции).

Я с большой горячностью стал работать в новом Геолкоме.

Сделал доклад в ВСНХ об американских нефтяных промыслах. Меня пригласили помочь организовать нефтяной главк. Я охотно согласился. Главкнефть был образован декретом за подписью Владимира Ильича Ленина, я вошел в коллегию главна. Немного позже я стал работать и по сланцевой промышленности...

Мне трудно найти слова, чтобы нарисовать хотя бы в отдаленной степени похожую картину творческого горения на ра-

боте того времени. В Главконефти мы, правда, сидели в шубах и перчатках, но работали, твердо веря, что и Баку, и Грозный, и Эмба, занятые тогда белыми, будут скоро нашими, советскими.

Но пока суд да дело, республика задыхалась без горючего. Мы занялись сланцами. Как председатель Главного сланцевого комитета, я послал экспедицию в район Ульяновска. Летом 1919 года мы сами поехали проверять, что сделано на месте. Кстати сказать, на месте разработок ничего не было, и по дороге (мы ехали на пароходе «Верочка») мы насобирали тачек, лопат, топоров.

После приезда с Волги наши химики сделали разгон сланцевой и сапропелевой смол. В октябре 1919 года мы с бутылочками сланцевого бензина, керосина и других нефтеподобных продуктов пошли к Владимиру Ильичу. Секретарь предупредил:

— Только, пожалуйста, не больше пятнадцати минут!

В кабинете Владимира Ильича, помню, стоял письменный стол, около него — два глубоких кожаных кресла, а позади — шкаф с книгами.

Владимир Ильич поднялся из-за стола, вышел к нам навстречу, усадил.

Началась беседа. Как человек несколько экспансивный, я во время разговора встал, сам не замечая, как я увлекся рассказом о будущем сланцев. Владимир Ильич попросил показать, где находятся сланцевые месторождения. Мы подошли к карте и простояли у нее два с половиной часа — беседа велась и о нефти, и о сланцах, и о сапропелях. Ленин внимательно слушал, задавал вопросы, вникал в детали — он искал выхода из топливного кризиса.

В конце беседы Владимир Ильич сказал:

— Вот вам мой телефон, вот телефон секретаря. Когда нужна будет помощь, обращайтесь ко мне непосредственно.

Обаятельная простота Владимира Ильича, поразительная эрудиция, умение выслушать человека и направить его мысли в нужное направление никогда не изгладятся из памяти каждого, кому выпало огромное счастье — видеть и разговаривать с отцом Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленин видел и знал все, он ничего не упускал из виду. Раз заинтересовавшись топливом, Ленин уже не бросал этой проблемы, а постоянно возвращался к ней, искал решения вопроса, направлял работу ученых и практиков.

Я неизменно посылал Владимиру Ильичу журнал «Нефтяное и сланцевое хозяйство». Каково же было мое изумление, когда я получил письмо Владимира Ильича, из которого увидел, что Ленин находит время читать наш сугубо специальный журнал! Письмо гласило:

«Главнефть
тов. Губкину

3. VI. 1921 г.

Просматривая журнал «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство», я в № 1—4 (1921) наткнулся на заметку (с. 199) «О замене металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин».

Оказывается, что сие применимо при вращательном бурении. А у нас в Баку таковое есть, как я читал в отчете бакинцев.

От недостатка бурения мы гибнем и губим Баку.

Можно заменить железные трубы цементом и пр., что достать все же легче, чем железные трубы, и что стоит, по указанию вашего журнала, «совершенно ничтожную» сумму!

И такого рода известие вы хороните в мелкой заметке архивного журнала, понимать который способен, может быть, 1 человек из 1 000 000 в РСФСР.

Почему не били в большие колокола? Не вынесли в общую прессу? Не назначили комиссии практиков? Не провели поощрительных мер в СТО?

Пред. СТО В. Ульянов (Ленин)»¹.

Письмо Владимира Ильича меня чрезвычайно обрадовало и в то же время пристыдило. Мелкая заметка действительно была похоронена где-то на задворках журнала и напечатана петитом. Я поспешил достать номер американского журнала «Mining and Metallurgy», из которого была перепечатана заметка, и увидел, что речь шла пока что не о практическом опыте, а о предложении. Написал об этом Владимиру Ильичу. Он снисходительно отнесся к моей ошибке:

«В Главнефть
тов. Губкину

10

VI 1921.

Т. Губкин! Ваше письмо и выписка вполне разъясняют дело. Раз это только *предложение*, — конечно, дело меняется. Насколько помню, эту самую важную часть английского текста в русском журнале опустили.

Надо выработать *точные* меры помощи Баку и внести в СТО, *следя* за их выполнением.

С тов. приветом. Ленин»².

...Мои избиратели, оказавшие мне высокое доверие, вправе интересоваться не только тем, где я работаю, но и тем, чего я добился как ученый, что я сделал, участвуя в борьбе партии за

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 245—246. *Ред.*

² Там же, с. 264. *Ред.*

социалистическую индустриализацию страны. Я могу рассказать избирателям о работах по изучению Курской магнитной аномалии, о нефти на востоке СССР и о многом другом.

Курская магнитная аномалия была открыта лет сто пятьдесят назад. Этому явлению ученые долго не придавали значения. В девяностых годах Курской магнитной аномалией заинтересовался московский профессор Лейст.

В течение почти двадцати лет Лейст вел магнитометрическую съемку районов аномалии. К этому времени уже не один Лейст интересовался, почему вместо севера и юга магнитная стрелка в Курской губернии, в местах аномалии земной коры, начинает шалить настолько, что изменяет нормальное положение иногда даже на 180° .

В чем искать причину этого явления? Лейст утверждал: в наличии в земной коре больших залежей железной руды.

Поверив объяснениям Лейста и магнитной карте, им составленной, курское земство собрало немного денег и начало бурить у села Непхаева, неподалеку от Белгорода. Пороха у земства хватило ненадолго. Пробурив метров двести пятьдесят и не встретив руды, «инициативное» земство остыло столь же скоро, сколь и воспламенилось мыслью сделать свою губернию промышленной.

В разочаровании курского земства немалую роль сыграл старый Геолком, считавший выводы Лейста нелепостью и всячески поносивший их. Труд Лейста погиб, как погибало при царизме немало выдающихся трудов других ученых.

В 1918 году Лейст уехал лечиться в Германию, захватив с собой все материалы и карты. В Германии Лейст умер.

Ценными материалами Лейста завладел некий Штейн. Увидев, что Советское правительство с первых дней своей деятельности интересуется всем, что может развить и двигать вперед наше государство, Штейн со своими сотоварищами предложили приобрести у него материалы Лейста. Проходимец требовал за эти материалы кругленькую сумму — восемь миллионов золотых рублей!

Тогдашний нарком внешней торговли Л. Б. Красин обратился в Академию наук. Академия образовала специальную комиссию, которая вскоре перешла в ведение президиума Высшего совета народного хозяйства. Комиссия называлась: «Особая комиссия по изучению Курской магнитной аномалии», сокращенно — ОККМА. Я был назначен ее председателем.

Так в 1920 году, когда Красная Армия еще отбивала завоевания Великой социалистической революции от посягавших на нее «отечественных» белогвардейцев и армий международного капитала, молодая наша республика приступила к разрешению мировой научной загадки, которую в течение полутора веков никто до Советской власти не мог решить.

ОККМА не только повторила работу Лейста, но во много раз превзошла её. То, что не по силам ученому-одиночке в условиях капитализма, оказалось по силам юной советской науке, опекаемой и оберегаемой рабоче-крестьянской властью. Кроме магнитометрической мы провели и гравиметрическую съемку. Вместе с магнитной аномалией нам удалось установить и аномалию силы тяжести. Это последнее открытие показало, что на поверхности земной коры (притом на сравнительно незначительной глубине) залегают исключительно тяжелые массы.

Сомнений никаких быть не могло. Надо было срочно проверять наши научные открытия, надо было срочно поставить буровую скважину.

Нам помогло, особенно трогательное и волнующее по тем тяжелым временам, внимание Советского правительства и лично В. И. Ленина, всегда интересовавшегося проблемой Курской магнитной аномалии. Владимир Ильич Ленин провел через Совет Труда и Обороны постановление, которое приравнивало исследование Курской магнитной аномалии к первоочередным и важнейшим государственным мероприятиям. По этому постановлению работники ОККМА получали исключительное право мобилизации, призывов на службу, получения продовольственных пайков, что было тогда очень важно.

В каких условиях приходилось тогда работать, можно судить хотя бы по такому эпизоду. Как нефтяник, я, используя свои связи и знакомства, добился получения в Грозном бурового станка. Наши товарищи, сопровождавшие оборудование из Грозного, были захвачены в плен бандитской шайкой и трое расстреляны бандитами. Без преувеличения можно сказать, что молодые советские ученые-энтузиасты, не щадя жизни, работали над проблемой, решить которую поручило им наше правительство, наш вождь Ленин.

Летом 1921 года мы заложили в Щиграх буровую скважину, о чем рапортовали Владимиру Ильичу.

Стоило только начать бурение, как на арене снова появился Штейн со своей компанией. На сей раз проходимцы предложили сдать им богатства Курской магнитной аномалии в концессию.

Покойный Красин был сторонником этой концессии. Я страшно волновался и злился.

— Нельзя,— говорил я Красину,— сдавать это дело в концессию. Нельзя!

В Кремле было созвано специальное совещание. Председательствовал Владимир Ильич.

Я апеллировал к нему.

— Владимир Ильич! — говорил я, волнуясь. — Через год у нас уже будут результаты. Разве можно сейчас отдавать это в

концессию? Давайте узнаем хотя бы, какие богатства таит в себе аномалия.

Ленин сказал:

— Правильно! Пусть наши ученые доведут дело до конца.

Притязания иностранцев были отвергнуты раз и навсегда. Но нам пришлось испытать еще немало волнений. Долото в нашей буровой встретило твердую породу, которую мы прошли с трудом, при помощи ударного бурения. Каково было наше изумление, когда после пропластка железорудных кварцитов в скважине снова появилась мягкая порода — глины с рыбьими остатками. Даже мы, глубоко верившие в существование железа под почвой, и то расстроились; враги же нашего дела — а их было немало — получили повод злорадствовать.

Слегка поколебался и постоянный сторонник работ по Курской магнитной аномалии, тогдашний председатель Госплана Г. М. Кржижановский. После того как мы натолкнулись на глины с рыбьими остатками, Кржижановский, смеясь, спросил меня:

— Правда ли, что ты в КМА рыбу ловишь?

— Да, рыбу ловлю,— ответил я, — а уху будем расхлебывать вместе.

Расхлебывать ухи не пришлось, так как вскоре мы добрались до железа. Советская страна разрешила научную загадку Курской магнитной аномалии.

*Губкин И. М. Доверие народа —
высшая награда. М., Соцэкгиз,
1933, с. 16—31*

ЛЕНИН И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РАБОТА

Вопросам науки и техники Владимир Ильич придавал огромное значение. «Без новейшей техники, без новых научных открытий мы коммунизма не построим», — не раз говорил он. — «Одна хорошо работающая лаборатория важнее десятка наших советских учреждений». С громадным вниманием относился он к различным изобретениям, увлекался многими из них, особенно когда применение их, казалось, могло принести непосредственную, немедленную пользу, и огорчался, когда при детальном выяснении иногда очень увлекательное и заманчивое изобретение оказывалось построенным на неправильных расчетах. Сколько знаменитых «грозных» записок получали наши ответственные руководители ведомств по делам различных изобретений, обращавшихся к Владимиру Ильичу с самыми невозможными жалобами на то, что их «мировым» изобретениям не дают хода. Часто оказывалось, что изобретение заключалось в *perpetuum mobile* (вечный двигатель) или других фантастических мечтаниях. Когда Владимиру Ильичу об этом докладывали, он смущенно улыбался, но следующего же изобретателя поддерживал с такой же неослабной энергией. Но зато какое огромное значение имела поддержка Владимира Ильича, когда дело шло о действительно серьезных изобретениях, которые удавалось благодаря этой поддержке протолкнуть в жизнь.

Благодаря непосредственному участию и вмешательству Владимира Ильича и благодаря его постоянной помощи было положено основание и дан ход таким начинаниям, как, например, радиотелефонное строительство с грандиозной перспективой установления связи каждой деревни непосредственно с центром, использование горячих сланцев и сапропелей, механизация дровяных заготовок, изготовление в России химически чистых реактивов, исследование Курской магнитной аномалии, орошение Муганских голодных степей, тепловозы, Волховское строительство, электропахота, учреждение государственного

электротехнического исследовательского института, образование электротехнического факультета Московского высшего технического училища, сельскохозяйственная выставка. Нет почти ни одного начинания в Советской России в области научно-технических работ, которое не было бы связано с именем Владимира Ильича.

Совершенно на особом месте стоит грандиозный план электрификации России, к которому Владимир Ильич относился с совершенно исключительным и неослабным интересом. Об отношении Владимира Ильича к электрификации России, очевидно, самым подробным образом напишет Глеб Максимилианович Кржижановский, по инициативе которого было начато это дело.

Еще летом 1918 года, в самом разгаре борьбы, Владимир Ильич находит время интересоваться вопросами науки и обращается в Академию наук с предложением наметить вопросы, по которым Академия наук могла бы развернуть полезную для данного момента работу. Одновременно Владимир Ильич поддерживает проект организации двух, кажется, первых, научно-технических исследовательских советских учреждений — Нижегородской радиолaborатории, получившей теперь всемирное значение, и Российского пищевого института, который, к сожалению, должного развития не получил. В декабре 1918 года Владимир Ильич одобряет проект учреждения центрального научно-технического руководящего правительственного органа и ставит задачей этого учреждения организацию научно-технической работы в стране. В порядке дальнейшего обсуждения вместо Народного комиссариата науки и техники, как это первоначально мыслилось по проекту, образуется научно-технический отдел при Высшем совете народного хозяйства, но намеченные функции за этим учреждением сохраняются и ему дается право вхождения по своим делам в Совет Народных Комиссаров. При неослабном содействии Владимира Ильича научно-техническим отделом в чрезвычайно тяжелых условиях создается ряд крупнейших научно-исследовательских институтов.

Владимир Ильич придает громадное значение ознакомлению наших технических сил с иностранной наукой и техникой. Он поручает Румянцевскому музею, Публичной библиотеке и ряду других учреждений организовать систематический обмен наших научных изданий с заграничными. Одновременно образуется в Берлине специальное бюро по ознакомлению России с иностранной техникой. Владимир Ильич дает поручение Высшему совету народного хозяйства организовать дело ознакомления с иностранной наукой и техникой так, чтобы у нас было по несколько экземпляров самых совершенных европейских и американских машин на ходу, доступных для осмотра всем желающим. К сожалению, как это, так и ряд других чрезвычайно важных практических заданий Владимира Ильича не было выпол-

пено по ряду причин — либо за отсутствием средств, либо по неумению, либо благодаря сопротивлению бюрократического советского аппарата, часто, по выражению Владимира Ильича, работавшего против нас, либо потому, что задания Владимира Ильича казались неосуществимыми и фантастичными, — Владимир же Ильич, по тем или иным соображениям, сам не настаивал на их выполнении. Но когда Владимир Ильич сам принимался за выполнение таких замыслов, то в его руках они быстро облекались в плоть и кровь, осуществлялись им с гениальной настойчивостью.

Владимир Ильич с особенной настойчивостью добивался того, чтобы в наших библиотеках была вся иностранная научная и техническая литература за годы войны и позднее. К сожалению и позору нашему, это задание далеко еще не выполнено. Например, в библиотеке Московского высшего технического училища, которая до войны считалась одной из лучших технических библиотек, за 1914—1922 годы не имеется почти иностранных книг и журналов.

В последнее время Владимир Ильич проявил совершенно исключительный интерес к задачам сельскохозяйственной науки. Летом 1922 года Владимир Ильич, будучи уже больным, послал мне через Марию Ильиничну за границу поручение — собрать и привезти с собой все материалы, касающиеся «Обновленной земли». Никаких объяснений того, что такое эта «Обновленная земля», в письме не было. Мы были поставлены в тупик, и стыдно было признаться в том, что мы за границей настолько отстали от жизни Советской России, что не понимаем, что такое «Обновленная земля». Стыдно было признаться в своем незнании Владимиру Ильичу. Где только за границей я не паводил справок об этой «Обновленной земле»! Решительно никто не знал. Наконец, убедившись в том, что и другие товарищи об этом вопросе не имеют никакого представления, я написал в Москву и чистосердечно признался Владимиру Ильичу в своем незнании и в том, что хотел это от него скрыть. Дело оказалось очень простым. «Обновленная земля» оказалась книгой, написанной американцем Гарвудом и переведенной на русский язык покойным профессором Тимирязевым¹. В книге этой в чрезвычайно убедительной форме описывались достижения в области применения сельскохозяйственных наук в Америке. Впоследствии, по моем возвращении в Москву, Владимир Ильич, уже лежа в постели, неоднократно возвращался к вопросу об «Обновленной земле», горько сетовал на нашу косность и бюро-

---

¹ Имеется в виду книга: *Harwood W. S. The New Earth: triumphs of modern agriculture in America*. N. Y. — L., 1906. В русском переводе: *Гарвуд А. Обновленная земля. Сказание о победах современного земледелия в Америке*. Предисловия автора и К. А. Тимирязева. М., 1909, 1919, 1924, 1925. *Ред.*

кратизм, благодаря которому люди не желают или не умеют видеть вперед. «Что-то не видать у нас «Обновленной земли», — говорил Владимир Ильич. — Узнайте в Наркомземе, сколько вагонов усовершенствованных семян привезли из-за границы». Заинтересовался он также очень работами нашего «Лутера Бёрбанка» (Лутер Бёрбанк — знаменитый американский ученый, о котором много говорилось в книге Гарвуда), самоучкой-самородком Мичуриным, делающим чудеса в своем питомнике в Козловском уезде Тамбовской губернии. Образцы выведенных Мичуриным новых изумительных растений были присланы в Москву и должны были быть к весне посажены в Горках, чтобы Владимир Ильич мог лично удостовериться в достижениях русской сельскохозяйственной науки. В последнее время, пользуясь именем Владимира Ильича и указывая на то значение, которое он придавал делу сельскохозяйственных наук, научных исследований и применению на практике этих исследований, удавалось несколько поддержать работу Мичурина, а также, в мизерной степени, работы профессора Арцыбашева по дендрологии (усовершенствование лесных пород) и интродукции (ввозу) новых растений. Еще не удалось, но, вероятно, удастся поддержать дело огромной практической важности, начатое по почину и с благословения Владимира Ильича — по сельскохозяйственной микробиологии (разведению и распространению особых нитрофицирующих бактерий, на много процентов улучшающих почву и урожай) — профессором Омелянским и собравшейся вокруг него группой единственных знатоков этого дела. Громадную помощь Владимир Ильич оказал Шатиловской опытной станции, которая в крупном масштабе ставит размножение усовершенствованных семян овса, которое будет иметь громадное значение и даст реальные результаты в самом недалеком будущем.

Необходимо еще отметить то, как Владимир Ильич относился к научным деятелям и научно-техническим вопросам в их общей постановке. Научного работника Владимир Ильич ценил не только по его таланту, уму, научным работам, государственному подходу, но и с точки зрения его умения приспособляться к советским условиям и желания честно работать на пользу трудящихся. В деле оказания помощи научным работникам в годы разрухи и голода наука целиком обязана Владимиру Ильичу, который широко пошел навстречу организации центральной комиссии по улучшению быта ученых. Ко многим отдельным ученым Владимир Ильич относился с особой заботой и вниманием, как это, например, имело место по отношению к академику Павлову. Владимир Ильич десятки раз проверял, оказана ли ему помощь, какая, нет ли каких препятствий, все ли сделано, что нужно, и очень бывал недоволен, когда замечал какое-нибудь упущение. В своих статьях и речах Владимир Ильич учил,

как нужно относиться к специалистам, требовал окружения их товарищеской обстановкой, вовлечения в общее дело. Соответствующий пункт об отношении к специалистам введен VIII съездом в программу Коммунистической партии, автором которого является Владимир Ильич. Значению научно-технической работы в программе нашей партии отведен особый абзац, в котором говорится следующее: «Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и к сближению производства: создана целая сеть новых научных учреждений, прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций опытного производства по проверке новых технических методов усовершенствований и изобретений, учет организации всех научных сил и средств и т. д. Российская коммунистическая партия, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий в ее связи с поднятием производительных сил страны». Абзац этот был включен в проект программы партии дополнительно при поддержке Владимира Ильича.

Смерть Владимира Ильича является громадной, совершенно незаменимой утерей для русской науки и техники.

Помня заветы великого учителя, наука и техника должны неуклонно идти по намеченному его гением пути — пути овладения силами природы, уничтожения эксплуатации, устранения экономического неравенства и достижения человечеством всеобщего благополучия и лучезарного будущего.

*Великий строитель. Памяти
В. И. Ленина. М., «Экономическая
жизнь», 1924, с. 66—69*

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1921 годы)

В конце 1917 и первой половине 1918 года я находился в оккупированной немецкой армией Латвии на подпольной работе. Группа «Спартак» вела революционную работу среди рабочих и крестьян, а также среди немецких солдат. Издавались газеты, листовки, прокламации на латышском, немецком и русском языках. «Спартак» имел непосредственные связи с отдельными немецкими солдатами, и влияние его среди немецких частей, расположенных в Риге, Курляндии и Лифляндии, было достаточно заметно. Немецкие части разлагались. Особенно это было заметно в начале и весной 1918 года. Из-за этого неоднократно немецкое командование перемещало «зараженные» части, отводило их в далекий тыл (Кенигсберг¹ и т. п.).

Немецкая контрразведка и охранка свирепствовали против спартаковцев. Сотни революционных рабочих были арестованы, особенно после массовой рижской демонстрации рабочих, когда имело место также и братание рабочих с немецкими солдатами. Концентрационные лагеря были переполнены арестованными большевиками. Многие погибли, но революционная работа продолжалась, расширялась и усиливались связи с войсковыми частями.

Латвийские меньшевики открыто и цинично стали на сторону кайзера Вильгельма, они послали его сыну, вместе с представителями буржуазии, верноподданнейшее ходатайство о включении Латвии в сферу влияния Германской империи под видом создания автономной Латвии. Латвийские меньшевики стали «кайзер-соцпалистами», — они были изгнаны из рядов революционной социал-демократии Латвии.

О работе спартаковцев и о политической обстановке в тылу немецкой армии сообщалось (хотя и нерегулярно, через фронт) Центральному Комитету РСДРП(б) в Петроград. В курсе этой работы безусловно был Ленин.

¹ В настоящее время г. Калининград (обл.). *Ред.*

Это было время борьбы большевиков за мир с Германией, против «революционной» фразы Троцкого и «левых коммунистов», стоявших за «объявление революционной войны», а по существу — за авантюру, которая сорвала бы укрепление Советской власти и диктатуры пролетариата.

Группа с.-д. «Спартак» безоговорочно отстаивала в своих выступлениях точку зрения Ленина. Безусловно, Владимир Ильич знал об этом. Поэтому, когда, по постановлению организации, я в двадцатых числах июня 1918 года вернулся в Советскую страну, нелегально, вместе с пленными и беженцами, Владимир Ильич телеграммой предложил мне немедленно выехать в Москву и зайти к нему.

Десять лет я не видел Владимира Ильича — с «финляндского периода» работы ЦК РСДРП (1907 год). Владимир Ильич внешне мало изменился. Те же острые, пронизывающие и вопрошающие глаза; в их блеске чувствуется вопрос и настороженное и предупреждающее прислушивание. Его глаза как будто говорят: говори правду, только правду и только то, что хорошо тебе лично известно и тобою проверено.

Бодро улыбаясь, Владимир Ильич поднялся мне навстречу, крепко пожал руку.

«Герман, как вы помолодели за эти десять лет».

Значит, Владимир Ильич вспомнил меня. Было хорошо, приятно. Ведь прошло десять лет — подпольной работы, арестов, этапов, ссылки. Нарым, бегство, февральские дни, работа на фронте в XII армии, борьба с керенщиной, снова подпольная работа...

Каково положение на фронте, у немцев? Настроение солдат? Что делают большевики? — вот основные вопросы, которые интересовали Владимира Ильича.

Я кратко обрисовал положение: немцы лихорадят, командование не доверяет солдатам, плохо со снабжением; солдаты чрезвычайно недовольны, но дисциплина еще достаточно крепка, командование все еще имеет власть над армией, может двинуть ее и против нас; не исключена возможность для немцев дойти до Москвы. Немецкие с.-д. ведут агитацию под лозунгом: сперва победа, потом революция; так говорят еще и солдаты. Латышские большевики работают много, организация небольшая, но крепкая, хорошо сколоченная...

Информация, видимо, удовлетворила Владимира Ильича.

«Вам надо выступить на съезде Советов, — тут же заявил Владимир Ильич, — левые эсеры, да и некоторые «левые коммунисты» настроены на авантюру. Вы в курсе этих настроений?» И Владимир Ильич дал мне ряд указаний к выступлению на съезде. Я изложил свою речь в кратком конспекте. Она была сказана 4 июля...¹

¹ См. Отчет о V Всероссийском съезде Советов. Правда, 1918, 5 июля. Ред.

Обстановка на съезде с каждым выступлением становилась все более и более напряженной. Случайный взрыв (вечером 5 июля) ручной гранаты на одном из ярусов Большого театра вызвал некоторую панику. Абсолютное спокойствие Я. М. Свердлова, председательствовавшего в тот момент, и выдержка остальных большевиков быстро успокоили съезд. Заседание продолжалось без малейшего перерыва.

Во время моего выступления Владимира Ильича на съезде не было, но на другой день, при встрече в Кремле, он отозвался о нем одобрительно, что показывало, что он знакомился со стенограммой моей речи и отзывами. Особенно второй отзыв о моем слове, помещенный в «Правде» (6 июля 1918 года), совпадает с тем, что сказал о моем выступлении Ильич...

А события на съезде Советов и в Москве развивались. Левые эсеры решились на авантюру, чтобы провокацией вызвать военные столкновения Советской страны с Германией, что безусловно поставило бы под удар саму Советскую власть и завоевания русских рабочих...

При голосовании большевистской резолюции против авантюристов и провокации войны левые эсеры демонстративно оставили заседание. Остались большевики и небольшая группа призывающих к ним (контрреволюционные правые эсеры и меньшевики к этому времени уже были удалены из Советов).

5 июля выступил Владимир Ильич с докладом о деятельности и политике Совета Народных Комиссаров. Доклад резко и заостренно был направлен против левых эсеров, поведение которых становилось явно антисоветским, то есть контрреволюционным.

Владимир Ильич заявил:

«Когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечаю: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов»¹.

И провокаторы — левые эсеры, предатели и изменники, уже на другой день выполнили эту «чужую работу», совершенно сознательно порываясь вовлечь молодую трудовую республику в войну с германским империализмом.

6 июля около 14 часов по поручению Центрального комитета левых эсеров его представитель Блюмкин бросил бомбу в германское посольство и убил посла графа Мирбаха.

Это было сделано также по прямому поручению левого эсера Александровича, товарища председателя комиссии по борьбе с

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 497. *Ред.*

контрреволюцией. В то же время левый эсер Попов, начальник отряда комиссии по борьбе с контрреволюцией, приводил в боевую готовность отряд, натравливая его против Советского правительства. Более подлого предательства и провокации нельзя было и представить. Левые эсеры не останавливались ни перед чем, чтобы только вызвать новую войну и подставить под прямой удар империалистических войск неокрепшую республику труда и всю пролетарскую революцию.

Сейчас же после убийства Мирбаха мятежной батареей был дан выстрел по Кремлю. Удар пришелся по Благовещенскому собору. Но левые эсеры, очевидно, боялись продолжать обстрел рабоче-крестьянского правительства. У авантюристов, оторванных от масс, не хватило решительности перейти немедленно в наступление.

Выстрел по Кремлю сигнализировал начало восстания левых эсеров (6 июля около 15 часов).

Уже до этого было дано секретное указание делегатам съезда, членам РКП(б), оставить помещение съезда (Большой театр) и направиться в рабочие районы, на предприятия и пр. для организации рабочих масс против контрреволюционного мятежа левых эсеров...

Партия большевиков быстро организовала подавление восстания. И непосредственно во главе организации и руководства рабочих дружин и красноармейских частей стал Владимир Ильич. Он подсчитывал силы, следил за мятежниками, давал оперативные указания штабу и руководителям пролетарских сил.

К вечеру 6 июля Владимир Ильич вызвал меня к себе. Впросов было немного, разговор длился несколько минут.

«Каково настроение латышских стрелков? Они вас знают. Вы работали в латышских частях. Надо ввести в город латышские части, находящиеся за городом (на Ходынском поле)».

Я ответил, что начиная с августа 1917 года почти не виделся с латышскими стрелками, но полагаю, что они по первому призыву Совнаркома поднимутся против мятежников. При этом я высказал мысль, что было бы полезно, если бы Владимир Ильич хоть на несколько минут принял и сказал несколько слов командному составу Латышского полка, расположенного в Кремле...

После секундного колебания (видимо, не до разговоров было, время было дорого, шли также недобрые слухи о части командиров латышских стрелков) Владимир Ильич согласился. Поздно ночью несколько человек из командного состава латышских стрелков вместе со мной явились в приемную Председателя Совнаркома. Немного пришлось ждать. Вышел Владимир Ильич. Лицо усталое, серое от утомления. Но он быстро подошел к группе военных. Поздоровался. Сказал немного: о провокаторах войны, о восставших контрреволюционерах, предателях, которых следует быстро и беспощадно уничтожить, чтобы спасти

страну от новых военных потрясений. Командиры ответили согласием. Беседа кончилась. Владимир Ильич быстро повернулся и ушел в другую комнату: предстояла еще большая и нервная ночная работа...

Мятежный отряд Попова к 9 часам вечера 6 июля был сосредоточен в районе Трехсвятительского переулка. В его распоряжении было около 2 тысяч пехотинцев, 4—8 орудий, 60 пулеметов, бомбометы и ручные гранаты.

В ночь на 7 июля советские части железным кольцом охватили этот район (храм Христа спасителя, Арбатская пл., Кремль, Страстная пл., Советская пл., затем Лубянская пл.). Латышские стрелковые части перешли в распоряжение Московского городского военкомата (военные комиссары тт. Берзин, Пече); временно по ВЧК тов. Дзержинского заменял тов. Петерс. Штабом руководил Муралов, всеми операциями — Подвойский (начальник войск гарнизона) и начальник Латышской стрелковой дивизии — Вацетис.

Электрическую станцию отстояла рота 9-го Латышского стрелкового полка.

Рано на рассвете, в 5—6 часов, 7 июля начался артиллерийский обстрел штаба левых эсеров. Судьба безумного мятежа была решена. К 11 часам эсеры были отовсюду загнаны в Трехсвятительский переулок. В 12 часов начинается паника в штабе мятежников. Они отступают на Курский вокзал по Дегтярному переулку, а также на Сокольники.

В 13 часов 7 июля Владимир Ильич дает телефонограмму районным Совдепам Москвы: «...выслать как можно больше вооруженных отрядов, хотя бы частично рабочих, чтобы ловить разбегающихся мятежников.

Обратить особое внимание на район Курского вокзала, а затем на все прочие вокзалы. Настоятельная просьба организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих.

Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения непричастности к мятежу»¹.

В 13 часов 30 минут 7 июля уже выяснилось, что левые эсеры бегут. И в тот же день Председатель Совнаркома тов. Ленин дает телефонограмму всем волостным, деревенским и уездным Совдепам Московской губернии:

«Разбитые банды восставших против Советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям. Убегают вожди всей этой авантюры. Принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против Советской власти. Задерживать все автомобили. Везде опустить слагбаумы на шоссе. Возле них сосредоточить вооруженные отряды местных рабочих и крестьян. Есть

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 114—115. Ред. ✓

сведения, что один броневик, который был у восставших, бежал за город. Принять все меры к задержанию этого броневика»¹.

И уже в 16 часов 7 июля дается последнее (третье) правительственное сообщение об окончательной ликвидации мятежа, о разгроме левых эсеров...²

Все эти ночи и дни, пока шла борьба, вместе с московским пролетариатом бодрствовал и Владимир Ильич. Из штаба Муралова, из штаба Латышской дивизии на его частные запросы все время давались пояснения о продвижении наших частей и подготовке решительного удара по мятежной банде. Голос Владимира Ильича по телефону звучал решительным приказом ускорить операции. Он был недоволен слишком «военспецовской» стратегией и тактикой и требовал быстроты, решительности и беспощадности. Ленин требовал артиллерийского огня по предателям и провокаторам (особенно после того, как узнал об аресте Дзержинского).

Мы не знали тогда, что Владимир Ильич с группой ближайших друзей ночью сам обходил военные посты по Кремлевской стене и всматривался и прислушивался к тому, что делается в городе.

Владимир Ильич руководил подавлением мятежа и определял тактику наступления и уничтожения врага пролетарского государства. Он подсчитывал наши силы и силы противника. Учитывал его беззубую и пугливую тактику (неактивность левых эсеров). Давал лично распоряжения, телефонограммы горсоветам, сельсоветам, штабу. Владимир Ильич в конечном итоге санкционировал метод ликвидации мятежников (короткий беспощадный артиллерийский огонь по штабу противника).

Это и было осуществлено.

Ленин давал также самые конкретные указания относительно ликвидации бегущих в панике левых эсеров.

В июльские дни 1918 года я впервые видел Ленина непосредственным руководителем вооруженной борьбы пролетариата. И это руководство соединяло в себе все элементы, необходимые для успеха: удивительную быстроту ориентации в обстановке, точность указаний, как действовать, учет сил, средств и характера действий противника. И вместе с этим им не упускалась ни одна деталь, которая могла бы оказать влияние на исход операций (направление удара, характер боя, подбор людей, подбадривание беседой, подготовка к предотвращению возможности бегства противника, мобилизация масс рабочих и крестьян и пр.).

Безусловно, Владимир Ильич весьма остро воспринял гнусное предательство левых эсеров, их удар в спину рабочему госу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 115. *Ред.*

² См. Правда, 1918, 8 июля. *Ред.*

дарству. Но внешне Ленин был спокоен. Только по крайней бледности лица, особому грозному блеску глаз, угловатым быстрым движениям, когда он задавал вопросы и особенно когда получал не удовлетворяющие его ответы, можно было судить о том внутреннем горении, которое переживал Владимир Ильич. Он знал, что провокаторы поставили под ужаснейший удар военного наступления молодое пролетарское государство и миллионные массы рабочих. И он был до крайности разгневан. Он был беспощаден. Ибо интересы пролетарской революции ставились на карту группкой зарвавшихся авантюристов, притом из партии, допущенной к власти. Это было предательство самого подлого пошиба. Уничтожить предателей и мятежников — такова была сущность всех письменных и устных указаний Владимира Ильича в июльские дни 1918 года.

После июльских дней 1918 года мне было совершенно ясно, что Ленин является центром руководства всеми нашими операциями на фронтах; он мобилизовал рабочие массы, расставлял людей по фронтам, давал исчерпывающие указания командованию относительно ближайших и более отдаленных задач того или другого фронта...

Июльский мятеж левых эсеров в Москве не являлся единственным изолированным контрреволюционным событием того времени. Левые эсеры стремились поднять восстание повсюду. Их контрреволюционные выступления совпадали по времени с активизацией интервенционистских намерений Антанты, что превращало левых эсеров в буквальном смысле слова в прямых агентов империалистов в борьбе против рабоче-крестьянской республики, против пролетарской революции.

В ночь на 10 июля началось восстание в Ярославле. В то же время англичане заняли Кемь, Сороку и двинулись на Мурманск.

Была сделана также попытка поднять мятеж в Нижегородской губернии — в Арзамасе, Муроме.

12 июля Ленин по радио сообщает¹ «всем, всем, всем», что «бывший главнокомандующий войск, действующих против чехословаков, левый эсер Муравьев подкуплен англо-французскими империалистами. Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск», что Муравьев распорядился повернуть войска «против немцев» (а в действительности — на Вятку, Саратов, Пензу, Москву).

Ленин приказывает: «всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте. Муравьев объявлен вне закона, расстрелять на месте...»²

---

¹ Радиogramму В. И. Ленин подписал 11 июля 1918 г. *Ред.*

² См. Известия ВЦИК, 1918, 12 июля. *Ред.*

В тот же день Муравьев был обнаружен и расстрелян.

Германские империалисты также хотели воспользоваться мятежом левых эсеров, и 14 июля в 11 часов утра они чуть ли не ультимативно «просили» допустить для охраны своего посольства в Москве батальон германских солдат. Ленин самым решительным образом отказал зарвавшимся империалистам. Было дано ясно понять, что скорее Советы пойдут на вооруженную борьбу, чем допустят в Москву военные части империалистов. Война чувствовалась в воздухе. 15 июля на первом заседании нового ЦИК был принят ответ Владимира Ильича Германии¹. Только революционная решительность ответа предотвратила войну.

Уже при возвращении в РСФСР я для себя решил перейти на военную работу и об этом моем желании сказал Владимиру Ильичу. Он немедленно согласился, отметив мимоходом мои связи с Латышской стрелковой дивизией... Вскоре (10 июля) я был назначен одним из комиссаров Латышской стрелковой дивизии...

Вначале я поехал на боевой участок Инза — Рузаевка (Пенза). Там нехорошо вел себя один из латышских стрелковых полков, кажется четвертый. Устроился он в вагонах, жил по-туристски, в теплушках, расположившись на пружинных матрацах, и при первых выстрелах противника (чехословаков), отстреливаясь, откатывался на 40—100 километров. Владимиром Ильичем и тов. Свердловым было дано мне задание высадить полк из поезда. Немедленно я направился на свой первый фронт гражданской войны. От Воронежа я ехал в своем «экстренном правительственном поезде», состоявшем из маленького паровоза и товарного вагона. На остановках вагон набивался местными крестьянами.

Задание Владимира Ильича мне удалось выполнить: на сборании полка было предложено поезду отойти в тыл. Вначале стрелки были чрезвычайно обозлены, но ненадолго. Это все же были боевые ребята, бойцы революции. Инцидент был исчерпан. Полк занял свой боевой участок.

12 июля² Вацетис был назначен главнокомандующим Восточным (чехословацким) фронтом, а я членом Реввоенсовета фронта. Назначение исходило непосредственно и лично от Владимира Ильича. Лично Владимир Ильич вел по этому вопросу переговоры с Петерсоном (комиссаром Латышской дивизии, старым партийным товарищем, работником дивизии в предоктябрьские и октябрьские дни). Владимир Ильич считал полезным для дела, если рядом с начальником Латышской дивизии Вацетисом во главе самого серьезного тогда фронта будет воен-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 523—526. *Ред.*

² — 13 июля. *Ред.*

ный комиссар — ответственный работник Латышской дивизии, так как в силу создавшегося положения особо ответственные задачи возлагались на латышские стрелковые полки. Почти все они перебрасывались к Волге, к Казани. Мое назначение в основном именно этим и было обосновано Владимиром Ильичем.

Было условлено, что по решающим вопросам мы будем обращаться лично к нему. И уже 1 августа 1918 года Владимир Ильич пишет нам, членам Реввоенсовета Восточного фронта (Кобозеву, Данишевскому, Мехоношину и Раскольникову):

«Товарищи!

Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть несколько слов.

Достаточно ли энергично работают военные руководители и Вацетис? Хорош ли контроль комиссаров за ними?

Какие отзывы о Блохине? Правда ли, что он превосходен? Если да, достаточно ли ему дают ходу?

Я, конечно, сужу со стороны и легко могу ошибаться. Но боюсь, не душат ли «штабы» живую работу внизу, массовую? Достаточно ли связи в военном деле с массами бедноты?

Делается ли все для ее подъема и привлечения?

Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого.

Достаточно ли энергично командование? Достаточно ли энергично наступление?

Прошу мне ответить хоть несколькими словами и по телеграфу и оказиями.

Привет! *Ленин*»¹.

Реввоенсовет Восточного фронта непосредственно обращался к Владимиру Ильичу с сообщениями о положении на фронте, с указанием на необходимость ускорения посылки подкрепления, с просьбами назначить расследование, почему так медленно идет помощь. Владимир Ильич зорко следил за положением на Восточном фронте. Без замедления мы получали точные ответы на все наши запросы относительно пополнений, снабжения, снаряжения, политработы. Об этом свидетельствуют и краткие, к сожалению чрезвычайно скудные, протоколы Совета обороны.

Владимир Ильич в личных письмах к нам, политработникам фронта, требует почаще его информировать о положении фронта, об отдельных командирах и пр. и дает указания, как надо действовать.

Всякая медлительность и нерешительность его возмущают, он требует действий решительных и быстрых для ликвидации чехословацких банд, которые становятся организатором контр-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 133. *Ред.*

революции на востоке, мобилизующим против молодой Советской республики, против пролетарской революции силы враждебных классов.

Однако мы не сумели осуществить указаний Владимира Ильича, не сумели быстро организовать крепкий, боеспособный красный фронт, не сумели поднять против чехословаков пролетариат Поволжья, и в первую очередь Казани. Дезорганизацию, внесенную в ряды Красной Армии предательством левого эсера Муравьева, нам не удалось своевременно ликвидировать, несмотря на ряд жестких репрессивных мероприятий против дезертиров, трусов, анархистов и против сомнительной революционности некоторых партизанских отрядов.

Владимир Ильич лично занимался укреплением Восточного фронта. 29 июля 1918 года социалистическое Отечество объявлено в опасности¹. Все время Владимир Ильич торопит Высший военный революционный совет оказать помощь Восточному фронту. Еще 10 августа он дает прямое распоряжение о переброске на Восточный фронт с Западного наибольшего числа частей. Железным дорогам дается предписание немедленно пропускать уже идущие на фронт части.

Но было уже поздно. Казань пала 6 августа, о чем сообщается особой телеграммой Ленину.

6 августа, поздно вечером (около 9 часов), я с тов. Раскольниковым и с присоединившимся к нам за городом отрядом ВЧК направился в Царевококшайск, где мы организовали первую (недостаточно устойчивую) оборону. Сами мы направлись через Кухаркино, Котельничи в Вятку, а оттуда поездом в Москву (Раскольников направился в Ярославль и Нижний Новгород, чтобы собрать боевую волжскую флотилию, организовать оборону Нижнего Новгорода).

В Москве я явился к Владимиру Ильичу для доклада о положении на Восточном фронте. Он был недоволен. К людям, потерпевшим поражение, Владимир Ильич относился настороженно и сдержанно. Он выяснял, какова доля вины в поражении самого потерпевшего поражение, какие допущены ошибки, сделано ли все для предотвращения поражения. Он хотел знать все мельчайшие подробности падения Казани и обстановки падения; что было сделано нами, чтобы предотвратить падение; каково построение татарских деревень, рабочих Казани и т. д. и пр. Были заданы вопросы о новых рабочих пополнениях, о том, чем объяснить опоздание их прибытия к Казани, достаточно ли помогал фронту комиссариат по военным делам, лично Троцкий и т. д.

¹ 29 июля 1918 года объединенным заседанием ВЦИК, Московского Совета и фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы принята резолюция о признании социалистического Отечества в опасности и об усилении революционной бдительности (Правда, 1918, 30 июля). *Ред.*

Я рассказал, что партийная работа по заводам Казани не была налажена, что связь фронта с местными партийными организациями недостаточно крепка, что поэтому рабочих не удалось поднять на защиту Казани. Рассказал о белогвардейском восстании в Казани, которое, несмотря на всю энергичную работу тов. Ладиса, мы не могли предотвратить; говорил и о том, что при нашем отступлении через татарские деревни кулачество активно выступало против красных частей; арестовывало одиночек-красноармейцев и небольшие группы их; указал, что татарская деревня под влиянием кулачества держится в лучшем случае нейтрально, но что марийские деревни — с нами и помогают нашим частям; что некоторые части... вели себя предательски и даже повернули оружие против нас; в штабе было предательство; на фронте — трусость, дезертирство. Крепко держались лишь некоторые красноармейские части, рабочие отряды и латышские стрелки. Заявил, что жестокими мерами приходится бороться с трусами и дезертирами, приходится выставлять против них даже пулеметы...

Владимир Ильич слушал внимательно, изредка прерывал вопросом, выясняющим какую-нибудь подробность или какой-нибудь его интересующий, но им открыто не задаваемый вопрос. Он прислушивался к рассказу, направляя его своими вопросами в сторону ему желательную, его интересующую, для выяснения тех вопросов, которые ему необходимы для установления его дальнейших планов и действий.

При рассказе о трусах и дезертирах Владимир Ильич вплотную приблизился ко мне и, смотря на меня в упор с жестким, не допускающим возражений блеском глаз, немного прищурившись, сдавленным голосом сказал:

«Правильно... если необходимо, то расстрелять, чтобы видели трусы и дезертиры!»

Этим Владимир Ильич давал указания, что военную дисциплину надо создать во что бы то ни стало; что только при этих условиях мы победим; что нам нужна крепкая, железной дисциплиной спаянная Красная Армия; что керенщина, «комитетчина» должна быть изгнана из нашей армии; что деморализация, частично переданная нашей Красной Армии в первый ее период демобилизационной кутерьмой прежней армии, должна быть жесткими мерами изгнана из красных частей...

Из Москвы я немедленно выехал в Арзамас, куда после падения Казани переехал штаб Восточного фронта.

Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свидания с Владимиром Ильичем зашел разговор о Троцком и о его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Недовольно было и командование, ибо часто при поездках и во время пребывания

поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни реввоенсовет. Особенно это было отмечено под Свияжском. Пребывание Троцкого на этом фронтовом участке буквально внесло дезорганизацию в руководство операциями. Иногда приходилось выделять специальные части, чтобы защитить Троцкого или выручить его (как это имело место, когда белогвардейцы прорвались к Казанской железной дороге и заперли поезд Троцкого). При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников и командование. Я передал об этом Владимиру Ильичу и высказался за отзыв Троцкого с этого участка.

И вот Владимир Ильич, выслушав меня, сказал:

«Троцкий — крупный человек, энергичный, им очень много сделано для привлечения старого офицерства в Красную Армию, Троцким много сделано для организации Красной Армии. Но он не наш, ему нельзя вполне доверять: что он может сделать завтра — не скажешь. Надо внимательно за ним смотреть. Не будем его пока отзывать. Приедете, узнаете, посмотрите и подробно сообщите. Тогда решим. Может быть, для подобной переписки установить специальный шифр. Пишите мне лично...»

На меня эти слова Владимира Ильича подействовали чрезвычайно сильно. Я был смущен этой оценкой Троцкого, так как знал, что официально Владимир Ильич часто лично подкреплял авторитет Троцкого, говорил о его заслугах и т. д.

Сущность, даже общий тон выражений Владимира Ильича я передаю точно.

И началась своеобразная переписка с Владимиром Ильичем о положении на фронте, о недостатках, о болячках фронта. Я писал Петерсону (комиссару Латышской дивизии, старому большевику, теперь уже покойному) часто по-латышски; он передавал письма (прямо или в переводе) Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич внимательно следил за всем тем, что происходило на фронте. На каждое более или менее заслуживающее внимания явление или деловую просьбу он быстро реагировал своим личным распоряжением или ставил вопрос на обсуждение в Совете Обороны...

А на Казанском фронте становилось все напряженнее. Нервничал и делал глупости Троцкий. Владимир Ильич несколько раз обращается к Троцкому с резкими телеграммами-распоряжениями.

30 августа Владимир Ильич телеграфирует Троцкому о том, что надо принять особые меры против высшего командного состава, возможно отдать под суд и даже расстрелять. Владимир Ильич удивлен и встревожен замедлением операций против Казани и указывает, что нельзя жалеть город.

8 сентября Владимир Ильич телеграфирует: «Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное»¹.

Пребывание Троцкого на свияжском участке подчас становилось буквально нетерпимым: он и «командовал» и делал «вылазки», был в окружении и притягивал к себе удары белогвардейцев, которым, конечно, было бы чрезвычайно лестно захватить в плен народного комиссара по военным делам. Как было условлено с Владимиром Ильичем, я дал ему телеграмму с описанием положения на свияжском участке и просил вызвать Троцкого в Москву. Копию этой телеграммы я направил Троцкому. Не знаю, под каким предлогом Троцкому было предложено выехать в Москву. Но факт тот, что через несколько дней Троцкий ночью подъехал к Арзамасу. Мне было предложено немедленно явиться в его вагон. Приехал. Троцкий был буквально взбешен. Говорил в повышенном тоне:

«Вы подчинены мне и не имели права через мою голову направлять телеграммы правительству» и т. д. и т. п. в этом духе. Я ответил, что назначен членом реввоенсовета тем же органом, что и он, что считаю своим партийным долгом информировать правительство и ЦК партии о всем том, о чем партия и правительство, по моему мнению, должны знать, чтобы успешно руководить военными операциями. Разговор все время велся в резких тонах. Это была моя первая стычка с Троцким на деловой почве. Троцкий не терпел никакой критики (теперь сказали бы — самокритики), его болезненно обостренное самолюбие не допускало никаких замечаний и требовало слепого согласия со всем, что он говорил, и со всем, что он делал. А может быть, Троцкий сам чувствовал, что за внешней поддержкой его авторитета скрывается настороженное внимание, не прошедшее политическое недоверие к нему со стороны Владимира Ильича, которое так отчетливо вывилось в словах Владимира Ильича о Троцком перед второй поездкой моей на Восточный фронт. Троцкий прекрасно знал о великолепном искусстве Владимира Ильича расставлять людей, использовать их именно там, где они могут принести наибольшую пользу, использовать до конца в интересах партии и революции каждого по его способностям и характеру, и даже тех, кому он не на сто процентов политически доверял. Он только к ним особенно пристально присматривался. Был всегда настороже. Таково было отношение Владимира Ильича и к Троцкому...

В конце 1918 года (октябрь — ноябрь) штаб из Арзамаса переехал в Серпухов. Было создано главное командование всеми вооруженными силами РСФСР. Штаб стал ближе к Совету

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 178. *Ред.*

Обороны. Я часто, иногда буквально ежедневно получал те или другие указания по телефону непосредственно (или через секретаря) от Владимира Ильича или тов. Свердлова. Основные стратегические задания фронтам разрабатывались ЦК партии при непосредственном участии Владимира Ильича. Помощь фронту организовал Совет Рабоче-Крестьянской Обороны также при самом активном и буквально непосредственном участии Владимира Ильича.

Характерно отношение Владимира Ильича к нашей (Вацетиса, Данишевского и Аралова) телеграмме от 7 декабря 1918 года о сформировании десяти дивизий, о продовольствии, вооружении, одежде, квартирах, политическом воспитании и пр.

Уже 8 декабря эта телеграмма рассматривается в Совете Рабоче-Крестьянской Обороны. А потом Владимир Ильич возвращается к этим же вопросам на заседании Совета Обороны 11 и 15 декабря. Он проверяет, что сделано, все ли необходимое для формирования дивизий дано, на слово не верит, проверяет перекрестно и разными путями.

*   *
*

В конце 1918 года, после революции в Германии, началось энергичное революционное движение в Латвии. Было создано Советское правительство, и мне было предложено занять место заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Советской Социалистической Латвии.

В конце декабря группа работников во главе с тов. Стучкой направилась в Латвию.

Владимир Ильич с чрезвычайным вниманием следил за событиями на этом новом, Западном фронте. Лично я в непосредственные сношения с Владимиром Ильичем по вопросам Советской Латвии не вступал. Связь поддерживал Стучка. На VIII съезде РКП(б) он был избран членом ЦК РКП(б). Я должен был его заменить и был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б). Во время всей трагической борьбы пролетариата Латвии против мировой и своей национальной контрреволюции я почти не выезжал за пределы фронта.

Только в июле 1919 года я выступил перед ЦК РКП(б) с докладом о положении на фронте и резкой критикой главного командования. Это совпало с критикой его и со стороны большевиков других фронтов, причем эта критика круто и заостренно была направлена также против Троцкого (относительно которого на Западном фронте циркулировал слух о сказанной им будто бы фразе: «Латвийский фронт теперь и выеденного яйца не стоит, поэтому помощь ему не оказывать»). В это же время я получил извещение о назначении меня на Восточный

фронт, членом Реввоенсовета II армии. Приехал в Москву, по здесь по предложению ЦК партии задержался. В ЦК РКП(б) в это время был резко поставлен вопрос о смене главного командования:

Для ознакомления с положением в штабе Реввоенсовета республики была направлена в Серпухов 5 и 6 июля 1919 года особая комиссия ЦК РКП(б). В своей записке (7 июля), на имя ЦК РКП(б), я категорически настаиваю на срочной смене главного командования и отстранении от работы ряда ответственных штабных работников. Я считал, что штаб в данном его составе не заслуживал больше политического доверия и что ему нельзя было доверить ведение крупнейших операций при колоссально развернувшихся фронтах. Надо было поставить во главе вооруженных сил молодой пролетарской республики командующего и начальника штаба, уже непосредственно, на опыте фронтового командования доказавших умение ориентироваться в гражданской войне и на деле изучивших стратегию и тактику противника и успешно противопоставивших этой стратегии и тактике советские, революционные стратегию и тактику, с учетом всех особенностей классовой войны.

Таких людей выдвигали большевики Восточного фронта (Гусев, Смирнов и др.) в лице С. С. Каменева и П. П. Лебедева, которые успешно развернули наступление на Восточном фронте и вплотную подошли к ликвидации нашего противника на этом фронте. На заседании ЦК партии особенно резко и убедительно выступал Гусев. Указывалось, что объем операций перерос способности существующего главного командования; что с его стороны продолжается мелочное вмешательство в операции, неизбежное в начале войны (1918 год), но ставшее вредным в 1919 году; что фронты уже выдвинули новых стратегов и тактиков, которым надо дать возможность свой опыт перенести в штаб главного командования, где в основном сконцентрировались люди старого уклада, не бывавшие непосредственно на фронтах гражданской войны.

Троцкий яростно и упорно высказывался против смены главного командования. На первом заседании ЦК по этому вопросу определенного решения еще не приняли. Владимир Ильич ограничился главным образом отдельными замечаниями, выясняющими положение вопросами и т. п., но видно было, что он недоволен главным командованием. На следующий день было назначено дальнейшее обсуждение этого чрезвычайно важного вопроса. Троцкий на заседание не явился. На запрос, в чем дело, им было сообщено, что он чувствует себя больным и прийти не может. Об этом было передано Владимиру Ильичу. Он выслушал это сообщение, чуть-чуть улыбнулся и подошел к телефону. Он сказал Троцкому, что ЦК его ждет, что вопрос должен быть решен сегодня.

«Если вы серьезно больны, то ЦК может собраться у вас», — заявил Владимир Ильич Троцкому.

Ответ Троцкого, очевидно, был короток. Владимир Ильич только минутку задержался у телефона, потом отошел и спокойно продолжал беседы с отдельными товарищами. Минут через 15—20 явился Троцкий, и заседание было продолжено. Троцкий снова резко настаивал на необходимости оставить прежнее главное командование, указывал, что нет основания для смены его, заявлял о своем уходе в случае, если смена будет осуществлена.

Все реплики Владимира Ильича указывали на то, что он уже твердо стоит за смену главного командования и за то, что именно командование Восточного фронта необходимо назначить на этот ответственный пост, потому что оно уже научилось бить противника и вполне показало свою преданность делу революции.

Так и было решено. Троцкий заявил, что он уезжает на юг. Это было принято к сведению. Никто особенно по этому вопросу, по крайней мере на данном заседании, не высказывался.

После заседания я поехал к себе в вагон, на Виндавский вокзал. Там я собирался проводить свой первый десятидневный отпуск.

Но на другой день, к вечеру, мне сообщили из Транспортной ЧК, чтобы я подошел к телефону. Я взял трубку. Говорит Ленин, просит немедленно приехать к нему по очень срочному и важному делу. Я сейчас же направился в Кремль. Владимир Ильич уже ждал, он сейчас же принял меня. И опять: близко-близко, почти вплотную, подходит, смотрит в глаза зорким взглядом, чуть прищурившись. Большие пальцы засунуты под жилетку.

«Герман, вам надо немедленно поехать в Серпухов по вопросу о подготовке смены командования». Мне был дан Владимиром Ильичем ряд самых точных указаний, как действовать в Серпухове...

* *

*

Владимир Ильич лично вникал во все общие и частные вопросы гражданской войны, в каких бы формах она ни проявлялась в то или другое время.

Помню период 1920 года, когда чрезвычайно остро стоял вопрос о борьбе с бандитизмом, дезертирством и охране военных складов.

19 февраля Владимиром Ильичем было подписано постановление СНК, которое «в целях решительной борьбы с усилившимся бандитизмом» устанавливает, что «лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях, в налетах, предавать суду военно-революционного трибунала... Приговоры

реввоен трибуналов безапелляционны, окончательны и никакому обжалованию не подлежат»¹.

Имеется ряд телеграмм-распоряжений Владимира Ильича по этому вопросу. Владимир Ильич не раз давал мне указания, и всегда эти указания носили характер, направляющий работу.

«Бандитов карать беспощадно!»

«Дезертирам не давать пощады!»

И в то же время: «Следите внимательно за социальным составом дезертиров, рядом с карательной политикой ведите работу разъяснительную, политико-воспитательную и пр.».

* *
*

1920 год является наиболее напряженным годом гражданской войны. Но этот год является также началом выхода Страны Советов из полосы войн, навязанных ей белогвардейцами, интервентами и папской Польшей.

Красные войска отбросили войска Пилсудского и стояли уже под Варшавой и частично даже на левом берегу Вислы. Однако и при этих условиях страна пролетарской диктатуры немедленно приняла предложение о мирных переговорах. Уже в последних числах июля намечалась первая встреча с поляками. Но последние все время оттягивали эту встречу. Они чего-то ждали: инструкций ли из Парижа, контрудара своих армий или дальнейшего вмешательства Англии и Франции, но так или иначе они старались встречу делегаций оттянуть.

2 августа Советское правительство предложило представителям Польши назначить встречу с нами, получив мандат по радио, но поляки уехали. Только 5 августа польское правительство по радио сообщило, что оно согласно встретиться для личных переговоров. Эту радиотелеграмму в Москве получили лишь 7 августа. Наш ответ был дан немедленно. 10 августа часть польской делегации и парламентариев была обнаружена в Седлеце после занятия города красными войсками, и тотчас же начались предварительные переговоры о времени и месте мирной конференции.

Польская делегация приехала в Минск только в ночь на 17 августа. 16 и 17 августа польская армия начала жесточайшее контрнаступление. В подготовке этого удара — причина проволок и оттяжки начала мирных переговоров со стороны Польши.

Я был назначен 28 июля председателем мирной делегации РСФСР и УССР, а в дальнейшем также и БССР, в составе Скрыпника и Смидовича. В оформлении моих полномочий лич-

---

¹ См. Декреты Советской власти, т. VII. М., 1975, с. 253, 254. *Ред.*

но участвовал Владимир Ильич. Между прочим, помню, что при составлении мандата Владимир Ильич предложил включить в мандат все мои «чины» (член ВЦИК, комиссар полевого штаба Реввоенсовета и пр.), и, когда на его вопрос о моих военных должностях я заявил, что являюсь председателем Реввоентрибунала Республики, он, смеясь, блестя глазами, указывая пальцем на бумагу, предложил включить и эту должность: «Именно так и надо, пусть знают, что мирные переговоры ведет председатель Революционного военного трибунала Республики». Так это и было написано, но не помню, осталось ли это указание в последней, официальной редакции мандата.

Перед моим отъездом в Минск (в ночь на 10 августа) Владимир Ильич подробно информировал меня о положении в Англии и Германии, о нашей мирной политике, о нашем решении жестоко покарать тех, кто идет войной против нашей страны. Представленный мною проект вступительной речи Владимир Ильич заслушал, делал исправления, дополнял. (Кроме того, мне давал указания и тов. Чичерин.) А во время переговоров в Минске почти ежедневно по прямому проводу Владимир Ильич давал мне дополнительные указания, предлагал твердо держаться занятой линии, давал формулировки предложений для следующих заседаний, разрешал споры между мной и членами делегации, а также Реввоенсоветом Западного фронта. Одним словом, из Москвы Владимир Ильич непосредственно руководил политикой и тактикой делегации. И мне приятно здесь отметить, что все более или менее серьезные споры были Владимиром Ильичем разрешены в мою пользу. Мне было даже сообщено, что выступления других членов делегации допустимы исключительно при моем разрешении и контроле (это было сделано после моего сообщения о постоянных мелких придириках Скрыпника).

Уже на другой день (11 августа 1920 года) после моего отъезда из Москвы Владимир Ильич дает мне телеграмму:

«От Чичерина Вы узнаете о нашем большом дипломатическом успехе в Англии насчет Польши. Надеюсь, Вы вполне сумеете учесть это... как мы говорили с Вами...»¹

О ходе переговоров, разных привходящих обстоятельствах, о моих сомнениях и пр. я вел почти ежедневные записи в дневнике.

12 августа 1920 года я записал:

«...Получил целый ряд телеграмм от Чичерина и от Ленина, где рисуется изменение международного положения в пользу России».

16 августа началось усиленное наступление белополяков. 18 августа мною записано:

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 255. *Ред.*

«2 часа ночи... Обстановка пока им (полякам) благоприятна. Трудно нам твердо держаться намеченной линии. Психологически чувствуешь себя ослабленным. А наше отступление все продолжается и может продолжаться недели 3—4. Перегруппировку проделать не так легко.

Ленин в только что полученной телеграмме говорит, чтобы был я архитверд, чтобы не волновался и был хладнокровен¹. Таким буду, но трудно таковым быть при данной обстановке».

События на фронте повернулись против нас. Поляки также и в переговорах в Минске начали путь на разрыв. 28 августа председатель польской делегации уехал для свидания со своим правительством в Брест. В тот же день и я выехал в Москву.

31 августа, после ряда совещаний с гг. Чичериным, Караханом и Крестинским, я имел свидание с Владимиром Ильичем.

Большая комната. Владимир Ильич сидел за письменным столом и что-то рассматривал на карте. Видимо, он отмечал расположение наших частей на Западном фронте. Я подошел, поздоровался. Он взял свой карманный атлас. Показал мне страничку польской и германской границ, предложил указать, где находятся наши части и части противника. Я был в большом затруднении: масштабы этой «военной карты» были чрезвычайно мизерны. Трудно было ориентироваться. Мы пользовались «трехверсткой». Я волновался, трудно было по этой карте отмечать требуемые Владимиром Ильичем пункты.

Я снова повторил свои прежние высказывания, что наши части оторвались от тылов, устали, что фронтом был допущен ряд ошибок в смысле организации войск при таком серьезном походе, что не были учтены особенности польского фронта. Владимир Ильич слушал, задавал вопросы относительно расположения наших тылов и боевых частей, настроения красноармейцев. Большими шагами он ходил по диагонали комнаты.

Наконец он поставил вопрос о дальнейшей судьбе мирных переговоров. С тем, что при новой обстановке необходима смена председателя нашей делегации, он соглашался, но для него еще не был решен вопрос о времени, когда целесообразнее эту смену произвести, чтобы ее не истолковали как результат давления Польши. Владимир Ильич еще не отказывался от мысли возобновить движение на запад, от контрудара по белополякам.

31 августа Владимир Ильич хотя и высказывался, ввиду изменившейся обстановки, против того, чтобы я оставался в составе нашей делегации при новом председателе (Иоффе), но допускал, что в крайнем случае можно мне остаться заместителем председателя, но дать мне отпуск. При этом Владимир Ильич, улыбаясь, заметил: «Это будет как бы напоминанием полякам: не сговоритесь с Иоффе, вернется Данишевский». Он

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 261. *Ред.*

имел в виду различные задачи, продиктованные различной обстановкой, которые были поставлены мне и ставились Иоффе.

1 сентября, поздно ночью, Центральный Комитет решил освободить меня и председателем назначить Иоффе.

Этим и закончилась моя дипломатическая деятельность. Только один месяц... Но как невыразимо многому я научился, будучи в этой работе буквально еженощно непосредственно связан с Владимиром Ильичем. Его советы, его товарищеская поддержка, его твердые указания и предупреждения против колебаний, против нервничанья, его указания быть твердым, спокойным при всякой обстановке, быстрая реакция на изменения международной ситуации и на все явления международной жизни и конкретные советы, как все это использовать при сложнейших и труднейших условиях мирных переговоров, — это хорошая политическая школа. Быть большевистски реальным политиком, отбросить в сторону личное настроение, симпатии, личные желания и прочие субъективные моменты; решать вопросы, исходя из учета реального соотношения классовых сил и вместе с этим со всей энергией снова и снова пытаться изменить соотношение сил в пользу своего класса — класса пролетариев — вот сущность учебы, пройденной в августе 1920 года...

* *

*

В начале ноября 1920 года по предложению Владимира Ильича я направился в Нижний Новгород во главе чрезвычайной комиссии Реввоенсовета Республики по расследованию волнений в нижегородском гарнизоне (члены комиссии — товарищи Катаньян, Иллят, секретарь — Пузицкий). Все эти «события» происходили между 31 октября и 7 ноября. Началось с беспартийной красноармейской конференции, руководство которой попало в руки враждебных нам людей. Местные военные, советские и партийные органы не сумели удержать за собой руководство конференцией. Началось брожение в казармах; некоторые (наиболее бестактные) командиры и комиссары были удалены из казарм. Был поставлен вопрос о направлении к Нижнему особой бригады и бронепоезда.

Перед моим отъездом в Нижний Владимир Ильич вызвал меня к себе и дал целый ряд самых точных указаний, как действовать: узнать, чем недовольны красноармейцы, удовлетворить справедливые их требования, касающиеся казарменной жизни — бань, белья, отопления и пр., быть строгим по отношению к явно враждебным смутьянам и зарвавшимся комиссарам.

В Нижнем мы так и действовали. Направились в казармы (гарнизон состоял примерно из 46 тысяч человек, из которых 27 тысяч — строевых). Настроение красноармейцев было неважное, отношение к нам вначале недружелюбное; доходило до

того, что, когда в казармах я присел на нары, на меня стали бросать сверху вшей. Я спокойно сказал, что у меня, наверное, имеются и свои, и продолжал беседу. Но красноармейцы постепенно успокоились, начали в более спокойных тонах излагать свои нужды. Настроение явно менялось к лучшему. Разошлись мы друзьями.

Местная партийная организация быстро провела мобилизацию белья, всех бань, топлива и т. д. Гарнизон был пропущен через бани, получил чистое белье. Начали также отапливаться казармы (вначале при нашем обходе костры были разложены прямо на полу). Часть красноармейцев (около 20 тысяч) выпустили по домам, часть отправили в Казань. Губвоенкома Ительсона отстранили (вначале арестовали), сменили также часть командного состава.

Совет Владимира Ильича был чрезвычайно полезен.

* *
*

В начале января 1921 года ЦК РКП(б) назначил меня членом, а впоследствии секретарем Сибирского бюро РКП(б). Я направился в Омск (в то время краевой центр был в Омске, переезд в Новосибирск только готовился). Это была тяжелая, жуткая полоса для Западной Сибири. При разгроме Колчака много колчаковцев, в том числе и офицеров, осело по городам и особенно станицам Сибири. Велась осторожная, но достаточно активная контрреволюционная подпольная работа. Организовалось кулацкое крестьянское общество, многие из членов которого были связаны с членами РКП(б) и влияли на них. Появилась в сибирской организации рядом с «рабочей оппозицией» и «крестьянская оппозиция». Объективные выступления этих оппозиций активизировали работу колчаковцев среди казачества и кулачества. В этом направлении действовали также безобразия и преступления отдельных продовольственных работников.

Началось восстание, которое охватило всю полосу от Урала до Омска (повстанческие отряды подходили к Омской железнодорожной станции). В течение примерно полутора месяцев не было регулярных сообщений с Москвой, связь была только по радио. На X партийный съезд сибирская делегация поехала вся вооруженная, готовая пробиваться с боем. Но никаких инцидентов уже не было. Повстанцы были разбиты красными войсками, захваченные колчаковцы приговорены к расстрелу, и жестоко были наказаны отдельные разложившиеся продработники.

Сибирская делегация привезла и передала Владимиру Ильичу богатый материал по вопросу о безобразиях продразверстки, выставила предложение о продналоге. Несколько раз во время

съезда Владимир Ильич обращался к делегации за дополнительными справками, материалами, касающимися положения в Сибири, и за характеристикой отдельных явлений из крестьянской жизни. И эти материалы Владимиром Ильичем были использованы в его докладе о новой экономической политике.

* *
*

Восстания в Западной Сибири и Кронштадте послужили основанием для ускорения перехода к новой экономической политике; особенно эти события обусловили необходимость резко и жестко повернуть государственный руль в сторону допущения частного товарооборота в целях накопления пролетариатом опыта, средств и сил для перехода в дальнейшее наступление по всему фронту, на более развернутой индустриальной базе, против кулачества, за социалистическое строительство.

Но в начале 1921 года положение было тяжелое. X съезд под руководством тов. Ленина был превращен в ударный кулак против кронштадтских контрреволюционеров. Владимир Ильич был повсюду: он быстро, неожиданно появлялся в президиуме съезда, брал вне очереди слово, когда замечал, что съезд может принять неправильное решение; не засиживался в президиуме, куда-то уходил, накинув пальто (старенькое, изношенное) на плечи; выступал в комиссиях по резолюциям, по оргвыводам, относящимся к «рабочей оппозиции»; совещался с руководителями отдельных делегаций, с отдельными товарищами, ближайшими друзьями. Владимир Ильич был весь в движении, быстр, иногда даже нервен, зол, резок. Эти настроения сменялись в течение короткого времени в зависимости от темы разговора, от собеседника, получаемых сведений. И в то же время — внимательное, сосредоточенное наблюдение за работой съезда, за отдельными выступлениями...

И вот продолговатая комната. В ней собрались старые подпольщики для товарищеской беседы о положении в партии и в стране, об опасности для пролетарской революции. Большинство товарищей уже собрались, расселись. Чувствуется напряженность. Говорят полупшепотом, как когда-то на подпольном собрании. Старая гвардия ждет своего вождя.

Владимир Ильич быстро, пальто впакидку, прошел зал до места президиума, на мгновение, мельком, вскинул глаза на кафедру и сел на ступеньки лестницы, ведущей на эстраду для президиума. Так просто это было, так сближающе. Все сразу почувствовали себя в общей старой боевой подпольной среде.

Владимир Ильич говорил о партии, об оппозиции, о сути Кронштадта, о необходимости поворота в экономической политике. О необходимости крепко держать диктатуру пролетариата. О большевистском единстве партии... Вождь, великий стра-

тег и тактик пролетарской революции, гений восставшего и победившего труда, строящего социализм, давал боевые указания своим ближайшим соратникам-ученикам...

...После съезда я остался в Москве. По решению ЦК ВКП(б) демобилизовался. Владимир Ильич вызвал меня к себе и заявил, что решено ряд военных работников перебросить на хозяйственную работу.

«Топливный фронт,— говорил Владимир Ильич,— теперь один из наиболее серьезных. Нужна энергия, военная дисциплина, решительность, точность. Есть решение ЦК,— продолжал Владимир Ильич,— о вашем назначении начальником Главного лесного комитета (впоследствии ЦУЛП). Сейчас главное — дрова, топливо.— И, приблизившись ко мне, спросил: — Вы когда-нибудь имели отношение к лесной промышленности, к лесу? Справитесь?»

Я, смеясь, ответил, что до сих пор работал в лесу только на нелегальных массовках и собраниях, но думаю, что справлюсь.

Владимир Ильич ободряюще засмеялся и сказал: «Тогда прекрасно. Справитесь. Примитесь за работу».

И я перешел на работу по организации и восстановлению лесной промышленности СССР...

*Данишевский К. и Каменев С.
Воспоминания о Ленине. Ленин и
гражданская война. Сборник пер-
вый. М., Партиздат, 1934, с. 7—41*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

В сентябре 1918 года я был назначен на должность командующего Восточным фронтом. До своего назначения я не знал и не видел никого из руководителей Красной Армии. Никогда не видел и Владимира Ильича.

Заняв должность командующего Восточным фронтом, я, естественно, познакомился со многими товарищами, занимавшими тогда руководящие посты в Красной Армии. И не только познакомился с руководством Владимира Ильича военными делами, но и прошел абсолютно новую для меня школу по организации и руководству военным делом, включая в это понятие и создание, и организацию, и дисциплину, и боевое руководство Красной Армией, а также и организацию борьбы в период гражданской войны.

Обойти этот вопрос я не могу потому, что, берясь за воспоминания о Владимире Ильиче, прежде всего вспоминаешь то неизгладимое впечатление, которое создавалось от его руководства в области военного дела.

Освоение новой школы военного дела, приобретенное мною на Восточном фронте, особо подчеркиваю. Так как я прошел империалистическую войну с первого и до последнего ее дня, то новых впечатлений о новых методах и приемах борьбы, как и у каждого участника, естественно, накопилось у меня больше чем достаточно. Не скрою, что в отношении накопления материалов по всем этим новшествам и подготовленности для творчества всякого рода «выводов» из опыта империалистической войны я считал себя вполне подготовленным. И несмотря на это, я с полным убеждением утверждаю, что по самому основному вопросу войны я, участник империалистической войны, вывода не сделал. Я проглядел, что понятие воевать и драться на войне — не одно и то же. Оказывается, можно просто, что называется формально, воевать — то, что имело место в империалистической войне, и можно действительно драться за победу — это то, чему

меня научило руководство Владимира Ильича. Это та работа большевистской партии под руководством Владимира Ильича, которая дала миллионам осознание целей и задач войны и влила в уставшие и истерзанные империалистической войной массы новые силы для побед в гражданской войне. Война в данном случае приобретала многообразные формы борьбы.

Сегодня красноармейские полки проходят интенсивнейшую политическую обработку, а завтра они — сильнейшие носители полученной зарядки — уже сами заряжают окружающую среду, поднимают эту среду на борьбу за задачи социалистической революции. Они вносят развал в ряды бойцов белогвардейских частей или войск интервентов. Они проделывают таким порядком потрясающий все старые основы переворот на громадных пространствах, после которого все «хотят красных» и все против белых, о чем свидетельствовали наши даже самые ожесточенные враги вроде английского генерала Нокса, военного советника адмирала Колчака, который в 1919 году писал своему правительству: «Можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то беспечно помогать белым»¹.

Политическая работа идет и на территории, занятой белогвардейцами, она принимает и там свое боевое оформление в виде партизанских отрядов. Эти последние, как и части Красной Армии, также становятся сильными не только как боевые единицы, но и как носители идеи и задач социалистической революции уже на территории врага.

Средства борьбы множатся, нагромождаются и вырастают в несокрушимую силу. Эта сила могла только побеждать.

Я был буквально ошеломлен и новизной, и широтой, и глубиной организации, и построением борьбы в целом. Не удивительно, что вынесенные мною впечатления от империалистической войны меня уже теперь не подавляли, а, наоборот, война поражает меня своей односторонностью: она велика была только по своим цифровым выражениям. Организация же борьбы, материальная база и неспособность военного руководства были в полном несоответствии с численностью армии, и, наконец, заостренные формы борьбы превратили эту войну в гигантскую бойню человечества, не говоря уже об империалистических целях и задачах, которым служила эта война.

Но дело тут не столько в несоответствии, сколько в преувеличении значения таланта полководца, а последний в империалистической войне считался решающим фактором побед. Такое положение вещей, по существу, снимало с повестки дня и план и организацию борьбы. Достаточно указать, что мобилизация армии, собственно, истощивала все понятие об организации

---

¹ Гражданская война 1918—1921 гг., т. II, с. 412. С. К.

борьбы. Несколько больше, чем следует, я отклонился от темы воспоминаний только потому, чтобы резче подчеркнуть то новое, что должно было поразить меня и поразило, когда я стал непосредственным участником борьбы Красной Армии на Восточном фронте.

Возвращаясь к воспоминаниям в отношении важнейшего звена в организации обороны — красным вооруженным силам, особенно подчеркиваю новые, своеобразные методы создания красных вооруженных сил.

Владимир Ильич дал нам непревзойденный в военной истории пример создания армии как инструмента политики.

Основным костяком Красной Армии были рабочий класс и революционные командиры — члены партии. Большевики были цементирующим началом в отношении как политической сознательности, так и боевой стойкости частей. Крестьяне из бедняков быстро сливались с основным костяком, усиливая его численно. Остальное крестьянство крепко обрабатывалось этими кадрами.

С боевыми качествами частей Красной Армии я впервые познакомился при следующих обстоятельствах. Это было немедленно по моем вступлении в командование фронтом. На Бугульминском направлении, прикрывавшем Ульяновск (тогда Симбирск), среди других частей находился Латышский полк. Этот Латышский полк пользовался заслуженной славой крепкой боевой единицы, в силу чего на данном направлении являлся основой устойчивости. Главнокомандующий потребовал вывода этого полка из боевой линии и отправки его в Серпухов, где тогда располагался штаб главного командования.

Лишиться основы, на которой строилась устойчивость обороны на данном направлении, естественно, было крайне болезненно. Я опротестовал это решение главнокомандующего, прося хотя бы отсрочки выполнения его. Протест был отклонен, и вторично был указан самый минимальный срок для отправки полка в Серпухов. Делать было нечего, пришлось выполнять.

Видя мое затруднение, один из членов РВС¹ Восточного фронта спросил меня, почему я считаю, что Латышский полк трудно заменить. На мою реплику, что этот полк высоко боеспособный, он спокойно ответил, что я очень заблуждаюсь, если считаю, что другие полки, находящиеся на этом же направлении, менее боеспособны и что, в частности, Владимирский рабочий полк, пожалуй, по боеспособности даже выше Латышского полка, так как последний достаточно утомлен.

Приказание было отдано — владимирцы сменили Латышский полк. Немного спустя на бугульминском участке развернулись боевые действия. Владимирцы не только оправдали оценку,

---

¹ Революционный военный совет. *Ред.*

данную им, но и показали себя значительно выше того, что в империалистическую войну вкладывалось в понятие боеиспособности части. Рабочие-владимирцы дали мне первый урок боевой оценки частей Красной Армии.

Участвуя в создании Красной Армии на Восточном фронте, внимательно следя за каждым шагом ее роста, я сам на себе чувствовал, как под политическим руководством Владимира Ильича Красная Армия становилась доподлинным инструментом политики рабочего класса, становилась носительницей великих задач пролетарской революции.

Особо приходится отметить политический рост Красной Армии, доведенной до осознания своих задач как задач борьбы мирового пролетариата. После этого становятся для меня особенно понятными слова Владимира Ильича, произнесенные им в Московском Совете 5 мая 1920 года, что «ни одна армия — ни французская, ни английская — не могла выдержать того, чтобы ее солдаты на русской почве способны были сражаться против Советской республики»¹.

В вопросе организации борьбы в целом помню мое удивление тому, каким образом было достигнуто полное уничтожение грани между тылом и фронтом. Тыла, по сути дела, просто не существовало. Достигнуто это было правилом Владимира Ильича, согласно которому: «...раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»². Это было сказано перед войной с белополяками, но вся гражданская война Владимиром Ильичем была проведена по этому, как Владимир Ильич говорил, правилу: все интересы страны и вся внутренняя жизнь страны были подчинены гражданской войне. При этих условиях вся страна была военным станом. Абсолютно новым в военном деле тут является постановка требования *всю внутреннюю жизнь страны подчинить войне* — вот именно тут и стирались грани, отделяющие фронт от тыла, именно тут создавалась, если можно так выразиться, монолитность всей организации борьбы. Проведение в жизнь этого правила является новой наукой о войне. Государственные органы перестраивают свою работу. Создаются новые государственные органы с чрезвычайными полномочиями — Чусоснабарм³, Продарм. Местная власть перестраивается, где это необходимо по ходу событий, в гибкую, весьма подвижную, с громадными полномочиями организацию ревкомов, работа которых протекает в тесной увязке с военным командованием. Дело тут, конечно, не в форме перестройки государственных аппаратов и создании но-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 113. *Ред.*

² Там же, с. 117. *Ред.*

³ Чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны по снабжению Красной Армии. *Ред.*

вых, а во всей политике, которая получила наименование «военного коммунизма».

Само собою ясно, что и перестройка и создание новых органов были подчинены требованию политики.

При этих условиях внутренняя жизнь страны действительно могла быть подчинена войне, и она была ей подчинена.

Руководство Владимира Ильича гражданской войной, повторяю, является законченной наукой о войне всей страной. Эта наука особенно ценна теперь, когда война выливается в технические формы борьбы, когда вся борьба разворачивается вглубь на громадные пространства и когда население страны уже не сможет в порядке самотека *приспосабливаться к войне*.

Руководство Владимира Ильича сказывалось непосредственно на отдельных участках борьбы.

У меня сохранилось отчетливо воспоминание об этом по Восточному фронту, относящееся к периоду наших неудач на фронте.

Расстроенные части Красной Армии откатывались, теряя и устойчивость и порядок, но еще едва были заметны признаки наступающей стабилизации боевой линии, как уже появлялись новые живые силы на подкрепление обескровленных частей фронта. Поднимались новые коммунистические кадры, новые рабочие отряды — сперва прифронтовых районов, позднее из центра. Основной костяк Красной Армии креп, цементировался. Затем уже очередная мобилизация призываемых в Красную Армию восстанавливала утраченную в тяжелых боях численность.

Замечательна кипучая в этих случаях работа, проходящая по каналам центра. Вопрос идет не только о живой силе. Работа эта приводила в движение все силы и средства громадных районов и поднимала их на оборону. Производилась мобилизация внутренних ресурсов.

Предшествовала ли этой работе переписка между центром и фронтом, просьбы, ходатайства и пр.? Никакой. Только короткие шифровки о складывающейся обстановке на фронте и не менее короткие распоряжения центра. В это время работа центра и фронта положительно сливалась в одно целое.

Перечислить многообразие и разнообразие каналов организации борьбы, обрисовать проводимую по ним работу для меня непосильно и невозможно хотя бы по одной разнообразности и разнохарактерности проводимых мероприятий. Достаточно указать, что в момент ликвидации кронштадтского восстания таким каналом организации борьбы оказался X съезд РКП, военные делегаты которого полностью были брошены на Кронштадтский фронт во главе с К. Е. Ворошиловым.

Основной канал, конечно, был партийный. Именно он создавал молниеносность работы и устремленность, он был истоком

творчества, напора и проверки исполнения. Тут опять выявилось лицо большевистской школы Владимира Ильича.

В бытность главнокомандующим мне пришлось лично видеть работу Владимира Ильича по организации обороны. Этот случай относится к периоду мамонтовского рейда по тылам Красной Армии в 1919 году. Рейд был чреват всякими последствиями, тем более что Мамонтов, прорвав фронт, выскочил в Тамбовский район, зараженный в свое время эсеровщиной и антоновщиной. Поэтому понятно, что Владимир Ильич помимо мер борьбы по линии Красной Армии немедленно приступил к организации глубокой обороны на всех южных путях к Москве, захватив в эту глубокую оборону и Тулу (оружейный завод). Организация этой обороны была поручена члену РВС С. И. Гусеву. Организация обороны складывалась из инженерной обороны местности: строились окопы, оплетались проволочными заграждениями, затем формировались, вооружались, обучались отряды защиты, как пешие, так и конные, и, наконец, все население и местные власти военизировались — организовалась борьба местного населения на всех путях возможного появления мамонтовских казаков.

Вся эта организация обороны не была подчинена главнокомандованию и велась под непосредственным руководством Владимира Ильича, как сказано выше, особо выделенным товарищем. Такое решение надо признать не только правильным, но и мудрым. Главнокомандование не отвлекалось от основной задачи того времени — борьбы с Мамонтовым, и, что самое главное, вся организация борьбы на тыловых путях не отвлекала ни сил, ни средств фронта.

Как известно, Мамонтов не пошел вглубь, а пошел по ближайшим фронтовым районам, почему созданная глубокая система обороны не вступила в боевые действия. Однако несомненно, что принятые меры обороны показали бы себя с лучшей стороны, о чем можно судить хотя бы по фактам поведения населения в Тамбовском районе, где Мамонтов не нашел себе поддержки и вынужден был быстро его оставить, основательно разграбив.

Такая же оборона была организована и в период наступления Юденича пролетариатом Петрограда, который подготовил красную столицу к самой упорной борьбе, вплоть до уличной баррикадной борьбы.

Такие же примеры самостоятельной организации борьбы в истории гражданской войны мы видим в Оренбурге, Уральске и Туркестане.

Самый факт многочисленности каналов, по которым проводились мероприятия по оказанию поддержки боевым частям, по их усилению, по созданию новых мер борьбы, по использованию местных средств, по обеспечению успеха и пр. и пр., создавал громадное количество разнообразнейших мероприятий, направ-

ленных для борьбы. Получалось то, о чем выше было сказано и что я называл борьбой за победу. Мы действительно дрались за победу всеми доступными для нас по тому времени путями. К сожалению, выполнение мероприятий зачастую было ограничено материальными возможностями. Тут невольно думается, что если бы мы тогда располагали современной техникой, то война вылилась бы в такие новые технические формы и методы борьбы, что, несомненно, была бы и в этой области произведена полная революция.

Считаю нужным оговорить, что методы работ главнокомандования и его штаба были далеки от отмеченных новых методов управления, но, что еще хуже, — может быть, я и ошибаюсь — главное командование, находясь в отрыве от центра в Серпухове, не видело всей этой работы Владимира Ильича и вело свою работу по старинке. Особенно темным пятном в этом отношении явилась работа центрального аппарата Наркомвоенмора — Всеоргглавштаба. Этот штаб являлся носителем худших методов тыловой деятельности, очевидно, он далеко еще не перестроился. Подчинялся он непосредственно Наркомвоенмору.

Скажу о лицах, назначаемых Владимиром Ильичем на ответственные посты в Красной Армии. Исключительный подбор членов РВС фронтов, армий и комиссаров дивизий и частей положительно бросался в глаза. Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной Армии, и Владимир Ильич знал каждого из них.

Ближе я знал членов РВС фронта и армий, почему мои впечатления складывались главным образом по этим товарищам. Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искушенного в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекалистости — они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Можно было бы привести тысячи примеров, подтверждающих сказанное. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позднее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками. Очень многие комиссары частей заняли посты командиров этих частей и были прекрасными командирами.

Все сказанное выше, повторяю, относится ко времени, когда я еще не видел Владимира Ильича лично, и, если можно так выразиться, я его видел чужими глазами. Много, много мне рассказывали про Владимира Ильича мои новые товарищи-большевики, со многими из них я к этому времени близко сошелся и сдружился, но никто из них, на мой взгляд, правильно не обрисовал Владимира Ильича, и я этому не удивляюсь.

Мне кажется, что он для каждого и каждый раз был новым Владимиром Ильичем. Человек, обладающий таким богатством

творческих мыслей и сил, не мог выглядеть однообразно, он должен был каждый раз казаться в новом свете.

Первая моя встреча с Владимиром Ильичем произошла в исключительной для меня обстановке. 1 апреля 1919 года Восточный фронт перешел в наступление, которое с первых же шагов имело успех. Разворачивалась большая операция, закончившаяся впоследствии полным разгромом Колчака.

Совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, 5 мая 1919 года было получено телеграфное распоряжение Троцкого о снятии меня с должности командующего фронтом. Увольнение с должности было произведено в весьма «деликатной» форме: был дан отпуск и денежное пособие. Но вот за что я был отстранен от командования — я и до сего дня не знаю.

Крайне тяготясь своей вынужденной бездеятельностью в такое горячее время, я 15 мая 1919 года отправился в Москву просить о предоставлении мне какой-либо работы. В Москве я со своей просьбой обратился непосредственно к зампреду РВСР Э. М. Склянскому. Не получив определенного ответа, я в достаточно подавленном настроении ушел на вокзал для возвращения в Симбирск. Едва я прибыл на вокзал, как комендант станции передал мне приказание тов. Склянского немедленно вернуться в РВСР. Прибыв к тов. Склянскому, я получил приказание ехать с ним, и только в автомобиле он сказал, что мы едем к Владимиру Ильичу. Езды от РВСР до Кремля не более 2—3 минут, а при быстрой езде тов. Склянского, я думаю, и того меньше.

Сообщение о том, что мы едем к Владимиру Ильичу, само собою разумеется, меня больше чем взволновало, тем более что тов. Склянский ни слова не сказал, по каким вопросам мне предстояло сделать доклад, да и к тому же я не имел при себе никаких материалов.

Приехав, мы поднялись на лифте. Мне предложено было подождать на площадке лестницы. Тов. Склянский ушел. Через минуту дверь была открыта, и я очутился сразу же в кабинете Владимира Ильича.

Владимир Ильич, смеясь, о чем-то говорил с тов. Склянским и, когда я вошел, задал мне вопрос о Восточном фронте. В начале моего доклада Владимир Ильич взял железнодорожный атлас «Железные дороги России», издание Ильипа, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад. Эту карту я никогда не забуду, на ней имелись только основные ориентиры. От волнения у меня исчезли из памяти все названия деревень, где находились части Красной Армии и разворачивались боевые действия. Вероятно, заметив мое затруднительное положение, Владимир Ильич облегчил мне доклад подачей реплик, на которые давать ответы было уже много легче.

Обращая внимание Владимира Ильича на красивое в военном отношении развитие операции, я стал восхищаться ее кра-

сотой. Владимир Ильич немедленно подал реплику, что нам необходимо разбить Колчака, а красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

Это замечание Владимира Ильича имело глубокий смысл. Я был военным специалистом старой школы, обученным и воспитанным на так называемых классических операциях, родивших «вечные и неизменные принципы» войны. Замечание Владимира Ильича, несомненно, отрезвляло меня и возвращало к реальным формам борьбы сегодняшнего дня.

Владимир Ильич интересовался, насколько достигнутые успехи устойчивы, что намечено и что делается для закрепления и для дальнейшего развития удара. Мое волнение еще и еще усилилось в связи с докладом об обстановке на фронте, с изложением перспектив возможного развития дальнейших операций. Меня тянуло сказать, что это только мои соображения, что я не у дел и являюсь только зрителем того, что происходит на фронте. Хорошо помню, что вопрос обо мне ни Владимиром Ильичем, ни тов. Склянским затронут не был. На этом закончилась моя первая встреча с Владимиром Ильичем.

Выйдя из кабинета, я, негодуя на себя за свою растерянность, ожидал возвращения тов. Склянского.

На обратном пути тов. Склянский ни слова мне не сказал. Из РВС я опять отправился на вокзал, и тут опять повторилась старая история, то есть вскоре комендант станции вновь передал мне приказание немедленно явиться к тов. Склянскому. На этот раз за мной была уже прислана машина.

В РВС тов. Склянский мне сообщил, что мне приказано возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом. Такого оборота дела я никак не ожидал и даже считал это просто невозможным, о чем незамедля и сказал тов. Склянскому. Как же я могу вернуться на должность командующего фронтом, когда буквально две недели назад был с этой должности снят? Кто же меня будет слушаться? За это тов. Склянский меня достаточно внушительно отчитал, указав на неуместность моих сомнений.

Одновременно мне было передано приказание Владимира Ильича немедленно ехать в Серпухов, где находился тогда штаб главнокомандующего, и «договориться» с последним. Неожиданности этого дня продолжались и в Серпухове, где я узнал от главнокомандующего, что я был снят за неисполнение его приказа и вообще за недисциплинированность, о чем я узнал впервые, и самым категорическим образом стал протестовать. Тут-то трудное поручение найти «общий язык» чуть было не обратилось в невыполнимое, и только вмешательство члена РВС, сколько помню, тов. Аралова привело к благополучному выполнению поручения. Уже поздно ночью возвратился я от главнокомандующего в Москву. Мысленно я решил на будущее

быть абсолютно дисциплинированным и уж никак не давать повода главнокомандованию обвинять меня в этом недостатке.

Несмотря на это, в июне я в полном смысле слова не исполнил приказа главнокомандующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, а в это время главнокомандующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к Владимиру Ильичу.

* *

*

8 июля 1919 года я был перемещен на должность главнокомандующего. По этой должности мне не приходилось принимать систематического участия в работах СНК и СТО. Лишь в отдельных случаях главнокомандующий вызывался для участия в обсуждении отдельных вопросов, стоящих на повестке дня.

В памяти сохранилась проводимая Владимиром Ильичем работа на этих заседаниях СНК и СТО. Ярко сохранившийся в памяти *характер* этой грандиозной работы особенно подчеркиваю. В процессе обсуждения того или иного вопроса повестки дня Владимиру Ильичу непрерывно направлялись записки. На эти записки Владимир Ильич неуклонно давал письменные же ответы. Сам Владимир Ильич также задавал вопросы такими же записками и, само собою разумеется, получал ответы на заданные вопросы. От РВС постоянно присутствовал на заседаниях СНК и СТО зампред РВС тов. Склянский.

Такого рода записки на этих заседаниях получал и я. Содержание их относилось к вопросам обстановки на том или другом участке фронта, или они являлись проверкой исполнения отданного раньше Владимиром Ильичем распоряжения и постановления СНК или СТО. Получал я такие записки Владимира Ильича и через тов. Склянского, когда последний не мог немедленно дать там же, на заседании СНК и СТО, требуемый ответ. Исполнение по этим запискам шло в минимальные сроки: иначе — получались уже другого рода записки.

Однажды мне пришлось получить и такого, назову тяжкого, содержания записку. Вопрос касался ликвидации сапожковского восстания в Приволжском районе. Владимиром Ильичем был задан конкретный вопрос: почему ликвидация не была закончена в назначенный срок? Штаб заготовил достаточно пространственный и маловразумительный доклад. Доклад был охарактеризован Владимиром Ильичем бюрократической отпиской, и главнокомандующему было предложено отказаться от бюрократических навыков. Этот предметный урок был вполне и мною и штабом заслужен, но, к сожалению, он не был последним.

Такого же рода урок пришлось получить много позднее, по окончании гражданской войны, когда три центральных управ-

ления Наркомвоенмора дали три разные численности бойцов Красной Армии. Этот случай доставил много неприятностей всему РВСР.

Э. М. Склянский аккуратно сохранял эти записки Владимира Ильича. В день кончины Владимира Ильича в понятном порыве воспоминаний мы с Э. М. Склянским пересмотрели ряд этих записок, и перед нами раскрылась картина их значимости.

Сколько важнейших вопросов было разрешено, выяснено или намечено такого рода перепиской на заседаниях СНК и СТО! И что особенно поражает, так это та грандиозная осведомленность до мельчайших деталей Владимира Ильича во всех вопросах по Наркомвоенмору. Именно эта осведомленность и позволяла Владимиру Ильичу буквально с полуслова понимать, о чем идет речь в этих коротких, лаконически изложенных записках, и столь же короткими ответами давать решения по ряду ответственных вопросов.

Записки, которыми располагал Э. М. Склянский, имеются в материалах Института Маркса — Энгельса — Ленина. Две из них, относящиеся к 1921 году, помещены в XX Ленинском сборнике.

Чрезвычайно характерна по своей лаконичности записка от 5 марта 1921 года: «Секретно. т. Склянский! Где Миронов теперь? Как дело стоит теперь? *Ленин*»¹.

Вопрос касался Миронова, бывшего командира II Конной армии, арестованного и отправленного с обвинительным актом в Москву.

*   *
*

Владимир Ильич повседневно и непосредственно руководил Красной Армией. Руководство это выражалось вовсе не в том только, что Владимиру Ильичу ежедневно представляли сводки и зачастую по его требованию делались письменные доклады штабом РВС. Повторяю, Владимир Ильич организовал борьбу страны в целом, борьбу, в которой действия Красной Армии были только частью остальных мер борьбы. По всем многочисленным каналам борьбы Владимир Ильич знал действительную обстановку на фронтах, в армиях и на отдельных участках боевого фронта. В тысячах случаев осведомленность Владимира Ильича о действительном положении вещей была больше, чем у штаба РВС. Вполне понятно, что вся эта работа Владимира Ильича по организации борьбы самым непосредственным путем отражалась и на одном из главных звеньев обороны — Красной Армии. Руководство Владимира Ильича в этом отношении Красной Армией было глубже и шире, чем председателя РВС.

---

¹ Ленинский сборник XX, с. 17. *Ред.*

К слову сказать, я припоминаю только один личный доклад по оперативным вопросам председателю РВС, не говоря о докладах на РВС, тогда как лично Владимиру Ильичу оперативных докладов было много больше.

Организация борьбы шла под повседневным контролем и нажимом Владимира Ильича. Но и контроль и нажим были какими-то особыми, своими, надо думать, присущими только Владимиру Ильичу. Это не был только облаженный нажим или контрольная проверка исполнения. Это было скорее облажение твоего неумения работать по-новому. По этому поводу возвращаюсь к случаю с бюрократизмом в докладе по делу о ликвидации сапожковского восстания. В срок задача выполнена не была. На запрос, почему не выполнена, — бюрократическая отписка. Изволь работать по-новому, слабая сторона в твоей работе — бюрократизм; дальнейшая затяжка в ликвидации нетерпима. В результате ликвидация была закончена в срок. Оговорюсь, что главной причиной первых неудач с Сапожковым действительно оказался бюрократизм, и очень скверного порядка, который вскрылся несколько позже.

Сапожков был не так неуловим, как живуч. Банды Сапожкова настигались нами, разгромлялись и затем все же быстро оживали. При проверке выяснилось, что оживали они за счет наших же патронных складов. Напомню, что Сапожков до своего восстания был командиром бригады Красной Армии и со своей бригадой восстал. Базы, из которых сапожковская бригада довольствовалась до восстания, *«не списали»* с довольствия и после восстания. Он и продолжал довольствоваться, что главным образом помогало ему быстро оживать.

Нажим Владимира Ильича создавал и новые темпы борьбы. Оговорюсь, что мне не приходилось тогда слышать слова «темпы». Но они создавались прежде всего кипучим руководством самого Владимира Ильича. Проработки и согласования вопросов проходили в таких темпах, что время, требуемое для этого, трудно было уловить. У меня остались воспоминания о крайней быстроте принимаемых решений и не менее быстром прохождении распоряжений на места.

Организуя борьбу, Владимир Ильич руководил как построением Красной Армии, так и ее снабжением вооружением и продовольствием. Последний вопрос был едва ли не самым тяжелым. По вопросам снабжения был создан снабженческий орган Чусоснабарм и по продовольственным — Главснабпродарм. Оба органа находились под непосредственным руководством Владимира Ильича. Воспоминания товарищей, возглавлявших оба органа, вероятно, обрисуют работу Владимира Ильича в этой области. В порядке общих замечаний необходимо отметить, что работа Чусоснабарма протекала в большой близости и сотрудничестве с РВС и главнокомандованием. Что же касается

работы Продарма, то тут было много всякого рода стычек. До Владимира Ильича не могли не доходить жалобы и взаимные нападки сторон друг на друга. Прошел довольно значительный период времени, пока эти отношения отрегулировались и наступило взаимное понимание. Основным моментом раздора был пункт в положении о продармах, гласящий, что начальники Продарма на фронтах и в армиях существуют на правах командующих фронтом или армией. Этот пункт обеспечивал независимые от командования существование и деятельность этих органов. Так как вопросы продовольствия на фронтах были очень трудными и в армии имелись свои продовольственные аппараты, то создавалось двоевластие по труднейшим моментам существования армии. Началась «драка», сперва, пожалуй, из-за принципа, а позднее уже и чисто делового порядка.

В порядке самокритики надо сказать, что в отношении захватываемых у врага трофеев — а в число трофеев входили и захватываемые у противника продовольственные склады — должного порядка было немного. Поэтому вокруг такого рода трофеев всегда подымалась невероятная распря между военными снабженцами и работниками Продарма. Владимиру Ильичу приходилось частенько заниматься разбирательством такого рода случаев, а также приходилось принимать и меры предупреждения против их повторения. В каждом отдельном случае начали создавать полномочные комиссии для дележа трофеев или назначался один товарищ с теми же полномочиями для распределения имущества, попавшего к нам от противника.

В отношении оперативной деятельности Красной Армии руководящая роль Владимира Ильича определялась прежде всего тем, что Красная Армия была инструментом политического руководства.

Вопрос о том, куда должен быть направлен удар Красной Армии в первую очередь, куда во вторую, несомненно, должен был решаться тем, кто руководил всей политикой страны. Красная Армия была в кольце белогвардейских фронтов. Оценка всех фронтов и принятие решения, какой из фронтов должен был быть ликвидирован в первую очередь, являлись задачей первейшего значения по тому времени. Правильное решение этого вопроса, по существу, определяло всю дальнейшую ликвидацию белогвардейщины. Под руководством Владимира Ильича эта труднейшая задача была решена.

Восточному фронту была предоставлена первоочередность. Лозунг «Все на Востфронт» оповестил о принятом решении всю Красную Армию.

Временные неудачи на Южном фронте и в связи с этим проявленная слабость главнокомандования едва не сорвали твердого проведения данного Владимиром Ильичем плана действий. К этому моменту и относится то разногласие об оста-

новке наступления частей Восточного фронта на реке Белой, о котором я вскользь указывал выше.

Перед Владимиром Ильичем был поставлен оперативный вопрос исключительной важности. Трудность решения усугублялась тем, что не только главнокомандующий, но и РВС в лице его председателя Троцкого стояли за то, чтобы отказаться от дальнейшего наступления на Колчака и, остановившись на реке Белой, немедленно начать переброску частей Красной Армии с Восточного фронта на Южный. Яснее говоря, стояли за отказ от принятого Владимиром Ильичем решения в первую очередь ликвидировать Колчака.

Владимир Ильич с непревзойденным талантом решил стратегический военный вопрос: принятое решение об отказе остановить наступление остается в силе. Ликвидация Колчака продолжается с еще большим нажимом. Проработан план переброски сил на Южный фронт по календарным срокам. Главнокомандование сменяется. Ставка главнокомандования перемещается в Москву.

Недовольный принятым решением, председатель РВС Троцкий подает в отставку. Отставка Троцкого не принимается. Троцкий после этого долгое время не руководит и не присутствует в РВС. Он ездит в своем поезде, но не появляется на Восточном фронте, так как перестал им интересоваться.

Когда я прибыл в Москву, зампред РВС тов. Склянский поставил меня в известность, что Троцкий не согласен был с моим назначением, но что в будущем он примирится. Эти настроения Троцкого мне очень и очень не понравились и очень серьезно обеспокоили. Мне представлялось, что работа в этих условиях будет просто невозможна. Успокоительные речи тов. Склянского о будущем примирении мне казались сомнительными.

Исключительную, неоценимую поддержку оказал мне в этот период член РВСР тов. С. И. Гусев. Он более полно ввел меня в курс дела, он помог мне разобраться в обстановке других фронтов, он избавил меня от очень многих неожиданностей, не забывая ознакомиться с каждой мелочью, играющей ту или иную роль в обстановке большой работы.

Самоустранение Троцкого от руководства РВСР в связи с перемещением штаба главнокомандования в Москву, на мой взгляд, мало отразилось на работе главнокомандования. Мне кажется, что это обстоятельство привело в ряде случаев к непосредственному руководству Владимиром Ильичем работой РВСР.

Первый мой как главнокомандующего доклад Владимиру Ильичу по оперативным вопросам был в последних числах июля 1919 года в связи с угрожающим положением под Курском. Явно назревающие здесь события вызвали тревожные телеграммы местных ревкомов с просьбой принятия мер отпора

белогвардейцам. Владимир Ильич потребовал соображения главнокомандования по организации этого отпора. Доклад о предстоящей операции был заслушан Владимиром Ильичем лично.

Операция имела ограниченную задачу — предупредить наступление противника встречным ударом с целью отбросить белогвардейщину от Курска и захватить Харьковский узел. Время на подготовку было больше чем ограничено, приходилось пользоваться тем, что было под рукой. Операция началась в начале августа и на первых шагах развернулась довольно успешно: части Южного фронта заняли Валуйки, Купянск, Волчанск и подходили к Чугуеву, но тут были приостановлены белогвардейской конницей генерала Шкуро, после чего наше наступление захлебнулось. Кроме того, 10 августа Южный фронт был прорван конницей Мамонтова, прошедшего рейдом по нашим тылам.

Неудачная операция вскрыла большое неблагоприятие общего порядка на Южном фронте и необходимость принятия мер как по линии подбора командования, так и по линии генеральной перегруппировки сил.

На Восточном фронте события продолжали разворачиваться успешно, в связи с чем первоочередность действий, естественно, перемещалась на Южный фронт. Однако подготовиться к генеральным событиям Южный фронт не успел. Владимиром Ильичем было назначено новое командование. Перегруппировку же сил пришлось производить уже в процессе начатых белогвардейщиной операций, сразу же развернувшихся не в нашу пользу.

17 сентября 1919 года добровольческая армия Деникина перешла в наступление, захватив у нас Курск и развив наступление на Орел. Для руководства обороной Южного фронта ЦК назначил тов. Сталина. 16 октября 1919 года армия Деникина остановилась на путях к Туле. Для парирования этого удара Деникина нами спешно создавались две контрударные группы: одна — в районе Карачева, где была образована XIII армия Уборевича, и другая — в районе Воронежа, куда с Царицынского фронта перебрасывалась конница Буденного.

Одновременно с этими событиями с 11 по 16 октября 1919 года на Петроградском направлении перешел в наступление Юденич. Он овладел Ямбургом, Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом и Павловском, подкатываясь к Петрограду, и тут пришлось принимать чрезвычайные меры и группировать силы для контрудара.

Дни между 11 и 16 октября 1919 года были самыми тревожными. Наступление противника в указанных направлениях продолжалось, а собираемые нами для контрудара силы только сосредоточивались в исходных районах.

Донесения с фронтов получались чуть не ежечасно. Ответственные решения приходилось принимать в минимальные сроки. Все важнейшие донесения и принимаемые решения тов. Склянский передает немедленно по телефону в Кремль Владимиру Ильичу. Как правило, мы расстаемся с тов. Склянским очень поздно, на рассвете. Следующий день опять тревожные звонки. Спешно встречаемся опять в кабинете тов. Склянского. Под Петроградом дела значительно ухудшились, приходится принимать крайние меры, бросать резерв, созданный специально для защиты Тулы. По телефону тут же тов. Склянский сообщает о принятом решении Владимиру Ильичу. Этот резерв был назван «пиковой дамой» — последний козырь, долженствующий дать нам выигрыш. Дорого стоила и главнокомандованию и тов. Склянскому эта «пиковая дама». Чувство ответственности принимаемого решения буквально жгло мозг.

Нагромождение всяких неблагоприятных событий создавало тревожную обстановку. Более сложной обстановки я за весь период гражданской войны не помню. Непокколебимое спокойствие Владимира Ильича в это время являлось самой мощной поддержкой главнокомандования.

После ликвидации Юденича и успешного наступления нашей армии на Южном фронте, когда штаб Южного фронта перешел уже из Паточной в Харьков, однажды декабрьской ночью, около 2 часов, совершенно для меня неожиданно в мой кабинет вошел Владимир Ильич в сопровождении тов. Склянского.

Владимир Ильич оглядел обстановку, зашел в особую комнату, где на столе были разложены карты фронтов с суточными отметками местонахождения наших частей, задал несколько вопросов, касающихся обстановки на фронтах, и несколько вопросов общего порядка.

Затем Владимир Ильич переговорил по прямому проводу с Харьковом. Телефонный аппарат находился тут же в кабинете. Тов. Склянский и я на время разговора вышли из кабинета. После этого, задав еще несколько вопросов общего порядка, Владимир Ильич уехал в Кремль.

После отъезда Владимира Ильича мне немедленно позвонил Э. М. Склянский и спросил: «Ну, вы довольны, что Владимир Ильич зашел к вам?» Понятие «доволен» меньше всего подходило к определению того, что я чувствовал после ухода Владимира Ильича. Ведь Владимир Ильич, поскольку мне известно, был первый и последний раз в здании РВС и побывал в моем рабочем кабинете! Мои переживания в этот момент, думаю, понятны для тех, кто представит себя в моем положении.

Оперативный план белопольской кампании рождался не в пример всем остальным планам гражданской войны в больших потугах. Этому плану предшествовали проработки вариантов южного и северного направлений. Варианты докладывались Владимиру Ильичу. Докладывал начальник штаба П. П. Лебедев в присутствии тов. Склянского и моем в кабинете Владимира Ильича. Владимир Ильич интересовался подробностями. Особо подробно было доложено состояние железных дорог. Тут же докладывался вариант переброски I Конной армии тов. Буденного походным порядком с Северного Кавказа на правобережье Днепра и попутная задача, возлагаемая на армию по ликвидации банд Махно. Окончательное решение на этом докладе принято не было. Оно было принято позднее.

6 мая¹ 1920 года московский гарнизон провожал на белопольский фронт маршевые молодые рабоче-крестьянские батальоны. Московский гарнизон и батальоны, отправляемые на фронт, были построены на Театральной (ныне Свердлова) площади. Правый фланг примыкал непосредственно к зданию театра. Небольшая трибуна была построена в сквере, расположенном перед театром. С этой трибуны с речью выступил Владимир Ильич. Теперь, когда мы вынуждены воевать, говорил Владимир Ильич, вы должны помнить, что вы идете на фронт как братья польских рабочих и крестьян, что вы идете не как угнетатели, а освободители. С польскими рабочими и крестьянами у нас нет ссоры...

Речь Владимира Ильича была короткой, может быть даже очень короткой, и в то же время она была исключительно сильной — сильной своей простотой. Она отвечала тому, что у каждого в тот момент было на уме. Она была произнесена нашим Лениным, таким близким, таким дорогим и понятным каждому красноармейцу, каждому присутствующему на площади. Неизгладимо запомнился мне этот митинг, да, вероятно, и всем, кто тогда там был. Крепко запечатлелась у меня вся картина и настроение этого митинга. Чтобы понять тот восторг и энтузиазм, с которыми был встречен Владимир Ильич бойцами и провожающими их рабочими, надо было быть на площади.

В ходе операции против белополяков мне было приказано каждые сутки докладывать Владимиру Ильичу карту с нанесенным расположением результатов суточных передвижений частей Красной Армии на Западном фронте.

Одновременно с белопольским ликвидировался и врангелевский фронт. Этот фронт был последним белогвардейским участ-

---

¹ Проводы состоялись 5 мая. См. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 41, с. 110—111. *Ред.*

ком. За период борьбы против поляков Врангель добился больших успехов. Он вылез из Крыма, широко распространился по Таврии и занял угрожающее положение по отношению к правобережью Украины, а следовательно, и к частям Красной Армии, занятым борьбой с белополяками. Наши неудачи на врангелевском фронте привели в середине сентября 1920 года к решению выделить этот участок в самостоятельный фронт. До этого выделения врангелевский фронт подчинялся командующему Южным фронтом, действовавшим против белополяков. Южный фронт против белополяков был переименован в Юго-Западный. Фронт же против Врангеля был наименован Южным. Командующим этим новым Южным фронтом был назначен М. В. Фрунзе, который вплотную и занялся ликвидацией врангелевской белогвардейской армии.

Владимир Ильич уделял много внимания ликвидации этого участка, тем более что эта ликвидация происходила несколько необычно. Так, например, было включение частей Махно в общее командование Красной Армией, было вмешательство Лондона в виде предложения своего посредничества по переговорам с Врангелем, были и случаи совместных действий с нами зеленых организаций¹ против Врангеля. Ясно, что во всех таких случаях вопрос решался с ведома или непосредственно Владимиром Ильичем. Надо оговорить, что М. В. Фрунзе в период ликвидации Врангеля имел не однажды непосредственные указания и директивы от Владимира Ильича по ряду вопросов, связанных с ликвидацией. Надо не забывать, что принимался целый ряд мер, чтобы не дать Врангелю с остатками своих частей удрать на военных и других кораблях бывшего Черноморского флота.

С ликвидацией Врангеля, собственно, закончилась ликвидация всех белогвардейских фронтов.

Однако боевая деятельность Красной Армии еще не закончилась. Со стороны белополяков продолжался пропуск банд Булак-Балаховича в наши западные приграничные районы. Затем финляндские фашисты произвели диверсию в Северной Карелии, и, наконец, в Средней Азии процветало басмачество, поддерживаемое из-за рубежа. Особо серьезная вспышка басмачества была связана с выступлением Энвер-паши. Из перечисленных операций наиболее крупными надо признать карельскую и энверовскую авантюры. Прямых докладов по этим авантюрам Владимиру Ильичу у меня не было. Однако мои телеграфные сообщения с места действия (в ликвидации и карельской и энверовской авантур я принимал непосредственное участие) докладывались Владимиру Ильичу. Знаю это потому, что по ряду моих предложений Владимиром Ильичем давались указания.

¹ Кулацкие банды. *Ред.*

Весной 1921 года Красная Армия приступила к демобилизации. Штаб РВСР разработал достаточно детальный план проведения демобилизации, причем сроки демобилизации были довольно велики. Владимир Ильич не согласился с этими сроками и опять подошел к этому вопросу с революционной смелостью. Он дал минимальные сроки роспуска мобилизованных красноармейцев и оказался опять прав. Демобилизация была произведена примерно в указанные Владимиром Ильичем сроки. Правда, необходимо оговорить, что нажим на РВСР, понуждая нас укладываться в данные для демобилизации сроки, Владимир Ильич делал не раз. Именно в этот период демобилизации и произошел тот случай представления сведений о различной численности Красной Армии центральными управлениями Наркомвоенмора, о чем я говорил выше.

Красная Армия вступила в период передышки. Началась кропотливая работа по размещению красных частей в казармах, приведение их в порядок и переход к боевой учебе.

* *
*

Владимир Ильич заболел, но я не знал, что он болен безнадежно. Тем сильнее и тяжелее я пережил удар, когда в 7 часов вечера 21 января 1924 года Э. М. Склянский попросил меня срочно зайти к нему в кабинет и сообщил, что Владимира Ильича больше нет. Тов. Склянский также сказал, что мне разрешено сегодня же ехать в Горки и что я включен в число товарищей, которые будут сопровождать тело Владимира Ильича из Горок в Москву. Поезд отходил в Горки ночью. Необычайная тишина и сосредоточенность царили в вагоне, разговоры велись вполголоса, как будто имела опасность нарушить чей-то покой. Без шума мы разместились по крестьянским саням, высланным крестьянами из окрестных деревень для встречи приехавших, и в полной тьме добрались до усадьбы, где жил последние дни Владимир Ильич. В доме было уже много товарищей, прибывших первым поездом. Осмотревшись, я присоединился к группе товарищей, разместившихся в зале. Вся почь была наполнена воспоминаниями о последних днях Владимира Ильича. Никто не спал. Ждали наступления утра, чтобы принять участие в переносе тела Владимира Ильича из усадьбы до станции и сопровождении его в Москву.

Только сознание, что Владимир Ильич оставил после себя закаленную и испытанную в жесточайшей борьбе партию, смягчало мысль о понесенной утрате.

ЛЕНИН И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Еще не настало время ¹ изложить в виде стройной системы внешнюю политику Владимира Ильича. Уже давно всеми признано, что у Советской республики имеется стройная выработанная система внешней политики. Она является еще большей новизной, чем советская система внутренней политики. Никогда до Октябрьской революции не делалось попытки установить программу внешней политики социалистического государства среди капиталистических. Но и сам Владимир Ильич никогда не излагал в виде систематически разработанного плана всю внешнюю политику Советской республики. Ее стройность и цельность была в его голове. Свои взгляды в этой области он излагал в бесчисленных конкретных случаях. Лишь несколько общих принципов, лишь некоторые основные концепции его внешней политики излагались им в общей форме. Только впоследствии, когда все материалы по нашей внешней политике за период, когда В. И. Ленин руководил делами, будут собраны и систематизированы и когда целый ряд острых вопросов наших дней отойдет в историю, можно будет восстановить стройную систему внешней политики Советской республики, как ее понимал Владимир Ильич.

В тот период, когда Владимир Ильич принимал активнейшее участие во всех деталях государственной жизни, я в области своей работы находился с ним в почти непрерывном контакте. В первые годы существования нашей республики я по несколько раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий ана-

¹ Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

лиз дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости.

Впервые я вошел с В. И. Лениным в контакт по внешней политике в период споров после германского ультиматума¹. Для всех нас перелом от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден, и в момент моего первого разговора с Владимиром Ильичем я еще не успел подчиниться необходимости подписания «похабного» мира. Однако перелом во мне совершился, и я поехал в Брест-Литовск. Когда мы доехали до одной из последних станций перед Псковом, нам пришлось стоять почти сутки вследствие невозможности ехать дальше в обстановке бегущей царской армии. Тут мы получили от Владимира Ильича телеграмму приблизительно такого содержания: «Если вы колеблетесь, это недопустимо». Мы ответили ему, что задержаны против нашей воли и при первой возможности двинемся дальше. Мы вернулись из Бреста в момент эвакуации правительства из Петрограда (ныне Ленинград) в Москву. На новом месте я сразу вошел в самый близкий контакт с Владимиром Ильичем, и до самого момента покушения на него я работал, собственно говоря, вместе с ним.

Его неподражаемый политический реализм нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям.

После Брестского мира германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно продвигались вперед, в особенности со стороны Украины, так как границ губерний немецкие войска не признавали.

Благодаря личному вмешательству Владимира Ильича были предотвращены некоторые выступления, носившие характер паники или отчаяния. Вместо этого наше правительство по рекомендации Владимира Ильича обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров. Так было положено начало тем переговорам, которые завершились в августе дополнительными соглашениями с Германией и началом эвакуации оккупированных областей немцами. За всеми перипетиями этих переговоров Владимир Ильич тщательно следил, сочетая своевременные уступки с твердостью в тех случаях, когда надо было положить предел чрезмерной требовательности противной стороны.

---

¹ 27 января (9 февраля) 1918 года в Бресте во время переговоров о заключении мира германские империалисты предъявили Советской республике ультиматум: либо аннексионистский мир, либо дальнейшая война. *Ред.*

Пребывание в Москве, этой революционной столице, графа Мирбаха, представителя германской военной монархии, естественно, вело к постоянным трудностям и иногда к почти безвыходным ситуациям. Владимир Ильич обнаруживал при решении этих постоянных трудностей тот же неподражаемый политический реализм, который внушил ему необходимость подписания Брестского договора. Но, считаясь постоянно с фактом нашего тяжелого положения и с необходимостью уступок, Владимир Ильич всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять твердость. «Это требование нелепо, его нечего выполнять», — иногда заявлял он. Между прочим, происходили частые недоразумения при переговорах об обмене военнопленными. Владимир Ильич, лично вмешиваясь в детали этих переговоров, устанавливал пределы, за которыми уступки являлись излишними.

Самым тяжелым моментом было убийство графа Мирбаха¹, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичем. Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву. И, считая необходимым отклонить требование германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда, Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результатов нашего ответа. Чутье не обмануло Ленина, и достигнутый компромиссный результат соответствовал тому, как он в разговорах со мной оценивал положение.

Когда в августе Антанта уже фактически вела против нас войну, заняв Архангельск и продвигаясь от него к югу, действуя на востоке при помощи чехословаков и на юге толкая вперед «добровольческую армию» Алексеева, Владимир Ильич сделал попытку использования антагонизма двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска шедшей вперед Антаны.

Главным средством нашего дипломатического действия в Берлине в этот первый труднейший период было заинтересовывание германских деловых кругов в экономическом сотрудничестве с Советской республикой. Тов. Иоффе, блестяще проводивший эту политику, указывал германским деловым кругам, что, превратив Россию во вторую Украину, они тем самым превратят ее в пустыню и лишат себя же всех тех выгод, которые им могло бы дать экономическое сотрудничество с возрождающейся Советской Россией. В связи с этим Владимир

¹ Мирбах, германский посол в Советской России, убит 6 июля 1918 года в Москве левыми эсерами, пытавшимися сорвать мирный договор и спровоцировать войну с Германией. *Ред.*

Ильич впервые оформил конкретно свои планы привлечения иностранного капитала и предоставления ему крупных концессий. Я имел на эту тему ряд чрезвычайно интересных разговоров с Владимиром Ильичем. Наконец план предоставления иностранному капиталу концессий, разработанный, кажется, тов. Бронским, был одновременно вручен и германскому правительству, и нашему американскому приятелю полковнику Реймонду Робинсу, который его повез с собой в Америку.

Беспримерная трудность нашего положения в этот первый период зависела от того, что, с одной стороны, на нас оказывал давление победопосный германский империализм, а с другой стороны, давила на нас все более требовательная Антанта. Я помню посещение антантовских представителей по поводу занятия Владивостока японцами. Владимир Ильич тогда детальнейшим образом рекомендовал мне полудипломатический, полуживительный ответ на лицемерное заявление начинавшей свою интервенцию Антанты.

Нашей главной заботой в то время было по мере возможности продлить передышку и отсрочить ожидавшиеся дальнейшие шаги Антанты против нас. При моих постоянных попытках соглашения с Антантой, которые, даже в случае неудачи, могли по крайней мере отсрочить угрожавший нам разрыв, Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявляя изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника. Опять-таки благодаря его личному вмешательству удавалось округлять возникавшие острые углы. Когда после газетного интервью французского посла Нуланса о грядущей интервенции мы потребовали его отозвания и заявили, что рассматриваем его как частное лицо, мы сначала предприняли против него целый ряд репрессалий вроде лишения корреспонденции и т. д., но сразу же выяснилось, что мы этим можем сорвать ту передышку, которую мы всячески старались продлить. Владимир Ильич сейчас же вмешался, чтобы прекратить те излишние репрессалии, от которых можно было ожидать нежелательных результатов. Опять-таки после интереснейших разговоров с ним я имел продолжительное свидание с начальником французской военной миссии генералом Лавернем, с которым мы тщетно старались столкнуться. Франция, напрягавшая последние силы в отчаянной схватке, хотела во что бы то ни стало немедленно восстановить восточный фронт Германии, и все мои указания как в разговоре с Лавернем, так и в других случаях на невозможность для нас возобновления борьбы имели результатом лишь новые проявления стремления Антанты к созданию восточного фронта для Германии, хотя бы вопреки нам. Владимир Ильич в этих разговорах открывал мне глаза на громадное значение Франции для континентальной военной политики. Мне особенно памятен тот интерес, с которым

Владимир Ильич отнесся к посещению маркиза Люберсака¹ (родственник которого в 1922 году заключил известное соглашение со Стиннесом). Этот молодой французский офицер выражал восторг по поводу виденных им первых зачатков новой, народной русской армии, то есть Красной Армии.

Одновременно, оценивая мировую роль Англии, Владимир Ильич внимательнейшим образом следил за нашими попытками договориться с ней через специально посланного к нам Локкарта. Одно время это соглашение казалось возможным, пока бунт чехословаков не направил политику Англии по линии активной интервенции. В беседе со мной Владимир Ильич предсказал, что Англия будет стараться по очереди договариваться со всеми против нас. Я ответил, что при своей гибкости Англия будет стараться договариваться и с нами. «С нами — последними, после других», — ответил Владимир Ильич.

Как только Антанта начала на нас открытое нападение, усиливая его конспиративной работой и попытками вызывать восстания внутри нашей собственной страны, Владимир Ильич считал нужным отвечать на это рядом сильных ударов. В такие моменты должна была применяться не гибкость, но мгновенное применение силы. Однако и в эти моменты массовых арестов и т. п. Владимир Ильич всегда, где нужно, применял гибкость, предотвращая возможность лишнего осложнения. Сидевших в Вологде антантовских послов мы убедили в необходимости выехать, сначала предложив им переезд в Москву, от которого они отказались. В результате этого их выезд из России совершился корректным образом, что облегчило нам дальнейшие сношения с их государствами. Как раз в это время величайшего обострения отношений с Антантой Владимир Ильич впервые настоял на том, чтобы мы обратились к Антанте с мирными предложениями. В первый раз через американского консула Пуля мы запросили Англию, чего она, собственно, хочет. Затем формальное мирное предложение мы переслали через дружественного нам секретаря норвежской миссии Христиансена.

В момент крушения Германской империи первым решением Владимира Ильича было предложение помощи германскому народу для ведения им народной войны против вторжения иностранного империализма. Но Германская республика пошла по другому пути. Как только я прочитал Владимиру Ильичу ленту моих разговоров по прямому проводу с Гаазе, он сказал: «Ничего не выйдет, это надо прекратить».

Антанта в то время требовала, чтобы германские войска остались на своих местах до прихода антантовских или союзных с ними войск, с тем чтобы последним была передана власть.

---

¹ В. И. Ленин беседовал с Жаном Люберсаком 27 февраля 1918 года.
Ред.

Выполняя решение Антанты, Германская республика активно участвовала в подготовке интервенции против нас. Такова была политика Гааге и Каутского. Но немецкие войска сами пошли домой, не считаясь с распоряжениями своего начальства.

Параллельно с уходом немецких войск создавались национальные советские республики. Тут впервые была осуществлена национальная программа Владимира Ильича. Она оказала серьезнейшее влияние и на наших противников, которые в это время стали путаться между поддержкой «единой неделимой» белогвардейской России и развитием контрреволюционных движений у малых национальностей. Это внутреннее противоречие антантовской политики, в особенности французской, сыграло для наших врагов роковую роль.

В течение всего периода интервенции Владимир Ильич настаивал на наших обращениях к противникам с мирными предложениями. Он нисколько не опасался вызвать этим впечатление слабости. Он считал это, наоборот, одним из сильнейших средств для оказания давления на воинствующий интервенционизм в странах Антанты.

Когда получились первые известия о предстоящем приглашении нас на конференцию на Принцевых островах ¹, Владимир Ильич сейчас же признал необходимым, не дожидаясь получения этого приглашения, обратиться к Антанте с нашим собственным предложением. Тут впервые в развитой форме была проведена его мысль об апелляции к экономической выгоде самой Антанты. Эта мысль стала одной из главных во внешней политике Владимира Ильича и постепенно получала все большее развитие. В ноте 4 февраля 1919 года, явившейся результатом подробного обсуждения вопроса самим Владимиром Ильичем, мы впервые согласились на признание наших долгов, оставляя открытым способ проведения этого признания в жизнь, и тут же предложили Антанте систему концессий на наши натуральные богатства. Дальнейшее развитие эта программа получила в наших предложениях, врученных американскому эмиссару Буллиту. Каждое слово наших предложений Буллиту было тщательно взвешено Владимиром Ильичем; тут же был назначен срок, после которого эти предложения теряли силу. Владимир Ильич тогда же говорил: «Если они сейчас не примут наших предложений, то другой раз они от нас таких выгодных условий уже не получат».

Прошло несколько месяцев, и при активнейшем участии Владимира Ильича нами были сделаны мирные предложения нашим соседям — вновь образовавшимся буржуазным балтийским государствам и Финляндии. Тем самым был положен конец признанию нами советских правительств этих национально-

¹ Конференция не состоялась (см. об этом «Дипломатический словарь», т. II, с. 574). *Ред.*

стей. Это был снова поворотный пункт нашей внешней политики, при котором обнаружилось вся бесподобная гибкость и политический реализм Владимира Ильича. Нам надо было считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик. И Владимир Ильич твердо и ясно положил начало политике мира и дружелюбных отношений с нашими соседями. Первая подписала с нами перемирие, а потом договор Эстония¹. Я помню опять-таки, с какой внимательностью Владимир Ильич входил во все детали переговоров, устраняя ненужное сопротивление и идя на значительные уступки ради мира, но в то же время отвергая всякие преувеличенные домогательства противной стороны...

С конца 1919 года начинается полоса возобновления нами сношений с большими государствами Антанты. Тов. Литвинов в ноябре едет в Копенгаген, а в начале 1920 года тов. Красин едет в Лондон. Внимательнейшим образом следя, чтобы противная сторона не поставила нам какой-нибудь ловушки, и тщательно разбирая каждое предложение, Владимир Ильич в общем твердо держал курс на торговое соглашение с Англией. Когда в середине 1920 года тов. Красин приехал из Лондона с четырьмя условиями Ллойд Джорджа, Владимир Ильич настоял на их принятии в общих чертах в качестве основы для переговоров. В момент продвижения наших войск к Варшаве Владимир Ильич с чрезвычайной холодностью отнесся к ультиматуму Ллойд Джорджа, считая, что он не может причинить нам слишком большого вреда.

Как раз в этот период я имел с Владимиром Ильичем ряд интереснейших разговоров в связи с английским предложением конференции, которое в известный момент сделалось англо-французским предложением. Франция в этот момент держалась некоторое время (до внезапного признания Врангеля) довольно умеренного курса по отношению к нам и соглашалась на мирную конференцию вместе с Англией. Владимир Ильич вполне оценивал громадные выгоды для нас такого предложения; однако тут было большое «но»: эта конференция должна была обсуждать отношения между нами и балтийскими государствами. Другими словами, Антанта делалась верховным арбитром в наших отношениях с нашими соседями. Из-за этого мы вполне правильно отказались от англо-французской конференции. Тогда же Владимир Ильич с глубочайшим интересом отнесся к первым попыткам налаживания экономического сотрудничества с германским капиталом.

При начале переговоров с Польшей лично Владимиру Ильичу принадлежала замечательная мысль: предложить Польше больше территории, чем предлагали ей Клемансо и Керзон.

¹ Мирный договор РСФСР с Эстонией подписан 2 февраля 1920 года.
Ред.

И во время рижских переговоров Владимир Ильич по телефону обсуждал детали делавшихся предложений и в конце концов настаивал на подписании договора в его нынешнем виде.

Нечего говорить о том огромном интересе, с которым Владимир Ильич относился к каждому шагу нашей восточной политики. Я вспоминаю о его продолжительном свидании с первой афганской чрезвычайной миссией. Я вспоминаю дальше, как внимательно во время Московской конференции с Турцией Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал меня по телефону о том, что было сделано за день, и с каким живым интересом он относился к судьбе этих переговоров. Он настойчиво проводил и политику вступления в дружественные отношения с персидским правительством.

В 1921 году подписанию нами предварительного соглашения с Англией предшествовало у нас долгое обсуждение этого вопроса. Владимир Ильич категорически настоял на подписании. Однако в 1921 году его личное участие в делах внешней политики становится значительно меньшим. Оно окончательно вытесняется коллективным обсуждением, причем Владимир Ильич гораздо меньше прежнего входит в детали всех дел. Очень горячее участие он принимал, впрочем, в переговорах с «АРА»¹ и с Хансеном о помощи голодающим.

Хотя зимой 1921/22 года Владимир Ильич долгое время жил за городом, по вопросам, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок. Его инициативе принадлежала мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нам кредитов. Когда перед нашим отъездом в Геную мы обсуждали текст нашего выступления при открытии конференции и когда при этом предлагались обличительные фразы в духе наших прежних выступлений, Владимир Ильич написал приблизительно так: «Не надо страшных слов».

После моего возвращения осенью 1922 года из-за границы я пробыл в Москве шесть недель. Главным вопросом был турецкий, готовилась Лозаннская конференция. При живейшем участии Владимира Ильича была обсуждена и принята программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним крупным вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о проливах с Владимиром Ильичем было последним, которое я с ним имел. Это было также моим последним свиданием с ним.

Известия, 1924, 30 января, с. 2—3

---

¹ Американская администрация помощи (АРА) существовала в 1919—1923 годах. Возглавлял ее Г. Гувер. *Ред.*

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Владимир Александрович (1883—1938) — член Коммунистической партии с 1917 г., видный советский военный деятель. В Октябрьские дни 1917 г. — член Петроградского военно-революционного комитета. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совнаркома в качестве члена Комитета по военным и морским делам. В годы гражданской войны — командующий войсками, боровшимися против калединцев и Центральной рады, войсками Юга России, Украинским фронтом. В 1922—1924 гг. — начальник Политуправления Реввоенсовета республики, затем на советской военной и дипломатической работе. В 1923—1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции.

АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ Владимир Павлович (1884—1965) — член Коммунистической партии с 1902 г., участник революции 1905—1907 гг. В 1906—1907 гг. примыкал к меньшевикам, в 1908 г. вернулся в большевистскую партию. В 1917 г. — председатель Саратовского Совета, один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания в Саратове. В 1919 г. — член коллегии НКВД, уполномоченный Реввоенсовета на Южном фронте. В 1920 г. — председатель Донецкого ревкома и губкома РКП(б), нарком внутренних дел УССР, член Реввоенсовета IV армии, уполномоченный ЦК РКП(б)У, Совнаркома УССР и военного командования по борьбе с бандами Махно. В 1921—1923 гг. — ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. С 1924 г. — председатель уголовной коллегии Верховного Суда СССР. Делегат ряда партийных съездов и съездов Советов.

БАГОЦКИЙ Сергей Юстинович (1879—1953) — активный участник революционного движения, по профессии врач. В 1910 г. вступил в СДКП(л); после Октябрьской революции — один из организаторов советского здравоохранения. В 1918—1937 гг. — представитель советского Красного Креста при Международном Комитете Красного Креста в Женеве. С 1937 г. — консультант в Исполкоме Красного Креста в Москве. В 1950—1951 гг. — старший научный редактор Большой Советской Энциклопедии.

БАРАНОВ Даниил Андреевич (род. в 1885). В 1920 г. — заведующий санпропускником на Казанском вокзале в Москве.

БАРСУКОВ Михаил Иванович (1890—1974) — профессор, доктор медицинских наук, один из организаторов советского здравоохранения. Член Коммунистической партии с 1917 г. В дни Октябрьской революции руководил Медико-санитарным отделом Военно-революционного комитета Петроградского Совета, в 1918—1920 гг. — санитарной частью ряда фронтов. В период 1920—1930 гг. — нарком здравоохранения БССР, в 1930—1939 гг. — руководитель сектора здравоохранения Госплана СССР. В годы Великой Отечественной войны — начальник фронтовых эвакугоспиталей.

БЕДНЫЙ ДЕМЬЯН (Придворов Ефим Алексеевич) (1883—1945) — советский поэт, член Коммунистической партии с 1912 г. С 1911 г. сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». В период гражданской войны выступал на фронтах как агитатор.

БЕРЕЗОВСКИЙ Феоктист Алексеевич (1877—1952) — советский писатель, член Коммунистической партии с 1904 г. Активный участник революционного движения. В 1918 г. работал в большевистском подполье в Сибири; затем на советской работе.

БЛОХИН Александр Дмитриевич (род. в 1886 г.) — член Коммунистической партии с 1903 г., участник революции 1905—1907 гг. В период Февральской революции 1917 г. вел агитационную работу среди солдат, во время Октябрьской революции — член «десятки» при Московском революционном комитете, после революции — в Красной Армии, затем — на советской и партийной работе. С 1934 г. — начальник Центрального Дома авиации им. М. В. Фрунзе. В настоящее время — персональный пенсионер.

БОГДАНОВ Николай Петрович (род. в 1896 г.) — член Коммунистической партии с 1914 г. В Октябрьские дни 1917 г. — секретарь профсоюза строителей Петрограда, депутат Петроградского Совета и член Исполнительной комиссии Петроградского совета профсоюзов. Делегат VIII Всероссийского съезда Советов. С 1918 по 1928 г. — секретарь и председатель ЦК профсоюза строителей. В последние годы находился на хозяйственной работе. Ныне персональный пенсионер.

БОДЯКШИН Иван Харитонович (1889—1963) — член Коммунистической партии с 1917 г.; до призыва в царскую армию учительствовал. В 1917 г. — один из руководителей большевистской организации Ржева и военного гарнизона, член полкового комитета и городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Делегат II, III, V, VIII Всероссийских съездов Советов. Вел партийную и советскую работу в Твери, Иванове, Мордовской АССР, на Украине. Последние годы работал в Наркомпросе, затем преподавал в московских вузах.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873—1955) — член Коммунистической партии с 1895 г. Участвовал в деятельности группы «Освобождение труда», сотрудничал в «Искре», принимал активное участие в организации большевистских газет, журналов и партийных издательств. После Октябрьской революции — управделами Совнаркома (до 10 ноября 1920 г.), главный редактор издательства «Жизнь и знание».

С 1930 г. возглавлял организованный им Литературный музей в Москве, с 1946 г.— директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Михаил Дмитриевич (1870—1956) — один из первых крупных военных специалистов, ставших на сторону Советской власти. Был начальником штаба Верховного главнокомандующего, военным руководителем Высшего военного совета, начальником Полевого штаба Реввоенсовета республики. С 1919 по 1923 г.— начальник Высшего геодезического управления ВСНХ. Ряд лет находился в распоряжении Реввоенсовета республики.

БОЧАРОВ Петр Иванович (1885—1958) — участник революционного движения с 1900-х гг., член Коммунистической партии с января 1917 г. В 1918 г.— помощник чрезвычайного комиссара в шемахинском партизанском отряде; в 1919 г.— один из организаторов доставки горючего из Баку в Астрахань. В Азербайджане работал инспектором ЦК КП Азербайджана, членом коллегии бакинской РКК, заведующим инструкторско-информационным отделом НКВД. В годы Великой Отечественной войны — заместитель командира дивизии по политчасти.

БОШ Евгения Богдановна (1879—1925) — член Коммунистической партии с 1901 г. В годы первой мировой войны разделяла антиленинские взгляды Бухарина и Пятакова по национальному и другим вопросам. После Февральской революции 1917 г.— председатель Киевского областного комитета партии, член Киевского ВРК. После Октябрьской революции входила в первое Советское правительство Украины. Выступала против заключения Брестского мира. В 1918—1922 гг.— на партийной, военной и советской работе.

БРИЧКИНА Софья Борисовна (1883—1967) — член Коммунистической партии с 1903 г. Во время Февральской революции — секретарь Московского Совета. В Октябрьские дни 1917 г.— секретарь московского ВРК. С мая 1919 г. работала заведующей канцелярией, затем секретарем СНК, секретарем-протоколистом Политбюро ЦК и пленумов ЦК; одновременно была зам. управделами ЦК партии. С 1921 по 1935 г.— на работе в Коминтерне, затем зам. заведующего секретариатом ВЦИК. С 1948 по 1949 г.— научный сотрудник ИМЭЛ при ЦК ВКП(б).

ВАЙМАН Иван Андреевич (1893—1962) — член Коммунистической партии с 1917 г. Заместитель народного комиссара художественно-исторических имуществ и комиссар управления народными дворцами.

ВАЦЕТИС (ВАЦИЕТИС) Иоаким Иоакимович (1873—1938) — видный советский военный деятель, в прошлом офицер царской армии. После Октябрьской социалистической революции находился на службе в Вооруженных Силах Советской республики; был командиром стрелкового корпуса, зам. главноверха. Участвовал в подавлении левозащитного мятежа в Москве, командуя Латышской стрелковой дивизией. Позднее — командующий Восточным фронтом. В сентябре 1918 — июле 1919 г. был главнокомандующим Вооруженными Силами РСФСР. С 1922 г.— старший преподаватель в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

ВИНОГРАДОВ Александр Александрович (1883—1973) — участник петроградских событий 9 Января 1905 г., работал слесарем на одном из петроградских заводов Выборгской стороны. Осенью 1905 г. поступил в Учительский институт, после окончания которого работал учителем. Принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти в Весьегонском уезде Тверской губернии. В первые годы Советской власти работал в Весьегонском городском училище, одновременно вел большую культурно-просветительную работу в окрестных деревнях. Впоследствии преподавал в Горской средней школе.

ВИНОГРАДОВ Николай Дмитриевич (род. в 1885 г.) — архитектор. С мая 1918 г. — помощник народного комиссара имуществ республики. Был ответственным за проведение в жизнь декрета «О памятниках республики», принятый Совнаркомом 12 апреля 1918 г. С августа этого же года работал в Московском совете по охране памятников искусства и старины. Работал в Музее русской архитектуры в Москве. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Ныне персональный пенсионер.

ВИНОКУРОВ Александр Николаевич (1869—1944) — член Коммунистической партии с 1893 г., по профессии врач. Один из руководителей страхового рабочего движения. После Октябрьской революции — первый председатель Петроградской городской думы, председатель совета врачебных коллегий, член коллегии Наркомтруда, затем нарком социального обеспечения. С 1921 г. — член президиума ЦК помощи голодающим, с 1924 г. — председатель Верховного Суда СССР; в последние годы жизни работал в Наркомздраве СССР. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

ВИНТЕР Александр Васильевич (1878—1958) — советский инженер, ученый, специалист по строительству и эксплуатации электростанций. После Октябрьской революции — начальник строительства районной электростанции на Шатурских торфяных массивах. С 1927 по 1932 г. — начальник Днепростроя. В 1932 г. избран действительным членом АН СССР.

ВОРОВСКИЙ Вацлав Вацлавович (1871—1923) — член Коммунистической партии с 1894 г., видный деятель партии, выдающийся советский дипломат, публицист и литературный критик. Революционную деятельность начал с 1890 г. После Октябрьской революции — полпред Советской республики в Скандинавских странах (1917—1919), в Италии (1921—1923). Участвовал в Генуэзской и Лозаннской конференциях. Убит в Лозанне 10 мая 1923 г. белогвардейцем.

ГАНЕЦКИЙ (ФЮРСТЕНБЕРГ) Яков Стаиславович (1879—1937) — член Коммунистической партии с 1896 г.; деятель польского и русского революционного движения. Входил в Главное правление СДКПШЛ, на V съезде РСДРП был избран членом ЦК партии. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомфина, работал в Центросоюзе, член коллегии Наркомвнешторга, комиссар и управляющий Народным банком.

ГЕРР Евгения Моисеевна (1901—1969) — член Коммунистической партии с 1918 г. Участница Октябрьской революции и гражданской войны. Активно участвовала в коммунистическом движении молодежи, была членом ЦК РКСМ первого созыва. После гражданской войны — на пар-

тийно-журналистской работе. В 1932—1937 гг. училась в Институте красной профессуры. С 1941 по 1957 г. работала в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

ГОПНЕР Серафима Ильинична (1880—1966) — член Коммунистической партии с 1903 г., Герой Социалистического Труда, доктор исторических наук, участница трех революций. В годы подполья вела революционную работу на Украине. В 1910 г. эмигрировала в Париж. В 1916 г. вернулась в Россию. После Февральской революции работала на Украине. Делегат VII Всероссийской (Апрельской) конференции и ряда партийных съездов КП(б) Украины. В 1918—1928 гг. — член ВЦИК. В 1928—1938 гг. — член ЦК КП(б)У и кандидат в члены Исполкома Коминтерна. Работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Делегат XXII съезда КПСС.

ГОРБУНОВ Николай Петрович (1892—1938) — член Коммунистической партии с 1917 г. После Октябрьской революции — секретарь Совпаркома и личный секретарь В. И. Ленина; с 1918 г. — заведующий научно-техническим отделом ВСНХ РСФСР. В 1919—1920 гг. — на политработе в Красной Армии, член Реввоенсовета XIII и XIV армий; затем — управделами СНК РСФСР, управделами СНК и СТО СССР. Позднее — член Госплана СССР, зам. директора Химического института им. Л. Я. Карпова; с 1928 по 1932 г. — председатель научной комиссии Комитета по химизации, с 1932 по 1935 г. возглавлял Таджикско-Памирскую экспедицию при СНК СССР. С 1935 г. — действительный член и непреременный секретарь АН СССР.

ГОРОХОВ Иван Артемьевич (1885—1953) — рабочий Главных вагонных мастерских Московско-Курской дороги (ныне вагоноремонтный завод им. В. Е. Войтовича).

ГРАЗКИН Дмитрий Иванович (1891—1972) — член Коммунистической партии с 1909 г. В 1916—1917 гг. вел работу среди солдат. После Февральской революции участвовал в образовании ревкома XII армии, был членом бюро Военной организации большевиков, редактором «Окопной правды». Участник I, II и III съездов Советов крестьянских депутатов. Член ВЦИК шести созывов. В 1918 г. работал в ВЧК, в 1919—1920 гг. — на ответственных постах в Красной Армии, в 1922—1925 гг. — в аппарате ЦК РКП(б). В последующие годы — на руководящей советской, хозяйственной и партийной работе.

ГРАФТИО Генрих Осипович (1869—1949) — советский ученый энергетик, инженер, один из пионеров отечественного гидроэнергостроительства, академик. В 1918—1920 гг. — помощник главного инженера, а в 1921—1927 гг. — главный инженер строительства Волховской гидростанции. Участвовал в работах Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Впоследствии руководил строительством ряда крупных гидроэлектростанций.

ГУБКИН Иван Михайлович (1871—1939) — выдающийся советский геолог, общественный и государственный деятель, академик, член Коммунистической партии с 1921 г. С 1918 г. на руководящих постах в центральных учреждениях, ведавших нефтяной промышленностью и геоло-

гической службой Советской России. В 1919—1924 гг. — председатель Главного сланцевого комитета, затем директор Правления сланцевой промышленности, председатель Особой комиссии по изучению Курской магнитной аномалии.

ДАНИШЕВСКИЙ Карл Христианович (Герман) (1884—1941) — член Коммунистической партии с 1900 г., видный деятель революционного движения в Латвии. После Октябрьской революции — член Реввоенсовета республики и Реввоенсовета Восточного фронта, председатель Реввоентрибунала республики. С 1921 г. был начальником Главного лесного комитета и на другой административно-хозяйственной работе.

ЕФРЕМОВ Михаил Петрович (1896—1975) — член Коммунистической партии с 1914 г. С 1912 г. участвовал в революционном движении, сотрудничал в «Правде». В 1916 г. — секретарь-организатор Московско-Заставского района и член Петербургского комитета. С августа 1917 г. — член президиума солдатской секции Петроградского Совета и ее секретарь. В Октябрьские дни 1917 г. — член Петроградского ВРК. Участник гражданской войны. Позднее работал зам. председателя правления Совкино, председателем культурно-промышленного объединения ВСНХ, в Министерстве электропромышленности РСФСР.

ЖИВОТОВ Матвей Назарович (1884—1964) — член Коммунистической партии с 1904 г. Участник революции 1905—1907 гг. В 1908—1911 гг. вел революционную пропаганду среди солдат. После Октябрьской революции был председателем совета фабзавкомов Петрограда. Участник гражданской войны. После окончания войны — на хозяйственной работе.

ЖИГА (СМИРНОВ) Иван Федорович (1895—1949) — советский писатель, очеркист. Член Коммунистической партии с 1917 г. Участвовал в большевистском подполье, в Октябрьской революции и гражданской войне. Был делегатом II Всероссийского съезда Советов в 1917 г. В 1918—1922 гг. работал в ЧК. В 1922—1925 гг. сотрудничал в «Правде», был редактором уездных газет. Во время Великой Отечественной войны работал во фронтовой печати.

ЖОЛТОВСКИЙ Иван Владиславович (1867—1959) — советский архитектор, заслуженный деятель науки и искусства РСФСР, почетный член АН БССР, действительный член Академии строительства и архитектуры СССР, академик. После Октябрьской революции работал в советских органах, ведавших вопросами архитектуры. В 1918—1923 гг. участвовал в составлении первого плана реконструкции Москвы. В 1923 г. руководил архитектурным проектированием Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве, автор генерального плана выставки и ряда павильонов. По его проектам построены павильоны СССР на международной выставке в Милане (1925—1926 гг.), ряд крупных сооружений в Москве и других городах Советского Союза.

ЗАЛЕПИН Иван Григорьевич (род. в 1888 г.) — член Коммунистической партии с 1917 г., кондуктор поездов. После Февральской революции — красногвардеец. Сопровождал первый поезд с сибирским хлебом в подарок петроградским рабочим. Ныне персональный пенсионер.

ЗАМОЙСКИЙ (ЗЕВАЛКИН) Петр Иванович (1896—1958) — советский писатель, член Коммунистической партии с 1918 г. Делегат VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов.

ЗАСЛАВСКИЙ Петр Савельевич (1890—1967) — член Коммунистической партии с 1905 г. Участник первой русской революции. В Февральские дни 1917 г. — один из организаторов Совета рабочих и солдатских депутатов в Одессе. До февраля 1918 г. — секретарь Одесского комитета РСДРП(б), затем секретарь Петроградского комитета партии. Позже — на ответственной партийной работе в ряде городов. В 1929—1930 гг. работал в посольстве и торгпредстве СССР в Германии. С 1931—1938 гг. — на профсоюзной работе. В 1938—1940 гг. — заместитель главного редактора Большой Советской Энциклопедии. С 1940 по 1956 г. — на работе в Государственном арбитраже при Совете Министров СССР.

ИБРАГИМОВ Шай Мардан Пуриманович (1899—1957) — член Коммунистической партии с 1915 г. В 1917—1918 гг. — секретарь Благоуше-Лефортовского райкома партии Москвы. В 1919—1920 гг. — секретарь Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). В 1918—1928 гг. — член Моссовета и член исполкома Моссовета.

ИВАНОВ Александр Васильевич (род. в 1893 г.). С декабря 1917 г. — делопроизводитель в Наркомпроде, затем в Казанском губпродкоме. До 1930 г. на военной и советской работе в Казани, Уфе и Тюмени. С 1933 г. — инженер-строитель.

ИВАНОВ Андрей Васильевич (1888—1963) — рабочий Путиловского завода (ныне завод им. С. М. Кирова) в Петрограде с 1907 г. В апреле 1918 г. избран председателем общезаводской комиссии по закупке продуктов для рабочих, в начале мая был в Москве на приеме у В. И. Ленина. С 1924 г. — на строительстве электростанций, работал инженером.

КАКТЫНЬ Артур Мартынович (1893—1937) — член Коммунистической партии с 1916 г. После Октябрьской революции на руководящей хозяйственной, военной и партийной работе. В 1920—1922 гг. — член президиума и зам. председателя Совнархоза Украины. С 1922 г. — зам. ответственного редактора газеты «Экономическая жизнь». С 1926 по 1929 г. — зам. управделами СНК СССР и СТО. В 1931—1934 гг. — член коллегии НК РКП СССР, руководитель хлониопрригационной группы. С 1934 г. — зам. председателя СНК Таджикской ССР.

КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881—1936) — офицер царской армии (полковник), после Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. С весны 1918 г. — военный руководитель Невельского района Западного участка завесы, с сентября 1918 г. — командующий Восточным фронтом. С июля 1919 по апрель 1924 г. — главнокомандующий Вооруженными Силами республики. В 1925—1926 гг. — начальник штаба, главный инспектор Красной Армии, член Реввоенсовета СССР. С 1927 г. — зам. наркома по военным и морским делам. В 1930 г. вступил в Коммунистическую партию.

КЕДРОВ Михаил Сергеевич (1878—1941) — партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1901 г. С мая 1917 г. —

член Военной организации при ЦК РСДРП(б) и Всероссийского бюро большевистских организаций, один из редакторов «Солдатской правды». После Октябрьской революции — на ответственных военных постах, на руководящей работе в ВСНХ, Наркомздраве и других учреждениях.

КОКОВИХИН Михаил Николаевич (1883—1965) — член Коммунистической партии с 1903 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. Во время первой мировой войны вел на фронте антивоенную агитацию. В 1917 г. избран в корпусной Совет солдатских депутатов, был зам. председателя ревкома Юго-Западного фронта, членом исполкома Особой армии. В 1918—1922 гг. — на ответственной партийной и советской работе на Урале, участвовал в организации борьбы с интервентами и белогвардейцами. В 1923—1934 гг. — член ЦКК и член президиума ЦКК ВКП(б). С 1934 по 1937 г. — зам. наркома социального обеспечения РСФСР. Был членом ЦИК и ВЦИК СССР.

КОКШАРОВА Елизавета Константиновна (1892—1973) — член Коммунистической партии с марта 1917 г. Принимала участие в Октябрьской революции. С декабря 1917 по август 1918 г. работала в аппарате СНК вторым секретарем. С сентября 1918 по 1922 г. была на партийной работе в Тамбовской губернии. С 1923 по 1930 г. — референт Малого Совнаркома РСФСР. В дальнейшем работала в центральных советских учреждениях.

КОЛЕСНИКОВА Надежда Николаевна (1882—1964) — член Коммунистической партии с 1904 г. Участвовала в Московском декабрьском вооруженном восстании 1905 г. С 1907 по 1916 г. вела партийную работу в Баку, была членом Бакинского комитета. После Февральской революции — секретарь Московской окружной организации РСДРП(б). В 1918 г. — нарком просвещения Бакинской коммуны, затем в Астрахани — председатель губкома партии. С 1919 г. в Москве работала в Главполитпросвете, ректором Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) и в Центральном музее В. И. Ленина.

КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872—1952) — в социал-демократическом движении принимала участие с 90-х гг.; профессиональный революционер. В 1906—1915 гг. примыкала к меньшевикам; член Коммунистической партии с 1915 г.

После Октябрьской социалистической революции — народный комиссар государственного призрения, в 1920 г. заведовала женотделом ЦК РКП(б). Во время дискуссии о профсоюзах (1920—1921) — активный участник антипартийной группы «рабочей оппозиции». В 1921—1922 гг. — секретарь Международного женского секретариата при Коминтерне. С 1923 г. — на ответственной дипломатической работе.

КОНЕНКОВ Сергей Тимофеевич (1874—1971) — советский скульптор, действительный член Академии художеств, народный художник СССР, лауреат Государственной и Ленинской премий. Активный участник революционных событий 1905 г. в Москве. После победы Великой Октябрьской социалистической революции — председатель профсоюза московских скульпторов, член коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. В годы Советской власти Коненков участвует в осуществлении плана монументальной пропаганды. Им созданы: мемориальная доска

«Павшим в борьбе за мир и братство народов» (1918), группа «Степан Разин со своей ватагой» (1919). В 1964 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

КРАСНОПЕРОВ Василий Павлович (род. в 1886 г.) — беспартийный. До Октябрьской революции крестьянствовал, служил в армии. В 1918 г. — красногвардеец. В 1918—1919 гг. — член Арзамасцевского волсполкома и зав. земотделом волсполкома (Удмуртия, Сарапульский уезд). В 1919—1921 гг. служил в Красной Армии, в 1921—1928 гг. занимался сельским хозяйством. В 1928—1934 гг. — рабочий Ижевского машиностроительного завода. В 1934—1944 гг. — колхозник. С 1944 по 1956 г. на различной работе в Ижевске. Ныне персональный пенсионер.

ЛЕНГНИК Фридрих Вильгельмович (1873—1936) — член Коммунистической партии с 1896 г. Принимал участие в организации газеты «Искра». II съездом РСДРП был заочно избран в члены ЦК и в Совет партии. Вел революционную работу в ряде городов России и в эмиграции. После Октябрьской революции — на ответственных постах в ВСНХ, Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции в Наркомвнешторге. Принимал участие в разработке плана ГОЭЛРО. На XII, XIII, XIV и XV партийных съездах избирался членом ЦКК ВКП(б).

ЛЕПЕШИНСКИЙ Пантелеймон Николаевич (1868—1944) — член Коммунистической партии с 1898 г. Принимал деятельное участие в организации газеты «Искра» и ее распространении. В 1902 г. входил в Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП, участвовал в подготовке II съезда партии. Активный участник трех революций. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпроса РСФСР, заместитель наркома просвещения Туркестана, один из организаторов Истпарта и Международной организации помощи борцам революции (МОПР), затем директор Исторического музея и Музея революции.

ЛИХАЧЕВА Раиса Савельевна (1890—1964) — член Коммунистической партии с 1917 г. С 1912 по 1917 г. находилась в эмиграции в Америке. По возвращении из эмиграции работала в Московском комитете РСДРП(б). Участник Октябрьской революции. После победы Октября была на партийной работе (МКК, РКП и др.). С 1946 по 1959 г. работала в Музее революции СССР.

ЛОМОВ А. (Ошпоков Георгий Инполитович) (1888—1938) — член Коммунистической партии с 1903 г. После Февральской революции 1917 г. — член Московского областного бюро и МК РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 г. — член Московского ВРК, товарищ председателя Московского Совета рабочих депутатов. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав СНК как нарком юстиции. В 1918 г. — «левый коммунист». Работал членом президиума и зам. председателя ВСНХ, зам. председателя Госплана СССР. На XV и XVI съездах партии избирался членом ЦК ВКП(б). Был членом ЦИК СССР.

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875—1933) — видный советский государственный и общественный деятель. В революционное движение вступил в начале 90-х гг. После II съезда РСДРП — большевик. Входил в состав редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий»,

а затем «Новая жизнь». В годы реакции отходил от марксизма, участвовал в антипартийной группе «Вперед», выступал с требованием соединения марксизма с религией. Во время мировой империалистической войны стоял на позициях интернационализма. По возвращении в Россию в 1917 г. Луначарский вступил в группу межрайонцев, в составе которой на VI съезде РСДРП(б) был принят в Коммунистическую партию. После Октябрьской социалистической революции до 1929 г.— нарком просвещения, затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. С 1930 г.— академик. В августе 1933 г. был назначен полномочным представителем СССР в Испании. Публицист, драматург, автор ряда работ по вопросам искусства и литературы.

МАЛЬКОВ Павел Дмитриевич (1887—1965) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1917 г. входил в состав Гельсингфорского партийного комитета и Центробалта. Активный участник Октябрьской революции. С 29 октября 1917 г.— комендант Смольного, затем комендант Кремля. В дальнейшем — на руководящей советской работе. Был членом ВЦИК.

МАРКОВ Александр Петрович (род. в 1892 г.) — член Коммунистической партии с 1920 г. С 1914 г.— путевого рабочий на железной дороге. В годы Советской власти — на политической и хозяйственной работе.

МУРАНОВ Сергей Владимирович (род. в 1885 г.) — железнодорожник, слесарь Челябинского паровозного депо.

НАРИМАНОВ Нариман Кербалай Наджаф-оглы (1871—1925) — член Коммунистической партии с 1905 г., деятель Советского государства, один из крупных представителей азербайджанской литературы. Участник борьбы за установление Советской власти в Закавказье. Входил в состав бакинского Совета Народных Комиссаров. В 1919 г. работал в Наркоминделе заведующим Ближне-Восточным отделом и заместителем наркома по делам национальностей, в 1920 г.— председатель Революционного комитета Азербайджана, позднее — председатель Совнаркома Азербайджанской ССР. В 1922 г.— один из председателей Закавказского союзного Совета. После создания СССР — один из председателей союзного ЦИК. На XII съезде партии избран кандидатом в члены ЦК РКП(б).

ОБУХ Андрей Владимирович (1895—1972) — член Коммунистической партии с 1917 г. После Февральской революции вел работу в группе молодежи при Московском комитете РСДРП(б). В последующие годы работал в органах народного образования и народного хозяйства.

ОСЬКИН Дмитрий Прокопьевич (1892—1934) — член Коммунистической партии с 1918 г. В годы гражданской войны был военным комиссаром Тульской губернии, командовал войсками Приволжского и Заволжского военных округов, был главным начальником снабжения РККА. После демобилизации — на хозяйственной работе.

ПАНОУШКИН Василий Лукич (1888—1960) — член Коммунистической партии с 1907 г. Партийную работу вел в Петербурге и на Балтийском флоте. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1919—

1920 г. работал в аппарате ЦК РКП(б). В 1921 г., не поняв сущности нэпа, вышел из партии и пытался образовать так называемую «рабоче-крестьянскую социалистическую партию». После личной беседы с ним В. И. Ленина вернулся в РКП(б). Находился на хозяйственной работе в Донбассе, ВСНХ, затем в торгпредстве СССР в Германии.

ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич (1880—1948) — член Коммунистической партии с 1901 г. Один из организаторов Красной Армии. Активный участник первой русской революции. В период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания — председатель Военно-революционного комитета в Петрограде. После Октябрьской революции принимал участие в создании Народного комиссариата по военным делам, возглавлял Всевобуч, был председателем Всероссийской комиссии по формированию частей Красной Армии. В период гражданской войны и иностранной военной интервенции — на ответственной военной работе. На XIII, XIV и XV съездах партии избирался членом ЦКК ВКП(б). Последние годы жизни вел пропагандистскую и литературную работу.

ПОПОВ Павел Ильич (1872—1950) — один из организаторов советской статистики. К революционному движению примкнул в 1895 г., член Коммунистической партии с 1925 г. После Октябрьской революции — управляющий ЦСУ, член президиума Госплана СССР и РСФСР, член научно-методического совета при ЦСУ СССР.

ПОТАПОВ Николай Михайлович (1871—1946) — видный военный деятель. Генерал-лейтенант царской армии; с первых дней Октябрьской революции перешел на сторону восставшего народа. С ноября 1917 г. — начальник Генштаба. В годы гражданской войны возглавлял Военно-законодательный совет при Реввоенсовете республики. В 1920—1921 гг. участвовал в разработке милиционной системы. В 1924 г. был на военно-дипломатической работе, занимался военно-литературной и педагогической деятельностью, руководил Всевобучем.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Николай Федорович (1886—1952) — член Коммунистической партии с 1904 г., активный участник революции 1905—1907 гг. в Москве. После Октябрьской революции — депутат Моссовета. В 1918 г. — председатель Кинокомитета Наркомпроса. В годы гражданской войны на руководящих постах в Красной Армии. С 1920 г. — на партийной работе в Сибири, а с 1924 г. — в Госплане, в ВСНХ и на культурно-просветительной работе.

РАДУС-ЗЕНЬКОВИЧ Виктор Алексеевич (1877—1967) — член Коммунистической партии с 1898 г. Активный участник Октябрьской революции. В 1918—1921 гг. — зав. отделом социального страхования и охраны труда, затем зам. наркома труда РСФСР, председатель Саратовского губисполкома, председатель ревкома в Киргизии. С 1925 по 1927 г. — председатель ЦКК и нарком РКИ Белоруссии. Был членом ЦКК ВКП(б) и ВЦИК. С 1940 по 1956 г. — научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС.

РОЗАНОВ Владимир Николаевич (1872—1934) — видный хирург-клиницист. С 1910 г. заведовал хирургическим отделением Солдатёвской (теперь им. С. П. Боткина) больницы. Принимал участие в лечении

В. И. Лешина. С 1931 г. — профессор Центрального института усовершенствования врачей. Основатель и редактор ряда хирургических журналов.

САНАЕВ Михаил Иванович (1894—1938) — член Коммунистической партии с 1918 г. С мая 1918 по март 1919 г. — председатель Сергачского уездного комитета РКП(б) Нижегородской губернии и член исполкома уездного Совета. Затем начальник политотдела войск ВОХР Украины. В последующие годы — на партийной и советской работе в Крыму и Саратовской области.

СЕМАШКО Николай Александрович (1874—1949) — член Коммунистической партии с 1893 г., видный деятель Советского государства. Один из организаторов советского здравоохранения. В 1905 г. принимал участие в вооруженном восстании в Нижнем Новгороде. После девятимесячного заключения эмигрировал за границу. Вернулся в Россию в 1917 г. Принимал активное участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания. В 1918—1930 гг. — нарком здравоохранения РСФСР. В 1931 г. перешел на работу во ВЦИК. Был членом Президиума ВЦИК. Действительный член Академии медицинских наук СССР, с 1945 г. — Академии педагогических наук РСФСР. Автор многих трудов в области социальной гигиены и организации здравоохранения.

СКРЫПНИК Мария Николаевна (1883—1968) — член Коммунистической партии с 1905 г. Работала в красноярской и петербургской организациях большевистской партии. В 1913 г. — в редакции журнала «Вопросы страхования». С декабря 1917 по февраль 1918 г. — один из секретарей Совнаркома. Участница гражданской войны. В 1919—1920 гг. — член коллегии Наркомаема, затем член коллегии Наркомсобеса УССР. Позднее — на преподавательской и пропагандистской работе.

СОЛОНКО Павел Николаевич (1882—1976) — юрист. Делегат II Всероссийского съезда Советов. В 1917—1918 гг. — председатель Режицкого Совета, комиссар Советского правительства в Витебской губернии, чрезвычайный комиссар в Симбирской губернии, в 1919 — начале 1920 г. — уполномоченный 14-й армии по железнодорожному транспорту.

СТАЛЬ Людмила Николаевна (1872—1939) — член Коммунистической партии с 1897 г. В 1905 г. — член Московского комитета РСДРП, в 1906 г. — член Петербургского комитета, работала в Петербургской военной организации большевиков. В 1907—1917 гг. жила в эмиграции. После Февральской революции 1917 г. — агитатор и организатор ПК. Активная участница Октябрьской революции. В годы гражданской войны — на военно-политической работе. С 1921 г. — на ответственной партийной и советской работе.

ТЕР-АРУТЮНЯНЦ Михаил Карпович (1894—1961) — член Коммунистической партии с 1917 г. Был членом комитета военных организаций при Петроградском комитете. В Октябрьские дни — комиссар арсенала Петропавловской крепости. В годы гражданской войны — на руководящей военной работе. С 1924 г. находился на советской и педагогической работе.

ТЕРЕХОВ Семен Алексеевич (1892—1965) — член Коммунистической партии с 1917 г.; рабочий, кузнец вагонных мастерских Московского участка тяги Московско-Курской дороги. Делегат VI съезда партии, участник Октябрьской революции. Делегат Чрезвычайного Всероссийского съезда железнодорожных рабочих и мастеровых (декабрь 1917 г.) и Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда (январь 1918 г.). Участник гражданской войны. Был на партийной, а затем на хозяйственной работе.

ТОДОРСКИЙ Александр Иванович (1894—1965) — член Коммунистической партии с 1918 г. После Февральской революции — председатель полкового комитета. После демобилизации старой армии был членом Весьегонского уполномоченного Тверской губернии, редактором газеты «Известия Весьегонского Совета депутатов» и «Красного Весьегонска». С 1919 г. — в Красной Армии. В годы гражданской войны был на Южном, Кавказском и Туркестанском фронтах командиром бригады, дивизии. Впоследствии занимал высшие командные должности в военных учреждениях. В 1955 г. уволен в запас в звании генерал-лейтенанта.

ТРАВИН Петр Иванович (Слетов) (1885—1970) — член Коммунистической партии с 1919 г. Принимал участие в революции 1905—1907 гг., работал в военной организации в Риге, где вступил в Латышскую социал-демократическую партию. В 1906 г. эмигрировал за границу; участвовал в рабочем движении Америки. В августе 1918 г. выехал в Россию. В конце 1918 г. доставил в Америку письмо В. И. Ленина к американским рабочим. После возвращения из США в Советский Союз находился на руководящей инженерно-технической работе.

ФРОЛОВ Борис Андреевич (род. в 1900 г.) — член Коммунистической партии с 1918 г. Был секретарем Замоскворецкого РК РКСМ. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. В Вооруженных Силах СССР прослужил непрерывно с мая 1919 по август 1957 г. В настоящее время — генерал-майор артиллерии в отставке, член Всесоюзного общества «Знание».

ХОДОРОВСКИЙ Иосиф Исаевич (1885—1940) — член Коммунистической партии с 1903 г. Участник революции 1905—1907 гг. и вооруженного восстания в Москве в 1917 г. После Октябрьской революции — на партийной, военной и советской работе; член коллегии Наркомата труда, начальник политотдела и член Реввоенсовета Южного фронта. В 1919—1920 гг. — председатель Казанского, затем Тульского губисполкомов, секретарь Сиббюро ЦК РКП(б); в 1922—1928 гг. — зам. наркома просвещения; в 1928—1932 гг. — торговца в Италии, затем в Турции; в 1932—1934 гг. — зам. председателя комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР. В 1934—1938 гг. — начальник лечебно-санитарного управления при СНК СССР.

ЦЮРУПА Александр Дмитриевич (1870—1928) — видный деятель большевистской партии и Советского государства. Член Коммунистической партии с 1898 г. С ноября 1917 г. — заместитель наркома продовольствия; с начала 1918 г. — нарком продовольствия. С конца 1921 г. — заместитель Председателя Совнаркома и СТО. В 1922—1923 гг. — нарком РКИ, в 1923—1925 гг. — председатель Госплана СССР, в 1925 г. — нарком внут-

ренней и внешней торговли. На XII—XV съездах партии избирался членом ЦК, был членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.

ЧИЧЕРИН Георгий Васильевич (1872—1936) — советский государственный деятель, выдающийся дипломат. Участник революционного движения с 1904 г. С 1905 по 1917 г. был в эмиграции. Член Коммунистической партии с 1905 г. В период реакции — сторонник меньшевизма, в годы первой мировой войны — интернационалист, в конце 1917 г. перешел на позиции большевизма. С 1918 по 1930 г. — народный комиссар иностранных дел; глава советских делегаций на международных конференциях в Генуе и Лозанне. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIV и XV съездах ВКП(б) избирался членом ЦК партии.

ЧУБАРЬ Влас Яковлевич (1891—1941) — член Коммунистической партии с 1907 г. Революционную работу вел на Украине и в Петрограде. После Февральской революции 1917 г. — член Петроградского совета фабзавкомов. Во время Октябрьской революции — комиссар Главного артиллерийского управления, а затем член Совета рабочего контроля. С 1918 г. — на руководящих постах в центральных государственных учреждениях. С июня 1923 г. — председатель СНК УССР; с 1934 по 1938 г. — зам. Председателя СНК и СТО СССР, затем нарком финансов СССР. С 1921 по 1934 г. — член Политбюро ЦК КП(б)У; с 1928 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и с 1935 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б).

ШЛИХТЕР Александр Григорьевич (1868—1940) — партийный и советский государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1891 г. Активный участник первой русской революции. В Октябрьские дни 1917 г. — комиссар продовольствия Москвы и Московской губернии и член ВРК. После Октябрьской революции — нарком земледелия, нарком продовольствия РСФСР, чрезвычайный комиссар продовольствия в Сибири, в 1919 г. — нарком продовольствия Украины, в 1920 г. — председатель Тамбовского губисполкома, член коллегии Наркомвнешторга, в 1921—1922 гг. — полпред в Австрии, в 1923 г. — член коллегии Наркомата иностранных дел, в 1923—1927 гг. — уполномоченный НКВД на Украине, в 1927—1930 гг. — нарком земледелия УССР, в последующие годы — на научной и партийной работе. С 1923 г. был членом ЦК и Оргбюро ЦК КП(б)У, в 1926—1937 гг. — кандидатом в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Избирался членом ВУЦИК и ЦИК СССР, академик.

ШУЛЬГИН Виктор Николаевич (1894—1965) — член Коммунистической партии с 1917 г. С 1918 по 1921 г. — ответственный работник Народного комиссариата просвещения. Впоследствии на педагогической и научной работе.

А

Аванесов В. А. 9, 138, 164, 181, 243, 245, 329, 402
 Авксентьев Н. Д. 82, 83, 84
 Агранов Я. С. 50
 Александр II 400
 Александр Дмитриевич *см.* Цюрупа А. Д.
 Александр Иосифович *см.* Кауль А. И.
 Александрович 437
 Александровы 254
 Алексеев 375
 Алексеев М. В. 479
 Алексей Максимович *см.* Горький Максим
 Алешин С. С. 227
 Амосов П. Н. 76, 78, 115
 Анатолий Васильевич *см.* Луначарский А. В.
 Андреев 182
 Андреев Н. А. 227
 Антипов Н. К. 89, 117
 Антонов-Овсенко В. А. (Антонов, Овсенко) 14, 15, 23, 24
 Аралов С. И. 448, 466
 Аргир Константин 254
 Арманд И. Ф. 81
 Артамонов М. Д. 374, 375
 Арцыбашев Д. Д. 433
 Ахмет Иванович 233

Б

Бабеф Грахх 227
 Бабячев 227, 228
 Багоцкий С. Ю. 274

Байрон Джордж Нозл Гордон 227
 Бакунин М. А. 227
 Балонов М. М. 108
 Балтрукевич А. М. 55
 Барапов Д. А. 415
 Барсов Е. В. 193
 Барсуков М. И. 103, 108, 113
 Басенко 227
 Бахтин 186
 Бебель Август 227
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) 243
 Бедняков И. И. 229
 Безыменский А. И. (Саша Безыменский) 337
 Бекаури В. И. 38
 Беленькая Б. Я. 54
 Беленький А. Я. 317, 318, 320
 Березкин 255
 Беренс Н. 295
 Берзин Р. И. 24, 25, 26, 439
 Бетховен Людвиг ван 227
 Бёрбанк Лутер 433
 Бисеров 202
 Благопиров Г. И. 30
 Бланки Луи Огюст 227
 Близниченко 227
 Блок Александр А. 172, 228, 229
 Блохин К. Н. 443
 Блюмкин Я. Г. 182, 437
 Бобровская (Зеликсон) Ц. С. 398
 Богословский 227
 Бодильцов 227
 Болотников И. И. 227
 Бонч-Бруевич В. Д. (Владимир, Владимир Дмитриевич, Бонч) 30, 32, 44, 45, 52, 54, 55, 58, 60, 72, 75, 96, 132, 173, 174, 175, 243, 244, 414, 416, 421

Бонч-Бруевич (Величкина) В. М.
111, 272, 277, 278—279, 308
Бонч-Бруевич М. Д. (Михаил
Дмитриевич) 31, 134
Борода Митрич 233
Бородин Кирилл 288
Борхард Юлиан 315, 316, 317, 318
Бочков А. И. 381, 382
Бош Е. Б. (Евгения Богдановна)
299
Брейер 227
Бричкина С. Б. 138, 404
Бромирский 227
Бронский М. Г. 480
Брут Марк Юний 227
Буденный С. М. (Семен Михайло-
вич) 245, 246, 472, 474
Булак-Балахович С. Н. 475
Буллит Уильям Кристиан 482
Бухарин Н. И. 50
Бушуев П. 90

В

Валидов Ахмед-заки 382
Ватагин 227
Вацетис (Вацетис) И. И. 23, 439,
442, 448
Вегер И. С. 113, 269
Вейсброд Б. С. 310
Величкина В. М. см. Бонч-Бруе-
вич (Величкина) В. М.
Вера Михайловна см. Бонч-Бруе-
вич (Величкина) В. М.
Верхарн Эмиль 227
Веснин В. А. 222
Ветошкин М. К. 133
Вечеслов М. Г. 108, 269
Вечинский 159
Вильгельм II 355, 435
Вильсон Вудро 314
Виноградов А. А. 347, 413
Виноградов Н. Д. 228, 250, 293
Винокуров А. Н. 108, 111, 113
Винтер А. В. 91
Вишняк Я. И. 399
Владимир Александрович см.
Обух В. А.
Владимир Дмитриевич см. Бонч-
Бруевич В. Д.
Владимир Николаевич см. Роза-
нов В. Н.
Владимирский М. Ф. 382
Волнухин С. М. 227
Володарский В. (Гольдштейн
М. М.) 180, 307
Вольтер 227

Воровский В. В. 146, 287
Ворошилов К. Е. 462
Врангель П. Н. 475, 483
Врачев 81
Врубель М. А. 227

Г

Гаазе Гуго 481, 482
Габович 227
Гайле В. 81
Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С.
147, 149, 150, 151, 152
Гарвуд А. 432, 433
Гарибальди Джузеппе 225, 227
Гастев А. К. 291
Ге А. Ю. 208
Гейне Генрих 227
Герасимов 231
Герман см. Данишевский К. Х.
Герцен А. И. 227
Гетье Ф. А. (Федор Александро-
вич) 315, 320
Гиль С. К. 265
Гильбо Анри 397
Глазенап 146
Глебов-Авилов (Глебов) Н. П. 49,
78
Гляссер М. И. 401
Голиневич-Шишкина 227
Головинский М. В. 113
Голощекин Ф. И. 180
Голубкина А. С. 227
Гольдберг Б. И. 381, 382
Гомберг 30
Горбунов Н. П. 39, 47, 52, 54, 55,
56, 58, 62, 96, 156
Горбунов П. П. 402
Гордеев 380
Горлова Н. И. 54
Горохов Василий 286
Горохов Петр 286
Горький Максим (Пешков А. М.,
Алексей Максимович) 187,
326
Грахс Тиберий 227
Грандиевская 227
Графтио Г. О. 91, 92
Грешнева К. М. 318
Григорий см. Карасев
Громов 93
Губанов Петруха 233
Губкин И. М. 426
Гуковский И. Э. 118, 151, 152
Гундарев 421
Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) 81,
449, 463, 471

Гюго Виктор Мари 227
Гюрджян А. М. 227, 228

Златовратский А. Н. 222, 227
Золя Эмиль 227

Д

Дан Ф. И. 8, 9
Дантон Жорж Жак 227
Данишевский К. Х. (Герман) 266.
436, 443, 448, 450, 453
Демидов 185, 186
Деникин А. И. 137, 339, 373, 389,
392, 472
Дзержинский Ф. Э. (Феликс Эд-
мундович) 28, 30, 74, 90, 93, 137,
138, 145, 148, 246, 247, 355, 403,
439, 440
Дмитриев 158
Дмитрий Ильич *см.* Ульянов Д. И.
Довбор-Мусницкий И. 25
Домогацкий 227
Драгомиров В. М. 176
Дубинецкий 228
Дубровинский И. Ф. (Иннокен-
тий) 197
Дутов А. И. 24
Духонин Н. Н. 22, 23

Е

Евгения Богдановна *см.* Бош Ф. Б.
Елизаров М. Т. 121
Елизарова А. И. *см.* Ульянова-
Елизарова А. И.
Еремеев К. С. 30
Ермолов 195
Есенин С. А. 231
Ефимыч 233

Ж

Желтышев С. П. 72, 73
Желябов А. И. 227
Жигунов К. Г. 13
Жолтовский И. В. 222
Жорес Жан 225, 227
Жураковский М. Г. 227

З

Заславский П. С. 179, 182, 184
Захаров 227
Зевин Я. Д. 388
Зелпкман М. Я. 375, 377
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.
101, 182

И

Ибрагимов Ю. И. 202
Ибсен Генрик 227
Иванов 81
Иванов Александр 227
Иванов Александр Васильевич 349
Иванов Андрей Васильевич 261
Иванов (Михайлов) 115
Извольский А. П. 36
Измайлов 382
Измайлов Н. Ф. 170, 171
Иллат 454
Ильин 465
Имханицкий 227
Иоффе А. А. 453, 454, 479
Ительсон 455
Иткинд 227

Й

Йенсен 289

К

Каблуков Н. А. 240
Казаков 227
Казаков 382
Каледин А. М. 24
Калинин М. И. 42, 86, 186
Калыев И. П. 227
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 101,
106, 403
Каменев С. С. 449
Каменка Б. А. 146, 147, 148
Каменщиков В. В. 23
Каминский Г. Н. 254, 374, 374—
375, 376
Камков (Кац) Б. Д. 208
Кампанелла Томмазо 222
Каплан Ф. Е. 243, 307
Каракозов Д. В. 227
Карасев Григорий 229, 234
Карахан Л. М. 453
Карелин В. А. 29
Катанян Р. П. 454
Кауль А. И. (Александр Иосифо-
вич) 254, 255, 256
Каутский Карл 482
Кедров М. С. 128, 135, 136, 142
Кеплер Иоганн 38
Керепский А. Ф. 9, 14, 17, 18, 19,

20, 21, 22, 83, 84, 145, 146, 171, 201
 Керзон Джордж Натаниэль 483
 Кизас А. П. 45, 54
 Кипренский О. А. 227
 Кирсов С. М. 370, 372
 Кисляков 240
 Кишкин Н. М. 9, 10
 Классон Р. Э. 238
 Клемансо Жорж Бенджамен 483
 Клемперер Г. 315, 316
 Клычков С. А. 231
 Кобозев П. А. 443
 Коган И. Г. 147, 148
 Козловский 227
 Коковцев В. Н. 36
 Кокшарова Е. К. 50, 54
 Колесникова Н. Н. (Надежда Николаевна) 389
 Коллонтай А. М. 9, 171
 Колчак А. В. 137, 290, 363, 392, 399, 411, 455, 459, 465, 466, 467, 471
 Кольцов А. В. 227
 Кольцов С. В. 227
 Комиссаржевская В. Ф. 227
 Кон Ф. Я. 186
 Копенков С. Т. 227, 228, 233
 Корзинов Г. И. 185
 Коровин К. А. 222
 Королев Б. Д. 227, 229
 Косарев В. М. 139
 Косушкин 128
 Крайнев 376
 Грамер В. В. 320
 Красин Л. Б. 143, 146, 407, 427, 428, 483
 Краснов 331
 Краснов П. Н. 17, 20, 21, 22, 49
 Крестинский Н. Н. 86, 149, 150, 381, 453
 Кржижановская (Невзорова) З. П. 388
 Кржижановский Г. М. 429, 431
 Крицман Л. Н. 398
 Крупская Н. К. (Надежда Константиновна) 73, 74, 106, 124, 125, 186, 187, 203, 244, 247, 248, 274, 277, 281, 311, 312, 315, 318, 320, 321, 322, 334, 335, 388, 389, 390, 391, 397, 406, 407, 410
 Крыленко Н. В. 22, 23, 34, 35
 Кудинев 227
 Кузнецов П. В. 222
 Куйбышев В. В. 180
 Курбатов 227
 Кутузов И. И. 185
 Кучин Г. Д. 9, 10

Я

Лавернь Альфонс С. 480
 Лавров Б. В. 227
 Лазарев П. П. 316, 317
 Лалайяц И. Х. 399
 Ларин Ю. (Лурье М. А.) 114, 291
 Лассаль Фердинанд 227
 Лапис М. И. (Судрабс Я. Ф.) 97, 98, 329, 445
 Лашевич М. М. 182
 Лебедев П. П. 449, 474
 Левин Л. Г. 320
 Леёр Г. А. 177
 Лейст Э. Е. 427, 428
 Ленин В. И. (Старик, Н. Ленин, Володя) 26, 288, 320, 389
 Ленский 227
 Лепешинская О. Б. 283
 Лепешинская О. П. 283
 Лепешинский П. Н. (Пантелеймон Николаевич) 278, 279, 283, 326
 Либерман 120
 Литвинов М. М. 483
 Лихачев В. М. 263, 264
 Лихачева Р. С. 263, 264
 Ллойд Джордж Дэвид 321, 483
 Лозовский (Дридзо) С. А. 114
 Локкарт Роберт Гамильтон 481
 Ломоносов Ю. В. 400
 Лукирский С. Г. 176
 Луначарский А. В. (Анатолий Васильевич) 9, 10, 11, 106, 222, 228, 235, 236, 242, 278, 294, 306
 Люберсак Жан 481

М

Макаров 233
 Малиновский П. П. (Павел Петрович) 249, 250, 252, 293, 294, 295
 Малютин Д. П. 348
 Мальков П. Д. (Павел Дмитриевич) 73, 244, 246, 247, 251
 Мамонов Н. Н. (Николай Николаевич) 312, 313, 314
 Мамонтов К. К. 137, 374, 463, 472
 Мансуров Б. Х. 382
 Мануильский Д. З. 22
 Мануйлов 227
 Мануйлова 227
 Манучарьянц Ш. М. 405
 Марат Жан Поль 227
 Мария Ильинична см. Ульянова М. И.
 Марков А. П. 417, 418

Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) 9,
 165, 208
 Маслов П. П. 83, 84
 Махно Н. И. 474, 475
 Маяковский В. В. 232
 Межлаук И. И. 374, 375, 376
 Мезенцев С. А. 228
 Мекк фон 400
 Менделевич 227
 Мендельсон 146
 Менжинский В. Р. 42, 48
 Меркуров С. Д. 227
 Мехоношин К. А. 15, 443
 Мещерский В. П. 291
 Мещерякова А. И. 388
 Милонова Валя 189
 Милоков П. Н. 385
 Милютин В. П. 47, 176
 Минц В. М. 308, 310, 313, 314
 Мирбах Вильгельм 182, 215, 437,
 438, 479
 Миронов Ф. К. 468
 Михаил Дмитриевич *см.* Бонч-
 Бруевич М. Д.
 Михаил Николаевич *см.* Покров-
 ский М. Н.
 Михаил Степанович *см.* Ольмин-
 ский М. С.
 Михайловский Н. К. 227, 326
 Мичурин И. В. 40, 433
 Мишуха (Мишка) 234
 Модзелевский 195
 Морозов 267
 Морозов А. 295
 Морозов В. 295
 Мотовилов 227
 Мочалов 227
 Муравьев М. А. 22, 441, 442, 444
 Муралов Н. И. 135, 439, 440
 Муранов С. В. 421
 Мусоргский М. П. 227
 Мухина В. И. 227
 Мухтаров 382
 Мясников А. Ф. 186

Н

Надежда Константиновна *см.*
 Крупская Н. К.
 Надежда Николаевна *см.* Колес-
 никова Н. Н.
 Напешвили Вера Павловна 370
 Нансен Фритз 484
 Нариманов Нариман 202
 Невский 328
 Невский В. И. 81, 159
 Некрасов Н. А. 227
 Нивинский 228

Николаева К. 101
 Николай Александрович *см.* Се-
 машко Н. А.
 Новгородцева (Свердлова) К. Т.
 330
 Новиков Н. И. 227
 Новицкий 195
 Ногин В. П. 9, 45, 47, 53
 Ногтев 135
 Нокс Говард В. 459
 Нуланс Жозеф 480

О

Оболенский-Осинский В. В. 48, 49,
 50, 117
 Образцов Ф. Ф. 346
 Обух Андрей 264, 265
 Обух В. А. (Владимир Алексан-
 дрович) 263, 264, 265, 308, 310,
 311, 312, 314, 315, 321, 414
 Обух Николай 264, 265
 Овсеев *см.* Антонов-Овсеев
 В. А.
 Озеревская Л. Я. 54
 Оленин 227
 Олторжевский В. К. 236
 Ольминский (Александров) М. С.
 (Михаил Степанович) 251, 252,
 282, 326
 Омелянский В. Л. 433
 Орановский Е. В. 227, 250
 Орджоникидзе Г. К. 283
 Орлов (Егоров) К. Н. 375, 376
 Осипский Н. *см.* Оболенский-
 Осипский В. В.
 Остроухов И. 295
 Остряков П. А. 39
 Оськин Д. П. 373, 374, 375
 Оуэн Роберт 227
 Очкин А. Д. 317, 318, 319

П

Павел Дмитриевич *см.* Мальков
 П. Д.
 Павликов Иван 61
 Павлов И. П. 433
 Пантелеймон Николаевич *см.* Ле-
 пешинский П. Н.
 Панюшкин В. Л. 257, 258
 Патэ 194
 Пациорковский 227
 Перовская С. Л. 227
 Пестель П. И. 227
 Петерс Я. Х. 374, 375, 439
 Петерсон К. А. 442, 446

Петров И. П. (Иван Петрович, Иван Петров, Ваня, Петров) 254, 255, 256
 Петровский Г. И. 186
 Пече 439
 Пилляти 227
 Пилсудский Юзеф 451
 Платтеп Фридрих 74, 75
 Плеханов Г. В. 227
 Подбельский В. Н. 183
 Подвойский Н. И. 21, 34, 48, 166, 174, 266, 267, 439
 Позерн Б. П. 258
 Познер В. М. 278, 279
 Познер И. С. 147, 148
 Покалн П. П. 321
 Покровский М. Н. (Михаил Николаевич) 107, 225, 278, 279
 Попенцев 227
 Попов 159
 Попов 438, 439
 Попова 227
 Правдин И. Г. 400
 Пригоров Н. Н. 322
 Прохоров 184
 Пузицкий 454
 Пуль Дьюнт Клинтон 481
 Пятаков Юрий 49
 Пятницкий О. А. 183—184

Р

Радищев А. Н. 227
 Радугина 227
 Разин С. Т. 227, 233, 234, 235
 Раковский Х. Г. 150
 Рамсей Уильям 40
 Рансом Артур 220
 Раскольников Ф. Ф. 443, 444
 Раттель Н. И. 176
 Рахманов 227
 Рейн 109, 269
 Рентген Вильгельм Конрад 316
 Рид Джон 289, 290
 Римский-Корсаков Н. А. 227
 Робеспьер Максимилиен Мари Изидор де 225, 227
 Робинс Реймонд 480
 Родионов 330
 Розанов В. П. (Владимир Николаевич) 315, 319
 Романов 404
 Романов Михаил 251
 Романов (Николай II) 201
 Рублев Андрей 227
 Руссецкий 227
 Руссо Жан Жак 227

Рыбаков И. И. 346
 Рыков А. И. 324
 Рылеев К. Ф. 227
 Рюндзюнский 227
 Рязанов Д. Б. 89, 129

С

Савинский 229
 Саид-Галиев С. Г. 379, 381, 382
 Салтыков-Щедрин М. Е. 227
 Саммер И. А. 133
 Сапаев М. И. 333
 Сандомирская Б. Ю. 227
 Сапожков А. П. 469
 Саша см. Сысоева А. М.
 Свердлов В. М. 139
 Свердлов Я. М. (Яков Михайлович) 74, 82, 112, 129, 160, 168, 170, 174, 175, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 195, 198, 206, 207, 209, 243, 245, 246, 247, 251, 253, 298, 329, 330, 331, 334, 338, 352, 353, 437, 442, 448
 Свицерский А. И. 401
 Сезанн 227
 Селезнев 157, 158
 Семашко Н. А. (Николай Александрович) 308, 310, 315, 316, 317, 319, 320, 414, 415
 Семков М. С. 191
 Сергеев 227
 Сергеева Ю. П. 54
 Сергушев 330
 Середа С. П. 400
 Симак С. И. 55
 Спайский 227
 Синицына 227
 Склянский Э. М. 134, 138, 300, 465, 466, 467, 468, 471, 473, 474, 476
 Скворода Г. С. 227
 Скрипник М. Н. (Мария) 50, 51, 56, 60
 Скрипник Н. А. 451, 452
 Скрибин А. Н. 227
 Слетов см. Травин П. И.
 Смилович П. Г. 154, 183, 250, 451
 Смилович С. Н. (Софья Николаевна) 183
 Смилга И. Т. 449
 Смирнов 186
 Смирнов 227
 Смирнов И. Н. 139
 Смирнова Наташа 189
 Снятков 424
 Соколов 227
 Соколов В. И. 318

Соловьев В. С. 81
 Солопко П. Н. 97, 98
 Сорвин 338
 Спартак 225, 227
 Спиридонова М. А. 175, 206
 Спундэ А. П. 151, 152
 Сталин (Джугашвили) И. В. 15, 26, 129, 321, 355, 472
 Старик *см.* Ленин В. И. (Старик, Н. Лениц, Володя)
 Степан Георгиевич *см.* Шаумян С. Г.
 Степанов Г. Т. 342, 343
 Стиннес Гуго 481
 Страж 227
 Страховский 227
 Стучка П. И. 9, 448
 Сулейман Н. А. 176
 Султан-Галлев 379
 Султанов 382
 Суриков В. И. 227
 Сухомлинов В. А. 36
 Сырейщиков 227
 Сысин А. Н. 270, 414
 Сысоева А. М. (Саша) 244, 406

Т

Таубер 194
 Тепелев 256
 Тер-Арутюнянц М. К. 23
 Терновая 227
 Тимирязев К. А. 432
 Тиссе Э. 195
 Тихон 326
 Тодорский А. И. 345, 411, 412
 Толстая С. А. 294
 Толстой Л. Н. 294
 Томский М. П. 399
 Травин П. И. (Слетов) 289
 Трофимов 189
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 15, 25, 26, 131, 132, 167, 168, 174, 179, 258, 269, 436, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 465, 471
 Грутовский 251
 Тумапов 308
 Турчан 23
 Тютчев Ф. И. 227
 Тырков А. В. 400

У

Уборевич И. П. 472
 Угрюмов И. Я. 24

Ульянов Д. И. (Дмитрий Ильич) 320
 Ульянова М. И. (Мария Ильинична) 26, 74, 97, 125, 245, 247, 248, 263, 264, 265, 306, 314, 318, 320, 321, 322, 389, 406, 432
 Ульянова-Елизарова А. И. (Ульянова А. И.) 72
 Ульяновы 263
 Упшлихт П. С. 25
 Уралов 135
 Урицкий М. С. 129, 164, 183, 307
 Ус Васька 233
 Усманов 382
 Успенский Г. И. 227

Ф

Файнберг И. И. 408
 Федор Александрович *см.* Гетье Ф. А.
 Федюшин Г. Р. 54
 Феликс Эдмундович *см.* Дзержинский Ф. Э.
 Ферстер Отфрид 321
 Фирдевс 382
 Фирсов 186
 Финшман 30
 Фомин 227
 Фортунатова Т. А. 111
 Фосс 424
 Фостер Уильям З. 289
 Фотиева Л. А. 337, 338, 349, 410, 412
 Фриче В. М. 250
 Фрумкин М. И. 139, 283
 Фрунзе М. В. 392, 475

Х

Х. 48
 Хаджи-Дувай 227
 Халатов А. Б. 413
 Халтурин С. И. 227
 Хараш 9, 10
 Харитонов 81
 Хитров Г. 90
 Ходоровский И. И. 381, 382
 Христиансен 481

Ц

Цветаев 269
 Цветков 194

Цхакая М. Г. (Миха) 204
Цюрупа А. Д. (Александр Дмитриевич) 253, 257, 300, 400, 404

Ч

Черемных М. 295
Чернов В. М. 82, 83, 84, 129
Черногорский Н. 36
Чичерин Г. В. 402, 408, 452, 453
Чубарь В. Я. 89
Чудновский Г. И. 14

Ш

Ш. 142
Шадр И. Д. 227
Шамигулов 202
Шаумян С. Г. (Степан Георгиевич) 27, 28
Шахунова П. А. 54
Шведов Иван 231
Швецов 160
Шевченко Т. Г. 227
Шервуд Л. В. 227
Шипов Д. Н. 48
Шкуро А. Г. 472
Шлихтер А. Г. 63, 159
Шляпников А. Г. 50, 90
Шмидт В. В. 78, 89
Шмидт О. Ю. 253
Шопен Фридерик Францишек 227
Шотман А. В. 72
Штейн 427, 428

Штейнберг 94, 95
Штеренберг Д. П. 226, 236
Штернберг П. К. 278
Шунишская М. Ф. 229

Щ

Щепанович 227
Щусев А. В. 222

Э

Эглит Я. Х. 21
Эйдук А. В. 133, 375
Элиава Ш. З. 133
Эльцин 380
Энвер-паша 475

Ю

Юденич Н. Н. 339, 373, 463, 472, 473
Юрьевич 227
Юшин В. 404

Я

Яков Михайлович с.м. Свердлов
Я. М.
Якулов 227
Ярославский Е. М. 186
Ястребцов 227

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

1917 год

Бодякин И. X. 8—13
 Подвойский Н. И. 14—16
 Антонов-Овсеев В. А. 17—18
 Тер-Арутюнянц М. К. 19—24
 Ефремов М. П. 29—32
 Потапов Н. М. 33—36
 Бонч-Бруевич В. Д. 41—43
 Горбунов Н. П. 44—51
 Кокшарова Е. К. 52—61
 Шлихтер А. Г. 62—67
 Скрышник М. Н. 68—71
 Мальков П. Д. 72—74, 243
 Животов М. Н. 76—77
 Чубарь В. Я. 78—79
 Грязкин Д. И. 81—85
 Богданов Н. П. 89—91
 Шлихтер А. Г. 91—95
 Солонко П. Н. 96—97
 Сталь Л. Н. 101—102
 Винокуров А. Н. 103
 Луначарский А. В. 106—107
 Барсуков М. И. 108—113
 Кактынь А. М. 114—116
 Терехов С. А. 121—122
 Коллонтай А. М. 124—126
 Кедров М. С. 127—128, 130—131
 Ганецкий Я. С. 150—153
 Вайман И. А. 250
 Цюрупа А. Д. 357

1918 год

Тер-Арутюнянц М. К. 24—28
 Ефремов М. П. 32
 Кокшарова Е. К. 58
 Мальков П. Д. 74—75
 Животов М. Н. 77
 Чубарь В. Я. 79—80

Богданов Н. П. 91—92
 Сталь Л. Н. 102
 Винокуров А. Н. 103
 Ломов А. 117—120
 Терехов С. А. 122—123
 Кедров М. С. 128—129, 131—137, 140—142
 Ганецкий Я. С. 144—148
 Графтио Г. О. 154—155
 Залепин И. Г. 157—159
 Коковихин М. Н. 160—163
 Антонов-Саратовский В. П. 164—168
 Коллонтай А. М. 170—171
 Бонч-Бруевич М. Д. 172—177
 Заславский П. С. 178—183
 Бедный Демьян 193
 Блохин А. Д. 197—199
 Ибрагимов Ш. 200—201
 Березовский Ф. А. 206—209
 Жолтовский И. В. 210—212
 Гопнер С. И. 213—219
 Копенков С. Т. 222—232
 Винтер А. В. 237—238
 Попов П. И. 239—241
 Мальков П. Д. 74—75, 244—248
 Вайман И. А. 249—252
 Панюшкин В. Л. 253—259
 Иванов А. В. 260—262
 Лихачева Р. С., Обух А. В. 263—265
 Вацетис И. И. 266—268
 Семашко Н. А. 269—270
 Багоцкий С. Ю. 272—274
 Лепешинский П. Н. 275—279
 Горохов И. А. 285—286
 Травин П. И. 287—290
 Ленгник Ф. В. 291—292
 Виноградов Н. Д. 293—295
 Бош Е. Б. 296—304
 Шульгин В. Н. 305—306

¹ Указатель систематизирует помещенные в томе воспоминания в соответствии с хронологией (по годам) дат жизни и деятельности В. И. Ленина в послеоктябрьский период. — *Ред.*

Винокуров А. Н. 307—309
 Розанов В. Н. 310—315
 Бонч-Бруевич В. Д. 324—327
 Санаев М. И. 328—334
 Герр Е. М. 336—338
 Тодорский А. И. 342—344
 Иванов А. В. 348—350
 Замойский П. И. 351—356
 Цюрупа А. Д. 357—358
 Бричкина С. Б. 402—403
 Горбунов Н. П. 39, 430—431
 Данишевский Р. Х. 435—448

1919 год

Винокуров А. Н. 104—105
 Кедров М. С. 137—140, 142—143
 Гапоцкий Я. С. 148—150
 Антонов-Саратовский В. П. 168—169
 Ибрагимов Ш. 201—203
 Коненков С. Т. 234—235
 Вайман И. А. 251—252
 Папюшкин В. Л. 258—259
 Семашко Н. А. 270
 Лепешинский П. Н. 279—282
 Травин П. И. 290
 Левгник Ф. В. 291—292
 Бош Е. Б. 303—304
 Розанов В. Н. 315
 Герр Е. М. 339
 Тодорский А. И. 346
 Цюрупа А. Д. 357—358
 Фролов Б. А. 360—362
 Красноперов В. П. 363—365
 Жига И. Ф. 366—369
 Бочаров П. И. 370—372
 Оськин Д. П. 373—377
 Колесникова Н. Н. 388—391
 Радус-Зенькович В. А. 392
 Бричкина С. Б. 396, 401—402, 403—404
 Баранов Д. А. 414—416
 Губкин И. М. 425
 Данишевский Р. Х. 448—450

1920 год

Горбунов Н. П. 37—38, 39—40
 Солонко П. Н. 98—100
 Винокуров А. Н. 104—105
 Ломов А. 120
 Кедров М. С. 143

Заславский П. С. 183—190
 Ибрагимов Ш. 203—204
 Березовский Ф. А. 209
 Коненков С. Т. 235—236
 Попов П. И. 242
 Герр Е. М. 339—341
 Тодорский А. И. 347
 Цюрупа А. Д. 357—358
 Ходоровский И. И. 378—382
 Радус-Зенькович В. А. 392—395
 Бричкина С. Б. 400, 403—404, 407—408
 Виноградов А. А. 409—413
 Баранов Д. А. 414—416
 Марков А. П. 417—418
 Муранов С. В. 419—422
 Данишевский Р. Х. 450—455

1921 год

Гразкин Д. И. 85—88
 Ломов А. 120
 Графтио Г. О. 155—156
 Заславский П. С. 190—192
 Лепешинский П. Н. 282—284
 Цюрупа А. Д. 358—359
 Бричкина С. Б. 397—400
 Губкин И. М. 426—429
 Горбунов Н. П. 39—40, 431—432
 Данишевский Р. Х. 455—457

1922 год

Ибрагимов Ш. 204—205
 Розанов В. Н. 315—322
 Тодорский А. И. 344—345
 Горбунов Н. П. 432—433

1923—1924 годы

Розанов В. Н. 321—323
 Горохов Н. А. 286

1917—1922 годы

Воровский В. В. 5—7
 Преображенский Н. Ф. 194—196
 Луначарский А. В. 220—221
 Нариманов Н. 383—387
 Каменев С. С. 458—476
 Чичерин Г. В. 477—484

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>В. В. Воровский</i> . В. И. Ульянов-Ленин	5
<i>И. Х. Бодякин</i> . На II Всероссийском съезде Советов	8
<i>И. И. Подвойский</i> . В Октябрьские дни	14
<i>В. А. Антонов-Овсенко</i> . За работой (Набег Краснова)	17
<i>М. К. Тер-Арутюнянц</i> . В. И. Ленин — военный руководитель в период становления Советской власти	19
Мероприятия по обороне Петрограда	—
Создание революционного Верховного главного командования	22
Отмена ошибочного приказа Троцкого	25
Военная помощь Бакинской коммуне	26
<i>М. П. Ефремов</i> . Памятные встречи с В. И. Лениным	29
<i>Н. М. Потапов</i> . Начало	33
<i>Н. П. Горбунов</i> . Как Ленин помогал изобретателям	37
<i>В. Д. Бонч-Бруевич</i> . Первые дни совнаркомовского аппарата	41
<i>Н. П. Горбунов</i> . Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров	44
<i>Е. К. Кокшарова</i> . В. И. Ленин в Совнарком в 1917 году	52
<i>А. Г. Шлихтер</i> . У Ильича	62
<i>М. П. Скрыпник</i> . Крестьяне-ходоки у Ильича в Смольном	68
<i>П. Д. Мальков</i> . Из книги «Записки коменданта Кремля»	72
<i>М. Н. Животов</i> . Владимир Ильич и плановое управление промышленностью	76
<i>В. Я. Чубарь</i> . Уроки Ильича	78
<i>Д. И. Гразкин</i> . Глубокое знание жизни трудящихся	81
<i>И. П. Богданов</i> . В. И. Ленин и рабочие-строители	89
<i>А. Г. Шлихтер</i> . Первый окрик Ильича по адресу левозсеровской контрреволюции	93
<i>И. Н. Солонко</i> . Две встречи с В. И. Лениным	96
<i>Л. Н. Сталь</i> . Вождь Октября	101

<i>А. Н. Винокуров. Ленин и социальное обеспечение . . . . .</i>	103
<i>А. В. Луначарский. Из октябрьских воспоминаний . . . . .</i>	106
<i>М. И. Барсуков. Воспоминания главного комиссара Врачебно-санитарного отдела Военно-революционного комитета . . . . .</i>	108
<i>А. М. Кактынь. Как Ильич учил нас революционной тактике . . . . .</i>	114
<i>А. Ломов. Владимир Ильич в хозяйственной работе . . . . .</i>	117
<i>С. А. Терезов. Ильич на съездах железнодорожников . . . . .</i>	121
<i>А. М. Коллонтай. Ленин думал о большом и не забывал о малом . . . . .</i>	124
<i>М. С. Кедров. Из Красной тетради об Ильиче . . . . .</i>	127
После Октября	—
Учредительное собрание	128
Брестский мир	130
Вождь Красной Армии	132
Ни шага без Ильича	137
Повсюду Ильич	140
Два удостоверения	142
<i>Я. С. Ганецкий. Ленин и национализация частных бапок . . . . .</i>	144
<i>Г. О. Графтио. Встречи . . . . .</i>	154
<i>И. Г. Залепин. С делегацией сибиряков у Ленина . . . . .</i>	157
<i>М. Н. Коковизин. За власть Советов! . . . . .</i>	160
<i>В. П. Антонов-Саратовский. В годы гражданской войны . . . . .</i>	164
<i>А. М. Коллонтай. Звезды . . . . .</i>	170
<i>М. Д. Бонч-Бруевич. Знакомство с В. И. Лениным . . . . .</i>	172
<i>П. С. Заславский. Незабываемые встречи . . . . .</i>	178
Борьба за мир	—
Не ждать, не бездействовать!	181
Контрреволюционная попытка сорвать мир	182
Разговор о жилье. На активе Бауманского района	183
«Вот это человек!»	186
1 мая 1920 года	188
Говорит Ленин	190
<i>Демьян Бедный. Из предисловия к книге Л. Войтоловского «По следам войны» . . . . .</i>	193
<i>Н. Ф. Преображенский. Из встреч с В. И. Лениным . . . . .</i>	194
<i>А. Д. Блохин. Встречи с Ильичем . . . . .</i>	197
<i>Ш. Ибрагимов. Незабываемые встречи . . . . .</i>	200
1.	—
2.	201
3.	203
4.	204
<i>Ф. А. Березовский. Ленин на трибуне . . . . .</i>	206
<i>И. В. Жолтовский. В 1918-м . . . . .</i>	210
<i>С. И. Гоннер. Встречи в 1918 году . . . . .</i>	213

<i>А. В. Луначарский. Ленин в Совнарком</i>	220
<i>С. Т. Коненков. Ленин: «Я называл бы это монументальной пропагандой»</i>	222
<i>А. В. Винтер. Он окрылял нас</i>	237
<i>П. И. Попов. Встречи с Лениным</i>	239
<i>Государственная статистика и Владимир Ильич</i>	—
<i>П. Д. Мальков. Владимир Ильич Ленин</i>	243
<i>И. А. Вайман. С товарищем Лениным</i>	249
Охрана памятников старины, искусства	250
<i>В. Л. Панюшкин. Нужен хлеб</i>	253
<i>А. В. Иванов. Путиловский рабочий на приеме у Ильича</i>	260
<i>Р. С. Лихачева, А. В. Обух. В гостях у друзей</i>	263
<i>И. И. Вацетис. Две встречи с Лениным</i>	266
<i>Н. А. Семашко. Владимир Ильич и Наркомздрав</i>	269
<i>С. Ю. Багоцкий. На родину</i>	271
<i>П. Н. Лепешинский. Мои последние встречи с Ильичем</i>	275
<i>И. А. Горохов. Памятный день</i>	285
<i>П. И. Травин. Письмо за океан</i>	287
<i>Ф. В. Ленгник. Страничка воспоминаний</i>	291
<i>Н. Д. Виноградов. Встречи с вождем</i>	293
<i>Е. Б. Бош. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем (1915—1918 годы)</i>	296
<i>В. Н. Шульгин. На I Всероссийском съезде по просвещению</i>	305
<i>А. Н. Винокуров. Между жизнью и смертью</i>	307
<i>В. Н. Розанов. Из воспоминаний о Владимире Ильиче</i>	310
<i>В. Д. Бонч-Бруевич. Из книги «Воспоминания о В. И. Ленине. 1917—1924 гг.»</i>	324
<i>М. И. Санаев. Посещение В. И. Ленина</i>	328
<i>Е. М. Герр. У колыбели комсомола</i>	335
<i>А. И. Тодорский. «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов»</i>	342
<i>А. В. Иванов. Рукою Ильича</i>	348
<i>П. И. Замойский. Говорит Ильич</i>	351
<i>А. Д. Цюрупа. Владимир Ильич и продовольственная политика</i>	357
<i>Б. А. Фролов. О днях давно прошедших, но незабываемых</i>	360
<i>В. П. Красноперов. Незабываемая встреча</i>	363
<i>Н. Ф. Жига. Ленинская правда</i>	366
<i>П. И. Бочаров. Встреча с Лениным</i>	370
<i>Д. П. Оськин. Письмо Ленина</i>	373
<i>И. И. Ходоровский. Образование Татарской республики и В. И. Ленин</i>	378

<i>Н. Нариманов. Ленин и Восток . . . . .</i>	383
<i>П. Н. Колесникова. Он учил видеть будущее . . . . .</i>	388
<i>В. А. Радус-Зенькович. Ударная стройка . . . . .</i>	392
<i>С. В. Бричкина. Малое о великом . . . . .</i>	396
Ленинское внимание к человеку	397
Ленинская школа работы в аппарате Совнаркома	400
Как жил и работал Владимир Ильич	404
<i>А. А. Виноградов. Незабываемое . . . . .</i>	409
<i>Д. А. Баранов. Казанский вокзал, январь 1920-го... . . . .</i>	414
<i>А. П. Марков. Телефонный звонок . . . . .</i>	417
<i>С. В. Муранов. В подарок Ильичу . . . . .</i>	419
<i>И. М. Губкин. Из брошюры «Доверие народа — высшая награда»</i>	423
<i>Н. П. Горбунов. Ленин и научно-техническая работа . . . . .</i>	430
<i>К. Х. Данишевский. Встречи с Лениным в годы гражданской войны</i> (1918—1921 годы)	435
<i>С. С. Камнев. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине . . . .</i>	458
<i>Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика . . . . .</i>	477
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний . . .	485
Указатель имен	499
Хронологический указатель	507

Воспоминания о Владимире Ильиче ЛЕНИНЕ

В 5-ти т.

Т. 3

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*

Редактор *Т. Д. Дажина*

Младший редактор *Н. И. Коршикова*

Художник *С. Д. Алексеев*

Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

ИБ № 2108

Сдано в набор 02.11.78. Подписано в печать 04.04.79. А00336. Формат 60 × 90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 33,13. Учетно-изд. л. 31,32. Тираж 200 000 (20 001—200 000) экз.
Заказ № 3832. Цена 1 р. 30 к., в суперобложке 1 р. 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.